

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Удмуртский государственный университет
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН
Министерство культуры Удмуртской Республики
Комитет по делам архивов при Правительстве Удмуртской Республики
Ассоциация преподавателей гуманитарных и общественных наук
Удмуртской Республики

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ. ПАМЯТИ УЧИТЕЛЕЙ:
Аркадий Андреевич Тронин (1931–2016),
Степан Парфёнович Зубарев (1911–1994),
Михаил Андрианович Садаков (1916–1993)**

Материалы II Всероссийской с международным участием
научной конференции

(Ижевск, 13 апреля 2021 г.)

Ижевск
2021

ISBN 978-5-4312-0917-8

© ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 2021
© Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН, 2021

УДК 94(470+571)(063)
ББК 63.3(2)я431я04
А 437

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Г. В. Мерзлякова — ректор УдГУ (председатель); **М. Ю. Альес** — директор УдмФИЦ УрО РАН; **Л. Н. Бехтерева** — зам. директора УдмФИЦ УрО РАН по социогуманитарному направлению; **А. В. Данилов** — директор Учебно-научной библиотеки имени В. А. Журавлёва; **М. А. Кондратьева** — директор Центрального государственного архива УР; **А. М. Макаров** — проректор УдГУ по научной работе и программам стратегического развития; **И. Л. Поздеев** — руководитель УдмИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН; **В. В. Пузанов** — зав. кафедрой истории России УдГУ; **Д. В. Репников** — доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин УдГУ; **В. М. Соловьев** — министр культуры УР; **Н. Ю. Старкова** — директор Института истории и социологии УдГУ; **Н. В. Тойкина** — председатель Комитета по делам архивов при Правительстве УР; **Е. М. Ушакова** — зам. директора Центрального государственного архива УР — руководитель филиала; **П. М. Ходырев** — проректор УдГУ по информатизации, цифровой образовательной среде и профессиональной ориентации.

Редколлегия: Л. Н. Бехтерева, В. В. Пузанов, Д. В. Репников

Рецензенты: А. Ю. Дворниченко, Г. П. Мягков

Отв. ред. и сост.: В. В. Пузанов, Д. В. Репников

Актуальные проблемы региональной истории. Памяти учителей: Аркадий Андреевич Тронин (1931–2016), Степан Парфёнович Зубарев (1911–1994), Михаил Андрианович Садаков (1916–1993): материалы II Всероссийской с международным участием научной конференции; Ижевск, 13 апреля 2021 г. / отв. ред. и сост. В. В. Пузанов, Д. В. Репников. — Текстовое (символьное) электронное издание (13 Мб). — Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2021. — 1 электрон. опт. диск (CD-R).

В сборнике представлены материалы II Всероссийской с международным участием научной конференции «Актуальные проблемы региональной истории. Памяти учителей: Аркадий Андреевич Тронин (1931–2016), Степан Парфёнович Зубарев (1911–1994), Михаил Андрианович Садаков (1916–1993)», посвящённой юбилейным датам со дня рождения учёных — исследователей истории Удмуртии.

Издание подготовлено кафедрой истории России и кафедрой философии и гуманитарных дисциплин Института истории и социологии УдГУ при поддержке Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН.

Предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов и всех интересующихся проблемами региональной истории.

Минимальные системные требования: Celeron 1600 Mhz; 128 Мб RAM; Windows XP/7/8 и выше; 8x CDROM; разрешение экрана 1024×768 или выше; программа для просмотра pdf.

ISBN 978-5-4312-0917-8

УДК 94(470+571)(063)
ББК 63.3(2)я431я04

© ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 2021

© Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
--------------------------	---

ПАМЯТИ АРКАДИЯ АНДРЕЕВИЧА ТРОНИНА (1931–2016), СТЕПАНА ПАРФЁНОВИЧА ЗУБАРЕВА (1911–1994), МИХАИЛА АНДРИАНОВИЧА САДАКОВА (1916–1993)

А. В. Башев (г. Ижевск, Россия)

Аркадий Андреевич Тронин: памяти учителя	11
--	----

О. В. Ветошкина (г. Ижевск, Россия)

Личный фонд профессора, доктора исторических наук Аркадия Андреевича Тронина в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики	17
---	----

Е. М. Ушакова (г. Ижевск, Россия)

Памяти учёного: к 110-летию Степана Парфёновича Зубарева (по документам личного фонда в ГКУ «ЦДНИ УР»)	24
---	----

Н. П. Лигенко (г. Ижевск, Россия)

Михаил Андрианович Садаков (1916–1993) — учёный, ветеран войны и труда	33
---	----

СЕКЦИЯ 1: СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

Е. Н. Шумилов (г. Пермь, Россия)

О первых поселенцах на территории современного Юрлинского района Пермского края	59
--	----

А. В. Мальшев (г. Нижний Новгород, Россия)

К вопросу изучения этногенеза нижегородской мордвы	63
--	----

В. А. Печенкина (г. Ижевск, Россия)

Провинциальные города Московского государства в сочинениях западноевропейских авторов конца XV — середины XVI века	74
---	----

Д. Л. Выслоужилова (г. Брно, Чехия)

«В каждом доме угощаются гусятиной, пивом и кумышкой»: пиво как маркер удмуртской культуры и этнопринадлежности	85
--	----

А. В. Ушаков (г. Ижевск, Россия) Мещанское сословие в пореформенном социально-экономическом пространстве (на примере Удмуртии)	93
К. Р. Капсалькова (г. Екатеринбург, Россия) «Очень рад, что дела со сборником наладились»: «Античная древность и средние века» в письмах В. Е. Майера	98
М. А. Несин (г. Санкт-Петербург, Россия) Великокняжеский поход на Великий Новгород 1479/80 году	107
Л. А. Сизов (г. Санкт-Петербург, Россия) Численность Ярославской служилой корпорации в первой трети XVII века (1596–1631)	119
А. С. Шулятьева (г. Ижевск, Россия) Отражение чайный крестьян Поморья в челобитных XVII века	123
М. Ф. Прохоров (г. Москва, Россия) Региональные особенности внеотчинных поземельных арендных сделок помещичьих крестьян России в середине XVIII века	128
А. В. Киселева (г. Нижний Новгород, Россия) Судебная реформа 1864 года в Российской империи: особенности региональной историографии	137
М. М. Гасанов (г. Махачкала, Россия) Послереволюционная историография вхождения народов Дагестана в состав Российской империи	145
К. А. Павлов (г. Краснодар, Россия) Политика Российской империи по развитию системы охраны государственной границы на Кавказе в XIX веке	152
Д. А. Прохоров (г. Симферополь, Россия) Этнический и конфессиональный состав населения Таврической губернии и миграционные процессы конца XIX — начала XX века	156
П. Бешеров (г. Санкт-Петербург, Россия) Асхабадская мужская гимназия в системе училищ Закаспийской области	162
Р. Р. Жилкибаева (г. Елабуга, Россия) Материалы современной историографии о социально- профессиональном статусе дореволюционного учителя (на примере Казанской и Вятской губерний)	172

М. Л. Шмыкова (г. Ижевск, Россия)

Почтовые и земские станции Вятской губернии: к вопросу о развитии
земствами инфраструктуры связи в пореформенный период 179

А. М. Субботина (г. Ижевск, Россия)

Участие женщин в земском самоуправлении
Вятской губернии (1867–1917) 188

В. В. Пузанов (г. Ижевск, Россия)

От Рюрика до Путина... Блеск и нищета русского местного самоуправления 192

Н. В. Халявин (г. Ижевск, Россия)

Ижевская история в социальных сетях
(о новых формах локальной истории) 202

Т. К. Ютина (г. Ижевск, Россия)

Портал «памяти героев великой войны 1914–1918 годов»
Министерства обороны РФ: источник по истории участия жителей
Удмуртии в Первой мировой войне 211

СЕКЦИЯ 2: НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

А. В. Башев (г. Ижевск, Россия)

Книги приказов как исторический источник по истории УГПИ (1931–1941) 216

Е. В. Тронина (г. Москва, Россия)

К вопросу о некоторых проблемах представления электронных
копий фотодокументов в сети Интернет (на примере фотографий
Великой Отечественной войны) 227

Н. М. Бобылева (г. Уфа, Россия)

Деятельность Башкирского республиканского отделения
Красного Креста в период войны и военных конфликтов 241

Н. В. Макешина (г. Санкт-Петербург, Россия)

Петроградские продовольственные отряды: сибирская
заготовительная кампания под руководством А. Е. Бадаева 250

П. А. Соколов (г. Великий Новгород, Россия)

Латышские и эстонские секции при Новгородском губернском
комитете РКП(б)/ВКП(б) и Новгородском губернском отделе
народного образования (1920–1927) 258

О. Г. Клецкина (г. Ижевск, Россия)

Проблемы экономического и социального развития
Удмуртии в 1921–1924 годах 266

А. И. Кириллова (г. Петропавловск-Камчатский, Россия)

Трансформация экономической жизни командорских алеутов
в 1920–1940-х годах 277

Е. В. Каменская (г. Екатеринбург, Россия)

Региональная печать во внешнеполитических информационных
кампаниях 1930-х годов: пример советско-французского пакта 1935 года 284

М. Соегов (г. Ашхабад, Туркменистан)

Почему одному из местных интеллектуалов, назначив его бригадным
генералом, не дали проявить себя на новом поприще (к 120-летию
со дня рождения комбрига-туркмена Дж. Я. Халмурадова) 293

М. А. Бабкин (г. Москва, Россия)

Роль традиционных конфессий народов Советского Союза
в победе в Великой Отечественной войне 300

М. К. Мусафиров (г. Орск, Россия)

История, новации и управленческие вызовы в работе
Орского городского Совета депутатов трудящихся в годы
Великой Отечественной войны (1941–1945) 306

Д. В. Репников (г. Ижевск, Россия)

Методы работы с молодёжью на предприятиях оборонной
промышленности Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны 314

М. А. Клинова (г. Екатеринбург, Россия)

Мобилизация молодёжи в школы ФЗО и ремесленные училища:
текстовая и визуальная презентация на страницах региональной
прессы 1946 года 331

М. А. Орлов (г. Кемерово, Россия)

Документы о лагере военнопленных и интернированных № 93
НКВД–МВД СССР в фондах государственных архивных учреждений
Тюменской области 337

Д. В. Перевоицков (г. Ижевск, Россия)

Из небытия к жизни: неизвестные страницы судеб воинов
из Удмуртии (1941–1945) 343

В. П. Мотревич (г. Екатеринбург, Россия)

Динамика зернового производства в Удмуртии в 1945–1960 годах 350

А. А. Гуменюк (г. Саратов, Россия) Жилищно-строительные кооперативы и их роль в решении жилищной проблемы на Нижней Волге (вторая половина 1950-х — середина 1980-х годов)	356
Д. С. Орлов (г. Бийск, Россия) Межхозяйственная кооперация в скотоводстве Кузбасса во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х годов	364
Г. А. Гряникова (г. Барнаул, Россия) Роль управления торговли Алтайского крайисполкома в развитии потребительского рынка во второй половине XX века	370
Т. В. Рабуш (г. Санкт-Петербург, Россия) Война в Афганистане (1979–1989): формы исторической памяти и практики коммеморации в российских регионах	379
П. А. Шашонков (г. Москва, Россия) Политика высших органов государственной власти РФ в отношении российских регионов осенью 1993 года	387
Т. П. Урожаева (г. Иркутск, Россия) Проблемы воинского призыва в городах Приангарья в 1998–2008 годах	395
А. А. Халин (г. Нижний Новгород, Россия) Нижний Новгород — административный и функциональный центр волжского судоходства в XX веке (к вопросу о формировании структуры управления)	405
Е. А. Пахомова, А. А. Фоменков (г. Нижний Новгород, Россия) Страницы новейшей политической истории Нижнего Новгорода: выборы в Городскую думу второго созыва	413
Е. В. Тихонова (г. Нижний Новгород, Россия) Политическое развитие регионов РФ в контексте парадипломатии (на примере сотрудничества с землями ФРГ)	418
Н. Ф. Бугай (г. Москва, Россия) Региональные «модели» нациостроительства — новые технологии совершенствования государственности	425
Н. В. Белошапка (г. Ижевск, Россия) Этнический фактор в трансформациях чехословацкой государственности	436

В. Н. Блохин (г. Горки, Беларусь)

Особенности развития сельских регионов в XXI веке 445

С. В. Шутова (г. Горки, Беларусь)

Финансирование проектов региональными инновационными фондами 451

Т. Н. Семенова (г. Чебоксары, Россия)

Учитель-логопед как хранитель культурной самобытности региона:

народная сказка в развитии детской речи 458

ПРЕДИСЛОВИЕ

II Всероссийская с международным участием научная конференция «Актуальные проблемы региональной истории. Памяти учителей» посвящена юбилейным датам со дня рождения учёных-историков Аркадия Андреевича Тронина (1931–2016), Степана Парфёновича Зубарева (1911–1994), Михаила Андриановича Садакова (1916–1993) — исследователей истории Удмуртии и организаторов региональной исторической науки. Это вторая конференция из цикла «Памяти Учителей», посвящённая юбилеям легендарных преподавателей УГПИ–УдГУ и научных сотрудников УдНИИ–УИИЯЛ УрО РАН, которые были инициированы Институтом истории и социологии УдГУ (кафедрой истории России и кафедрой философии и гуманитарных дисциплин), Ассоциацией преподавателей гуманитарных и общественных наук Удмуртской Республики, организованы и проведены во взаимодействии с Удмуртским институтом истории, языка и литературы (УИИЯЛ) УдмФИЦ УрО РАН и государственными архивами Удмуртской Республики — Центральным государственным архивом (ЦГА УР) и Центром документации новейшей истории (ЦДНИ УР).

Пилотная конференция цикла, посвящённая памяти Александра Александровича Александрова (1919–2010) и Анатолия Ивановича Суханова (1934–1989), состоялась в 2019 г. и собрала солидный состав участников. Тогда заявили доклады 82 исследователя, представляющих 31 город России и 5 городов ближнего и дальнего зарубежья¹. Многие из докладчиков первой конференции приняли участие и во второй. На этот раз поступило более 70 заявок из городов России (Барнаул, Бийск, Великий Новгород, Воронеж, Грозный, Екатеринбург, Елабуга, Ижевск, Иркутск, Кемерово, Краснодар, Махачкала, Москва, Нижний Новгород, Орск, Пермь, Петропавловск-Камчатский, Санкт-Петербург, Сарапул, Саратов, Симферополь, Уфа, Чебоксары) и зарубежных стран (Ашхабад, Туркменистан; Брно, Чехия; Горки, Беларусь).

¹ Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике [Электронный ресурс] : материалы I Всерос. с междунар. участием науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Александра Александровича Александрова (1919-2010) и 85-летию со дня рождения Анатолия Ивановича Суханова (1934-1989). Ижевск, 7–8 нояб. 2019 г. / отв. ред. и сост. В. В. Пузанов, Д. В. Репников. Ижевск: Издат. центр «Удмуртский университет», 2019. ISBN 978-5-4312-0754-9.

III конференция цикла «Памяти Учителей» состоится 14–15 апреля 2022 г. и будет приурочена к 100-летию Марии Михайловны Мартыновой (1922–2003) и Никифора Павловича Павлова (1922–2008), 110-летию Бориса Григорьевича Плющевского (1912–1998), 130-летию Николая Николаевича Латышева (1892–1953). На конференции, наряду с традиционными проблемами региональной истории, особое внимание предполагается уделить вопросам организации науки и высшего образования, становления и развития региональных научных сообществ, формирования коллективной памяти внутри профессионального сообщества историков. Приглашаем коллег принять активное участие в запланированной конференции.

Настоящий сборник материалов подготовлен кафедрой истории России и кафедрой философии и гуманитарных дисциплин Института истории и социологии УдГУ, при поддержке Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН.

*В. В. Пузанов,
Д. В. Репников*

**ПАМЯТИ АРКАДИЯ АНДРЕЕВИЧА ТРОНИНА (1931–2016),
СТЕПАНА ПАРФЁНОВИЧА ЗУБАРЕВА (1911–1994),
МИХАИЛА АНДРИАНОВИЧА САДАКОВА (1916–1993)**

УДК 94(470.51)(092)

А. В. Башев

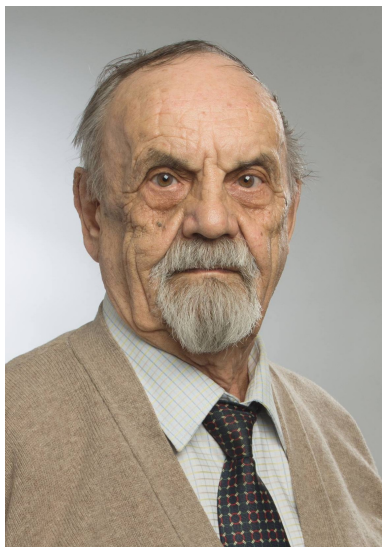
г. Ижевск (Россия)

Удмуртский гос. ун-т

АРКАДИЙ АНДРЕЕВИЧ ТРОНИН: ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

В очерке представлены наиболее яркие личные воспоминания автора о д-ре ист. наук, проф. А. А. Тронине — учёном-историке, исследователе истории Удмуртии и организаторе региональной исторической науки, одной из знаковых фигур в истории Удмуртского государственного университета.

Ключевые слова: А. А. Тронин, Удмуртский государственный педагогический институт, Удмуртский государственный университет, УГПИ, УдГУ, история.

В 2021 г. Удмуртскому государственно-му университету (УдГУ) исполнилось 50 лет, а его родоначальнику — Удмуртскому государственному педагогическому институту (УГПИ) — 90 лет. Исполняется в текущем году 90 лет и со дня рождения д-ра ист. наук, проф. *Аркадия Андреевича Тронина* — учёного-историка, исследователя истории Удмуртии и организатора региональной исторической науки, одной из знаковых фигур в истории Удмуртского государственного университета в целом и исторического образования в частности. Мне до сих пор тяжело говорить об Аркадии Андреевиче в прошедшем времени, несмотря на то, что прошло уже 5 лет, как его с нами нет.

В региональной историко-биобиблиографической литературе на сегодняшний день существует несколько публикаций об А. А. Тронине, которые достаточно полно освещают его жизненный и профессиональ-

но-творческий путь. Первая биографическая публикация была подготовлена Д. В. Репниковым к 70-летию учёного в 2001 г. [7]. Тогда же обстоятельную обзорную статью, анализирующую этапы развития его научного творчества и вклад в изучение региональной истории, написал Л. Д. Макаров [3]. К 75-летию юбилею А. А. Тронина были приурочены биографическая статья [6] и библиографический указатель [5], опубликованные в журнале «Иднакар: методы историко-культурной реконструкции», членом редколлегии которого Аркадий Андреевич был в 2006–2016 гг., а научная библиотека УдГУ издала биобиблиографический указатель [13]. Наконец, к 80-летию со дня рождения А. А. Тронина под руководством Т. Н. Ефремовой была подготовлена и издана книга [4], вошедшая в себя очерк жизни и деятельности, научных достижений Аркадия Андреевича [2]; воспоминания о нем однокурсников, коллег, друзей и учеников; список научных трудов и ряд статей ученого, посвященных актуальным проблемам региональной истории. Отметим также биографические справки, в разные годы выходившие в изданиях УдГУ [1; 9; 10], а также в справочных [12] и энциклопедических изданиях [11].

Все эти публикации об Аркадии Андреевиче освобождают меня от описания его биографии. Тем не менее, начну, пожалуй, всё же стандартно: родился А. А. Тронин в селе Зура 15 октября 1931 г. С этой датой связан интересный и в чём-то даже анекдотичный случай. Мы все ждали и готовились к 85-летию Аркадия Андреевича. В один из зимних дней, в среду (в последние годы жизни профессор приходил в университет по средам), он завёл разговор о том, что «...мы летом обязательно соберёмся: ты, я, Диму позовём [*канд. ист. наук, доц. Д. В. Репников. — А. Б.*], Вову [*д-р ист. наук, член-кор. РАН В. В. Напольских. — А. Б.*]...». Впав в некоторое недоумение, я задал резонный вопрос: «Аркадий Андреевич! Так осенью ж?..», — т. к. прекрасно помнил дату рождения профессора — 15 октября. На что получил ответ: «А-а-а! Так ты не знаешь?!». Сожалею, что невозможно передать ту интонацию, те эмоции Аркадия Андреевича, которые он вложил в это краткое восклицание! История, которую он рассказал, состояла в том, что когда пришло время юному Аркадию получать паспорт, он направился в милицию с интереснейшим «документом» — метрическим свидетельством своей сестры, в котором рукой его отца, Андрея Васильевича, имя сестры было зачеркнуто, а поверх него вписано имя *Аркадий* и исправлен год рождения. «В милиции, — рассказывает Аркадий Андреевич, — на это дело посмотрели и говорят: — На основании этого мы паспорт выдать не можем, приходи завтра». Прерывая рассказчика, я спросил: «Хотели позвонить куда следует?». И получил ответ: «А как же?!». Дело в том, что отец А. А. Тронина в те годы возглавлял Совет Народных Комиссаров Удмуртской АССР. И когда на следующий день

Аркадий вновь пришёл в милицию, ему сказали: «Ставь день рождения». «И вот тут-то я и смекнул, — продолжил рассказчик, — что если я поставлю летом, то не попаду на соревнования [по борьбе, которая была юношеским увлечением Аркадия Андреевича. — А. Б.], ну и решил — осенью». Вот так и появилась дата 15 октября 1931 г., которая и считается официальным днем рождения А. А. Тронина. Настоящий же день рождения Аркадий Андреевич отмечал узким кругом 2 июня. Несколько лет спустя, из документов фонда А. А. Тронина в ЦГА УР [14. Ф. Р-1731. Оп. 1. Д. 873. Л. 1–4], мне стала известна несколько иная версия этих событий, что в очередной раз ставит перед историком-исследователем вопросы о соотношении устной и письменной истории, и о свойствах человеческой памяти.

Писать об Аркадии Андреевиче и сложно, и легко одновременно. Сложно, потому что это был умный, весёлый и жизнерадостный человек. Легко же, потому что любые дифирамбы в его адрес не кажутся излишними или натянутыми. Я помню его всю свою студенческую жизнь, когда он был для меня неотъемлемой частью 4 этажа II корпуса УдГУ. Многим памятны его выходы с кафедры в коридор истфака на неформальный разговор со студентами. Я и сам, будучи студентом, не раз принимал участие в подобных разговорах. Аркадий Андреевич был не только первоклассным лектором, но и внимательным слушателем. Когда я в 2008–2009 учеб. году начинал работать в ЦИОНК¹ (ныне — НОЭЦ) УдГУ, Аркадий Андреевич читал нам курс, связанный с историей Ижевска. Так получилось, что читал он его на кафедре дореволюционной отечественной истории, которая тогда располагалась в ауд. 416. Сожалею, что не сделал записей того курса, поскольку Аркадий Андреевич рассказывал, как выглядели наша округа, наш II корпус во времена его студенчества, упоминал массу других интересных мелочей, например, об обилии сирени во дворе II корпуса, об аллее бюстов писателей, ведущей ко входу в корпус, ну и, конечно, о памятниках А. С. Пушкину и А. М. Горькому.

Аркадий Андреевич регулярно приходил к нам на кафедру дореволюционной отечественной истории (ныне — кафедру истории России) и в ауд. 416, и, затем, в ауд. 405, в прекрасном настроении, с анекдотом, с шуткой и делился ими с окружающими. С 2013 г. одной из люби-

¹ Центр истории образования, науки и культуры (ЦИОНК) УдГУ — структурное подразделение, занимавшееся координацией исследовательской работы и изучением истории вуза и высшего образования, науки и культуры Удмуртии в целом в 1997–2013 гг. (директор — д-р ист. наук, проф. В. В. Пузанов). Образован на базе музея УдГУ (директор — канд. ист. наук, доц. А. А. Александров). В 2014 г. реорганизован в Научно-образовательный и экспозиционный центр (НОЭЦ) УдГУ (директор — А. В. Башев).

мых его шуток в мой адрес была та, что мне срочно следует обзавестись секретаршей и личным кабинетом.

Дело в том, что как раз в это время я начал работать директором Музея университета — Научно-образовательного и экспозиционного центра (НОЭЦ) УдГУ. Он был размещен в только что достроенной Учебно-научной библиотеке им. В. А. Журавлева и штат на тот момент состоял из двух чел.: директора и специалиста по экспозиционной и выставочной деятельности. Таковым тогда работала А. А. Измайлова (Рамазанова), которая осуществила ряд аудиозаписей воспоминаний Аркадия Андреевича. Однажды я пригласил профессора в музей, который представлял собой большое помещение со свежеекрашенными стенами, роскошными шторами и стульями, пустыми витринами (31 шт.) и передвижными стендами. После того, как я провел для него персональную экскурсию и представил свое видение перспектив развития музея, Аркадий Андреевич сказал: «Знаешь, Лёша, я пожалуй больше не буду шутить про секретаршу...». И слово своё сдержал. Но, главное, стал помогать музею экспонатами, поистине уникальными. Сегодня в фондах НОЭЦ имеются следующие переданные им вещи: портфель-папка 1950-х гг., радиорепродуктор 1930-х гг. («ЭМЗ», мембрана склеена самим А. А. Трониным, в рабочем состоянии), патефон (Коломенского патефонного завода НКМ СССР, в рабочем состоянии), швейная машинка «Зингер», письменный стол А. В. Тронина и др. Часть экспонатов Аркадий Андреевич передал лично (напр., патефон и набор грампластинок «Речь тов. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского округа г. Москвы. 11 декабря 1937 г. в Большом Театре»), часть — жена Аврора Андриановна уже после его кончины.

Ещё при жизни А. А. Тронин начал формировать в ЦИОНК–НОЭЦ фонд уникальных фотографий, который сейчас насчитывает порядка 110–120 экз. Особенностью снимков является то, что 90 % из них не только датированы, но и расписаны по составу запечатленных на них людей. Отдельно отмечу семейные фотографии Аркадия Андреевича и Авроры Андриановны, а также фотографии деда А. А. Тронина, брата — Арсения Андреевича Тронина (1938) и др.

В фондах НОЭЦ имеется небольшой книжный фонд, хранятся рукописные материалы, а также аудио- и видеозаписи А. А. Тронина. Особую ценность представляют записи с его воспоминаниями о похоронах Г. Г. Черновой (историка, преподавателя УГПИ, учителя Аркадия Андреевича), о годах студенчества, об общежитии на ул. Шумайлова, запись обычной лекции профессора (длительностью 1 ч. 20 мин.) и др.

В последние годы жизни Аркадий Андреевич стремился реализовать два проекта: издать «Очерк преподавания и изучения новейшей

отечественной истории в УГПИ–УдГУ (1931–2013)» и книгу воспоминаний «Ребята нашего двора» (проект был завершен после его смерти) [8].

Я учился у Аркадия Андреевича во всех смыслах этого слова, ведь именно он помог мне сориентироваться в архивах в нужном направлении. Прекрасная память и знание фондов архивов Удмуртии позволяли ему делать это с глубоким знанием и пониманием материала региональной истории. «Я — дед-буквояд» — любил говорить Аркадий Андреевич, раз за разом подчеркивая важность работы с архивными документами. Поистине кропотливая работа с фондами и источниками позволяла ему поставить проблему и объяснить её. Всё это характеризовало Аркадия Андреевича как вдумчивого, добросовестного, въедливого и дотошного исследователя. А. А. Тронин был замечательным педагогом, способным заинтересовать и увлечь, и, что более важно, — передать умения и навыки работы с архивными документами.

В настоящем сборнике материалов конференции публикуется статья, посвященная Книгам приказов УГПИ, идея создания которой появилась в своё время под прямым влиянием проф. А. А. Тронина. Данный же очерк воспоминаний — мой долг памяти перед Учителем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аркадий Андреевич Тронин // *Шумилов Е. Ф.* Большая наука. УдГУ: коллективный автопортрет. Ижевск, 2006. С. 97–99.
2. *Ефремова Т. Н.* Педагог, ученый, гражданин (очерк жизни и деятельности А. А. Тронина) // Педагог, ученый, гражданин: к 80-летию со дня рождения А. А. Тронина / отв. ред. Т. Н. Ефремова. Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2011. С. 5–18.
3. *Макаров Л. Д.* Проблемы истории удмуртского народа в новейшее время в трудах А. А. Тронина // Вестн. Удм. ун-та. 2002. № 4: История России: теория и практика. С. 8–12.
4. Педагог, ученый, гражданин: к 80-летию со дня рождения А. А. Тронина / отв. ред. Т. Н. Ефремова. Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2011. 240 с.
5. *Репников Д. В.* Аркадий Андреевич Тронин: библиография (1956–2006) // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2007. № 1 (1). С. 106–111.
6. *Репников Д. В.* Профессору А. А. Тронину — 75 лет // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2007. № 1 (1). С. 101–105.
7. *Репников Д. В.* Ровесник университета // Вестн. Удм. ун-та. 2002. № 4: История России: теория и практика. С. 5–7.
8. *Тронин А. А.* Ребята с нашего двора. Воспоминания: 1937–1954. Ижевск, 2017. 132 с.
9. Тронин Аркадий Андреевич // Призвание / сост. Н. П. Долгина, В. И. Петровский; под ред. Н. П. Крапиной. Ижевск, 2001. С. 149.

10. Тронин Аркадий Андреевич // Призвание: (ветераны университета). Кн. 1 / сост. В. И. Петровский. Ижевск, 1997. С. 182.
11. Тронин Аркадий Андреевич // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000. С. 685.
12. Тронин Аркадий Андреевич // *Христолюбова Л. С.* Ученые-удмурты: биобиблиогр. справ. Ижевск, 1997. С. 30–31.
13. Тронин Аркадий Андреевич: к 75-летию со дня рождения: биобиблиогр. указ. / сост.: Д. В. Репников, Л. Е. Зайцева. Ижевск, 2006. 40 с. (Сер. Биобиблиография ученых УдГУ).
14. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР).

УДК 930.2(470.51)

О. В. Ветошкина

г. Ижевск (Россия)

Центральный государственный архив УР

**ЛИЧНЫЙ ФОНД ПРОФЕССОРА, ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
АРКАДИЯ АНДРЕЕВИЧА ТРОНИНА В ЦЕНТРАЛЬНОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

В статье дается характеристика личного фонда д-ра ист. наук, проф. А. А. Тронина, раскрывается видовое своеобразие содержащихся в нем документов.

Ключевые слова: личный фонд, ГКУ «ЦГА УР», документы личного происхождения, А. А. Тронин, А. В. Тронин, УГПИ, УдГУ, А. И. Суханов, М. М. Мартынова.

В октябре 2002 г. началось сотрудничество Аркадия Андреевича Тронина и Центрального государственного архива Удмуртской Республики, в 2004 г. был создан личный фонд А. А. Тронина (Р-1731), который в последующие годы активно пополнялся. На сегодняшний день фонд насчитывает 1003 ед. хр. за 1861–2016 гг.

Содержимое фонда можно условно разделить на несколько групп: документы к биографии, документы научной и педагогической деятельности, документы о работе в отделе школ Удмуртского обкома КПСС, материалы общественной деятельности, переписка, собранные документы, документы родственников А. А. Тронина, фотографии, музейные предметы.

Документы к биографии А. А. Тронина представлены автобиографиями, удостоверениями, личным листком по учету кадров, военным билетом, служебными удостоверениями, сертификатами участника Первого Всероссийского географического диктанта, Тотального диктанта, ученическим билетом, профсоюзными, членскими, читательскими билетами, служебными характеристиками, почетными грамотами, благодарственными письмами.

Учебу А. А. Тронина на историческом факультете Удмуртского государственного педагогического института (далее — УГПИ) характеризуют его тетради с конспектами лекций Б. Г. Плющевского по историографии истории СССР, М. А. Садакова по истории Удмуртии, семинарских занятий по истории народов СССР. Все конспекты А. А. Тронина отличаются аккуратным почерком, на полях выделены даты событий, название цитируемых работ В. И. Ленина и И. В. Сталина подчеркнуты, основные положения выделены красным карандашом.

Среди первых студенческих работ А. А. Тронина можно назвать доклады «Культурная революция в Удмуртии» (1950–1951), «Итоги первой пятилетки в промышленности Удмуртии» (1953). На докладах имеются рецензии канд. ист. наук, доц. УГПИ Г. Г. Черновой, в которых отмечены «правильность освещения автором вопроса о задачах первой пятилетки», среди недостатков работы названы «нехватка конкретного материала о социалистических соревнованиях и ударничестве, нехватка обобщений», при этом отмечалось, что доклад вызвал интерес у слушателей, делался вывод, что «товарищ Тронин показал способности к самостоятельной работе над такой важной и сложной темой» [1. Ф. Р-1731. Оп. 1. Д. 7. Л. 1; Д. 12. Л. 2]. Среди аспирантских работ А. А. Тронина сохранился реферат «Крах буржуазной демократии в эпоху империализма» (1954). В годы учебы в аспирантуре в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина (далее — МГПИ) А. А. Тронин усердно конспектировал работы Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, Б. Б. Пиотровского, М. Н. Тихомирова, М. В. Нечкиной, Е. В. Тарле и др. авторов по источниковедению, историографии, истории СССР. Сохранились тетради с конспектами лекций П. Г. Софинова по истории СССР, специального курса «Внешняя политика СССР» за 1953–1955 гг.

Наиболее обширны документы научной деятельности А. А. Тронина. Это документы о сотрудничестве с научными учреждениями, материалы о защите кандидатской и докторской диссертаций, монографии, статьи, рецензии на научные работы, документы об участии А. А. Тронина в международных конгрессах, всесоюзных, всероссийских, региональных конференциях, научных сессиях.

В 1956 г. А. А. Тронин досрочно и успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Машино-тракторные станции — опорные пункты социалистического переустройства сельского хозяйства (по материалам Удмуртской АССР)», а в 1975 г. — докторскую диссертацию «Исторический опыт перехода удмуртского народа к социализму (1917–1937 гг.)». Среди документов о подготовке и защите диссертаций есть индивидуальный учебный план аспиранта МГПИ А. А. Тронина на 1953–1956 гг., рукописные, машинописные и типографские варианты диссертаций, материалы о представлении диссертаций к защите. А. А. Тронин передал нам даже рукописную афишу формата А1 с анонсом заседания Ученого совета МГПИ 19 июня 1956 г. в 18 час. в ауд. № 57, на котором состоялась защита его кандидатской диссертации [1. Ф. Р-1731. Оп. 1. Д. 24. Л. 20].

В фонде имеется комплекс документов о подготовке А. А. Трониным научных трудов: материалы о редактировании сборника материалов научной конференции преподавателей УГПИ за 1963 г., работе над «Хроникой Удмуртской организации КПСС», энциклопедией «Удмур-

тия», подготовке коллективной монографии «Очерки Удмуртской АССР», рукописи монографии «В семье социалистических наций», «Октябрь и национальный вопрос в Удмуртии», статей и докладов за 1959–2010-е гг. Сохранились рецензии А. А. Тронина на монографии М. Г. Атаманова, Л. Н. Бехтеревой, Г. А. Никитиной, Н. А. Родионова, М. А. Садакова, А. И. Суханова, Ю. Г. Юминова, К. И. Шибанова, Е. Ф. Шумилова и др.

Почти 50 лет жизни А. А. Тронина были связаны с судьбой исторического факультета УГПИ (с 1971 г. — Удмуртского государственного университета). Он прошел путь от старшего преподавателя (1956–1959), зав. кафедрой истории СССР (1959–1965), декана исторического факультета УГПИ (1969–1972), до проректора УдГУ по научной работе (1976–1982), профессора кафедры отечественной истории новейшего времени исторического факультета УдГУ (1989–2015).

А. А. Тронин сохранил и передал в архив документы о работе кафедры истории СССР УГПИ, личные индивидуальные планы работы, отчеты о выполнении кафедрой истории советского общества планов научно-исследовательской работы, положение о выборах декана исторического факультета УдГУ, служебные записки, тетрадь учета рабочего времени, календарный план учебных занятий по истории СССР советского периода, отчет декана исторического факультета УдГУ В. А. Кананина о работе за 1992–1997 гг., сведения о результатах сдачи государственных экзаменов, защиты дипломных работ студентами дневного и заочного отделений, справки о состоянии госбюджетной научно-исследовательской работы на кафедрах общественных наук. Это лишь небольшая часть из имеющихся в фонде документов. В целом, собранные А. А. Трониным документы дают возможность изучить ряд аспектов жизни исторического факультета УГПИ–УдГУ за более чем полувековой период.

В одном из отчетов А. А. Тронина за 1980-е гг. есть любопытные строчки, посвященные воспитательной работе со студентами: «Во время дежурств в общежитии проводил беседы по материалам XXVII съезда КПСС, а также по различным вопросам внутренней жизни СССР как с группами студентов, так и индивидуальные консультации [1. Ф. Р-1731. Оп. 1. Д. 879. Л. 2], в отчете за 2002–2007 гг. А. А. Тронин отмечал «такое симптоматическое явление в последние годы как неспособность отдельных, единичных случаев студентов сдать государственный экзамен по специальности и подготовить выпускную работу» [1. Ф. Р-1731. Оп. 1. Д. 879. Л. 4].

Определенное представление о преподавательской деятельности А. А. Тронина дают сохранившиеся тексты его лекций по истории СССР, истории внешней политики, основам советского государства и права, рабочие программы разработанных им курсов и спецкурсов «Актуальные проблемы советской исторической науки», «Историография исто-

рии СССР», «Методика научно-исследовательской работы по отечественной истории XX в.», «Историко-экономические проблемы модернизации России в XX в.», «История российской государственности XX–XXI вв.», «Введение в изучение отечественной истории новейшего времени», «Национальные отношения в России», «Проблемы межнациональных отношений в отечественной истории», «Проблемы российской культуры в 20–30-е гг. XX в.», «Основные проблемы развития отечественной культуры в 40–90-е гг. XX в.».

В фонде А. А. Тронина имеется и ряд личных документов преподавателей исторического факультета УГПИ–УдГУ. Это документы канд. ист. наук, проф. М. М. Мартыновой (отчет о работе ассистента кафедры истории УГПИ за 1959–1960 гг.), д-ра ист. наук А. И. Суханова (письма, адресованные А. А. Тронину; служебная записка А. А. Тронина ректору УдГУ В. А. Журавлеву с просьбой объявить конкурс на должность исполняющего обязанности профессора по кафедре истории советского общества в связи с присвоением А. И. Суханову ученой степени д-ра ист. наук).

А. А. Тронин стоял у истоков аспирантуры и института соискательства на историческом факультете УдГУ, под его руководством защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций, а их авторы получили путевку в мир профессиональной науки. Об этой странице его деятельности свидетельствует комплекс документов: авторефераты кандидатских диссертаций с дарственными надписями авторов А. А. Тронину, индивидуальные учебные планы аспирантов А. А. Тронина, документы о работе А. А. Тронина научным руководителем аспирантов, отзывы, замечания на диссертации. Интересный документ связан с оппонированием А. А. Тронина на защите кандидатской диссертации ныне опального губернатора Кировской области Н. Ю. Белых и связанной с ней полемикой о наличии в работе плагиата. В акте научной экспертизы А. А. Тронина на диссертацию Н. Ю. Белых есть такие строки, отражающие общечеловеческое кредо А. А. Тронина как ученого: «Есть достаточно веские основания утверждать, что деятельность анонимных авторов нацелена не на выявление истины и объективное рассмотрение вопроса, а на возбуждение общественного скандала с помощью пиар-технологий и находится вне современной исторической науки. Эта деятельность ставит упомянутых авторов вне норм элементарной профессиональной научной этики и морали» [1. Ф. Р-1731. Оп. 1. Д. 887. Л. 34].

Общественную деятельность А. А. Тронина характеризует комплекс документов о работе в партийных, профсоюзных, общественных организациях, добровольных обществах, союзах.

Среди документов, связанных с работой А. А. Тронина депутатом Верховного Совета Удмуртской АССР (1967–1971), можно выделить аги-

тационный листок кандидата в депутаты Совета по Зюзинскому избирательному округу А. А. Тронина на русском и удмуртском языках за март 1967 г., письма, извещения Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР о созыве сессий Верховного Совета УАССР VII созыва.

Деятельность А. А. Тронина как популяризатора науки отражают тексты лекций, прочитанных по линии общества «Знание» в 1956–1986 гг. Также сохранились листки с вопросами слушателей лекций по национальным проблемам за 1970–1980 гг., которые поступали после лекций. Они выявляют определенный круг проблем, волновавших общество в эти годы. Так, А. А. Тронина спрашивали: «Приведите, пожалуйста, пример создания семьи между сыном или дочерью министра и рядовым рабочим? Почему возникли проблемы национальности только во время перестройки, а не раньше? Не допускаете ли вы возможность националистических вспышек в Удмуртии по примеру Прибалтики, Закавказья, Средней Азии, которые последовали после изыскания международных проблем местными учеными, заиклившимися на этой проблеме» [1. Ф. Р-1731. Оп. 1. Д. 416. Л. 12, 32, 33]. К сожалению, ответы А. А. Тронина на эти записки не сохранились.

Самостоятельный комплекс документов образуют автобиографические статьи и заметки А. А. Тронина о формировании научных интересов по истории Удмуртии, первых заработанных деньгах, жизни исторического факультета УГПИ в конце 1940-х — начале 1950-х гг., судьбе своих одноклассников, об ошибках в документах о своем рождении, Гольяновском доме отдыха для удмуртской номенклатуры, начале Великой Отечественной войны, ходе перестройки в СССР и исключении из рядов КПСС. Заметки написаны преимущественно в 2000-е гг. от руки и отличаются неформальным стилем изложения.

Наиболее яркий сюжет связан с датой рождения А. А. Тронина. Как вспоминал Аркадий Андреевич, его отец А. В. Тронин, будучи чрезвычайно занятым советским работником, не нашел времени пойти в ЗАГС и зарегистрировать рождение сына. Он поступил удивительнейшим образом — взял метрическое свидетельство умершей дочери и на документе исправил имя Алевтина на Аркадий, также исправил дату рождения с 1934 на 1931 г. Когда пришло время Аркадию Андреевичу получить паспорт, оказалось, что у него нет документа, который бы удостоверял его личность. Свидетельство о рождении в милиции забраковали и предложили пойти в больницу, чтобы врач подтвердил его возраст. Врач очень удивился. Как писал Аркадий Андреевич: «Во время осмотра ощутил своё сходство с лошадьё, которым определяют количество лет по зубам». На вопрос врача о дате рождения, он решил убавить себе полгода, чтобы выступить в юношеской команде по боксу, и, вместо июня,

сказал, что середина октября. С 1950 г. днем его рождения считалось 15 октября 1931 г., а не 2 июня 1931 г. [1. Ф. Р-1731. Оп. 1. Д. 873. Л. 1–4].

Фотографии, собранные А. А. Трониным, связаны, преимущественно, с его профессиональной деятельностью, а именно: участием в работе VI съезда профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений, курсах повышения квалификации для заведующих отделами науки и учебных заведений Высшей партийной школы при ЦК КПСС, Всесоюзного съезда учителей, совещании-семинаре деканов педагогических институтов РСФСР, Удмуртской республиканской конференции Комитета защиты Мира. Представлены также фотографии преподавателей, выпускников исторического факультета УдГУ за 1976–1983 гг.

Известно, что в юные годы А. А. Тронин занимался греко-римской борьбой в секции Ижевского машиностроительного завода под руководством тренеров Константина и Павла Белозеровых, которые и заложили основы этого вида спорта в Ижевске. В фонде имеются фотографии членов секции, участников сбора тренеров по классической борьбе в СССР, тренера по классической борьбе Константина Белозерова со своими учениками.

А. А. Тронин активно собирал все документы, связанные с общественной жизнью студентов исторического факультета УдГУ. Среди них — пригласительные билеты, приглашения на «последний звонок», выпускные балы, вечера посвящения в историки, встречи выпускников исторического факультета УдГУ за 1965–2001 гг., программа устного журнала студенческого клуба УдГУ, посвященного 60-летию образования Удмуртской АССР за 1980 г., отдельные выпуски газеты исторического факультета и Высшего колледжа социально-политических наук за 1999–2001 гг.

Сохранилась обширная переписка А. А. Тронина. Среди его корреспондентов были профессор Ростовского государственного университета В. В. Журавлев, ведущий научный сотрудник Института истории СССР Академии наук СССР И. Е. Зеленин, декан исторического факультета Тамбовского педагогического института А. Я. Киперман, профессора МГУ К. И. Козлова и В. Н. Конюхов, профессор Института этнографии Академии наук СССР В. В. Пименов и др.

А. А. Тронин с большим трепетом относился к любым документам, которые отражают приметы времени. В его личном фонде есть такие любопытные документы как талоны по отработке субботников за 1993–1995 гг., Ленинская тетрадь с записями А. А. Тронина о прочитанных лекциях за 1969–1971 гг. (учреждена Ижевским горкомом КПСС для учета общественно-политической работы, проведенной советскими, партийными, общественными и комсомольскими работниками в честь 100-

летия В. И. Ленина), регистрационное удостоверение на собаку по кличке «Алиса», которое было выдано А. А. Тронину 25 марта 1995 г., проездные билеты на разные виды общественного транспорта Ижевска за 1992–2015 гг., талоны на продовольственные продукты, вино-водочные изделия и моющие средства.

Помимо документов А. А. Тронина в его личном фонде есть документы его родственников: А. В. Тронина (отца) — председателя Совета народных комиссаров УАССР (1937–1948), А. А. Пинской (сестры) — старшего инженера Института ядерной энергетики Академии наук Белорусской АССР, А. А. Трониной (жены) — хирурга одной из больниц Ижевска. Документы А. В. Тронина, представленные в фонде, дают фрагментарное представление о личности отца А. А. Тронина (свидетельство об окончании Зуринского двухклассного училища, билет значкиста «Готов к ПВХО», книга А. В. Тронина «Удмуртия за XXX лет советской власти», книга «Достижения в народном хозяйстве Удмуртии за XX лет советской власти», собрание сочинений Н. Ленина (В. Ульянова) за 1924–1925 гг., некролог А. В. Тронину, выписки А. А. Тронина из книг, архивных документов о деятельности А. В. Тронина в должности председателя Совета Народных Комиссаров УАССР). В фонде имеются альбомы воспитателей и воспитанников ижевского детского дома № 2, польских детей, эвакуированных в годы Великой Отечественной войны в Удмуртию с дарственными надписями председателю Совета народных комиссаров УАССР А. В. Тронину.

Также А. А. Тронин передал нам музейные предметы: настольные медали «400 лет добровольного присоединения Удмуртии к России», «20 лет Всесоюзного общества “Знание”», «50 лет Удмуртской АССР», «70 лет Великой Октябрьской социалистической революции», «Всесоюзная школа-семинар по эффекту Баркгаузена», «60 лет комсомолу Удмуртии 1921–1981», «Госавтоинспекции СССР — 50 лет. 1936–1986», «60 лет Красногорскому району. 1929–1989».

Документы личного фонда позволяют создать целостное представление о судьбе, научной и общественной деятельности А. А. Тронина, сфере его увлечений, круге профессиональных и личных контактов, раскрыть жизнь профессионального исторического сообщества Удмуртии второй половины XX в. Доступ исследователей к документам фонда не ограничен.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР).

УДК 94(470.51)(092)+930

Е. М. Ушакова

г. Ижевск (Россия)

Центр документации новейшей истории УР

**ПАМЯТИ УЧЁНОГО:
К 110-ЛЕТИЮ СТЕПАНА ПАРФЁНОВИЧА ЗУБАРЕВА
(ПО ДОКУМЕНТАМ ЛИЧНОГО ФОНДА В ГКУ «ЦДНИ УР»)**

Статья посвящена канд. ист. наук, журналисту, партийному и общественному деятелю, ветерану Великой Отечественной войны С. П. Зубареву (1911–1994). На основании документов личного фонда учёного, созданного в ГКУ «Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики», характеризуются биография С. П. Зубарева, этапы и стиль его научной и поисковой деятельности, научные труды, состав собранных исследователем документов по истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: С. П. Зубарев, ЦДНИ УР, личный фонд, Великая Отечественная война, гражданская война, ратные подвиги, Книга памяти, армейская газета.

8 ноября нынешнего года исполнится 110 лет со дня рождения Степана Парфеновича Зубарева (1911–1994), ученого-историка, кандидата исторических наук, журналиста, публициста, партийного и общественного деятеля, ветерана Великой Отечественной войны. Уже прошло почти 27 лет, как он ушел из жизни. Что остается после смерти человека? Книги и научные труды, дети и внуки. Но и не только. Он продолжает жить в памяти близких, друзей, коллег и учеников. Так, в памяти автора этих строк возникает образ седовласого пожилого мужчины, в читальном зале бывшего Партийного архива — Центра документации новейшей истории

Удмуртской Республики (ЦДНИ УР). Этот очень требовательный, скрупулезный, дотошный и даже капризный исследователь изучает, просматривая подчас уже не в первый раз, архивные документы военного времени. На дворе — начало 1990-х гг., член Республиканской редакци-

онной коллегии многоименной поименной Книги памяти воинов Удмуртской Республики Степан Парфенович Зубарев выявляет материалы для составления предисловия «Память о войне нетленна», справочника «Они сражались за Родину» для публикации в издании, отчаянно критикует членов районных составительских групп Книги памяти и переписывает их предисловия о вкладе конкретных городов и районов республики в достижение Победы 1945 года. Здесь же, в читальном зале архива, Степан Парфенович рассказывал мне о своей наполненной событиями жизни... Несколько лет спустя, уже после смерти Зубарева, когда в 1995 г. в ЦДНИ УР по завещанию ученого был передан его личный архив в объеме около 5 тыс. документов, а в конце 1990-х гг. создан личный фонд [1. Ф. 103: в объеме 2708 ед. хр. за 1905–1996 гг.], я познакомилась с фактами его биографии более подробно.

Степан Парфенович Зубарев родился в 1911 г. в поч. Калугины Кожинской волости Орловского уезда Вятской губернии (ныне — д. Полетаевщина Советского района Кировской области) в бедной крестьянской семье [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Ф. 16. Оп. 4. Д. 4526. Л. 4; Д. 4527. Л. 4; Ф. 79. Оп. 3. Д. 3994. Л. 2]. В 13 лет лишившись отца, а впоследствии и матери, он в полной мере познал житейские невзгоды, между учебой в школе вынужден был подрабатывать по найму у кулаков. В 1928 г. Степан Зубарев поступил учиться в педагогический техникум г. Советска [1. Ф. 16. Оп. 4. Д. 4526. Л. 6; Ф. 79. Оп. 3. Д. 3994. Л. 4–4об], но, будучи необеспеченным материально, через два года вынужден был оставить учебу и начать трудовую деятельность. Работал председателем бюро детской коммунистической организации в с. Новый Торьял Марийской АССР. В 1931 г. добровольцем вступил в ряды Красной Армии. Служил в пограничных войсках, в 20-м Славутском пограничном отряде. Здесь впервые проявился интерес Степана Парфеновича к литературной деятельности, к печатному слову. Первые заметки будущего публициста печатала многотиражка пограничного отряда. После демобилизации Зубарев работал в редакциях молодежных газет, в комсомольских органах в Йошкар-Оле, Горьком, Кирове. В 1936 г. его направляют в распоряжение Удмуртского обкома ВЛКСМ. И с этого момента жизнь С. П. Зубарева неразрывно связана с Удмуртией [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. Он становится журналистом газеты «Егит большевик» («Молодой большевик»), затем — «Удмуртской правды». Здесь он печатал свои первые очерки, корреспонденции о комсомольских вожаках, передовиках производства, лучших людях сельского хозяйства УАССР. Так, например, в 1940 г. он оказал литературную помощь льноводке М. Вылегжаниной в подготовке к изданию документальной повести «Опыт льноводного звена». Как признавался Степан Парфенович много лет спустя в биогра-

фическом очерке, газеты помогли ему найти себя, стать незаурядным журналистом-очеркистом [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2].

О становлении личности С. П. Зубарева, формировании творческих способностей в этот период его жизни рассказывают такие документы личного фонда, как тетради, записные книжки с ранними стихами, дневники [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 69–70, 1049–1054].

А потом была война. С сентября 1941 по июнь 1942 г. Зубарев работал секретарем по военной работе Удмуртского обкома ВЛКСМ. Сохранились, например, интересные документы об участии Степана Парфеновича в организации республиканских профсоюзно-комсомольских кроссов [1. Ф. 92. Оп. 1. Д. 410. Л. 2–3]. С 1942 г. — он на фронте. Боевой путь военного корреспондента газеты 6-й армии «На разгром врага» С. П. Зубарева начался в июне 1942 г. и закончился в победном 1945 г. Не выпускалось почти ни одного номера армейской газеты без его очерка, зарисовки или живой, запоминающейся читателю оперативной корреспонденции. В личном фонде Степана Парфеновича имеются отдельные выпуски и вырезки с такими статьями и заметками, как: «В наступлении», «Подвиг», «Здравствуй, Запорожье!», «Слушай, боец!», «Стойкость бойцов взвода лейтенанта Палатова», «Семь немцев за день. Рассказ истребителя 265 гитлеровцев — снайпера А. Пименова», «Рубеж роты», «Бойцы стремительно преследуют врага» [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 532. Л. 1–12]. Редакция газеты «Удмуртская правда» в 1942 г. в сборнике очерков «Наши земляки на фронтах Отечественной войны» также опубликовала очерк С. П. Зубарева «Письма старшего лейтенанта».

Журналистская деятельность Зубарева высоко оценивалась командованием 6-й армии. За участие в войне Степан Парфенович был награжден орденами Красной Звезды (1944), Отечественной войны I степени (1985), медалями «За отвагу» (1943), «За победу над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945) [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 62, 64]. В наградном листе о представлении С. П. Зубарева к награждению медалью «За отвагу» от 28 октября 1943 г., например, отмечалось: «Старший лейтенант Зубарев С. П. в период наступательных боев показал себя инициативным, стойким работником, умеющим в трудных условиях организовать для газеты материал с переднего края. В дни боев наших частей т. Зубарев большую часть времени находился в подразделениях среди бойцов и офицеров. Будучи в 244-й с[трелковой] д[ивизии] еще на р. Северный Донец был легко контужен осколком мины в ногу, несмотря на это, прибыл в редакцию только после выполнения задания. Когда части 203-й с[трелковой] д[ивизии] были за Днепром в районе Вовноги т. Зубарев был послан туда в командировку и органи-

зовал для газеты материал о закреплении плацдарма на Правобережье...» [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1048. Л. 1].

В послевоенные годы Степан Парфенович с отличием окончил исторический факультет Удмуртского государственного педагогического института (1951), работал в отделах кадров, пропаганды и агитации Удмуртского обкома КПСС (1945–1954), секретарем Сарапульского горкома партии (1954–1959), директором Сарапульского электромеханического техникума (1959–1963), преподавателем Сарапульской школы рабочей молодежи (1963–1964), Уполномоченным Совета по делам религий при Совете Министров СССР по УАССР (1964–1974) [1. Ф. 16. Оп. 4. Д. 4527. Л. 39–41; Ф. 103. Оп. 1. Д. 3. Л. 6–14]. За успехи в труде Зубарев был награжден орденом «Знак Почета» (1958), медалями, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета УАССР [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 63, 28].

Исследовательской деятельностью Степан Парфенович начал заниматься в 1950-е гг., в период работы в Сарапуле. Изучая по архивным документам революционную историю Сарапула и Сарапульского уезда Вятской, а позднее Пермской губерний, он установил контакты с очевидцами и участниками исторических событий, собрал интересные материалы о мятеже в Ижевско-Воткинском районе, о событиях лета и осени 1918 г. на Восточном фронте, об освобождении узников белогвардейской плавучей тюрьмы — «баржи смерти» на р. Каме у п. Гольяны, об участниках революционных событий, гражданской войны в Прикамье (М. Л. Андрианове, Е. С. Колчине, У. И. Манохине, М. М. Чулкове), в т. ч. воспоминания ветеранов. Первые книги С. П. Зубарева — «Прикамье в огне» (1967), «За республику Советов» (1970), легли в основу кандидатской диссертации на тему: «Борьба большевиков Прикамья против буржуазного парламентаризма за республику Советов. По материалам Вятской, Пермской, Казанской и Уфимской губерний (март 1917 — ноябрь 1918 гг.)». После защиты диссертации в 1971 г. С. П. Зубареву была присвоена ученая степень кандидата исторических наук. Революционной теме он также посвятил ряд очерков («По указанию Ильича» (1964), «Город на Каме» (1964), «В огне революции» (1967), «Незабываемые дни» (1968), «Слушая Ильича» (1968), «Баржа смерти» (1969), «Большая дружба» (1970) и др.) [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–7].

Но главная тема исследовательской работы ученого связана с другим периодом в истории страны. Красной нитью через литературное творчество, научную деятельность Степана Парфеновича проходит история Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Разве мог не писать о войне фронтовик, журналист армейской газеты? Горькая память о том времени не отболела в его сердце до конца жизни. Как у большинства из его поколения, война предопределила дальнейшую судьбу. Особую цен-

ность в составе личного фонда ученого представляют сохранившиеся с военной поры блокноты и дневники [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 71–75, 1051]. В них содержатся записи о командировках на передовую, встречах с военнослужащими, боевых эпизодах. Именно эти военные блокноты легли в основу интереса ученого к теме боевых подвигов уроженцев Удмуртии на фронтах Великой Отечественной войны, которой он занимался с конца 1960-х до начала 1990-х гг., в период работы научным сотрудником Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (1974–1992) [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3. Л. 15].

Близкие и друзья отмечали характерные Зубареву целеустремленность, волю, необыкновенную работоспособность. Он не знал, что такое отдых. Работал увлеченно. Ложился на лечение в больницу — брал с собой рукопись новой книги. Месяцами работал в архивах. Им было исследовано огромное количество архивных документов, особенно много он занимался в Центральном архиве Министерства обороны СССР в г. Подольске. В течение десятилетий Зубарев разыскивал ветеранов войны, вел напряженную переписку с ними и их родственниками, музеями, библиотеками, архивами, другими учреждениями и предприятиями, краеведами, по крупицам собирая исторические сведения.

Зубареву удалось выявить и ввести в научный оборот бесценный исторический материал, позволивший прояснить многие «белые пятна» во фронтовых судьбах уроженцев нашей республики. В личном фонде ученого сохранился значительный массив писем, ответов на вопросы анкет участников войны, уникальная коллекция воспоминаний, документов к биографиям ветеранов (напр., об удмуртском поэте и прозаике Ф. Г. Кедрове [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 541], военвраче и удмуртской поэтессе А. Г. Векшиной (Ашальчи Оки) [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 542], военных корреспондентах, удмуртских писателях И. Г. Гаврилове [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 548–549] и М. А. Лямине, вице-адмирале Военно-Морского флота А. С. Седелникове [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 553], Герое Советского Союза В. П. Зайцеве [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 551] и мн. др.). Значительный интерес также представляют выявленные и собранные С. П. Зубаревым материалы по истории боевого пути воинских соединений, сформированных на территории УАССР.

Так, например, на фронте армейский корреспондент Зубарев не раз встречался с истребителями танков из Удмуртии — бойцами 174-го отдельного истребительного противотанкового артиллерийского дивизиона им. Комсомола Удмуртии, а в послевоенный период исследовал историю этого воинского подразделения, издал документальные повести «Имени Комсомола Удмуртии» (1965), «От Дона до Эльбы» (1975), «От

Ижевска до Рубенау» (1995), очерк «Артдивизион удмуртов» (в сборнике очерков издательства «Каменяр», г. Львов, 1979 г.).

В ходе работы над книгами о дивизионе С. П. Зубарев собрал подлинные документы об этом воинском подразделении. В составе личного фонда ученого имеются такие материалы, как исторический формуляр [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 614], книги учета и поименные списки воинов дивизиона [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 615–616], документы ликвидационной комиссии (1942–1946) [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 623]. Один документ в качестве реликвии времен войны включен в Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Удмуртской Республики. Это Книга учета рядового и младшего начальствующего состава дивизиона, которая велась в период боевых действий с [17 июля 1943 г.] по [28 ноября 1944 г.] [1. Там же. Д. 615].

Вот еще один пример поисковой работы Степана Парфеновича. После одной из встреч с бойцами 174-го артдивизиона в блокноте военного корреспондента осталась запись: «Юра Шаврин — пишет стихи». Спустя годы после окончания войны Степан Парфенович заинтересовался дальнейшей судьбой командира орудия дивизиона, впоследствии литературного сотрудника армейской газеты. Зубареву удалось выяснить, что Юрий Шаврин погиб в январе 1945 г., в неполные 23 года. Неутомимый исследователь разыскал и издал стихи и письма никому неизвестного фронтового поэта, собрал интересные материалы о нем [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 534–536], написал очерк «Строки, рожденные в бою» (1968). Благодаря поисковой деятельности С. П. Зубарева в 1967 г. Юрий Александрович Шаврин посмертно был удостоен премии им. Комсомола Удмуртии в области литературы и искусства за сборник стихов «Суровый наказ выполняя...» (1961) [1. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1722. Л. 103–104, 106; Ф. 103. Оп. 2. Д. 511].

Всего из-под пера С. П. Зубарева вышло свыше 20-ти книг, посвященных ратным подвигам сынов и дочерей Удмуртии на фронтах Великой Отечественной: «Фронтовое братство» (1981), «Боевая доблесть сынов Удмуртии» (о боевом пути 98-й стрелковой дивизии, 1982), «По путям дорогам фронтовым. Записки военного корреспондента» (1984), «Принявшие первый удар. О ратных подвигах пограничников-воинов из Удмуртии» (1988), «Солдат двух фронтов (об удмуртском писателе И. Г. Гаврилове)» (1994), «О друзьях-товарищах» и др. Он принял активное участие в издании таких коллективных трудов Удмуртского научно-исследовательского института, как сборники статей «Трудящиеся Удмуртии на фронтах Великой Отечественной войны» (1984), «Воины Удмуртии на фронтах Великой Отечественной» (1985), «В годы суровых испытаний. О ратном и трудовом подвиге сынов и дочерей Удмуртии»

(1986), «В боях за освобождение Украины» (1987), «В боях за Белоруссию» (1988), «В боях за советскую Прибалтику» (1989), сборника документов «Письма огненных лет» (1985) и др. В каждом из этих изданий содержится по несколько очерков С. П. Зубарева (подчас под псевдонимами: Парфенов, Тарасов, Степанов и др.). Книги Степана Парфеновича издавались не только в Ижевске, но и в Казахстане, на Украине. Он также — автор очерков «Именем Героя» (1967), «В тылу врага» (1978), «В великой битве» (1980) и мн. др. [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–7]. Итоговой стала вышедшая в свет в 1990 г. монография «В боях за Родину. О ратных подвигах сыновей и дочерей Удмуртии». Ценность этого издания заключается в том, что в нем ученый одним из первых охарактеризовал участие военнослужащих из Удмуртии во всех крупных битвах, сражениях и боевых операциях Великой Отечественной войны, с ее первого до последнего дня.

Осталась не изданной последняя книга С. П. Зубарева «На завершающем этапе войны», в которой рассказывается об участии наших земляков в освобождении от фашизма стран Западной Европы. Рукопись данной книги [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 230–248] в виде рукописного подлинника с правками и вставками автора хранится в составе его личного фонда. В фонде № 103 имеются рукописи и других неопубликованных трудов — очерков и статей С. П. Зубарева, преимущественно по вопросам истории Великой Отечественной войны [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 176–229, 249, 298].

Сведения, позволяющие составить всеобъемлющую научную биографию Степана Парфеновича, содержатся в таких материалах его личного фонда, как рукописи вариантов диссертации [1. Ф. 103. Оп. 1. Д. 81–84], книг, очерков, статей, выступлений в СМИ, рабочие тетради с выписками из печатных изданий и архивных документов, конспектами и заметками, переписка с учреждениями, организациями и ветеранами. Анализ этих материалов показывает присущий Зубареву еще с сарапульского периода жизни стиль научной работы — сочетание ведения исследований по архивным источникам с активной поисковой деятельностью. Монографии, очерки, документальные повести С. П. Зубарева по вопросам истории гражданской и Великой Отечественной войн, наряду с яркой публицистичностью и наличием элементов художественной литературы, мемуаристики, неизменно базируются на строгой документальной основе и результатах поисковых изысканий автора. Это, с одной стороны, подтверждает их научную ценность, а с другой, способствует популяризации среди массового читателя.

После выхода на пенсию, наряду с работой в Удмуртском научно-исследовательском институте, С. П. Зубарев принимал активное участие

в деятельности Союза журналистов и Союза писателей УАССР, выступал с лекциями. До последних дней жизни Степан Парфенович Зубарев вел военно-патриотическую работу, в начале 1990-х гг., как уже отмечалось, активно участвовал в подготовке к изданию томов Книги Памяти УР в качестве члена, а впоследствии — руководителя Республиканской рабочей группы. Очень хотелось Степану Парфеновичу встретить 50-летие Победы. Но... не дожил. 16 декабря 1994 г. скорбный список погибших солдат пополнился еще одним именем — которое в основном сосредоточено в его личном фонде в ГКУ «ЦДНИ УР». Кроме проаннотированных выше документов, в данном фонде содержится богатый массив фотоматериалов. В составе описи № 3 изобразительных документов фонда № 103, например, имеются фотографии о семье вавожских учителей Меньшиковых, об участниках революционных событий и гражданской войны в Прикамье, о 20-м Славутском пограничном отряде, в котором служил С. П. Зубарев, о г. Сарапуле. История Великой Отечественной войны представлена в виде портретов Героев Советского Союза и других участников боевых действий, бойцов и офицеров 172-й и 333-й стрелковых дивизий, 174-го отдельного истребительного противотанкового артдивизиона, 134-го артполка, коллекциями военных фотографий И. Сажина, фотоматериалов о встречах ветеранов войны, рисунков из армейской газеты «На разгром врага».

Незначительный по объему массив документов ученого также находится на хранении в ГКУ «Центральный государственный архив Удмуртской Республики» [2. Ф. Р-1499, 30 ед. хр., 1958–1983 гг.]. Все материалы предоставляются для изучения в читальных залах государственных архивов. Часть документов фонда № 103 доступна в удаленном режиме: фотоматериалы — в базе данных «Фотокаталог ГКУ «ЦДНИ УР» на сайте Архивной службы Удмуртской Республики [<http://gasur.ru/>], ряд материалов к биографии С. П. Зубарева и других участников войны — на сайте «Фронтовики Удмуртии: по документам архивов Удмуртской Республики» [<http://фронтовикиудмуртии.рф/>]. В течение 2021 г., в рамках старта реализации проекта по оцифровке исторических и ретроспективных документов об истории Великой Отечественной войны, сотрудниками ЦДНИ УР предполагается провести работу по переводу в электронный вид документов личного фонда С. П. Зубарева в полном объеме. В перспективе в интернет-пространстве будет обеспечен удаленный доступ ко всем архивным материалам Степана Парфеновича.

Все это, как мы надеемся, будет способствовать активизации изучения личного архива ученого, использованию его богатого наследия в целях продолжения поисковой и военно-патриотической работы в республике. Возможно, в итоге будет решен вопрос о подготовке научной

публикации неизданных трудов С. П. Зубарева, а также его статей и заметок, опубликованных в военные годы в армейской газете «На разгром врага».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР):
Ф. 16 — Удмуртский реском КП РСФСР;
Ф. 79 — Сарапульский горком КП РСФСР;
Ф. 92 — Удмуртский реском ВЛКСМ;
Ф. 103 — Личный фонд С. П. Зубарева, канд. ист. наук, историка-краеведа, журналиста, участника войны.
2. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР):
Ф. Р-1499 — личный фонд С. П. Зубарева, канд. ист. наук, партийного и общественного деятеля, участника войны.

УДК 94(470.51)(092)

Н. П. Лигенко

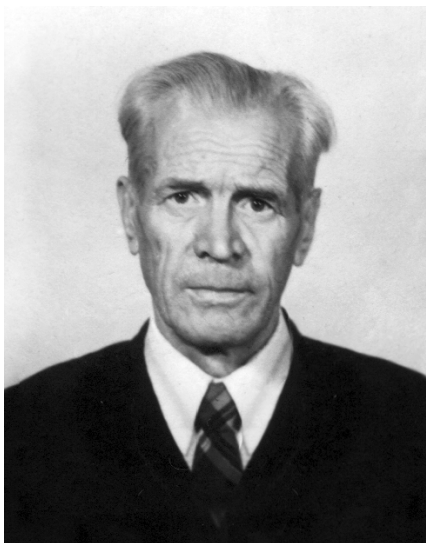
г. Ижевск (Россия)

Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН

**МИХАИЛ АНДРИАНОВИЧ САДАКОВ (1916–1993) —
УЧЁНЫЙ, ВЕТЕРАН ВОЙНЫ И ТРУДА**

Статья посвящена Михаилу Андриановичу Садакову, внесшему значительный вклад в разработку ключевых проблем истории Удмуртии. Сложный путь становления личности Михаила Андриановича в условиях бурных политических событий первой половины XX в. сформировал в нем серьезного историка, осознавшего важность исторической науки в общественно-политической жизни, большую ответственность в трактовке исторических событий и высокий социальный статус профессионального историка. Труды М. А. Садакова прошли глубокую апробацию и не потеряли своей значимости на современном этапе развития региональной историографии. В основу методологических принципов и методов исследования аграрной истории заложена марксистско-ленинская теория развития капитализма в России, которая не утратила своего научного звучания. Михаил Андрианович является новатором в ряде используемых методологических подходов. Так, ученым впервые в региональной историографии наиболее полно и разносторонне использовалась одна из разновидностей антропологических методик — биографический метод. Характер источниковой базы позволил ученому опереться на методики еще одного весьма перспективного направления — «жизненную историю». Существенный вклад ученого в развитие региональной историографии составляет обширный комплекс источниковой базы, в основном впервые введенной в научный оборот, состоящий из большого массива документов центральных и региональных архивов; тщательно проработанной российской, региональной, сельской периодики; материалов личных архивов, ценнейших, ярких сведений участников описываемых событий. Большой заслугой в научной деятельности М. А. Садакова стал выбор в качестве предмета исследования наиболее острых, существенных, чаще всего дискуссионных проблем, в частности: национально-государственное строительство, социально-экономическое положение и классовая борьба крестьян, рабочих людей и мастеровых заводов Удмуртии в XVIII в., революционное движение в Удмуртии в годы первой мировой войны, социально-экономические преобразования в Удмуртии в период гражданской войны, аграрные отношения на территории Удмуртии в конце XIX — начале XX в., биографические очерки о героях гражданской войны и видных политических деятелях. Научное наследие М. А. Садакова создало прочную базу для дальнейшей разработки исторического прошлого Удмуртии.

Ключевые слова: М. А. Садаков, историк, XVIII–XX вв., Удмуртия, гражданская война, социально-экономическая история.

Михаил Андрианович Садаков, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Удмуртского института истории, языка и литературы при Совете Министров УАССР (далее — УдНИИ), внесший весомый вклад в развитие региональной историографии, один из патриархов, составляющих гордость научного сообщества Удмуртии. 32 года своей жизни он посвятил научной работе в УдНИИ (1945–1977). В 1953–1975 гг. был зав. сектором истории. В 1951–1953 гг. — депутатом Ижевского городского совета. Научную работу совмещал с преподаванием в Удмуртском государственном педагогическом институте (далее — УГПИ). Являлся лектором

городского комитета КПСС и активным членом «Общества по распространению научных и политических знаний».

Судьба Михаила Андриановича Садакова в миниатюре отразила процесс становления молодой советской интеллигенции, формировавшейся из талантливых, деятельных молодых людей при осознанной поддержке государства и общественных организаций. Погружаясь в жизненную историю провинциальной полиэтнической среды того времени, убеждаешься, что лозунг «учиться, учиться и учиться» был реальным фактором активного воплощения в жизнь и давал свои благодатные плоды.

Михаил Андрианович родился 14 сентября 1916 г. в русской семье крестьянина-середняка д. Касарги, Васильевской волости, Глазовского уезда, Вятской губернии (ныне Красногорский район Удмуртской Республики). Детство Михаила проходило в сложных условиях, продиктованных и объективными, и субъективными факторами. С одной стороны, выживание деревни в условиях бурных политических событий первой половины XX в., а с другой, — личные трагедии, постигшие многодетную семью. В 1923 г., когда Михаилу исполнилось 7 лет, после непродолжительной болезни умирает отец. В своей автобиографии Михаил Андрианович пишет: «В раннем детстве я лишился отца, который умер после тяжелого голодного 1922 года». На иждивении матери осталось четверо детей: трое сыновей и дочь. «Воспитывался на попечении матери, а потом старшего брата» [10. Ф. 11. Оп. 1. Д. 229]. Его детство прошло

в постоянном труде, «труде на выживание». Серьезное отношение к жизни, терпение и трудолюбие стали характером Михаила и определили всю его последующую жизнь.

В условиях сплошной коллективизации в стране, объединения единоличных крестьянских хозяйств в колхозы, семья Садаковых последовала всеобщей тенденции и в 1929 г. вступила в колхоз. В 1930 г., когда Михаилу исполнилось 14 лет, он был принят в ряды Ленинского комсомола. Районные комсомольские организации принимали активное участие в кампаниях по посеву, уборке и заготовке сельскохозяйственных культур. «Партийно-комсомольская организация поручила мне руководить колхозно-молодежной полеводческой бригадой», — пишет Михаил Андрианович. В статусе бригадира он пробыл три года. В школе Михаил был одним из первых учеников, проявил яркие способности к гуманитарным наукам, поэтому «в 1931-м году по командировке Красногорского райкома комсомола был направлен на учебу в общеобразовательную школу колхозной молодежи села Дебы Красногорского района», затем в 1933 г. вновь по командировке райкома комсомола рекомендован для дальнейшего обучения на педагогический рабочий факультет в Ижевск [10. Ф. 11. Оп. 1. Д. 229]. В 1935 г. случилось очередное несчастье: 19-летний Михаил теряет мать. Однако закаленный трудностями жизни, талантливый, серьезный молодой человек не опускает руки и вкладывает всю свою энергию в дальнейшее самостановление. В 1935 г. поступает на исторический факультет УГПИ и в 1939 г. успешно оканчивает его. Во время учебы в вузе Михаил *зарекомендовал себя* вполне перспективным *студентом*, подающим большие надежды, обладающим высокой работоспособностью, нацеленным на дальнейший научный рост. Решением Совета факультета он был оставлен на кафедре основ марксизма-ленинизма в должности зав. кабинетом, в то же время ему было поручено в качестве преподавателя вести практические и семинарские занятия по истории со студентами литературного факультета УГПИ.

Однако совершенствование на поприще преподавательской деятельности было приостановлено. В октябре 1939 г. Михаил Андрианович призывается на службу в ряды РККА, где находится 6 лет (1939–1944). Достоинства молодого человека были замечены и оценены применительно армейских условий. Михаила определили на учебу в полковую школу, находившуюся в пос. Новое, Еврейской области. По воспоминаниям Михаила Андриановича, в дальнейшем военную службу он проходил по восходящей должностной линии: «с апреля 1940 года — заместитель командира роты по политической работе; с июня 1941 года по июнь 1942 года — секретарь комсомольской организации отдельной

воинской части; с июня 1942 года по май 1943 года — заместитель командира батальона по воспитательной работе» [10. Ф. 11. Оп. 1. Д. 229].

Михаил Андрианович вспоминал: «Мы все мечтали попасть на фронт... Во второй половине 1943 года с Сахалина, Камчатки и других отдалённых мест Востока начали выводить заключённых и формировать из них маршевые роты. Командовать такими тактическими подразделениями доверялось партийно-комсомольскому активу. Меня назначили заместителем командира роты по политической и воспитательной работе. 26 февраля 1944 года нас, около тысячи человек, погрузили в товарные вагоны, и мы двинулись на Запад и в марте 1944 года в составе X армии 2-го Прибалтийского фронта оказались на местах сражений. Перед боем нам поставили задачу: выбить противника из посёлка Пушкинские горы, чтобы взять русскую святыню Святогорский монастырь, спасти от осквернения места, связанные с величайшим русским поэтом Александром Пушкиным...». За проявленную отвагу и мужество, «за боевое выполнение задания командования» Михаил Андрианович Садаков был награжден медалью «За боевые заслуги» [10. Ф. 11. Оп. 1. Д. 229].

В 1944 г. Михаил Андрианович получил тяжелое ранение в ногу с ампутацией левой голени. «В момент моего ранения, когда я был в бессознательном состоянии от потери крови, все находившиеся документы при мне были утеряны, в том числе и партийный документ», — пишет Михаил Андрианович. В 1944 г. в связи с потерей документов он выбыл из состава ВКП(б). Следует уточнить, что кандидатом в члены партии М. А. Садаков был принят в 1943 г., а в 1948 г. был восстановлен. В целях медицинской реабилитации Михаила Андриановича направили в госпиталь Уфы, где он находился на лечении в течение 8 месяцев [10. Ф. 11. Оп. 1. Д. 229].

В апреле 1945 г. Михаил Андрианович прибыл в Ижевск. Областным комитетом партии был рекомендован на работу в Удмуртский институт истории, языка и литературы. Он получил вполне достойное предложение, поскольку УдНИИ в то время являлся первым научным учреждением Удмуртии, с именем которого связано воспитание кадров интеллигенции, становление и развитие науки, культуры и образования Удмуртии. Уже через два года работы в институте о достоинствах новопришедшего младшего научного сотрудника заведующий сектором истории, известный ученый и общественный деятель Николай Николаевич Латышев писал: «Михаил Андрианович Садаков очень трудоспособный, горячо заинтересованный работой, всегда обдуманно и критически подходит к изучению исторических материалов», или «тов. Садаков способный, растущий работник, обещающий давать ценные исследователь-

ские и популярные работы по вопросам исторической науки, в частности, по вопросам истории Удмуртии» [10. Ф. 11. Оп. 1. Д. 229].

В 1952–1955 гг. М. А. Садаков обучался в заочной аспирантуре при Казанском государственном университете им. В. И. Ульянова-Ленина. 14 июня 1961 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Социалистические преобразования в Удмуртии в первые годы советской власти (ноябрь 1917–1920 гг.)» на заседании диссертационного совета при Пермском государственном университете им. А. М. Горького. На основе диссертационной работы была создана книга «Некоторые вопросы истории Удмуртской АССР» [26].

За время работы в институте Михаилом Андриановичем было опубликовано свыше 70 исследовательских работ, в т. ч. несколько авторских книг, соавторство в коллективных трудах, многочисленные статьи.

Отметим тематическую широту его исследований и основательную, репрезентативную источниковую базу. Свой научный путь Михаил Андрианович начинал как историк послеоктябрьского периода. Затем памятные исторические события и, соответственно, плановые задачи института заставили его переключиться на историю XVIII в. В последующем сложившиеся личные и общественные научные интересы позволили основательно углубиться в исследование аграрной истории конца XIX — начала XX в. Каждая освещенная автором проблема была фундирована добротным составом разноплановых исторических источников. Впервые в научный оборот был введен обширнейший комплекс документов, выявленных в фондохранилищах государственных и партийных архивов Москвы, Свердловска, Перми, Кирова, Казани, Ижевска, а также материалы личных архивов родственников и участников исторических событий.

Остановимся на основных, более значимых научных достижениях Михаила Андриановича. Довольно плодотворными на исследовательском поприще ученого были 1950-е гг. Работы этого периода внесли весомый вклад в исследование проблемы национально-государственного строительства. В библиографическом списке публикаций М. А. Садакова обозначено 27 наименований, в т. ч. авторские и коллективные юбилейные издания: «Удмуртия за 40 лет Советской власти» [32], «400 лет вместе с русским народом» (в соавт.) [2], «Они сражались за счастье народа» [27], «Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии» [11], «Социалистическое строительство в Удмуртии в период гражданской войны и иностранной военной интервенции» [24].

Нельзя обойти вниманием высокопрофессиональный, творческий процесс работы над темой, посвященной Владимиру Мартиновичу Азину

(1895–1920). В конце 1950-х гг. в секторе истории УдНИИ созрела идея всестороннего исследования жизненного и воинского пути легендарного героя гражданской войны, командира 28-й стрелковой Краснознаменной дивизии, с чьим именем связано освобождение от банд белоучредилковцев в ноябре 1918 г. Ижевско-Воткинского промышленного района и второй раз летом 1919 г. — Прикамья от войск Колчака. Авторский коллектив сформировал основательную источниковую базу, в подавляющем большинстве впервые вводимую в научный оборот, состоявшую из материалов архивов, периодической печати, документов личных архивов, воспоминаний очевидцев событий и родственников Владимира Азина. Тщательный подбор документальной базы, критический подход к содержанию документов, позволил внести серьезные коррективы в трактовку ранее созданной биографии героя. Большую помощь в формировании источниковой базы оказали генерал-майор в отставке, бывший начальник артиллерии 28-й стрелковой дивизии А. П. Гундорин, бывший комиссар одного из полков дивизии В. М. Хромов, бывший командир эскадрона А. А. Алексеев [6, с. 98].

Неоценимую лепту в освещение жизненного пути с ранних юношеских лет внесли родные В. М. Азина. В научно-отраслевом архиве УдНИИ сохранилась довольно трогательная переписка Михаила Андриановича с матерью Евой Ивановной и сестрой Ольгой Мартиновной Азины. Следует заметить, что детские и юношеские годы Михаила Садакова и Владимира Азина были сопряжены с серьезными трудностями и их преодолениями. Может быть, поэтому в переписке с родственниками Михаил Андрианович смог найти нужный ключик к сердцам женщин и расположить их к себе. Мать и сестра Владимира Азина безоговорочно представили необходимую информацию о его детских и юношеских годах, выслали фотографии, имевшиеся у них в единственном экземпляре. Ева Ивановна в письме к Михаилу Андриановичу пишет: «Насчет фотокарточек, то какие у меня сохранились, я Вам вкладываю в письмо, и очень прошу Вас, когда переснимите, то пришлите, пожалуйста, обратно, потому что у меня больше не осталось... Прошу не забываюте меня старушку» [10. Ф. 11. Оп. 1. Д. 229. Л. 1]. Просьба, безусловно, была выполнена, о чем свидетельствует содержание последующей переписки. В письме от 10 октября 1965 г. Ева Ивановна и Ольга Мартиновна пишут: «Спасибо Вам дорогой Михаил Андрианович, Вам за память о нас, письмо и газеты получили... Мы все родные Владимира Азина горячо благодарим... за светлую память о нем и внимание к нам родным... С приветом к вам мать, сестра» [10. Ф. 11. Оп. 1. Д. 229]. В конце 1950-х гг. в секторе истории УдНИИ, после тщательных обсуждений, вышла в свет долгожданная коллективная монография «Владимир Азин» [5]. В письме от 25 ав-

густа 1969 г. Ольга Мартиновна, получив последующую публикацию о Владимире Азине, в т. ч. и книгу «Владимир Азин», вновь обращается с благодарностью к Михаилу Андриановичу: «Многоуважаемый М. А. Садаков!!! Прошло много времени как Вы хорошо отразили жизнь и деятельность моего брата В. М. Азина, ком. 28 Железной дивизии, привет и тысячу Вам пожеланий от сестры Ольги Мартиновны Азиной, проживающей на родине Азина В. М.» [10. Ф. 11. Оп. 1. Д. 229]. На основании комплекса разнотипных источников М. А. Садаков опроверг выдвинутое мнение канд. ист. наук Б. Верховень о том, что «Владимир “Михайлович” Азин — донской казак, 1887 года рождения, уроженец Ростова-на-Дону, окончил Елизаветградское кавалерийское училище, во время первой мировой войны служил в 46-м донском полку в чине есаула». В основе данной точки зрения был послужной список от 10 октября 1919 г., хранящийся в ЦГАСА СССР. В газете «Красная Звезда» (1958 г., №77, 22 апреля) Б. Верховень выступил со статей «Недопустимое искажение фактов», в которой оспаривал отдельные биографические данные, приведенные в очерках УдНИИ. На страницах газеты развернулась большая дискуссия о жизненном пути начдива. На повестке дня также стоял вопрос о существовании двух командиров по фамилии Азин Владимир. Только один имел отчество Мартинович, другой — Михайлович. М. А. Садаков на основе основательно проработанных источников, показаний сослуживцев, родителей Владимира Мартиновича доказал, что послужной список не соответствует действительности. В начале 1964 г. по обращению Свердловского краеведческого музея «Дело о принадлежности послужного списка № 228432» рассмотрел Свердловский областной суд и юридически засвидетельствовал историческую достоверность выводов М. А. Садакова.

Под руководством Михаила Андриановича был подготовлен первый обобщающий труд по истории Удмуртии с древнейших времен до 1917 г., вышедший под названием «Очерки истории Удмуртской АССР. Том I» [12], а затем и «Очерки истории Удмуртской АССР. Том II» [13]. Михаил Андрианович выступил в качестве автора отдельных глав и члена редакционной коллегии обоих томов.

За период 1960–70-х гг. в списке изданных работ Михаилом Андриановичем обозначено 37 наименований. Сектором истории с его участием были подготовлены: «Очерки истории Удмуртской организации КПСС» [14] — первое крупное исследование по истории партийной организации Удмуртии. Перу М. А. Садакова принадлежит ряд исследований, посвященных революционным событиям 1905–1907 гг. и 1917 г. В соавторстве с Евгением Ивановичем Рябухиным вышла в свет книга «Краткий очерк истории социал-демократической организации Удмур-

тии» [20]. В соавторстве с Юрием Григорьевичем Юминовым издана книга «В огне рожденный. К истории создания комсомола Удмуртии» [25]. Работы создавались на основе разнообразных типов источников, включая, прежде всего, материалы архивов Удмуртского областного комитета КПСС, Пермского областного комитета КПСС, Свердловского филиала института марксизма-ленинизма при Свердловском областном комитете КПСС, Государственного архива Кировской области, Центрального Государственного исторического архива в Москве, Центрального государственного архива УАССР, Центрального государственного архива ТАССР, рукописного фонда УдНИИ, а также региональной периодической печати («Искра», «Правда», «Большевик», «Известия», «Жизнь национальностей», «Жизнь крестьянина», «Деревенский коммунист», «Красный путь», «Красная мысль», «Труженик», «Борьба», «Красный воин», «Ленинский комсомол», «Юность славная боевая», «Вятская газета», «Вятская речь», «Красное Прикамье», «Ижевская правда», «Комсомолец Удмуртии», «Гудыри», «Советская Удмуртия»). Научные достижения Михаила Андриановича были достойно оценены ученым советом УдНИИ и в апреле 1966 г. ему было присуждено ученое звание старшего научного сотрудника.

Серьезный резонанс в общественной жизни республики получили исследования Михаила Андриановича, посвященные крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева (1773–1775). Следует отметить, что новые открытия, новые повороты в трактовке исторических событий, опирающиеся на глубокую источниковую базу, тонкий детальный анализ исторических документов, во многом впервые введенных в научный оборот, сыграли свою роль в становлении молодой плеяды историков. Одним из примеров служит освещение ученым одного из новых поднятых им аспектов — роли коренных народов в исторически значимых событиях страны. В «Записках УдНИИ» была опубликована его статья «Участие удмуртов в крестьянской войне под руководством Пугачева (1773–1775 гг.)» [28]. По воспоминаниям известного ученого, проф. Маргариты Владимировны Гришкиной, «именно эта статья пробудила в нас, студентах истфака, интерес к истории Удмуртии, продемонстрировав участие народов края в событии, всколыхнувшем всю страну». В дальнейшем, в соавторстве с А. А. Александровым, М. А. Садаков подготовил достаточно объемный сборник документов «Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева 1773–1775 гг. в Удмуртии», посвященный 200-летию восстания, вышедший в 1974 г. «Эти работы внесли существенный вклад в разработку интересного периода истории удмуртского народа и Удмуртии в целом», — отметила Маргарита Владимировна. На основании глубокого тщательного анализа ис-

торических документов автор раскрыл социально-экономические и политические причины, толкавшие крестьян и другие социальные группы населения на вооруженную борьбу: усиление крепостнического гнета, невыносимое положение на заводах мастеровых и приписных крестьян.

Большую популярность получили и библиографические очерки Михаила Андриановича о выдающихся революционерах — наших земляках и политических деятелях: И. А. Наговицине, И. Н. Волкове, В. А. Шумайлове, С. П. Барышникове, В. М. Азине.

М. А. Садаков принимал активное участие в подготовке и выпуске сборников документов по отдельным темам истории Удмуртии, создавших необходимую серьезную источниковую базу для их разработки: «Революционное движение трудящихся Удмуртии в период первой русской революции (1905–1907 гг.)» [23], «Революция 1905–1907 гг. в Удмуртии: материалы и документы» [19], «Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии (1917–1918 гг.): Сборник документов и материалов» [11], «40 лет Удмуртской АССР» [1], «Удмуртия в период военной иностранной интервенции и гражданской войны» [31].

В 1940–80-е гг. в обязанность научным сотрудникам УдНИИ вменялась большая, разноплановая общественная работа: чтение лекций перед населением республики, публикация статей в местной прессе и ряд других разовых мероприятий. К примеру, в мае 1950 г. по поручению Первомайского районного комитета партии Михаил Андрианович проверял работу сотрудников Удмуртского Республиканского музея (УРМ), результаты проверки были изложены в письменном отчете. Позднее, ему было поручено проанализировать экспозиционный план УРМ, Михаил Андрианович внес серьезные корректировки в представленный материал. В период с 11 по 15 января 1952 г. он по поручению Первомайского районного комитета партии проверял и оценивал работу партийной организации УГПИ.

Большое и пристальное внимание партийными органами уделялось лекторской работе среди населения республики. Организацией мероприятий занималось «Общество по распространению научных и политических знаний». Лекции Михаила Андриановича пользовались большой популярностью и отличались широким тематическим диапазоном. Так, с 2 по 6 января 1948 г. он выступает на учительской конференции Якшур-Бодьинского района с лекциями: «Международное положение», «Великий русский народ — выдающаяся нация и руководящая сила советского государства», «Партия большевиков в годы коллективизации», «Владимир Азин — герой гражданской войны». В эти же дни, он выступает перед партийным активом Якшур-Бодьинского района на темы «Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства

СССР» и «Гражданская война в Удмуртии»; перед работниками молокозавода — «24 года без Ленина под водительством Сталина по Ленинскому пути». Выступления Михаила Андриановича сопровождались устными и письменными благодарственными отзывами. Так, секретарь парторганизации цеха № 49 завода № 74, дал следующую оценку выступлению перед рабочими 18 марта 1950 г.: «Лекция Михаила Андриановича Садакова на тему “Товарищ Сталин на Восточном фронте в 1919 г.” прослушана коллективом мастерской с очень большим интересом и вниманием. Просим, почаще посылать к нам таких высококвалифицированных лекторов» [10. Ф. 11. Оп. 1. Д. 210. Л. 5об]. М. А. Садаков находил свой ключ, свою тональность в изложении материала для самой разновозрастной и разноуровневой социальной аудитории; это: солдаты гарнизона, офицеры военкомата, прокуратура республики, ремесленные училища, дом крестьянина, аптечные работники, врачи 2-й клинической больницы, зрительный зал кинотеатра «Смена», детский клуб, допризывники и др.

По поручению партийных районных комитетов он постоянно выступал с темами политического характера: «О международном праздновании 1-го Мая» на торжественном заседании аптечных работников; перед учеными УдНИИ: «О решении X съезда профессиональных союзов» и др. Михаил Андрианович разработал курс лекций по «Истории Удмуртии» (4 лекции — 8 часов) и на профессиональном уровне давал концептуально выстроенную картину истории родного края, адаптируя материал к самой различной аудитории: офицеры военкомата, работники архива, учителя средних школ, студенты УГПИ и др. Михаил Андрианович участвовал в конкурсе на лучшую лекцию с темой «Участие удмуртского народа в крестьянской войне под руководством Емельяна Пугачева». Данная лекция успешно была прочитана молодежи завода № 74, рабочим цеха № 30 завода № 74, избирателям на избирательном участке № 89 и др. Ежегодно он разрабатывал все новые темы лекций, соотнося с системой реального времени и успешно адаптируя их к устному восприятию излагаемого материала [10. Ф. 11. Оп. 1. Д. 210]. Лекционное бюро Министерства культуры УАССР решило издавать лекции Михаила Андриановича в виде методического пособия в помощь лекторам. После тщательного обсуждения была издана брошюра «Революционное движение трудящихся Удмуртии в период первой русской революции 1905–1907 гг.» [18].

Михаил Андрианович внес большой вклад в изучение социально-экономической истории Удмуртии конца XIX — начала XX в., разработав проблему на монографическом уровне. Предварительно опубликовал текст в виде разрозненных статей в сборниках УдНИИ. Так, раздел «Аг-

рарные отношения на территории Удмуртии в период империализма (конец XIX в. до октября 1917 г.)» в виде статьи был опубликован в сборнике «Вопросы истории Удмуртии. Выпуск второй» [21], в которой основательно проработаны методология, научные подходы, источниковая и историографическая база. В результате исследования были сделаны выводы о том, что Вятская губерния была втянута в общероссийский капиталистический процесс, но со значительными особенностями и отличительными чертами. Развитие поземельной крестьянской общины шло по линии расслоения крестьянства, образования сельской буржуазии, разорения массы бедноты и вытеснения ее в ряды промышленного пролетариата. Автор на конкретном материале показывает процесс формирования крупных лесопромышленников, торговой буржуазии из удмуртского кулачества.

Другой раздел монографии — «Развитие товарно-денежных отношений в удмуртской деревне в период империализма», был опубликован в сборнике «Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX — начале XX века» [22] под ред. М. М. Мартыновой. В указанном разделе на широком фоне социально-экономического развития с привлечением большого, разнотипного круга источников впервые в историографии Удмуртии системно рассматривается развитие торговли, ее характер, специфические особенности, состояние транспорта, кредитно-банковской системы. Весь комплекс раскрытых вопросов показал, что торговый капитал охватывал все более широкую область хозяйственной деятельности. Этому способствовали и социально-экономические условия, и благоприятное географическое расположение в междуречье судоходных Камы и Вятки, наличие железной дороги, способствовавшие активизации вовлечения крестьянского населения во всероссийский рынок. Автор подчеркивает, что товарно-денежные отношения среди удмуртского населения были выражены слабее, зарождавшаяся национальная торговая буржуазия экономически и, тем более, политически, была еще слаба, однако потенциально «претендовала на дальнейший рост» [22, с. 158].

В 1980-е гг. в научном сообществе Удмуртии созрела идея «объединения усилий ученых для развития исторической науки». В 1986 г. при секторе истории УдНИИ были созданы проблемные советы по советскому и дореволюционному периодам, сыгравшие значительную роль в развитии региональной историографии. В состав совета по дореволюционной истории Удмуртии входили известные и почитаемые историки: преподаватели УГПИ–УдГУ (Александр Александрович Александров, Агафон Николаевич Вахрушев, Мария Михайловна Мартынова, Василий Евгеньевич Майер, Борис Григорьевич Плющевский) и научные

сотрудники УдНИИ (Никифор Павлович Павлов, Михаил Андрианович Садаков, Маргарита Владимировна Гришкина, Кузьма Иванович Куликов, Маргарита Григорьевна Иванова, Нэлли Павловна Лигенко). В ходе заседаний проблемных советов были подведены итоги развития историографии истории Удмуртии, выявлены малоизученные и неисследованные проблемы. Члены совета пришли к мнению о необходимости создания авторских коллективов по отдельным проблемам, которые наряду со сборниками статей, подготовили бы коллективные монографии по слабоизученным проблемам: истории рабочего класса, истории крестьянства Удмуртии, общественно-политическом движении и др. В целях дальнейшей, более продуктивной работы было решено создать координационный комитет по систематизации научных тем, которые рекомендовались бы в качестве докторских, кандидатских, дипломных работ и т. д. Председателем такого комитета был избран заместитель директора по науке УдНИИ Никифор Павлович Павлов. В ходе обсуждений члены совета единогласно решили, что назрела острая необходимость в создании более наукоемкой монографии по истории Удмуртии, с привлечением широкой источниковой базы, современных методов и приемов исторического осмысления проблем. В преддверии написания истории Удмуртии на заседании проблемного совета было решено издать серию книг под названием «Материалы к истории Удмуртии» и тематические сборники с освещением малоизученных вопросов, посвятить их памяти ушедших из жизни ведущих историков Удмуртии.

Следует особо отметить, что все намеченные задачи были выполнены и соответственно подготовлена почва для издания фундаментальной монографии по истории Удмуртии. Пополнение рядов историков новыми силами в лице аспирантов, получивших целевую аспирантуру при научных академических учреждениях Москвы, Санкт-Петербурга, позволило раскрыть вышеотмеченные малоизученные проблемы и создать фундаментальный труд — «История Удмуртии» в трех томах учениками этой яркой когорты ученых УдНИИ и преподавателей-ученых УГПИ-УдГУ, работавших рука об руку.

Многосторонняя деятельность М. А. Садакова была заслуженно отмечена различного уровня наградами: орден «Знак почета»; медали «За трудовое отличие», «XX лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина»; Почетная грамота Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР, Почетная грамота Президиума Верховного Совета СССР; Почетная грамота Президиума Удмуртского областного Совета профсоюзов; Почетная грамота профессионального Союза работников высшей школы и научных учреждений; Благодарственная грамота об-

щества «Знание» РСФСР; Почетная грамота редакции газеты «Удмуртская правда» (январь 1967 г. и сентябрь 1967 г.) [10. Ф. 11. Оп. 1. Д. 229].

Личная жизнь Михаила Андриановича была также наполненной и многомерной. В 1947 г. он женился, семья пополнилась тремя детьми (дочь Светлана и два сына — Владимир и Сергей). Михаил Андрианович радовался успехам внуков. К сожалению, при всех усилиях сотрудников института, родственников Михаила Андриановича не удалось найти.

Михаил Андрианович Садаков прожил яркую, плодотворную жизнь. Деревенский паренек, со сложной судьбой, сумел выстоять, осуществить свои творческие планы, стать знаковой личностью в жизни научного сообщества. Как ученый, Михаил Андрианович сделал весомый вклад в историографию истории Удмуртии, большим достоинством его работ является мощная, прочная источниковая база, которая послужила основой для последующей разработки вопросов истории Удмуртии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. 40 лет Удмуртской АССР. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1960. 225 с.
2. 400 лет вместе с русским народом. Исторический очерк. Ижевск, 1958.
3. *Верховень Б.* Недопустимое искажение фактов // Красная Звезда, 1958. № 77. 22 апр.
4. Владимир Азин / сост. М. А. Садаков. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1958. 96 с.
5. За счастье народа. Об участниках революций и гражданской войны в Удмуртии / сост. М. А. Садаков. Ижевск: Удмуртия, 1967. 198 с.
6. Историография истории Удмуртии. Ижевск: 1977. 158 с.
7. Книга для чтения по истории Удмуртии. Ижевск, 1962.
8. Краткий очерк истории социал-демократических организаций Удмуртии. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1963. 98 с.
9. Краткий очерк истории социал-демократической организации Удмуртии. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1963. 95 с.
10. Научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удм-ФИЦ УрО РАН
11. Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1957. 395 с.
12. Очерки истории Удмуртской АССР. Т. I. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1958.
13. Очерки истории Удмуртской АССР. Т. II. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1962.
14. Очерки истории Удмуртской организации КПСС. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1968.
15. По родному краю (исторические памятники и памятные места Удмуртии) Ижевск, 1964.

16. Рабочий класс — крестьянству Удмуртии (1917–1965): Сб. документов и материалов. Ижевск: Удмуртия, 1967. 140 с.
17. Революцией призванные. Очерки и рассказы о героях трех революций и гражданской войны в Удмуртии / сост. М. А. Садаков. Ижевск: Удмуртия, 1981. 315 с.
18. Революционное движение трудящихся Удмуртии в период первой русской революции (1905–1907 гг.). Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1955.
19. Революция 1905–1907 гг. в Удмуртии: Материалы и документы. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1956. 140 с.
20. *Рябухин Е. И., Садаков М. А.* Краткий очерк социал-демократических организаций Удмуртии. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1963. 95 с.
21. *Садаков М. А.* Аграрные отношения на территории Удмуртии в период империализма (конец XIX в. — до октября 1917 г.) // Вопросы истории. Выпуск второй. Ижевск: УдНИИ, 1974. С. 91–196.
22. *Садаков М. А.* Развитие товарно-денежных отношений в удмуртской деревне в период империализма (Торговля, транспорт, банки и кредитные учреждения) // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине — начале XX века. Ижевск: УдНИИ, Ижевск, 1981. С. 126–158.
23. *Садаков М. А.* Революционное движение трудящихся Удмуртии в период первой русской революции (1905–1907 гг.). (Материалы в помощь лектору). Ижевск: Удмуртская правда, 1955. 38 с.
24. *Садаков М. А.* Социалистическое строительство в Удмуртии в период гражданской войны и иностранной военной интервенции // Записки УдНИИ. Вып. 18. Ижевск, 1957. С. 3–36.
25. *Садаков М. А., Юминов Ю. Г.* В огне рожденный. К истории создания комсомола Удмуртии. Ижевск: Удмуртское книжное издательство. Ижевск, 1960. 120 с.
26. *Садаков М. А.* Некоторые вопросы истории Удмуртской АССР. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1960. 96 с.
27. *Садаков М. А.* Они сражались за счастье народа. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1957. 80 с.
28. *Садаков М. А.* Участие удмуртов в крестьянской войне под руководством Пугачева (1773–1775 гг.) // Записки УдНИИ. 1949. Вып. 11. С. 3–33.
29. Слово о земляках: Сб.. Ижевск: Удмуртия, 1965. 311 с.
30. Трудящиеся Удмуртии в борьбе с Колчаком: Сб. документов. Ижевск, 1959. 86 с.
31. Удмуртия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны: Сборник документов. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1960. 322 с.
32. Удмуртия за 40 лет Советской власти. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1957. 258 с.

ВОСПОМИНАНИЯ М. А. САДАКОВА О СЛУЖБЕ В СОВЕТСКОЙ АРМИИ¹

1981 г.

План воспоминаний²:

1. От студента до курсанта.
2. На фронт.
3. В боях за Пушкинские Горы.
4. Освобождение Латвии.

I. От студента до курсанта полковой школы

Службу в Советской Армии я начал поздно. Сверстники мои уже успели отслужить свой срок и вернуться в родные места. Я продолжал учебу в педагогическом институте и по этому случаю имел отсрочку от службы в армии.

Учеба в институте давалась мне трудно. Я учился на Историческом факультете Ижевского (Удмуртского) педагогического института. До поступления в институт я окончил школу колхозной молодежи в селе Дебы Красногорского района, потом педагогический рабфак в Ижевске. Ни в том, ни в другом учебном заведении историю в ту пору не преподавали. Правда, в рабфаке преподавали Историю партии по учебнику Кнорина и Попова. Однако вынес я из лекций по партийной истории очень малые знания. Поэтому в институте в первый год я еле-еле на «тройки» сдавал экзамены. Пришлось много трудиться, чтобы не отстать, а вернее, постоянно догонять своих товарищей. Долго выравнивал свои знания в исторической науке. Выпускные государственные экзамены сдал по всем предметам на «отлично». На работу определили в среднюю школу № 1 г. Можги. Такое назначение воспринял я без особого восторга. Какой из меня директор?! Ведь я чувствовал и считал себя ветреным мальчишкой³, хотя уже мне шел 24 год, но опыта в жизни — никакого. Поэтому с отбытием к месту работы я не торопился.

Однажды в коридоре института встречаю директора Михаила Андреевича Родина. Человек он был пожилой, участник Гражданской войны, член партии с 1918 года, пользовался в институте большим автори-

¹ Подготовлено к печати ведущим архивистом отдела библиотечных и архивных фондов УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН Т. В. Пантюхиной.

² Впоследствии главы 2 и 3 автором были объединены.

³ Так в документе.

тетом. Он пригласил меня к себе в кабинет и сказал, что дирекция отменяет свое прежнее решение о назначении меня директором школы и оставляет для работы в институте. При этом разговоре присутствовал представитель Наркомата просвещения Удмуртской АССР. Дело было согласовано и решено.

Итак, 1 сентября 1939 года я появился на кафедре института. Начал читать лекции по истории СССР первокурсникам Литературного факультета. Хорошо ли я читал лекции или плохо, не знаю. Только жалоб от студентов в деканат и дирекцию не поступало.

Третью неделю шел вузовский стаж моей работы, а приказа о зачислении в штат института все не появлялось и не появлялось. Сам пошел к директору узнать, в чем дело. Директор очень любезно принял меня и рекомендовал пойти в Азинский Райвоенкомат. Дело в том, что в начале августа 1939 года прошла IV сессия Верховного Совета Союза ССР, на которой был принят Закон о всеобщей воинской обязанности. Все отсрочки по освобождению от службы в армии окончились.

Придя в военкомат, я встретил сотни головообритых¹ юношей. Шел призыв в армию. Ни в каких списках моей фамилии не оказалось. Предъявив свои документы, меня внесли в списки призывников, а через три дня я уже ехал на восток.

Ехали мы на восток долго, более 18 суток были в пути. Ехали в приспособленных товарных вагонах (теплушках). Погода стояла теплая, солнечная, ночи — темные, звездные. На безбрежных сибирских просторах, на тучных лугах паслись большие стада коров, овец, табуны лошадей. Березы, липы, рябины и клены оделись в осенний наряд. Перед нашим взором мелькали чудеснейшие пейзажи Западной Сибири. Восточная Сибирь встретила нас еще более приветливым ландшафтом, бурными реками, живописными озерами, тайгой, огнями больших городов. Всюду чувствовались изобилие продуктов, богатство края. Нужды ни в чем не чувствовалось. Никакое изобилие Сибири нас не привлекало. Но вот перед обилием кедровых орехов не могли устоять. Орехи торговли продавали на всех станциях в большом количестве. Мы тоже охотно довольствовались этим сибирским лакомством. Позднее в дальневосточной тайге сами заготавливали этот полезный продукт.

На 19 сутки мы проследовали город Биробиджан. На безымянном тупичке (дорога к Амуру только строилась) выгрузились, а потом в пешем порядке до поселка Ленинское двинулись по шоссейной дороге.

Мы были очень довольны и даже гордились тем, что нам предстоит служить в ОКДВА (особая Краснознаменная Дальневосточная Армия),

¹ Так в документе.

которая только что у реки Холкин-Гол¹ [Халхин-Гол] разбила 6-ую Квантунскую армию японцев. Старожилы и участники боев нам много об этих боях рассказывали.

При распределении по подразделениям меня определили в полковую школу. Так из студента института я стал курсантом пехотной полковой школы, а через шесть месяцев после успешного ее окончания стал сержантом и помощником командира взвода.

Служба началась и длилась долго. Надо сказать, что наш 3-ий пехотный полк считался пограничным. Мы в 3-х километрах находились от границы. Границей на данном участке служила широкая река Амур. Мы каждый день ее видели и каждый день на этом рубеже бывали.

Здесь на амурских рубежах нашей Родины застала меня Отечественная война. На первом же солдатском митинге по поводу нападения на СССР немецко-фашистской Германии группа офицеров, сержантов и солдат изъявила желание добровольно поехать на фронт в действующую армию. Однако нас тактично и даже деликатно приостановили. При этом сказали, что если понадобятся наши силы, то без всяких личных заявлений отправят на фронт. Вот этот день мы долго ждали, да так и не дождались. А дело было в том, что здесь тоже своего рода был фронт. Здесь тоже был коварный и сильный враг — Япония, которая входила в Тройственный союз — Рим — Берлин — Токио.

Как только гитлеровская Германия напала на СССР, так Япония, связанная договором с Германией, ежедневно начала на границе вооруженные провокации и нарушение границ с воздуха. Ни днем, ни ночью нам, воинам, не было покоя. Тревога за тревогой следовали иной день по несколько раз в сутки. А на Западе в это время Советская Отчизна сражалась с гитлеровскими ордами. Закончились крупные <сражения>². Гитлеровцев разбили под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, а мы, дальневосточники, зорко охраняли и защищали дальние восточные рубежи нашей Родины. Но вот подвернулся случай попасть на фронт, и мы, группа сержантов, решили воспользоваться этим случаем и отправиться в действующую армию.

(Продолжение следует)

М. Садаков.

19ХI – 81 г.

¹ Так в документе.

² Здесь и далее в угловых скобках даны восстановленные по смыслу слова.

II. На фронт

Случай попасть на фронт, о котором я говорил в предыдущем разделе своих воспоминаний, подвернулся неожиданно. Во второй половине 1943 и в 1944 году с Сахалина, Камчатки и других отдаленных мест Востока начали вывозить заключенных и формировать из них маршевые роты. Это были здоровые, рослые и, в основном, молодых и средних лет люди. Большинство их было преданными Родине советскими гражданами, но по разным причинам и в разное время оступившиеся, нарушившие правопорядок, где-то переступившие закон. Они тоже больно переживали за судьбы своей Родины и страстно желали снять с себя позор отступника. Им дали эту возможность.

Командование для таких маршевых рот подбиралось из партийно-комсомольского актива. Я тоже изъявил желание поехать на фронт в составе этих рот. Был я тогда старшим сержантом и кандидатом в члены партии. Сформировали мы роту в городе Свободном при 3-м Запасном полку¹. Меня назначили заместителем политрука роты. В мою обязанность входило: проводить утром политинформации о текущих событиях в мире, выпускать боевые листки, стенную газету, обеспечить роту концертами, выступлениями артистов, развешивать художественную самодельность. Талантов в роте было много. Среди бойцов были профессиональные артисты эстрады и драмы, цирка и балета.

Около двух месяцев будущих воинов мы готовили к суровым боям за Родину. Питали² их хорошо, всех побрили, помыли, тепло одели. Люди ожили, повеселели, обрели облик полноправного гражданина СССР. Им объявили, что если они отважно будут воевать, то судимость с них будет снята. Это тоже имело немаловажное значение. Дисциплина их росла, укреплялась.

26 февраля 1944 года Маршевая рота в городе Свободном была погружена в товарные вагоны (теплушки) и двинулась на Запад. Всего нас ехало около тысячи человек (почти полк военного времени).

До фронта ехали мы долго, почти целый месяц. Приключений в дороге было много. Не буду о них рассказывать.

Чем ближе подъезжали к фронту, тем медленнее шел наш эшелон: загружены пути, местами железнодорожные отряды восстанавливали дорогу после очередного налета немецкой авиации. Всюду видны следы войны: сожженные станции, разрушенные города, стерты с лица земли деревни и села. На станциях встречались бледные, худые люди. На полях

¹ Так в документе.

² Так в документе.

видны были вытаявшие из-под снега трупы лошадей, кое-где даже трупы людей. Над ними кружились стаи ворон, рыскали собаки. Удручающе действовала на нас такая обстановка. Но мимолетная, навеянная меланхолия снова сменялась оптимизмом. Мы по-прежнему пели песни, шутили, смеялись, рассказывали всякие интересные истории, декламировали стихи классиков русской и зарубежной литературы. Словом, уныний и тем более паники не было. Не было такого явления и тогда, когда налетала на эшелон немецкая авиация.

24 марта эшелон проследовал через Великие Луки. От когда-то большого областного города, крупного экономического и культурного центра осталось не более десятка домов. Город лежал в развалинах. Люди жили в землянках, дощанках¹, шалашах. Больно было смотреть, как из пристанционных землянок выскакивали чумазые, покрытые сажей, оборванные дети. Признаки суровой войны чувствовались всюду.

Вечером 24 марта 1944 года выгрузились на станции Пустошка, недалеко от города Великие Луки. Ночью проделали марш километров 20-25. К месту расположения штаба 344 стрелкового полка, 119 стрелковой дивизии, X армии, 2-го Прибалтийского фронта. Полком командовал тогда подполковник Иванов, в прошлом — рабочий из Иваново-Вознесенска. Первую фронтовую ночь мы коротали в сосновом лесу. В бездельи² она нам показалась очень длинной и холодной. Весна в тот год была поздней, затяжной. Днем грело солнышко и по дорогам текли ручейки, а ночью морозы доходили до 20-23 градусов. И хотя одеты мы были тепло: кирзовые сапоги с теплыми портянками, ватные брюки, шубы и черные шапки-ушанки, на руках — теплые перчатки — все же ночью было очень холодно. После первых же боев гитлеровцы окрестили нас «дикими дивизиями». Дескать, большевики двинули против них «дикие сибирские дивизии». Действительно, вид наших дальневосточников был внушительным. Рослые молодые люди, с густыми усами, в лохматых шапках наводили страх на немецких вояк.

При штабе полка нас всех помыли во фронтовой бане. Теперь бы никто не осмелился назвать такое заведение баней. А баня эта представляла следующее: в густом лесу у небольшой речушки (названия ее не помню) поставили большую палатку, на снег набросали пихтовые лапки, согрели воды, расставили из жердей сделанные скамейки, выдали каждому по шайке теплой воды, вот и баня. В такой бане долго не задержишься и не угореешь³.

¹ Так в документе.

² Так в документе.

³ Так в документе.

После бани всем нам дали оружие. Кому автомат, кому винтовка (кроме автомата, я получил еще наган), запас боеприпасов, каску, котелок, противогаз, вещевой мешок и лопатку. Была у нас своя кухня, свои санитары, лекаря, писаря¹, обоз боеприпасов. Семь суток мы совершали вдоль линии фронта переход на другой участок. Полк менял свою дислокацию. Шли, в основном, в ночное время, а днем отсиживались в лесу.

Интересно смотреть на линию фронта ночью. Чудеснейшее это зрелище. Вся она горит разноцветными огнями, лампочками и фонариками, ну, как фейерверк в парке или летнем городском саду. Дело в том, что наши и противник запускают сигнальные ракеты разных расцветок (голубые, красные, зеленые, оранжевые). Это сигналы, понятные только тем, кому они предназначены и кто запускает их. Кроме того, в целях предупреждения перехода нейтральной линии, проникновения через нее разведчиков противника, та и другая сторона нейтральную полосу стремились держать освещенной. Для этой цели на парашютиках навешивают светящиеся фонарики. Свет их так силен, что хоть иголки подбирай. Вот почему издали передовая линия освещена всеми цветами радуги.

10 апреля 1944 года мы вступили в первый бой с противником. <...>² Полку была поставлена задача выбить противника с Пушкинских Гор, взять святыню русской истории — Святогорский монастырь, спасти от осквернения могилу А. С. Пушкина, перерезать идущие сюда шоссе и закрепиться на этой линии. Задача была ясная, но очень сложная.

Пушкинские горы грядой тянулись с севера на юг на протяжении многих километров. Противник подступы к ним прочно укрепил. Расставил артиллерию, многоствольные минометы и крупнокалиберные пулеметы. Наши позиции были очень невыгодные для обороны. Для наступления местность была тем более невыгодная — высокие горы. Авиация нам не могла помочь, т. к. стояла низкооблачная погода, сильные осадки в виде дождя и снега. Танки тоже нельзя было использовать. Первый и второй день наступлений результатов не дали. Все наши атаки противник отбивал. Мы откатывались назад с большими потерями. Штыковые атаки мы вести не могли, т. к. большинство бойцов были вооружены автоматами. Ножи и финки, пущенные в ход, не давали положительных результатов.

Наступила весенняя распутица. Дороги в этой лесисто-болотистой пересеченной местности под действием весенней погоды так раскисли, что боеприпасы подвозить к линии фронта стало невозможно. Обозы

¹ Так в документе.

² Вписана правка красными чернилами. Слово написано неразборчиво.

вдалеке застревали. Пытались переносить боеприпасы на своих плечах, но ведь на это нужна была людская сила, столь необходимая на передовой линии.

Мне с группой разведчиков была дана задача разыскать, где застряли обозы. Мы углубились от линии фронта на 5-6 километров и у деревни Ляпино обнаружили застрявший в грязи обоз. Колеса повозок ушли в самую ступицу. Лошади выбились из сил. Они смотрели на солдат злыми глазами, как бы спрашивая, почему их так мучают? Вот в этой тяжелой ситуации надо было принять срочное и правильное решение. Думали на себе переносить тяжелые ящики с патронами, гранатами, снарядами. Многие десятки тонн надо перебросить с низины на гору в деревню Ляпино. И вот у кого-то из наших людей блеснула мысль — выманить лошадей из вязкой трясины овсом. Мысль оказалась очень дельной. Один боец устремился к крайней хате деревни и у бабушки, единственной хозяйки в доме, спросил:

— Бабуся, есть ли у Вас в доме корыто?

— Какое корыто, сынок?

— Простое корыто, то самое, в котором рубите мясо на пельмени.

— Ну, есть такое корыто, сын сделал перед самым уходом на фронт.

— Быстро, бабка, дай это корыто, через 15 минут принесу обратно!

Примчав корыто, солдат нашел веревки, привязал к ней корыто и насыпал в него овса. Все это он делал хладнокровно, но ловко. Корыто с овсом поставил перед лошадьми первой повозки, а сам стал тянуть его. Лошади тянулись к своему лакомству, да дернули так, что повозка затрещала и подалась вперед, бойцы под дружный шум помогли лошадям. Таким же путем десять других повозок были вытянуты из грязи, боеприпасы доставлены к передовой линии. Я и мои товарищи были награждены медалями «За боевые заслуги». Воспрянули бойцы, загрохотало на линии фронта. Но враг прочно держался на господствующих высотах и загнал нас в болотистую низину, поросшую мелким кустарником и «молотил» нас изрядно. Сверху на нас сыпал то сильный дождь, то сырой снег. Низина покрылась водой. Начнешь окапываться, а окопчик сразу затопит. Гибли молодые люди в этой весенней грязи. Несколько раз я приводил на передовую пополнение. Смотришь, а на другой день снова цепи поредели. И так длилось целую неделю. 17 апреля полк вывели из боя на формирование.

Формировать полк в условиях военных действий, недалеко от линии фронта — дело очень сложное и хлопотное, но формировать надо. Надо создать боевую единицу, оснастить ее военной техникой, получить

офицерские кадры, людские резервы. Этим мы занимались почти все лето 1944 года.

(Продолжение следует)

Декабрь 1981 г.

III. Участие в боях за освобождение Латвии

В начале лета 1944 года Второй Прибалтийский фронт приступил к боевым операциям по освобождению Латвии. В это время соседние 3-ий Прибалтийский и Белорусский фронты устремились в Пруссию, отрезая крупную группировку немецких войск в Прибалтике. Немцы вскоре разгадали замысел советского командования и начали выводить из-под удара свои войска, находящиеся в Прибалтике. Это не значит, что немцы утратили способность к сопротивлению. Сопротивление они оказывали на заранее подготовленных рубежах обороны, используя природные преграды и резко пересеченную местность.

Весь май и июнь 1944 года мы со своим полком находились во втором эшелоне, несколько подалеже от передовой линии. Принимали новых, еще не бывалых¹ в боях бойцов, обучали их военному искусству. Совершали броски, ночные походы, учили людей владеть штыком, гранатой, учились маскироваться и переносить налеты вражеской авиации.

Среди пополняющих Советской армии было много таких людей, которые долгое время были под властью немцев. Они пережили много невзгод, издевательств фашистов и всяких неприятностей фашистско-немецкой оккупации. Они горели желанием отомстить фашистским захватчикам за поруганную честь своей Родины и рвались в бой. Но мы пока в бой не вступали, а кропотливо готовились к предстоящим сражениям за важнейшие военно-стратегические пункты Латвии.

Советская Латвия в созвездии братских советских республик находилась всего лишь один год. Социалистические производственные отношения, только что установившиеся, не успели прочно окрепнуть. Причиной тому были специфические условия развития экономики, присущие всем прибалтийским республикам. Особенно это касалось развития сельского хозяйства. Здесь господствовал прусский характер в землевладении и землепользовании.

В Прибалтике не было больших населенных пунктов. Там господствовала хуторская система. Населенные пункты (если их так можно назвать) составляли один или два дома. Деревень, как в нашей зоне, у них не было. Каждый крестьянин представлял из себя мелкого буржуа, вла-

¹ Так в документе.

дельца земли, скота, инвентаря. Некоторые из них имели свои мельницы, маслобойни, сепараторы. Перерабатывая продукты животноводства и полеводства, крестьяне сами же сбывали государственным органам. Индивидуализм здесь чувствовался во всем. И все же, надо сказать, в целом Красную Армию в Латвии встречали дружелюбно, восторженно, особенно обильно угощали нас молоком, засыпали цветами. Были, правда, рецидивы неприятные, но это были лишь отдельные эпизоды. Они быстро ликвидировались, а виновники их несли заслуженное наказание.

В конце июня 1944 года мы пересекли старую границу. Особого впечатления граница на меня не произвела. По прошлой службе на Дальнем Востоке я знал, что такое граница. Бывшая граница с Латвией представляла целую гряду укрепленной полосы. Все уже проросло травой, бурьяном. На дотах и дзотах выросли березки. В общем, старая граница перестала играть свою роль, и мы в солнечный, жаркий день беспрепятственно перешли ее, а пройдя несколько сот метров, форсировали вброд небольшую речушку (названия ее не помню) и углубились в сосновый лес. В лесу справно пообедали и двинулись дальше. Разведчики-мотоциклисты, совершив бросок на мотоциклах километров на 30–40, докладывали, что немца они не обнаружили. Идем день, ночь, а немцев все нет и нет.

Числа 5 или 6 июля 1944 года на подступах к городу Люцину (порусски — Лудза) ночью нас встретил немец. Случилось это в густом лесу, по которому следовала дорога. Немцы стреляли по нам трассирующими пулями. Особенность этих пуль состоит в том, что при малейшем соприкосновении с каким-либо предметом, хотя бы, скажем, с листом дерева, пули разрывались на мельчайшие части и поражали вокруг большое пространство. Бывалые воины эту особенность хорошо знали и умели защититься. Защита была очень простая — находясь в зоне поражения, необходимо ложиться на землю и передвигаться ползком. Тогда мельчайшие осколки пуль просвистят мимо и поражений не принесут. Наши же новички об этом не знали, отчего мы понесли большие потери.

Выбив противника из леса, мы оказались на околице небольшого, очень красивого города Лудзи [Лудзы]. Здесь немцы окопались и перед городом решили нам дать бой.

Начинался утренний рассвет. Чуть слегка из леса надвигался туман. Чтобы избежать разрушения города, командование 119 дивизии решило его окружить. Полки ударили по флангам, создав видимость окружения. Противник яростно оборонялся. Из леса вышли гвардейские минометы, известные под названием знаменитых «Катюш» и дали по оборонительным рубежам противника несколько залпов.

Интереснейшее это зрелище, когда начинают победный залп «Катюши». Через¹ наши головы, разрезая предрассветную темноту, в стан противника летит огненная дуга. Ведь снаряды реактивных минометов («Катюш») в своем полете извергают свет типа электрической радуги. Сердце радуется, когда видишь это неопишное зрелище. Настроение бойцов поднимается, уверенность в победе возрастает. Немец не выдержал нашего натиска и начал поспешно отступать. Разрушить город ему не удалось.

На востоке загоралась утренняя заря. Над опаленной пожарами войны землей вставало теплое летнее солнце.

Гордые исполненным долгом, мы вступали на улицы первого латвийского города. А наутро нам зачитали благодарственный приказ Верховного Главнокомандующего о присвоении 119 стрелковой дивизии <почетное наименование> «Люцинской».

В дальнейшем немцы предприняли интереснейшую тактику боя. Выставив заградительные подразделения артиллерии, они создавали видимость переднего края обороны. А сами, усадив пехоту на машины, поспешно отступали в глубь Латвии. Наскоро сооруженные оборонительные рубежи, артиллеристские подразделения после нескольких залпов тоже снимались со своих позиций и вслед за основными силами удирали на запад. Так, несколько дней к ряду мы пытались догнать немцев. Радостное то было время. Кругом тепло летнего солнца, тепло сердец освобожденных нами латышей. Навстречу к нам с большими букетами живых цветов выходили празднично одетые девушки, молодухи спешили угостить молоком. Радость победы была великой.

Около города Варакланы [Варанкляны] немец встретил нас ураганным орудийно-пулеметным огнем и массированными ударами с воздуха. За город Варакланы начались кровопролитные бои. Здесь нас немцы задержали почти на двое суток.

Помню, стояли жаркие дни июля 1944 года. Город Варакланы был небольшим, не имеющим крупной промышленности. Видимо, в прошлом это был центр одноименного уезда. Стоял на возвышенности у небольшой речки. К самой окраине города подходили привольные зеленые луга.

В итоге двухдневных упорных боев город Варкланы был полностью уничтожен. Все, что оставалось из строений, немцы взорвали.

В солнечный июльский² день мы вступили на улицы города. Собственно говоря, улиц как таковых не осталось, не было и домов. Всюду

¹ Так в документе.

² Варкляны был освобожден 2 августа.

дым, чад, запах угара и торчащие глинобитные печи. О том, что здесь был город, можно было догадаться по настилу каменных мостовых, бывших улиц города. Других признаков о существовании когда-то красивого городка не осталось.

Весь июль и август месяцы мы шаг за шагом освобождали Латвию. В конце июля или в начале августа мы взяли небольшой, но красивый, с прямыми широкими улицами, с чистенькими, уютными двух- и трехэтажными домиками город Мадону. А затем готовились к решительным боям за освобождение столицы Латвии — г. Риги.

Не доходя километров 80 до Риги, за городом Мадона мы остановились. Бойцам был дан суточный отдых. Они стирали свои гимнастерки, брюки и купались в лесном озере. Дымились кухни. Готовился вкусный обед. Я тоже сидел за разборным столом и сундуком с документами. Приготовился бриться. В это время над лесной поляной, где мы располагались, появился немецкий самолет. И вот что случилось дальше. Мы оказались очень беспечными. Непрерывные победы притупили нашу бдительность. Мы перестали принимать коварство немцев в серьезный расчет, за что понесли суровое наказание.

Немецкий самолет «Юнкерс» низко пролетел над нами. И никто из наших людей не придал этому никакого значения, никто не подумал, что надо убраться в укрытие. А немецкий летчик в это время развернул самолет и еще несколько снизился и целый ящик «лимонок»¹ обрушил на наши головы. Здесь у нас находились повозки с боеприпасами. От первых же взрывов повозки загорелись, лошади были убиты или ранены, кухню разнесло. От многих бойцов и командиров нашли либо руки оторванные, либо ноги, застрявшие в кустах. Меня тяжело ранило в левую ногу. Почти оторвало ступню, но в горячке я еще несколько шагов сделал вперед и упал. Меня, окровавленного, подобрали санитары и доставили в медсанбат, где²

«сразу же ногу ампутировали.

Семь месяцев находился на лечении — так служба в Советской Армии для меня закончилась. 20 апреля 1945 года поступил на работу в Удмуртский научно-исследовательский институт на должность младшего научного работника. Более 32 лет непрерывно работал там, а в декабре 1977 года ушел на пенсию.

¹ Здесь — бомбы мелкого калибра.

² На этом месте рукопись прерывается. Окончание взято из статьи М. А. Садакова «Что положено солдату», опубликованной в газете «Победа», органа Красногорского райкома КПСС и районного Совета народных депутатов Удмуртской АССР, № 41 от 3 апреля 1984 г.

За всю жизнь, как видите, я не совершил никаких подвигов, выполнял лишь то, что положено было делать каждому солдату. Ходил в атаки, уничтожал фашистов.

И пусть не повторится то, что пережили мы. Пусть каждый из нас будет патриотом, трудится на благо Родины — с наилучшими пожеланиями бывший фронтовик, гвардии старший сержант М. Садаков, гор. Ижевск».

НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 175. Л. 1–20.

В сокращении: Победа. 1984. № 41. 3 апр. С. 2.

СЕКЦИЯ 1: СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

УДК 94(470.53)

Е. Н. Шумилов
г. Пермь (Россия)

О ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНЦАХ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ЮРЛИНСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ

Статья посвящена неизученной до настоящего времени теме — проблеме начальной стадии заселения территории современного Юрлинского района Пермского края, которая долгое время была пустыющей, а до XIII в. населена чудью. На основании материалов переписей населения XVII–XVIII вв. автор показывает, что первыми жителями Юрлинского района (первоначальное название по рекам — Юм-Лопвинский край) были южные коми-пермяки — выходцы с Иньвенского поречья из Отевского церковного прихода, поселившиеся здесь в самом конце XVII в. В первой четверти XVIII в. сюда хлынул поток мигрантов с запада — из сопредельного Кайгородского уезда, которые очень скоро стали доминировать над коми-пермяками. Это привело со временем к формированию особой смешанной этнической группы — русские юрлинцы, которая территориально разделяет коми-пермяков на южных и северных.

Ключевые слова: Пермский край, Юрлинский район, чудь, освоение территории, первые жители.

Как известно, коми-пермяки подразделяются на две основные группы — северных и южных. Их различие было обусловлено появлением к X в. на территории Верхнекамья нового населения — вису (веси), выходцев с территории Белозерского края. Вису (весь) были в своем большинстве представителями восточно-балтийского антропологического типа, характеризующегося невысоким ростом, светлыми волосами и глазами. В представлении других народов это была чудь белоглазая. В связи с этим, Верхнекамье в средневековых восточных письменных источниках X–XII вв. именовалось страной Вису (Ису). Кардинальные изменения произошли в XIII в., когда в Верхнекамье проникли кочевники-тюрки. Отголоски их взаимоотношений с чудью (вису) долго сохранялись у южных коми-пермяков, вобравших в себя тюркский и удмуртский элемент, в виде обряда топтания конниками чудов. В итоге потомки чуди (вису) были оттеснены на север региона, став ведущим компонентом северных коми-пермяков [8, с. 80–84].

С этого времени между северными и южными пермяками появилась полоса отчуждения — нейтральная зона, получившая позднее название Юм-Лопвинский край (название по местным рекам Юм и Лопва, левым притокам Косы, впадающей в Каму), который на протяжении многих столетий оставался незаселенным. И лишь в самом конце XVII в. началось ее постепенное освоение. Тогда данная территория относилась к Косинскому стану Чердынского уезда, а р. Лопва часто упоминалась в документах как Ловья, Лоппа и т. д.

Первыми поселенцами на этой земле были южные коми-пермяки из Иньвенского поречья — жители Отевского церковного прихода. В частности, в 1681 г. Матфей Григорьев сын Елцыев из д. Мечгорт (Мечкор) с четырьмя сыновьями ушел в д. Лопинскую Косинского стана. В 1691 г. туда же ушли жители д. Габова Кондратей Иванов сын Тренин и его сыновья Григорей, Тит и Петр: «*Кондратей с детьми съехал и живет в Чердынском уезде в Косинском стане в деревне на Логье*» (Ловье? — Е. Ш.). В том же году в д. Ловью Косинского стана отправились выходцы из д. Мечгорт братья Сисой (слепой) (с сыном Трофимом и внуками Тарасом и Гаврилой) и Семен Денисовы дети Поцыны (Поцынинские) [2, л. 636–636об]. В конце XVII в. на р. Лоппу в Чердынском уезде бежал Чедов, житель починка «На речке Лаповоже» (позднее д. Бражкаина Отевского прихода). Также бежали в Чердынский уезд Отиновы [3]. В 1711 г. Григорей Кудымов, выходец из иньвенской д. Позагорт, жил «в Чердынском уезде в Косинском стану в деревне Лобанове» [4, л. 619об]. Итак, из всего вышесказанного можно сделать определенный вывод: к 1681 г. в бассейне рек Юм и Лопва уже была д. Лопинская, вокруг которой начал формироваться ареал южно-пермяцких селений, включая д. Лобанову.

Некоторые из южных коми-пермяков в конце XVII в. селились даже на землях северных коми-пермяков. В частности, Григорий Зеновьев сын Ермаков из верх-иньвенской д. Васева поселился в 1696 г. в северной д. Большая Коча. Но уже в 1707 г. его вернули обратно в имение помещика Г. Д. Строганова, поскольку он считался крепостным. В д. Сепеле некоторое время проживала семья Тупицыных с Иньвы, но в 1703 г. они вернулись обратно. В д. Половине в 1688 г. поселились иньвенцы Парфеновы и Полины. Но затем Парфеновы ушли вновь на юг — на р. Обва. Это говорит о том, что южные коми-пермяки плохо приживались среди северных коми-пермяков. Отмечались случаи поселения на землях северных коми-пермяков выходцев из соседнего Кайгородского уезда. Так, в д. Пелым кайгородец Петр Федоров сын Балуй проживал еще с 1673 г. В 1707 г. кайгородцы поселились в д. Октылсорт. Проблем общения с северными коми-пермяками у кайгородцев не было: на рубеже

XVII–XVIII вв. многие из них были двуязычными и говорили и на русском, и на своем пермяцком языке — близком языку коми-пермяков [1].

В первой четверти XVIII в. в междуречье Юма и Лопвы в массовом порядке устремились выходцы из соседнего Кайгородского уезда, которые очень скоро стали здесь доминирующим элементом. К 1721 г. в Чердынском уезде уже существовал Юмский стан, объединявший более 20 деревень. Только в д. Юм было девять дворов, в дд. Матвеева и Над Енчером — по 4 двора. В остальных селениях насчитывалось по одному — двум дворам, что характерно для вновь осваиваемых территорий. В этих населенных пунктах проживали 243 лица мужского пола, в т. ч. 151 крестьянин, 74 подворника и 18 нищих. Подавляющую часть селений населяли кайгородцы, носившие, как минимум, 24 фамилии. Примечательно, что все их фамилии были «в одном экземпляре», что типично для первых поселенцев. К числу деревень, основанных иньвенскими коми-пермяками, можно отнести лишь дд. Юрла, Кони́на, Лобанова, и, возможно, Маркиева. В 1719 г. в д. Юрла на р. Лопва жили Ванковы (позднее Ваньковы), Отины (позднее Отиновы) и Саранины (все эти фамилии характерны для южных коми-пермяков). Деревню Лобанова населяла семья Григория Кудымова. В д. Кони́на проживал с семьей уже известный нам Тит Кондратьев сын Конин — сын Кондратия (Кони) Тренина [5]. В 1721 г. в этой деревне был отмечен и его брат Петр, видимо, пропущенный ранее [6]. Смене фамилии не следует удивляться, т. к. в России вплоть до введения в 1721 г. Петром I паспортов население могло довольно легко менять свои прозвания (фамилии). Поэтому на новой земле далеко не все коми-пермяки сохранили свои прежние фамилии.

Невозможность точной фиксации времени появления кайгородцев в Юм-Лопвинском регионе объясняется тем, что в переписях Чердынского уезда за 1707 и 1711 гг. нет никаких упоминаний о проживании здесь пришлого населения. Впервые оно отмечено только в переписи 1719 г. Тогда здесь было учтено семь селений. Дополнительная перепись 1721 г. показала, что населенных пунктов в реалии было в три раза больше, при этом только одно из них возникло в 1720 г. [6]. Почему местные власти скрывали миграцию? Может быть, причина этого кроется в том, что кайгородские земли, как и чердынские, входили в состав Перми Великой, и это переселение на соседнюю территорию рассматривалось как внутрорегиональное?

Приток населения в Юм-Лопвинский регион продолжался и в последующее время. Так, по переписи 1748 г. известны Перебатовы, переселенцы из погоста Пятигоры. Они были представителями северных коми-пермяков. Продолжали сюда переселяться и кайгородцы, в частности, из Лоенской и Бутинской волостей. Существенно вырос перечень

фамилий, однофамильцы стали появляться в разных селениях, в т. ч. тех, где первое время жили южные коми-пермяки. По сравнению с 1721 г. численность населения к 1748 г. выросла в два раза, преимущественно за счет мигрантов [7].

Таким образом, в результате смешения южных и северных коми-пермяков, и кайгородцев, при численном преобладании последних, начало формироваться новое население, известное ныне как юрлинцы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мартынов М. Е., Нилогов А. С.* Косинско-Камское поречье в переписях и ревизиях XVI–XIX вв. Кудымкар, 2012. 247 с.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1497. Л. 636–636об.
3. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3309.
4. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1497. Л. 619об.
5. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3300.
6. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4051.
7. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4053. Л. 504об–536.
8. *Шумилов Е. Н.* К вопросу о миграции белозерской веси в Приуралье в конце IX в. // Этнокультурные взаимодействия на территории Верхнего Поволжья и сопредельных территориях в древности, Средневековье и в Новое время: сб. науч. тр. участников межрегиональной науч.-практ. конф. Кострома, 2016. С. 80–84.

УДК 39(=511.152)(470.341)

А. В. Малышев

г. Нижний Новгород (Россия)

Отдел этнологии МРОО «Историческое сознание»

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА НИЖЕГОРОДСКОЙ МОРДВЫ

В статье рассматривается вопрос о возможности выделения этнической группы нижегородской мордвы-терюхан как отдельного субэтнуса мордовского народа. Автор показывает и анализирует основные сформировавшиеся концепции о происхождении терюхан. Рассматриваются сочинения античных и средневековых авторов как группа источников, которые могут уточнять сущность и характер этногенеза отдельных поволжских народов. Используются данные лингвистики для уточнения происхождения названия мордвы и терюхан. Делается вывод о возможности выделения терюхан в отдельную этническую группу в составе нижегородской мордвы.

Ключевые слова: этническая история, нижегородская мордва, мордва-терюхане, Среднее Поволжье, Терюшевская волость.

В исторической науке до сих пор остается открытым вопрос о терюханах, в частности о том, можно ли считать этот этнический анклав отдельным мордовским субэтносом, хотя в последнее время и вышел целый ряд публикаций, посвященных данной проблематике [1; 18; 20; 34; 39].

Первым о терюханах, как отдельном народе, сообщил П. И. Мельников, называя их племя «самым северным из мордовских, жившим прежде по берегам Волги и Оки», оставшимся к 1867 г. только в 40 селениях Нижегородского уезда в количестве 13 тыс. душ обоего пола [24, с. 411].

П. И. Мельников, наблюдая терюхан, не мог не отметить их чрезвычайную близость с эрзянами («эрдзянам») и их обрусение. При этом он счел нужным заострить внимание на том, что «судя по остаткам их языка, судя по их обычаю и религиозному культу, их нельзя не признать особым племенем» [24, с. 411].

Вместе с тем звучали и противоположные точки зрения. Так, архиепископ Дмитрий (Сеченов) во время своей поездки по терюханским селам вообще отказал терюханам в «мордовстве», считая их говор сродни говору суздальских и ярославских мужиков, придя к выводу, что они «называются мордвой ложно, понеже они мордвою никогда не бывали...» [36, л. 79–79об]. Кроме того, этнограф В. Н. Майнов во время своей поездки к терюханам в 1878 г. пришел к выводу о том, что это мордва-

эрзя, населявшая Терюшевскую волость, именно благодаря названию волости ошибочно именуется терюханами [19, с. 1].

Во второй половине 1920-х гг. советские этнографы М. Т. Маркелов и С. П. Толстов установили, что элементы культуры терюхан близки «прошлым традициям культуры эрзянской группы мордвы», а «язык этой группы ничем не отличался от эрзянского наречия мордовского языка» [21, с. 118]. Эрзянские черты были замечены ими и в одежде терюхан, в их фольклоре и семейных обрядах. Здесь же ученые отметили сложившуюся из русских и мордовских элементов «двойственность этнического типа терюхан». Несмотря на это, исследователи пришли к выводу, что терюхане представляют собой одну из мордовских народностей наряду с эрзей, мокшей, и каратаями, которая не успела стать «вполне ассимилированной эрзей» [21, с. 107, 118, 123].

Они же указали на то, что термин *терюхане* не является самоназванием, а связан с центром волости — с Большое Терюшево, название которого, по их мнению, происходило от языческого мордовского имени Терюш (Теряй, Терюхай) [21, с. 109]. О том, что слово *терюхане* не может считаться этнонимом, советские ученые говорили и позднее [25, с. 26].

Впоследствии, ввиду практически полного обрусения терюхан, вопрос о том, являются ли они отдельным субэтносом мордвы, или всего лишь подразделением мордвы-эрзи, утратил свою актуальность, сместившись в область изучения остатков фольклора и материальной культуры терюхан.

В настоящее время вопрос поисков своих корней вновь приобрел свою актуальность. В этой связи целесообразно еще раз поставить вопрос о том, являлись ли терюхане отдельным мордовским субэтносом, или же были северным анклавом мордвы-эрзи.

Можно предположить, что к терюханам относились не только жители сугубо Терюшевской волости, но и остатки большой популяции финно-угорских племен, занимавших правобережье Средней Волги от устья Оки до Попьянья. Тем более что мордовские легенды об оставлении устья р. Оки говорят, что мордва из района Дятловых гор (устья р. Оки) переселилась в земли будущей Терюшевской волости, «где всякий поселился кто где хотел, строил дом кто как вздумал, стал жить кому как угодно, под властью панков, которые были вроде начальников деревни» [23, с. 311].

Эта мордва, очевидно, была близка по своему языку и культуре к остальной мордве-эрзе, жившей в Волго-Окско-Сурском междуречье, но ее историческая судьба складывалась иначе, из-за чего и эндоэтноним *эрзя* они вряд ли знали, вероятно, называя себя в обозримой источниками перспективе *мордвой*. Какие факты дают нам право утверждать это?

Во-первых, можно не сомневаться, что данная популяция, занимая исключительное, с экономической и стратегической точки зрения географическое положение, очень рано должна была попасть в поле зрения средневековых хронистов. Средняя Волга, от устья Оки до устья Суры, была, главным отрезком речного транзита центра Восточной Европы. Народ, живший в этом регионе, должен был быть известен путешественникам и Запада, и Востока, купцам всех держав и народов, так или иначе участвовавшим в этом транзите.

И здесь очень важно относящееся к IV в. упоминание Иорданом народа *mordens*, подвластного королю готов Германариху [12, с. 89]. Данный этноним *mordens* обладает одним корнем с этнонимом *мордва*, из-за чего многие исследователи уверены, что здесь мы имеем дело с первым упоминанием этого этнонима. У нас нет оснований для прямого сопоставления этнонима *mordens* (мордва) как названия финно-угорских племен, живших именно от устья Оки до Пьяны. Однако то обстоятельство, что потомки этих финно-угров уже в Средневековье называли себя мордвой (мордвич, мордвин, из мордвов), и впоследствии никогда не отрекались от этого имени, говорит о том, что в случае предков мордвы-терюхан, этноним *морд* (*мордва*) вполне мог быть их самоназванием.

Надо сказать, что в Средневековье этноним *мордва*, *мордвич* использовался достаточно широко, чему свидетельством и русские документы, и фамилии знатных русских вельмож — выходцев из мордвы.

Очевидно, негативное отношение к данному этнониму стало выработываться только в Новое время, в крепостнической России, в которой финно-угры, наряду с другими малыми народами, подвергались закабалению и всячески притеснялись. Этноним *мордва*, тождественный термину «инородец», из уст крепостников звучал презрительно, и самими мордвинами стал восприниматься соответственно. А. Н. Маскаев указывает, что «Мордва... до Октябрьской революции воспринимала это слово чаще всего как оскорбительное, в значении пренебрежительном» [23, с. 42]. Однако известно, что в окружении других народов и эрзяне, и мокшане совершенно свободно именовали себя мордвой, и, как указывал Н. Ф. Мокшин, «Этнонимы эрзя и мокша мордвой чаще употребляются при внутриэтническом общении. Этноним же мордва... очень давно, стал использоваться и самой мордвой в качестве эндоэтнонима» [26, с. 18].

В Советской России данный этноним был воспринят на государственном уровне, что показало создание мордовской автономии, Но с ростом национального самосознания мордовских субэтносов эрзи и мокши этноним *мордва* опять стал восприниматься как навязанный, чужерод-

ный. Хотя и в этот период, по данным переписи населения 1959 г., учитывавшей этнические деления мордвы внутри Мордовской АССР, порядка 5 % опрошенных назвали себя мордвой [8, с. 313].

О неприязненном отношении к этнониму *мордва* писали и историки. Б. Д. Греков, опираясь на исследования других славистов, пришел к выводу, что слово «мордва» («мордвинич», «мордвич», «морд», «мурт») близко к слову «смерд», и означает, не что иное как «слуга», «зависимый, неполноправный человек» [7, с. 11].

Вместе с тем отметим, что основа *морд* имеет очень древнее происхождение. Выше говорилось, что имя *мард* было известно еще Иордану — певцу готской истории, затем о стране *Мордии* упоминал византийский император Константин Порфирогенет [15, с. 156–157]. Потом в разных европейских источниках он звучало как *Merdas*, *Merdinis*, *Merdium*, *Mordani*, *Mordua*, *Morduinos*, а уже в древнеславянском языке получило суффикс собирательности — *мордь-ва*.

Что же касается финно-угров Нижегородского уезда, то обратим внимание, что в легендах о завоевании русскими устья Оки, в частности, в той же песне «На горах то было, на Дятловых», коренные жители устья называли себя именно мордвой [24, с. 416–417; 17, с. 57–64]. И даже уже в XX в. представители нижегородской мордвы, практически позабыв родной язык, продолжали именовать себя мордвой [25, с. 25].

Рубрук отмечал: «К северу находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, именно моксель, не имеющие никакого закона, чистые язычники. Города у них нет, а живут они в маленьких хижинах в лесах... Сзади (или среди) них живут другие, именуемые мердас, которых латины называют мердинис, и они — сарацины (мусульмане). За ними находится Этилия» [32, с. 110]. Здесь мы видим, что Рубрук жителей земель, лежащих к северу от мокшанских (моксель), называет мордвинами (мердас, мердинис). Это соответствует положению нижегородской мордвы, тем более что путешественник подчеркивает, что они сарацины. О возможном распространении первичных форм мусульманства среди финно-угров устья Оки говорит и имя их предводителя Ибрагима, упомянутое в легенде [27, с. 15], и прозвание вождя мордвы устья Оки — Скворца — *месегетянином* (магометанином) [24, с. 510]. О том, что у Рубрука речь идет именно о мордве устья Оки, говорит его указание на то, что за этими мердас-мердинис начинается «Этилия», т. е. Волга.

Известно, что одним из главных определителей сложившегося этноса является его название — этноним. Этноним, да еще зафиксированный источниками, говорит о том, что этнос сформировался, и его носители ощущают себя частями единого народа, со своими традициями, языком и культурой. Можно ли говорить, что в первых веках I тыс. н. э. в

бассейне правобережья Нижней Оки и Средней Волги сложился новый этнос? Безусловно, ведь уже начиная с VII в. на означенных выше территориях сложился народ со своим языком, своей керамикой, костюмом, традициями и погребальным обрядом [35, с. 26–31, 43, 55].

Что мог означать данный термин? Хорошо известна древнеиранская форма **mardχvār-* или **mərətāsa-* «людоед», которую вульгарно прочат в основу этнонима *мордва* (*морд*), связывая предков волжских финнов с упомянутыми Геродотом андрофагами (греч. «людоед»). Дескать, иранцы-скифы могли называть лесных жителей людоедами, а греки перевели это название на свой язык. Эта этимология, конечно была бы, возможна, если бы удалось доказать непосредственную преемственность между андрофагами и средневековой мордвой. Однако генезис мордовских народов включил в себя достаточно много этнических компонентов, как восточных, так и западных, и говорить о сугубой автохтонности неверно.

К тому же и переход **mardχvār* или **mərətāsa* в финальное *mord* затруднителен. Скорее можно допустить, что данный этноним занесли в среду предков волжских финнов их степные соседи — ираноязычные скифы и сарматы, ставшие участниками этногенеза предков мордвы.

Дело в том, что этнонимичная основа *мард/морт/мурт* присутствует в названии трех финно-угорских народов: *морд-ва*, *уд-мурт-ы*, *коми-морт*. Хотя и коми и удмуртов не назовешь близкородственными современной мордве. Тем более и тех, и других нельзя назвать потомками андрофагов. И все-таки они стали *морт-ами* и *уд-мурт-ами*.

В связи с этим можно предположить, что *мард-ами* (иранск. *tard* — человек) называлось некое сарматское племя, завоевавшее земли Среднего Поволжья. Известно, что Геродот еще в IV в. до н. э. упоминал племя мардов — союзников персов [6, I, с. 25]. Согласно Страбону, эти марды обитали на берегах Гирканского (Каспийского) моря и граничили с персами [3, XI, с. 6, XIII, с. 524]. Страбон включал мардов в число четырех разбойничьих племен, которым персы платили дань, а отряд мардов сражался с Александром Македонским при Гавгамелах [4, III, с. 11, 13].

Современные исследователи полагают, что *марды* (*амарды*) было названием родственных сарматам кочевых племен живших по Амударье [30, с. 780]. Мы допускаем, что так персы называли все родственные кочевые народы, жившие на север и на северо-восток от Амударьи. И эти кочевники на рубеже старой и новой эр, вторглись в Среднее Поволжье и дальше в Прикамье, принеся покоренным народам своё имя. Ученые допускают, что *мурт* было названием предков удмуртов, мари, коми и пермяков в древности [37, с. 329–330]. В начале I тыс. н. э. зазвучал на

берегах Средней Волги и Нижней Оки этноним *мард*, зафиксированный Иорданом и получивший у восточных славян суффикс множественности (*морд-ва*).

И хотя эрзяне и мокшане сами себя мордвой не называют, но в мордовских языках есть родственный этому этнониму термин *мурдые*, обозначающий супруга. Известный лингвист и исследователь мордовских языков Д. Бубрих именно от него выводил происхождение этнонима морд.

И именно с готами он связывал распространение этого этнонима. Бубрих писал: «...готы слыхали, как мордовские воины или торговые люди обращались к своей среде так: “мурдые” (“муж”), “мурьдть” (“мужи”) и поняли это как название народности». Он допускал, что «у самой мордвы данное слово в своем употреблении некогда приближалось к этническому термину» [5, с. 31].

Финно-угры устья Оки стали называться мардами, и благодаря своему географическому положению и экономическим контактам с соседями в конце I тыс. н. э. представляли собой вполне развитой ранне-средневековый этнос. От него название *марды* западными соседями было перенесено на все другие финно-угорские племена междуречья Оки и Суры.

Одним из главных признаков развитого общества является его идеология. Известно, что религиозные верования мордвы П. И. Мельников описывал на примере языческой религии мордвы-терюхан (нижегородской мордвы). А. Н. Маскаев выражал уверенность в том, что мифологическая и религиозная системы, описанные Мельниковым, ни в коем случае не являются выдумкой [23, с. 130]. Мельников констатировал у терюханской мордвы наличие развитого пантеона языческих божеств, со своей субординацией, что выгодно отличает их от других мордовских субэтнических групп. В качестве примера он приводил симбирских и пензенских эрзян, в мифологии которых, в отличие от терюхан, не было строгой субординации [23, с. 131].

Таким образом, развитая идеология, вкупе с особенностями материальной культуры, отличными от других эрзянских этнических групп, позволяет допустить, что именно финно-угры, проживавшие в начале I тыс. н. э. в правобережье Средней Волги от устья Оки, до Попьянья, и наиболее тесно контактировавшие со всеми волнами завоевателей, начиная от скифов-сарматов, готов и гуннов и заканчивая русскими князьями, и носили название *tard* (*морд-ва*), перенесенное потом на все эрзянские и мокшанские племенные группы, жившие в Окско-Сурском междуречье. При этом, в отличие от Запада и Византии, на Востоке этноним *мард* не использовали, предпочитая называть жителей междуречья

эрзя (*арису*), или *арджан*, вероятно, по аналогии с названием страны *Арсы* и народа *арсайя*, известных арабским ученым [14; 33, с. 36; 2].

Безусловно, мордва устья Оки, как занимавшая важный узел речной торговли, была наиболее подвержена влиянию ведущих держав своего времени. Это влияние видно как в отголосках ислама, о которых говорилось выше, занесенных сюда арабами и волжскими булгарами, так и в отголосках иудейства, которые могли занести сюда хазары [20, с. 54–66].

Первыми столкнувшись с экспансией русских князей, предки терюхан после недолгого сопротивления вошли в сферу русского влияния. Легенды о мордовских вождях Скворце и Дятле и передаче земли во владение «московскому мурзе» связаны именно с мордвой устья Оки. Находки археологов говорят нам, что уже к XIII в. в среде предков мордвы-терюхан заметны следы влияния русской материальной и духовной культуры [38].

Предположение проф. Е. В. Кузнецова о том, что мордовский князь Пуреш мог быть предводителем предков терюхан [16, с. 98], говорит о том, что феодалы мордвы устья Оки к XIII в. могли быть и военным васалами русских князей, основавших на их территории свой форпост — Нижний Новгород. В этой связи любопытно, что антропоним Пуреш (Пурес, Пуреска) был широко распространен среди терюхан. А в правобережье Нижней Оки находится озеро Пуреш (Пурешево) — как отметка бывших границ владений этого князя.

Мордва устья Оки, являя собой отдельный этнический анклав, вполне могла входить в состав отдельного феодального владения, союзного русским феодалам. В этой связи особенно ценными являются данные антропологических исследований, которые говорят о том, что современные терюхане физическим строением отличны от эрзян, мокшан, великороссов Поволжья, и других окружающих их этнических групп [1, с. 84–88].

Впрочем, если в XIII в. еще можно говорить о военных союзах владими́ро-суздальских князей и мордвы правобережья Средней Волги, то в последующую эпоху речь может вестись о политике планомерного заселения земель предков нижегородской мордвы и их обрусения, проводимой нижегородскими князьями [29, с. 181].

Отдельно стоит рассмотреть и происхождение названия древнего центра мордвы-терюхан — села Большое Терюшево, которое, как мы полагаем, ошибочно связывают с языческим именем Терюш. В основе этого топонима, вероятно, лежит эрзянское *тёра* (*цёра*) — «парень», произошедшее от древнего «воин», «мечник», если выводить его от

мордовского «тур» («меч»). Слово «турян» («тюрян, тюрган») в мордовских языках означает «воинственный», «драчливый».

«Торих», «Турих», «Терех» — так могла называться укрепленная крепость («твердь») предков мордвы-терюхан. Здесь мы видим аналогию с названием села Терехово и Тереховского городища в Рязанской области, бывшего во II–VII вв. укрепленным городищем рязано-окцев, которые являются прямыми участниками этногенеза мордовских народов.

Несмотря на ранее вхождение в сферу влияния русской государственности, нижегородская мордва долго сохраняла стремление к независимости и свободе. Так, в Смутное время Нижний Новгород осаждало ополчение составленное, очевидно, из нижегородской мордвы, наиболее близко живущей к устью Оки, и возглавляемое выборными предводителями Московым и Воркадиным [28, с. 54].

Затем, во время Разинского восстания, именно в среду нижегородской мордвы устремились разинские эмиссары, подбивая жителей правобережья Средней Волги на восстание. Мордва, вкупе с русскими крестьянами, немедленно взбунтовалась: в их среде наиболее активен был так называемый «Нечай-царевич», и эту восставшую мордву наблюдали уже вблизи Нижнего Новгорода [31, с. 120, 123–124]. Отметим, что некоторые исследователи указывают на мордовское происхождение самого Степана Разина [39, с. 111]. Одно из самых крупных сражений Разинского восстания случилось в землях нижегородской мордвы близ с. Большое Мурашкино. По итогам поражения восставших никого не наказывали строже чем «казаков мордвинов» [22].

Впоследствии, уже вполне обрусевшая мордва Терюшевской волости (и в целом правобережья Средней Волги) очень долго сохраняла остатки своего национального «мордовского» самосознания, что удивляло современников и исследователей.

И основой подобной верности своим корням служили не отличия в экономике или в языке. Исследователи начала XX в. подчеркивали, что «хозяйственный быт терюхан не позволяет их выделить сколь-нибудь серьезно из окружающего русского и обрусевшего населения. Одинаковые исторические судьбы, крепостная зависимость от одних и тех же помещиков, не могла не нивелировать всех особенностей национально-го типа хозяйства» [21, с. 109]. Выше мы упоминали, что терюхане уже на рубеже XVIII–XIX вв. практически забыли свой язык. Только идеология, только «мордовская вера» оставляла монолитным национальное этническое самосознание нижегородской мордвы.

В своих прошениях к императорскому двору они продолжают именовать себя «мордвой», выказывая желание «быть в своей старой

мордовской вере по-прежнему...» [9, с. 186–187]. К борьбе за веру призвал сожженный Несмеян Кривой, к торжеству «мордовских богов» призывал Кузьма Алексеев, за «мордовскую веру и законы» сидела в темнице Мамилька — героиня песни, з аписанной среди мордвы-терюхан [10, с. 168; 11, с. 9; 23, с. 355].

Еще и в первой половине XX в. терюхане называли себя *мордвой*. На сегодня практически все они обрусели. Единственными остатками этнического анклава нижегородской мордвы можно считать население сел Юморга и Кислѐнки, расположенных в Попьянье, которое уже называет себя эрзей, хотя еще в середине XX в. называлось мордвой, что видно из записей самих местных жителей и статей, опубликованных в местной прессе [13].

Таким образом, на основании всего вышеизложенного, в мордвотерюханах, и в целом в нижегородской мордве, можно видеть представителей отдельного мордовского субэтнуса, носившего в раннем средневековье наименование *марды (морд-ва)*, хоть и сходного с другими мордовскими племенами, но имевшего ярко выраженные особенности собственной культуры, идеологии и языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамов В. К.* Терюхане — Пургасова Русь? // Вестн. Мордов. ун-та. 2014. № 3. С. 84–88.
2. *Ал-Истахри.* Книга путей и государств [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Istahri/...> (дата обращения: 25.11.2019).
3. Античная география / сост. М. С. Боднарский. М., 1953. 375 с.
4. *Арриан.* Поход Александра. М.; Л., 1962. 394 с.
5. *Бубрих Д. В.* Можно ли отождествлять мордву с андрофагами Геродота // Записки Мордовского научно-исследовательского института социальной культуры. Т. 3. Саранск, 1941. С. 25–34.
6. *Геродот.* История. Л., 1972. 600 с.
7. *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953. 568 с.
8. *Дорожкин М. В., Козлов В. И.* Этнические процессы (вместо заключения) // Мордва. Саранск, 1981. С. 313–325.
9. *Евсевьев М. Е.* Мордва Татареспублики // Материалы по изучению Татарстана. Вып. 2. Казань, 1925. С. 179–196.
10. *Захаркина А. Е.* Восстание мордвы Терюшевской волости Нижегородского уезда в 1743–1745 годах // Записки Мордовского НИИ языка, литературы и истории при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 15: История и археология. Саранск, 1952. С. 155–170.
11. *Зевакин М. И.* Кузьма Алексеев: Крестьянское движение мордвы Терюшевской волости (1808–1810). Саранск, 1936. 71 с.
12. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов / вступ. статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. Изд. 2-е, испр. и дополн. СПб., 1997. 505 с.

13. История села Кисленка [Электронный ресурс]. URL: <http://biblioteka-pilna.ru/kniga-istorya-sela-kislenka> (дата обращения 14.08.2020).
14. *Коковцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/Rest/rest0504.htm> (дата обращения: 20.10.2019).
15. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1991. 493 с.
16. *Кузнецов Е. В.* Арзамасская сторона земли Российской: ранняя история // Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного / под ред. Ю. А. Курдина. Арзамас, 2005. С. 94–112.
17. Легенды и предания мордвы / сост. Л. В. Седова. Саранск, 1982. 119 с.
18. *Лисенкова М. В.* Мордва-терюхане по материалам «Нижегородских епархиальных ведомостей» // Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XXI вв.: сборник научных трудов / под общ. ред. А. А. Сорокина. М., 2019. С. 177–183.
19. *Майнов В. Н.* Результаты антропологических исследований среди мордвы-эрзи. СПб., 1883. 559 с.
20. *Малышев А. В.* К вопросу о религиозных взглядах мордовского «пророка» Кузьмы Алексея // Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XXI вв.: сб. науч. тр. / под общ. ред. А. А. Сорокина. М., 2019. С. 54–66.
21. *Маркелов М. Т., Толстов С. П.* К истории терюханской народной культуры (предварительное сообщение) // Этнография. 1928. № 2. С. 104–123.
22. *Марций И. Ю.* Диссертация о восстании С. Разина [Электронный ресурс]. URL: <http://drevlit.ru/docs/russia/XVII/1660-1680/Razin/Martius/text.php> (дата обращения: 06.06.2020).
23. *Маскаев А. Н.* Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964. 439 с.
24. *Мельников-Печерский П. И.* Очерки мордвы // Полн. собр. соч. Т. VII. СПб., 1909. 524 с.
25. *Мокшин Н. Ф.* Можно ли считать этнонимами термины каратаи, терюхане и шокша? // Ономастика Поволжья. Вып. 4. Саранск, 1976. С. 21–28.
26. *Мокшин Н. Ф.* Мордовский этнос. Саранск, 1989. 157 с.
27. *Морохин В. Н.* Нижегородские предания и легенды. Горький, 1971. 240 с.
28. Нижегородский край: Факты, события, люди. Н. Новгород, 1994. 277 с.
29. *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. М., 1998. 474 с.
30. *Пьянков И. В.* История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004. 894 с.
31. *Ржига Н. Ф.* Разиновщина и раскол в Нижегородской губернии // Нижегородский краеведческий сборник. Н. Новгород, 1925. Т. 1. С. 110–127.
32. *Рубрук, де Г.* Путешествие в восточные страны. М., 1957. 291 с.
33. Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным / отв. ред. П. П. Иванов. М., 1941. Т. 2. 308 с.
34. *Сорокин А. А., Малышев А. В.* Мордовский «пророк» и «волжский царь»: к вопросу об отношениях Кузьмы Алексея и князя Г. А. Грузинского // Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XXI вв.: сб. науч. тр. / под общ. ред. А. А. Сорокина. М., 2019. С. 66–73.

35. *Степанов П. Д.* Древняя история мордвы-эрзи. (Очерк второй — археологические и этнографические данные) // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 39 / под ред. П. Д. Степанова. Саранск, 1970. С. 26–66.
36. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28.
37. *Цыганов Н. Ф.* Следы этнонима «мордва» // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. С. 323–330.
38. *Четвертаков Е. В.* Принятие христианства [Электронный ресурс]. URL: <https://archeodiary.ru/news/013-prinyatie-khristianstva> (дата обращения 30.07.2020).
39. *Шаронов А. М.* Меря, эрзя, русь: автохтонный аспект. Саранск, 2019. 308 с.

УДК 94(47)“14/16”(03)

В. А. Печенкина

г. Ижевск (Россия)

Удмуртский гос. ун-т

**ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ГОРОДА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА
В СОЧИНЕНИЯХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ АВТОРОВ
КОНЦА XV — СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА**

В статье проанализированы представления западноевропейских авторов-современников о провинциальных городах Московской Руси. Показано, что иностранцы в своих описаниях основное внимание обращали на внешний облик городов и их жителей, богатства и климат.

Ключевые слова: Московская Русь, И. Барбаро, А. Контарини, М. Меховский, Ф. да Колло, А. Кампензе, П. Иовий, И. Фабри, С. Герберштейн.

К концу XV в. завершился процесс объединения русских земель. Именно в этот период появились первые случайные сведения о Московии венетянцев И. Барбаро и А. Контарини [2; 10]. В начале XVI в. Западная Европа стала проявлять целенаправленный интерес к усиливающемуся Московскому государству. В итоге, сформировался комплекс произведений о России, написанных дипломатами, негодичантами, военными, путешественниками. Естественно, что этот уникальный исторический источник по истории нашей страны, истории восприятия европейцами России и русских давно привлекает внимание исследователей¹. Цель настоящего исследования — проанализировать сообщения иностранцев конца XV — середины XVI в. о провинциальных городах Московской Руси.

В ранних работах иностранцев о Московском государстве, а именно в трудах И. Барбаро и А. Контарини, встречаем сведения о двух городах: Рязани и Коломне. Оба путешественника отмечали, что Рязань принадлежала родственнику Ивана III. А. Контарини уточнил, что жена удельного князя приходится сестрой государю [10]. Речь идет о рязанском князе Василии Ивановиче, которого Иван III женил на своей сестре Анне. Кремль и все дома в городе были деревянными. А. Контарини писал, что город изобилдовал хлебом и мясом, также здесь он попробовал «напиток из меда» [10]. С. Герберштейн также указывал на изобилие в Рязани хлеба, мяса, меда, рыбы, птиц и что «древесные плоды гораздо

¹ См., напр.: [1; 3; 9; 11] и др.

превосходнее московских» [6, с. 305]. Автор отмечал, что Рязань — самая плодородная из всех областей государства: «здесь из каждого зерна вырастают два, а иногда и больше колосьев, стебли их растут так густо, что ни лошади пройти через них, ни перепела вылететь из них не могут без известного труда» [6, с. 305]. Сходное описание о плодородии Рязанской земли встречаем в сочинении А. Гваньни: «там отдельные зерна хлеба обыкновенно рождают по два и больше колосьев, стебли которых растут так густо, что сквозь них не без труда пробираются лошади и не могут взлететь перепела» [5].

Гораздо меньше иностранные наблюдатели уделяли описанию людей, живших в этой местности. И. Барбаро лишь отмечал, что все население было православным [2], а С. Гербрештейн указывал, что жители Рязани в высшей степени смелые и воинственные [6, с. 305].

Коломна, по словам А. Контарини, располагалась около реки Мостро, впадающей в Волгу. Здесь был большой мост для переправы через эту реку [10]. Все дома и укрепления в городе были деревянными [2].

Особое внимание после Москвы иностранные авторы уделяли Великому Новгороду. М. Меховский и А. Кампензе писали, что Новгород больше Рима [8; 12]. При этом М. Меховский дополнял, что Рим в окружности составлял тридцать две италийских мили, что составляло шесть германских миль, а Новгород имел тридцать пять италийских, или семь германских миль [12]. Но здания в городе были деревянными. В своем сочинении польский историк упомянул Новгородский кремль (Дети-нец), называемый *Deczen*, в котором находится главная церковь Святой Софии, покрытая «блестящими золотыми пластинками» [12]. П. Иовий отмечал, что Софийский собор уважаем всеми жителями Московии и был построен «за 400 лет перед сим в соревнование с византийскими императорами» [7]. В Новгороде много богатых и великолепных монастырей и церквей, «изящно и пышно разукрашенных» [12], много разных святых, особенно чтимым был Святой Николай. В городе было семь монастырей [12].

Посередине города протекала река Волхов, вытекающая из озера Ильмень и впадающая в Ладожское озеро [6, с. 337]. Озеро Ильмень было богато рыбой [7]. Характеризуя климат, П. Иовий и С. Герберштейн отмечали, что в Новгороде морозные зимы и темные продолжительные ночи [6, с. 345; 7]. Летом, около времени летнего солнцестояния, после захода и восхода солнца было так светло, что ремесленники могли шить и работать [12]. С. Герберштейн поэтому повсюду писал, что самый длинный день при летнем солнцестоянии составлял восемнадцать часов и более [6, с. 345].

Во время процветания Новгорода, когда он был независим, тонко отмечал С. Герберштейн, показывая таким образом свое отношение к процессу присоединения города к Московии, «здесь было величайшее торжище всей России, так как сюда стекалось отовсюду — из Литвы, Швеции, Дании и из самой Германии — огромное число купцов, и от столь многочисленного стечения разных народов граждане умножали свои богатства и достатки. Даже в наше время иноземцам позволено иметь там своих торговых представителей или приказчиков. А у немецких купцов здесь есть склады и одна церковь римского вероисповедания» [6, с. 339]. Он же писал о том, что новгородцы, до присоединения Новгорода к Московии, были обходительными и честными [6, с. 345].

Области Новгорода, отмечал С. Герберштейн, не столь плодородные, полны болот, рек, богаты лесами и приносили прибыль мехами, дичью, рыбой, медом, воском [6, с. 339]. О большом количестве меха на продажу также упоминал А. Контарини [10]. Купцы в Новгороде, писал М. Меховский, богатые на столько, что у каждого был свой подвал, в который без счета бросались «золото, серебро и добытые драгоценные вещи» [12].

По сведениям М. Меховского, в Новгороде издавна постоянно происходили убийства и грабежи. При обнаружении преступника били в «колокол совета, где сидели в качестве судий, сто сенаторов, все длиннородые, по обычаю страны» [12]. Услышав звон колокола, каждый хозяин и его сыновья брали по два камня, для того, чтобы после объявления приговора, народ мог закидать ими преступника. Далее толпа бежала к дому нарушителя и грабила его имущество. Дом же потом продавался. Поэтому Иван III, «захватив в свою власть Новгород», поставил на главных улицах командиров с воинами для предотвращения беспорядков [12].

По сведениям С. Герберштейна, некогда новгородцы поклонялись Перуну, стоявшему на месте, где «ныне находится монастырь, называемый от этого идола Перунским» [6, с. 343]. Речь идет о Перыньском Рождества Богородицы ските. По принятии крещения жители Новгорода опрокинули Перуна в Волхов. «Говорят, будто он поплыл тогда против течения, а около моста слышали голос: «Вот вам, новгородцы, на память обо мне» — и вместе с этими словами на мост была выброшена дубинка. И донныне часто случается, что в определенные дни в году раздастся Перунов глас, слышав который граждане того места тотчас же сбегаются и избивают друг друга палками и кулаками отчего возникает столь сильное смятение, что начальнику стоит великих усилий усмирить его» [6, с. 343]. О Перунском монастыре упомянул и С. Нойгебауэр: «В сем го-

роде в древности был какой-то идол, называемый Перуном; теперь на том самом месте находится Перунский монастырь» [13].

А. Контарини писал, что Новгород управляется как коммуна, но подчинен Ивану III и платит государю дань ежегодно [10]. Стоит отметить, что окончательное присоединение Великого Новгорода к Московскому государству произошло в 1478 г., а А. Контарини был в Московии в 1476–1477 гг. М. Меховский, А. Кампензе считали, что город был владением Великого княжества Литовского, а Иван III захватил его у литовского государя [8; 12]. Интересно отметить, что в сочинении М. Меховского описание Новгорода, а также Пскова и Смоленска находится в главе, посвященной Великому княжеству Литовскому, а не Московскому государству. Польский историк ошибочно считал, что Новгород был завоеван Витовтом [12].

С. Герберштейн отмечал, что в лучшее время Новгорода, то есть когда он был независим, князья выбирались по своему усмотрению и желанию, которые в свою очередь добивались союза с соседними народами богатыми дарами, побуждая их выступить на защиту города. «Отсюда и выходило, что московиты похвалялись, будто имеют там своих наместников, а литовцы в свою очередь утверждали, что новгородцы их данники и поданные» [6, с. 341].

Когда в Новгороде управлял архиепископ Феофил в 1470 г., писал С. Герберштейн, «на них напал великий князь Иоанн Васильевич и семь лет подряд вел с ними жестокую войну» [6, с. 341]. Автор ошибочно датировал битву на р. Шелони 1477 г. [6, с. 341]. В датировке также ошиблись А. Гваньини и С. Нойгебауэр [5; 13]. Д. Флетчер неверно датировал окончательное присоединение Новгорода к Московскому государству 1480 г. [18]. Многие авторы сообщают о разграблении богатого Новгорода Великим князем после присоединения. По словам С. Герберштейна, М. Меховского, И. Пернштейна, С. Нойгебауэра государь увез с собой все сокровища на трехсот повозках, полных золота, серебра и драгоценных камней [6, с. 341; 12; 15]. А. Кампензе указывал, что сокровища были вывезены в Москву на трехсот семи повозках [8]. С. Герберштейн, а вслед за ним А. Гваньини и С. Нойгебауэр, писали, что Иван III отнял все имущество у архиепископа, граждан, купцов и иноземцев [6, с. 341; 5; 13]. В Москву Великий князь увез архиепископа Феофила и «всех более богатых и влиятельных лиц, послав в их владения как в новые места обитания своих подданных» [6, с. 341].

Псков, как отмечали многие иностранцы в отличие от остальных провинциальных городов, был укреплен каменной стеной. «По сравнению с другими особенно сильно укреплен Псков, опоясанный тремя стенами», — писал И. Фабри [17]. «Город Псков — отмечал

С. Герберштейн — единственный во всех владениях москвиты окружен каменной стеной и разделен на четыре отдельные части, каждая из которых заключена в своих стенах. Это обстоятельство заставило некоторых ошибочно утверждать, будто он окружен четырехкратной стеной» [6, с. 347]. Вероятно, С. Герберштейн здесь полемизировал с И. Фабри, который тем не менее, говорил о трех поясах стен вокруг города. М. Меховский писал, что этот город каменный и большой, но меньше Новгорода [12]. А. Кампензе ошибочно указывал, что Псков «обширный и укрепленный город на реке Двине» [8]. Известно, что Псков лежит на реке Великой, а не на Двине. Подробное описание города встречаем в сочинении А. Поссевино, который на протяжении долго времени жил в польском лагере перед Псковом: «В Пскове есть, во-первых, стена из камня, добываемого из русла реки, во-вторых, стена с башнями, проходящая по середине города, который имеет форму как бы вытянутого треугольника. Примыкающие к этой стене три ряда укреплений представляют собой необычный способ защиты... Осаждающие сбивали только зубцы, а стену, выступающую из пола от самого основания, не могли повредить ни молотками, ни кирками настолько, чтобы ее разрушить. Тем, кто по своей предприимчивости взобрался на высокие стены, предстоял еще спуск, где москвиты встречали их ударами. Если осаждающие пытались прыгнуть, то оказывались отрезанными от остального войска городскими стенами, так что все должны были погибнуть» [16].

С. Герберштейн и М. Меховский оставили описание жителей Пскова. После присоединения Пскова к Московскому государству, обычаи псковитян, отмечал С. Герберштейн, сменились обычаями москвитов и стали более порочными. А раньше псковитяне отличались честностью, простодушием и искренностью. Жители носили прически по польскому обычаю на пробор [6, с. 349]. Согласно М. Меховскому, мужчины не брили бороды, волосы не стригли, одежду носят «совсем немецкую» [12].

Иностранцы также уделяли внимание присоединению Пскова к Московии. С. Герберштейн, А. Гваньини, М. Меховский считали, что город был отнят у Великого княжества Литовского [5, с. 349; 12]. При этом С. Герберштейн и А. Гваньини ошибочно писали, что Псковом овладел Иван III. Ошибся и С. Нойгебауэр, говоря о том, что Псков был «присоединен к Московии Великим князем Московским Иоанном около 1509 г.», однако в следующих строках сочинения он пишет: «Псков некогда имел своих князей, но духовенством предан во власть Василия, который уничтоживши в нем республиканское правление, изгнал из него прежних жителей, и, заключив их в оковы, отослал в Москву, а на место их переселил москвитян, почитая их себе вернейшими» [13]. С. Герберштейн и М. Меховский отмечали, что государь увез вечевой колокол [6,

с. 347; 12], а также местного епископа [12]. Д. Флетчер указывал, что Псков был покорен Великим князем Василием III [18].

Смоленск, расположенный на реке Борисфен (Днепр) [6, с. 325; 5], был окружен плодоносными холмами и обширными лесами, в которых в больших количествах добывались меха и мед [6, с. 325; 8]. В 1514 г., как известно, город перешел во владение Московского государства. Иностранцы уделяли внимание описанию крепости, которую несколько раз осаждал Василий III. По словам С. Герберштейна, она была деревянная и укреплена рвами «глубиной по колено или чуть выше, а в них, сверх того, острыми кольями, которые защищают от нападения врага» [6, с. 325]. Схожее описание у С. Нойгебауэра: «крепость с одной стороны ограждал Борисфен, а с другой глубокие рвы с острыми кольями» [13]. М. Меховский писал, что крепость была выстроена из дуба и защищена глубокими рвами [12]. Иностранцы отмечали, что Великий князь неоднократно осаждал Смоленск, но не мог взять его силой, А. Гваньини писал, что государь использовал осадные машины [5]. В итоге, Василий III смог овладеть городом благодаря подкупу и измене Михаила Глинского [5; 6, с. 325; 13]. Стоит добавить, что С. Герберштейн и С. Нойгебауэр ошибочно утверждали, что Витовт отнял Смоленск у московитов в 1413 г. [6, с. 325; 13], но, как известно, он вошел в состав Великого княжества Литовского в 1404 г.

По описанию С. Герберштейна, в городе все здания были деревянными, кроме каменного храма, посвященного «Пресвятой деве». В городском предместье были видны развалины каменных монастырей, «видно, что раньше здесь, несомненно, царил большое оживление» [6, с. 325]. О разрушении храмов в Смоленске писали советские исследователи. В качестве причин прекращения каменного строительства в городе они называли эпидемию 1230 г. и татаро-монгольское нашествие. После захвата Смоленска Великим княжеством Литовским монументальное строительство здесь велось ограниченно [4].

К числу значительных провинциальных городов, привлекавших внимание иностранцев, относились Тверь, Владимир, Нижний Новгород. Но они не считались важными укрепленными местами, хоть и в них были крепости [9, с. 187], а в Нижнем Новгороде был каменный кремль.

На северо-западе от Москвы, по словам А. Кампензе, расположена Тверь — весьма обширная [8]. По городу, отмечал П. Иовий, протекает река Волга, которая «весьма не широка и течет спокойно» [7]. В Твери все дома были выстроены из бревен. Если доверять М. Меховскому, то в ней было 160 деревянных церквей, а в деревянной крепости 9 храмов, но главная церковь, Спасителя — была каменной [12]. С. Герберштейн писал, что напротив крепости «вливается в Волгу река Тверца» [6,

с. 337]. Он же отмечал, что когда в Твери княжил князь Борис, на его дочери Марии женился Великий князь Иван III. После смерти Бориса наследником был его сын Михаил, «которого впоследствии зять его по сестре, Великий князь московский, лишил княжества и Михаил умер изгнанником в Литве» [6, с. 337]. Об этом же писал С. Нойгебауэр: «В княжение Иоанна Московского, отца Василиева, царствовал в Твери Князь Борис, на дочери которого был женат Иоанн, имевший от нее сына Иоанна же. По смерти Бориса наследовал ему сын его Михаил, который после был изгнан из своего удела и умер в Литве» [13]. По описанию А. Поссевино, Тверь издали казалась очень большим городом, но по количеству населения уступала Пскову и Смоленску [16]. А. Гваньини указывал только, что Тверь была захвачена Иваном III [5].

Владимир, по сообщению Г. Перкамоты, большой и весьма населенный город [14]. И. Фабри писал, что Владимир, Псков, Новгород, Смоленск и Тверь по своей величине не уступали Москве, а также были хорошо укреплены каменными или из обожженного кирпича стенами, «застроенные, по рассказам, пышными царскими хоромами» [17]. Однако автор явно преувеличивает, так как провинциальные города были не сопоставимы с размером с Москвой; все провинциальные города, кроме Новгорода, Пскова Ивангорода, Нижнего Новгорода и Тулы были укреплены деревянными крепостями. С. Герберштейн писал, что Владимир имел деревянную крепость. Город омывает река Клязьма, на которой было много мельниц, а с других сторон его окружали леса [6, с. 301]. Владимир именуется престольным градом, отмечал П. Иовий, так как «мужественные государи московские перенесли туда столицу свою в то время, когда ведя беспрестанные войны с соседними народами, они вынуждены были находиться ближе к театру военных действий и быть всегда готовыми к отражению скифских племен» [7]. С. Герберштейн и А. Гваньини указывали, что земли в этой провинции были очень плодородными [5; 6, с. 301].

Нижний Новгород, по сведению С. Герберштейна и А. Гваньини, большой деревянный город [5; 6, с. 301]. Каменная крепость была построена по приказу Василия III на холме при слиянии Волги и Оки. По плодородию Нижний Новгород не уступал Владимиру. Здесь находится восточная граница распространения христианской религии, указывал С. Герберштейн [6, с. 301].

А. Кампензе считал, что Московское государство значительно увеличилась из-за вхождения в его состав Псковского, Смоленского, Новгородского и Можайского княжеств. По его сведению, Иван III отнял «силою оружия» Можайск у Александра Ягеллона, «предместника ныне царствующего короля польского Сигизмунда» [8]. Но стоит отметить оши-

бочную интерпретацию автора, так как Можайск никогда не зависел от Великого княжества Литовского. Изначально Можайское княжество составляло часть Черниговского, а потом Смоленского княжества. Можайск, по словам С. Герберштейна, деревянный город с такой же крепостью. Ежегодно Василий III приезжал сюда охотиться на зайцев и иногда принимал иностранных послов [6, с. 327].

Следующие города были менее значительны по своей величине и их описание не столь подробное, и встречаются у одного или двух авторов. В сочинении П. Иовия есть сведение про торговый город Устюг, расположенный на севере от Москвы. Он отмечал, что в город приезжали «Пермь, Печера, Югры, Вогуличи, Пенезане и другие отдаленнейшие народы и привозят с собою дорогие меха (куниц, соболей, волков, оленей, черных и белых лисиц)», а лучшие меха доставлялись для одежды государей и знатных боярынь [7].

О Белоозере, расположенном на севере от столицы, оставил сведения С. Герберштейн. Он писал, что город представлялся неприступным, так как его со всех сторон окружали болота. Поэтому великие князья хранили там свои сокровища, а также город использовался как убежище. Он располагался у истока реки Шексны у Белого озера. Рыба в озере была «превосходна». Описывая климатические условия, автор отмечал, что зима была продолжительная, но плоды созревали и собирались тогда же, как и в Москве. Самый длинный день при летнем солнцестоянии длился девятнадцать часов. Чтобы попасть из Москвы в Белоозеро, была короткая зимняя дорога через Углич и летняя через Ярославль, удобная при наличии настланных мостов [6, с. 353]. На северо-востоке располагались Переяславль, Ростов и Ярославль. В Переяславле были плодородные земли, а во время сбора урожая государь приезжал сюда охотиться [6, с. 357]. Ростов вместе с Белоозером считается одним из древних городов после Новгорода, отмечал С. Герберштейн. Расположенный на озере Неро, город изобиловал рыбой, солью, в нем, как и в Переяславле, были плодородные почвы. Ростовское княжество с его главным городом раньше являлись владениями вторых сыновей великих князей, но их потомки были изгнаны и лишены княжения Иваном III [6, с. 357]. Похожие сведения встречаем в работе А. Гваньини: «Это княжество после Новгорода Великого считалось одним из значительных и древнейших государств России и назначалось вторым сыновьям великих князей России, потомки которых были изгнаны отсюда Иоанном Васильевичем, дедом нынешнего князя Иоанна Васильевича» [5].

Ярославль, расположенный на берегу Волги, согласно С. Герберштейну, также обладал плодородными землями [6, с. 353].

В северо-западном направлении от Москвы, писал А. Гваньини, на берегу реки Нарвы располагался Ивангород, названный по имени Великого князя. По приказу Ивана III крепость была сооружена из отесанного камня [5]. Государь велел ее строить «так прочно и так оградить, чтоб она казалась неприступной», а когда она была сооружена, то по приказу Великого князя архитектору, который по происхождению был поляком, выкололи глаза, «чтобы он не мог выстроить другой подобной крепости» [18].

С. Герберштейн упомянул, что в Туле Василий III выстроил каменную крепость, рядом с которой протекает река «того же имени», а река Упа омывала кремль с востока и, соединившись с Тулой, впадала в Оку [6, с. 307]. Серпухов был богат залежами железной руды [6, с. 315]. В Калуге искусно изготовляли посуду и «другие вещи из дерева, предназначенные для домашнего хозяйства», также государь ежегодно располагал в этом городе караулы против набегов татар [6, с. 315]. В Волоколамске государь ежегодно «предается забаве», приезжая на соколиную охоту и на зайцев [6, с. 335].

Таким образом, можно сделать вывод, что все иностранцы обращали внимание на внешний облик городов. Они отмечали, что все здания в провинциальных городах деревянные, кроме Софийского собора в Новгороде, Спасо-Преображенского собора в Твери и Пресвятой Богородицы в Смоленске. Также не все города были укреплены каменными стенами, а только Новгород, Псков, Ивангород, Нижний Новгород и Тула. Однако И. Фабри указывал, что Владимир, Новгород, Смоленск и Тверь были укреплены каменными стенами и по величине не уступали Москве, но он мог ошибаться ввиду того, что в Московском государстве он не был, и, преследуя цель к сближению с Москвией, возможно, хотел преувеличить мощь русских городов. Заинтересованность И. Барбаро и А. Контарини, как купцов и послов Венецианской республики, заключалась в описании богатств провинциальных городов. Не во всех работах имеются сведения о климате провинциальных городов. Также мало известий имеется о внешности и характере жителей провинций. С. Герберштейн, который представлял интересы Великого княжества Литовского, А. Гваньини, как выходец из ВКЛ, считали, что Новгород, Псков и Смоленск — законные владения Сигизмунда I, отобранные Иваном III и Василием III. Также считали польский историк М. Меховский и итальянец А. Кампензе. Оба иностранца не были в Московии, сведения получали от купцов или послов, побывавших в России. Сочинения П. Иовия и И. Фабри в отношении присоединения Новгорода, Пскова и Смоленска, были доброжелательного содержания, т. к. отражали надежды на объединение христианских государств против Османской империи и дея-

тельности М. Лютера. Сочинения англичанина Д. Флетчера по данному периоду и папского легата А. Поссевино были сдержанного характера. В работе прусского историка С. Нойгебауэра, который никогда не был в России, встречается много дословных заимствований с сочинения С. Герберштейна.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений: в 2 т. М.: 1864. 580.
2. *Барбаро И.* Путешествие в Тану. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Barbaro/text2.phtml?id=13374> (дата обращения: 10.03.2021).
3. *Бочкарев Н.В.* Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев. М.: Крафт +, 2000. 248 с.
4. *Воронин Н.Н., Раппорт П.А.* Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.: Наука, 1979. 413 с.
5. *Гваньини С.* Описание Московии. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Gwagnini/frametext1.htm> (дата обращения: 24.03.2021).
6. *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. М: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.
7. *Иовий П.* Посольство от Василия Иоанновича к Клименту VII. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Iovij/text.phtml?id=574> (дата обращения: 11.03.2021).
8. *Кампензе А.* Письмо к папе Клименту VII о делах Московии. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Kampenze/frametext.htm> (дата обращения: 11.03.2021).
9. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М.: Прометей, 1991. 334 с.
10. *Контарини А.* Путешествие в Персию. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Kontarini/frametext2.htm> (дата обращения: 10.03.2021).
11. *Лимонов Ю.А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л.: Наука, 1978. 272 с.
12. *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Mehovskij/frametext1.htm> (дата обращения: 11.03.2021).
13. *Нойгебауэр С.* Московия. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Neugebauer/text.phtml?id=1009> (дата обращения: 24.03.2021).
14. *Перкамота Г.* Сообщение о России. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480-1500/Perkamota/text.htm> (дата обращения: 11.04.2021).

15. *Пернштейн И.* Донесение о Московии. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Pernstein/text.phtml?id=1081> (дата обращения: 07.04.2021).
16. *Поссевино А.* Московия. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Possevino/frametext12.htm> (дата обращения: 24.03.2021).
17. *Фабри И.* Религия московитов. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Fabri/frametext.htm> (дата обращения: 11.03.2021).
18. *Флетчер Д.* О государстве русском. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Fletcher/frametext1.htm> (дата обращения: 24.03.2021).

УДК 39(=511.131)

Д. Л. Выслоужилова

г. Брно (Чехия)

Ун-т им. Масарика

**«В КАЖДОМ ДОМЕ УГОЩАЮТСЯ ГУСЯТИНОЙ, ПИВОМ
И КУМЫШКОЙ»: ПИВО КАК МАРКЕР УДМУРТСКОЙ КУЛЬТУРЫ
И ЭТНОПРИНАДЛЕЖНОСТИ¹**

Квинтэссенцией духовной культуры удмуртского народа долгое время являлся ритуал. Обрядовая жизнь удмуртов объединяет черты традиционной языческой веры и принятого позднее православия. Проведение ритуалов сильно отличается даже на уровне соседних деревень. Данная статья посвящена элементу, который объединяет всех удмуртов, несмотря на географическое расстояние и принадлежность к выжы (родам) — пиву (сур). Этот напиток служил не только бодрящим спутником при церемониях, но и обладал глубокой, магической функцией, осуществляющей связь с иным миром. Цель данной статьи — обратить внимание на важную роль пива, как древнего маркера удмуртской этнопринадлежности на основе анализа ритуалов и обрядов календарного цикла.

Ключевые слова: удмурты, пиво, финно-угорские народы, традиционные напитки, культура напитков.

Феномен культуры напитков в последнее время закрепляется среди самых интересных вопросов изучения этнической идентичности народов мира, становится одной из самых актуальных тем для специалистов многих научных дисциплин [20, с. 5]. Именно в напитках, по мнению учёных, «ещё более, чем в других формах пищи, выражаются ценностные, экономические, культурные вариации данного общества» [1, с. 6]. Рост интереса к напиткам среди исследователей финно-угорских народов России подтверждает проведение в СМИ широко рефлексированного [34, р. 145] *III Международного полевого этнографического симпозиума о напитках в культуре народов Урало-Поволжья* (2018) [21, с. 147], тезисы которого были напечатаны в последующей коллективной монографии [20]. В настоящее время изучению роли пивной культуры в обрядовой жизни удмуртов не было посвящено отдельной работы, однако важность элемента пива отражается в исследованиях Т. Г. Владыкиной [7–11], Г. А. Глуховой [9–12], Е. В. Поповой [18– 23] и Н. И. Шуто-

¹ Исследование выполнено при поддержке Института истории Университета им. Масарика в рамках научного проекта «Культурная история пива» (Kulturní dějiny piva) MUNI/A/1407/2020.

вой [28–30], изучающих общую обрядность и ритуальную жизнь удмуртов и бесермян, так же, как и конкретные их обычаи и праздники. Тема приобретает популярность не только среди русских историков: после симпозиума было издано несколько работ финно-угроведов из зарубежных стран [34; 35].

Пиво в удмуртской культуре далеко не новичок, его история уходит глубоко в то время, когда удмуртский и коми этносы ещё не обособились друг от друга. Доказательство того, насколько длинную традицию имеет употребление пива среди пермских народов Приуралья, даёт лингвистика [3, с. 19]. Этимологический анализ удм. лексикальной единицы *сур* (пиво) бесспорно утверждает, что данное слово — калька из древних индо-арийских языков, перенятая в рамках продолжительного контакта между финно-уграми и индо-иранцами вместе с другими пластами лексики [31, р. 162; 33, р. 290]. Наряду с языковыми заимствованиями финно-угры переняли от южных соседей и практические знания об изготовлении пивных напитков [32, р. 122]. С момента усвоения технологии варки пива, к которому дошли не позднее второй половины I тыс. н. э. [16, с. 84], этот напиток стал одним из самых употребляемых в период праздников — вместе с самогоном (*кумышка*, *араки*) и квасом (*сюкась*) [6, с. 95; 17, с. 157]. Как отмечают историки и этнографы, виднейшую позицию пива в обрядовой жизни удмуртов и также бесермян с течением времени заняла *кумышка* [5, с. 113; 17, с. 241; 19, с. 85–86], но без пива не проходит ни один из важных праздников и значительных моментов человеческой жизни. Особое место среди обрядов занимает концепт *трёх свадеб удмурта* (рождение — свадьба — похороны), учитывая его значимость и ширину, тема пива и трёх свадеб заслуживает специального исследования. Данная статья посвящена оставшимся праздникам года и элементу пива, который их соединяет и подчёркивает самобытность финно-угорских народов.

Жертвование пива, по мнению В. Е. Владыкина, напрямую взаимосвязано с низшим, третьим миром, напиток выливали к корням деревьев и приносили его в жертву богу земли Кылдысину [5, с. 68], чтобы вымолить у него обильный урожай. Здесь можно выделить первую категорию использования пива в удмуртской обрядности: пиво является ключевым элементом обрядов, относившихся **к земледелию и полевым работам**. *Сур* — до определённой степени — напиток с женской символикой, его традиционно готовят женщины и также он служил атрибутом **женских и девичьих праздников**, которые представляют второй комплекс пивных ритуалов. Третья группа пивных церемоний обладает прежде всего **характеристикой календаря**, обозначающего течение времени и разделение года на части. Все три категории ритуалов в оп-

ределённой степени пересекаются и переходят из одной группы в другую. Из-за нечётких границ между ними, обряды будут представлены в хронологическом порядке с начала года. Множество праздников — парные события [9, с. 150], встречающиеся два раза в год, часто с полугодичным интервалом. Зимним праздникам соответствуют летние (*Толсур — Куарсур*), весенним — осенние (начало сева и окончание сбора урожая, *Ныл брага/Ныл сур — Тулыс сур*). Изучая удмуртские ритуалы также не стоит забывать, что многие имеют свои локальные названия, не совпадающие с приведёнными в статье, и исполнение обрядов может сильно отличаться.

Перелом старого и нового года в нашем понимании у удмуртов совпадал с периодом зимнего солнцеворота (*Вождоыр*) [5, с. 66]. В это опасное переходное время на земле появлялись духи *вожо*, способные принести беду. Запреты и пост снимались после проводов *вожо*, 7 января, когда начинался праздник *Толсур* (зимнее пиво). Здесь впервые встречаемся с концепцией **восприятия удмуртами праздника как пиршества**, изучаемой Т. Г. Владыкиной [7, с. 132; 8, с. 140]. Понятие «есть и пить» (*сиыны — юыны*) в культуре удмуртов стало синонимом к «праздновать». Праздник без ритуальной пищи и напитков — не настоящий праздник. *Толсур* является первым из серии торжеств, где выражение *сур* находится в самом названии праздника, определяет его суть, ассоциирует его с конкретным напитком, пивом. Во время *Толсур* прощаются с духами переходного времени *вожо* и сопровождают их на поле с кувшином пива [22, с. 80]. В период зимних Святков также наступает время заботы о растениях, будущем питании. После ухода злых сил удмурты проводили моления, просили об охране растений и богатом урожае, жертвуя при этом пиво и самогон. Чтобы отметить начало праздника, все жители участвовали в играх в ряженье, варили пиво для угощения ряженных [11, с. 68; 22, с. 84]. Зимние праздники спустя 7–8 недель с начала года постепенно переходили в Масленицу (*Вõй*) [5, с. 230]. Женщины в последний день масленичной недели обходили все дома, угощали мужчин пивом, которое сварили для этого события, и давали им шутливо откусить кусочек хрена, как единственное «что осталось от Масленицы» [25, с. 45].

Потепление и наступление весны удмурты встречали праздником *Йõ келян* (проводы льда). Жители деревень собирались на берегу реки, куда приносили угощения, пиво и кумышку. Проводились моления за богатый улов рыбы и достаточное количество дождей, чтобы урожай мог вырасти и всех насытить [30, с. 83]. Часть из принесённых продуктов сбрасывали в реку, пиво и кумышку выливали как пожертвования водным существам и для почтения самой реки [18, с. 37; 30, с. 102]. Начало

полевых работ включает в себе множество ритуалов с участием пива. Праздник Вынос плуга (*Геры потон*), имеющий параллель в традициях всех финно-угорских народов Поволжья [13, с. 79–80; 26, с. 299], считается одним из самых важных моментов календарного цикла, о чем свидетельствует обилие жертвоприношений и сложность обрядов. До начала праздника собираются представители деревни, обсуждают, приготовлено ли достаточно пищи и пива [4, с. 35]. Убедившись, что всего хватает, приступают к ритуалам. Вспахав несколько борозд, удмурты бросают в небольшое углубление в земле или же в саму борозду яйца (как символ плодородия), хлеб или кашу и заливают их пивом, чтобы с их помощью получить хороший урожай [4, с. 36; 23, с. 135; 29, с. 187; 30, с. 109]. *Геры потон* сопровождало и всеобщее веселье и народные гуляния [6, с. 122; 17, с. 216]. У южных удмуртов праздник *Геры потон* известен как *Акашка* [13, с. 79; 28, с. 107], его празднование постепенно слилось с христианской Пасхой (*Бадзьым нунал*) [6, с. 122; 17, с. 216]. Отмечание *Акашки* почти не отличается от праздника выноса плуга, домашнее пиво служит как угощение, также имеет функцию при магических ритуалах, связанных с началом сева [28, с. 108]. Учитывая важность обильного урожая для земледельческого народа, удмурты также почитали лошадей и быков, которых использовали при пахоте и других хозяйственных работах. Чтобы подчеркнуть их ключевую роль, животных обливали пивом и угощали взбитыми яйцами не менее, чем пашню [5, с. 85; 13, с. 82]. В данном ритуале также отражается длинная традиция скотоводства среди удмуртов.

Когда первый этап работ заканчивался, происходил ещё один цикл весенних праздников, который можно обобщающе назвать *Тулыс сур* (весеннее пиво). Молодые мужчины посещают своих соседей, выбирают от них деньги или муку для будущего пира. На место моления приходят сельчане со стряпней и пивом, чтобы после жертвоприношений за удачный рост «нового хлеба» потанцевать, погулять и порадоваться. После пожертвований расходятся по домам, юноши веселятся с девушками, играют [4, с. 46–47].

Празднику *Толсур* в честь зимнего солнцеворота соответствует летний «брат» *Куарсур* (в значении пиво/праздник в честь зелёных листьев, листовое пиво) [9, с. 156], отмечаемый во время летнего солнцеворота (*Инвожо*). Также этот период считался особо удачным моментом для проведения свадьбы [10, с. 38]. В.Е. Владыкин именует его «временем свадеб» [5, с. 195]. Очередной раз наблюдаем объединение нескольких праздников в длительный период веселья: праздник *Куарсур* (совпадающий с днём св. Троицы) совмещается с *Петрол* (Петров день), *Гужем-юон* (летний пир) и праздником *Гербер*, обозначающим

конец посевных работ [9, с. 156; 10, с. 37–38]. Летние праздники во многом напоминали Святки. Удмурты собирались для совместных танцев, игр, пения, жертвовали быка или барана при общих молениях, варили кашу и употребляли домашнее пиво [2, с. 31]. Г. Е. Верещагин описывает, что *Куарсур* отмечали «весело и шумно» [4, с. 50]. Праздновали на природе, часть праздника проходила в поле до начала сенокоса [6, с. 124]. Пир в честь завершения трудоёмких весенних полевых работ находим и у остальных финно-угорских народов [23, с. 135; 27, с. 464].

Последнюю, осеннюю часть календарного цикла открывало торжество в честь сбора нового урожая *Вьль жук* (новая каша), переливающееся в крупнейший поминальный день усопших родственников — христианский Ильин день. Главным атрибутом праздника было пиво, которое вместе со свежей выпечкой служило как ритуальное угощение [29, с. 189]. Доля собранного урожая превращалась в пивные напитки, которые распивали в осеннем женском празднике *Ныл сур/Ныл брага* (девичье пиво или брага). На пиво в дома, где были девушки на выданье, съезжались жители соседних деревень [10, с. 41]. Девушки, стоявшие в центре праздника (вспомним роль молодых мужчин при *Тулыс сур* весной), демонстрировали свою готовность стать женой и хозяйкой, угощая гостей выпечкой и пивом. Важным элементом торжества была игра в ряженье [12, с. 110]. Годовые обряды заканчивает *Сйзьыл-юон* (осенний пир) в конце ноября или начале декабря [2, с. 32; 6, с. 126]: пиво имело своё место на праздничном столе и в составе продуктов на молениях — вместе с кусочками хлеба его бросали в огонь, чтобы в виде дыма жертва поднялась вверх к Инмару и позволяла добиться богатого урожая в следующем году [5, с. 297]. Т. Г. Миннихметова [14, с. 70] и И. К. Назмутдинова [15, с. 12] приносят сведения о семидневном обряде, в течение которого все члены семьи выходят во двор с освящёнными продуктами. При первом выходе несут хлеб, как самый сакральный вид пищи, в седьмой день — домашнее пиво. Стоит отметить, что среди продуктов пиво — единственный напиток, ни кумышка, ни брага в данном религиозном акте не участвуют. После осеннего пиршества в удмуртском календаре наступает короткий период затишья, пока не приблизится *Вожодыр*, и весь цикл не повторится вновь.

Подводя итоги, можно заявить, что весь годичный цикл удмурты варят и пьют пиво. Праздники не ограничивались только обрядовой стороной, после выполнения этой «официальной части» [6, с. 126] наступал одинаково важный развлекательный период, представляющий собой совместные песни и пляски, прогулки, забавные игры и пирование. Пиво используют при обеих фазах торжества, обычно вместе с другими напитками. При ритуалах пиво как правило дополняет кумышка и

брага (праздник *Ныл брага*), каши с мясом, яйца (особенно при обрядах, затрагивающих фертильность полей и тоже человека). Существование аналогичных праздников среди остальных финно-угров доказывает, что пиво — исконный финно-угорский напиток, элемент культуры этих народов, выделяющий их на фоне многонациональной России и соединяющий их как одно целое. Все рассмотренные ритуалы являются чертами традиционной дохристианской религии, которая, несмотря на многовековой прессинг, сохранилась как целостная система [24, с. 3]. Современные этнографические экспедиции, находят прямых участников вышеописанных обрядов, в устных преданиях обряды до сих пор живы и в этих рассказах хранится информация о проведении ритуалов в прошлом. Пивная культура остаётся не только полевым материалом, воспоминанием о древних временах с замершей традицией. Участники экспедиций отмечают, что среди удмуртов растёт интерес к истории и обрядам предков [24, с. 3, 210; 30, с. 48, 84]. Традиции во многих местах возрождаются, снова проводятся моления и праздники, которые последний раз проходили в начале XX в. Вместе с церемониями оживает и пиво.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнов С. А, Воронина Т. А. Хмельное и иное: напитки народов мира. М.: Наука, 2008. 488 с.
2. Блинов Н. Н. Языческий культ вотяков. Вятка: Вятская Губернская типография, 1898. 103 с.
3. Борлукова Н. В. Удмуртское sur 'пиво'. Терминология пивоварения у финно-угорских народов // *Linguistica Uralica*. 1997. № 1. С. 19–26.
4. Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. СПб: Типография министерства внутренних дел, 1886. 218 с.
5. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 383 с.
6. Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Этнография удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1997. 245 с.
7. Владыкина Т. Г. Пищевая символика в удмуртском фольклоре // Традиционная культура. 2020. № 3. С. 132–140.
8. Владыкина Т. Г. Символика напитков и еды в субкультуре ритуального застолья удмуртов // Напитки в культуре народов Урало-Поволжья. Ижевск: Удм-ФИЦ УрО РАН, 2019. С. 138–147.
9. Владыкина Т. Г., Глухова Г. А., Панина Т. И. Удмуртский народный календарь и сельский социум // Научный диалог. № 10. 2017. С. 149–169.
10. Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Девичьи и женские праздники в удмуртском календаре // Вестн. перм. гос. гум.-пед. ун-та. Сер. № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 1. С. 34–48.

11. Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Половозрастная стратификация деревенского общества в удмуртском народном календаре // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. № 3. С. 64–76.
12. Глухова Г. А. Ряженье как игра и игра в ряженье // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2007. № 1. С. 109–114.
13. Корнишина Г. А., Пьянзина О. Н. Праздники и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья, связанные с началом и окончанием сева // Финно-угорский мир. 2016. № 1. С. 79–83.
14. Миннихметова Т. Г. Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 163 с.
15. Назмутдинова И. К. Символический образ хлеба в семейном этикете удмуртов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 25. С. 9–14.
16. Перевозчиков Ю. А. Удмуртский напиток варсь (сусло): технология, этимология, употребительные практики. // Напитки в культуре народов Урало-Поволжья. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2019. С. 75–85.
17. Пименов В. В. Удмурты. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. 388 с.
18. Попова Е. В. «Лакомые охотники до блинов...»: народная кухня бесермян в источниках и публикациях XIX первой половины XX столетий // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2014. № 3. С. 36–45.
19. Попова Е. В. Вино сидеть и пиво варить и мёд ставить»: напитки как атрибуты праздника у бесермян // Традиционная культура. 2017. № 4. С. 84–94.
20. Попова Е. В. Напитки в культуре народов Урало-Поволжья. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2019. 416 с.
21. Попова Е. В. Обзор III международного полевого этнографического симпозиума «Напитки в культуре народов Урало-Поволжья» // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2019. № 1. С. 147–157.
22. Попова Е. В. Символика и ритуальные функции пищи и трапезы в святочных обрядах бесермян // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. № 3. С. 78–92.
23. Попова Е. В. Хлеб как ритуальное блюдо и пищевой символ в обрядах бесермян // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2012. № 3. С. 132–138.
24. Садилов Р. Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа: Центр этнологических исследований УНЦ РАН, 2008. 232 с.
25. Христюлова Л. С. Женщина в удмуртском обществе, XVIII — начало XXI в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. 323 с.
26. Шарафутдинов Д. Р. Языческие обряды финно-угорских народов и чувашей // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2011. № 3–4. С. 298–304.
27. Шкалина Г. Е. Марийский праздник Пеледыш пайрем: перекрёсток духовных традиций // Финно-угорский мир. 2020. № 4. С. 457–467.
28. ШUTOва Н. И. Весенний праздник Акашка / Быдзым нунал южных удмуртов в конце XIX — начале XX в. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 3. С. 107–111.
29. ШUTOва Н. И. Календарные и семейные обряды слободских удмуртов // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2016. № 2. С. 185–199.

30. *Шутова Н. И.* Этнотерриториальные группы удмуртов: обряды и верования северных удмуртов: монография. Ижевск: Изд-во «Шелест», 2018. 290 с.
31. *Blažek V.* Indo-Iranian elements in Fenno-Ugric mythological lexicon // *Indogermanische Forschungen*. 2005. Vol. 110. № 1. С. 162–185.
32. *Carpelan C., Parpola A.* Emergence, contacts and dispersal of Proto-Indo-European, Proto-Uralic and Proto-Aryan in archaeological perspective // *Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2007. P. 55–150.
33. *Kuzmina E. E.* Contacts between Finno-Ugric and Indo Iranian speakers in the light 265 of archaeological, linguistic and mythological data // *Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2007. P. 289–300.
34. *Toulouze E., Anisimov N.* Drinks in the Culture of the Peoples of the Volgaurs Region. 3rd Ethnographic Field Symposium in Ludorvay, Udmurtia, September 18–20, 2018 // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2018. № 12. P. 142–146.
35. *Toulouze E., Anisimov N.* The Year Replaces the Year. Udmurt Spring Ceremonies among the Non-Christian Udmurt: An Ethnographic Analysis of Contemporary Ritual Life (on Materials from Varkled-Böd'ya Village) // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2019. № 12 (1). P. 59–94.

УДК 94(470.51)“18/19”

А. В. Ушаков

г. Ижевск (Россия)

Ижевский гос. тех. ун-т им. М. Т. Калашникова

МЕЩАНСКОЕ СОСЛОВИЕ В ПОРЕФОРМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ УДМУРТИИ)

Статья посвящена основным проблемам социально-экономического положения сословия мещан в пореформенном городском пространстве России. В качестве примера использованы материалы, относящиеся к городам «удмуртских уездов» Вятской губернии (Глазов, Елабуга, Малмыж, Сарапул). Рассматриваются используемые мещанами социальные лифты и другие каналы социальной коммуникации, позволявшие более эффективно адаптироваться к изменениям в правовом поле Российской империи второй половины XIX — начала XX в. Особо подчеркивается невнимание властных структур к нуждам сословия, отягощавшее упадок материального состояния мещанских домохозяйств.

Ключевые слова: Удмуртия, либеральные реформы, городское положение, город, горожане, мещанское сословие.

Вторая половина XIX — начало XX в. ознаменовались началом становления сословного социально-экономического пространства, важным элементом которого был город и его население. Освещение данного процесса невозможно без обращения к положению и деятельности мещан — второго по численности сословия в Российской империи.

Сам термин «мещанин» происходит из польского языка и буквально переводится как «горожанин». Начало широкого использования данного наименования совпало с окончательным законодательным оформлением статуса сословия, произошедшего в 1785 г. в результате провозглашения Екатериной II Жалованной грамоты городам. По замыслу императрицы, на городские сословия: купечество и мещанство — возлагалась ответственность за реализацию важной задачи — трансформации российских городов из крепостей и опорных пунктов внутренней колонизации в экономические и культурные центры. В свою очередь, из мещан должен был сформироваться «средний» слой населения, находившийся в социальной структуре между «высоким» дворянством и «низким» крестьянством. Заданный Екатериной II эволюционный импульс исчерпал свой потенциал к середине XIX в., что, в свою очередь, стало одним из обстоятельств, обусловивших реформы Александра II.

Несмотря на вклад в достижение поставленной перед ним цели, наибольшую известность мещанство получило как моральная, этиче-

ская категория, с которой обычно связывают такие негативные личностные черты как глупость, лень, инертность, конформизм. Мещане стремились к личному материальному благополучию, комфорту и успеху, из которых в городах складывалась питательная почва для потребления продуктов духовного производства. Российские дворяне, как сословие, унаследовавшее из екатерининской эпохи наибольшее общественное влияние, вместе с ориентированными на него разночинцами являлись локомотивами, распространявшими передовые для эпохи идеи. В данном смысле мещане выступали крайне неприглядно на фоне служилого сословия — дворян, защищавших интересы государства на чиновничьей службе или рисковавших своей жизнью на поле боя. Исторический образ мещан действительно мог отличаться отдельными предосудительными качествами и не требует безоглядной апологетики в свой адрес. В то же время важно выстроить объективный подход к пониманию положения мещан в пореформенный период.

Ко второй половине XIX — началу XX в. на территории Удмуртского региона было 4 города: Глазов, Елабуга, Малмыж и Сарапул. Переход сёл в статус городов в рамках губернской реформы Екатерины II 1775–1780 гг. одновременно означал приобретение его населением сословного статуса мещан.

Положение мещан в демографической картине региона в рассматриваемый период в целом соответствовало общероссийской динамике. На протяжении второй половины XIX — начала XX в. доленое присутствие мещан в составе городского населения Удмуртии под влиянием пришлых сельских обывателей снижалось с 51,1 % до 39,9 % [3, с. 226–234; 4, с. 50]. Основным источником пополнения мещан традиционно были выходцы из крестьян. В то же время необходимо отметить устойчивую связь сословия с сообществом купцов: 51,1 % вновь объявленных капиталов происходил из мещан [2, с. 37]. Помимо занятия предпринимательством, росту социального статуса мещанина могло способствовать получение образования. В качестве примеров успеха в данном направлении могут быть упомянуты сарапульские мещане Николай Прокопьевич Кабалкин, в 1898 г. с отличием окончивший Харьковский университет, и Федор Васильевич Стрельцов, ставший выпускником Императорского Московского университета [5. Ф. 76. Оп. 1. Д. 7. Л. 296об–297; Л. 344об–345]. На региональном уровне в 1897 году елабужское земство сообщало, что 39,8 % учителей местных школ — выходцы из мещан [1, с. 112–115]. В то же время нужно отметить, что образованных выходцев из мещан, вероятнее всего, намного больше. Обобщение информации по этой категории населения обыкновенно затрудняется отсутствием ука-

зания на социальное происхождение должностного лица или общественного деятеля.

Несмотря на указанные нами положительные явления, важно отметить, что для мещан пореформенный период оказался связанным с потерей ряда сословных привилегий, ужесточением как внутренней, так и внешней деловой конкуренции. Подобные тенденции имели положительное влияние на снижение межсословных барьеров и развитие товарно-денежных отношений в городской среде. В то же время они нанесли существенный ущерб материальному положению наименее обеспеченных мещан. Отсутствие сколько-нибудь устойчивого внимания правительства к положению данной категории населения, по меткому выражению дореволюционного публициста Якова Абрамова, вызвало к жизни феномен «забытого сословия». По мнению современника, таким мещанам, не обладавшим необходимым для предпринимательства капиталом, не оставалось ничего, кроме перехода в состояние наемных рабочих или преступной деятельности. Центральным вопросом в данном смысле стала норма Городового положения 1870 г., по которой мещане утратили право пользоваться выгонными землями и некоторыми объектами городской недвижимости. Защищая свое положение, в Сарапуле представители мещан и купцов — сообщества некогда единого сословия городских обывателей — обвинили Городскую думу в самоуправстве и не представленности в ее решениях интересов коренных жителей города. Мещане Малмыжа тщетно пытались вернуть себе контроль над домом, переданным обществу городских сословий еще в дореформенное время. Вероятно, настроения «забытых» мещан малых городов в наибольшей степени может передать фраза из стенограммы заседания сословного общества Малмыжа: «Лишившись приюта в своем собственном доме, общество наше лишилось и доходности с него...» [б. Ф. 837. Оп. 1. Д. 15. Л. 164об–166].

Подобные обстоятельства естественным образом подталкивали мещанина к переносу внимания на удовлетворение личных нужд, что в известной степени спровоцировало закрепление за его образом эгоистических черт. Необходимость стабилизации материального положения сословия заставила мещан изыскивать дополнительные источники средств к существованию. Одной из основных платформ для профессиональной и предпринимательской деятельности мещан стал их дом. Важно отметить, что наличие собственного дома, недвижимости изначально являлось определяющим критерием принадлежности к мещанскому сословию. В пореформенное время в стенах собственного жилища мещане не только устраивали ставшие обыкновенными торговые лавки и ремесленные заведения. Дом мещанина стал пространством, позволявшим

временно приобретать оседлость трудовым мигрантам из других городов и сел. Так, только по официальным данным Первой всероссийской переписи населения 1897 г., каждое третье домохозяйство Сарапула вмещало себя наемного работника, прислугу или постояльца, не имевших приписки к городу [7. Ф. 236. Д. 152–194]. Мещане менее крупных городов адаптировались к всеобщему городскому пространству с позиции общественного контроля за соблюдением норм, единых для всех участников рынка. Глазовский мещанин Иван Акимович Злыгостев указывал на ряд домовладельцев, не уплачивавших особый налог, позволявший сдавать жилье в аренду [7. Ф. 145. Оп. 1. Д. 4. Л. 191–192об]. Малмыжский мещанин Александр Якубовский сообщал о существовавших в городе нелегальных ремесленных мастерских [6. Ф. 631. Оп. 1. Д. 22. Л. 101–103]. Следует отметить, что крупные города, такие как Елабуга и Сарапул, предоставляли мещанам больше возможностей укрепить свое материальное положение, по сравнению с менее экономически развитыми Глазовом и Малмыжем. Стремление мещан к самодостаточности и самостоятельности при отсутствии должных условий для занятия предпринимательством провоцировало консервацию отдельных пережитков натурального хозяйства.

Так, в Глазове по описи 1882 г. из 104 мещанских хозяйств — 102 включали в себя огород [6. Ф. 582. Оп. 92в. Д. 23. Л. 34–47об], а из сообщений местной городской управы от 1897 г. можно узнать о наличии в собственности мещан большого количества скота [7. Ф. 145. Оп. 1. Д. 4. Л. 114–114об].

Коллективные инициативы мещан организационно была призвана обслуживать мещанская управа — орган сословного самоуправления, созданный согласно Городовому положению 1870 г. Попытки мещан превратить ее в полноценный инструмент защиты собственных интересов не имели результата по причине как отсутствия необходимых материальных ресурсов, так и подчиненного положения по отношению к Городской думе. В силу подобных обстоятельств управы преимущественно занимались административным учетом членов и организацией исполнения возложенных на мещан повинностей.

Таким образом, положение мещан в пореформенный период оказалось сопряжено с ростом социальной напряженности. Финансовый стресс, потеря сословных привилегий, ужесточение конкуренции со стороны крестьянства провоцировали замыкание представителей сословия на сугубо личных интересах. Размывание групповой идентичности общества городских сословий обостряло ощущение мещанами своей «забытости» и переживание новых обстоятельств как несправедливых и чрезмерно жестоких.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. 31-е очередное Елабужское уездное земское собрание. 25 сент. – 4 окт. 1897 г. // Журналы собраний, доклады управы и комиссий, представления, ходатайства и прочее. Вятка, 1898. 777 с.
2. *Лигенко Н. П.* Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX — начало XX века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 432 с.
3. Памятная книжка Вятской губернии на 1860 год. Вятка, 1860. 358 с.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Вятская губерния. СПб., 1904. 260 с.
5. Управление по делам архивов администрации МО «Город Сарапул» (УДААС).
6. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО).
7. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР).

УДК 930.2

К. Р. Капсалькова

г. Екатеринбург (Россия)

Уральский фед. ун-т

**«ОЧЕНЬ РАД, ЧТО ДЕЛА СО СБОРНИКОМ НАЛАДИЛИСЬ»:
«АНТИЧНАЯ ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНИЕ ВЕКА» В ПИСЬМАХ В. Е. МАЙЕРА**

Статья посвящена актуальной проблеме: становлению и развитию научных контактов между известным медиевистом, профессором Удмуртского государственного университета В. Е. Майером и выдающимся советским византинистом, профессором Уральского государственного университета М. Я. Сюзюмовым. Письма В. Е. Майера к М. Я. Сюзюмову хранятся в личном фонде уральского ученого в Государственном архиве Свердловской области. Письма размещены в хронологическом порядке и охватывают 4 года (1976–1979). В. Е. Майер входил в редакционную коллегию сборника «Античная древность и средние века» (АДСВ) с 1976 по 1985 гг. В статье приводятся письма В. Е. Майера к М. Я. Сюзюмову. В них ижевский коллега высказывал критические замечания о материалах, которые планировалось опубликовать в АДСВ. Помимо этого, В. Е. Майер рассказывал Михаилу Яковлевичу о событиях научной жизни Удмуртского университета. Письма прокомментированы и публикуются впервые.

Ключевые слова: источниковедение, историография, В. Е. Майер, М. Я. Сюзюмов, научная биография, межвузовский научный сборник.

Василий Евгеньевич Майер (1918–1985), д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Удмуртского государственного университета — известный специалист по истории западноевропейского средневековья [20]. Научной, педагогической, административной и просветительской деятельности В. Е. Майера посвящено значительное число специальных работ. Отрадно, что старая академическая традиция публикаций *in memoria* в полной мере была продолжена коллегами и учениками В. Е. Майера, воплотившись в серьезное историографическое направление [17, с. 6–13].

В. Е. Майер вел обширную переписку с коллегами-историками [18, с. 166–175]. Одним из его адресатов был выдающийся советский византист, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893–1982). Сам факт переписки между ними известен давно, однако на сегодняшний момент опубликован только небольшой фрагмент письма свердловского историка с поздравлениями коллеге [13, с. 233, 322, 351].

В личном фонде М. Я. Сюзюмова в Государственном архиве Свердловской области хранятся 4 письма В. Е. Майера, которые датированы 1976–1979 гг. Примечательно, что они объединены единой тематикой — участием ижевского историка в работе редакционной коллегии научного сборника «Античная древность и средние века» (АДСВ). При жизни М. Я. Сюзюмова вышло 18 выпусков издания, получившего широкую известность среди советских и зарубежных ученых. Историограф Г. Л. Курбатов назвал АДСВ «большим и славным ребенком» М. Я. Сюзюмова [6. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 273. Л. 57].

С середины 1970-х гг. Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР (МВССО) значительно изменило политику по отношению к вузовским научным изданиям. Наиболее подробно об этом писал М. Я. Сюзюмову д-р ист. наук, проф. Пермского государственного университета, известный антиковед Василий Трофимович Сиротенко (1915–2006).

Дорогой Михаил Яковлевич.

Головной совет по истории МВССО не утвердил для нашего университета сборник по античности и средневековью, поскольку рядом издается АДСВ, а я и не настаивал. На 1975 г. нам утвержден межвузовский тематический сборник «Международные отношения в античном и средневековом мире». Я в этот сборник дам статью «Византия и кочевники в VI–VII вв.», Ивонин о взаимодействии Англии и Германии в XVI в., Неронова — еще собирается написать. Могу предоставить место на 2–3 печ. л. для Ваших членов кафедры (Надежде Игоревне для статьи вроде «Византия и Херсонес в VII в.» — пусть подумает, Козлову и другим).

Вам тоже советую открыть дорогу на треть сборника не свердловчанам, иначе сборник выглядит как Ученые записки кафедры, а Ученые записки категорически запрещены к изданию. Кроме того, межвузовский сборник выгодно издавать: МВССО дает для него дополнительно бумагу и разрешает как больший тираж так и листаж. Кроме АДСВ межвузовские сборники разрешили: Саратовскому университету по истории средневекового города, Горьковскому университету по соц.-эк. развитию Англии, Иркутскому университету по истории колониальной политики. Если в Вашем сборнике АДСВ в каждом номере будет 2–3 иногородних автора (и прежде всего из Перми и Ижевска), то Головной совет гарантирует его выход ежегодно. Кстати, меня избрали членом бюро секции всеобщей истории и славяноведения и, как член бюро, я назначен куратором по Уральской зоне (Свердловск, Пермь, Ижевск). Вчера прибыл из Ижевска, где я

проверял состояние научной работы на историческом факультете. От командировки в УрГУ я отказался, так как и без нее знаю состояние научной работы на истфаке.

Поскольку нам не утвердили сборник «Античность и средневековье», а Головной совет настаивает на межвузовских сборниках, то я высылаю Вам статью проф. Майера В. Е. в 1 печ. л. Места она в Вашем сборнике займет немного, но зато он будет иметь все основания называться междуниверситетским. Поэтому прошу и советую поместить его статью в очередном сборнике (или еще лучше, в сборнике, который выйдет в свет в 1974 г.). По заверению председателя Головного совета Министерство отпускает на межвузовские сборники дополнительные лимиты бумаги, тиража и листаж. Поэтому в плане издания пусть редсовет обязательно пишет: межвузовский сборник.

Естественно, все расходы, падающие на эту статью, возьмет на себя Майер (или Удмуртский ГУ, где он проректор по науке).

Спасибо за Чадвика. Конечно, после того, как я перевел Курселя и Камерона, Чадвика читать скучно. Но о присциллианах он сказал больше, чем мне было известно. Как только освобожусь от редактирования своей книги — перепишу все нужное из Чадвика и тогда возвращу рукопись Вам.

А еще хочу сказать: получил уже аттестат профессора.

Я и Ольга Василевна шлем низкий поклон и самые наилучшие пожелания Вам и Александре Владимировне.

Ваш В. Т. Сиротенко

20.I.74.

Машинопись, подлинник

[5. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 250. Л. 18–18об].

Статья В. Е. Майера, о которой писал В. Т. Сиротенко, была опубликована в 1975 г., т. к. выпуск предыдущего года уже был в печати [11, с. 147–159]. Отметим, что это была не первая публикация историка, изданная в Свердловске при участии М. Я. Сюзюмова. В 1967 г. В. Е. Майер делал доклад на научной сессии вузов Уральского экономического района, проходившей в УрГУ [10, с. 35–39].

В 1976 г. проф. В. Е. Майер вошел в редакционную коллегию сборника «Античная древность и средние века» и оставался в ее составе до своей смерти в 1985 г. Далее мы публикуем письма Василия Евгеньевича к М. Я. Сюзюмову. Они размещены в хронологическом порядке.

Дорогой Михаил Яковлевич!

Спасибо за письмо. Очень рад, что дела со сборником наладились. Ваше предложение участвовать в редколлегии я принимаю. Хотелось бы только и быть полезным, поэтому, пожалуйста, когда редколлегия сочтет нужным, я смогу просмотреть статьи и весь материал сборника. При необходимых случаях могу и приехать в Свердловск.

Министерство обещало дать разрешение на издание моей книги, поэтому я сейчас сижу каждый день, чтобы завершить все необходимое. Не знаю только, когда вопрос будет окончательно решен¹.

У меня есть аспирантка 3-го года обучения. Она работает над историографической темой «Историография ГДР о классовой борьбе немецких крестьян после Крестьянской войны до 30-летней войны»². Мы испытываем затруднения с публикацией. Если это возможно, то я просил бы Вас опубликовать одну ее статью. Что касается меня, то я летом или к лету напишу статью.

Кафедра осваивает университетский стиль работы. Есть трудности с дипломными работами. Не наладили еще работу по чтению микрофильмов, хотя есть микроформ.

Желаю Вам всего доброго.

Привет членам кафедры.

С искренним уважением, В. Майер

12/II-76 г.

Рукопись, подлинник
[4. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 228. Л. 2–2об].

Ижевск 27/XI-76.

Дорогой Михаил Яковлевич!

Не ответил Вам сразу на письмо и каюсь. Надеялся, что нам удастся что-нибудь сделать для Вашей кандидатуры в аспиранты, но теперь все это обставлено всякими условностями. Все необходимо делать в определенные сроки. Я тогда связался с Москвой, но все неуспешно. Поэтому я очень извиняюсь, что так долго не писал.

Сейчас я завершил все формальности по подготовке своей рукописи к изданию. Хочу ее отвезти в Ленинград, где она должна из-

¹ Майер В. Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. 168 с.

² Шишкина Н. Г. Историография ГДР о характере и особенностях классовой борьбы в германии в позднее средневековье // Античная древность и средние века. 1977. Вып. 14. С. 123–133.

даваться. Но Вы знаете, сколько всегда вырастает препятствий по этому пути. Единственная надежда, что удастся их там убедить в необходимости публикации. В. В. Мавродин, правда, дал согласие¹. Министерство — тоже. И все же могут быть всякие формальности.

Давно мы заказали 25 экз. 12 выпуска, но пока не выслали. Может быть, нам необходимо больше заказать? Сообщите, пожалуйста, как расходуется тираж.

Мое здоровье теперь идет на улучшение. Если понадобится, я смогу помочь в издательских делах.

Желаю Вам доброго здоровья и новых творческих успехов.

С глубоким уважением В. Майер

Рукопись, подлинник
[4. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 228. Л. 1-1об].

Дорогой Михаил Яковлевич!

Прошу не особенно сетовать на то, что я задержал немного сборник².

Главное, я его внимательно читал. Материал в целом хороший. Но товарищи, работающие над большими произведениями, не дают себе отчета в том, для кого пишется статья и как она оформляется. Они вырывают кусок из общего контекста и бросают его читателю, а ведь среди них и студенты, и учителя, и не только медиевисты. Давайте требовать — статья должна быть законченным произведением или частью его, а не куском.

Кроме того, изобилуют термины на иностранных наречиях, особенно греческом. В целом похвально, что люди стремятся к тому, чтобы придать научный вид исследованиям, но обязательно ли это при помощи иностранных слов?

Понимаю, что смерть Н. А. Бортника для Вас и кафедры горестна³. По этому поводу выражаю соболезнование от своего имени и имени кафедры. Кажется, он только начал выходить на арену. Но с природой спорить мы, по существу, бессильны. Современная медицина так же слепа, как тысячу лет тому назад, а авторитета — еще меньше.

¹ Владимир Васильевич Мавродин (1908–1987), д-р ист. наук, проф., специалист по истории российского средневековья. В 1970–1982 гг. — председатель Головного совета по истории Министерства высшего образования РСФСР.

² Античная древность и средние века. 1978. Вып. 15.

³ Наум Абрамович Бортник, д-р ист. наук, проф. кафедры истории древнего мира и средних веков, скончался 11 января 1977 г.

Сессия подходит к концу. К следующему выпуску дам статью. Сообщите только, когда срок подачи.

Привет Валентину Александровичу и М. А. Поляковской (к сожалению, забыл ее имя и отчество)¹.

Пусть на мои замечания не обижаются. Коллегиальное решение всегда лучше.

Доброго Вам здоровья.

В. Майер

21/I-77 г.

Рукопись, подлинник
[4. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 228. Л. 3–4].

Ижевск 30.10.79.

Дорогой Михаил Яковлевич!

Прошу прощения за долгое молчание. В конце сентября проводили мы симпозиум по аграрной проблематике развитого феодализма. Наш университет в подобных делах не имеет большого опыта, поэтому было трудно все организовать, чтобы никто не упрекал. Теперь, когда все позади, я с радостью могу сообщить, что все было на достойной высоте. От Вас был В. А. Сметанин. Как всегда, он выступал интересно и со знанием дела. Жаль, что не было больше византинистов.

Приезжали А. Н. Чистозвонов, А. Д. Люблинская, Е. В. Гутнова, Я. Д. Серовайский, К. Д. Авдеева, В. А. Маркина (из Киева), М. М. Фрейденберг и много еще со всех концов Сов. Союза². В перерывах мы показывали участникам автозавод, Воткинскую ГЭС и дом-музей П. И. Чайковского в Воткинске. В целом народ был доволен.

Желаю Вам всего доброго

В. Майер

Рукопись, подлинник
[4. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 228. Л. 5–6].

¹ В 1977 г. Валентин Александрович Сметанин (1938–2018) — канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории УрГУ; Маргарита Адольфовна Поляковская (1933–2020) — канд. ист. наук, преподаватель кафедры истории древнего мира и средних веков УрГУ.

² Подробнее см.: *Воробьева Н. Г.* Научный симпозиум по проблемам аграрной истории развитого феодализма в Ижевске // Советское славяноведение. 1980. № 3. С. 124–125.

Судя по приведенным письмам, роль проф. В. Е. Майера в редколлегии АДСВ не была формальной. Несмотря на занятость, ученый тщательно рецензировал присланные материалы, его мнение было важно для М. Я. Сюзюмова. Более того, в личном архивном фонде свердловского историка нет писем от других членов редколлегии АДСВ.

Примером конструктивной и, несомненно, справедливой критики статей для 15-го выпуска АДСВ является письмо В. Е. Майера от 21 января 1977 г. Речь идет об объемных текстах А. С. Козлова, В. П. Степаненко, Н. Д. Барабанова, В. А. Сметанина, В. В. Кучмы. По сути, эти работы представляли собой фрагменты защищенных или готовящихся кандидатских диссертаций. В. Е. Майер тонко подметил, что авторы, по сути, не уделяли должного внимания подготовительной работе. Действительно, особенностью стиля молодых ученых было использование идей, материалов и заготовок М. Я. Сюзюмова. Так, во второй половине 1940-х гг. М. Я. Сюзюмов работал над проблемой «Социальный и культурный кризис в Римской Империи V–VI вв.», а также переводил «Новую историю» Зосима [7. Ф. Р-2162. Оп. 1. Д. 56. Л. 101]. Спустя 30 лет аналогичная тема была рассмотрена в статье А. С. Козлова [8, с. 23–42]. Идею о том, что X в. стал переломным для политического и экономического развития Византии М. Я. Сюзюмов подробно обосновал еще в 1937 г. [16, с. 33–34, ср.: 15, с. 43–51].

В. А. Сметанин и Н. Д. Барабанов посвятили свои статьи вопросам византийской эпистолографии¹. М. Я. Сюзюмов считал письма важным историческим источником, что шло в разрез с господствующей в византистике первой половины XX в. идеей о схоластичности и малой информативности произведений этого жанра. В своей кандидатской диссертации «Проблемы истории иконоборческого движения в Византии» М. Я. Сюзюмов объяснил эту историографическую коллизию на конкретном примере: «В 1880-х годах, когда преобладало иперкритическое отношение к источникам, когда было принято всякое внутреннее противоречие считать признаком неподлинности, целый ряд источников признавался подложными. Письма папы Григория II стали признавать подложными почти одновременно Шварцлозе, Дюшен, Герард» [3. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 6. Л. 50]. С одной стороны, В. А. Сметанин и особенно его дипломник Н. Д. Барабанов сумели бережно отнестись к теории эпистолографии, разработанной М. Я. Сюзюмовым. С другой, эти же авторы

¹ Сметанин В. А. Эпистонология поздней Византии. Прозелевсис (конкретно-историческая часть) // Античная древность и средние века. 1978. Вып. 15. С. 60–82; Барабанов Н. Д. Константинопольский патриарх Афанасий I о недугах византийского общества на рубеже XIII–XIV вв. // Там же. С. 52–59.

позаимствовали идущую вразрез с ней идею шведского филолога Г. Карлссона о «деконкретизации» византийского письма [21, р. 14–33].

Единственный автор, признавший справедливость сделанных В. Е. Майером и М. Я. Сюзюмовым замечаний был В. В. Кучма. После защиты кандидатской диссертации по истории византийской армии в 1966 г., он перешел на работу в Высшую следственную школу МВД РСФСР в Волгограде и по этой причине на непродолжительное время вынужден был оставить византийскую тематику [9, с. 83–95]. Тем не менее, в 1981 г. В. В. Кучма первым из аспирантов М. Я. Сюзюмова защитил докторскую диссертацию¹.

Подводя итоги, отметим, что научные связи между историческими факультетами Удмуртского и Уральского университетов были установлены еще в 1960-е гг. Этому в значительной степени способствовала деятельность Уральского совета координации и планирования научно-исследовательских работ по гуманитарным наукам. М. Я. Сюзюмов и В. Е. Майер входили в состав экспертной комиссии совета по историческим наукам. Дальнейшее плодотворное сотрудничество двух историков было связано с работой в редколлегии сборника «Античная древность и средние века».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барабанов Н. Д.* Константинопольский патриарх Афанасий I о недугах византийского общества на рубеже XIII–XIV вв. // *Античная древность и средние века.* 1978. Вып. 15. С. 52–59.
2. *Воробьева Н. Г.* Научный симпозиум по проблемам аграрной истории развитого феодализма в Ижевске // *Советское славяноведение.* 1980. № 3. С. 124–125.
3. Государственный Архив Свердловской области (ГА СО). Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 6. 80 л.
4. ГА СО. Ф. Р-802, Оп. 1, Д. 228. 6 л.
5. ГА СО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 250. 27 л.
6. ГА СО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 273. 112 л.
7. ГА СО. Ф. Р-2162. Оп. 1. Д. 56. 348 л.
8. *Козлов А. С.* Социальные симпатии и антипатии Зосима // *Античная древность и средние века.* 1978. Вып. 15. С. 23–42.
9. *Кучма В. В.* Создание и деятельность органов общей полиции во Франции в период абсолютизма // *Античная древность и средние века.* 1978. Вып. 15. С. 83–95.

¹ Владимир Васильевич Кучма (1938–2011), д-р ист. наук, проф. кафедры теории государства и права Волгоградского государственного университета.

10. *Майер В. Е.* Исследования кафедры всеобщей истории Удмуртского государственного педагогического института по истории средних веков // Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917–1967. Материалы 3-й научной сессии вузов Уральского экономического района (исторические науки) / отв. ред. М. Я. Сюзюмов. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1968. Вып. 2. Всеобщая история. С. 35–39.
11. *Майер В. Е.* Источники по истории развития производительных сил в сельском хозяйстве и аграрных отношений в Германии XIV–XVI вв. // Античная древность и средние века. 1975. Вып. 12. С. 147–159.
12. *Майер В. Е.* Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. 168 с.
13. Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах / сост. текста Б. П. Сысоевой; под общ. ред. Н. Г. Шишкиной. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 418 с.
14. *Сметанин В. А.* Эпистолология поздней Византии. Проэлевсис (конкретно-историческая часть) // Античная древность и средние века. 1978. Вып. 15. С. 60–82.
15. *Степаненко В. П.* Из истории армяно-византийских отношений второй половины X–XI в. (к атрибуции монет Кюрикез куропалата) // Античная древность и средние века. 1978. Вып. 15. С. 43–51.
16. *Сюзюмов М. Я.* Византийское государство и византийская культура в X–XI веках / подгот. текста, вступит. статья, коммент. А. С. Мохов, К. Р. Капсалькова. Екатеринбург: ИЦ «Никея», 2018. 126 с.
17. *Туркевич А. Л.* Научно-педагогическая и общественно-просветительская деятельность профессора В. Е. Майера: 1918–1985 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2017. 323 с.
18. *Черниченко Д. А.* Историк и время (из научной переписки профессора В. Е. Майера) // Диалог со временем. 2009. № 28. С. 166–175.
19. *Шишкина Н. Г.* Историография ГДР о характере и особенностях классовой борьбы в германии в позднее средневековье // Античная древность и средние века. 1977. Вып. 14. С. 123–133.
20. *Шишкина Н. Г.* Василий Евгеньевич Майер: историк и его дело // Средние века. 2006. Вып. 67. С. 216–245.
21. *Karlsson G.* Idéologie et cérémonie dans l'épistolographie byzantine. Uppsala: Almqvist and Wiksell, 1962. 157 p.

УДК 94(47+57)"1479/80"

М. А. Несин

г. Санкт-Петербург (Россия)

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ ПОХОД НА ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД 1479/80 ГОДОВ

Настоящая работа представляет собой первое комплексное исследование великокняжеского похода на Новгород 1479/80 гг. Автор приходит к выводу, что в этом походе участвовало большое великокняжеское войско численностью 5–10 тыс. чел., занявшее фактически весь Славенский конец. И предполагает, что срок великокняжеского пребывания в Новгороде составил не 9, а 7,5 недель, со 2 декабря по 24 января.

Ключевые слова: Иван III, новгородский архиепископ Феофил, Великий Новгород, Славенский конец, князь Д. Д. Холмский, И. В. Ощера.

В январе 1478 г. во время осады В. Новгорода Иван III изъявил намерение переписать на себя половину владычных земель, однако 7 числа «половину волостей не взял, а взял десять» [26, с. 264; 29, с. 319]. Но к осени 1479 г. она все же была конфискована, а обиженный владыка Феофил — недоволен властью великого Московского князя. Это послужило поводом для великокняжеского похода на В. Новгород 1479/80 гг., в ходе которого местного святителя арестовали и отправили в Москву [16, с. 13; 18, с. 3–4].

О причинах похода источники прямо не сообщают. Типографская летопись, в которой сохранился текст ростовского владычного свода 1489 г., отмечает, что во время него Иван III «изыма» новгородского архиепископа Феофила «в коромоле», «бо» тот не «хотяше», «чтобы Новгородъ былъ за великимъ княземъ, но за [литовским] королем, или за инымъ государемъ, князь бо великий, коли пръвые взя Новгородъ, тогда отъя у Новгородского владыки половину волостѣй и сель и у монастырей, про то владыка нелюбие дрѣжаша» [28, с. 198¹]. В створе с кем-

¹ Это известие обычно считается достоверным. Только А. А. Зимин, а за ним Я. С. Лурье неаргументированно сочли его сомнительным [9, с. 77; 12, с. 166]. Недоказанной является и идея Лурье о позднейшем происхождении этого рассказа по сравнению с известием великокняжеского летописания [12, с. 156–157]. Н. С. Борисов тоже усомнился в достоверности сообщения о крамоле Феофила, отметив, что тот ни у какого «государя» не мог «просить помощи» поскольку «единственный возможный» союзник Казимир IV — показал свое «равнодушие» к Новгороду [7, с. 298]. Но летописец не приписывал владыке таких действий.

либо он не обвинялся. Но даже проявление «нелюбья» по отношению к себе Иван III признал крамолой и удобным поводом арестовать последнего выборного святителя Новгородской республики. Поскольку Иван III не назначал бывших новгородских посадников местными наместниками, а депортировал не только тех новгородских вотчинников, которые обвинялись в нелояльности великокняжеской власти, у Феофила не было шансов остаться на новгородской кафедре. На Руси еще в то время формально не арестовывали за хулу на государя. Но в недавно покоренном Новгороде, где некоторым боярам в 1478 г. было велено сообщать все, что они услышат от прочих новгородцев о великих князьях [26, с. 265; 29 с. 321–322], действовали, так сказать, более суровые законы военного времени.

Согласно уникальному известию В. Н. Татищева, Иван III «тайно» узнал, что многие новгородцы «начали втайне колебаться и с королем лядским и князьями литовскими сообщениями обмениваться, призывая его с воинствами в землю Новгородскую. И король обещал идти к Новгороду. Они же слали к немцам, но те отреклись, так как не смели на псковичей; а псковичи о том и не ведали». Иван III велел своему сыну собрать для похода на Новгород войска под предлогом войны с Ливонией и в Новгород тоже послал весть, что идет войной на немцев. Как выяснилось позднее, с новгородскими «крамольниками» «тайно имели... связь братья великого князя» [35, с. 67]. Однако, это сообщение не внушает доверия. Источники умалчивают о подобных действиях новгородцев, а так же о проявлении ими недовольства против великокняжеской власти. Равно как и о связи мятежных братьев Ивана III Андрея Углицкого и Бориса Волоцкого с В. Новгородом. Известно лишь, что те поначалу хотели туда уехать [28, с. 198]. Но это было связано с периферийным и удаленным от Москвы положением города: в итоге они стали в приграничных Луках, где не имели серьезной поддержки со стороны лучан (отношения с последними у мятежных удельных князей были плохими: по прибытию в Луки, братья устроили в них бесчинства [1, с. 38; 23, с. 60]). К тому же вопреки версии Татищева, в Новгороде не были уверены, что Иван III выразил намерение воевать с Ливонией. Согласно посланию Нарвы в Ревель от 29 ноября 1479 г., по донесению тайных друзей Ордена из Пскова и Новгорода, великий князь в это время вероятно прибыл в Новгород и с войском направился то ли в Швецию, то в Ливонию [37, с. 225]. Уникальное упоминание в ливонских источниках этих тайных

Тот всего лишь выразил сожаление о пребывании Новгорода под властью московского государя. И такая реакция со стороны новгородского святителя, лишившегося половины земель, вполне естественна.

орденских доброжелателей так же не дает основания предполагать устойчивое существование в оных городах ливонской агентуры из числа противников Ивана III.

Согласно известию великокняжеского летописания конца XV в. Иван III пошел из Москвы к Новгороду «миром» 26 октября [26, с. 266; 29, с. 326; 30, с. 281, 354]¹ 1479 г. Разрядные записи называют ту же дату начала похода и упоминают «с великим князем» бояр князя Д. Д. Холмского, Петра Фёдоровича (Челядина), Якова Захарьевича (Кошкина), Василия и Ивана Борисовичей (Тучко Морозовых), окольничего И. В. (Глебова) Ощеру, дворецкого М. Я. Русалку и детей боярских Юрия Захарьевича (Кошкина), С. Б. (Морозова) Брюха, И. (Ф.) Товаркова [31, с. 19; 32, с. 24]. Этот список включал не всех участвовавших в походе служилых людей: нет в нем, к примеру, Д. Д. Морозова и князя А. Н. Оболенского Ногтя, отправленных Иваном III из Новгорода во Псков послом и воеводой. Ю. Г. Алексеев, проанализировав оный перечень, охарактеризовал упомянутых в нем лиц как штаб Ивана III [1, с. 17–19].

Так же с Иваном III шли войска — во время этого новгородского похода государь, узнав, что 20 января 1480 г. ливонцы напали на Гдов, послал в помощь псковичам для участия в походе против немцев войско во главе с «воеводой» князем А. Н. Оболенским Ногтем, которое в Типографской летописи характеризуется как «двор» великого князя, а в псковских летописях — как «сила», «многие силы», «люди войском», «войско» [22, с. 77; 23, с. 58–59, 219–220; 25, с. 198]. Это войско прибыло во Псков уже 1 февраля², что при отсутствии новейших средств связи и

¹ В Новгородской летописи по списку Н. П. Дубровского (далее — НЛД), составленной 60 лет спустя после описываемых событий, ошибочно указано, что государь был в Новгороде с 26 октября [20, с. 516]. Стоит учесть, что данная фраза представляет собой конструктив из известий новгородского летописания первой половины XVI в. и московского великокняжеского летописания XV ст. В соответствии с новгородской летописной традицией первой половины столетия, в НЛД сообщается, что Иван III «быль» в Новгороде и стоял в «Славне» [ср: 24, с. 457, 466] 9 недель [ср: 10, с. 366; 24, с. 457]. А из московского летописания заимствованы слово «миромъ» и дата 26 октября [26, с. 266; 29, с. 326; 30, с. 281, 354]. По наблюдениям О. Л. Новиковой, источниками НЛД были Академический и Голицынский списки Новгородской IV летописи (далее — НIVЛ) [20]; источники с текстом великокняжеского летописания точно не установлены.

² Обоснование датировки см.: [2, с. 219–220]. Добавим, по Псковским I и III летописям русские войска вывезли ливонские крепостные пушки [22, с. 77; 23, с. 220], следовательно, ехали с гужевым обозом и не могли пробегать много десятки км. в день. Таким образом, стоит согласиться с Ю. Г. Алексеевым, что дата прибытия войска в Псков в летописях записана неверно и это событие стоит относить не к 11, а к 1 февраля.

современных транспортных средств исключало возможность стянуть его из Москвы. Первым воеводой идущих в Новгород великокняжеских войск вероятно был вышеупомянутый князь Д. Д. Холмский — знаменитый воевода того времени, само имя которого, вдобавок, несомненно производило сильное впечатление на новгородцев после его побед над новгородскими ратями в Коростыни, Русе и на р. Шелони в 1471 г.

В. Н. Татищев повторил слова великокняжеского летописания, что Иван III пошел миром 26 октября и добавил, что тот выступил с 1000 воинами и в течение двух недель в Бронницах ожидал прибытия остальных сил, а новгородцы «затворились» и государю пришлось осаждать Новгород — захватить посады и обстрелять город из пушек (артиллерией командовал А. Фьораванти). В результате новгородцы во главе с посадником и тысяцким открыли ворота великому князю [35, с. 67–68]. Однако, эти подробности трудно признать достоверными [12, с. 157]. Добавим, что в известии В. Н. Татищева ошибочно фигурируют посадник и тысяцкий, хотя посадничество и тысяцкое были упразднены 14 декабря 1477 г. [29, с. 318]. Очевидно, что посадник с тысяцким, артиллерийский обстрел города и захват городских посадов, а так же участие в походе А. Фьораванти, относятся к реалиям прошлого великокняжеского похода на Новгород 1477/78 гг. Ни один источник об интересующем нас следующем походе не сообщает о том, Ивану III снова пришлось стягивать артиллерию и брать город. Лишь согласно опубликованной Е. Л. Конявской Новгородской Большаковской летописи XVI в., Иван III в 6988 (1479/80) г. взял Новгород: «И приѣха кнзь великі к Новугороду. Того же лѣта приѣхал кнзь великі к Новугороду и город всял» [10, с. 366]. Отметим, что это известие дефектно: в нем дважды подряд сообщается о приезде Ивана III к Новгороду, причем обе фразы не согласованы между собой. В данной летописи отсутствует статья за 6986 (1477/78) г., в который великий князь взял город. Очевидно, в поздней летописи в статье за 6988 г. совмещены известия об обоих походах на Новгород 1477/78 и 1479/80 гг.

Псковские летописи сообщают о прибытии великого князя в Новгород 2 декабря [22, с. 76; 23, с. 58, 218]¹. По сведениям великокняжеского летописания государь расположился на дворе Ефима Медведнова [26, с. 266; 29, с. 326; 30, с. 281]. По данным новгородских памятников XVI ст., Иван III стал в Славне [10, с. 366; 21, с. 134; 24, с. 457, 516, 609]. Согласно Типографской летописи, великий князь стоял со всеми своими людьми в

¹ Эта дата практически не вызывает сомнений в историографии. Лишь К. В. Базилевич почему-то считал ее неверной [3, с. 125]. Но это мнение трудно признать убедительным [1, с. 175; 16, с. 12].

«Славинскомъ концѣ», затем в той же фразе следует бессвязный текст: «половину города испряталъ ему съе стороны» [28, с. 197–198].

Пожалуй, кроме Ю. Г. Алексеева и нас никто не попытался его расшифровать. Ю. Г. Алексеев предположил, что летописец неверно написал слово «испродалъ» — «подверг наказанию — продаже» и «может быть, и следует понимать вышеприведенное плохо читаемое место Типографской летописи как указание на репрессии, произведенные московскими властями в Новгороде в связи с раскрытием «коромолы» Феофила. Репрессии, по-видимому, обрушились на Софийскую «половину» города» [1, с. 20–21, 176]. Мы, следуя контексту летописного известия, пришли к выводу, что государь, расположившись со всеми своими людьми в Славенском конце, занял половину этой — Торговой, стороны, т. е., фактически весь Славенский конец [16, с. 12–13]. Действительно, ни о какой крамоле архиепископа и тем более, гипотетических репрессиях против новгородцев летописец пока что речи не ведет (и никого, кроме святителя, они не коснулись [18, с. 4])¹. А по отношению к Славенскому концу «сей» стороной Новгорода, раскинувшегося по обоим берегам р. Волхов, являлась правобережная Торговая сторона, южную половину которой и составлял Славенский конец, в коем расположились великий князь и все его люди. Между тем, в Словаре русского языка XI—XVII вв. отмечено такое значение глагола «испратить», как «очистить» [34, с. 301]. И приведённый пример из сохранившейся в подлиннике грамоты 1534 г. не далеко отстоит по времени от данного известия Типографской летописи, которое восходит к ростовскому летописному своду 1489 г., а сохранилось в списках, датируемых не ранее XVI ст. Тогда все становится

¹ Об аресте иных лиц в 6988 (1479/80) г. источники обычно не упоминают. Лишь в опубликованном А. А. Зиминим известии краткого волоцкого летописца середины XVI ст. глухо сообщается о изымании новгородцев [8, с. 10]. Но мы отметили, что это известие касалось депортации новгородцев конца 1480-х гг. и указали случаи подобных ошибок в русском летописании XVI в. [18, с. 4]. Добавим, что волоцкий хронист умолчал об аресте владыки, упомянутом во всех источниках, в которых фигурирует данный великокняжеский поход в Новгород. Также весьма сомнительно известие В. Н. Татищева об арестах и казнях новгородцев в 1480 г. [там же]. Более того, описанные Татищевым депортации 1000 и 7000 новгородских семей, на самом деле относятся к «выводу» конца 1480-х гг. [3, с. 127]. Они явно не случайно совпадают с известными летописными сведениями о нем [25, с. 37; 28, с. 237] упоминанием таких же чисел, тех же самых среднерусских городов, в которых новгородцам дали поместья и даже ошибочным наименованием «поместьями» старых владений депортированных новгородских вотчинников. В. Н. Татищев не стремился точно описать великокняжеский поход в В. Новгород 1479/80 г., а создал собирательный художественный образ сурового «укрощения» города.

ся на свои места. Великий князь стоял со всеми своими людьми в Славенском конце, «ему» — Ивану III — очистили для проживания половину этой — Торговой — стороны Великого Новгорода. Вот только летописец допустил опisku, на конце слова «испратал» поставив «ъ» вместо «ѣ». А правильнее было бы написать «половину города испраталѣ ему сѣе стороны» (очистили ему половину города этой стороны). Не ясно, что в данном случае означает слово «город» — городской массив, или внутреннюю часть Окольного города, но это не имеет принципиального значения, поскольку застройка Славенского конца никогда не выходила за пределы внешних укреплений.

Таким образом, государь стоял со всеми своими людьми в Славенском конце, а ему очистили для проживания всю половину Торговой стороны — фактически всю территорию Славенского конца. В таком случае, Иван III привел с собой немалое войско численностью в 5–10 тыс. чел.: оно заняло целую половину правобережной половины города, общую численность населения которого в то время приблизительно оценивают в 20–30 тыс. чел. Новгород в течение многих недель находился на военном положении и арест архиепископа 19 января принял характер военной операции. Таким образом, Иван III давал понять новгородцам, что применит против них настоящую военную силу, если им, как и их обиженному владыке, тоже что-нибудь не понравится. (Часть этого войска Иван III не ранее конца января отослал из Новгорода во Псков в помощь псковичам в походе на Ливонию. А государь, прибывший в Новгород 2 декабря, разумеется, прежде всего, привел войска для воздействия на новгородцев. А не для военного похода против немцев, о войне с которыми на Руси в конце 1479 г. столь остро и определенно еще вопрос не стоял).

6 декабря к государю выехал с дарами псковский великокняжеский наместник князь В. В. Шуйский. На следующий день к Ивану III уехала делегация из 5 псковских посадников и бояр по одному от конца [22, с. 76; 23, с. 218]. Она привезла великому князю то ли 65, то ли 85 р. поминков от города, помимо своих поминков, а на Рождество (25 декабря) вернулась во Псков [22, с. 76; 23, с. 58, 218] и доложила о своем посольстве на вече [22, с. 76; 23, с. 218]. О цели посольства и его переговорах с великим князем источники умалчивают. 30 декабря во Псков прибыл великокняжеский посол Дмитрий Давыдович (Морозов. — *М. Н.*) с неким Симеоном (Борисовичем Морозовым Брюхо? — *М. Н.*). Цель этого посольства тоже не упомянута. Известно, что он провел во Пскове не меньше нескольких дней — при нем 1 января немцы вязли Вышгородок [22, с. 76; 23, с. 58, 218] и псковские посадники совершили ответный поход к городку, и уже не застав противника, вернулись. Псковичи дали

великокняжескому послу по неуказанному летописцами поводу «ответ» на вече и 25 р. поминков, а всего потратили 60 р. [22, с. 76–77; 23, с. 218–219].

Согласно Софийско-Львовскому своду 1518 г., Иван III послал из Новгорода грамоту боровскому наместнику В. Ф. Образцу с приказом тайно задержать князя И. В. Оболенского Лыка, владевшего селом под Боровском. Арест Лыка послужил поводом для начала мятежа удельных князей Бориса Волоцкого и Андрея Углицкого. Князь И. В. Оболенский Лыко был обвинен в злоупотреблениях, совершенных во время наместничества в Луках. Но потом перешел на службу к Борису Волоцкому и тот расценил его арест как попрание своих прав [25, с. 222; 27, с. 336].

Согласно великокняжескому летописанию, Иван III арестовал новгородского владыку Феофила 19 января 1480 г., а 24 числа отправил его в Москву [26, с. 266¹; 29, с. 326; 30, с. 282, 354]. (По сведениям НЛД и Краткого летописца новгородских владык, арестованный святитель был послан в Москву с неким Ильей Васильевичем [21, с. 182; 24, с. 516] — видимо, великокняжеским служилым человеком, который должен был доставить арестанта в Москву. Среди московских служилых людей того времени мы не нашли этого лица. В то время как едва ли охранять столь важного заключённого доверили бы неизвестному человеку. Допускаем, что новгородские книжники неточно записали имя вышеупомянутого окольничего Ивана Васильевича Глебова Ощеры. Такая описка была простибельна — тот был мало известен в Новгороде. Он участвовал в прошлом великокняжеском походе «миром» 1475/76 г., но судя по данным походного дневника, сохранившегося в тексте великокняжеского летописания, мало проявил себя в общении с новгородцами). Ростовский владычный хронист сообщает, что тогда же была конфискована владычная казна [28, с. 198²]. Феофил провел несколько лет в заточении и в это время новгородская кафедра оставалась вакантной. Иван III давал понять новгородцам, что ее судьба полностью зависит от его воли [18]. В это время государь начал неторопливое, но решительное наступление на новгородскую «старину» — в 1481 г. в нарушение старых обещаний не чинить «вывода» новгородским вотчинникам, депортировал 4 видных бояр, которые не обвинялись в неповиновении велико-

¹ В Московском летописном своде конца XV в. 19 января ошибочно записано как 9 сентября.

² По мнению некоторых ученых, тогда же государь переписал на себя всю, или почти всю вторую половину владычных земель [4, с. 318; 33, с. 20]. В действительности, новый этап секуляризации владычных владений относился к 1499 г. и не привел к отъему всей оставшейся части земель новгородского владычного дома [36].

княжеской власти, а их вотчины отписал себе [26, с. 266; 30, с. 285]. При чем недавно, 18 января 1478 г. этим новгородским боярам было поручено доносить все, что в Новгороде говорят про великих князей, не распространяясь о государственных делах, которые с ними будут обсуждать государи или великокняжеские бояре [26, с. 265; 29 с. 321–322]. Тем самым государь дал понять древней новгородской неслужилой аристократии, что не намерен уважать ее древние привилегии и даже самые лояльные и верные московской власти новгородские бояре теперь не могут рассчитывать вечно жить в своем городе и сохранять свои вотчины, обретенные не путем великокняжеских пожалований. Дальнейшая судьба новгородкой кафедры при Иване III была рассмотрена нами в специальной статье [18].

В новгородском летописании первой половины XVI в. сообщается, что в 1479/80 гг. Иван III провел в Новгороде 9 недель [10, с. 366; 21, с. 134; 24, с. 457, 516, 609]. Вероятно, эта подробность была занесена в летописи между 1515 и 1518 гг. В доведенном до 7023 г. Академическом списке НИВЛ продолжительность пребывания Ивана III в Новгороде не обозначена. А в завершенном 7026 г. Голицынском списке указан 9-недельный срок [24, с. 457, 466]. И в дальнейшем, он регулярно упоминается в памятниках новгородского летописания XVI ст¹.

¹Мы отмечали сходную ситуацию с новгородским мором 1466/67 гг., который в источниках периода Новгородской независимости и известии Академического списка НИВЛ никак не диагностировался, но начиная с сообщения Голицынского списка регулярно связывался в новгородских источниках с бубонной чумой [17]. По мнению О. Л. Новиковой, наоборот, подобные чтения Академического списка представляли собой сравнительно поздний, сокращенный вариант по отношению к «избыточным» известиям Голицынского. Исследовательница почему-то убеждена, что поскольку все эти «избыточные» подробности имеют новгородское происхождение и посвящены новгородской тематике, то они должны были быть изначально включены в свод 1513 г. [19, с. 227]. Такая логика противоречит развитию новгородского летописания, в коем описания местных событий в более поздних источниках иногда дополнялись новыми подробностями — вышеупомянутый мор 1466/67 гг., который уже в памятниках Московского периода стал связываться с конкретной болезнью — ярким тому пример. К тому же, для обоснования подобного вывода следовало бы установить относительно позднюю датировку Академического списка, или первичный характер соответствующих чтений Голицынского. В противном случае, для того, чтобы не множить сущностей сверх необходимости, стоит предположить, что «избыточные» подробности Голицынского списка, завершеного более поздней погодной записью, являются добавочными. Кстати, предложенная исследовательницей концепция существования новгородского летописного свода 1513 г., сохранившегося в Голицыныском и Академическом списках НИВЛ, также требует дополнитель-

В Новгороде Иван III пробыл примерно до 24 января: находясь там, он успел получить известие о состоявшемся 20 января нападении ливонцев на Гдов и отправить во Псков на помощь псковичам войско под командованием князя А. Н. Оболенского [22, с. 77; 23, с. 58–59, 219]. Расстояние от Гдова до В. Новгорода составляет более 350 км. Примерно столько же от поля боя на р. Ведроши до Москвы в 1500 г. гонец проскакал за 3 дня, с 14 по 17 июля 1500 г. Зимой скорость конного гонца, вероятно, снижалась и не исключено, что весть о появлении немцев под Гдовом государь получил 24 января. Вместе с тем, навряд ли он уехал из Новгорода позднее этой даты — согласно известию великокняжеского летописания, он прибыл «из Новагорода на Москву» «мѣсяца февраля 13, в недѣлю сыропустную» [26, с. 266; 29, с. 326; 30, с. 282, 354]. Это отчасти подтверждается независимым сообщением Типографской летописи

ных обоснований и следует согласиться с Е. Л. Конявской, охарактеризовавшей этот «Новгородский свод 1513 г.» как «гипотетический» [11, с. 77]. Так, О. Л. Новикова исходит из того, что этой погодной записью за 7021 г. завершается общий текст для обоих списков [Новикова, с. 226]. Но в Голицынском списке есть отрывочная запись за 7022 (1514) г.: «на происхождение честнаго и животворящего креста (1 августа) взять» очевидно касающаяся взятия Смоленска Василием III 1 августа 1514 г., а в Академическом списке данная погодная запись пропущена [24, с. 462, 470]. Не исключено, что эта дефектная запись завершала протограф обоих списков, но не все хронисты воспроизводили такой обрывок. По мнению О. Л. Новиковой, «своду 1513 г.» предшествовала Краткая новгородская летопись 1500–1501 г., к которой восходят записи о новгородских событиях второй половины XV в. Исследовательница отметила, что согласно Новгородской II летописи (далее — НИЛ) конца XVI в. великий Московский князь Иван III вместе с великим князем Дмитрием Внуком послал в 1500 г. войска на Литву, полагая, что упоминание великокняжеского титула последнего является признаком раннего происхождения записи. Однако, сама Новикова сослалась на наблюдения Ю. Г. Алексеева, что после 1498 г. Дмитрий не упоминается «в посольских делах», а в начале 1501 г. указан на 6 месте «после великого князя Василия» и «его братьев» [19, с. 231]. В этой связи понятно, почему все иные источники о той московско-литовской войне не упоминают воли Дмитрия Внука: тот в 1500 г. уже не был соправителем деда. А писавший почти 100 лет спустя новгородский хронист не помнил этого обстоятельства и невольно преувеличил роль Дмитрия во внешнеполитической сфере. В аналогичных летописных известиях более ранних новгородских летописей Дмитрий Внук не указан [там же]. В свете сказанного, его упоминание в НИЛ стоит считать поздней вставкой. Вопрос о систематическом ведении новгородского летописания в конце XV в. после падения Новгородской республики остается открытым [5, с. 241–242; 6, с. 107–108]. Таким образом, возведение новгородских летописных записей о великокняжеском походе в Новгород 1479/80 г. к местной летописи XV ст. нам кажется преждевременным.

си, согласно которому государь, получив из Москвы весть от своего сына Ивана Молодого о мятеже своих младших братьев князей Андрея Углицкого и Бориса Волоцкого, «вборзе еха из Новагорода к Москве и прийдѣ де на Москву передѣ великимъ заговѣньемъ» [28, с. 198] — не позднее 13 числа¹. В 1471 г. по данным походного дневника, отразившегося в составе московского великокняжеского летописания великий князь уехал из под Новгорода 13 августа и прибыл в Москву 1 сентября [2, с. 129]. И источники в тот раз не упоминали о спешке. А зимой 1480 г. Иван III, по-видимому, почти за 3 недели преодолел большее расстояние от самого Новгорода до Москвы по заснеженным дорогам. 24 января, отправив в Москву арестованного новгородского архиепископа, государь, наверное, тоже отбыл из Новгорода. Доведенная до 1486 г. Псковская II летопись, вероятно со слов псковского гонца, приблизительно в этот день известившего в Новгороде государя о нападении немцев на Гдов, сообщает, что Иван III «владыку» «аки пленника с собою на Москву сведе» [23, с. 58]. Таким образом, Иван III пробыл в В. Новгороде, по-видимому, не 9, а 7,5 недель². Примерно тогда же выступило из города посланное им на

¹ По мнению Н. С. Борисова, это выражение точно указывало на 13 февраля [7, с. 291]. Аналогичный вывод был сделан еще К. В. Базилевичем, опиравшимся на сходное чтение более поздней Воскресенской летописи [3, с. 129]. Однако, в данных летописях не указан день недели или канун Великого поста. Летописец просто имел в виду, что государь вернулся в Москву незадолго до начала «великого заговенья».

² Иной версии придерживался Ю. Г. Алексеев. По его мнению, Борис Волоцкий, отослав свою семью в Ржев, уехал к Андрею Большому в Углич 2–3 февраля, но мятеж удельных князей фактически начался в конце января, около 1 февраля из Москвы к Ивану III с вестью об этом выехал гонец и 5–6 дней спустя прибыл в В. Новгород [1, с. 34]. Вместе с тем, согласно Симеоновской летописи, Борис Волоцкий отъехал в Углич 1 февраля [26, с. 266]. Также сомнительно, что гонец прибыл к государю лишь 5–6 февраля. В таком случае Ивану III пришлось бы проехать более 500 км от В. Новгорода до Москвы всего за 7–8 дней, а езда в этом темпе исключала использование гужевого обоза, что не было характерно для поездок великого князя [13, с. 182]. Осенью того же года Иван III потратил 8 дней с 3 по 11 октября на значительно более короткий путь от Москвы до р. Угры [1, с. 103–104; 2, с. 245–246; 15, с. 125]. Новейшие попытки оспорить эти выводы [14] нельзя признать убедительными [13, с. 182]. А ведь тогда государь имел не меньшие основания для спешки, так как русские войска сдерживали на берегу Угры натиск ордынцев. Поэтому думается, что мятеж удельных князей начался около середины января и московский гонец известил об этом Ивана III в 20-х числах. А возвращение великого князя в Москву заняло более 2-х недель. Ю. Г. Алексеев высказал любопытную мысль, что мятеж удельных князей мог начаться еще в январе 1480 г., показав, что их отношения со старшим братом были натянутым еще летом 1479 г. [1, с. 34].

помощь псковичам войско князя А. Н. Оболенского: во Псков оно прибыло 1 февраля, проехав около 250 км.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л.: Наука, 1989. 217 с.
2. *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб: СПбГУ, 2009. 464 с.
3. *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: вторая половина XV века. М.: МГУ, 1952. 544 с.
4. *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л.: Наука, 1961.
5. *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., Дмитрий Буланин, 2000. 287 с.
6. *Бобров А. Г.* Летописание Великого Новгорода второй половины XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2003. Т. 53. С. 90–121.
7. *Борисов Н. С.* Иван III. М.: Молодая гвардия, 2006. 664 с.
8. *Зимин А. А.* Краткие летописцы на рубеже XV–XVI вв. // Исторический архив. М., 1977. Т. 5. С. 3–38.
9. *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М.: Мысль, 1982. 333 с.
10. *Коняевская Е. Л.* Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 322–382.
11. *Коняевская Е. Л.* Эпоха Ивана III в Новгородской Большаковской летописи // Труды кафедры Истории России с Древнейших времен до XX века. СПб., 2005. С. 76–87.
12. *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века: ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., Дмитрий Буланин, 1994. 240 с.
13. *Молочников А. М., Несин М. А.* Об основании Орла по распоряжению Ивана IV. К вопросу об основании Иваном Грозным крепостей в годы опричнины на территории земщины // Novogardia. 2019. № 2. С. 181–196.
14. *Назаров В. Д.* Два эпизода из хроники событий 1480 г. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 91–95.
15. *Несин М. А.* К вопросу о причине отступления татарского войска после стояния на Угре // История военного дела: исследования и источники. 2015. Спец. вып. 5. Ч. 1. С. 110–132.
16. *Несин М. А.* Топоним «Славно» в XII–XVI вв. по данным новгородского летописания // Valla. 2017. Т. 3. № 1. С. 1–21.
17. *Несин М. А.* Надпись на внутренней стене церкви Св. Симеона Богоприимца Зверина монастыря в Великом Новгороде // Valla. 2017. Т. 3. № 3. С. 73–87.
18. *Несин М. А.* Из истории новгородской владычной кафедры в XV в. Свидетельство Сергия — первого епископа Великого Новгорода и Пскова в Московский период Новгородской истории // Valla. 2018. Т. 4. № 1–2. С. 1–33.

19. *Новикова О. Л.* Новгородские летописи начала XVI в.: текстологическое исследование // Новгородский исторический сборник. СПб., 2003. № 9 (19). С. 221–244.
20. *Новикова О. Л.* Новгородские летописи по списку П. П. Дубровского и родственные ей памятники // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2009. № 9. С. 3–40.
21. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 3. СПб.: Тип. Э. Праца, 1841. 320 с.
22. Псковские летописи. М.; Л.: АН СССР, 1941. Вып. 1. 326 с.
23. Псковские летописи. М.: АН СССР, 1955. Вып. 2. 370 с.
24. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.
25. ПСРЛ. Т. 6. СПб.: Типография Э. Праца, 1868. 358 с.
26. ПСРЛ. Т. 18. М.: Языки русской культуры, 2007. 328 с.
27. ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1910. 418 с.
28. ПСРЛ. Т. 24. М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с.
29. ПСРЛ. Т. 25. М.: Языки русской культуры, 2004. 488 с.
30. ПСРЛ. Т. 27. М.; Л.: АН СССР, 1959. 418 с.
31. Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 616 с.
32. Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Наука, 1977. Т. 1. Ч. 1. 188 с.
33. *Скрынников Р. Г.* Трагедия Новгорода. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. 209 с.
34. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1979. Вып. 6. 359 с.
35. *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. М.: Ладомир, 1996. Т. 6. 784 с.
36. *Фролов А. А.* Конфискации вотчин новгородского владыки и монастырей в последней четверти XV в. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2004. № 3 (14). С. 54–62.
37. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Abt. 3. Leipzig, 1881. Bd. 1.

УДК 94(470.316)"16"

Л. А. Сизов

г. Санкт-Петербург (Россия)

Санкт-Петербургский гос. ун-т

ЧИСЛЕННОСТЬ ЯРОСЛАВСКОЙ СЛУЖИЛОЙ КОРПОРАЦИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА (1596–1631)

Ярославская служилая корпорация является одной из малоисследованных тем отечественной исторической науки. Отчасти ею занимался только В. Н. Козляков. Он проследил складывание Ярославской служилой корпорации [4, с. 243–246], дал её общую характеристику за XVI — первую половину XVII вв. [4, с. 248–252], опубликовал в монографии «Служилые люди России XVI–XVII веков» разбор 1630–1631 гг. [4, с. 260–222], кратко рассмотрел изменения, произошедшие внутри Ярославского служилого города за первую половину XVII в. [3, с. 253]. Однако многие аспекты этой сложной и многогранной темы раскрыты не в полной мере. Данная статья посвящена одному из них, а именно, численности Ярославской служилой корпорации за первую треть XVII в. (1596–1631).

Ключевые слова: ярославский служилый «город», численный состав, XVII век, история России.

Нижняя грань нашего исследования связана с составлением десяти новиков, поверстанных в 1596 г. (все лица, указанные в ней, так или иначе, принимали участие в событиях Смутного времени), а верхняя — с разбором 1630–1631 гг. (данный источник содержит богатый материал по ярославским служилым людям, которых определённо можно отнести к таковым).

Состав Ярославской служилой корпорации периода Смутного времени зафиксирован боярским списком 1602–1603 гг. [9, с. 262–263], росписью русского войска, посланного против самозванца в 1604 г. [9, с. 368], десятней новиков, поверстанных в 1596 г. [2]. Кто из детей боярских служил в Ярославле в дальнейших событиях Смутного времени, сказать очень сложно, т. к., согласно наблюдениям В. Н. Козлякова, в десятнях начала XVII в. имен городовых детей боярских Верхнего Поволжья не сохранилось [3, с. 66].

Проанализировав вышеуказанные источники, мы пришли к выводу, что общая численность представителей Ярославской служилой корпорации, имена которых чётко указаны (а именно выборных дворян и новиков) в период Смутного времени составляет, 80 чел.: в десятне новиков, поверстанных в 1596 г. указано 54 новика из Ярославля, 22 выборных дворянина из Ярославля указано в боярском списке 1602–

1603 гг. и 14 выборных дворян указано в росписи русского войска, посланного против самозванца в 1604 г. Данное число получилось ввиду того, что мы исключили повторяющиеся имена. Конечно, Ярославская служилая корпорация была более многочисленной в Смутное время (например, в росписи русского войска, посланного против самозванца в 1604 г., упоминается больше 50 конных ратников, но мы не знаем их поименно) [9, с. 385]. Очевидно, что количество ярославских служилых людей за данный период было значительно больше. Множество военно-учетных документов сгорело в пламени московских пожаров 1626 и 1812 гг. Может показаться странным, на первый взгляд, то, что в боярских списках за 1606–1607 гг. [5, с. 132–155] и 1611 г. [1] не представлены ярославцы. Думается, это следует объяснить тем, что конец боярского списка 1606–1607 гг. утрачен (если верить публикации Н. М. Рогожина), а выписка боярского списка 1611 г., сделанная Г. Ф. Миллером, не полна в принципе (если верить публикации Н. П. Лихачёва).

Раскрыть состав Ярославской служилой корпорации, особенно её комплектования в 1613–1633 гг. позволяют Осадной список 1618 г. (опубликованный А. П. Павловым и Ю. В. Анхимюком) [6, с. 67–68], «подлинные» боярские списки 1626 [7, с. 92–94], 1627–1628 [7, с. 168], 1628 [7, с. 244], 1631–1632 [7, с. 502–503], 1632–1633 [7, с. 526–527] гг., указатель состава дворян и детей боярских по материалам разбора 1630–1631 гг., опубликованный В. Н. Козляковым [4, с. 260–292], а также писцовые книги Ярославского уезда за 1627–1629 гг. [8].

«Разборный» список с именами ярославских дворян и детей боярских», как пишет В. Н. Козляков, «отражал верстанье окладами служилых “городов” Замосковского края, проведённое князем Д. М. Пожарским в Москве зимой 1630–1631 гг. По указу 2 марта 1631 г. боярин князь Д. М. Пожарский и дьяк Ф. Панов должны были раздать жалованье с учётом проведённого разбора» [4, с. 258]. В. Н. Козляков отмечает, что такая десятня разбора 1631 г. впоследствии хранилась в архиве Разряда, но её текст не дошёл до нашего времени [4, с. 258]. Поэтому для указателя ярославского дворянства 1631 г. историк выбрал «разборный» список.

В Осадном списке 1618 г. представлено 4 выборных [6, с. 67–68], 7 дворовых [6, с. 68] и один городской [6, с. 68] ярославский дворянин. Получается, всего — 12. Трое из них упоминаются и в других источниках, а именно П. Ю. Давыдов обнаруживается в разборе 1630–1631 гг. [4, с. 267], В. А. Теприцкий присутствует в «подлинном» боярском списке 1626 г. [7, с. 94], а Б. Д. Тургенев находится и в разборе разборе 1630–1631 гг. [4, с. 288], и в «подлинном» боярском списке 1626 г. [7, с. 93].

Теперь перейдём к рассмотрению следующего источника — «подлинного» боярского списка 1626 г. В данном документе представ-

лено 36 ярославских выборных дворян. Это в три раза больше, чем в Осадном списке 1618 г. Большинство из них упоминаются и в других источниках. Например, Ф. М. Вяземский упоминается в боярском списке 1602–1603 гг [9, с. 263] и в росписи русского войска, посланного против самозванца в 1604 г. [7, с. 368]. Имя А. Г. Алябьева встречается в разборе 1630–1631 гг [4, с. 260].

Следующий документ, в котором фигурируют ярославские служилые люди — это «подлинный» боярский список 1627–1628 гг. Сразу стоит отметить, что, на удивление, ярославские выборные дворяне в данном источнике отсутствуют совсем, хотя представлен выбор из других городов. Удаётся обнаружить в этом документе только двух ярославских помещиков [7, с. 168]. Это — Л. И. Кривской и И. О. Елизаров.

Стоит сказать несколько слов о «подлинных» боярских списках 1631–1632 гг. и 1632–1633 гг. В первом документе мы находим имена П. А. Поленова и В. М. Волкова [7, с. 502–503]. В боярском списке 1632–1633 гг. встречается 4 представителя ярославской служилой корпорации. Это — А. Ф. Засекин, Ф. П. Малыгин, Д. А. Шехонский и О. С. Вяземский [7, с. 526–527].

Что касается разбора 1630–1631 гг., то общее количество ярославских дворян и детей боярских в данном документе по указателю составляет 800 чел. В. Н. Козляков по материалам того же разбора составил таблицу под названием «Правящие группы Замосковского края», которая позволила обнаружить ещё два ярославских выборных дворянина: Н. И. Жохова и П. С. Захарьина [4, с. 400]. Получается, что в разборе 1630–1631 гг. приняло участие 802 ярославских дворянина.

На наш взгляд, писцовые книги Ярославского уезда 1627–1629 гг. наиболее полно охватывают ярославских служилых людей середины 1620–1630-х гг., поскольку многие записанные в них землевладельцы присутствовали на разборе в 1630–1631 г. Например, В. И. Пестов [4, с. 280], Л. И., В. И, Г. И. Борщовы [4, с. 262]. Если говорить о численности ярославцев, то в писцовой книге записано 694 чел., которых нет ни в одном из вышеуказанных источников. К данной цифре мы пришли путём исключения из подсчётов повторяющихся имен как в уже рассмотренных нами источниках, так и в самих писцовых книгах Ярославского уезда 1627–1629 гг. Однако стоит понимать, что наличие земель в Ярославском уезде ещё не доказывает, что служилый человек является ярославцем.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что численность Ярославской служилой корпорации за период 1596–1631 гг. составляла не менее 890 чел., а именно: 434 городских дворянина, 80 выборных дворян, 159 новиков 7139 (1631?) года верста-

ния, 87 новиков 7138 (1630) года верстания, 48 детей боярских, 44 новика без определённого года верстания, 10 недорослей, 1 стольник и 1 новик 1596 г. — 1 (у остальных зафиксировано повышение в службе). Ещё 694 чел. имело земли в ярославском уезде, чья принадлежность к ярославцам на данном этапе исследования стоит под вопросом. К данным цифрам мы пришли, суммируя ярославских служилых людей на основе вышеуказанных источников и исключая при подсчётах тех, кто повторяется несколько раз. Конечно, приведённое нами число «истинных» ярославцев не является исчерпывающим, поскольку не вся делопроизводственная документация XVII в. дошла до нас, однако широкий охват источниковедческой базы, её анализ делает наш вывод отнюдь не голословным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боярский список 1611 года / под изд. Н. П. Лихачева. СПб., 1895.
2. Десятня новиков, повёрстанных в 1596 году // http://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1580-1600/Desjatnja_novikov/text.php (дата обращения: 15.09.2020).
3. *Козляков В. Н.* Десятни, «сыские» и «подлинные» списки городских служилых корпораций Верхнего Поволжья первой половины XVII века // Исследования по источниковедению советского периода: сб. ст. / отв. ред. В. А. Кучкин. М., 1988.
4. *Козляков В. Н.* Служилые люди России XVI–XVII веков. М., 2018.
5. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: сб. документов / отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 2003.
6. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VIII. Осадной список 1618 г. / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М.; Варшава, 2009.
7. «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов. Сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов. М., 2015.
8. *Сергеев А. В.* Землевладельцы Ярославского уезда (по материалам писцовых описаний Ярославского уезда первой трети XVII в.) (в печати).
9. *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004.

УДК 94(470.11)“16”

А. С. Шулятьева

г. Ижевск (Россия)

Удмуртский гос. ун-т

ОТРАЖЕНИЕ ЧАЯНИЙ КРЕСТЬЯН ПОМОРЬЯ В ЧЕЛОБИТНЫХ XVII ВЕКА

Целью данной статьи является реконструкция чаяний крестьян, проживавших в Поморье XVII в., на основе челобитных, собранных в коллекции Государственного исторического музея (г. Москва). В исследовании ставятся следующие задачи: выявить наиболее популярные, требовавшие разрешения вопросы крестьян всего поморского региона; отметить различия в челобитных тяглецов Вологодского и Белозерского уездов; произвести сравнительный анализ запросов крестьян Поморья и Замосковского края. В заключение автором отмечена сравнительно благоприятная обстановка в регионе и развитость заемных отношений.

Ключевые слова: крестьяне, Поморье, челобитные, Вологодский уезд, Белозерский уезд, поземельные отношения, заемные обязательства, повинности.

Для населения Поморья в частности и России в целом «бунташный» век ознаменован различными потрясениями, в т. ч. социально-экономического характера. Непростая обстановка в российском обществе не могла не сказаться на крестьянстве, самом многочисленном сословии. Свои чаяния крестьяне в особенно важных случаях формулировали в челобитных, направляемых государю, землевладельцу или священнослужителю.

В фондах Государственного исторического музея (г. Москва) (далее — ГИМ) расположена коллекция крестьянских челобитных XVII в. В опубликованных в 1994 г. челобитных данной коллекции наиболее подробно представлены чаяния крестьян Поморья (172 челобитные из 291). Представлены прошения или жалобы крестьян Вологодского, Белозерского, Олонецкого, Тотемского уездов и Устьянской волости. При этом, подавляющее большинство челобитных было направлено крестьянами, проживавшими на территории церковных вотчин, в первую очередь на землях монастырей.

Ключевой сферой общественных отношений, нуждавшейся в регулировании, согласно челобитным крестьян Поморья, являлись *поземельные отношения*. На долю данной сферы приходится треть поморских челобитных.

В первую очередь, крестьяне просили о признании за собой права пользования землей. Чаще всего тип землевладения не конкретизиро-

вался, запрашиваемый земельный участок именовался повытьем (№ 75, 76, 102, 120, 124, 142, 171, 211, 239, 241, 242, 288, 289, 290), поземцем (№ 204) или просто землей (№ 101). Тем не менее, встречаются и более конкретные просьбы: о сенокосах (№ 109, 213, 288), починке и подсеке (№ 128), огороде (№ 107).

Одной из характерных особенностей Поморья является то, что на территории исследуемого региона имелось множество пустошей, которыми хотели воспользоваться крестьяне (№ 98, 99, 113, 121, 136, 150, 190, 191, 198, 210, 232). Под пустошью крестьянами могли подразумеваться различные по своей природе земли. Так словом «пустошь» могли именоваться земли, которыми никто не владеет, без хором (№ 150) или участки, пользователи которых отсутствуют на протяжении долгого времени (№ 121).

Во вторую очередь, крестьяне Поморья просили разрешить поземельные споры. Часто челобитные заключали в себе прошение о том, чтобы владелец земли произвел ее справедливый раздел (№ 41, 113, 114, 139–141, 144, 145, 152, 154, 200, 220). Извещали тяглецы и надеялись на заступничество землевладельцев и в тех случаях, когда происходил необоснованный, по мнению челобитчиков, захват их земель (№ 39, 156, 196, 202, 223, 224, 235). К этой же группе челобитных относятся запросы о пресечении изгнания с земель (№ 105, 132), нахождении чужих построек на земле челобитчика (№ 151, 189). Также имеется челобитная, извещавшая о нарушении межи (№ 196).

Крестьяне, помимо прочего, направляли челобитные о земле, когда нуждались в одобрении землевладельцем произведенного тяглецами обмена землями (№ 112, 131).

После вопросов из поземельной сферы отношений по частоте упоминания наиболее распространены челобитные *о заемных обязательствах*. Крестьяне могли выступать и в качестве заимодавца, и в качестве заемщика. Как заимодавцы крестьяне просили у адресата челобитной помощи во взыскании долга с заемщика. Чаще всего предоставление займа сопровождалось оформлением кабалы (№ 12, 20, 137, 143, 161, 162, 166, 208, 285). Но встречались и случаи, когда крестьяне предоставляли средства в долг без кабалы (№ 43, 160, 208, 228, 234, 274).

В качестве заемщиков крестьяне просили о предоставлении отсрочки для возврата долга (№ 132, 146, 176, 177, 183, 225, 231, 238). Также целью, по которой крестьяне обращались к землевладельцу, могло стать прошение о предоставлении последним в долг соли, овса или лошади (№ 158, 232, 265). В редких случаях тяглецы просили о заступничестве перед лицом заимодавцев, поскольку последние, вопреки исполненному обязательству, злоупотребляли положением, направляя чело-

битные о взыскании долга повторно или не выдавая кабальную запись (№ 138, 163, 195).

Третьей сферой общественных отношений, многократно затрагиваемой в крестьянских челобитных Поморья, являлись вопросы *об исполнении различных повинностей*. Упования тяглецов зачастую сводились к предоставлению отсрочки по выплате повинностей (№ 172, 183–187). Также крестьяне просили об освобождении от уплаты или выполнения отдельных видов повинностей (№ 40, 111, 207, 218, 283).

Нередко крестьяне надеялись на то, что землевладельцы пожалуют им льготы (№ 136, 190, 232) или же заменят ставшее невозможным выполнение барщины уплатой оброка (№ 96, 97). На практике встречались случаи, когда крестьяне выплачивали подати за других крестьян с условием, что последние вернут деньги. В тех случаях, когда договоренность нарушалась, челобитчики искали в лице землевладельца заступника, который помог бы вернуть уплаченные за подати другого крестьянина суммы (№ 201, 259, 286).

Как известно, челобитные включали в себя просьбы или жалобы лица, направившего ее к адресату. Однако имеется целая группа челобитных, формуляр которых, как правило, не включал в себя, по причине очевидности, прошения. Речь идет о челобитных — извещениях о совершенных в отношении челобитчиков *уголовных преступлениях*. Понималось, что сам факт сообщения о преступлении запустит процедуру его расследования и привлечения к ответственности виновного.

Крестьяне сообщали об их избиении, зачастую сопряженном с ограблением (№ 116, 118, 157, 194, 227). Наряду с ограблением упоминаются такие преступления против собственности как кража (№ 174), а также порча имущества путем поджога (№ 174, 179). Извещали челобитчики и о вербальных преступлениях (т. е. общественно опасных деяниях, выраженных речевой деятельностью), к каким следует отнести бесчестие (№ 117, 194, 197, 234) и угрозу совершения уголовного преступления (№ 39, 130, 194).

Ранее было отмечено, что челобитные, будучи каналом взаимодействия между крестьянами и землевладельцами, иногда направлялись тяглецами для того, чтобы взять в долг ценное имущество. Но в условиях многочисленных социальных бедствий и особенностей климата Поморья нередко крестьяне просили о *материальной безвозмездной помощи*. В частности, бедствующие нуждались в овсе (№ 106, 212, 226), ржи (№ 215, 226, 233), хлебе (№ 129) и соли (№ 103).

В качестве отдельной сферы запросов, касавшейся отношений, вытекающих из причинения вреда, следует выделить рассмотрение *дел о порче поля*. Челобитчики в качестве благоприятного исхода рас-

сматривали или возмещение нарушителем причиненных убытков (№ 108, 229), или освобождение от преследования в виду отсутствия вины (№ 181, 214, 216 217).

Помимо содействия во взыскании долгов по возврату займа и повинностей, крестьяне обращались к адресату для того, чтобы он помог *взыскать деньги за произведенный подряд*. В качестве подрядных работ упоминаются ремонт церкви (№ 15), постройка изб (№ 234), пастьба скота (№ 173), работа на сенокосе (№ 206), представительство в суде от общины (№ 188).

Сравнительно реже из челобитных явствует обращение к адресатам как к защитникам от *злоупотреблений, исходивших от наделенных властными полномочиями лиц*: целовальников (№ 106, 178), судей (№ 284) и дьяка (№ 155). Настоятельно просили тяглецы и о том, чтобы их *освободили из тюремного заточения* (№ 119, 122, 236, 238).

Поскольку в коллекции ГИМ подавляющее число челобитных направлено крестьянами церковных вотчин, то просьба крестьян могла сводиться к *принятию их в монастырь* (№ 104, 110, 125).

Наибольшее число челобитных Поморья было направлено крестьянами, проживавшими в Вологодском (91 челоб.) и Белозерском (72 челоб.) уездах. В целом, для данных уездов характерны тенденции, отмеченные для всего поморского региона. Тем не менее, имеются небольшие расхождения при характеристике запросов крестьян данных уездов.

Если для крестьян Вологодского уезда при возникновении поземельного спора был наиболее актуален вопрос о разделе земель (8 из 12 челоб. данной группы), то земледельцы Белозерского уезда чаще сталкивались с несправедливым захватом их земель (6 из 7 челоб.). Тяглецы, выступавшие в качестве заимодавцев, в Вологодском уезде оформляли заем чаще всего кабалой (8 из 9 челоб.), в то время как крестьяне Белозерского уезда предоставляли заемные средства без кабалы (3 из 5 челоб.).

После челобитных крестьян Поморья в ГИМ неслучайно второе место по численности занимают челобитные тяглецов Замосковского края (68 из 291 челоб.). В целях выявления присущих чаяниям крестьян Поморья особенностей произведем сравнительный анализ челобитных исследуемого региона и Замосковского края.

1. Крестьяне Поморья предпочитали разрешать вопрос о принадлежности пустошей путем подачи челобитных о признании за ними права пользования превентивно. Напротив, в Замосковном крае пустоши являлись объектом захвата земель. Челобитные тяглецы направляли постфактум, когда конфликт уже состоялся (№ 14, 16, 261).

2. В Поморье, регионе несколько отстраненном от эпицентра политических и экономических перемен, сложилась более благоприятная обстановка для поддержания общественного порядка. Данную характеристику, к сожалению, нельзя дать в отношении Замосковского края. Если на долю Поморья приходится порядка 7 % челобитных из всей совокупности челобитных данного региона, то челобитных Замосковского края по данному параметру насчитывается порядка 25 % (№ 2, 4, 5, 6, 9, 10, 45, 74, 90, 93, 94, 180, 244, 248, 252, 262, 263, 267).

3. Заемные отношения играли важную роль в жизни крестьян Поморья. Около 20 % приходится на долю челобитных о займах в данном регионе. Напротив, из 68 челобитных уездов Замосковского края в коллекции ГИМ имеется всего одна челобитная, посвященная нарушению крестьянином долговой записи (№ 79). Вероятнее всего это связано с тем, что в Замосковном крае преобладали вотчины и поместья светских землевладельцев. Челобитные, касавшиеся заемных отношений и направленные крестьянами данных земель, не сохранились до наших дней.

Вышеизложенный анализ челобитных позволяет прийти к следующим выводам. Чаяния крестьян Поморья, изложенные в челобитных XVII в., в большинстве случаев были направлены на разрешение вопросов, вытекавших из поземельных отношений, заемных обязательств и исполнения повинностей. Примечательно, что в вопросах о пустошах крестьяне действовали на опережение, желая заполучить право пользования от землевладельца прежде, чем об этой земле возникнет спор. Это может свидетельствовать как о сравнительно более распространенном свободном земельном секторе, так и о более бесконфликтной обстановке в регионе. О менее криминальной обстановке в регионе говорит и малая доля совершенных преступлений. В гражданском обороте Поморья была распространенной практика предоставления займов, где в качестве любой стороны отношений могли выступить крестьяне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крестьянские челобитные XVII в.: Из собраний Государственного исторического музея / отв. ред. Е. И. Индова. М.: Наука, 1994. 332 с.

УДК 94(47+57)"17"

М. Ф. Прохоров

г. Москва (Россия)

Российский гос. ун-т туризма и сервиса

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНЕВОТЧИННЫХ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ АРЕНДНЫХ СДЕЛОК ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

В статье рассматривается поземельная аренда земли крестьянами вне владельческой вотчины в середине XVIII в. Данный вопрос недостаточно отражен в исторической литературе. В основу работы положены впервые вводимые в научный оборот такие массовые источники как кортомные записи, которые регистрировались в крепостных конторах. В этих документах оформлялась аренда земли или другого имущества на определенный срок. Подобные записи позволяют определить социальный состав арендаторов, формы и условия сделок, их стоимость, сроки. Как следует из документов, помещичьи крестьяне занимали одно из ведущих мест среди арендаторов земли в Европейской части России, особенно в Нечерноземном и Черноземном регионах страны и в Среднем Поволжье. Среди съемщиков земли значительную долю составляли зажиточные крестьяне, неоднократно совершавшие аренду земли в больших размерах и крупной стоимости. В их руках были сосредоточены сотни десятин вневоотчинных угодий — пашен, лугов и лесных угодий. Часто крупные договоры оформлялись ими на паевой основе. Нередко пайщиками таких сделок были односельчане, крепостные соседних вотчин, жители монастырского, дворцового и государственного ведомства, купцы, мещане. Все подобные операции носили явно предпринимательский характер и были направлены на производство товарной продукции. Доля аренды вневоотчинной земли сельским миром была незначительной. Подобная практика арендных земельных отношений на фоне межсословного делового сотрудничества расширяла контакты представителей различных социальных групп, сближала их коммерческие интересы.

Ключевые слова: аренда земли, вневоотчинные угодья, зажиточный крестьянин, община, помещик, предпринимательство, сделка.

В дореформенной России поземельное арендное землепользование играло важную роль в хозяйстве помещичьих крестьян. В условиях роста товарно-денежных отношений в середине и во второй половине XVIII в. особое место начинают занимать вневоотчинные земельные арендные отношения. К сожалению, данная тема не получила достаточного отражения в отечественной историографии, хотя исследователи затрагивали отдельные стороны этого вопроса [2; 3, с. 33–40; 5, с. 42–49].

Основным источником для изучения вопроса о найме земли в XVIII в. служат кортомные записи, которые регистрировались в крепостных конторах [4]. Эти записи представляли собой сделки частных лиц на сдачу в аренду земельных угодий различным категориями населения. Документы позволяют выяснить местожительство участников сделки, их сословный состав, формы и содержание заключенных соглашений, их стоимость и сроки аренды, условия реализации и компенсации убытков. Однако в комплексе подобные клаузулы в кортомных сделках не всегда указывались. Тем не менее, типовой формуляр кортомных записей позволяет провести их статистическую обработку, в результате которой можно сделать ряд выводов и наблюдений.

По данным крепостных контор за 50–70-е гг. XVIII в. нами было выявлено 2626 кортомных записей, которые позволяют выяснить социальный состав арендаторов земли. Подсчитано, что 1365 (или 56 %) записей оформили помещичьи крестьяне, 349 (13,3 %) — монастырские (экономические), 47 (1,8 %) — дворцовые, 21 (0,8 %) — государственные. Остальные сделки (844, или 32,1 %) приходились на долю помещиков (523, или 19,9 %), купцов (116, или 4,4 %) и других слоев населения.

Как видим, в количественном отношении помещичьи крестьяне занимали ведущее место среди арендаторов. Их доля была довольно значительной в Центрально-Нечерноземном районе (ЦНР) (911 сделок, или 56,0 % от всех кортомных сделок в районе), в Центрально-Черноземном районе (ЦЧР) (312 сделок, или 57,7 %) и в Среднем Поволжье (51 сделка, или 51,5 %). Именно в этих районах была сконцентрирована основная масса помещичьих крестьян. Но по другим районам происходит падение удельного веса жителей помещичьей деревни среди съемщиков земли. В Западном регионе их доля составляла 1,9 %, в Северо-Западном — 37,0 % и в Северном — 27,7 % [4. Д. 475, 991, 1004, 1995, 2000, 2004, 2586, 3178, 4543, 5052, 5667, 6242, 6858, 7421, 8442, 8827, 10833, 11404, 13035, 13493, 13504].

Подобное явление объясняется многообразными причинами: небольшой удельный вес крестьян (например, в Северном районе), их недостаточное имущественное положение (Западный район), оформление кортомных записей на имя своего владельца (Северо-Западный район).

Какова была общая сумма арендной платы за наем земли различными сословными категориями населения? К сожалению, не во всех кортомных записях приводились данные о видах земельных участков и их арендной стоимости. Наиболее полные сведения сохранились по крепостным конторам Арзамаса, Кашина, Торжка, Шацка, Новгорода, Пскова. Рассмотрим полученные результаты статистической обработки данных по указанным городам в отдельности.

В Арзамасской крепостной конторе общая арендная сумма за землю составила 27586 руб., которая была распределена среди арендаторов следующим образом: 23249 руб. (84,2 % всей суммы) пришлось на помещичьих крестьян, 955 руб. (3,5 %) — монастырских (экономических), 826 руб. (3,0 %) — дворцовых, 1540 руб. (5,6 %) — помещиков, 665 руб. (2,4 %) — купцов, 351 руб. (1,3 %) — прочие категории населения. В этой конторе по сумме арендной оплаты приоритет был за крепостными крестьянами.

Аналогичное положение наблюдается и в Кашинском уезде. Здесь более половины всей арендной платы приходилась на помещичьих крестьян (2345 руб., или 63,8 %), а одна четвертая — монастырских (1014 руб., или 27,5 %).

Иная ситуация складывается в северо-западной части ЦНР — Тверской провинции. По данным Новоторжской крепостной конторы в середине XVIII в. активную роль в поземельных арендных отношениях занимало местное купечество: ей принадлежала треть всей арендной платы (1360 руб., или 31,1 %). Далее следовали монастырские крестьяне (1057 руб., или 24,2 %) и помещики (1030 руб., или 23,6 %). Крепостные занимали лишь 4 место (710 руб., или 16,3 %). Но при этом следует указать на то, что многочисленные поземельные акты в аренду оформили помещики для своих собственных крестьян.

Таким образом, в ЦНР арендные поземельные операции имели широкое распространение среди жителей крепостной деревни, а в ряде уездов (Арзамасский, Кашинский) они занимали ведущее положение.

Что касается ЦЧР, то наиболее полными сведениями мы располагаем только по Шацкой крепостной конторе. Более половины арендной суммы, зафиксированной в ней, приходилась на долю помещичьих крестьян (3200 руб., или 53,2 %). Далее следовали помещики (1664 руб., или 27,6 %), чиновники (466 руб., или 7,7 %), купцы (376 руб. или 6,3 %) и государственные крестьяне (313 руб., или 5,2 %) [4. Д. 3372, 3376, 12999, 13021, 13027, 13035].

По Среднему Поволжью наиболее полная информация представлена в крепостных конторах Курмыша, Алатыря, Инсара, Сызрани и Саратова. Наши подсчеты указывают на то, что ведущее положение здесь при аренде земли занимали помещичьи крестьяне (3682 руб., или 66,2 %), затем следовали помещики (1180 руб., или 21,3 %), монастырские (301 руб., или 5,4 %) и дворцовые (59 руб., или 1,1 %) крестьяне. Главная причина активного участия крестьян в поземельных сделках заключалась в недостатке у них полевых и сенокосных угодий [4. Д. 11183, 11189, 11231].

Иная картина в системе денежных затрат при поземельных арендных отношениях складывается в Северо-Западном районе России. По этому региону мы располагаем данными крепостных контор по Новгороду и Пскову. Обработка сведений Новгородской крепостной конторы установила общую сумму арендной платы в 2848 руб., в т. ч. 956 руб. (33,6 %) приходилась на наем земли помещиками, 599 руб. (21 %) — монастырскими (экономическими) крестьянами, 532 руб. (18,7 %) — ямщиками, 424 руб. (14,7 %) — крепостными, 132 руб. (4,6 %) — священнослужителями. Но нередко помещики оформляли кортомные записи на землю для своих крестьян.

В Псковской провинции основную массу денежных средств в наемную землю вкладывало монастырское крестьянство (9216 руб., или 63,9 %). Это определялось в высокой степени той ведущей ролью, которую играло здесь население духовных, а после секуляризации 1764 г., экономических владений. Далее шли купцы (1929 руб., или 13,4 %), крепостные (1183 руб., или 8,2 %) и дворцовые (952 руб., или 6,5 %) жители. Столь скромное участие помещичьих крестьян в кортомных поземельных операциях, скорее всего, объясняется их недостаточными финансовыми возможностями [2].

Что касается Западного и Северного регионов, то определить место крепостных жителей в кортомных сделках на землю сложно из-за отсутствия достаточного количества источников (материалы крепостных контор по этим регионам почти не сохранились). Но участие крестьян этих районов в съемке земли имело место. Так, по Западному региону из 11 сохранившихся записей крепостных контор по найму земли две были оформлены крепостными, а по Северному — из 10 записей — 5. В анкете Сената 1767 г. по Смоленску и Вязьме указывается на широкое распространение поземельных арендных сделок. А в ответе вологодских властей на анкету ВЭО 1765 г. сообщается о тех сельских жителях, которые «нанимают из кортом у сторонних... сенокосы» [3, с. 36; 5, с. 92].

Каковы были размеры земельных участков, сдаваемых в аренду различными сословными группами? К сожалению, не во всех кортомных записях приводились данные о площади арендуемых земель. Наиболее полные сведения сохранились по Арзамасской крепостной конторе. Нами подсчитано, что из 12885 дес. арендных земель, зафиксированных в конторе, на долю крестьян приходилось 12105 дес. (93,9 % всей арендной земли), в т. ч. помещичьих — 11412 дес. (88,6 %), монастырских — 451 дес. (3,5 %), дворцовых — 242 дес. (1,8 %). Съемщиками остальной земли являлись помещики (551 дес., или 4,3 %), купцы (70 дес., или 0,5 %) и прочие слои населения (158 дес., или 1,3 %). Как видим, явный приоритет был за помещичьими крестьянами.

Несколько иная картина наблюдается при анализе материалов по ЦЧР. По этому региону полный комплект кортомных записей с указанием размера арендных площадей сохранился по Шацку, Курску и Ряжску. По Шацку среди съемщиков земли ведущее место занимали помещики, которые сосредоточили в своих руках 1506 дес. (51,7 %) арендной земли. Далее следовали крепостные крестьяне (1101 дес. земли, или 37,8 %), государственные (175,5 дес., или 6 %), чиновничество (101 дес. или 3,8 %) и купечество (22,5 дес., или 0,7 %). Следовательно, помещичьи крестьяне занимали в Шацком уезде одно из ведущих мест по размерам арендуемых земель.

В Курском уезде первое место среди кортомщиков принадлежало помещикам, которые взяли в аренду 324,5 дес. земли, затем следовали однодворцы, принадлежащие к категории государственных крестьян (283,5 дес.), монастырские (97 дес.) и помещичьи (64,5 дес.) крестьяне. Несколько иная ситуация была в Ряжском уезде, где ведущее положение среди съемщиков земли занимали помещичьи крепостные (на их долю приходилось 346,5 дес.), далее следовали однодворцы (102,5 дес.) и помещики (102,5 дес.).

В Среднем Поволжье, судя по кортомным записям Алатырской и Сызранской крепостных контор, наибольшее количество арендуемой земли принадлежало помещичьим крестьянам. В Алатыре они сняли 580,5 дес. (из 871,5 дес.), а в Сызрани — 416 дес. (из 705 дес.).

В Северо-Западном регионе основная часть арендуемого земельного фонда принадлежала помещикам (сняли 192 дес., или 60,9 %). Далее следовали монастырские крестьяне (59 дес., или 18,7 %), ямщики (35 дес., или 11,1 %), посадские люди (13,5 дес., или 4,3 %), крепостные (2,5 дес., или 0,8 %) и купечество (1 дес., или 0,3 %).

Кортомные записи позволяют выяснить формы арендных отношений помещичьих крестьян, их соотношение и распределение между собой. Из 1207 кортомных записей, по которым была установлена форма аренды, 651 (53,9 %) носила индивидуальный, 509 (42,2 %) — коллективный и 47 (3,9 %) — общинный характер. Индивидуальная аренда, как правило, имела предпринимательскую направленность и была связана с реализацией излишков сельскохозяйственной продукции. Общинная аренда в основном приобретала потребительскую значимость и вызывалась крайним малоземельем крестьян. Коллективная аренда занимала как бы промежуточное положение между общинной и индивидуальной формами.

В этой связи вызывает интерес вопрос о средней стоимости одной арендной сделки земли, оформленной крепостными крестьянами. По данным источников формы оплаты арендных сделок на земельные уго-

дья были разнообразны. В условиях усиливающихся рыночных отношений денежная стоимость играла ведущую роль. Но не исключалась возможность аренды и на других условиях: обработка земли, оплата исполу, поставка натуральных продуктов и т.п. Средняя стоимость одного короткого договора составляла 6 руб. 79 коп. В арендную плату входило качество почвы, вид земельных угодий (пашня, сенокос, лес и пр.), срок договора, расстояние от жилья. Особенно высокой была арендная плата в ЦНР (стоимость одной сделки составляла 11 руб. 3 коп.). В условиях малоземелья и большой плотности населения спрос на наемные земли здесь был достаточно высок. В этом регионе значительную долю составляли долгосрочные сделки, арендная плата которых была ощутимой. Следует учитывать и тот факт, что в ЦНР часто сдавали в аренду «мельничные» берега, лесные угодья, заливные луга по высокой рыночной стоимости.

В остальных регионах цена короткой сделки была значительно ниже, чем в ЦНР. Так, в ЦЧР она составляла 1 руб. 53 коп., в Среднем Поволжье — 1 руб. 44 коп., в Западном — 1 руб. и в Северном — 2 руб. Несколько выше стоимость арендной земли была в Северо-Западном регионе (составляла 4 руб. 85 коп.). В этом районе очень частый характер носила сдача в наем лесных массивов, сенокосных лугов, прибрежной полосы для рыбной ловли и строительство мельниц.

Нами подсчитано, что одна сделка индивидуальной формы аренды оценивалась в среднем в 8 руб. 51 коп., коллективной — 6 руб. 32 коп., общиной — 3 руб. 85 коп. В целом же в региональном масштабе стоимость одной индивидуальной сделки колебалась от 1 руб. 35 коп. до 12 руб. 17 коп., коллективной — от 30 коп. до 15 руб. 43 коп. и общиной — от 40 коп. до 8 руб. 13 коп.

В Северо-Западном регионе наряду с денежной формой арендной платы, практиковалась натуральная выплата в виде части урожая («из пятого снопа»). Так, в Новгородской крепостной конторе из 12 сделок помещичьих крестьян 11 были оплачены в денежном выражении, а одна — в виде «пятого снопа». В Псковской крепостной конторе из 67 сделок помещичьих крестьян на земли 32 были оформлены в виде оплаты деньгами, 31 — деньгами и частью урожая «из пятого снопа» и три — посылки работников на полевые работы и выдачи натуральных продуктов. Аналогичная ситуация складывалась в Новоторжской крепостной конторе, в которой из 45 сделок крепостных крестьян на долю оплаты в денежном выражении приходилось 27 (57,7 %), а из «пятого снопа» — 18 (39,1 %).

Съемка земли за натуральную форму оплаты зерном не изжила себя в XVIII в. (как склонны считать исследователи), а продолжала суще-

ствовать в довольно заметных масштабах. Внеденежная оплата за наемную землю в скромных размерах практиковалась почти во всех регионах и представляла собой оплату натуральными продуктами, несение рекрутской повинности, поставку работников на сельскохозяйственные и сенокосные работы [1, с. 205–206].

Итак, среди крепостных крестьян аренда земли носила и товарную, и потребительскую (для собственных нужд) направленность. Ведущее положение приобретала индивидуальная аренда, доля которой по регионам России колебалась от 44,7 до 61 % (средний показатель по России составлял 54,1 %). Далее следовала коллективная форма аренды (ее доля колебалась от 33,8 до 46,8 % ; средний показатель — 42,1 %). Таким образом, личная и паевая формы аренды земли занимали ведущее место в крепостной деревне середины XVIII в. (на их долю в среднем приходилось 96,1 % всех учтенных кортомных сделок).

Каков был срок найма арендной земли среди крепостных крестьян России? Из 1094 кортомных сделок, по которым указан срок аренды, две трети из них (851 сделка, или 77,8 %) оформлялись на 5 и более лет. Особенно частыми были пятилетний (336 сделок, или 30,7 %) и десятилетний (286 сделок, или 26,2 %) сроки, а краткосрочные — крайне редко (одногодичные составляли всего лишь 68 сделок, или 6,2 %). Подобное соотношение в сроках арендной платы практически было характерно для всех изучаемых регионов. Исключение составлял ЦЧР, где почти половина арендных операций была оформлена на один — четыре года (48,3 %). В условиях черноземных земель, не требующих уваживания почвы, крестьянину было выгоднее оформить краткосрочную сделку, стоимость которой была ниже долгосрочной. Краткосрочные наймы также притягивали средние и бедные слои крепостного населения из-за своей небольшой арендной платы. В ЦНР на долю договоров до пяти лет приходилось 16,3 %, а в Северо-Западном — 36,6 %.

Иное дело с долгосрочными сделками. Судя по содержанию условий таких договоров, съемщики земли сами были заинтересованы в более тщательной агротехнической обработке пашни с целью получения большого урожая. В свою очередь владелец земли нередко получал гарантию сохранения и получения соответствующей арендной платы [1. Д. 2019, 2037, 2055, 2490, 3237, 3446, 4493, 6226, 6623, 7416, 8402, 8798, 12054, 12068, 13027].

Среди крестьян-арендаторов особое место занимали зажиточные селяне, неоднократно совершающие съемку земли. В их руках были сосредоточены десятки и сотни десятин внеадельных пашен, сенокосов и лесных угодий. Нередко крупные сделки совершались ими на паевой основе. Все подобные деловые операции были направлены на производ-

ство товарной продукции. Так, в ЦНР такие сделки совершал житель с. Пятницкого (Арзамасский уезд, владение А. И. Голицына) А. Кротов. В 1752 г. он совместно с крестьянином Я. Ярыниным взял на 9 лет земельный участок размером 96,5 дес. за 135 руб. В 1753 г. им же с жителем с. Писарево И. Кононовым была оформлена сделка на аренду 258 дес. земельных угодий за 330 руб. В 1755 и 1761 гг. они взяли в оброк 135 дес. пашенной земли за 150 руб. Крупными арендными операциями занимались арзамасские крестьяне М. Шапашников, А. Горшев, Н. Шипонев, А. Антонов и др. Явно деловой характер носила сделка каширского крестьянина А. Сергеева, оформившего наем 125 чтв. земли за 300 руб.

Активные действия осуществляли крепостные арендаторы-предприниматели в ЦЧР. Например, в Зарайском уезде житель д. Пуднево Е. Гутнов в 1752–1753 гг. оформил 5 сделок на сумму в 110 руб. и стал временным владельцем 150 чтв. земли. А крестьянин Л. Орехов из с. Кузьмодемьянского того же уезда зарегистрировал две кортомные записи на общую земельную площадь в 72 чтв.

В Шацком уезде группа крепостных во главе с П. Куреневым (с. Каргацкое, владение В. И. Сомова) оформила наем 60 чтв. земли за 400 руб.

Крупные арендаторы из крепостной среды встречались и по Среднему Поволжью. В частности, алатырский крестьянин П. Родионов снимал яровой клин за 80 руб., а С. Васильев — за 102 руб. Сделки на большую сумму совершили в 1751 г. курмышский крестьянин И. Ильин (уплатил 250 руб.) и алатырский крепостной И. Ишпаков (взял 59 чтв. земли с годовой оплатой в 115 руб.).

В Северо-Западном регионе аналогичные операции совершались в несколько меньших размерах. Так, крепостной И. Алексеев, взявший в кортом 10 чтв. земли сроком на 5 лет, должен был оплатить их за 25 руб. М. Никитин оформил наем лесного массива сроком на два года и с общей платой в 50 руб. В договоре отмечалось, что он мог «для рубки леса посторонним людям, кому похочет, в наймы сдавать». В 1752 г. Т. Петров совершил две сделки на сумму в 20 руб.

Особенно ощутимой была стоимость аренды лесных массивов, имеющих высокую рыночную цену. Группа угличских жителей, принадлежащих помещикам Я. П. Шаховскому и И. Г. Головкину, оформила запись на наем лесных угодий под вырубку на сумму в 500 руб. Подобная сделка костромскому крепостному И. Матвееву стоила 170 руб.

Нередко крестьяне снимали земли с целью ее последующей передачи по более высокой цене. Группа жителей переяславль-залесской вотчины И. П. Прозоровского из с. Городцы, оформив кортомную запись с помещиком И. Г. Савеловым, вскоре, стремясь «получить прибыль се-

бе», переоформила ее на имя крестьян д. Платовцова Петровых [4. Д. 260. Л. 2, 30, 52; Д. 270. Л. 12, 17; Д. 279. Л. 16; Д. 297. Л. 25; Д. 412. Л. 47; Д. 444. Л. 2; Д. 13021. Л. 31; Д. 13027. Л. 31; Д. 13027. Л. 17; Д. 11183. Л. 9; Д. 11189. Л. 49].

В целом, внеотчинные поземельные арендные отношения имели заметное распространение в крепостной деревне России. В сельской общине, наряду с надельным землепользованием, формируется фонд внеотчинного временного владения, основным обладателем которого становится зажиточный крестьянин, ориентированный на товарное производство и рынок. Подобные земельные операции расширяли контакты представителей различных социальных групп, сближали их коммерческие интересы, способствовали ускорению социального неравенства в крепостной деревне и изменению психологии крестьян.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горская Н. А. Монастырские крестьяне центральной России в XVII в. М.: Наука, 1977. 340 с.
2. Комиссаренко А. И., Прохоров М. Ф. Поземельные арендные отношения крестьян Новгородского уезда в третьей четверти XVIII в. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород.: НовГУ, 1995. С. 112–114.
3. Прохоров М. Ф., Федюлин А. А. Помещичьи крестьяне России в середине XVIII века. М.: Прометей, 2003. 288 с.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 615. Коллекция фондов крепостных контор. Оп. 1.
5. Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (историко-экономический очерк). М.: Изд-во политической литературы, 1957. 496 с.
6. Рябков Г. Т. Смоленские помещичьи крестьяне в конце XVIII — первой половины XIX века. М.: Прометей, 1991. 264 с.

УДК 930

А. В. Киселева

г. Нижний Новгород (Россия)

НИУ РАНХиГС

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматривается динамика региональной историографии судебной реформы 1864 г. Изучаются такие вопросы как география исследования, методология, новизна. Рассматриваются основные подходы к осмыслению функционирования в разных пространственно-временных рамках таких институтов реформы как мировые судьи, коронные судьи, прокуратура, адвокатура, суд присяжных, следствие, судебные приставы. Изучается историография таких регионов как Центральная Россия, Сибирь, Кавказ, Воронежская, Олонецкая губернии, Башкирия, Осетия, Кубань, Краснодар и др. Предметом исследования становятся вопросы взаимодействия мирового суда с органами земского управления, военной юстиции и волостных судей. Также рассматривается эволюция правосознания российского общества второй половины XIX — начала XX вв. как необходимое условие успешной реализации судебной реформы 1864 г. на региональном уровне. Делается вывод об актуальности тематики в современном мире.

Ключевые слова: судебная реформа, суд присяжных, адвокатура, прокуратура, судебное следствие, мировой суд, земское самоуправление, правосознание, регион, историография.

Историографию судебной реформы 1864 г. можно условно разделить на 4 этапа: дореволюционный (1864 — октябрь 1917 г.), советский (октябрь 1917 — конец 1980-х гг.), постсоветский (с конца 1980-х гг. по 1990-е гг.) и современный (с конца 1990-х гг. по наст. вр.). Параллельно с предложенной периодизацией следует выделить региональный аспект изучения богатейшего наследия судебной реформы 1864 г. в связи с тем, что в Российской империи Судебные Уставы от 20 ноября 1864 г. внедрялись не равномерно и не повсеместно. Особенности введения пореформенных судов столь велики и разнообразны применительно к каждому конкретному региону (Кавказ, Сибирь, Царство Польское, Княжество Финляндское и др.), что их самостоятельное исследование представляется необходимым и обоснованным. В рамках данной статьи внимание будет уделяться региональной историографии. Ее динамика свидетельствует, что тематика судебной реформы по-прежнему важна для исследователей, является живой и актуальной темой научных работ.

Работы второй половины XIX–XX вв., посвященные истории судебной реформы 1864 г., трудно назвать региональными. Это фундаментальные научные исследования в основном общего характера. Однако, с конца 1990-х гг. возрастает число региональных исследований судебной реформы. В 1999–2012 гг. по данной и смежной с ней тематике по самым скромным подсчетам было защищено более 50 диссертаций, как исторических, так и юридических. На современном этапе изучения судебной реформы ученые обращают внимание на проблемы демонтажа дореформенных судебных учреждений, формирования пореформенной системы судоустройства и судопроизводства, отводя особое место региональным аспектам внедрения Судебных Уставов от 20 ноября 1864 г. Изучаются такие важные вопросы как условия и методы, ход и конкретные промежуточные результаты проведения реформы, а также деятельность отдельных судебных институтов. Исследуется причинно-следственная связь между судебной реформой и дальнейшими организационно-правовыми преобразованиями в этой области. Работы этого периода носят более системный, объективный характер. Происходит смена критериев и оценок, расширяется проблематика исследований [16; 18; 22; 30; 32; 39].

Важным исследованием мирового суда в пореформенной России стала работа Н. И. Горской, в которой прослеживается связь введения в жизнь земской реформы и распространения судебно-мировых институтов на территории империи [12]. В диссертации А. Д. Поповой осуществление судебных реформ второй половины XIX в. и рубежа XX–XXI вв. представлено как часть сложного процесса формирования гражданского общества в России [36]. В работе рассматривается роль судебных реформ в демократизации взаимоотношений общества и государства. В работе «Фемида в эпоху преобразований (судебные реформы 1864 г. и рубежа XX–XXI вв. в контексте модернизации)» автор экстраполирует опыт судебной реформы 1864 г. на российскую судебную систему [37].

Важным предметом исследования в 1990-е и 2000-е гг. становятся отдельные институты судебной реформы 1864 г.: прокуратура, присяжная адвокатура, судебное следствие, судебные приставы, нотариат. В. А. Никонов, С. В. Каширский, В. В. Цой, А. А. Грезнева, Н. А. Троицкий, М. А. Шелоумов, А. А. Волчкова, В. В. Захаров, Е. В. Кузнецова рассматривают исторический опыт их организации и деятельности в XIX в., и прослеживают заимствование зарубежного государственно-правового опыта в указанный период [32; 47; 13; 43; 51; 5]. В данных работах изучается также влияние личностей судебных работников, их профессиональная подготовка на выполнение ими должностных обязанностей и их воздействии на формирование гражданского и правового сознания общества.

В исследовании С. М. Казанцева (1993) [20], раскрываются вопросы организации и деятельности прокуратуры Российской империи в 1722–1917 гг. (с момента основания до момента ликвидации). В работах Н. А. Назаровой и Р. Р. Сахапова исследуется гражданское и уголовное судопроизводство в общих и мировых судах России XIX в. Авторы делают вывод о том, что старые традиции суда отмирали медленно, что вызывало сложности применения на практике новых норм пореформенного судебного процесса [31; 40].

Предметом внимания исследователей этого периода становятся суды, не входившие в общую судебную систему Российского государства. К ним относится, например, военный суд, который исследовали В. А. Шагаев, Н. А. Петухов [34]. Авторы воссоздают целостную объективную картину трансформации военно-судебной системы России, начиная с удельно-вещевого и Московского государства и заканчивая XX–XXI вв.

Суд присяжных в 2000-е гг. становится предметом пристального внимания исследователей А. В. Воронина, В. И. Честных, Е. И. Холодова, В. В. Гущева. Изучаются взаимоотношения суда с органами государственной власти и обществом, особенности выявления, призыва и отбора присяжных заседателей для участия в рассмотрении уголовных дел, сложности восприятия присяжными процедуры судебного разбирательства, установлены факторы, оказывавшие влияние на существо вердикта присяжных [6; 49; 46; 14; 52].

Исследование общих вопросов организации и деятельности волостных судов в России проводится Р. В. Терентьевым [42].

Мировоззренческие и историографические аспекты судебной реформы 1864 г. отражены в работах А. М. Мойсинович, Я. В. Мезенцева и В. В. Фролова [28; 29]. В данных исследованиях рассматриваются вопросы формирования российского правосознания во второй половине XIX в., отражение в нем представлений о судебной реформе Александра II, формирование правовых идеалов этого преобразования. Вопросам формирования гражданского общества и защиты прав человека в пореформенной России посвящено исследование Л. З. Газиева [7].

Осознание потребности в исследовании статистических и, в т. ч., архивных данных с целью моделирования общей картины, описывающей результаты внедрения в юридическую практику Российского государства судебной реформы 1864 г., привело к появлению новых работ. Они были ориентированы не столько на анализ самого законодательства, сколько на изучение документов, содержащих сведения о правоприменительной практике пореформенного судопроизводства, о входящих в него элементах, особенностях их пространственно-временного распространения, состава и функционирования. К числу таких исследований

относятся кандидатские диссертации, анализирующие судебную реформу 1864 г. и новые судебные учреждения на материалах Нижегородской губернии. Это работы А. В. Киселевой, А. А. Демичева, И. И. Дунаева, Е. В. Заякина [21; 15; 17; 19].

В 2013 г. вышла в свет работа Н. И. Биюшкиной и А. В. Киселевой по истории Нижегородского областного суда [2]. Исследование посвящено созданию судебной системы Нижегородского региона в связи с образованием государственности — Нижегородского княжества в XIII в. по настоящее время.

Проведение судебной реформы 1864 г. в центральных губерниях Российской империи (Ярославской, Рязанской, Костромской, Тамбовской, Владимирской, Саратовской, Вятской, Пензенской, Олонецкой, Воронежской, Среднем Поволжье) было изучено в работах Ю. В. Галкина, А. Д. Поповой, Н. В. Черкашиной, О. В. Кузьменко, С. Ю. Заводюка, Е. В. Крамченко, А. Н. Сабанцева и др. [9; 35; 23; 38; 24]. Авторы пришли к заключению о том, что в центре России судебные учреждения были внедрены в классическом виде и в полном объеме.

Особенности организации и деятельности мирового суда и института судебных приставов в Калужской, Казанской, Владимирской, Костромской губерниях стали предметом исследования в диссертациях Н. Н. Трофимовой, Н. Н. Кураковой, В. В. Виноградова и др. [44; 25; 4]. Авторы исследуют региональные особенности внедрения данного института в центральных губерниях Российской империи.

Особенности проведения судебной реформы 1864 г. на Урале и в Сибири отражены в работах А. С. Масалимова, У. И. Гибадатова, Е. В. Малышевой, А. М. Юнусова, О. Г. Бузмаковой и др. [27; 11; 26; 53; 3]. Авторы исследуют общие и особенные аспекты проведения судебных преобразований, кадровый состав пореформенных судебных учреждений, национальную специфику реформы в контексте консервативной политики Александра III, проводимой в 1880-е — 1890-е гг.

Специфика судебных преобразований на Северном Кавказе была рассмотрена в диссертациях А. Г. Галкина, А. А. Сотникова, Н. Г. Айдаровой [8; 41; 1]. Авторы делают вывод о том, что на данной территории, наряду с пореформенными судебными учреждениями, активно действовали местные суды: горские, словесные, сельские, аульские, станичные, слободские. Это определило колорит, особое своеобразие в процессе распространения Судебных Уставов от 20 ноября 1864 г. в этом регионе. Данные особенности обусловили усеченный характер действия судебной реформы.

Проведение судебной реформы 1864 г. в Западных губерниях Российской империи на примере органов судебного управления Донского

казачьего войска было исследовано в работе Е. А. Чемякина [48]. Автор рассматривает особенности правового регулирования нормотворческой, исполнительной и судебной деятельности на территории Донского казачьего войска.

Таким образом, особенностью данного историографического этапа является активизация исследований регионального уровня по реализации судебной реформы 1864 г. в Российской империи. Находит практическое применение концепция социальной истории, согласно которой, только обращение к местным архивам позволяет увидеть исторический процесс во всей его полноте [10]. Авторы также уделяют особое внимание институциональному аспекту проблемы внедрения Судебных Уставов от 20 ноября 1864 г. В ряде исследований небезуспешно используется метод сравнительного анализа при изучении особенностей функционирования судебных учреждений в пореформенный и современный периоды. Применение такого рода методики позволило исследователям сформулировать предложения и рекомендации по усовершенствованию деятельности институтов судебной системы РФ.

Подводя итоги краткому обзору историографии судебной реформы 1864 г., можно сделать вывод о том, что на современном этапе с 2000-х гг. возросло число исследований на региональном уровне с привлечением материалов местных архивов. Раскрываются механизмы реализации судебной реформы, исследуются местные особенности судебных преобразований. Многочисленные и максимально разные исследования говорят о том, что судебная реформа 1864 г. на сегодняшний день — очень актуальное и важное направление исследований, которое находит широкое отражение в региональной историографии второй половины XX — начала XXI в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айдарова Н. Г.* Административные и судебные реформы в Осетии (конец XVIII–начало XX в.): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 196 с.
2. *Биюшкина Н. И., Киселева А. В.* Нижегородский областной суд: история и современность. Н. Новгород: Дятловы горы, 2013. 352 с.
3. *Бузмакова О. Г.* Судебная власть в Сибири в конце XIX — начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 206 с.
4. *Виноградов В. В.* Мировой суд в Российской империи в 1864–1889 гг. на примере Калужской губернии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 188 с.
5. *Волчкова А. А.* Институт судебных следователей в дореволюционной России: историко-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 207 с.
6. *Воронин А. В.* Реализация института присяжных заседателей в России (1864–1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 182 с.

7. *Газиев Л. З.* Судебная реформа и права человека во второй половине XIX — начале XX века (историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 150 с.
8. *Галкин А. Г.* Нормативно-правовое регулирование судостроительства и судопроизводства в период проведения судебной реформы 1864 года на территории Кубанской области: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 239 с.
9. *Галкин Ю. В.* Российская юстиция в XIX — начале XX в. (На материалах Центра и Саратовской губернии): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 145 с.
10. *Гестрелл П., Мэйси Д., Фриз Г.* Социальная история как метаистория. Цит. по.: Б. Н. Миронов. Социальная история России периода империи (XIII — начала XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. VII.
11. *Гибадатов У. И.* Подготовка и проведение судебной реформы 1864 года в Башкирии (Историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 188 с.
12. *Горская Н. И.* Земство и мировой суд в России: законодательство и практика второй половины XIX века (конец 50-х – конец 80-х гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. 449 с.
13. *Грезнева А. А.* Революционное движение в России 1870-х – начала 1880-х гг. в оценках присяжных поверенных: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 401 с.
14. *Гущев В. В.* Сравнительно-правовое исследование мирового суда в России : История и современность Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 165 с.
15. *Демичев А. А.* История российского суда присяжных (1864–1917 гг.). Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2002. 236 с.
16. *Демичев А. А.* Сравнительно-правовое исследование суда присяжных в России (история и современность): дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород: НА МВД РФ, 2003. 481 с.
17. *Дунаев И. И.* Институт мировых судей в Нижегородской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: по материалам Нижегородской губернии: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: НЮИ МВД, 2004. 153 с.
18. *Захаров В. В.* Основные этапы реформирования российского суда и института исполнения судебных решений в сфере частного права в 1832–1917 гг. (историко-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 558 с.
19. *Заякин Е. В.* Роль Нижегородской губернской администрации и Окружного суда в проведении реформ Александра II (отмена крепостного права, земская и судебная реформы 60–70-х гг. XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород: НГПУ, 2004. 217 с.
20. *Казанцев С. М.* История царской прокуратуры. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1993. 216 с.
21. *Киселева А. В.* Основные этапы и особенности реализации судебной реформы 1864 г. на материалах Нижегородской губернии. Н. Новгород: Изд-во Гладкова О.В., 2006. 217 с.
22. *Корнев А. В.* Консервативная и либеральная теории государства и права в России (XIX – начало XX вв.): дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Академия управления МВД РФ, 2004. 428 с.

23. Крамченко Е. В. Судебная система Воронежской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005. 169 с.
24. Кузьменко О. В. Особенности осуществления судебной реформы на Юге России: проблемы реализации: историко-правовой опыт: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/д, 2005. 203 с.
25. Куракова Н. Н. Организационно-правовые аспекты становления и развития мировой юстиции на территории Казанской губернии в 1864–1917 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. Мытищи, 2010. 206 с.
26. Малышева Е. В. Судебная реформа 1897 г. в Сибири: подготовка и реализация: по материалам Тобольской губернии: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 207 с.
27. Масалимов А. С. Реформы суда и полиции России 60–90-х годов XIX века (На материалах Уфимской губернии): дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2000. 238 с.
28. Мезенцева Я. В. Проблемы формирования российского правосознания в трактовке русских юристов второй половины XIX – начала XX веков (Историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 162 с.
29. Мойсинович А. М. Судебная реформа 1864 г. в оценках современников и исследователей второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2006. 260 с.
30. Мухаметшин Ф. Б. Организационно-правовые основы становления и развития институтов обвинения и защиты в судопроизводстве России (IX – начало XX века): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. 360 с.
31. Назарова Н. А. Реформирование и развитие российского гражданского судопроизводства во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 170 с.
32. Никонов В. А. Сравнительно-правовое исследование института прокуратуры в России во второй половине XIX – начале XX века и конце XX – начале XXI века: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. 177 с.
33. Петренко Н. И. Становление и развитие управления уголовно-исполнительной системой России: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2002. 517 с.
34. Петухов Н. А. История военных судов России / под ред. и с предисл. д.ю.н., проф. В.М. Лебедева. М.: Норма, 2010. 352 с.
35. Попова А. Д. Правда и милость да царствуют в судах. (Из истории реализации судебной реформы 1864 г.). Рязань: Изд-во «Поверенный», 2005. 240 с.
36. Попова А. Д. Судебные реформы как механизм формирования гражданского общества в России (на материалах судебных реформ второй половины XIX века и рубежа XX–XXI веков): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2012. 54 с.
37. Попова А. Д. Фемида в эпоху преобразований (судебные реформы 1864 г. и рубежа XX–XXI вв. в контексте модернизации). М.: Новый хронограф, 2009. 360 с.
38. Сабанцев А. Н. Судебные учреждения Олонецкой губернии (1784–1907 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2003. 183 с.
39. Сальников С. П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. 378 с.

40. Сахатов Р. Р. Принципы уголовного судопроизводства и их реализация в деятельности суда присяжных в дореволюционной России по судебной реформе 1864 г.: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. 260 с.
41. Сотников А. А. Особенности проведения судебной реформы 1864 года на территориях Северного Кавказа: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 200 с.
42. Терентьев Р. В. Реформа местного суда в России в начале XX в.: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 206 с.
43. Троицкий Н. А. Судьбы российских адвокатов. Биографические очерки и характеристики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. 140 с.
44. Трофимова Н. Н. Мировая юстиция Центрально-промышленного района России в 1864–1889 гг.: генезис, региональные особенности судоустройства и деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004. 199 с.
45. Фролов В. В. Судебная реформа 1864 года в России и ее отражение в правосознании российского общества середины XIX века: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 178 с.
46. Холодова Е. И. Становление и развитие мировой юстиции России в IX – начале XX вв.: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2009. 203 с.
47. Цой В. В. Становление и развитие адвокатуры в России в конце XIX – начале XX века (историко-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. 203 с.
48. Чемякин Е. А. Органы управления, самоуправления и суда Донского казачьего войска в XVIII – начале XX в. в. (Историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 211 с.
49. Чесных В. И. Суд присяжных в России как комплексный правовой институт: теория, история, современность: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 172 с.
50. Шагаев В. А. Военно-судебная система России во второй половине XIX века: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 181 с.
51. Шелоумов М. А. Профессиональная деятельность адвоката в России во второй половине XIX – начале XX веков: на примере практики присяжного поверенного Н. П. Карабчевского: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 192 с.
52. Шутило О. В. Становление и модернизация мировой юстиции в России (вторая половина XIX – начало XX в.): историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 191 с.
53. Юнусов А. М. Организационно-правовые основы формирования и деятельности окружных судов в механизме реализации Судебной реформы 1864 года : на материалах Южного Урала: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. 22 с.

УДК 930(47+57)

М. М. Гасанов

г. Махачкала (Россия)

Дагестанский гос. ун-т

ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВХОЖДЕНИЯ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье делается попытка анализа наиболее крупных и фундаментальных исследований послереволюционного периода о вхождении народов Дагестана в состав Российской империи. Рассматриваются различные точки зрения и исторические концепции, оценивающие объективные исторические предпосылки вхождение и дальнейшую интеграцию. Проводится детальный анализ постсоветской историографии по исследуемому вопросу.

Ключевые слова: колониализм, колонизация, освоение, Российская империя, кавказская политика, историография, концепция.

Одной из наиболее дискуссионных тем кавказоведения является тема вхождения народов Дагестана в состав Российской империи. Особенный интерес представляет анализ работ послереволюционной историографии — советского и постсоветского периодов.

В послереволюционной историографии те или иные акценты в постановке вопросов развития Дагестана в составе России рассматривались исходя из господствовавшего в указанный период идеологического клише, одобренного Коммунистической партией, и колебались от полного отрицания положительной роли России как «тюрьмы народов» до чрезмерного возвеличивания ее роли и проповедования «добровольности» вхождения народов Кавказа в состав России.

До 1930-х — 1940-х гг. преобладающей была начатая в трудах М. Н. Покровского теория отрицания прогрессивного значения присоединения ряда народов к России и критика колониальной политики самодержавия на национальных окраинах [29]. В эти же годы появляются первые труды советских историков по национально-освободительному движению в Дагестане в 60-х — 70-х гг. XIX в. [38].

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. советская историография, исходя из политической конъюнктуры, начала рассматривать процесс присоединения народов Кавказа к России и его последствия как прогрессивное явление. Колониальная политика России на Кавказе затухала или замалчивалась. Национально-освободительные движения на окраинах империи были объявлены реакционными, инспирированными извне и националистическими [38]. Только после научной сессии в

Махачкале и совещания историков в Москве в 1956 г. вопросы истории Дагестана XIX в. стали рассматриваться с более объективной точки зрения.

В 1950-е — 1960-е гг. учеными-историками Дагестана и Москвы были изданы наиболее значительные исследования по истории Дагестана и Северного Кавказа, Дагестана и России. Значительным вкладом в советское кавказоведение стали работы Н. А. Смирнова [34], А. В. Фадеева [35]; дагестанских историков Р. М. Магомедова [17–19], Х.-М. А. Хашаева [36], В. Г. Гаджиева [7; 8], С. Ш. Гаджиевой [9], где четко определен уровень социально-экономического развития Дагестана перед и в период присоединения его к России.

Отмеченные работы определили уровень и направление развития дагестанской историографии в последующие годы. Большой фактический материал и ценные выводы, связанные с изменениями социально-экономической, политической и культурной жизни народов Дагестана в XIX в., в т. ч. и в связи с присоединением к России, освещены в монографии Х.-М. А. Хашаева «Общественный строй Дагестана в XIX в.». Важное значение имел выход монографии С. Ш. Гаджиевой «Кумыки», где, наряду с детальным освещением вопросов материальной культуры, рассматривается процесс социально-экономических отношений и политического строя кумыков. Изменениям, происшедшим в экономике Дагестана во второй половине XIX в., посвящена работа И. Р. Нахшунова «Экономические последствия присоединения Дагестана к России» [24]. Большой вклад в изучение русско-дагестанских отношений внесла монография В. Г. Гаджиева «Роль России в истории Дагестана» [7]. Автору удалось на основании обширного фактического материала показать картину объективно-прогрессивного значения присоединения Дагестана к России.

Глубокая разработка вопросов развития промышленности и сельского хозяйства, классовой борьбы крестьянства в пореформенный период дана в монографиях и статьях Х. Х. Рамазанова [31].

Важнейшие вопросы развития сельского хозяйства и промышленности в пореформенный период, вовлечения экономики Дагестана в общероссийскую экономическую систему, проникновения капиталистических отношений в Дагестан в исследуемый период рассматриваются в трудах Г. Г. Османова [28], А. Г. Мелешко [21], Г. И. Милованова [22], М. Ш. Шигабудинова [39], М. Х. Мансурова [20], Р. А. Губахановой [11], Э. М. Далгат [12].

Вопросы взаимопроникновения и прогрессивного влияния России на развитие образования, науки и культуры Дагестана, деятельности русской интеллигенции в Дагестане освещены в трудах Г. Ш. Каймаразова [14; 15] М. А. Абдуллаева [1], А. И. Свистуновой [33], А. С. Гаджиева [7].

В 1970-е — 1980-е гг. проблема вхождения республик Северного Кавказа, в т. ч. и Дагестана, в состав Российской империи и их развития вновь приняла дискуссионный характер. Это было связано с принятой в некоторых республиках Северного Кавказа концепцией «добровольности» вхождения в состав России, под которую стали готовить историческое обоснование [4]. Основой дискуссии оставались причины, характер и сущность Кавказской войны. Что же касается второй половины XIX в., то этот период не стал предметом фундаментального монографического исследования. Необходимость продолжения исследования указанного периода была подчеркнута в материалах двух крупных научных конференций по проблемам истории Северного Кавказа. Как отмечал в своем докладе акад. А. Л. Нарочницкий: «Наряду с успехами в освещении проблем истории Северного Кавказа, имеются и пробелы. Все еще мало обобщенных многоплановых исследований, которые раскрыли бы проблему русско-северокавказских отношений во всем ее объеме» [23].

С началом демократизации общественно-политической жизни в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в отечественную историографию стал внедряться научный плюрализм. Появились работы, анализирующие русско-дагестанские отношения [8], исследующие проблемы мухаджирства [16], места терского казачества в этнополитических процессах развития Северного Кавказа [27]. Однако в целом, анализируя использованную в исследовании историческую литературу, следует отметить, что в российской историографии, касающейся истории Дагестана, недостаточно работ, посвященных всеобъемлющему исследованию всех отраслей хозяйствования, социально-экономических процессов, функционирования административной структуры, последних всплесков антиколониальной борьбы во второй половине XIX в., насыщенной глобальными пореформенными изменениями. В этой связи заслуживают несомненного внимания монографии Б. Б. Булатова [5], М. М. Гасанова [9] и диссертационное исследование А. Х. Рамазанова [30], в которых рассматриваются проблемы истории Дагестана в определенных хронологических рамках и под конкретным углом зрения. Хронологические рамки исследования Б. Б. Булатова — 1880-е — начало 1930-х гг. Оно посвящено анализу проблем истории Дагестана и в условиях Российской империи, и в условиях Советской власти. В исследовании А. Х. Рамазанова анализируется проблема взаимоотношений России и Дагестана в области политических, социально-экономических и культурных отношений в XIX — начале XX вв.

Таким образом, дагестанская историография располагает достаточно широким кругом коллективных и индивидуальных работ, в кото-

рых рассматриваются отдельные аспекты изучаемой проблемы. Они являются хорошей базой для настоящего исследования.

Между тем, на современном этапе развития народов Северного Кавказа и Дагестана, когда здесь происходят глубокие политические и социально-экономические процессы, постановка проблем истории Дагестана вызывает потребность в обобщающих работах, охватывающих сравнительно небольшой временной период, благодаря чему удастся более детально рассмотреть историческую картину, показать основные направления политики Российского государства в Дагестане. Это тем более важно, что становление новой российской и местной национальной государственности сопровождается сложными процессами, возникающими на почве обострения межнациональных отношений. При этом межнациональные противоречия — во многом результаты глубинных процессов и не лежащих на поверхности причин, исторические корни которых могут быть выявлены только в ходе целенаправленных и систематизированных исследований.

В этой связи серьезную помощь оказывают труды, которые были опубликованы сравнительно недавно и посвящены глобальным проблемам российской государственности и межнациональным отношениям. Среди них: коллективная работа Р. Г. Абдулатипова, Л. Ф. Бойтенковой и Ю. Ф. Ярова [3], исследующая проблемы федерализма в истории России; исследования А. К. Хорошилова [37], посвященные генезису республиканской формы управления в России; коллективное исследование «Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты)» [25]; коллективная монография «Национальная политика России: история и современность» [26].

В целом авторы указанных публикаций показывают, как происходило становление Российской государственности, рассматривают объективную политическую и экономическую необходимость сближения и согласия народов России. Несомненную ценность представляет книга «Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты)» [25], подготовленная РАУ — Корпорацией. Эта книга является необходимой в современных условиях российского общества попыткой начертить и до известной степени разработать ряд проблем, без осмысления которых невозможно дальше продвигаться вперед. Книга «Национальная политика России: история и современность» [26], подготовленная коллективом авторов под руководством С. В. Кулешова, представляет собой первую в российской историографии попытку дать систематизированное изложение национальной политики России в единстве ее теоретико-концептуальных и практических аспектов.

Исследование историографии по указанному периоду является весьма актуальным, но в то же время сложным. В целом же то, что сделано исследователями по рассматриваемой в проблеме, заслуживает положительной оценки и будет способствовать дальнейшему всестороннему изучению истории развития Дагестана в составе Российской империи во второй половине XIX в. Это изучение определяется, прежде всего, необходимостью противопоставления научного понимания данной проблемы тенденциозному пониманию взглядов зарубежных авторов, отрицавших прогрессивное значение вовлечения Дагестана в многогранную жизнь России.

Сегодня в историографии наметился поворот к узконаправленным исследованиям в рамках современных исторических концепций. «В современной исторической науке историография характеризуется поворотом к систематизации накопленного исследовательского опыта, теоретического осмысления и практической значимости, что актуализирует задачу создания системного исследования... выявить разнообразие исследовательских подходов в историографии, определить их формирование, расцвет, трансформацию и статическое развитие, а также стратегическое значение [40].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдуллаев М. А.* Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX в. М., 1968.
2. *Адамов Е., Кутанов Л.* Из истории происков иностранной агентуры во время Кавказских войн // Вопросы истории. 1950. № 11.
3. *Абдулатипов Р. Г., Бойтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф.* Федерализм в истории России. М., 1992.
4. *Блиев М. М.* Кавказская война: социальные источники, сущность // История СССР. 1983. № 2.
5. *Булатов Б. Б.* Дагестан на рубеже XIX–XX вв. Махачкала, 1996.
6. *Гаджиев А. С.* Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала, 1964.
7. *Гаджиев В. Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965.
8. *Гаджиев В. Г.* Русско-дагестанские отношения как исследовательская проблема // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала, 1987.
9. *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. М., 1961.
10. *Гасанов М. М.* Дагестан в составе России (вторая половина XIX века). Махачкала: Юпитер, 1999.
11. *Губаханова Р. А.* К вопросу об организации управления Дагестаном во второй половине XIX века // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976.

12. Далгат Э. М. Крестьянское движение в Дагестане в период развития капиталистических отношений. Махачкала, 1984.
13. Иванов А. И. Национально-освободительное движение в Чечне и Дагестане в 60-х – 70-х гг. XIX в. // Исторические записки АН СССР. М., 1941.
14. Каймаразов Г. Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. Махачкала, 1989.
15. Каймаразов Г. Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989.
16. Кумыков Т. Х. Мухаджирство в истории горских народов Северного Кавказа. Нальчик, 1994.
17. Магомедов Р. М. Восстание горцев Дагестана в 1877 году. Махачкала, 1940.
18. Магомедов Р. М. Россия и Дагестан. Махачкала, 1987.
19. Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957.
20. Мансуров М. Х. Вовлечение Дагестана в общероссийскую экономическую систему. Махачкала, 1984.
21. Мелешко А. Г. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана. М., 1957.
22. Милованов Г. И. Очерк формирования и развития рабочего класса в Дагестане. Махачкала, 1963.
23. Нарочницкий А. Л. Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е гг. XX в.). Грозный, 1982.
24. Нахшунов И. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1955.
25. Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты). М., 1994.
26. Национальная политика России: история и современность. М., 1997.
27. Омельченко И. Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991; Дагестан: Нижне-терское казачество. М., 1995.
28. Османов Г. Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965.
29. Покровский М. Н. Завоевание Кавказа. Дипломатия и война царской России в XIX в. М., 1923.
30. Рамазанов А. Х. Политические, социально-экономические и культурные взаимодействия России и Дагестана XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 1998.
31. Рамазанов Х. Х. Крестьянская реформа в Дагестане // Ученые записки ИИЯЛ ФАН СССР. Махачкала, 1957.
32. Рамазанов Х. Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972.
33. Свистунова А. И. Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 1973.
34. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1958.
35. Фадеев А. В. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России // История СССР. 1959. № 6.
36. Хашаев Х.-М. А. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.

37. *Хорошилов А. К.* Генезис республиканской формы правления в России. М., 1996.
38. Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: сб. документальных материалов. Тбилиси, 1953.
39. *Шигабудинов М. Ш.* К вопросу о промышленном отходничестве из Дагестана в нач. XX в. // ВИД. Махачкала, 1974.
40. *Гасанов М. М., Газиева А. А.* Историография одного города: колониализм, колонизация, фронтир. К вопросу об историографии истории функционирования города-крепости левого крыла Кавказской кордонной линии на примере истории Кизляра в первой половине XIX в. // *Вопр. истории.* 2020. № 12 (3).

УДК 94(47+57)"18"

К. А. Павлов

г. Краснодар (Россия)

Кубанский гос. ун-т

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО РАЗВИТИЮ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ НА КАВКАЗЕ В XIX ВЕКЕ

В статье рассматривается процесс становления и развития системы охраны государственной границы на Кавказе в XIX в. Показано, что с самого начала вхождения в состав Российской империи новых территорий, российское правительство приступило к созданию системы охраны государственной границы на Кавказе с целью защиты национальных интересов в регионе. Однако у карантинно-таможенных подразделений не было достаточного количества личного состава для надежной охраны государственной границы. Для охраны государственной границы правительство было вынуждено привлекать воинские подразделения и местное население. В результате система охраны государственной границы находилась в неудовлетворительном состоянии. В статье делается вывод, что без специализированных пограничных подразделений не могла быть достигнута надежная система охраны государственной границы на Кавказе по защите национальных интересов Российской империи в регионе.

Ключевые слова: Кавказ, пограничная стража, государственная граница, карантинно-таможенная стража, Турция.

В 1801 г. в состав Российской империи вошла Восточная Грузия. Перед российским правительством встала задача охраны новой государственной границы [4, с. 54–55] для обеспечения безопасности вновь приобретенной территории и защиты национальных интересов в регионе. С этой целью было принято решение о создании цепи таможенных постов и карантинных [2, с. 239]. Однако этому мешали военные действия, которые велись с Персией. Только после окончания военных действий и определения линии государственной границы российское правительство приступило к созданию цепи таможенных постов и карантинных [3, с. 320–321].

В 1828 г. во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в Турции вспыхнула эпидемия чумы. С целью недопущения занесения эпидемии на территорию Российской империи главноуправляющим Грузией графом И. Ф. Паскевичем было принято решение о создании пограничной кордонной стражи, которая бы располагалась на границе с Турцией и Персией. Созданная пограничная кордонная стража имела «...184 пограничных кордонных поста (от поста св. Николая на Черном море до Аста-

ринского на берегу Каспийского моря) на пространстве 14091/2 верст с 2149 казаками, с подразделением сих постов на 8 линий: Гурийскую, Ахалцихскую, Александропольскую, Эриванскую, Нихичеванскую, Карабахскую, Ширванскую и Тальшинскую (Гурийская линия содержалась жителями с небольшим числом казаков, по случаю происходивших еще переговоров об определении границы между Кобулетом и Гуриєю)» [5, с. 194–195].

В 1847 г. на Кавказе была создана карантинно-таможенная стража путем объединения карантинных и таможенных подразделений с общим подчинением карантинно-таможенному начальству. В 1849 г. для карантинно-таможенной стражи выходит инструкция, которая определяла «...обязанности кордонной службы, на которую возлагалось: 1) охранение границы от покушения заграничных хищников, старающихся проникнуть в наши пределы; 2) охранение от внесения чумной заразы; 3) наблюдение за невывозом контрабандных товаров нашими и заграничными жителями, и 4) недопущение злонамеренных людей в обе стороны переходить границу» [5, с. 196–197]. Из приведенной инструкции видно, что деятельность карантинно-таможенной стражи была направлена на защиту национальных интересов Российской империи на Кавказе.

В 1849 г. карантинно-таможенная стража занималась охраной государственной границы в регионе «...на пространстве 1477 верст, от Анаклийского до Астаринского поста, считалось 207 кордонных постов с 1933 казаками, численность которых тогда же предложено было увеличить до 3362 человек; вся же кордонная стража разделена была на 6 линий: Гурийскую с Мингрелиєю, Ахалцихскую, Александропольскую, Нахичевано-Эриванскую, Карабахскую и Ленкоранскую. (Из числа показанных по ведомости 1843 года 8 линий Нахичеванская вошла впоследствии в состав Эриванской линии, а из Шивранской и Тальшинской образована линия Ленкоранская)» [5, с. 197].

К 1870 г. пограничная кордонная линия простиралась от Астаринского поста на Каспийском побережье до укрепления св. Николая на Черном море и проходила через Бакинскую, Елисаветпольскую, Эриванскую, Тифлисскую и Кутаисскую губернии. Охраной данной кордонной линии занимались 450 чел. объездчиков карантинно-таможенной стражи совместно с казаками военного ведомства в количестве 3740 чел. «Из числа составлявших кордонную стражу казаков, одна часть расположена была в виде резервов при полковых штабах, другая находилась в ведении Губернаторов для отправления полицейских и других служебных обязанностей и третья — собственно на постах кордонной линии.

При пяти штабах полков, занимавших кордонная линия Кутаисского и Бакинского Карантинно-Таможенных Округов, состояло в резерве приблизительно штаб и обер-офицеров и нижних чинов 450; не доставало по случаю откомандирования их в ведение Губернаторов и некомплекта, также приблизительно 160 чинов, а остальные, из пяти полков, — 3740 человек находились на постах. Это число людей размещено было на 209 постах и следовательно средним числом на каждые их них приходилось по 18 человек» [5, с. 204–205].

Посты были размещены на пяти линиях: Ленкоранской, Ванкской, Аралыхской, Александропольской, Ахалцихской. Гурийская же линия, имевшая в своем составе 24 поста, охранялась пешей гурийской милицией и конно-иррегулярным полком, которые подчинялись особому кордонному начальству [1, с. 120].

Однако, несмотря на увеличение личного состава участвующего в охране государственно границы и увеличение пограничных постов, система охраны государственной границы в регионе находилась в неудовлетворительном состоянии. Главные недостатки заключались в следующем:

«1) В совершенной непригодности как для таможенной, так в особенности для карантинной службы местного населения, из которого в разные времена и на различных частях границы формировались команды самостоятельные, но после более или менее значительных и всегда непроизводительных расходов части эти, по непригодности их к кордонной службе, были постоянно распускаемы; в выгоде же материальной оставались одни лишь самые непосредственные их начальники! Отдавая полную справедливость боевым способностям и многим другим качествам порубежных наших населений, нельзя однако не заметить, что в них пока не развиты еще те именно элементы, которые и составляют самую необходимую условия для отправления пограничной службы.

2) В численном недостатке находящихся на границе войск, так как за исключением больных, откомандированных к штаб квартирам, к местным управлениям, употребляемых на покосы, на перевозку провианта и выбывших по разным непредвиденным причинам людей и лошадей, на кордоне едва ли остается половинное число казаков.

3) В расположении населений как постоянных, так и кочевых впереди патрульной дороги, безнаказанно занимающихся контрабандою и крайне затрудняющих, небрежным проведением оросительных канав между постами, сообщение.

4) В непригодности для кордонной службы как Гурийской пешей милиции, так и Кутаисского конно-иррегулярного полка, чины которого замешаны были в одном весьма дурном деле по провозу контрабанды в

Редут-Кале. Кроме того, они постоянно отвлекаются от прямой их службы посторонними обязанностями, на них возлагаемыми. По составу же своему чины эти, как равно и стражники Гурийские, вовсе не соответствуют требованию пограничной службы.

5) В крайне недостаточности денег, отпускаемых на содержание и покупку объездных лошадей» [5, с. 243–248].

В результате, в связи с неудовлетворительным состоянием системы охраны государственной границы в регионе, правительство пришло к выводу о необходимости создания на Кавказе специализированной пограничной стражи. В 1881 г. Министерством финансов были представлены в Государственный совет предложения по созданию на Кавказе пограничной стражи.

Таким образом, с самого начала интеграции в состав Российской империи Кавказа, российское правительство приступило к созданию системы охраны государственной границы с целью защиты национальных интересов в регионе. Однако личного состава карантинно-таможенных подразделений, привлекаемых для охраны государственной границы, было недостаточно и для охраны государственной границы привлекались казаки воинских частей, а также местное население. В результате, система охраны государственной границы находилась в неудовлетворительном состоянии. В итоге, правительство пришло к выводу, что без специализированной пограничной стражи не может быть достигнута надежная система охраны государственной границы на Кавказе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боярский В. И.* На стороже Руси стояти: страницы истории пограничной стражи Российского государства. М.: Граница, 1992. 168 с.
2. Всеподданнейшей рапорт кн Цицианова, от 18-го апреля 1803 г. // Акты, собранные кавказской археологической комиссией. Тифлис, 1868. Т. II. С. 239–241.
3. Отношение ген. Ртищева к д.т.с. Гурьеву, от 10-го сентября 1815 г. // Акты, собранные кавказской археологической комиссией. Тифлис, 1873. Т. V. С. 320–321.
4. *Фадеев А. В.* Россия и Кавказ первой трети XIX в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 398 с.
5. *Чернушевич П. М.* Материалы к истории пограничной стражи. Служба в мирное время Стычки с контрабандистами и прочие происшествия на границе: (сборник). Ч. I. Вып. III. СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса пограничной стражи, 1903. 349 с.

УДК 314:39:2

Д. А. Прохоров

г. Симферополь (Россия)

Крымский фед. ун-т им. В. И. Вернадского

ЭТНИЧЕСКИЙ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассмотрена этноконфессиональная ситуация, сложившаяся на территории Таврической губернии (а именно, Крымского полуострова и прилегающих к нему территорий) в конце XIX — начале XX в. Выявлены основные тенденции, сопровождавшие миграционные процессы после окончания Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. Проанализирована ситуация в этноконфессиональной сфере, прослежены изменения в численности русских, украинцев, крымских татар, евреев, караимов, крымчаков и представителей других народов, проживавших в регионе. Приведены статистические показатели по различным этносам и конфессиям.

Ключевые слова: Крым, Таврическая губерния, этносы, конфессии, религиозная жизнь, статистика.

Этнический и конфессиональный состав населения Крымского полуострова после окончания Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. претерпел существенные изменения. Произошло это в связи с очередной волной эмиграции крымских татар в Турцию. Только за 1855 г. общая убыль крымско-татарского населения достигла примерно 18500 чел. обою пола. Всего в 50-х гг. XIX в. численность крымских татар на полуострове снизилась с 267400 до 241900 чел. [2, с. 96, 97]. Переселение в 1850-х гг. российских подданных из украинских и южнорусских губерний, последующее закрепление на земле отставных солдат и матросов не повлияли существенно на изменение этнической и конфессиональной структуры населения Крымского полуострова. Тем не менее, несмотря на быстрый рост численности и доли украинцев в населении региона, они не были преобладающим этносом в Таврической губернии.

В 1880-е гг. в Российской империи вновь увеличился объем внутренних земледельческих миграций, при этом Новороссия продолжала оставаться регионом наиболее интенсивного заселения (общий объем мигрантов — до 900 тыс. чел.). Вследствие этого крупные размеры приобрело эмиграционное и иммиграционное движение; значительно усилился приток переселенцев в города. Все вышеуказанные причины привели к тому, что к концу XIX в. по мере сокращения численности крым-

ских татар в Крыму сформировались русская и украинская этнические территории. Если по сведениям за 1858 г. в Крыму проживало 331300 чел. (что в процентном соотношении составляло: 73 % крымских татар, 12,6 % русских, 4 % украинцев, 2,4 % греков, 2 % цыган, 1,8 % евреев, 1,5 % немцев, 1,3 % армян, 0,8 % караимов, 0,6 % болгар), то уже в 1864 г. показатели значительно изменились [2, с. 96, 97]. Современные исследователи полагают, что число эмигрировавших в Турцию крымских татар в 1860–1863 гг. составило 192360 чел., при этом были полностью оставлены 784 татарских села и аула Таврической губернии. В связи с массовой эмиграцией на Крымском полуострове осталось лишь 198700 чел. (из которых только 50,3 % составляли крымские татары) [1, с. 28]. На долю русских и украинцев приходилось 28,5 %, 6,5 % — греков, 5,3 % — евреев, 2,9 % — армян, 2,7 % — немцев, 1,7 % — караимов и 1,6 % — болгар. Во второй половине XIX в. численность только славян (русских, украинцев и белорусов) превысила численность крымских татар уже более чем на 22 %, а в целом преобладание христиан разных конфессий над мусульманами составляло около 25 %. Во второй половине XIX в. на полуостров устремилось значительное число переселенцев. Началась массовая миграция в Крым евреев-ашкеназов из северных губерний Российской империи (современных Польши, Белоруссии и Литвы). В связи с этими процессами значительно увеличилась доля городского населения — к 1897 г. оно составляло 41,9 % к общей численности населения края [2, с. 100–107, 126–129].

Согласно данным «Первой всеобщей переписи населения Российской Империи» 1897 г. в Таврической губернии проживало 546700 чел. В процентном соотношении это выглядело следующим образом: 35,6 % крымских татар, 33,1 % русских, 11,8 % украинцев, 5,8 % немцев, 4,4 % евреев, 3,1 % греков, 1,5 % армян, 1,3 % болгар, 1,2 % поляков, 0,3 % турок, в то время как население всей Таврической губернии составляло 1273816 чел. [3, с. 1]. Несмотря на массовую эмиграцию в 70–80-х гг. XVIII в. и в 1860–1862 гг., на значительной части полуострова на рубеже XX в. сохранились территории с преобладающим крымско-татарским населением, хотя в целом они составляли лишь около трети всех жителей. К концу XIX в. русская этническая территория сформировалась в Севастопольском (62,8 %) и Керчь-Еникальском (55,8 %) градоначальствах; в Симферопольском и Феодосийском уездах русские достигли более 30 %, в Ялтинском — 27 %, и почти 23 % — в Перекопском уезде. Причём непосредственно в городах удельный вес русских составлял в среднем 49,1 %, а в некоторых превышал 60 %. Например, в Ялте — 66,2 %, Еникале — 75,7 %, Севастополе — 63,5 %. Удельный вес греков и армян во второй половине XIX в. фактически не изменился. В Перекопском уезде

появилось небольшое число эстонцев и чехов. Немцы в Крыму селились в основном на землях, оставленных крымскими татарами, и их доля выросла с 1,5 до 5,8 %. В Перекопском уезде, где в 1858 г. немцы составляли 0,5 % всего населения (0,2 тыс. чел.), в 1897 г. их оказалось почти 23 % (11,7 тыс. чел.). В Евпаторийском уезде в 1858 г. немцев насчитывалось 0,1 тыс. чел., или 0,3 % населения, а в 1897 г. — 7,6 тыс. чел., или 12 % [2, с. 100]. В Симферопольском уезде доля немцев увеличилась с 2 до 4,1 %. Удельный вес евреев вырос с 4,4 до 6,4 %; что касается караимов, то, согласно данным переписи 1897 г., число лиц караимского вероисповедания, проживавших в Таврической губернии, составляло 6166 чел. [9, с. 31].

В начале XX в. (в основном, в 1902–1903 гг.) значительные масштабы вновь приобрела крымско-татарская эмиграция из Крыма в Турцию. Всего с территории полуострова выехало около 13 тыс. чел. Последняя эмиграционная волна крымских татар вызвана экономическими причинами, и, в частности, массовым обезземеливанием крымско-татарского населения. Из 600 тыс. десятин казённой земли, находившейся в руках крымских татар-землевладельцев в начале XIX в., к началу XX в. осталось лишь 145 тыс. десятин [2, с. 110–112].

По данным статистики за 1914 г., в Таврической губернии проживали представители 22 национальностей: русские, крымские татары, немцы, греки, армяне, болгары, евреи, караимы, крымчаки, поляки, чехи, молдаване, турки, цыгане, итальянцы, эстонцы и др. Кроме русско-подданных, было много иностранцев — выходцев из Австро-Венгрии, Германии, Италии, Греции, Турции, Персии, Румынии, Франции, Швейцарии и др. Что касается городов Таврической губернии, то в них проживало 159596 мужчин и 137565 женщин, а в селениях — 176622 мужчин и 160970 женщин. Относительно распределения населения по городам показатели были следующими: в Алуште проживало 4196 чел., в Перекопе и Армянске — 5695, в Балаклаве — 4327, в Севастополе — 61324, в Бахчисарае — 16128, в Симферополе — 66452, в Евпатории — 25658, в Старом Крыму — 6049, в Керчи — 3219 в Ялте — 21874, в Карасубазаре — 16323, в Феодосии — 35916 чел. По плотности населения на первом месте находился Ялтинский уезд (91 чел. на 1 кв. версту). За ним следовали: Симферопольский уезд (43 чел. на 1 кв. версту), Феодосийский уезд (29 чел.), Евпаторийский уезд (14 чел.), и замыкал список Перекопский уезд (10 чел. на 1 кв. версту) [2, с. 110–112; 4, с. 284, 285].

Существенные изменения в статусе ряда конфессиональных общностей России произошли в законодательстве в начале 1900-х гг. Так, 12 декабря 1904 г. был опубликован указ Сената «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», в соответствии с которым

необходимо было «подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащий к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего, принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения» [7, с. 1197]. До этого момента в Российской империи, помимо православия, признавались лишь «иностранные исповедания», а русские раскольники и сектанты в большинстве своём имели статус временно «отпавших от православия» и потому подлежали бессрочному «нравственному увещанию». Особому совещанию под руководством председателя Совета министров Российской империи графа С. Ю. Витте было поручено разработать положение «Об укреплении начал веротерпимости», которое законодательно утвердили 17 апреля 1905 г. Этим документом подтверждалось, что не должны были быть подвержены гонениям сектанты различных толков: «присвоить наименование старообрядцев, взамен ныне употребляемого названия раскольники, всем последователям толков и согласий, которые приемлют основные догматы Церкви Православной <...> установить в законе различия между вероучениями, объемлемыми ныне наименованием «раскол», разделив их на три группы: а) старообрядческие согласия; б) сектантство; в) последователи изуверных учений <...> уравнивать в правах старообрядцев и сектантов с лицами инославных исповеданий в отношении заключения ими с православными смешанных браков» [8, с. 257, 258].

Отныне каждый мог открыто исповедовать своё вероучение; всем конфессиям разрешалось беспрепятственно возводить свои молитвенные здания, издавать религиозную литературу, учреждать духовные братства. Тем, кто только числился православным, разрешалось вернуться к вере предков. Было также разрешено преподавание в учебных заведениях Закона Божьего на родном языке учащихся. Первый пункт указа 17 апреля 1905 г. гласил, что «отпадение» из православия в какое-либо иное христианское исповедание или вероучение не должно преследоваться и иметь негативные для прозелита последствия. При этом «отпавший» от православия, по достижении им совершеннолетия, признавался принадлежащим к тому вероисповеданию, которое он сам для себя избрал. До принятия этого указа подобные действия квалифицировались законами Российской империи как уголовно наказуемые деяния.

Несмотря на то, что впоследствии данный закон был подвергнут детальному пересмотру и доработке (в частности, внимание правительственной Комиссии было обращено на положение прочих неправославных религиозных общин, на упрощение порядка образования, регистрации и прекращения деятельности различных вероисповедных обществ и

религиозных общин, на расширение их прав в части отправления культа, религиозной пропаганды, строительства культовых зданий, приобретения имущества, учреждения учебных заведений и кладбищ и т. п.), тем не менее, этот документ стал отправной точкой для изменения правового и социального положения неправославных конфессий в Российской империи [10, с. 207].

Закон 17 апреля 1905 г. также имел важное значение для многоэтнических и поликонфессиональных регионов, например, для таких, как Крым. Тем не менее, случаи перехода из одной конфессии в другую всё же считались исключением. Власти по-прежнему негативно относились к различного рода сектантам. Прежде всего, это касается «субботников», или «иудействующих».

В 1912 г. конфессиональный состав населения в Таврической губернии выглядел следующим образом: лиц православного вероисповедания насчитывалось 1437017 чел., мусульман — 210472 чел., протестантов и лютеран — 90306 чел., евреев — 71035 чел., приверженцев католицизма и армяно-католиков — 36109 чел., караимов — 9567 чел., армяно-григориан — 9556 чел. Раскольников, принадлежавших к различным религиозным течениям, в Таврической губернии насчитывалось 27472 чел. (причём, как сообщалось в официальных статистических отчётах, большинство из них составляли крестьяне, которые «ничем иным, кроме религиозных верований», не отличались от основной массы населения) [5, с. 41; 6, с. 42, 43].

Что касается культовых сооружений, то в 1914 г. в Таврической губернии функционировало: 467 храмов (церквей, монастырей и часовен), относившихся к православному вероисповеданию, 191 храм неправославных течений христианства, 733 мусульманских мечети, 58 еврейских синагог и 8 караимских кенас [5, с. 70, 71].

Таврическая губерния с Крымским полуостровом в составе в конце XIX — начале XX в. являлась многоэтническим и поликонфессиональным регионом. Здесь проживали носители разных религий и представители различных конфессиональных течений. Преобладающими религиями на территории Таврической губернии являлось христианство и его различные течения, а также ислам, раввинистический иудаизм и караимизм. После окончания Крымской войны российские власти предпринимали энергичные меры по восстановлению экономики и инфраструктуры края, заселению его иностранными колонистами и российскими подданными из других регионов империи. В религиозном отношении четверть колонистов, осевших на Крымском полуострове, составляли католики, остальные же принадлежали к различным протестантским вероисповеданиям (лютеране, реформаты, меннониты). В XIX в. конфес-

сиональный состав Крыма пополнился протестантскими общинами Евангельско-лютеранской и Реформаторской церквей. В основном, это были выходцы из Вюртемберга, Бадена, Пруссии, Баварии, Нассау и Швейцарии. Всего в 1912 г. в Таврической губернии проживало: 1437017 православных (734077 мужчин и 702940 женщин), 27472 раскольников и меннонитов (13892 мужчины и 13580 женщин), 36109 римско- и армяно-католиков (18517 мужчин и 17592 женщины), 9556 армяно-григориан (5142 мужчины и 4414 женщины), 90306 протестантов и лютеран (46001 мужчина и 44305 женщин), 74035 евреев-раввинистов вместе с крымчаками (36263 мужчины и 34772 женщины), 9567 караимов (4775 мужчин и 4792 женщины) и 210382 мусульманина (109896 мужчин 100486 женщин) [6, с. 42, 43].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бойко В. В.* Эмиграционные движения крымских татар в Турцию в середине XIX — начале XX века: причины и влияние на социально-экономическое развитие Крыма // Ученые записки Таврического Национального университета им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2009. Т. 21 (60). № 1. Исторические науки. С. 27–34.
2. *Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М.* Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (численность, размещение этнический состав). М., 2003. 159 с.
3. *Летопись.* О количестве населения в Таврической губернии // Салгир. 1897. 18 июня. № 73. С. 1.
4. *Нейеркирхен В. Ф.* Население // Крым. Путеводитель; Под ред. К. Ю. Бумбера, Л. С. Вагина, Н. Н. Клепинина, В. В. Соколова. Изд-ие КОЕиЛП. Симферополь: Тип. Таврич. губ. земства, 1914. С. 284–317.
5. *Обзор о состоянии Таврической губернии за 1914 год.* Симферополь: Таврическая губ. тип., 1915. IV, 149 с.: табл.
6. *Памятная книжка Таврической губернии на 1914 год;* Изд-ие Таврического Губернского Статистического комитета; Под ред. секр. Комитета Н. Г. Часовникова. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1914. VIII, 71, 51, 64. 444, [76].
7. *Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ).* Собр. 3. СПб., 1907. Т. 24, отд. 1. С. 1196–1198.
8. *ПСЗРИ.* Собр. 3. СПб., 1908. Т. 25, отд. I. С. 258–262.
9. *Синани В.* К статистике караимов // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1, июнь. С. 30–37.
10. *Терюкова Е. А.* Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII — начало XX в.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М., 2010. № 4. С. 204–208.

УДК 94(575.4):37

П. Бешеров

г. Санкт-Петербург (Россия)

Санкт-Петербургский гос. ун-т

АСХАБАДСКАЯ МУЖСКАЯ ГИМНАЗИЯ В СИСТЕМЕ УЧИЛИЩ ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье исследованы особенности образовательной системы Закаспийской области на примере Асхабадской мужской гимназии. На основании обработки статистических данных, извлеченных из ежегодных «Обзоров Закаспийской области» (издаваемых с 1896 по 1914 гг.) и других источников определены основные проблемы организации, комплектования и деятельности гимназии, отношение к ней местных жителей, формы и возможности обучения в гимназии, в т. ч. для туземного населения. Прослеживаются изменения этнического состава, количества, сословного происхождения учеников гимназии на протяжении почти двух десятилетий. Основные выводы проиллюстрированы графиками. Дополнительно рассмотрены хозяйственные аспекты существования гимназии, а именно: источники финансирования, статьи расходов, обустройство здания гимназии, содержание пансиона, специальных кабинетов и библиотек. Представлены существовавшие в крае благотворительные общества, которые поддерживали обучавшихся в гимназии. Исследование показало, что гимназия была рассчитана, в основном, на обучение детей пришлого населения, большинство которых составляли дети русских дворян, военных и статских чиновников. При этом ставится под сомнение бытующее в историографии мнение о незаинтересованности местного населения в обучении своих детей в русских школах.

Ключевые слова: Российская империя, Закаспийская область, система образования, национальные окраины, Асхабадская мужская гимназия, учащиеся, организация и финансирование школ.

Проблема организации школьной системы на национальных окраинах Российской империи с мусульманским населением изучена неравномерно. Российская историография рассматривает школу как платформу для культурно-административной унификации территорий с нерусским населением. Однако внутренние территории с преобладающим мусульманским населением (Волго-Уральский регион) изучены в этом смысле гораздо лучше, чем среднеазиатские окраины, ставшие частью империи в последней трети XIX в [2, 3].

В Закаспийской области (далее — ЗО), образованной в 1881 г., светские начальные училища были открыты уже в первые годы после присоединения, сосуществуя с традиционными духовными школами — мектебами и медресе. Политика невмешательства имперского Центра в

существующую систему религиозного образования туркмен сочеталась с активным продвижением светского начального образования в форме русско-туземных школ, работавших по системе Н. И. Ильминского. С увеличением пришлого населения выросло и количество учебных заведений с преподаванием на русском языке, в т. ч. были открыты два специальных средних учебных заведения: школа садоводства, огородничества и шелководства в Кеши (1892) и Асхабадское техническое железнодорожное училище (1895) [4, с. 69–70]. Однако открытых школ было явно недостаточно для обучения того количества русскоязычных детей школьного возраста, которое имелось в 30. Например, в 1891 г. число детей чиновников и переселенцев, учившихся за пределами области составляло 174 [7, с. 370], в 1892 и 1893 гг. — около 200 [8, с. 190]. Они вынуждены были учиться в гимназиях Тифлиса, Баку, Оренбурга и других крупных городов [9, с. 351]. Данная проблема частично была устранена с появлением в области первой прогимназии.

1 июля 1896 г. в Асхабаде, административном центре 30, была учреждена мужская прогимназия по высочайше утвержденному положению от 29 января 1896 г. 10 сентября того же года начались занятия и состоялось торжественное открытие училища в присутствии начальника области А. Н. Куропаткина, почетных лиц города, учителей, учащихся и их родителей. В первый год в два открытых класса прогимназии (приготовительный и первый) из 70 желающих было принято 53 ученика (50 из них — асхабадцы) [6, с. 175]. В 1902 г. прогимназия была преобразована в гимназию, в 1903 г. число классов дошло до 8, не считая подготовительных и параллельных классов.

До второй половины 1897 г. прогимназия не имела собственного здания и арендовала помещение с арендной платой 800 руб. в год. Специальное здание для прогимназии было построено в 1897 г. на средства 30 и военного министерства. Стоимость земельного участка и строительство обошлись в 50000 руб. При строительстве использовался жжёный кирпич, а при определении размеров классных помещений, окон и проч., были приняты специальные рекомендации выдающегося гигиениста проф. Ф. Ф. Эрисмана [10, с. 232]. При здании имелся теплый ватер-клозет, устроенный по системе инженера С. Я. Тимоховича. Помещение хорошо вентилировалось за счет окон с фрамугами (горизонтальная верхняя глухая часть окна), что было важно при жарком климате.

В начальные годы гимназия помещалась в одном здании, но с увеличением численности учеников начала ощущаться теснота ввиду недостаточной площади здания. Классные помещения были малы и в редком из них имелось небольшое пространство, свободное от парт. В гимназии отсутствовал рекреационный зал и, ввиду этого, во время

перемен дети теснились в узком и тесном коридоре (55,83 м длины, 3,56 м ширины, 4,27 м высоты). Также отсутствовала общая раздевалка, из-за чего дети раздевались в двух расположенных на разных сторонах здания комнатах. Ввиду ограниченности помещений из года в год увеличивалось число непринятых в гимназию детей.

При гимназии имелись две библиотеки: фундаментальная и учебная. Первая в конце 1905 г. располагала 1120 названиями книг в 4837 томах на сумму 4141 руб. 20 коп., вторая насчитывала 1248 названий в 1973 томах на сумму 2591 руб. 25 коп. В гимназии имелся хорошо оснащенный физический кабинет, который состоял из 1014 приборов и инструментов на сумму 2965 руб. 45 коп. В кабинете естественных наук насчитывалось 211 экспонатов, из них 47 по зоологии и 164 по ботанике, всего на сумму 712 руб. 90 коп. В 1905 г. было приобретено 84 предмета на сумму 337 руб. 55 коп. Прочих учебных пособий имелось 742 наименования, на сумму 1997 руб. 69 коп. [14, с. 117].

Рядом с прогимназией находилось общежитие для иногородних учеников, которое 1 января 1900 г. было преобразовано в пансион, с ассигнованием на его содержание 3080 руб. из средств Государственного казначейства и 3120 руб. из кредита, отпускаемого в распоряжение Начальника области на воспитание детей военнослужащих [10, с. 248]. Пансион был жизненно необходимым, учитывая отдаленность многих уездов от Асхабада.

Гимназия финансировалась из средств Государственного казначейства, из земских сумм, из сбора с родителей за право учения. Кроме того, с 1897 г. ежегодно в гимназию поступали пожертвования от почетных попечителей. На рис. 1, отражено соотношение получаемых и расходованных гимназией сумм в 1897–1914 гг. Заметим, что не в каждом ежегодном обзоре встречается информация об этом, вследствие чего имеются информационные лакуны относительно финансирования за некоторые годы (рис. 1). Тем не менее, заметна тенденция к увеличению финансирования гимназии, что согласуется с данными о росте штата преподавателей и численности учеников, о чем речь пойдет ниже.

Открытие новых классов и пансиона способствовало увеличению числа учеников гимназии. Динамика количества обучающихся в 1896–1914 гг. представлена на рис. 2.

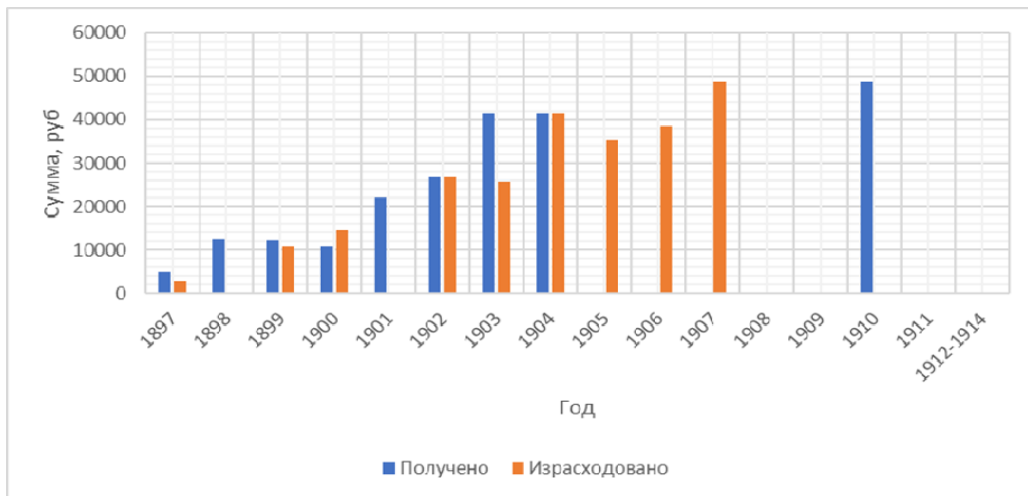

Рис. 1. Полученные и израсходованные средства Асхабадской мужской гимназии

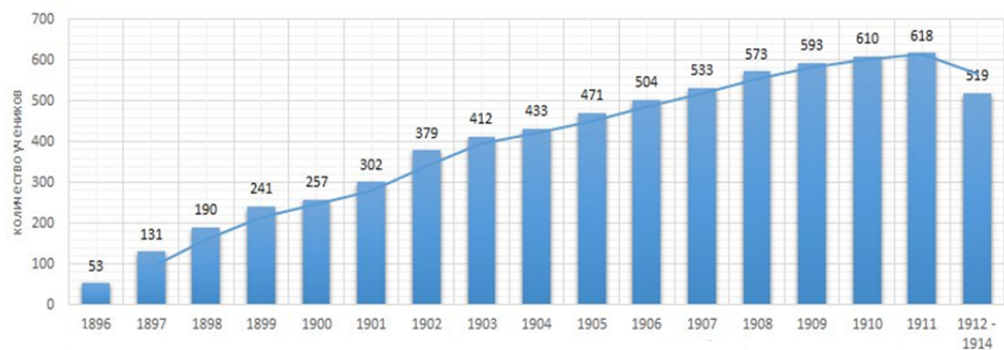

Рис. 2. Количество учеников в Асхабадской мужской гимназии (1896–1914)

Подавляющее большинство учеников гимназии составляли дети пришлого населения: русские, армяне, евреи, а среди прочих — поляки, немцы, грузины и др. (см. рис. 3 и 4). В 1905–1914 гг. в обзорах 30 стали указывать только вероисповедание семей учеников, что отражено на рис. 4. К сожалению, данные о национальном/вероисповедном составе учеников публиковались не в каждом обзоре 30, поэтому нет возможности более точно отразить этот состав со всеми изменениями. Мусульманскую часть учеников гимназии представляли дети татар (кавказ-

ских), персов и туркмен. Отметим, что в этой части большинство составляли не местные (туркмены), а пришлые (татары и персы). В источниках проблема отсутствия или малого количества туркмен среди учеников гимназии комментируется лишь однажды (в обзоре 1909 г.) следующим образом: «Туземец учащийся в гимназии за свой счет — большая редкость, хотя среди них по имущественному положению масса таких, для которых содержание в гимназии детей было бы пустяками, вообще видимо туземец на нашу среднюю школу, боясь ее сложности, трудности, еще пока смотрит косо и не может познать всей ее пользы, хотя как в отношении поступления в гимназию, так и в отношении прохождения туземцами там курса, ведется особая покровительственная система» [16, с. 71].

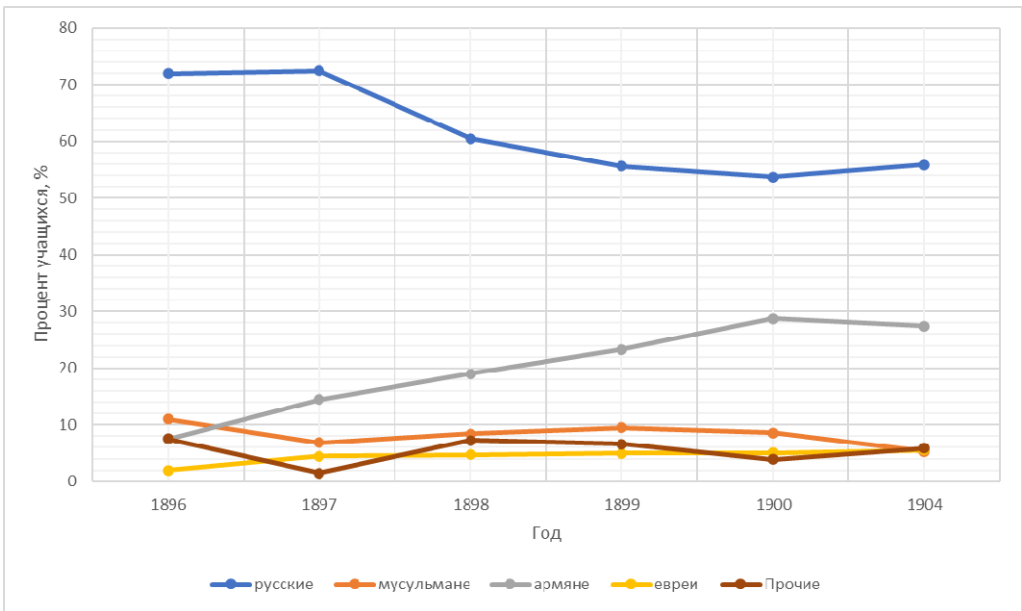

Рис. 3. Процентное соотношение национальных групп учащихся Ашхабадской мужской гимназии (1896–1904)

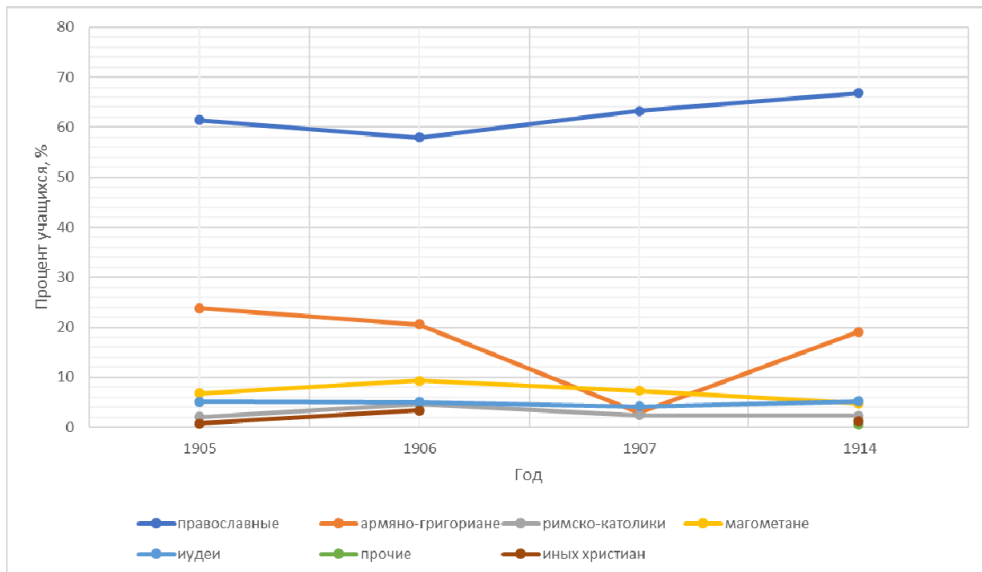

Рис. 4. Вероисповедный состав учащихся Ашхабадской мужской гимназии (1905–1914)

Утверждение о чрезмерной осторожности туркмен не вполне справедливо, если учесть, что жители одного только Отамышского района собрали 6 тыс. руб. на открытие в г. Мерве реального училища; их инициативу поддержали жители других селений Мервского уезда. Активное финансирование местным населением училищ разных уровней — лучшее свидетельство того, что оно было заинтересовано в этом. Однако инициатива жителей в открытии школ, изложенная в письме инспектору училищ Туркестанского края, встретила такой ответ: «Я не допускаю мысли о том, чтобы дети туркмен в настоящее время уже чувствовали такую большую потребность в русском образовании, что уже не могут довольствоваться существующими в области начальными городскими училищами» [1, с. 44].

Как можно наблюдать из рис. 3 и 4, количество мусульман в Ашхабадской гимназии находилось в рамках 10 % от общего числа учеников. Показательно сравнение численности мусульман в школах 30 с другими областями Туркестана. Так, в мужской гимназии г. Новый Маргелан Ферганской области (с 1910 г. — Скобелев) в 1904 г. обучались всего лишь 6 мусульман [18, с. 104], в 1906 г. — 4 [19, с. 101], в 1911 г. — 7 [20, с. 119], в 1913 г. — 7 [21, с. 133]. В Ташкентской мужской гимназии в

1895 г. училось 10 мусульман [17, с. 168], похожая картина наблюдалась в Самаркандской мужской гимназии и Верненской мужской гимназии. Действительно, для детей местного населения в Асхабадской гимназии было выделено 5 земских стипендий, но этого было совершенно недостаточно. Дети туркмен имели больше шансов получить подготовку в специальных училищах на базе общего начального образования: в школе садоводства, огородничества и шелководства в Кеши, в русско-туркменских начальных школах, которые открывались исключительно за счет местного населения. В этих училищах дети туркмен иногда составляли большинство, что доказывает желание местного населения дать своим детям образование в русских училищах.

Показательно сравнение сословного состава учеников еще одного учебного заведения — Закаспийского железнодорожного училища и состава Асхабадской мужской гимназии. В первом учились исключительно дети железнодорожников, тогда как в Асхабадской мужской гимназии подавляющее большинство составляли дети дворян, чиновников, военнослужащих и городского сословия. Возможно, данный факт объясняется предоставленными льготами для командированных в 30 представителей высшего сословия и железнодорожных работников. Учитывая уже упомянутую нехватку мест в гимназии и преобладание детей дворян и чиновников, о сколько-нибудь массовом поступлении в гимназию детей туркмен не могло идти и речи. Детей туркменской военной аристократии отдавали в военно-учебные заведения за пределами 30. Можно заметить, что начиная с 1905 г. дети дворян уже не составляют большинства среди учащихся гимназии, в иные годы количество детей из крестьян, мещан и казаков существенно превышает число учившихся дворянских детей.

Асхабадская мужская гимназия оказывала материальную поддержку наиболее нуждающимся воспитанникам, отличным по своему поведению и успехам. Такая поддержка выражалась, главным образом, в освобождении от платы за обучение. В течение 1906 г. по бедности от платы было освобождено 75 чел., по праву службы родителей и пансионеров — 81 чел., всего — 156 чел. на сумму 3510 руб. [15, с. 91].

В пользу училищ действовали два существовавших в 30 благотворительных общества: Закаспийское благотворительное общество и Общество вспомоществования нуждающимся учащимся. Последнее начало действовать 25 октября 1898 г. в Асхабаде и к 1904 г. численность его членов достигла 130 чел. Неприкосновенный капитал общества составлял 2363 руб. 14 коп., запасной — 2481 руб. 94 коп., специальный — 2023 руб. 73 коп. Общество оказывало помощь 4 асхабадским учебным заведениям (мужская и женская гимназии, мужское и женское городские

училища). В частности, в 1904 г. 24 чел. в мужской гимназии воспользовались помощью общества на сумму 460 руб. 77 коп. [13, с. 178]. В 1906 г. общество оказало помощь бедным ученикам, выдав одежду, обувь, учебные пособия, а также внеся плату за них на сумму 578 руб. 45 коп. Кроме того, в виде возвратной ссуды на оплату учения и учебных пособий было выдан 101 руб. [15, с. 91].

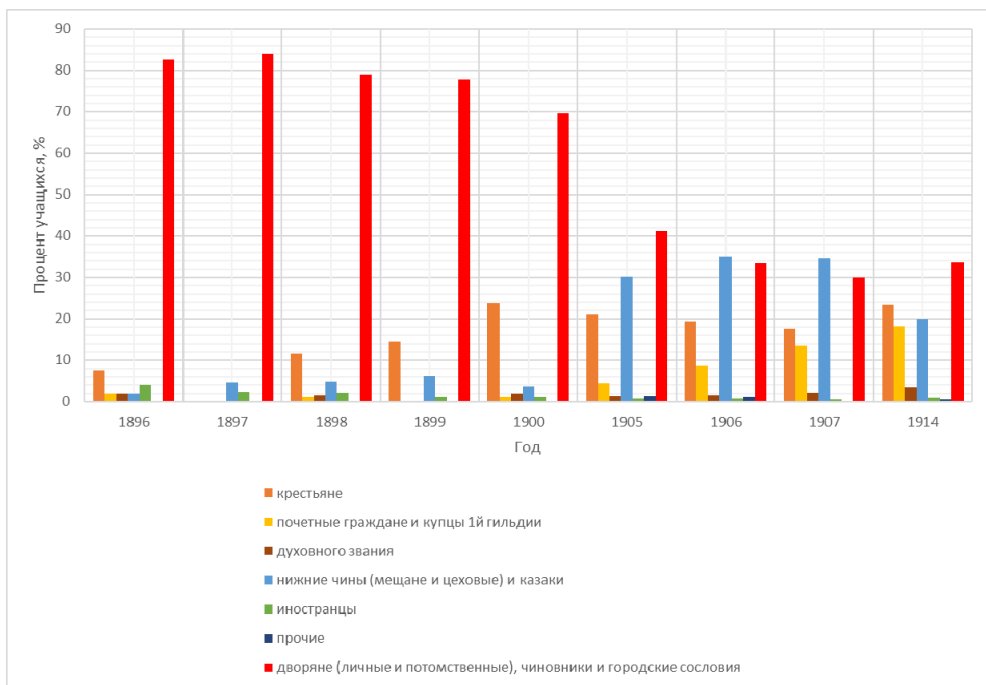

Рис. 5. Сословный состав учеников Асхабадской мужской гимназии

Закаспийское благотворительное общество, в отличие от предыдущего, занималось благотворительностью практически по всей области. Центр этого общества находился в Асхабаде, но имело свои отделы в Краснодарске, Мерве и Кизиль-Арвате. Капитал общества составлялся из членских взносов, пожертвований, доходов с благотворительных спектаклей, из подписок, собираемых перед Пасхой и Рождеством взамен визитов. В сферу деятельности общества попадали детские приюты, выдача пособий на лечение, обучение, на перемещение по морю и железной дороге, покупалась одежда неимущим и пр. [13, с. 178].

Сверх того, из процентов с пожертвованных капиталов имени генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина (9586 руб. 50 коп.) и тайного советника Степанова (2220 руб. 87 коп.) вносилась плата за содержание в пансионе одного воспитанника в размере 320 руб. в год, сумма в 124 руб. 60 коп. вносилась за право учения, на одежду и учебные пособия для двух учеников [15, с. 91].

Учебная программа Асхабадской мужской гимназии состояла из следующих предметов: Закон Божий, история, география, алгебра, геометрия, чистописание, рисование, пение, гимнастика, русский, немецкий, французский, латынь и греческий языки. Успеваемость учеников в целом была неплохой, наиболее успешные удаивались перевода в следующий класс без экзамена, по годовым отметкам. Можно сравнить данные об успеваемости учеников за 1899 и 1905 гг. В 1899 г. из 192 учеников были переведены в следующий класс 147 чел., или 76,6 % [9, с. 337]. В 1904 г. успеваемость учащихся выражалась в следующих цифрах: в подготовительном классе первого отделения из 56 учеников переведено в первый класс 44 (78,5 %), в подготовительном классе второго отделения из 50 переведено 40 (80 %), в первом основном классе из 31 переведено 27 (87 %), в первом параллельном из 32 переведено 22 (68,7 %), во втором основном из 38 переведено 29 (73,9 %), во втором параллельном из 39 переведено 29 (74,3 %), в третьем из 53 переведено 38 (73,5 %), в четвертом из 40 переведено 29 (70,7 %), в пятом из 29 переведено 15 (51,7 %), в шестом из 20 переведено 15 (75 %), в седьмом из 25 переведено 21 (84 %), в восьмом из 18 окончило курс 17 (94,4 %) [15, с. 120.]. Итого, из 432 учеников были переведены на следующие классы и окончили курс 326, что составляет 75,4 %.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на заинтересованность местного населения в обучении детей в русских учебных заведениях, до 1905 г. большинство учеников гимназии составляли дети дворян, чиновников и военнослужащих. Этнических туркмен, которые могли быть записаны в сословие мещан или государственных крестьян и «прочих», в составе учеников гимназии было очень мало. Их точная численность не может быть определена, поскольку дети туркмен не выделялись статистикой среди всех лиц «магометанского исповедания». Для представителей незнатных сословий и малообеспеченных семейств существовала возможность получения стипендий различного рода и помощи от благотворительных обществ области. Вследствие роста популярности гимназического образования в 1910-х гг. в крае остро стояла проблема переполненности гимназии и открытия новых училищ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердыев Т. Б. Очерки по истории школы Туркменской ССР. Ашхабад: Изд-во Акад. наук Туркм. ССР, 1960. 148 с.
2. Котюкова Т. В. Краина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М.: Научно-политическая книга, 2016. 391 с.
3. Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России / Роберт Джераси; авториз. пер. с англ. В. Гончарова. Москва: Новое литературное обозрение, 2013. 546 с.
4. Ходжакулиева Б. А. К вопросу изучения туркмено-российских отношений: первые специальные и средние учебные заведения закаспийской области // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 6. № 7. С. 68–72.
5. Ходжакулиева Б. А. Народное просвещение в Туркменистане в колониальный период (1881–1917 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ашгабат, 1996. 19 с.
6. Обзор Закаспийской области за 1890–1896 гг. Коллектив авторов. Асхабад: Паровая типография К. М. Федорова, 1897. 539 с.
7. Обзор Закаспийской области за 1891 год. Коллектив авторов. Асхабад: Тип. штаба Закаспийской области, 1893. 383 с.
8. Обзор Закаспийской области за 1892 год. Коллектив авторов. Асхабад: Тип. штаба Закаспийской области, 1893. 206 с.
9. Обзор Закаспийской области за 1893 год. Коллектив авторов. Асхабад: «Русская типография» К. М. Федорова, 1895. 378 с.
10. Обзор Закаспийской области за 1897 год. Коллектив авторов. Асхабад: Тип. штаба Закаспийской области, 1898. 245 с.
11. Обзор Закаспийской области за 1899 год. Коллектив авторов. Асхабад: Тип. штаба 2-го Туркестанского армейского корпуса, 1900. 349 с.
12. Обзор Закаспийской области за 1900 год. Коллектив авторов. Асхабад: Паровая тип. газеты «Асхабад», 1902. 270 с.
13. Обзор Закаспийской области за 1904 год. Коллектив авторов. Асхабад: Паровая тип. газеты «Асхабад», 1905. 125 с.
14. Обзор Закаспийской области за 1905 год. Коллектив авторов. Асхабад: Паровая тип. газеты «Асхабад», 1907. 216 с.
15. Обзор Закаспийской области за 1906 год. Коллектив авторов. Асхабад: Тип. штаба 2-го Туркестанского армейского корпуса, 1907. 202 с.
16. Обзор Закаспийской области за 1909 год. Коллектив авторов. Асхабад: Паровая типография газеты «Асхабад», 1911. 144 с.
17. Обзор Сыр-Дарьинской области за 1895 год. Коллектив авторов. Ташкент: Тип. торг. дома «Ф. и Г. Бр. Каменские», 1897. 199 с.
18. Обзор Ферганской области за 1904 год. Коллектив авторов. Новый Маргелан: Тип. Ферганского областного правления, 1905. 106 с.
19. Обзор Ферганской области за 1906 год. Коллектив авторов. Скобелев: Тип. Ферганского областного правления, 1908. 101 с.
20. Обзор Ферганской области за 1911 год. Коллектив авторов. Скобелев: Электро-тип. Ферганского областного правления, 1914. 124 с.
21. Обзор Ферганской области за 1913 год. Коллектив авторов. Скобелев: Тип. Ферганского областного правления, 1916. 140 с.

УДК 930(470.4/5)

Р. Р. Жилкибаева

г. Елабуга (Россия)

Елабужский ин-т Казанского (Приволжского) фед. ун-та

МАТЕРИАЛЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ О СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАТУСЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО УЧИТЕЛЬСТВА (НА ПРИМЕРЕ КАЗАНСКОЙ И ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

В статье рассматривается современная историография проблемы социально-профессионального статуса учителей Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. Современная историография предлагает новые методологические подходы к изучению проблемы социально-профессионального статуса дореволюционного учительства, привлекая целый корпус неопубликованных источников, что позволяет рассматривать проблему с различных точек зрения, в т. ч. с применением междисциплинарного подхода. В основе исследований современных авторов — повседневность дореволюционного учительства, активизация политической деятельности учителей, социально-правовой статус и другие вопросы. Упор сделан на учителей Казанской и Вятской губерний, однако рассматриваются и общероссийские аспекты проблемы. В ходе историографического анализа автор приходит к выводу, что не все аспекты жизни дореволюционного учительства позволяет рассматривать современная историография, в связи с чем проблема социально-профессионального статуса учителей Российской империи остается малоизученной.

Ключевые слова: учительство, Российская империя, повседневность, социально-профессиональный статус, историография.

Постсоветская историография, в основе которой лежат новые методологические подходы, рассматривает различные аспекты жизни российского дореволюционного учительства, например, условия повседневности, активизацию политической деятельности учителей, их социально-правовой статус. Ценность литературы последних трех десятилетий обусловлена тем, что в научный оборот вводятся новые неопубликованные источники, выявляются новые методологические основы изучения учительства, что позволяет наиболее объективно подойти к формированию представления о социально-профессиональном статусе учительства Российской империи.

В исследованиях последних трех десятилетий часто рассматриваются проблемы положения учителя в дореволюционной России. Данное явление вполне закономерно, поскольку именно в это время Россия вступила в полосу модернизации системы образования, что несомненно оказало огромное влияние и на положение учителя. Изучение опыта

прошлого и современного состояния народного образования помогает создать новую, возможно более качественную стратегию развития данного направления на современном этапе, поскольку на сегодняшний день, по нашему мнению, наблюдается серьезный спад социально-профессионального статуса и престижа учителей.

В современной российской историографии вопросы, связанные с народным образованием и положением учителя, освещены достаточно широко. Вопросами влияния земств на развитие народного просвещения, открытия школьных библиотек, совершенствования педагогического образования занимаются А. Л. Михащенко, М. С. Низамова [19; 20]. В статье газеты «Кировская правда» о новой учительской должности приведены сведения об участии земств в деле поддержки системы народного образования [21].

В последние десятилетия проводились исследования по вопросам развития педобразования, анализу деятельности учебных заведений. Особый пласт среди них составляют работы, рассматривающие епархиальные учебные заведения. Монография И. В. Масловой посвящена Елабужскому епархиальному женскому училищу, истории его возникновения и развития [16]. В статье У. П. Ефремовой и М. В. Попова исследуется деятельность епархиального женского училища Екатеринбурга по подготовке будущих учительниц [10]. М. Н. Паравина в своей статье выявила принципы подбора педагогических кадров в гимназиях Казанской губернии в дореволюционный период [22]. В работе Л. Н. Тохтиевой изучены учебные заведения, в которых могли получить педагогическое образование будущие учителя Чувашского края [27]. Е. В. Протасова рассмотрела формирование и развитие систем педагогического образования на Урале в конце XVIII — начале XX в. Автор отметила, что школьная система Урала нуждалась в большом количестве учителей [23]. Такая картина была типичной для Российской империи в целом и для изучаемых нами губерний, что подтверждается источниками.

Культурно-просветительской деятельности учителей Тульской губернии в конце XIX — начале XX в. посвящена статья Ю. В. Антоновой. Автор приходит к выводу, что именно учительская интеллигенция внедряла в повседневность провинции новые элементы культурной жизни: лекции, экскурсии, театральные постановки и т. д. [1].

Примечательно диссертационное исследование О. М. Казаковой, посвященное провинциальному учительству в XIX — начале XX в. (на материалах Вятской губернии). В своей работе автор исследует развитие системы образования в Вятской губернии, дает характеристику профессиональной деятельности учительства, а также освещает повседневную жизнь вятского учительства [11]. Важную роль в формировании про-

винциального учительства Вятской губернии О. М. Казакова возлагает на сильные крестьянские традиции, которые оказывали влияние в т. ч. и на формирование особого жизненного стиля учительства. В отличие от О. М. Казаковой мы считаем важными в формировании учительства и его менталитета общероссийские тенденции, связанные с общественными изменениями и трансформацией ценностей, а также активное взаимодействие учителей с вятскими ссыльными.

М. В. Егорова написала две диссертации, посвященные системе частного и среднего образования на Урале. Автор отмечает, что развитие образования в столичных и провинциальных городах сильно отличалось и они порой выполняли разные функции. Работа М. В. Егоровой интересна для нас тем, что в рамках изучения системы частного и среднего образования на Урале особое место уделяется педагогам и учащимся. Результаты работы автора согласуются с нашими выводами о том, что в начале XIX в. в средней школе отсутствовали учителя, обладающие достаточными знаниями и умениями [8; 9].

Ценные для нас выводы обозначены в диссертации Д. А. Громовой, которая исследовала социальный статус учительниц Российской империи на материалах Таврической губернии в конце XIX — начале XX в. Автор отмечает, что «женщинам не предоставляли возможность получить специальное педагогическое образование, и кадровая политика учебного начальства относительно семейных учительниц нередко приводила к уходу из профессии» [7]. Это во многом согласуется с нашими выводами о том, что семейных учительниц по инициативе инспектора народных училищ увольняли. В отношении педагогического образования в Вятской и Казанской губерниях складывалась несколько иная ситуация: там существовали специальные педагогические учебные заведения. К ним относились Казанская земская учительская школа для образования народных учительниц, Епархиальные женские училища в Вятке и Елабуге (хотя епархиальные училища и не являлись специально-педагогическими учебными заведениями, тем не менее, там готовили и учительниц).

Особый интерес для нас представляют исследования, посвященные становлению и развитию народного образования в Российской империи. В работе И. Е. Крапоткиной показаны становление и функционирование Казанского учебного округа и развитие народного образования в окружных губерниях, в т. ч. и взаимодействие центральных и местных органов по вопросам образования [14]. Опыт взаимодействия центральных и местных органов власти в сфере образования также описан в работе М. В. Егоровой [8].

О сложностях внедрения школьного обучения в крестьянскую среду, несмотря на активную деятельность земств в данном направлении,

отмечается в статьях А. П. Романова [25; 26]. Автор указывает, что крестьяне имели укоренившийся традиционный взгляд на образование своих детей: «Удостоверившись в том, что ребенок научился читать-писать, родители часто тут же забирали его из школы» [25, с. 38]. Выводы А. П. Романова соотносятся с результатами исследования Л. В. Кошман, которая показала взгляд простого населения на образование и образованность. В частности, как отмечает автор, в 50-е гг. XIX в. крестьяне неохотно отдавали детей в школу, считая «грамоту совершенно лишней для мужика» [13, с. 247]. Впоследствии такое положение дел приводило к тому, что ученики, не прошедшие полное обучение, быстро забывали изученное, и для них земствам приходилось организовывать дополнительные повторительные курсы. Как отмечал корреспондент журнала «Народное образование», смысла в таких курсах не видели даже сами учителя, поскольку туда приходили люди разного возраста «с целью освежить в памяти» то, что они когда-то изучали, однако на деле «для тех, кто их посещал, это был только хлебный вопрос, только желание получить документ об образовании, а не желание принести пользу» [24, с. 85].

Тем не менее в пореформенный период число желающих отдать своих детей в школы заметно увеличилось, что связано с либеральными преобразованиями Александра II. В дальнейшем, в эпоху модернизации Александра III, это число вновь снизилось в связи с реакционной политикой государя.

Раскрыть истоки сложных взаимоотношений учителей с духовенством позволяет работа А. Г. Фот, в которой дана оценка положения духовенства и причины изменения общественного отношения к нему [28].

В отдельных работах освещается попечение делами народного образования представителями предпринимательства и купечества. Известными фамилиями в Вятской и Казанской губерниях являлись Стахеевы и Алафузовы, привнесившие положительные изменения в систему народного образования в губерниях. Серьезный интерес для нашей работы представляет труд И. В. Масловой, посвященный менталитету купечества уездных городов Вятской губернии в XIX — начала XX в. [15]. В данной работе кроме развития собственно купечества рассматривается благотворительная деятельность купечества, направленная, в т. ч., на поддержку развития народного образования.

Примечательна работа Е. В. Банниковой, в которой освещается повседневная жизнь уральского купечества. В работе показаны особенности провинциальной среды и рассмотрены научные подходы к изучению повседневности [4]. В коллективной монографии Л. Р. Габдрафиковой, Б. И. Измайлова, Р. Р. Салихова рассматривается становление и развитие фабрик и заводов Алафузова. Особый интерес представляют сведения, содержащие

положительное влияние Алафузовых на становление и развитие образования [5]. У Л. Р. Габдрафиковой и Р. Р. Салихова также имеется статья, посвященная культурно-просветительской деятельности Алафузовых, одним из видов которой являлась забота о развитии просвещения [6].

Представляется интересным процесс активизации политической деятельности провинциального учительства. Период кануна и начального этапа революции, по мнению Н. В. Бандуры, можно считать наивысшим подъемом в активизации политического движения российских учителей [3, с. 65]. Хотя в 1906–1907 гг., как отмечает сам же Н. В. Бандура, наблюдалась политическая пассивность учителей [2, с. 7]. Вопросами политизации учительства и их участия в революционном движении также занимаются А. В. Медведев и А. А. Слепченкова [18].

Кроме того, имеются работы, посвященные делу вспомоществования нуждающимся учителям, анализу форм деятельности в данном направлении. Попытки поддержки нуждающихся учителей осуществлялись со стороны государства, земств и частных лиц, однако данная поддержка, по мнению И. Л. Хохловой, носила нерегулярный характер [29, с. 80]. Действительно, такая поддержка была нерегулярной, единовременные пособия выдавались нечасто и не могли коренным образом улучшить положение нуждающихся учителей.

Ряд работ посвящен повышению квалификации учителей как возможности профессионального объединения учительства. Л. Г. Корзунова отмечает, что в дореволюционный период отсутствовали специализированные учреждения, занимавшиеся повышением квалификации учительства [12, с. 94]. Однако проводились педагогические курсы и съезды, в которых учителя охотно принимали участие. А. А. Маткин рассматривал педагогические курсы как универсальное средство для подготовки учителей в начальные школы [17]. В изучаемый период возрастает интерес учителей и земств к проводимым курсам, на которых обсуждались вопросы повышения эффективности учебно-воспитательного процесса.

Таким образом, в постсоветское время учеными был открыт целый пласт ранее не исследованных проблем. Анализ постсоветской научной литературы показывает, что исследователями накоплен фактический материал об истории российского учительства, сделаны определённые выводы об отдельных сторонах профессиональной деятельности и социального положения учителей, рассмотрены вопросы участия учителей в общественной и культурной жизни страны. Исследования носят локальный, региональный характер, предметом исследования становятся правовой статус учителя, повседневная жизнь и другие аспекты жизни и профессиональной деятельности российского учительства.

Историографическое исследование заявленной научной проблемы показывает, что она нуждается в системном и комплексном изучении и на региональном, и на общероссийском уровнях. Указанная литература позволила обобщить знания, накопленные об учительстве Российской империи, определить степень изученности проблемы. Заявленная в разработку научная проблема рассматривалась представителями разных социально-гуманитарных дисциплин, изучались разные аспекты жизни учителей, написаны специальные работы, дающие представление об учительской жизни и труде, однако в контексте определения места профессии учителя в социальной структуре российского общества данная тема не рассматривалась. Это свидетельствует о том, что заявленная нами научная проблема является малоизученной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова Ю. В. культурно-просветительская деятельность учительства Тульской губернии в конце XIX — начале XX века // Научные ведомости. № 15 (236). 2016. С. 125–130.
2. Бандура Н. В. Народные учителя Вятской губернии в 1906–1907 гг.: причины политической пассивности // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность. Глазов, 2001. С. 6–8.
3. Бандура Н. В. Факторы политизации сознания учителей в начале XX в. // Актуальные проблемы истории. Киров: Изд-во ВГПУ, 2000. С. 64–67.
4. Банникова Е. В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб.: Полторацк, 2014. 440 с.
5. Габдрафикова Л. Р., Измайлов Б. И., Салихов Р. Р. Фирма Алафузова (вторая половина XIX — начало XX века): промышленная история России. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 276 с.
6. Габдрафикова Л. Р., Салихов Р. Р. Культурно-просветительская деятельность Алафузовых в Казани (вторая половина XIX — начало XX века) // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 3. С. 108–114.
7. Громова Д. А. Социальный статус учителей-женщин народных училищ в России в конце XIX — начале XX вв. (по материалам Таврической губернии): дис. ... канд. ист. наук. М., 2016.
8. Егорова М. В. Развитие системы среднего образования на Урале (1808 — февраль 1917 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009.
9. Егорова М. В. Развитие системы частного образования на Урале: 1861 — февраль 1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
10. Ефремова У. П., Попов М. В. Епархиальное женское училище и подготовка учительских кадров в Екатеринбурге (1880–1920-е гг.) // Педагогическое образование в России. 2012. № 6. С. 13–18.
11. Казакова О. М. Провинциальное учительство в XIX — начале XX века (на материалах Вятской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2009.

12. Корзунова Л. Г. О становлении системы повышения квалификации профессионально-педагогических кадров в России // Вестн. ЧГПУ. 2010. № 11. С. 94–101.
13. Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России в XIX столетии. М.: Российская политическая энциклопедия. 2008. 448 с.
14. Крапоткина И. Е. Казанский учебный округ в конце XIX — начале XX века. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 114.
15. Маслова И. В. Менталитет купечества уездных городов Вятской губернии XIX — начала XX в. М.: Флинта: Наука, 2010. 352 с.
16. Маслова И. В. Стахеевское епархиальное женское училище. Ульяновск, 2018. 96 с.
17. Маткин А. А. Педагогические курсы как этап становления системы педагогического образования в Пермской губернии в 1865–1917 гг. // Пермский педагогический журнал. 2016. № 8. С. 4–10.
18. Медведев А. В., Слепченкова А. А. Нижегородские учителя в революционном движении начала XX века (1900–1907 гг.) // Вестн. Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 1. С. 300–307.
19. Михашенко А. Л. Деятельность Шадринского земства в области народного образования как уникальное явление российского самоуправления // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2003. № 4. С. 193–198;
20. Низамова М. С. Деятельность земств Поволжья и Урала по подготовке и повышению квалификации учителей (1864–1917 гг.) // Вестн. Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. 2008. № 3 (22). С. 137–139.
21. Новая учительская должность // Кировская правда. 1995. № 56. 11 мая. С. 2.
22. Паравина М. Н. Подбор педагогических кадров в гимназиях Казанской губернии в дореволюционный период // Дискуссия. 2016. №5 (68). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/podbor-pedagogicheskikh-kadrov-v-gimnaziyah-kazanskoj-gubernii-v-dorevoljucionnyj-period> (дата обращения: 10.12.2017).
23. Протасова Е. В. Подготовка учителей на Урале в конце XVIII — начале XX века // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 206–209.
24. Радости и невзгоды школьного учителя // Народное образование. Кн. VII. СПб.: Синодальная тип., 1896. С. 85.
25. Романов А. П. Либеральные деятели народного образования и проблемы организации земской школы (конец XIX — начало XX в.) // Вестник ЧелГУ. 2001. №1. С. 56–64.
26. Романов А. П. Либеральные идеи и крестьянский традиционализм. Проблемы адаптации земской начальной школы в русской деревне // Вестник ЧелГУ. 2007. № 18 (96). С. 31–43.
27. Тохтиева Л. Н. Подготовка и повышение квалификации учителей Чувашского края в конце XIX — начале XX веков // Вестн. Чуваш. ун-та. 2011. № 1. С. 120–124.
28. Фот А. Г. Повседневная жизнь православного приходского духовенства Оренбургской епархии во второй половине XIX — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2017.
29. Хохлова И. Л. Общественная и частная инициатива в деле вспомоществования нуждающимся учителям Российской империи второй половины XIX — начала XX века // Вестн. СамГУ. 2011. № 4 (85). С. 79–82.

УДК 94(470.4/5)“1867/1890”

М. Л. Шмыкова

г. Ижевск (Россия)

Удмуртский гос. ун-т

ПОЧТОВЫЕ И ЗЕМСКИЕ СТАНЦИИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРИИ: К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЗЕМСТВАМИ ИНФРАСТРУКТУРЫ СВЯЗИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

После введения в 1867 г. в Вятской губернии земских учреждений им было передано выполнение дорожной и подводной повинностей, выполнявшихся ранее местным крестьянством. Отсутствие государственной почты в сельской местности сковывало работу земских организаций и приводило к росту подводной повинности, ложившейся тяжёлым бременем на ограниченные земские бюджеты. Выходом из сложившейся ситуации стало создание в 1867–1869 гг. земской почты во всех 11 уездах Вятской губернии. Земская почта перевозилась на лошадях, которые менялись на земских станциях. Земские управы открывали новые земские станции в тех местах, где проходила земская почта, отдавали станции с торгов содержателям и контролировали их работу. В пореформенное время актуальным был также вопрос передачи земствам почтовых станций и объединения последних с земскими станциями там, где это было возможно. Содержание Вятским губернским земством в 1884–1890 гг. за счёт пособий из казны почтовых станций обернулось неудачей. Прибыль оказалась низкой, а требования, предъявляемые почтовым начальством к земствам, высокими.

Ключевые слова: почтовые станции, земские станции, подводная повинность, государственная почта, земская почта, земское собрание, земская управа.

Исправная работа почты в XIX в. зависела от уровня развития инфраструктуры — состояния путей сообщения, почтовых станций, осуществлявших доставку корреспонденции и перевозку пассажиров в общегосударственном масштабе, и земских станций, выполнявших те же функции в пределах уездов. В пореформенный период в Вятской губернии из 3900 верст дорог 1745 верст приходилось на почтовые тракты, остальные составляли торговые и просёлочные дороги [13, с. 9]. Железнодорожный транспорт в крае отсутствовал. Первая железная дорога в Вятской губернии была пущена в эксплуатацию только в 1899 г. Качественные характеристики грунтовых дорог изучены В. А. Коршунковым [9]. Плохое состояние трактов, мостов и переправ приводило к задержкам почты в пути. Меньшее внимание в исторической литературе уделено почтовым и земским станциям Вятской губернии. В частности, неисследованной остается деятельность земских учреждений в области содержания почтовых и земских станций и развития связи в сельской местности.

В первой половине XIX в. в Российской империи почтовая деятельность являлась монопольным правом государства, под начальством которого функционировали почтовые станции. Почтовые станции различались между собой по способу содержания. Ряд станций содержался по торговой системе, согласно которой правительство вызывало на торги желающих взять на себя подряд на определенный срок. На торгах выигрывал тот, кто соглашался на меньшую плату от государства за содержание лошадей. С конца 1840-х гг. получила распространение оценочная система содержания станций. Её суть заключалась в том, что государство само назначало плату за содержание почтовых станций (лошадей, зданий и оплату труда смотрителей), предварительно оценив их доходность, и само выбирало почтосодержателей сроком на 12 лет, а с 1860 г. — на 6 лет. Расходы на транспортировку корреспонденции (прогоны) также компенсировались из казны [10, с. 24–26, 28]. Источником финансирования почтовых станций и почтовых лошадей являлись общие денежные земские повинности.

В 1831 г. были учреждены «вольные почты». Содержателями станций по системе «вольных почт» могли быть представители всех сословий, включая крепостных крестьян. В целях ликвидации конкуренции в тех местах, где станции работали по системе «вольных почт», был запрещён частный извоз. Государству было выгодно сдавать станции по этой системе, поскольку они требовали меньше расходов, однако желающих взять станции было немного [10, с. 26–28]. Например, в конце 1860-х — 1880-е гг. в Вятской губернии было 85 почтовых станций, из которых 69 финансировались по казенной системе, а оставшиеся 16 находились на Сибирском тракте и содержались по системе «вольных почт» [14, с. 149].

На некоторых почтовых станциях были разрешены прием и выдача корреспонденции. По данным на 1870 г. всего на 17 почтовых станциях Вятской губернии осуществлялось производство почтовых операций, остальные предоставляли только транспортные услуги. При этом 6 из указанных 17 почтовых станций, где происходил обмен корреспонденцией, находились в Малмыжском уезде на Сибирском почтовом тракте, пересекавшем уезд по диагонали с юго-запада на северо-восток [11, отд. III, с. 74]. Таким образом, значительная часть населения уездов, проживавшая вдалеке от почтовых трактов, не могла получить доступ к услугам, предоставляемым государственной почтой.

В дореформенное время одной из наиболее обременительных для крестьян была подводная повинность. Способ её отбывания был смешанным: натурой и наймом. Натуральной подводная повинность была при перевозке войск, доставке рекрутов и арестантов. За счет денежных

земских повинностей содержались лошади и подводы при земских судах для поездок чиновников и отправления рассыльных с земской (сельской) почтой, которая была создана в 1837 г. в сельской местности для доставки корреспонденции из уездных земских судов и исправников становым приставам. Редко этой почтой пользовались и частные лица. В 1862 г. земская почта была передана в ведение полицейских управлений. По данным Вятского губернского земства в 1867 г. для разъездов чинов уездных полицейских управлений, судебных следователей и становых приставов на 412 земских станциях находилось 1473 пары лошадей. Отбывание подводной повинности обходилось крестьянству в 240 тыс. руб. в год [13, с. 1].

Реформы 1860-х — 1870-х гг. оказали существенное влияние на развитие связи в сельской местности. Активная деятельность земств, созданных по «Положению о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г., мировых посредников и мировых судей была невозможна без создания земской почты. К тому же в ведение новых органов местного самоуправления переходила транспортная инфраструктура. Дорожная и подводная повинности были отнесены к обязательным расходам земств. Земские учреждения в Вятской губернии появились в 1867 г. В декабре того же года Вятское губернское земское собрание, опираясь на решения уездных собраний, перевело подводную повинность в денежную форму. Выполнение подводной повинности возлагалось на уездные земства. По подсчетам А. М. Субботиной в 1868 г. обязательные расходы губернского и уездных земств Вятской губернии составляли 61 % бюджета. Основная их часть приходилась на дорожную и подводную повинности [15, с. 96]. В 1868 г. лидерами по ассигнованиям на подводную повинность стали земства наиболее крупных по площади уездов — Глазовское (35000 руб.), Сарапульское (31145 руб.), Малмыжское (28321 руб.) и Слободское (24957 руб.) [13, с. 8]. Расходы на подводную повинность в этих земских организациях составили 45 %, 31 %, 47 % и 43 % бюджета соответственно. В 1870-е гг. в результате роста доходной части земских бюджетов доля расходов на подводную повинность сокращалась. Кроме того, земства нашли возможность сэкономить на подводной повинности.

С одной стороны, органы местного самоуправления были заинтересованы в снижении затрат на содержание земских лошадей за счет сокращения посылки нарочных, а с другой, — стремились «преодолеть затруднения в сношениях с находящимися в уезде учреждениями и должностными лицами» [6, с. 26]. В 1867 г. Малмыжская земская управа докладывала земскому собранию, что «в доставлении большей части своих бумаг всегда встречали затруднения, т. к. в волости, расположен-

ные не на почтовых трактах, а таких в уезде находится 15, приходится при каждой надобности посылать нарочных... едва за каждой бумагой», что «служит поводом содержанию большого числа лошадей..., увеличивая тяжесть налога по отбыванию подводной повинности населением» [16. Ф. 616. Оп. 1. Д. 353. Л. 1–1об]. Для решения перечисленных проблем в 1867–1869 гг. во всех 11 уездах Вятской губернии была открыта земская почта, действовавшая только в пределах уездов. Корреспонденция, принятая в управах и волостных правлениях, перевозилась на лошадях, содержащихся на земских станциях.

Регулярный почтовый обмен способствовал сокращению нарочных. Например, осенью 1871 г. глазовский уездный исправник писал вятскому губернатору о необходимости отправки почты из Глазова в уезд не один, а два раза в неделю. В противном случае корреспонденция доходила до адресатов в течение двух недель, а сроки выполнения распоряжений, адресованных становым приставам и волостным правлениям, не превышали недели. В ответ Глазовское земское собрание постановило посылать почту из уездного центра дважды в неделю [16. Ф. 582. Оп. 108. Д. 170. Л. 111–113об, 130–130об]. Через год Глазовская уездная земская управа докладывала, что с августа 1871 по август 1872 г. из 36394 лошадей, взятых на 58 земских станциях уезда, 8000 лошадей, т. е. 22 %, были предназначены рассылным сельской почты. Разгон нарочных от полицейского управления и становых приставов уменьшился за отчетный год на 30 % [5, с. 221–222]. Попытки сократить маршруты земской почты или количество её отправок приводили к росту числа посыльных и расходов на подводную повинность. Неурожаи 1876–1877 гг. стали сложным испытанием для вятских земств. Уржумское земство было вынуждено экономить средства. В январе 1878 г. экстренное земское собрание постановило отправлять почту в уезд не два, а один раз в неделю. После этого к частой посылке нарочных стали прибегать не только полицейские чины и судебные следователи, но и сама управа, «особенно по делам продовольствия, требующим неотложных распоряжений», поэтому нововведение просуществовало только до августа 1878 г. и было отменено [7, с. 30–32].

По местоположению земские и почтовые станции не совпадали. Уездные земства открывали станции в тех местах, где проходила земская почта, в зависимости от потребностей меняли количество лошадей на станциях, переносили станции из одного населенного пункта в другой при изменении местонахождения волостного правления. Земские управы отдавали земские станции держателям с торгов сроком на три года. Торги проводились в земской управе и волостных правлениях, которые через объявления извещали крестьян об их начале и условиях

сдачи станций. Участники торгов предоставляли денежные залоги и поручительства волостных правлений. После проведения торгов управы могли не утвердить результаты из-за завышенных цен на содержание земских станций, предлагавшихся претендентами. Земства были заинтересованы в передаче земских станций напрямую местным жителям-крестьянам, лично отправлявшим земскую гоньбу, а не подрядчикам. Земские управы заключали с держателями земских станций типовые контракты. Члены земских управ контролировали деятельность смотрителей земских станций и пресекали их нарушения. Земским почталонам выдавались одно и пароконные подводы на земских станциях по печатным билетам земской управы без уплаты прогонов. В Глазовском уезде в правилах сдачи земских станций указывалось, что в случае отсутствия экипажа при прибытии земской почты на станцию держатель станции должен был нанять свободных лошадей за свой счет [17. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1346. Л. 42]. В правилах работы уржумской сельской почты оговаривалось, что держатели земских станций вместе с почталонами должны были отправлять благонадежных ямщиков не моложе 20 лет, для того, чтобы они в случае необходимости могли охранять земскую почту.

В середине 1860-х — 1870-е гг. правительственными кругами рассматривался вопрос о передаче на содержание земству почтовых станций. Дороговизна содержания почтовых станций побуждала государство искать способы сокращения расходов по их содержанию, приблизить почтовые станции к самофинансированию [2, с. 684; 12, с. 401]. В 1865–1866 гг. Новгородское, Херсонское и Саратовское губернские собрания ходатайствовали о передаче в их ведение почтовых станций за доплату от казны. Содержать станции земства могли сами или по контрактам наемными лицами. В мае 1867 г. Вятская уездная управа поставила на рассмотрение Вятского губернского земского собрания вопрос о передаче почтовых станций земству. Однако собрание отказалось принимать почтовые станции из-за низкой оплаты со стороны государства и нежелания обременять себя дополнительными обязанностями в первые годы работы [13, с. 40].

В 1877 г. правительство, руководствуясь инициативой Екатеринославского губернского земского собрания, предприняло попытку создания государственной сельской почты путем объединения государственной и земской почты, причем последняя должна была превратиться в отделение общей государственной почты. 7 апреля 1877 г. губернаторам был разослан циркуляр министра внутренних дел А. Е. Тимашева. В приложении к циркуляру содержалась записка «О развитии почтовых сношений путем открытия на проселочных дорогах государственных поч-

товых учреждений и движения по государственной почте корреспонденции всякого рода», разработанная Почтовым департаментом Министерства внутренних дел.

Основная часть записки состояла из двух положений: по передаче почтовых станций губернии на содержание местному земству, и условиям, на которых могут быть открыты «на проселочных дорогах почтовые учреждения с приемом и выдачей корреспонденции всякого рода и производиться перевозка почты». Срок передачи станций земству колебался от 6 до 10 лет. Если станции содержались по нормальным кондициям, казна доплачивала земству 3 коп. за версту и 4 коп., если станции сдавались по системе вольных почт. Земство могло самостоятельно содержать станции, либо передавать их гонимикам при условии предварительного представления проектов контрактов на рассмотрение губернатора. Выбор гонимиков и их замена производились без участия губернатора и губернского почтового начальства. Земские организации не имели права без предварительного совещания с губернским начальством менять комплекты лошадей на станциях, вводить новые тракты и др. На земствах лежала ответственность за сохранность корреспонденции при перевозке почт и эстафет, разрешалось налагать штрафы за беспорядки на станциях и потерю корреспонденции.

На открытие одного почтового пункта земство должно было выделить 75 руб. на покупку делопроизводственных принадлежностей и мебели, 120 руб. на канцелярские и упаковочные материалы на три ближайших года, а также содержать помещение с отоплением и освещением для приема и выдачи почты, проживания станционного смотрителя и почтальона. Перевозка почт между почтовыми пунктами, расположенными на проселочных дорогах, и ближайшими почтовыми учреждениями, находящимися на почтовых трактах, должна была производиться без доплаты со стороны почтового ведомства. Оно оставляло за собой право назначения станционного смотрителя и почтальона и выплаты им жалованья, а также принимало на себя ответственность за утрату заказной корреспонденции, передаваемой через почтовые учреждения, находящиеся на проселочных дорогах. Правительство соглашалось возмещать расходы на канцелярские и упаковочные принадлежности и содержание помещения только если по истечении трех лет доходы от почтовых учреждений на проселочных дорогах будут превосходить затраты на их содержание. В том случае, если доход почтового учреждения будет превышать расходы на него в 2,5 раза, правительство гарантировало создание вместо станции почтового отделения [1, с. 345–349].

Почтовый департамент не просил решать оба вопроса одновременно, так как открытие новых почтовых учреждений могло состояться

в любое время после подачи земством заявления управляющему почтовой частью губернии, а передача почтовых станций на содержание земству после истечения сроков долгосрочных контрактов с их содержателями. Следует подчеркнуть, что абсолютное большинство российских земств, участвовавших в обсуждении, отвергли проект [4, с. 348]. Условия, на которых предполагалось открытие почтовых учреждений на проселочных дорогах, были для земств весьма обременительны в финансовом плане. Единовременная выплата земства на организацию только одного почтового пункта должна была составлять около 200 руб., не считая последующих расходов. В тоже время в 1877 г. в среднем по Вятской губернии каждая из уездных земских организаций тратила на содержание земской почты без учета расходов на её транспортировку 744 руб. в год, больше всего средств ассигновало Орловское земство — 1498 руб., меньше всего Елабужское — 288 руб. в год [8, с. 91]. Тем не менее, отдельные земства открывали почтовые учреждения на проселочных дорогах. В 1887 г. Малмыжское земство создало почтовое отделение в селе Вавож, и тогда же прекратила работу земская почта по Сибирскому тракту.

Некоторые земства были согласны взять на себя содержание имевшихся на почтовых трактах казенных станций за доплату, получаемую почтосодержателями. С таким предложением выступила Сарапульская земская организация. Однако осуществить задуманное ей не удалось, поскольку в дополнительном циркуляре Почтового департамента Министерства внутренних дел было уточнено, что передача на содержание почтовых станций земству могла быть реализована только в масштабах всей губернии. В 1881 г. по инициативе Сарапульской управы, признавшей передачу почтовых станций земству делом весьма выгодным, вятские земства вновь приступили к обсуждению данного предложения. Главным аргументом Сарапульской управы был опыт Новгородского земства, получившего в 1879 г. от содержания почтовых станций прибыль в размере 37 тыс. руб. Вместе с тем ревизионная комиссия в докладе Сарапульскому собранию отметила, что реализация предложения может быть затруднена из-за плохого состояния дорог, колебания цен на фураж и продолжительности срока контрактов. В 1882 г. Вятское губернское земское собрание на основании отзывов, полученных от 9 из 11 уездных земств, 5 из которых высказались положительно, приняло решение о передаче уездным земствам всех почтовых станций в губернии, за исключением станций, содержащихся по системе вольных почт [13, с. 55–56].

Почтовые станции переходили в ведение Вятского губернского земства сроком на 6 лет с 1884 по 1890 г. В свою очередь губернское

земство поручало уездным управам надзор за станциями в каждом уезде и передачу их на содержание гонбщикам. Разрешалось объединение почтовых и земских станций там, где это было возможно. За выполнение этих обязанностей уездные земства получали от губернской управы 5 % с контрактной платы за каждую почтовую лошадь. В 1884 г. Вятское уездная управа отказалась от выполнения этой функции, а в 1886 г. её примеру последовало Малмыжское земство [13, с. 93].

Передача почтовых станций сопровождалась множеством проблем, которые вылились в противостояние земств с почтовым начальством. Во-первых, выяснилось, что плата из казны на содержание лошадей в Вятской губернии ниже, чем в Новгородской и Тверской, а именно на их опыт ориентировалось Вятское губернское земство. Во-вторых, почтмейстеры стали предъявлять повышенные, не оговорённые в контрактах, требования к помещениям почтовых станций, их внутреннему убранству, внешнему виду и поведению ямщиков и станционных писарей. Например, Сарапульская управа писала: «В акте осмотра Нечкинской станции указано, что столбы перед воротами... поставлены настолько тесно один к другому, что затеняют въезд в ворота. Между тем как эти столбы стоят на своём месте около 10 лет и прежде... не обращали на себя внимание строго сарапульского почтмейстера» [13, с. 64]. Все это приводило к мелочной переписке с уездным почтовым начальством, налагавшем штрафы, половину из которых Вятской губернской земской управе удалось оспорить в вышестоящих инстанциях. В-третьих, сами уездные управы не всегда аккуратно выполняли распоряжения Вятской губернской земской управы: проводили торги, результаты которых не могли быть утверждены из-за завышенных или заниженных цен; оперативно не реагировали на замечания почтмейстеров и т.д. За 6 лет завывания почтовыми станциями чистая прибыль земств Вятской губернии оказалась ниже планируемой и достигла 17757 руб. [13, с. 93]. Несмотря на передачу казной почтовых станций земству, уездные земские почты в губернии сохранялись, и, следовательно, основная цель реформы 1877 г., заключающаяся в создании государственной сельской почты, не была достигнута. Система содержания почтовых станций вятскими земствами продолжала существовать до 1890 г., а затем почтовые станции были переданы новым гонбщикам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андогский И. И.* Сборник узаконений, относящихся до земских учреждений (по своду законов и положений издания 1886 года). СПб., 1888. 895 с.
2. *Веселовский Б. Б.* История земства за 40 лет. Т. 2. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, Невский пр., 54, 1909. 696 с.

3. *Голубев П. А.* Вятское земство среди других земств России. Вятка: Типо-литография Н.А. Огородникова, 1901. 165 с.
4. *Горская Н. И.* Земская почта сельской России и ее законодательное оформление // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 4 (48). С. 342. С. 338–354.
5. Журналы Глазовского уездного земского собрания VI очередной сессии (15–24 сентября 1872 г.) и доклады управы. Вятка: Печатня Красовского, 1873. 326 с.
6. Журналы Сарапульского уездного земского собрания и доклады Сарапульской земской управы 1867 г. Сарапул: Типография А. А. Старкова, 1869. 119 с.
7. Журналы Уржумского уездного земского собрания XII очередной сессии (1878 г.) и доклады Уржумской уездной земской управы с денежными отчетами за 1877 г. Т. 1. Вятка, 1879. 351 с.
8. Историко-статистический сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края / сост. П.А. Голубев. Вятка: Скоропечатная типография Н. А. Огородникова, 1896. 42, 148, 80, 62, 15 с.
9. *Коршунков В. А.* Какими были вятские дороги // Герценка: вятские записки. Научно-популярный альманах. Вып. 18. Киров, 2010. С. 165–176.
10. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. Почта и телеграф в XIX столетии. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1901. 248 с.
11. Памятная книжка Вятской губернии на 1870 г. Вятка: Типография губернского правления, 1869. 732 с.
12. *Перекрестова С. В.* О разнообразии почтовых занятий: почтовые станции и проблема общей финансовой состоятельности почтовой деятельности в Российской империи в 1860–1870-х гг. // СПБНТОРЭС: Труды ежегодной НТК. 2019. № 1 (74). С. 400–402.
13. Сборник постановлений Вятского губернского земства за 25 лет (1867–1892 гг.). Т. III. Вятка: Типография Маишева, 1895. 541 с.
14. Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения / сост. Н. А. Спасский. Вятка: Губернская типография, 1875. 323 с.
15. *Субботина А. М.* Земство Камско-Вятского региона: опыт социального сотрудничества в процессе культурной трансформации (1867–1918). Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2017. 300 с.
16. Центральный государственный архив Кировской области.
17. Центральный государственный архив Удмуртской Республики.

УДК 94(470.342)

А. М. Субботина

г. Ижевск (Россия)

Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ЗЕМСКОМ САМОУПРАВЛЕНИИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ (1867–1917)

В статье на основе опубликованных и архивных материалов рассматривается вопрос об участии женщин в земских выборах и на земской службе. Делается вывод о том, что в 1867–1916 гг. в Вятской губернии женщины, обладавшие необходимым имущественным цензом, активно пользовались правом направлять своих представителей мужского пола на избирательные съезды и собрания. Право избирать самим и быть избранными земскими гласными женщины получили в результате революционных изменений 1917 г. Неготовность местного населения, в т. ч. женского, стала причиной того, что присутствие женщин в новых земских собраниях разного уровня было единичным. Важной сферой применения женской активности во второй половине XIX — начале XX в. стала земская служба. Возможность получить работу в земских школах, библиотеках, больницах у женщин в этот период появилась благодаря развитию женского образования.

Ключевые слова: женское избирательное право, земство, местное самоуправление, земские служащие, земские выборы, права женщин.

Процесс реформирования в России XIX — начала XX в. оказал существенное влияние на положение не только разных сословий, но и полов. Несмотря на то, что до равноправия между мужчиной и женщиной еще было далеко, наиболее активной части женского населения страны стали доступны новые сферы деятельности. Предпринимательство, образование, медицина, журналистика и другие области применения сил способствовали не только самореализации и финансовой независимости женщин, но и открывали им путь к общественной службе и управлению, по крайней мере, на региональном уровне. В данном материале будет освещен вопрос о возможностях участия женщин в деятельности земского самоуправления на территории Вятской губернии в 1867–1917 гг.

В обыденном сознании и научной литературе сложилось представление о том, что Россия XIX — начала XX в. в отношении развития прав женщин находилась в отсталом положении. М. Л. Маррезе [1] напротив говорит о том, что женщинам в России, по сравнению со странами Запада, были доступны многие имущественные права. Они могли совершать сделки, распоряжаться собственностью и др. Именно данный

фактор способствовал включению женщин в избирательные списки для участия в земских выборах.

В Вятской губернии земские учреждения начали свою работу в 1867 г. Уездные и губернские земские собрания и управы, введенные соответствующим положением 1864 г., формировались по цензовому принципу. В выборах могли участвовать владельцы земли и недвижимого имущества, с которых уплачивались земские сборы, по достижении возраста 25 лет. Женщины, обладавшие необходимым имущественным цензом, не имели возможности участвовать в выборах лично, а только через своих представителей мужского пола. Чаще всего это были родственники (мужья, сыновья и др.). В Вятской и некоторых других губерниях это право получили также управляющие имениями. Ценз устанавливался для каждого региона отдельно. В Елабужском, Малмыжском, Нолинском, Уржумском, Яранском уездах Вятской губернии он составлял 250 дес. земли, в Вятском, Котельническом, Орловском, Сарапульском уездах — 350 дес., в Глазовском и Слободском уездах — 475 дес. [2, с. 151]. Обладатели неполного земельного ценза (1/20) избирали уполномоченных, которые участвовали в дальнейшем в выборах. По положению 1890 г. земельный ценз в некоторых уездах был понижен. В Нолинском уезде он теперь был 225 дес., в Сарапульском уезде — 250 дес., в Вятском и котельническом уездах — 325 дес., в Глазовском уезде — 400 дес. Неполный ценз был увеличен до 1/10 части полного [3, с. 29, 150].

В списки избирателей Вятской губернии по цензовым куриям женщины включались регулярно, хотя их количество было существенно меньше мужчин. Оно еще более сократилось после издания нового земского положения в 1890 г. Наиболее представительным по числу женщин, включенных в такие списки, был Елабужский уезд. По данным 1894 г., в избирательные списки по Елабужскому уезду было включено 8 женщин, но своим правом направить представителей на выборы воспользовались только 5. Это были дворянка А. И. Алашеева, землевладелица М. Тевкелева, жена отставного полковника У. Тевкелева, княгиня З. Чингиз, вдова полковника Л. К. Шульц. В выборах за них по доверенности участвовали и были избраны земскими гласными сын, муж, управляющие, зять [5, с. 69].

Законодательные акты Временного правительства отменили имущественный ценз, ввели всеобщее голосование, волостное земство, уменьшили избирательный возраст до 20 лет, уравнили мужчин и женщин в правах избирать и быть избранными в гласные земских собраний [ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1 Д. 96. Л. 180б–24, 680б–73]. Впервые женщина в состав Вятского губернского земского собрания вошла уже в марте 1917 г. Участие женщин в некоторых районах губернии, особенно там, где прожи-

вало мусульманское население, вызвало негативную реакцию со стороны мужчин. Женщин отказывались включать в избирательные списки. Их не отпускали на выборы мужа. Да и сами женщины не всегда охотно шли на избирательные пункты. Затруднения вызывала также необходимость заполнять бюллетень, учитывая более низкий уровень грамотности среди женщин. Несмотря на проявившиеся в ходе подготовки выборов трудности, достаточно большое количество женщин приняли участие в голосовании. А некоторые из них были избраны гласными. По данным волостных земских выборов, в Глазовском уезде было избрано 13 женщин из общего числа 1184 волостных земских гласных (1 %), в Малмыжском уезде — 2 женщины на 923 гласных (0,2 %). В большинстве волостей земские собрания оставались полностью мужскими. Незначительным оказалось представительство женщин в уездных и губернском земских собраниях. Гласным Глазовского уездного и Вятского губернского земских собраний была только одна женщина [5, с. 70].

Гораздо более значимую роль женщины играли на земской службе, работая учителями, библиотекарями, врачами, акушерками и др. Благодаря развитию женского образования, к началу XX в. доля женщин на земской службе существенно возросла. В 1860-е гг. учителями в школах работали почти исключительно мужчины. В 1911 г. количество учительниц уже более чем в три раза превышало число учителей [4, с. 208]. Большинство из них являлись выпускницами женских гимназий и прогимназий, открытию и содержанию которых земства Вятской губернии старались содействовать.

Активная профессиональная деятельность давала возможность женщинам не только обеспечить себя материально, но и изменить свое социальное положение, стать уважаемыми членами местных сообществ и благодаря этому принимать участие в работе земства. Когда в 1917 г. женщины получили равные с мужчинами избирательные права, именно учителя и медики часто оказывались в числе избранных. Единственной женщиной в составе Глазовского и Вятского губернского земских собраний стала врач А. А. Столбова [5, с. 70].

Таким образом, демократические принципы, на которых было основано земское самоуправление, до некоторой степени распространялись и на женщин. До 1917 г. женщины участвовали в земских выборах по цензовым куриям только опосредованно через своих представителей-мужчин, являвшихся либо родственниками, либо управляющими. Получение равных с мужчинами избирательных прав в ходе революции 1917 г. позволило наиболее активным и образованным женщинам стать гласными земских собраний. Выборы 1917 г. показали, что местное население, включая и самих женщин, в силу сложившихся традиций поло-

вого разделения труда было недостаточно готово к женской избирательной активности. Участие женщин на земской службе ограничилось преимущественно квалификационными требованиями. Развитие женского образования, особенно начального и среднего, способствовало существенному увеличению числа женщин на должностях учителей, фельдшеров, акушерок и др.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Марресе М. Л.* Бабые царство: дворянки и владение имуществом в России (1700–1861). М.: Новое литературное обозрение, 2009. 363 с.
2. Положение о земских учреждениях со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями / сост. М. И. Мыш. Изд-е 2-е. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1883. XIV, 737 с.
3. Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 г. со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями / сост. М. И. Мыш. Изд-е 2-е. СПб.: Лештуковская паровая скоропеч. П. О. Яблонского, 1896. XX, 787 с.
4. *Субботина А. М.* Земство Камско-Вятского региона: опыт социального сотрудничества в процессе культурной трансформации (1867–1918). Ижевск: Удмуртский ун-т, 2017. 300 с.
5. *Субботина А. М.* Избирательные права женщин в практике земского самоуправления в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2020. № 2. С. 66–72. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202002Statyi05 ББК 63.3(2)5/УДК 94(470.342)
6. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР).

94(470.51)“11/20”

В. В. Пузанов

г. Ижевск (Россия)

Удмуртский гос. ун-т

ОТ РЮРИКА ДО ПУТИНА... БЛЕСК И НИЩЕТА РУССКОГО МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматривается роль местного самоуправления (МСУ) в истории России. Выделяются основные этапы и факторы развития МСУ, анализируется его влияние на исторические судьбы страны. Делается вывод о необходимости формирования сильного, самостоятельного МСУ, административно и финансово независимого от региональных властей.

Ключевые слова: Русь, Россия, местное самоуправление (МСУ), центр, регионы.

Местное самоуправление (далее — МСУ) прошло длительный путь в истории нашей страны. Можно выделить следующие значимые вехи:

А) Вечевой строй домонгольской Руси;

Б) Губная и земская реформы 1530–1550-х гг., сформировавшие систему местного самоуправления, просуществовавшую до конца XVII в.;

В) Бурмистерская палата, земские избы и магистраты, учрежденные указами Петра I;

Г) Жалованные грамоты городам и дворянству Екатерины II 1785 г., утвердившие магдебургское право для городов Российской империи и дворянское самоуправление на уровне уездов и губерний;

Д) «Великие реформы» Александра II (Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г.; Городовое положение 1870 г.);

Д) Конституция 1993 г. и самоуправление 1990-х гг.;

Е) Государственно-правовые реформы В. В. Путина начала 2000-х годов, фактически ликвидировавшие МСУ¹, что нашло логическое завершение в поправках в Конституцию 2020 г.

Высший подъем МСУ в истории нашей страны приходится на 4 периода: домонгольская Русь; XVI–XVII вв.; вторая половина XIX — начало XX в.; 1990-е гг.. Что было общего и особенного для МСУ в эти периоды и какие были последствия этого расцвета низовой демократии для страны и общества?

Прежде всего, в периоды высшего подъема МСУ его органы были в материальном отношении самостоятельными (домонгольское время,

¹ Можно вести речь об имитации МСУ в современной России.

вторая половина XVI — первая половина XVII в., в существенной степени вторая половина XIX — начало XX в.), либо близки к данному состоянию (крупные города в 1990-е гг.). В то же время исторические последствия расцвета МСУ были разными. Институты МСУ могли работать на консолидацию государства и общества, либо выполнять деструктивные функции. Так, МСУ сыграло важную роль в налаживании жизнедеятельности после Батыева погрома и в борьбе с ордынским игом. Система посадско-волостного (земские избы) и дворянского (губные округа) самоуправления спасли Россию в период Смуты, когда были разрушены институты центральной власти. В 1990-е гг. система МСУ (за отдельными исключениями) в тандеме с центральной властью противодействовала центробежным, сепаратистским движениям. В то же время, в начале XX в. земства сыграли важную роль в развитии либерализма (земские деятели) и распространении в глубинах народа социалистических идей (земские специалисты), способствуя тем самым раскачиванию ситуации в стране, приближая революционный взрыв и гибель «исторической государственности». Важным катализатором стало введение в 1917 г. Временным правительством всеобщего прямого голосования, вовлекшее в избирательный процесс незрелые в гражданском и политическом отношении массы.

Следовательно, материальная самодостаточность для местного самоуправления является важным фактором его влияния, но не служит гарантией обеспечения государственных и общенациональных интересов в целом. Не менее важно место МСУ в общей политико-административной системе государства.

Для домонгольского времени характерно срастворение власти и народа. Вечевой строй домонгольской Руси — высшая форма народовластия в истории нашей страны, основанная на общинном начале сверху до низу: старший город — младшие города (пригороды) — миры — верви. Это все структуры общинного типа разной степени сложности. Тот же город — это община, состоявшая из кончанских общин, которые, в свою очередь, делились на уличанские общины. В известной мере земля сама являлась огромной общиной, состоявшей из системы общин разного ранга. Каждая община являлась самоуправляющейся и, в то же время, кроме низовых вервей и уличанских общин — правящей: мир по отношению к верви, община младшего города по отношению к мирам, составлявшим городовую волость; кончанская община по отношению к уличанским, городская по отношению к кончанским. А над всей этой иерархией общин стояла община старшего города. Наряду с этой иерархией соподчиненных общин существовала еще одна властная вертикаль, представленная князем и его администрацией. При этом последнее сло-

во, как правило, и здесь, с началом XII в., оставалось за старшим городом, вече которого призывало и изгоняло князя.

Органы местного самоуправления, таким образом, составляли часть единой общинной вертикали, разные элементы которой являлись, одновременно, и органами самоуправления, и государственной властью для нижестоящих общин (община старшего города самоуправляющаяся единица в рамках города и, в то же время, правящая в отношении пригородов и волостей). Фактически, самоуправление и государственные институты срастались, особенно если учесть выборность князей на вече. В то же время, что **особенно важно**, низовые общины сохраняли иммунитет от вмешательства в свои внутренние дела как княжеской власти, так и вышестоящих общин, являясь, по словам А. Е. Преснякова, носителями общинного самоуправления и главным орудием «поддержания правового порядка и внутреннего мира всей волости» [20, с. 395]¹ и олицетворяя, таким образом, основные принципы самоуправления.

После Батыева погрома происходит разрушение верхней вертикали общинной власти в системе старшие города — пригороды — волости — миры — верви. Однако низшие звенья (верви — миры — волости; (улица — конец — город) позволяет населению не только самоорганизоваться в условиях дефицита властного поля, но и добиться ослабления ордынского ига. Именно серия восстаний 1262 г. в городах Северо-Восточной Руси привела к изгнанию «сборщиков дани, присылаемых непосредственно из Орды. Постепенно сбор “ордынского выхода” начал переходить к русским князьям, что увеличивало самостоятельность Руси» [8, с. 206]. Для самой вечевой системы это была «Пиррова победа», т. к. привела к еще большему усилению княжеской власти, и без того существенно окрепшей по сравнению с предшествующим временем благодаря монгольскому фактору [21].

На начальном этапе «становления единого Русского государства местное самоуправление в традиционных своих формах доминировало в решении местных вопросов над органами, представляющими центральную власть» [4, с. 22]. К началу 1550-х годов система МСУ стала складываться как государственный институт. «Земское устройство» потребовало делегирования власти от ее основного держателя — монарха, традиционным институтам местного самоуправления. При этом власть пожертвовала даже правом суда и расправы, важнейшим атрибутом власти, в пользу местного населения «в лице его выборных представителей» [3, с. 379–380]. Таким образом, «новая внутривластная система

¹ А. Е. Пресняков вел речь о верви. Но таким же органом низового общинного самоуправления были уличанские общины городов.

Московского государства складывалась на основе сочетания двух основных традиционных идей: *сильной (самодержавной) власти и народовластия (земского самоуправления)*» [18, с. 48].

Система губных и земских изб во второй половине XVI — первой половине XVII в. сочетала в себе черты и сословного (служилые¹, посадские люди, волощане), и территориального самоуправления. Она же отражала систему общественного сословного разделения труда: земщина материально обеспечивала служилых людей и государство, служилые люди защищали земщину. Эта система была встроена в сословно-представительную модель, увенчанную земским собором. Именно представители местного самоуправления выбирали делегатов на земский собор. Поэтому, когда в годы Смуты ослабли либо были разрушены центральные институты власти, от хаоса на местах спасло местное самоуправление. Где-то, как, например, в Нижнем Новгороде и на Русском севере, власть оказалась в руках земских изб, посадского люда. В районах высокой концентрации служилых людей, в той же Рязани, служилая корпорация которой входила в тройку крупнейших в России — власть концентрировалась в руках дворян и детей боярских. Именно местное самоуправление смогло организовать для изгнания интервентов и восстановления государства. Для этого ничего нового выдумывать было не надо: одни составили материальный (земщина), другие (служилые люди) — военный элемент освободительного и восстановительного движения. Они же по привычной схеме сформировали земский собор, избравший Михаила Романова и положивший, в итоге, конец Смуте. Сработала сформированная две трети века назад и обкатанная за это время система. При этом ослабление территориальной организации служилого люда по мере формирования регулярной армии стало, наряду с процессами становления абсолютизма, важным фактором разрушения и системы местного самоуправления, и ликвидации сословного представительства в лице земских соборов [10]. Таков итог, в принципе, закономерен. «...Для России конца XV–XVII вв. характерны два взаимосвязанных, но противоречивых политических процесса. Один из них — укрепление самодержавной власти русских государей. Второй — развитие на основе традиционных вечевых структур новых форм земского самоуправления» [18, с. 48]. МСУ сыграло важную роль в окончательном утверждении самодержавия. Но торжество абсолютистского начала при-

¹ С началом губной реформы связано зарождение органов сословного самоуправления на местах [17, с. 236]. Н. Е. Носов отмечал резкое усиление роли губных старост как «дворянских сословно-представительных органов местного управления» с середины XVI века [15, с. 527].

вело к ликвидации земского самоуправления. Если не считать искусственно созданные Петром I магистраты и т. п., реальное самоуправление сохранялось только в общинной его форме у казенных крестьян.

И земства начала XX в. (равно как городские избирательные собрания, думы и управы), и институты местного самоуправления в 1990-е гг. не были встроены в вертикаль государственного управления. Они, конечно, играли важную роль на выборах в парламент (с 1905 г.), но не избирали в него своих представителей, как это было в московскую эпоху. Почему же роль органов местного самоуправления оказалось разной в начале и в конце XX в.? В последней трети XIX — начале XX в. центральная власть всячески препятствовала политизации земств, ограничивая их деятельность территорией уездов и губерний и ставя под контроль губернаторов (особенно после контрреформ Александра III), которые рассматривались в качестве опоры центральной власти на местах. Сами земства оказались в оппозиции к самодержавию: земские деятели стали социальной базой либерального движения, земские специалисты играли немаловажную роль в социалистической агитации среди населения. Таким образом, земства оказались включенными в либеральный и социалистические революционные потоки. Не оправдалась надежда и на общину, как гарант общественного порядка и спокойствия. Община оказалась крепким орешком в противостоянии и с местной администрацией, и с помещиками, что особенно наглядно проявилось в годы Первой русской революции. Данное обстоятельство стало одним из важных факторов, заставивших правительство взять курс на разрушение общины. Разрушить общину не удалось, зато удалось озлобить сельское население... [24]. Кроме того, разрушение общины вело и к разрушению исторически сложившегося общинного самоуправления.

Эти обстоятельства следует учитывать, при использовании опыта земств в реформировании современной системы МСУ¹. Главное, чтобы в новых условиях центральная власть считала «новые земства» союзником и не отдавало их «на откуп» регионам.

В 1990-е годы федеральному центру противостояли региональные власти; главы регионов, в отличие от губернаторов Российской империи не назначались, а выбирались. Именно региональные властные институты, региональная элита были катализатором процессов децентрализации и даже сепаратизма.

¹ Призывы использовать опыт земств последней трети XIX — начала XX в. часто звучат и с общественных трибун, и со страниц исследований (см. напр.: [1; 9; 11; 19]).

Союзником федерального центра стало местное самоуправление, прежде всего — администрации и представительные органы крупных городов, боровшихся с регионами за перераспределение ресурсов и бывшие, в большинстве субъектов РФ, достаточно самостоятельными по отношению к региональным властям. Политика федерального центра на дальнейшее усиление МСУ соответствовала интересам органов самоуправления, в отличие от политики самодержавия в начале XX в. Поэтому, несмотря на то, что земства последней трети XIX — начала XX в. явились апогеем развития МСУ (в современном его понимании) в истории России [13, с. 72; 14, с. 83; 16, с. 263], опыт 1990-х, несомненно, имеет позитивное значение.

Усиление вертикали власти в начале 2000-х было направлено на ослабление регионов. На смену свободным выборам пришло назначение из центра (а потом введено жесткое провластное сито на выборах) губернаторов (глав регионов). Своеобразной компенсацией для региональной власти (и связанных с ней элит) стало расширение полномочий на подвластной территории за счет усиления контроля над МСУ. Таким образом, была выстроена жесткая властная вертикаль сверху до низу. Хорошо это или плохо?

Политологи выделяют два возможных сценария развития МСУ в ближайшее время: 1) «дальнейшая централизация, укрепление “вертикали власти”, с охватом всех уровней публичного управления, включая городские и сельские поселения»; 2) «комплексное изменение сложившейся системы властных отношений за счет последовательных трансформаций в направлении разумной децентрализации» [см.: 6].

Первый путь ведет к угрозе избыточного сосредоточения властных ресурсов в руках региональных администраций, перекладыванию ответственности за действия региональных и местных властей на власть центральную¹, перераспределению материальных ресурсов с

¹ Опять же напрашивается определенная параллель с XIX в., когда самодержавие отказывалось сформировать полноценное правительство во главе с ответственным перед монархом председателем кабинета, на которого можно было бы переложить ответственность за провалы в политике. В итоге Совет министров до 1905 г. собирался под председательством императора, что и возлагало на него ответственность за все принимаемые решения. Как здесь не вспомнить опыт президентства Б. Н. Ельцина, который, при практически нулевом рейтинге умело лавировал, меняя премьеров «как перчатки». Впрочем, монархи такой способ повышения своего авторитета считали неприемлемым по этическим соображениям, предпочитая самим отвечать за принимаемые решения. Такие нравственные принципы заслуживают уважения. Однако они снижали

местного на региональный уровень и ослаблению стимулов «самоорганизации на местах» [см.: 6]. При неблагоприятных вариантах социально-экономического развития, росте социальной или этнической напряженности этот путь создает угрозу целостности Российской Федерации. Ведь «подмятое» регионами МСУ, при сложившемся механизме организации волеизъявления народа на разного уровня выборах, будет не в состоянии противостоять региональному сепаратизму, как это ему худо-бедно удавалось в 1990-е гг.

Здесь следует сказать об особенностях политической культуры российского общества. В сознании нашего народа прочно укоренилась мысль в необходимости «крепкой руки» и жесткой централизации. Эта мысль внушается обществу на протяжении нескольких столетий, всеми доступными для власть имущих способами. При этом система доказательств практически не меняется. Достаточно сравнить, например, доводы В. Н. Татищева или Н. М. Карамзина в пользу самодержавного правления, с одной стороны, и постулаты современных поборников «вертикали власти» — с другой. Вот, что писал, например, официальный историк начала XIX в.: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием» [7, с. 22]. А вот что пишут в начале XXI столетия сотрудники Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: «Тенденция к усилению государственной вертикали в сфере МСУ в определенной степени объективна. Она связана с многовековыми централизаторскими традициями российского государственного управления» [5, с. 83]; «...Необходимо признать, что в России за всю ее историю никогда не было создано системы самостоятельного местного самоуправления, независимого от государственной власти (...) Восстановление государственности, национальная самоидентификация и идеология сильной и суверенной Российской Федерации, видимо, не могут сочетаться с автономным местным самоуправлением» [22, с. 40–41]. В общем, возвращаемся к старому татищевскому: «Всяк может видеть, сколько монархическое правление государству нашему протчих полезнее, чрез которое богатство, сила и слава государства умножается, а чрез прочее умаляется и гинет» [23, с. 367].

Думается, сложившаяся в стране ситуация с гражданской активностью и уровнем развития демократических институтов объясняется не только (скорее, даже, не столько) особенностями исторического развития, но и «спецификой современного развития российского государства

политическую пластичность самодержавия и дорого ему стоили в исторической перспективе.

и российской демократии» [12, с. 40], когда властная элита «настороженно относится к проявлениям активности людей и стремится, насколько это возможно, локализовать политическое участие граждан исключительно выборами» [12, с. 33].

Но избыточная централизация не только сдерживает гражданскую инициативу и, соответственно, развитие страны, но и не является панацеей от социальных и политических потрясений. Жесткая централизация могла быть эффективной на определенных этапах развития страны, в чрезвычайных условиях, требующих максимальной и экстренной мобилизации ресурсов общества. Яркие примеры — форсированная индустриализация, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление народного хозяйства... Но общество не может быть постоянно натянутой струной — накапливается «усталость металла»... И в исторической перспективе жесткая централизация, не подстрахованная системой сдержек и противовесов, ведет к катастрофе. Это может быть, например, военное поражение и потеря внешнеполитических позиций государства. Как известно, апогей абсолютизма пришелся на правление Николая I который являлся адептом, как бы сейчас сказали, «ручного управления», и стремился сконцентрировать в своих руках все нити администрирования империей. Но даже его недюжинному характеру и могучей силы воли это оказалось не под силу, привело к поражению в Крымской войне и глубокому социальному и управленческому кризису, который с легкой руки В. И. Ленина в советской историографии характеризовался как «революционная ситуация». Но если тот кризис разрешился реформами 60–70-х годов XIX в., давшими мощный импульс поступательного развития страны, то судьба Советского Союза оказалась куда как печальнее. Послабления времен Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева сформировали общество потребления, которое способствовало декоммунизации элиты и самой КПСС. В условиях жесткой вертикали, «разложение» элиты, скрепляющей властную конструкцию, привело к гибели СССР. Институтов, которые могли бы эффективно противодействовать этому процессу в СССР не оказалась¹.

Необходим разумный баланс в треугольнике федеральный центр — регионы — местное самоуправление. Важно создание саморегулирующейся системы сдержек и противовесов, обладающей иммунитетом от действия субъективного фактора. Единственно верный путь здесь, на наш взгляд, —

¹ «Советская... государственность долгое время не знала принципа разделения властей. Поэтому и местные Советы являлись продолжением государственного управления, а не самоуправления, то есть функционировали на основах демократического централизма» [2, с. 535].

поддержка МСУ со стороны федерального центра¹, обеспечение независимости МСУ от региональной власти, его самодостаточность. Бюджет МСУ должен формироваться не по принципу лояльности на выборах, а по итогам экономической активности на подведомственной территории. Это не только активизирует точки экономического и социального роста, но и станет надежной скрепой общественного мира, залогом целостности Российской Федерации. В пользу такого сценария свидетельствует исторический опыт нашей страны. «Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему» (Иерем. 6, 16).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аналитический вестник. 2014. № 9 (527) // Совет Федерации. URL. <http://council.gov.ru/media/files/41d4dad48c994f4030e4.pdf>
2. Бехтерев С. Л., Бехтерева Л. Н. Местное самоуправление в ретроспективе имперского и раннесоветского периода (на материалах Ижевска) // Вестник Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2017. Т. 27, вып. 4. С. 535–543.
3. Бovyкин В. В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб.: Дм. Буланин, 2012. 421 с.
4. Бovyкин В. В. Местное самоуправление в Русском государстве конца XV — начала XVI в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 4, ч. 1. С. 22–24.
5. Васильев В. И. К вопросу о территориальных уровнях местного самоуправления // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 80–91.
6. Зотов В. М. Перспективы развития местного самоуправления в современных российских условиях // Муниципальная академия. 2017. № 1, январь-март. С. 4–12. URL. <https://zotov-vb.livejournal.com/343437.html>
7. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 111 с.
8. Каргалов В. В. Русь и кочевники. М.: Вече, 2004. 528 с.
9. Карева А. В. Особенности становления и развития местного самоуправления в России // Выборы: теория и практика. 2020. № 2 (54). С. 47–53.
10. Козляков В. Н. Самодержавие и «вся земля» в XVII веке // История России: народ и власть. СПб.: Лексикон, 2001. С. 273–316.

¹ В условиях пассивности населения важная роль в формировании действенной системы МСУ и гражданского общества в целом принадлежит государству. Ведь если не учитывать естественно сформировавшегося в древности общинного самоуправления, только земская реформа XVI в. была проведена по просьбе населения. И в 1860–1870-е, и в 1990-е годы инициатива исходила от правительства. Развитие легальных форм гражданской активности является важным фактором снижения радикальных настроений в обществе.

11. Кузин В. Н. Модернизация муниципального управления и опыт Земской реформы 1864 года // Модернизация государственного и муниципального управления: Концепции, технологии, практики / отв. ред. О. Ю. Абакумов. Саратов, 2019. С. 123–126.
12. Ляхов В. П. Местное самоуправление как инструмент модернизации современной России: Автореф. дисс...д-ра полит. наук. Ростов-н/Д, 2015. 46 с.
13. Михеев Д. С. Институт общественного контроля за органами местного самоуправления в России: генезис и тенденции развития // Ученые зап. Казан. ун-та. 2011. Т. 153, кн. 4. С. 69–76.
14. Михеева Т. Н. Местное самоуправление и государственная власть в России: проблемы взаимоотношений и разграничения полномочий. Йошкар-Ола: Изд-во Мар.гос. ун-та, 2002. 274 с.
15. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л.: Наука, 1969. 604 с.
16. Омельченко Н. А. История государственного управления в России. М.: Проспект, 2007. 463 с.
17. Павлов А. П. Судьбы самодержавия и земства в России XVI века (опричнина Ивана Грозного) // История России: народ и власть. СПб.: Лексикон, 2001. С. 203–244.
18. Перевезенцев С. В. Традиции народовластия в России в XV–XVII вв. // Вестн. Моск. ун-та. сер. 12. Политические науки. 2017. С. 45–66.
19. Петровичева Е. М. Земское законодательство и социальная практика земского самоуправления в поздней имперской России (Выступление на заседании круглого стола ОНМКС при ЦИК России: «Земская реформа 1864 года: уроки и современность») // РЦОИТ. URL: http://www.rcoit.ru/lib/history/rural_urban_reforms/17943/
20. Пресняков А. Е. Княжое право Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 635 с.
21. Пузанов В. В. Особенности исторического развития России и формирование отечественной политической и гражданской традиции в средние века и раннее новое время // Граждано́генез в России. Кн. 1: монография / под общей ред. В. Д. Мехедова, В. Ф. Блохина. Брянск: Курсив, 2009. С. 14–42.
22. Степанов М. М. Местное самоуправление в контексте конституционной реформы 2020 года // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5 (126) май. С. 35–41.
23. Татищев В. Н. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М.: Ладомир, 1994. 500 с.
24. Фроянов И. Я., Флоринский М. Ф. Деятельность П. А. Столыпина в преломлении современной российской политики // Российская государственность: уровни власти. Историческая динамика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 24–26 апреля 2001 г. / отв. ред. В. В. Пузанов. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. С. 181–190.

94(470.51-25)

Н. В. Халявин

г. Ижевск (Россия)

Удмуртский гос. ун-т

ИЖЕВСКАЯ ИСТОРИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (О НОВЫХ ФОРМАХ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ)

Статья обращается к одной из разновидностей изучения регионального прошлого — локальной истории. В центре внимания автора находится такая форма работы с локальной историей, как интернет-страницы социальных сетей «ВКонтакте» и «Facebook», посвящённые прошлому Ижевска. Рассматривается актуальность развития краеведения в современной России, основные проблемы этого направления исследовательской деятельности, которые отражены в современных публикациях историков. Производится попытка систематизации представленных в социальных сетях материалов по истории Ижевска, анализируются основные вопросы, затрагиваемые в записях интернет-сообществ и комментариях к ним, особенности подачи исторического материала в социальных сетях. Автор приходит к выводу, что такая форма краеведческой работы, как тематические страницы по локальной истории в социальных сетях, на сегодняшний день является наиболее успешной по охвату аудитории, доступности материалов и популяризации истории родного города.

Ключевые слова: история Ижевска, локальная история, краеведение, история в интернете, социальные сети.

В среде профессиональных историков изучение региональной истории, прошлого родного края, или ещё более локального объекта — города, села, улицы зачастую воспринимается, как мелкотемье, удел краеведов-любителей, занятие, подходящее для школьного исторического кружка. Между тем, о важности изучения региональной истории свидетельствует Указ Президента РФ от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики», где в качестве одной из приоритетных задач названо «возрождение и развитие массового краеведческого движения в стране, а также деятельности по историческому просвещению граждан» [15].

Прозвучавшая в официальном документе задача по-прежнему актуальна, хотя, вряд ли можно сказать, что региональная история и краеведение находятся в забвении и упадке. В настоящее время выделяют три основных направления этих исторических исследований по формам их организации:

— государственное краеведение, когда «изучение края находится в ведении краеведческих музеев, комплексов, управлений и отделов культуры при мэриях, префектурах, научно-исследовательских учреждениях, областных и городских библиотеках»;

— школьное краеведение, главная задача которого «заключается во всестороннем изучении учащимися в учебно-воспитательных целях определённой территории своего края по различным источникам, включая наблюдения и исследовательскую работу, проводимую под руководством учителя, преподавателей высших учебных заведений или других работников»;

— общественное краеведение, которое «представлено Русским географическим обществом, объединениями краеведов: кружками, секциями, обществами, клубами. Наиболее значительными общественными организациями являются Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, Общество охраны природы, Российский фонд культуры и др.» [2, с. 8].

Думается, что одним из успешных и неофициальных видов общественного краеведения можно назвать работу, которую ведут в социальных сетях энтузиасты своего дела, создавая тематические странички по локальной истории. Их опыт позволяет говорить о значительном просветительском потенциале краеведения, который зачастую затухает в официозе государственных форм знакомства с местной историей или навязчивой обязловкой школьных методов приобщения к истории родного края. На примере краеведческих сообществ в социальных сетях видно, что «локализация и локальная история становятся наиболее привлекательными для местного историка — «революция в моем подъезде интереснее российской революции»» [17, с. 235].

Между тем, отметим, что в среде профессиональных учёных отношение к сетевым материалам и их авторам часто имеет пренебрежительно-настороженный оттенок. Например, д-р ист. наук, проф. С. П. Щавелёв пишет: «Новое дыхание придали краеведению возможности Интернета. Теперь на порталах провинциальных школ и других учебных заведений, администрации районов и областей, на личных сайтах десятков и сотен энтузиастов старины размещено множество краеведческих материалов. Их собиратели активно общаются в социальных сетях и обмениваются интересующей их информацией, редкими фотоматериалами. Правда уровень понимания и анализа всех этих семейных архивов обычно невысок. Я бы сказал, что дилетантизм любителей местного края заметно вырос по сравнению с прошлыми периодами. Часто патристический настрой нынешних краеведов сводит к нулю критичность восприятия исторического материала» [16, с. 54]. Другой остепенённый

автор — д-р культурологии Т. Н. Арцыбашева признаёт, что «внедрение новых технологий значительно расширило познавательные возможности заинтересованной аудитории, обеспечив многократное увеличение и постоянное наращивание объёма краеведческой информации, существенно ускорив при этом процесс её получения», но столкнувшись с непривычной подачей материала, не учитывающей сложившиеся в научном сообществе правила оформления научно-справочного аппарата, приходит к неутешительному выводу: «...компаративный анализ краеведчески ориентированных интернет-ресурсов показывает их явно недостаточный уровень как с содержательной и просветительской, так и с инструментальной, технологической стороны: ориентироваться в выкладываемой информации крайне сложно в силу её несистематичности и неструктурированности» [1, с. 95, 96]. В этом же ключе пишет о краеведении д-р ист. наук С. В. Новиков: «...исследования по локальной истории — истории городов и поселков, отдельных сельских районов, предприятий и организаций, получив право на существование как краеведческие, не становятся полноценной частью историографии» [13, с. 33].

Эти критические оценки будут вполне справедливы, если к сетевым краеведческим материалам подходить с критериями, применяемыми в профессиональном сообществе к научным работам. Но, как мне кажется, публикации в интернете (прежде всего, здесь речь идёт о краеведческих страницах в социальных сетях) имеют несколько другие цели, чем те, что ставят перед собой традиционные научные публикации.

К главным целям сетевых краеведческих публикаций я бы отнёс, во-первых, популяризацию местной истории, и, во-вторых, фиксацию и накопление найденного материала — будь то фотографии из семейного архива, видеозаписи по местным достопримечательностям, чьи-то эмоциональные воспоминания из детства о родном дворе или фрагменты бабушкиного рассказа о том, как жили люди в послевоенное время. Автор, ведущий страницу в социальной сети, пишет о том, что ему интересно здесь и сейчас, рассчитывая на мгновенный отклик своей аудитории и ориентируясь на то, что вызывает ответную реакцию у публики. Отсюда бессистемность и неструктурированность публикаций, их калейдоскопичность — но это именно то, что поддерживает интерес у посетителя сетевой страницы: короткие тематические зарисовки на различные темы местной истории, снабжённые фотографиями, видеофрагментами и комментариями других пользователей.

Являясь россыпью ярких запоминающихся фактов, эти тексты не требуют кропотливого вдумчивого чтения, погружения в материал, но эвристичность подачи делает читателя соучастником краеведческой игры, создаёт ощущение сопричастности к истории. Современные краеведческие публикации

ведческие страницы социальных сетей уловили главное — «в центре локальной истории оказывается человек в его социальной среде. Новое содержание локальной истории подразумевает, прежде всего, человеческое, ценностное наполнение и измерение истории», как удачно подметила в своей статье о «новом краеведении» проф. М. В. Короткова [10, с. 101]. Это наблюдение хорошо иллюстрируют страницы социальных сетей «ВКонтакте» и «Facebook», посвящённые ижевской истории.

По своей тематической направленности сетевые краеведческие группы можно условно поделить на два вида: в первых будут содержаться разнообразные материалы по истории края вообще — от эволюции его административно-политического устройства до описания форм и видов проездных талонов на советском общественном транспорте; вторые специализируются на какой-то конкретной теме, касающейся местной истории.

Одной из самых богатых на материалы по истории Ижевска и Удмуртии является группа культурно-исторического клуба «Антей», представленная сразу в нескольких социальных сетях. Это группа первого типа, создателей которой интересует всё и вся, что каким-либо образом относится к истории Ижевска. «Город — цельный организм, улицы — это его артерии и вены, каждый дом и человек — это живая клетка. История города — это его жизнь. Познавая город мы узнаем в нём самих себя как неотъемлемую часть всего организма... под названием Izhevsk... Присоединяйтесь к Ижевску!» — призывает краткая пояснительная записка группы «ВКонтакте» [8]. В «Facebook» организаторы этой же группы позиционируют себя как «объединение людей неравнодушных к окружающему миру», чья цель «сделать этот мир лучше, начиная с самих себя и нашего города! Наша задача: сделать Ижевск Открытым для мира городом!» [11].

У группы КИК «Антей» «ВКонтакте» есть довольно богатая коллекция аудиозаписей по истории Ижевска (в основном из эфиров местных радиостанций), очень неплохая библиотека краеведческих материалов, но самое главное — это практически ежедневно пополняющиеся записи сообщества с комментариями участников группы. Их темы чрезвычайно разнообразны, но, пожалуй, сквозной является изучение облика города в его динамике.

В группе часто появляются фотографии Ижевска, как из архивов, так и из частных коллекций (что особенно ценно), на которых запечатлены самые разные части города. И стоит отметить, что это не просто картинки для развлечения публики, здесь особенно важно внимание к деталям при подаче материала, профессионализм, который демонстрируют создатели группы при работе с источниками. Примером может

служить один из постов (17 марта 13:10), который содержит фотографию корпуса Ижевского сельскохозяйственного института по ул. Кирова, 16 (фото начала 1970-х гг., из личного фонда А. Д. Ефремова, Управление архивной службы г. Ижевска) и краткие пояснения к изображению, которые дают необходимую информацию об основании сельхозинститута и истории самого здания [8, записи сообщества 17.03.2021 г.].

Особенно интересными являются комментарии пользователей к сообщениям группы, которые превращаются в новую форму источников личного происхождения по истории города. Они содержат сиюминутную, непосредственную реакцию пользователей социальной сети на тему, которая оказалась им по каким-то причинам интересна, вызвала яркие воспоминания, эмоции, которыми они тут же решили поделиться. В этом быстром отклике кроется особенность данных источников — это не заготовка, не обдуманное и отредактированное мемуары, это мгновенная реакция человеческой памяти на определённый информационный раздражитель, что, с одной стороны, влияет на степень точности и достоверности таких сообщений, но с другой — отражает общественно значимые направления исторической памяти.

Стоит отдельно отметить, что создатели группы «КИК Антей: Экскурсии по Ижевску и Удмуртии» ведут активную работу по популяризации локальной истории и вне интернет-пространства. Помимо модерирования страницы в социальных сетях, администратор клуба Максим Блинов практически каждую неделю водит интереснейшие авторские экскурсии по Ижевску.

Материалы в сетевых сообществах по ижевской истории иногда дублируются, но комментарии к ним могут существенно отличаться. Так, фото «Рыбаки на Ижевском пруду на подлёдной рыбалке. На заднем плане — центральная набережная до реконструкции. Фото: Озорин В. П., конец 1950-х гг., из семейного архива Марты Северухиной» в группе «КИК Антей» на момент написания статьи оставалось без комментариев [8, записи сообщества. 25.03.2021 г.], тогда как, репост этой фотографии в другой сетевой группе — «Как жил Ижевск» сопровождают развёрнутые пояснения ижевского историка Игоря Кобзева, о том, что за здания здесь можно разглядеть [7, записи сообщества 26.03.2021 г.].

Группа «Как жил Ижевск» тоже содержит разнообразные материалы по истории города и позиционирует себя как «самый полный архив уникальных фото-видеоматериалов об Ижевске» [7]. Здесь действительно много фотографий Ижевска из частных, музейных и архивных коллекций, иногда представленных в формате «было — стало» с детальными комментариями краеведов.

На примере публикаций этого сообщества можно проследить сам принцип сетевой формы занятия локальной историей. Это такое коллективное творчество, когда одна интересная фотография может повлечь за собой массу комментариев, наблюдений, воспоминаний, новых фотографий от пользователей. Например, публикация в группе «Как жил Ижевск» от 1 марта 2021 г. содержала фото мужчин у пивного ларька, в пояснениях указывалось: «Ижевск, групповое фото у пивного ларька, горизонт завален, место точно не идентифицировано. Возможно, останков "Центр", 1950-60е. (из частной коллекции)». Фото повлекло за собой интереснейшие комментарии пользователей, рассуждавших о фасоне одежды и мужской моде тех времён и возможном месте нахождения ларька. Среди этих комментариев появились сообщения пользователя Виталий Баев (закрытый профиль, поэтому не удаётся дать точную идентификацию), который выложил новые фотографии Ижевска с идентичным ларьком у Дома Связи и трамваями на ул. К. Маркса, затем появились комментарии Игоря Кобзева, который, добавив, что «сходными были в 30-х киоски Союзпечати», разместил уже свои фото ул. Советской, после чего сообщил, что «Напротив Дома специалистов, из которого в июне 1941 г. ушёл после выпускного 10 класса на фронт будущий режиссер фильма "Офицеры" В. Роговой, было много деревянных киосков и платок на перекрестке», в результате лента комментариев ещё долго петляла, всякий раз переводя разговор в новую плоскость [7, записи сообщества 1.03.2021 г.]. Вот эта живая ткань исторического краеведческого поиска, на мой взгляд, и несёт в себе самое ценное, что могут дать развитию локальной истории социальные сети.

Конечно, комментарии к сюжетам ижевской истории не всегда точны и корректны, но зато они могут приоткрыть тайну формирования некоторых городских мифов. Например, в сообщениях группы «Старый Ижевск» от 15 июля 2020 г. задавался вопрос «Знаете ли вы, что означает название "Культбаза"?», и тут же содержался ответ, что «в 50-е годы названия улиц давали в честь художников, писателей, учёных, например, Льва Толстого, Репина, Шишкина, Софьи Ковалевской, а объединение этих улиц называли Культбазой». Эта явная инсинуация была развенчана пользователем Никитой Пономарёвым, отметившим в комментариях, что это неправда и пояснившим: «Старый Ижевск, там этих улиц тупо не было, название пошло с 20-х, когда там была база культуры профсоюза рабочих-металлистов, сокращенно — Культбаза». Впрочем, от своей версии происхождения названия создатели группы не отказались, ответив: «Никита, ок, может кому-то это будет интересно» [14, записи группы 15.07.2015 г.].

К группам общего плана, в которых рассматриваются разные сюжеты ижевской истории можно отнести ещё несколько страниц «ВКонтакте». Например, «Клуб Я Ижевск | Удмуртия» (с чудесной фотографией, размещённой в записях сообщества 18 марта 2021 г. «Выдача зарплата водкой учителям перед педсоветом, Россия, 90-е годы», правда, без какой-либо атрибуции фото, но с соответствующими воспоминаниями пользователей об этом времени [9, записи сообщества 18.03.2021 г.]. Другая страница — это группа «Ижевск || Город твоими глазами», хотя исторического материала здесь немного, зато идёт активная фиксация современного облика города [5]. Отдельно стоит отметить личный блог Юрия Абашева «Ижевское чтение» с авторскими материалами, написанными языком привлекательным для молодёжной аудитории (в короткой справке о себе на страницах блога автор признаётся, что «Знания о месте, где ты живёшь, помогают поменять к нему отношение на более конструктивное и созидательное. В этом и вижу свою скромную миссию. Особенно хочется посеять зерно этих знаний в своих сверстниках и товарищах помладше») [6, записи сообщества 31.12.2020 г.].

Довольно много уникальных материалов по истории Ижевска содержится в группе «Записки архивариуса/Удмуртия». Создатели этого сообщества в справочной информации о нём пишут: «В краеведении и истории порой встречается немало гипотез и спорных версий, ведь опираются они на сведения и документы, оставленные живыми людьми. Людьми, жившими в разных обстоятельствах и под влиянием разных идеологий. А потому, просим возможные уточнения и опровержения вносить в корректной форме. Мы — за историческую правду» [4]. Группу отличает приверженность сложившимся в научных исторических публикациях традициям, которые создатели по мере возможности стараются сохранить и в интернет-формате. Так, при размещении своих материалов, авторы практически всегда указывают место хранения фотодокументов или источник информации. Здесь представлена хорошая подборка видеороликов информационного исторического проекта #ПРО100ЛЕТУДМУРТИИ, особенностью данной группы является и то, что в записях сообщества содержится много материалов биографического характера о заметных фигурах ижевской истории (см. напр., запись сообщества о Василии Ивановиче Фомине, который после Великой Отечественной войны был директором Ижевского мотозавода) [4, записи сообщества 09.03.2021 г.].

Группы второго типа, которые посвящены каким-то конкретным сюжетам ижевской истории, проще по структуре. Среди них можно отметить официальную группу проекта «Восстание: 100 лет истории» (документального исторического фильма, приуроченного к 100-летию

Ижевско-Воткинского восстания) [3], но, правда, последние обновления там датируются 2018 г.

Другая группа, посвящённая конкретной странице ижевской истории, а именно — создателю ижевских мотоциклов П.В. Можарову, не только постоянно пополняется новыми материалами, но и имеет удобную навигацию по представленным в ней сюжетам, содержательный фотоальбом и богатую на комментарии ленту из которой, например, можно узнать множество мельчайших деталей технических характеристик ижевских мотоциклов [12].

Отклик, который у участников социальных сетей получают публикации материалов ижевской истории на страницах различных краеведческих сообществ, позволяет говорить о том, что эта форма работы с локальной историей на сегодняшний день является наиболее успешной по охвату аудитории, доступности материалов и популяризации истории родного города. Зная, что у администраторов страниц по ижевской истории чаще всего имеется профессиональное историческое образование, трудно согласиться с мнением тех, кто считает, что эту «кропотливую работу проводят часто именно дилетанты, искренние любители родной истории, не знакомые с официальной методологией, принятой в науке», но можно поддержать вывод о том, что «на такой работе строится уже глобальное исследование историков, идет постепенное обновление привычных оценок и концепций. Поэтому здесь важен не столько профессионализм, сколько честность историка, его желание найти истину» [17, с. 236–237]. Материалы сообщений на страницах краеведческих сообществ в социальных сетях, комментарии пользователей к ним, могут стать дополнительным источником для тех, кто предпочитает заниматься локальной историей в традиционном научном формате.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арцыбашева Т. Н.* Краеведение и интернет-технологии // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 25. С. 94–96.
2. *Бабаева Е. В.* Историческое краеведение: Учебно-методическое пособие для студентов по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование», профили: «История» «Обществознание» / авт-сост.: Е. В. Бабаева. Орехово-Зуево: ГГТУ. 2018. 176 с.
3. Восстание: 100 лет истории. URL: <https://vk.com/filmprovosstanie>
4. Записки архивариуса / Удмуртия. URL: <https://vk.com/udmurthistory>
5. Ижевск || Город твоими глазами. URL: <https://vk.com/youizhevsk>
6. Ижевское читиво. URL: https://vk.com/chtivo_izh
7. Как жил Ижевск. URL: https://vk.com/kak_zhil_izhevsk
8. КИК Антей: Экскурсии по Ижевску и Удмуртии. URL: <https://vk.com/antey18>
9. Клуб Я Ижевск | Удмуртия. URL: https://vk.com/ya_izhevsk

10. *Короткова М. В.* «Новое краеведение» как современное направление развития музейной педагогики XXI века // Наука и школа. 2018. № 1. С. 100–103.
11. Культурно-исторический клуб "Антей": Экскурсии в Ижевске. URL: https://www.facebook.com/groups/201634743703869/?multi_permaLinks=1050124948854840
12. *Можаров П. В.* История советских мотоциклов. URL: <https://vk.com/mozharovmoto>
13. *Новиков С. В.* Источники по локальной современной истории как составляющей истории страны — проблемы сохранения и возможности использования // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2018. № 2. С. 33–36.
14. Старый Ижевск. URL: <https://vk.com/izhold>
15. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208>
16. *Щавелёв С. П.* Краеведение как феномен русской культуры // Наука Искусство Культура. 2020. № 1 (25). С. 39–57.
17. *Юркина Н. Н.* Значение краеведения и регионоведения для познания отечественной истории // Преподаватель XXI век. 2018. № 3–2. С. 233–246.

К 94(470.51)“1914/1918”

Т. К. Ютина

г. Ижевск (Россия)

Удмуртский гос. ун-т

**ПОРТАЛ «ПАМЯТИ ГЕРОЕВ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 ГОДОВ»
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РФ: ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ УЧАСТИЯ
ЖИТЕЛЕЙ УДМУРТИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

В статье рассматриваются вопросы, связанные с возможностью использования материалов интернет-портала «Памяти героев Великой войны 1914–1918 гг.» Министерства обороны РФ при изучении истории участия уроженцев 4 уездов (Сарапульского, Елабужского, Глазовского, Малмыжского) Вятской губернии в Первой мировой войне. Указанные уезды определены для исследования в связи с тем, что современная территория Удмуртии включает полностью или частично территорию данных уездов Вятской губернии. Кратко представлены основные публикации историков и архивистов по истории Удмуртии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. Отмечено, что открытые данные портала позволяют выяснить персональную судьбу участников боевых действий: время их призыва и нахождения на фронте, участия в боях, награждения за подвиги, потери русской армии в ходе сражений и др.

Ключевые слова: история, Первая мировая война, память героев Великой войны, 1914–1918 гг., Вятская губерния, Удмуртия.

События Первой мировой войны 1914–1918 гг. в публикациях историков и сотрудников архивов Удмуртии представлены на основе изучения источников, хранящихся в государственных и ведомственных архивах Удмуртской Республики, а также, центральных архивах Москвы, Санкт-Петербурга и др. Кратко отмечу некоторые публикации результатов исследований по истории Удмуртии в годы Первой мировой войны. Это работы М. А. Садакова, А. А. Александрова [1]. В 2006 г. опубликован сборник документов «Удмуртия в период Первой мировой войны. 1914–1918» [5].

В юбилейный 2014 год был издан сборник документов «Удмуртский край в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)» [6]. В рамках издательского проекта опубликован сборник «Первая мировая в памяти Сарапула» [4]. Документы фондов ЦГА УР по истории Первой мировой войны отражены в публикациях архивистов [1].

В представленной статье автор не рассматривает широко историографию вопроса. Отмечу, что большинство научных публикаций раннего и современного периода посвящено вопросам, связанным с эко-

номической характеристикой промышленности, её модернизацией, политической обстановкой, общественными настроениями и т. д. в годы Первой мировой войны. Сам участник — рядовой солдат, офицер, по сути, не был объектом пристального исторического исследования, такое положение было обусловлено объективными и субъективными причинами. С возрастанием интереса к историческим событиям столетней давности, развитию генеалогических исследований на профессиональном и любительском уровне возникли условия для обращения и к личности самого участника Первой мировой войны. Настоящая публикация посвящена возможностям использования документов, размещённых на одном из электронных ресурсов Министерства обороны Российской Федерации при изучении персональной истории участия уроженцев Удмуртии в Первой мировой войне.

1 августа 2017 г. состоялось открытие общедоступного интернет-портала «Памяти героев Великой войны 1914–1918 гг.». Главным инициатором его создания было Министерство обороны Российской Федерации, необходимую поддержку в организации портала и наполнении его содержания оказали Федеральное архивное агентство и Российское историческое общество [3].

Впервые появилась возможность всем желающим ознакомиться с документами, содержащими сведения об участниках Первой мировой войны. Разделы портала включают сведения «Хроники событий»: о датах и описаниях сражений, военачальниках. В разделе «Документы» опубликованы описания военных действий, документы частей, личные данные и т. д. На портале размещены данные о 476 захоронениях погибших солдат на территории государств Европы. Раздел «Структура армии» содержит данные о составе и структуре армии периода 1914–1918 гг., приведены описания армий, фронтового управления и др. Раздел «Книги» содержит информацию об исторической и художественной литературе, опубликованных воспоминаниях, представлены мемуары участников войны, карты, иллюстрации, различные справочники, ссылки на военно-историческую литературу, на электронные книги Государственной публичной исторической библиотеки и др.

Ценная информация об участниках Первой мировой войны 1914–1918 гг. содержится в разделе «Герои войны». Впервые в открытом доступе опубликованы личные данные солдат и офицеров, военачальников, сведения о месте рождения, призыва, наградах, цифрах и характере потерь и т. д. Посетители сайта могут самостоятельно выяснить судьбу своих родственников и близких людей, даже не имея полной информации о том, где они воевали, какие награды им были вручены. В разделе

«Герои войны» можно по фамилии или месту жительства (губерния, уезд, населенный пункт) и др. найти интересующие сведения.

Но следует учитывать, что на портале приведены копии документов, хранящиеся в государственных и ведомственных архивах России, о людских потерях армий России в ходе Первой мировой войны, представлена информация о наградах, о военнопленных и т. д.

Сведения о тех, кто вернулся домой с Первой мировой войны живым, но не был ранен или награждён, на портале отсутствуют. Отмечу, что банк данных портала постоянно пополняется, возможно, и эти данные будут включены. Личные данные солдат и офицеров этой категории следует искать в архивах территорий — по месту рождения солдата или призыва на военную службу и других источниках, в т. ч., данных устной семейной истории. В семейных архивах, также, можно найти информацию — фотографии, письма, воспоминания и т. д.

Изучая копии архивных документов портала «Памяти героев Великой войны 1914–1918 гг.» становится возможным восстановить боевой путь солдата, выяснить в каком полку, армии, он служил, узнать о его участии в сражениях, какими наградами был отмечен и т. д. Анализ размещенной на портале информации позволяет выяснить и другие подробности. Один из примеров: среди участников Первой мировой войны, призванных из Сарапульского уезда Вятской губернии, 15 числятся умершими от отравления. Даны фамилии пострадавших, указаны даты и места их выбытия. Из 15 погибших, 9 солдат скончались 25 сентября 1916 г., все они служили в 173 пехотном Каменецком полку. События этого дня связаны с проведённой противником газовой атакой — газовым смерчем на Иксюльском плацдарме (излучина Западной Двины). Тогда пострадали 811 чел. 173 полка, 272 солдата погибли [2].

Внимательное исследование документов портала позволяет выяснить многие страницы истории, связанной с участием жителей Сарапульского, Глазовского, Елабужского, Малмыжского уездов Вятской губернии в Первой мировой войне. На портале «Памяти героев Великой войны (1914–1918 гг.)» размещено большое количество документов: Сарапульский уезд — 27785 записей; Елабужский уезд — 18092 записей; Глазовский уезд — 38106 записей; Малмыжский уезд — 26956 записей.

Ценными являются сведения о наградах солдат и офицеров за подвиги в ходе боевых действий Первой мировой войны. 683 уроженца Сарапульского, Елабужского, Глазовского, Малмыжского уездов Вятской губернии были отмечены наградами. Ниже представлена статистика награждений солдат и офицеров уроженцев четырех уездов Вятской губернии, а также, указаны потери в ходе боевых сражений.

Данные о наградах участников Первой мировой войны, уроженцев Сарапульского, Елабужского, Глазовского, Малмыжского уездов Вятской губернии (по материалам портала «Памяти героев Великой войны (1914–1918 гг.)» МО РФ)				
	Сарапульский уезд	Елабужский уезд	Глазовский уезд	Малмыжский уезд
Геогриевский крест IV-й степени	102	81	140	89
Геогриевский крест III-й степени	8	14	14	8
Геогриевский крест II-й степени	6	3	1	1
Геогриевский крест I-й степени	3	2	2	
Геогриевский медаль IV-й степени	18	14	49	26
Геогриевский медаль III-й степени			1	
Всего:	137	114	207	125
Итого: количество награждённых участников Первой мировой войны 4 уездов Вятской губернии (Сарапульского, Елабужского, Глазовского, Малмыжского) составляет — 683 чел.				

Потери в Первой мировой войне по материалам Сарапульского, Елабужского, Глазовского, Малмыжского уездов Вятской губернии, размещенным на портале «Памяти героев Великой войны (1914–1918 гг.)» МО РФ				
	Сарапульский уезд	Елабужский уезд	Глазовский уезд	Малмыжский уезд
Ранен/контужен	13 946	8 828	19 261	13 600
Болен	5 583	3 990	7 304	6 245
Пропал без вести	4 643	2 788	6 154	3 712
Не уточнено	1 278	1 014	1 924	1 331
Убит	1 436	939	1 989	1 225
Оставлен на поле боя	450	303	696	553
Попал в плен	30	21	58	38
Умер	36	30	42	36
Умер от ран	42	18	51	31
Иное	22	21	48	17
Эвакуирован	92	5	304	7

Умер от отравления	15	11	14	5
Дезертировал	5		5	3
Освобожден из плена	3		9	2
Умер от болезни	1		6	1
Перешел на сторону врага	1		1	
Погиб в плену			1	
Иная причина смерти	1	1		

Каждая строка приведённой статистики потерь требует внимательного исторического анализа, за цифрами — судьба человека, история его нелегкого боевого пути, его победы и неудачи. Пропал без вести, убит, оставлен на поле боя... счёт на тысячи людских судеб.

Архивные документы, размещенные на интернет-портале «Памяти героев Великой войны (1914–1918 гг.)» МО РФ, как и другие материалы этого портала, представляют интерес для профессиональных историков, изучающих события Первой мировой войны и участие в ней жителей Удмуртии, и всех тех, кто интересуется историей боевого пути родственников, представителей предшествующих поколений рода. Необходимо сохранить память о событиях и участниках Первой мировой войны 1914–1918 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ашихмин С. С. Отражение истории Первой мировой войны в документальном наследии Центрального государственного архива Удмуртской Республики // XX век и Россия: общество, реформы, революции [Электронный ресурс]: электрон. сб. Вып. 5. Электрон. дан. Самара, 2017. URL: <http://sbornik/libsmr.ru/>
2. Олейников Алексей. На пути химического урагана. Часть 2. Газовый смерч на Иксюльском плацдарме. URL: <https://topwar.ru/119799-himicheskaya-voynana-russkom-fronte-pervoy-mirovoy-v-oborone-chast-2-ikskyulskiy-placdarm.html>
3. Памяти героев Великой войны 1914–1918 гг. (интернет-портал) // Министерство обороны Российской Федерации (сайт). URL: <https://gwar.mil.ru/>
4. Первая мировая в памяти Сарапула/ сост. и ред. Т. Б. Пеганова. Сарапул: Сарапульская типография, 2014. 188 с.: ил.
5. Удмуртия в период Первой мировой войны. 1914–1918: сб. документов / сост.: М. А. Микрюкова и др. / Ком. по делам арх. при Правительстве Удмурт. Респ., Централ. гос. арх. Удмурт. Респ., Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Ижевск, 2006. 300 с.
6. Удмуртский край в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) / под общ. ред. А. Е. Загребина и Н. В. Тойкиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2014. 255 с.

СЕКЦИЯ 2: НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

УДК 930.2

А. В. Башев

г. Ижевск (Россия)

Удмуртский гос. ун-т

КНИГИ ПРИКАЗОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ УГПИ (1931–1941)

В статье рассматривается уникальный источник по истории старейшего образовательного учреждения Удмуртский Республики. Проводится источниковедческое описание источника. Характеризуется его внутреннее содержание. Рассматриваются проблемы, связанные с формированием кадрового состава Удмуртского государственного педагогического института, деятельностью первых директоров предвоенного времени, хозяйственное состояние пединститута.

Ключевые слова: Удмуртский государственный педагогический институт, книги приказов, Г. П. Макаров, М. А. Родин, формирование кадрового состава вуза, история высшего образования в УАССР.

Становление Удмуртского государственного педагогического института, особенно в первое десятилетие его существования, остаётся в целом малоизученным. Эти сюжеты рассматривались в работах В. В. Пузанова [1; 9–11], И. В. Верижниковой [4], А. А. Рамазановой (Измайловой) [12–14]. Обзор источников не производился вовсе. Данная статья представляет собой первую попытку заполнить этот историографический пробел и посвящена разбору уникального источника — книгам приказов по УГПИ, в т. ч., в контексте их соотношения с документами из фондов Центрального государственного архива УР (ЦГА УР) и Центра документации новейшей истории УР (ЦДНИ УР), а также с материалами периодической печати, в первую очередь, газеты «Ижевская правда» (с 1937 г. — «Удмуртская правда»).

Книги приказов УГПИ охватывают период с 1 января 1932 по 28 декабря 1942 г. В статье мы рассматриваем период до 1941 г. включительно. По своему внешнему виду — это состоящие из тетрадей амбарные книги формата А4 с разлинованными листами. В основной своей массе — в твердом переплете, но есть и в мягком. Количество листов в книгах неодинаковое. Так, например, в книге приказов за период с 1 января 1932 по 24 февраля 1934 г. — 82 листа, с 8 февраля 1934 по 26 сен-

тября 1935 г. — 115 листов, с 1 октября 1935 по 2 октября 1937 г. — 176 листов.

Весь комплекс книг приказов можно разделить на три группы: 1) книги приказов по УГПИ в 11 томах [2. Оп. 2. Д. 4, 6, 8, 22, 37, 48, 55, 62, 78, 79, 80] на 1004 листах; 2) книги приказов по педагогическому рабочему факультету в двух томах на 129 листах; 3) книги приказов по сектору заочного обучения и экстернату в трех томах [2. Оп. 2. Д. 12, 13, 39] на 443 листах. Особняком стоят книга приказов по двухгодичному учительскому институту [2. Оп. 2. Д. 40] на 65 листах и книги приказов по учительскому институту иностранных языков (1938–1941 гг.) в трех томах на 293 листах [2. Оп. 2. Д. 41, 49, 81]. Общее количество томов — 21 на 1934 листах.

Сохранность и самих книг приказов по УГПИ, и листов в них может быть признана хорошей. Отсутствуют следы изъятия тетрадей, вырванных листов или иная сознательная порча документов. Тексты приказов рукописные, выполненные чернилами, разными почерками, присутствуют различные вклейки, в частности машинописные страницы (набранные на печатных машинках) в основном они появляются с 1938 года и это чаще всего списки студентов окончивших учебные заведения. Присутствуют, штампы пединститута и отметки работников архива, с начала УГПИ, а впоследствии Удмуртского государственного университета.

Весь комплекс книг приказов, за исключением книг по рабфаку, хранится в архиве Удмуртского государственного университета. Книги приказов по рабфаку УГПИ находятся в Центральном государственном архиве УР (фонд Р-470). Они были переданы туда после его закрытия в 1941 г. Сохранность и целостность книг приказов педрабфака в ЦГА УР можно признать неудовлетворительной, т. к., согласно записи ликвидационной комиссии, в книгах приказов педрабфака за период с 10 ноября 1932 по 14 декабря 1935 г. имелось 93 листа, на сегодняшний день — 43 листа [16. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 1. Л. 42об]. В книгах приказов педрабфака за период с 11 сентября 1937 по 31 декабря 1938 г. было 166 листов, сегодня — 86 листов [16. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 6. Л. 86об].

Уникальность книг приказов заключается в том, что они позволяют проследить буквально каждодневную жизнь Удмуртского пединститута в период его становления.

Условно все приказы по УГПИ можно разделить на три группы.

1. Приказы о приеме и увольнении хозяйственных работников: швейцаров, уборщиц, скотниц, истопников, кучеров, столяров, плотников, врача, курьеров, секретарей, машинисток, библиотекарей и др.

2. Приказы, касающиеся непосредственно учебной деятельности, которые, в свою очередь, делятся на две условные подгруппы: 1) приказы по преподавателям (приём и увольнение, распределение часов, ставок, нагрузки и др.) и 2) приказы по студентам (прием в институт, перевод, отчисление, общественная и воспитательная работа, стипендии и др.).

3. Приказы административного характера о назначении и освобождении деканов, заместителей директора, зав. кафедрами; о создании кафедр, разных комиссий (хозяйственных), выпускных комиссий и др.

Приведем приказ № 1 по Удмуртскому педагогическому институту им. 10-летия УАО от 1 января 1932 г.: «§ 1. В дополнение приказа № 20 § 4 от 8 октября 1931 г. преподавателя по обществоведению т. Будину Л. П. назначаю с 1 января 1932 года зав. учебной частью дневного и вечернего педрабфаков с окладом 250 руб. § 2. Прачку при общезнании № 2 Князеву Д. согласно её личному заявлению об увольнении с работы с сего числа освободить. [Штамп] Директор педагогического института 10-летия УАО [Подпись] Морозов».

Данный приказ ставит перед нами сразу несколько вопросов, первый из которых очевиден: где находится источник «приказа № 20 от 8 октября 1931 г.»? Изыскания, предпринятые автором в архиве УдГУ, не дали результата. Отметим, что это единственная отсылка, намекающая на существование более ранней «тетради» с приказами за период с 1 сентября 1931 г. (или с 10 апреля 1931 г., что маловероятно) по 1 января 1932 г. Следующий немаловажный момент — это отсутствие собственно приказа о назначении директором УГПИ Дмитрия Георгиевича Морозова, что также должно свидетельствовать о существовании более ранних приказов по УГПИ. Хотя это и не является серьезным показателем, т. к. приказы о назначении директоров УГПИ и снятии оных с должности представляют достаточно серьезную тему сами по себе. Так, в ряде работ [1, с. 18; 5, с. 5] со ссылкой на книги приказов указывается, что первым директором УГПИ — по умолчанию, «назначался» Д. Г. Морозов, хотя, если привлечь другие источники [15. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1234. Л. 144–147], то первым директором, как верно было указано в «Очерках...», «становится» П. Н. Перевошиков [11, с. 88].

Следующий показательный момент — это собственно назначение директором пединститута главного административного лица педрабфака. В целом, приказы по пединституту продолжительное время соседствуют с приказами по педрабфаку и включают в себя весь спектр административных решений: от назначения техперсонала до увольнения директора педрабфака. В качестве примера приведем приказ об увольнении директора рабфака Данилова от 25 октября 1932 г. Отдельно отме-

тим отсутствие приказа о его назначении [2. Оп. 2. Д. 4. Л. 19об]. Сами приказы, связанные с ликвидацией рабфака в марте 1941 г., находятся в книгах приказов по пединституту [2. Оп. 2. Д. 78. Л. 21об]. В результате, складывался своеобразный управленческий дуализм, который приводил к конфликтным ситуациям. Вот как описывают эту ситуацию газеты того времени: «<...> Рабфаку Макаров [директор УГПИ, см. ниже. — А. Б.] не предоставляет кабинетов для занятий и на этой почве между Макаровым и Клестовым, директором рабфака, происходят бесконечные споры» [7, с. 2].

При этом, педрабфак в книгах приказов выступает как самостоятельная структура со своим учебным планом, что подтверждается наличием приказов о назначении преподавателей дневного педрабфака по географии, естествознанию и биологии, математике [2. Оп. 2. Д. 4. Л. 5] и вспомогательного штата (секретарей и машинисток) [2. Оп. 2. Д. 4. Л. 3]. Всего же в феврале 1932 г. в штате пединститута числилось административного персонала — 8 чел., на педрабфаке — 7 чел. [2. Оп. 2. Д. 4. Л. 3]. Основная масса преподавательского состава педрабфака до 1935 г. состояла, в основном, из совместителей, которые работали в пединституте. С 1935 г. педсостав рабфака был обновлен за счёт первого выпуска пединститута, из которого на рабфаке было оставлено 9 чел. (И. Ф. Кутявин — директор педрабфака в 1935–1936 гг., П. И. Сорокина, Д. Г. Рылова, А. Д. Максимова, З. Т. Будина и др.).

Нехватка преподавательских кадров и в самом пединституте приводила к тому, что на протяжении всего довоенного периода совместители составляли значительную часть его педколлектива. Можно говорить о существовании своеобразной системы кадровых «сообщающихся сосудов» между УГПИ, УдНИИ и Комвузом (УВКСХШ), к которым впоследствии добавился ИМИ.

Так, в 1932 г. в УГПИ работал В. А. Максимов — директор УдНИИ в 1933–1934 гг., являвшийся одновременно председателем кафедры истории [2. Оп. 2. Д. 4. Л. 23]; научные сотрудники УдНИИ Д. И. Корепанов и С. П. Жуйков и ряд др. С 1932 г. в УГПИ работали С. Гишберг — ректор Комвуза, историки П. И. Жаров, назначенный на должность зав. учебной частью [2. Оп. 2. Д. 4. Л. 3об] и С. И. Шихов — преподаватели Комвуза. С 1933 г. — Б. В. Парин [2. Оп. 2. Д. 4. Л. 50] и целый ряд других преподавателей ИМИ.

Особенностью приказов по УГПИ за 1932 г. является то, что в них отразилась учебная программа с целым рядом специфических предметов, таких, как машиноведение (преподаватель — Н. М. Зюзин) и сельскохозяйственное машиноведение (преподаватель — Б. В. Кузнецов), политехнической и сельскохозяйственной производственной практика-

ми [2. Оп. 2. Д. 4. Л. 1об, 7об], что изначально соотносилось с планами по открытию пединститута, в составе которого, наряду с отделениями физико-техническим, химико-биологическим, общественно-литературным, рабфаком, присутствовало и агрономическое отделение, которое вместе с общественно-литературным должно было начать функционировать с первой половины 1931 г. [16. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 832. Л. 47]. Также в приказах сохранились сведения о раздельном преподавании педагогики (Д. И. Корепанов) и педологии (К. Я. Пушкин) [2. Оп. 2. Д. 4. Л. 15–15об]. Теория советского хозяйства (И. И. Захаров) преподавалась наряду с политекономией (С. Гишберг, С. С. Невоструев); впоследствии эти предметы были объединены [14].

Приказ № 5 от 23 сентября 1932 г. интересен, в первую очередь, тем, что согласно ему были назначены на доцентские должности выше упомянутые И. И. Захаров и Д. И. Корепанов, а также С. И. Шихов — по истории СССР и национальному вопросу, а также С. П. Жуйков — доцентом по удмуртскому языку. Отметим, что ранее в приказах С. П. Жуйков фигурирует как преподаватель педрабфака [2. Оп. 2. Д. 4. Л. 9об]. На ассистентских должностях было 14 чел. В частности, директор института Д. Г. Морозов — ассистент по диалектическому и историческому материализму, а следующий за ним директор института Ф. Г. Ившин — ассистент по истории Запада. На преподавательских должностях — 3 чел. [2. Оп. 2. Д. 4. Л. 15, 16об].

Достаточно много приказов дописывалось и дополнялось задним числом, что также придает колорит вдумчивому чтению данного источника. Приведем яркий пример: «Приказ за № 17 по УГПИ имени 10 УАО от 3 ноября 1932 г. § 1. П. В. Кильдибекова назначить с 1 октября ассистентом по истории Запада и истории Удмуртии <...> § 2. Прибывшую аспирантку из Ленинградского пединститута им. Герцена В. Д. Иванову назначить с 1 ноября ассистентом по русскому языку и методике преподавания русского языка <...>. Директор [подпись] Морозов». Весь текст написан один подчеркиком и одними чернилами, а за ним следует текст следующего содержания «§ 3. С 1 ноября ухожу в 2-месячный отпуск [красные чернила. — А. Б.], заместителем оставляю помощника директора по учебной части т. Невоструева. Директор [подпись] Морозов» [2. Оп. 2. Д. 4. Л. 21]. Данный отрывок был написан уже другим почерком и двумя разными чернилами (красными и синими), при этом подписи Морозова схожи. И такого рода примеров достаточно много.

Сергей Семенович Невоструев, упомянутый в этом документе, был и. о. директора института с 4 по 21 ноября 1932 г. и с 3 сентября по 3(7) октября 1933 г. С 21 ноября 1932 г. директором института становится Федор Григорьевич Ившин с формулировкой: «На основании постанов-

ления бюро ОК ВКП(б) от 12.12 и отношения ОБОНО» и снова возникает вопрос об отсутствии приказа об утверждении директора УГПИ со стороны Наркомпроса РСФСР, в подчинении которого пединститут находился.

Так, задним числом принимается по книге приказов Герман Павлович Макаров [3]: в приказ № 54 от 4 октября 1933 г. был добавлен пункт о принятии его на работу «преподавателем по диалектическому и историческому материализму с 1 сентября с нагрузкой 370 час. по доцентской ставке, из них лекционных 111 час. по 12 р. 50 коп., 249 час. по 8 р. 33 коп. и остальные 10 час. по 16 р. 25 коп. Таким образом установить месячную зарплату 293 р. 68 коп.». В Приказе № 55 к его номеру добавлен знак «?», дата написана и исправлена и читается и как «3», и как «7» октября. «На основании постановления секретариата Уд. Обкома ВКП(б) и распоряжения ОБОНО, Я — Макаров Герман Павлович, приступил к исполнению обязанности директора Уд. Пединститута. <...> Вывести приказ на видное место. Директор [подпись] Макаров» [2. Оп. 2. Д. 4. Л. 51–51об]. Данный приказ интересен тем, что он собственноручно написан Г. П. Макаровым. К сожалению, мы не знаем почерков других директоров пединститута и не можем утверждать, что они не писали приказы собственной рукой. Хотя, в условиях имевшейся в то время в пединституте текучести кадров секретарей и машинисток, высока вероятность, что часть приказов директора писали собственноручно. Также вновь встаёт вопрос об утверждении Наркомпросом РСФСР.

Приказы, выходявшие и в прямом, и в переносном смысле из-под пера Г. П. Макарова, несут в себе отпечаток его личности и отражают тяжелую каждодневную работу в институте. Приказы затрагивали все стороны жизни пединститута. Высочайшая работоспособность Г. П. Макарова выразилась и их количестве: из 82 листов за период с 1 января 1932 по 24 февраля 1934 г. 31 лист за период с октября 1933 по февраль 1934 г. — за подписью Германа Павловича.

Без преувеличения можно сказать, что процесс становления УГПИ как образовательного учреждения лег на плечи директора Г. П. Макарова. Практически с первых месяцев управления институтом он издает важнейшие приказы. Так, «в трехдневный срок» с 5 по 17 ноября 1933 г. организуются кафедры: физико-математических дисциплин (рук. — доцент А. Е. Усков, штат 4 чел.: А. Н. Пельц, Е. А. Шиялева, Н. А. Филимонцев), исторических дисциплин (рук. — доцент А. Н. Вахрушев, штат 3 чел.: Л. Н. Заболотская, П. В. Кильдибеков); химико-биологических дисциплин (рук. — В. И. Подлесный, штат — преподаватели химии, ботаники, зоологии, анатомии, основ с/х производства) [2. Оп. 2. Д. 4. Л. 58–60]. Отдельно отметим формирование состава кафедры педагогических дис-

циплин, которую возглавил доцент Ф. А. Федоров, но штат был крайне условен, т. к., наряду с преподавателем психологии — Д. Х. Шапиро, в него были включены преподаватели методики частных дисциплин: русский язык — Толмачева; удмуртский язык — С. П. Жуйков; литературы — Н. П. Лихачев; физики — А. Н. Пельц; естествознания — П. Г. Дерендяев [2. Оп. 2. Д. 4. Л. 62].

Отдельного внимания заслуживают приказы Г. П. Макарова, которые передают красочную картину быта 1930-х гг. Например, приказ от 8 февраля 1934 г.: «При осмотре общежития выявлено отсутствие элементарных санитарно-гигиенических правил (стирка белья в комнатах, курение табаку, сидение в верхней одежде на койках и т. д. Точно так же по учебному зданию правила внутреннего распорядка не выполняются со стороны ряда студентов (курение, хождение в галошах, верхнем платье по коридорам и т. д.). В целях регулирования указанных недочётов ввожу следующие правила внутреннего распорядка: [...] Уборку производить: в комнатах с 6–7 часов утра, с 10–12 и 6–7 часов вечера — уборка в коридорах. [...] Воспрещается нахождение в комнатах и на койках в верхней одежде; хранение белья и прочей одежды в тумбочках (административно-хозяйственной части обеспечить достаточное количество вешалок и сундуков). Воспрещается табако- и винокурение в комнатах, а также какие бы то ни было азартные игры (игра в карты и т. д.). Предлагаю выполнять следующие правила по столовой: мытьё рук перед едой, соблюдение расписания завтрак — обед — ужин, снимать головные уборы и верхнюю одежду, не нарушать порядок очереди, бережно относиться к инвентарю. [...] Каждый преподаватель обязывается следить за орфографической грамотностью студенчества, не допускается вывешивание объявлений и лозунгов с ошибками» [2. Оп. 2. Д. 6. Л. 1–5].

Своеобразным памятником попыткам введения делопроизводства УГПИ на удмуртском языке является приказ № 17 от 11 февраля 1934 г. о преподавательнице А. А. Поздеевой, написанный Г. П. Макаровым собственноручно на удмуртском языке [2. Оп. 2. Д. 6. Л. 5об].

Книги приказов двухгодичного учительского института и сектора заочного обучения УГПИ также связаны с деятельностью Г. П. Макарова. Сектор заочного обучения был организован с формулировкой: «Сего числа организован Сектор заочного обучения при Удмуртском государственном педагогическом институте. Основание: распоряжение НКП РСФСР. Директор Макаров» [2. Оп. 2. Д. 12. Л. 1].

Книги приказов по двухгодичному институту обладают своей спецификой и отражают своеобразное его положение относительно УГПИ. Задачей его была форсированная подготовка кадров, отсюда и именование — учительский институт. Обучение студентов шло на тех же фа-

культетах, что и в пединституте: историческом, языка и литературы, естественном, год спустя открылся физико-математический. Студенты, окончившие учительский институт, распределялись на работу в 5–7-е классы школ. Многие из них потом переходили на заочное обучение и получали высшее образование с правом работы в старших классах.

Первый лист в книге приказов поврежден и начинается так: «Макаров Герман Павлович приступил исполнению обязанности директора указанного института и обязанности заведующего курсами по совместительству. Одновременно предлагаю зав. курсами существующих одногодичных курсов т. Булычеву через Облоно спустить в РОНО *[не читается в силу повреждения бумаги. — А. Б.]* Директор Макаров». Датировка данного документа затруднена, если не обращаться к другим фондам. Постановлением Облисполкома от 29 июня 1934 г. Г. П. Макаров был утвержден директором двухгодичного пединститута [16. Ф. Р-174. Оп. 1 Д. 1000 Л. 76–77]. Интересно упоминание в этом документе М. Н. Булычева (см. ниже).

Следующий приказ от 9 октября 1934 г о назначении зам. директора по учебной части двухгодичного института И. М. Моисеева [2. Оп. 2. Д. 7 Л. 2]. Фактически он возглавлял двухгодичный институт, хотя и приказы по учительскому институту подписывал Г. П. Макаров, одновременно являясь, преподавателем кафедры педагогики УГПИ, а впоследствии — первым директором Института усовершенствования учителей. После 1937 г. приказы по двухгодичному институту идут в корпусе книг по УГПИ, хотя и ранее отдельные приказы с формулировкой «по педагогическому и учительскому институту» — не редкость в книгах приказов по пединституту. В целом, можно говорить об общей подчиненности учительского института (годы существования: 1934–1955 [11, с. 86]) педагогическому.

После снятия Г. П. Макарова с должности директора УГПИ [3, с. 150], в книгах приказов отражена деятельность и. о. директора пединститута Прокопия Гавриловича Наговицына с ноября 1937 по август 1938 г. [8]. Назначение директором УГПИ Михаила Андреевича Родина стало важным этапом в развитии института и стабилизировало его деятельность, в первую очередь, в административном плане. До назначения Г. П. Макарова директором пединститута менялись фактически ежегодно, что в условиях тяжелейшего этапа становления было губительно. Приход М. А. Родина стал знаковым, поскольку он начинал работать в должности зам. директора по учебной и научной работе (1935–1938), т. е. являлся фактически вторым человеком в пединституте. И во многом то, что удалось сделать в период работы Г. П. Макарова (а сделано было действительно много [3, с. 146–149]) — заслуга и М. А. Родина. Немало-

важно подчеркнуть и то, что практически все последующие директора УГПИ начинали работать при Макарове и Родине [3, с. 148–149; 6].

Приказы М. А. Родина гораздо более сдержанны, более формализованы, подчас более кратки: почти нет приказов объемом в 5 листов формата А4, написанных мелким и убористым почерком. Нужно отметить, что в это время, очевидно, происходит стабилизация штата секретарей, что заметно по преобладанию нескольких почерков, т. е. приказы записывались одними и теми же людьми (или несколькими людьми). Как уже отмечалось выше, в больших масштабах появляются и машинописные вклейки. Одной из таких вклеек стала копия приказа НКП РСФСР № 1571 от 19 ноября 1938 г. о назначении, и утверждении (приказ НКП РСФСР № 2915 от 19 декабря 1938 г.), М. А. Родина директором УГПИ [2. Оп. 2. Д. 37. Л. 43]. Это — первые приказы Наркомпроса в книгах приказов по УГПИ о назначении и утверждении директора.

С началом Великой Отечественной войны ситуация существенно ухудшается и начинается пропорциональный рост приказов, особенно в каникулярное время. Так, с мая по август 1941 г. сохранилась отдельная книга приказов объёмом 89 листов. В это тяжелое время в УГПИ были включены два учебных заведения. Книги приказов одного из них — организованного в 1938 г. Учительского института иностранных языков, сохранились в архиве УдГУ. Приказ № 1 от 1 ноября 1938 г. об освобождении Николая Ивановича Лямина от обязанностей вр. и. о. директора Ижевского Учительского института иностранных языков [2. Оп. 2. Д. 41. Л. 1] за подписью упомянутого выше Михаила Никандровича Булычева, который, собственно говоря, и возглавит этот институт в 1938 г. и пробудет в должности директора до включения его в составе УГПИ в качестве факультета в 1942 г. Институт готовил учителей иностранных языков для 5–7 классов неполной средней школы на базе трех отделений: английского, немецкого и французского. Состав преподавателей был, в основном, из совместителей и преподавателей УГПИ. Кроме профильных кафедр, которые потом войдут в состав УГПИ, было две общеинститутские кафедры: марксизма-ленинизма и педагогики и методики преподавания иностранных языков. В целом, можно говорить о соподчиненности института иностранных языков, педагогическому институту.

Подводя некоторые итоги, заметим, что из приказов о распределении часовой нагрузки для преподавателей и об утверждении штатов по институту можно узнать о категориях сотрудников, работавших в пединституте, а также об изменениях, происходивших со штатом вуза в 1930-е гг.

Данные документы позволяют проследить динамику изменений профессорско-преподавательского состава пединститута и других кате-

горий специалистов, а также узнать соотношение мужчин и женщин в коллективе. Помимо этого, приказы директоров пединститута содержат информацию о заработной плате, времени и обстоятельствах приема сотрудников на работу, причинах их увольнения и проч. Общая характеристика приказов дает представление о хозяйственной жизни УГПИ и роли директоров, как организаторов этого процесса.

Многие из преподавателей вуза практически сразу начали работу на педрабфаке УГПИ (1931), в Учительском двухгодичном институте (1934), Учительском институте иностранных языков (1938), а также на различных образовательных курсах (одногодичные курсы), функционировавших на базе пединститута.

Если рассматривать весь корпус книг приказов, то УГПИ предстаёт как комплексное образовательное учреждение, состоявшее из целого ряда самостоятельных (во многом — условно) учебных заведений (педрабфак, учительский институт и др.), объединённых и общим административным аппаратом и хозяйственным комплексом, и общим преподавательским составом, которые находились в сложных административных отношениях, нашедших отражение в книгах приказов УГПИ. В целом, книги приказов существенно расширяют исследовательское поле и ставят перед исследователями круг разнообразных вопросов по истории высшего образования в Удмуртии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. 65 лет УГПИ–УдГУ. Ижевск, 1996. 135 с.
2. Архив Удмуртского государственного университета (УдГУ).
3. *Башев А. В., Рамазанова (Измайлова) А. А.* Герман Павлович Макаров (25. 06. 1905 — 02. 08. 1943) // Классический университет: история и современность: материалы II-й Всерос. с междунар. участием науч-практ. конф., посвящ. 90-летию Удм. гос. ун-та; Ижевск, 29 янв. 2021 г. / отв. ред. и сост. В. В. Пузанов, Д. В. Репников. Ижевск: Издат. центр «Удм. ун-т», 2021. С. 143–156.
4. *Верижникова И. В.* Проблема приема и сохранения студенческого контингента в вузах Удмуртской Республики в 1930-е годы // Вестн. Удм. ун-та. Спец. вып. 2003. С. 168–174.
5. *Вспоминая былые годы... Сб. воспоминаний к 80-летию УГПИ–УдГУ.* Ижевск, 2011. 262 с.
6. *Зворыгин Р.В.* Родин Михаил Андреевич — первый уполномоченный совета по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР по УАССР. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23312742>
7. Ижевская правда. 1934. 20 окт.
8. Прокопий Гаврилович Наговицын [материалы НОЭЦ УдГУ]. URL: <http://85let.udsu.ru/history/persons/direktora-ugpi-i-rektory-udgu/nagovitsyn-prokopij-gavrilovich>

9. Пузанов В. В. Краткая история Удмуртского государственного университета (пособие к курсу «Введение в профессию»). Ижевск, 2012. 30 с. [Электронное издание — Удмуртский государственный университет, 2012].
10. Пузанов В. В., Верижникова И. В. Очерки истории Удмуртского государственного университета, 1931–2001. Ижевск, 2001. 271 с.
11. Пузанов В. В., Верижникова И. В., Кутявин А. Н., Халявин Н. В. Очерки истории Удмуртского государственного университета, 1931–2005. Ижевск, 2006. 564 с.
12. Рамазанова (Измайлова) А. А. История комсомольской организации Удмуртского государственного педагогического института в 1930–40-е годы по документам архивных фондов ГКУ «ЦДНИ УР» // Партийные архивы. Прошлое и настоящее, перспективы развития: материалы IV-й межрег. науч.-практ. конф. Пермь, 2017. URL: http://gasur.ru/activity/publications/pub_arh/2017/03/1205.pdf
13. Рамазанова (Измайлова) А. А. Высшие учебные заведения УАССР в годы Великой Отечественной Войны (1941–1945 гг.) // Материалы науч. конф. «Ноябрьские историко-архивные чтения — 2019 г.» Пермь, 2019. URL: <https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/november-readings/noyabrskie-istoriko-arhivnye-chteniya-v-permskom-partarhive-v-2019-godu/materialy-nauchnoj-konferentsii-noyabrskie-istoriko-arhivnye-chteniya-2019-g/vysshie-uchebnye-zavedeniya-uassr-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny-1941-1945-gg.html>
14. Рамазанова (Измайлова) А. А. Научно-исследовательская работа гуманитарных факультетов УГПИ в 1930–1940-е гг. // Классический университет: история и современность: материалы Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. посвящ. 85-летию Удм. гос. ун-та; Ижевск, 3–4 февр. 2016 г. / отв. ред. и сост. В. В. Пузанов, Д. В. Репников. Ижевск: Издат. центр «Удм. ун-т», 2016. С. 171–180.
15. Сычев Н. В. Актуальные проблемы политической экономии. URL: <http://iknigi.net/avtor-nikolay-sychev/112543-aktualnye-problemy-politicheskoy-ekonomii-nikolay-sychev/read/page-10.html>
16. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР).
17. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР).

УДК 930.2:004

Е. В. Тронина

г. Москва (Россия)

ИПО «Хранители времени»

**К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ЭЛЕКТРОННЫХ КОПИЙ ФОТОДОКУМЕНТОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ
(НА ПРИМЕРЕ ФОТОГРАФИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)**

В последние годы на волне цифровой трансформации производится активная цифровизация фотодокументов Архивного фонда РФ, фотографий из музейных и частных коллекций, семейных архивов и представление их электронных копий в сети Интернет. Это привело к новой волне интереса к данному виду исторических источников и со стороны исследователей, и со стороны широкого круга пользователей. Однако, наряду с положительными результатами цифровизации, исследователями были выявлены источниковедческие, археографические, правовые, технологические и нормативно-методические проблемы, сопровождающие процесс оцифровки и размещения электронных копий архивных документов в электронной среде. Наряду с другими архивными документами на специально созданных интернет-ресурсах широко представлены электронные копии фотодокументов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В данной статье на их примере предпринимается попытка показать проблему использования размещенных в Интернете электронных копий архивных фотодокументов и современных цифровых фотографий.

Ключевые слова: фотодокумент, фотография, электронная копия, цифровизация исторических источников, Великая Отечественная война.

Развитие информационных технологий привело к массовой оцифровке исторических источников. Этот процесс носит общемировой характер и в России, в общем и целом, протекает так же, как и в других странах. Необходимость перевода исторических источников в цифровой вид и их представление в электронной среде объясняется необходимостью предоставления доступа к ним для широкого круга пользователей. К тому же это позволит исследователям удалённо работать с историческими источниками независимо от их географического расположения, что должно решить проблему исследовательского доступа к архивным и музейным фондам. Фондодержатели по мере оцифровки фондов переводят пользователей на работу с электронными копиями документов и уже сейчас решают проблему сохранности подлинников [9, с. 168, 170; 11, с. 18–19; 12, с. 126; 13, с. 98; 15, с. 150]. Однако, при кажущихся плюсах массовой цифровизации исторических источников, по справедливому

замечанию Ю. Ю. Юмашевой, оцифровка и представление электронных копий архивных документов в цифровой среде «сопровождается массой проблем не только нормативно-методического, но и технологического, правового, источниковедческого и археографического характера» [12, с. 126]. Перечисленные проблемы в полной мере относятся и к фотодокументам.

Действующий ГОСТ определяет фотодокумент как изобразительный документ, созданный фотографическим или электронным (цифровым) способом, фиксирующий информацию в виде отдельных изображений — статичных образов [3].

Ценность фотодокументов как исторических источников отмечается многими исследователями. Так, например, В. М. Магидов к сильным сторонам кинофотодокументов относит их «убедительность, выразительность, доступность, документальность, способность фиксации подлинных событий и фактов» [6, с. 242]. В. П. Козлов отмечает, что фотодокумент «запоминает всегда некое мгновение действительности» и уже исходя из этой своей функции он, в отличие от письменного документа, «самим фактом своего создания нацелен быть источником» [5, с. 19]. Вместе с тем, специфика фотодокументов определяет сложность этого исторического источника как для изучения, так и для его публикации и использования. Чаще всего в исторических работах фотографии используются в качестве иллюстративного материала, но даже такое их использование, по мнению В. М. Магидова, вызывает определенные трудности и требует от исследователя дополнительной работы по отбору, классификации, археографической обработке фотодокументов [6, с. 242–243]. Исследователи неоднократно указывали на то, что при издании фотодокументов необходимо проводить грамотное археографическое описание. Несмотря на то, что среди специалистов нет единого мнения на счет полноты археографического описания фотографий, в качестве необходимого минимума многими из них называют указание авторства, даты съемки, места хранения (архивохранилище, фонд, опись, номер дела, лист) [1, с. 94–95; 4, с. 224; 6, с. 243–246; 7, с. 5; 12, с. 131]. Е. М. Главацкая, помимо этого, предлагает указывать тип документа и его размер [4, с. 224]. В. М. Магидов отмечал, что описание фотографии не должно быть условным, т. е. не должно сообщать читателю или пользователю то, что он сам может увидеть рассматривая изображение [6, с. 244].

Публикация в электронной среде копий фотодокументов выдвигает ряд новых требований как к самим копиям и их описанию, так и к публикаторам и исследователям. Ю. Ю. Юмашева отмечает, что в условиях, когда размещение электронной копии архивного документа в сети приравнивается к научной публикации, особенно важным становится

вопрос качества этой электронной копии. Под качеством подразумевается качество описания подлинника документа и его цифровой копии, «качество электронного образа (качество сканирования или оцифровки)», «качество графической обработки электронной копии и качество ее хранения и использования». В описании подлинника при размещении его копии в сети обязательно должны присутствовать «характеристики носителя, его физические размеры, писчие материалы, те детали, которые не видны пользователю». В описании электронной копии должны быть «сведения технического и технологического свойства, характеризующие копию как самостоятельный объект, информация об объекте, с которого сделана копия (если это не оригинал), данные, описывающие процедуру создания (редактирования) публикуемой копии» [12, с. 127–131; 13, с. 98–103; 15, с. 162]. Данная практика позволила бы решить множество из перечисленных выше проблем (например, проблему аутентичности электронной копии и подлинника) но, к сожалению, на сегодня она все еще не получила широкого применения. В большинстве случаев в электронной среде архивные документы представлены электронной копией с кратким описанием подлинника, т. к. именно этот подход позволяет поставить создание электронных копий «на поток» и является наиболее распространенным [13, с. 98].

На сегодняшний момент нет никаких единых правил и стандартов для публикации электронных копий архивных документов в цифровой среде. И если ранее можно было предлагать решение этой проблемы, ссылаясь на действовавшие до октября 2020 г. «Правила издания исторических документов в СССР», то с их отменой не осталось никаких регламентирующих эту сферу документов, что еще сильнее усугубляет ситуацию [8].

Массовая цифровизация фотодокументов Архивного фонда РФ, фотографий из музейных и частных коллекций, семейных архивов и представление их электронных копий в сети Интернет привели к новой волне интереса к этому виду исторических источников. Особенно интенсивно в последние годы оцифровываются фотодокументы, посвященные Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В российском сегменте сети Интернет их электронные копии размещаются на сайтах государственных архивов, музеев, библиотек, в Государственном каталоге музейного фонда РФ (Госкаталоге), на сайтах архивных онлайн-проектов Федерального архивного агентства, таких, как «Победа. 1941–1945», проектов Военно-исторического общества (ВИО) «Образы войны» и Министерства обороны РФ «Дорога памяти», проекта «Бессмертный полк», на порталах новостных агентств (например, «Фотохроника Победы» ИА ТАСС) и частных цифровых фотоархивов («Военный альбом») и др.

Ни один из этих порталов не содержит достаточно полных описаний представленных на них фотографий, таких, чтобы иметь возможность использования их для конкретно-исторических исследований в удаленном доступе, не говоря уже об источниковедческих. Более того, электронные копии фотографий, размещенных на краудсорсинговых проектах «Дорога памяти» и «Бессмертный полк», представляются вовсе малопригодными для исследования в силу того, что они размещаются и описываются самими пользователями. То есть, как минимум, встает вопрос достоверности копий этих фотографий и их описаний. И если в случае с фотодокументами из архивного фонда РФ есть возможность ознакомиться с подлинниками, то здесь это практически невозможно. Как отмечает Ю. Ю. Юмашева, публикаторы электронных копий фотоизображений на различных тематических ресурсах не считают необходимым указывать информацию об авторстве, месте хранения подлинника и «ее установление в полном объеме можно считать редкостной удачей исследователя» [14, с. 347]. Подобное некачественное описание представленных копий фотодокументов имеет место в проекте Военно-исторического общества «Образы войны». Данный проект выполняется ВИО совместно с Российским историческим обществом, Российским государственным архивом кинофотодокументов (РГАКФД), Музеем Победы, РОСФОТО и др. Например, представленные на сайте электронные копии фотографий из фондов Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО), имеют только название фотографии без указания авторства, места и времени съемки. Из всей информации о месте хранения указано лишь архивохранилище, т. е. ЦАМО. Большинство остальных фотографий, предоставленных различными архивами и музеями, имеют примерно такие же описания. Проект так же предусматривает загрузку фотографий самими пользователями. Такая же неутешительная ситуация с размещением и описанием электронных копий фотодокументов — в Госкаталоге РФ. На сайтах архивов постепенно полнота археографического описания размещенных там фотографий улучшается, но часто возникает проблема качества электронных копий фотодокументов и проблема их поиска на сайте.

В сложившейся на данный момент ситуации с размещением электронных копий фотодокументов в электронной среде нельзя не согласиться с В. П. Козловым, который отмечает, что из-за непрофессионализма или небрежности профессиональных архивистов и историков, вопреки теории документа и архивному законодательству через выставочные архивные проекты в современном обществе складывается стойкое представление о том, что фотография не является документом. По его мнению «эти небрежность или незнание отражают сознательно или

несознательно отношение к фотографии как к некоей неопределяемой сущности... Наличие такого подхода неизбежно играет отрицательную роль в сбережении фотографий и в понимании, использовании и интерпретации их как особого вида документальных источников» [5, с. 18].

Перечисленные проблемы недостаточно качественного и небрежного размещения электронных копий фотодокументов в сети, на наш взгляд, порождают новые — те, которые еще не были в достаточной мере озвучены, но с точки зрения источниковедения, музееведения и практики исторических исследований представляют довольно тревожную тенденцию. На сегодняшний момент можно отметить существование ситуации, когда исследователи и музеи всё чаще начинают использовать в своих работах и выставках цифровые фотографии, представленные в Интернете. Однако, помимо электронных копий подлинных фотографий периода Великой Отечественной войны, размещенных на сайтах архивов, музеев, библиотек и архивных выставочных онлайн-проектов, используются и фотоработы современных фотографов, сделанные либо на фестивалях военно-исторической реконструкции, либо в ходе студийных съемок по заказу военно-исторических клубов или постановочных фотосессий с участием актеров. При этом данные фотографии при их заимствовании представляются зрителю и читателю как оригинальные архивные фотодокументы. Так, например, в одной из работ В. В. Сарычева из серии «В поисках утраченного времени» в качестве иллюстрации боев в Брестской крепости была использована фотография А. И. Мишукова¹ (рис. 1), сделанная на военно-историческом фестивале в г. Бресте в июле 2008 г. [10, с. 267]. Фотография была опубликована автором книги без каких-либо сопроводительных данных и пояснений, однако, в аннотации к изданию говорилось о том, что данная работа подготовлена на основе многочисленных архивных документов и с привлечением неизвестных до сих пор немецких источников [10]. Безусловно, подобное заявление автора вводит читателя в заблуждение о подлинности представленных в его работе фотографий.

Электронная копия амбротипа, выполненного в 2013 г. по заказу Клуба военно-исторической реконструкции «Патриот»² (рис. 2) с коллективным портретом участников клуба была использована в книге-

¹ Подробнее о том когда, где и при каких обстоятельствах была сделана данная фотография можно узнать в блоге А. И. Мишукова (URL: <https://lakur.ru/2009/06/28/fotoshop-v-1941g/>).

² Оригинал амбротипа находится в личном архиве руководителя КВИР «Патриот» П. Б. Желтова (URL: <https://www.facebook.com/pavel.zheltovtov/posts/4080263492006676>).

альбоме «Войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны» с подписью «Бойцы и курсанты полковой школы 5-го полка 22-й мотострелковой дивизии войск НКВД. Рига, 1941 год». [2, с. 9]. ВИК «Патриот» действительно занимается реконструкцией 22-й мотострелковой дивизии войск НКВД, которая в 1941 г. располагалась в г. Риге, но по понятным причинам к реальным бойцам и командирам этой дивизии, сделанный участниками клуба амбротип имеет весьма опосредованное отношение. Более того, при использовании авторами книги-альбома данного изображения оно по неизвестной причине было ими отзеркалено и таким образом стало отличаться даже от размещенной в интернете фотографии. Книга-альбом рекомендована авторским коллективом для «разработки военно-исторических трудов и проведения учебных занятий в системе боевой подготовки оперативно-территориальных объединений, соединений, воинских частей, территориальных органов, образовательной деятельности военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации» и предназначена «широкому кругу читателей, интересующихся историей Отечества...» [2].

Музеи, в чьи задачи входит сохранение и передача исторической памяти следующим поколениям, к сожалению, тоже оказались не застрахованы от использования современных фотографий в своих экспозициях и онлайн-выставках.

С 22 февраля по 10 мая 2020 г. в Детском музейном центре Новгородского музея-заповедника (Великий Новгород) проходила выставка «Победа! Одна на всех», где наряду с большим количеством оригинальных музейных экспонатов в одной из витрин, посвященной военно-медицинской службе Красной Армии, была представлена фотография реконструкторов медицинской службы РККА с Крымского военно-исторического фестиваля 2014 г.¹ (рис. 3). Данная фотография распространена в сети Интернет и довольно часто фигурирует в различных пабликах и интернет-статьях как иллюстрация подвига советских медиков в период Великой Отечественной войны.

21 апреля 2020 г. Государственный центральный музей современной истории России (ГЦМСИР) на портале «Культура РФ» провел онлайн-трансляцию по выставке «Человек и война. Нерассказанная исто-

¹ Фотография витрины предоставлена автору статьи Д. С. Кузнецовой. Фотографии с Крымского военно-исторического фестиваля можно посмотреть в блогах и на личных страницах в социальных сетях участников фестиваля, например, на странице У. С. Мазуровой в социальной сети «ВКонтакте» (URL: https://vk.com/impeers=2883046_26191470_c105&sel=1888791&z=photo1888791_339845373%2Fmail510362) и в блоге А. Б. Поволоцкого (URL: <https://tarkhilivejournal.com/1379335.html>).

рия», посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Данная выставка стала «частью мультимедийного образовательного выставочного проекта «Человек и война. Нерассказанная история» и подготовлена при поддержке Фонда президентских грантов России»¹. Ролик с онлайн-экскурсией был выложен на официальном канале музея на видеохостинге YouTube². В нем была использована фотография Н. А. Храмовой (рис. 4), сделанная на военно-историческом фестивале в г. Киеве в ноябре 2007 г. и размещенная автором на различных интернет-площадках, в частности, в личных профилях фотографа на портале Фото.Сайт и на сайте Союза фотохудожников России³. На фоне демонстрации данной фотографии ведущий онлайн-экскурсии говорит о том, что «важной составляющей выставки является использование *подлинной* [здесь и далее выделено автором] кинохроники и специально разработанных мультимедийных программ, включающих более восьми сотен *подлинных* фотоматериалов и документов»⁴ (рис. 5).

Трудно сказать в чем причина сложившейся ситуации: в желании исследователей и музейных работников использовать в качестве иллюстративного материала наиболее выразительные и в техническом плане наиболее качественные фотографии, некомпетентность или недобросовестность в подборе материалов?

¹ Информацию о трансляции можно посмотреть на портале Культура РФ (URL: <https://www.culture.ru/live/broadcast/8750/chelovek-i-voina-nerasskazannaya-istoriya>).

² URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nIEWegBwno8>. Дата обращения автора статьи к ролику — 31. 05. 2020. После обращения к администрации музея адвоката Н. А. Храмовой, ролик с демонстрацией ее фотографии с официального канала музея был удален. Однако следы его существования остались на официальной странице Российского исторического общества, линк с которой всё еще ведет на удаленный ролик (Онлайн-экскурсия по выставке ГЦМСИР «Человек и война. Нерассказанная история» — Российское историческое общество // URL: https://historyrussia.org/sobytiya/onlajn-ekskursiya-po-vystavke-gtmsir-chelovek-i-vojna-nerasskazannaya-istoriya.html?fbclid=IwAR3gfog-gFucSMWadAZx1cgpa_8IN352zlfFE-5BYz9gM_rg6WL-kNjx8U).

³ Фотография пользователя sXegreen. Рубрика «Репортаж» (URL: <https://photosight.ru/photos/2537808/?from=users%2F28051%2F%3Fpager%3D2>); Союз фотохудожников России. Надежда Храмова (URL: <http://www.photonion.ru/show.php?fnum=253115>).

⁴ Данный фрагмент видеозаписи находится в личном архиве автора. На момент написания статьи, после выявления факта неправомерного заимствования работы Н. А. Храмовой, на официальном канале ГЦМСИР размещены два ролика о данной выставке, где эта фотография уже отсутствует.

В контексте описанной выше проблемы с недобросовестным заимствованием исследователями и музеями фотодокументов из сети Интернет обратим внимание еще и на то, что фальсификация событий и фактов, отраженных в фотодокументах, распространена с момента возникновения фотографии. По сравнению с предыдущим периодом, в современных условиях развития компьютерных технологий и искусственного интеллекта возможности такой фальсификации возрастают многократно и нет никаких гарантий, что такой фальсификат не появится в историческом исследовании или на музейной выставке. И в Интернете такие фальсификаты уже присутствуют, причем в таких объемах, которые заставляют разработчиков создавать сервисы по выявлению первоисточников фотоизображений [14, с. 341]. Среди фотографий Великой Отечественной войны в сети довольно распространена фотография, призванная проиллюстрировать зверства солдат вермахта на территории СССР (рис. 6). В действительности она является подделкой и изготовлена из трех фотографий. В качестве фона взята, по всей видимости, подлинная фотография периода Великой Отечественной войны (рис. 7) с которой методом ретуширования удален немецкий офицер, позирующий на фоне пулемета Максима. На этот фон наложено изображение людей с современной фотографии, сделанной на съемках кинофильма «Александровский сад» (рис. 8). С какого фотоснимка взяты головы девушек, наложенные вместо голов молодых людей с рис. 5 выяснить не удалось. Несмотря на то, что этот снимок уже неоднократно разоблачался в сети, он по-прежнему активно используется в различных пабликах, интернет-статьях, сайтах для изучения школьного курса истории и учебных презентациях¹.

Кроме фальшивок в сети присутствуют и фотоподлоги. Например, при поиске информации о поэтессе Ю. В. Друниной можно встретить сайты, где в качестве ее фронтальной фотографии представлена фотография санитарного инструктора 125 Гвардейского стрелкового полка 43 Гвардейской стрелковой дивизии В. И. Милюнас².

¹ URL: <http://history-doc.ru/fashisty-bombili-vse-bez-razboru/>;
URL: <https://dmitschool04.ru/daty/velikaya-otechestvennaya-vojna.html>

² Часто таким образом эту фотографию используют в презентациях к школьным урокам литературы или классным часам о Великой Отечественной войне, но встречается она и на сайтах библиотек (например, URL: <https://infourok.ru/ostalsya-v-zhenskom-serdce-sled-voyni-1762084.html>;
URL: <https://infourok.ru/prezentaciya-vneklassnogo-meropriyatiya-den-yunogo-geroya-antifashista-3758503.html>;
URL: <https://znanio.ru/media/prezentatsiya-k-uroku-literatury-chas-muzhestva-v-7-klasse-2618241>;
URL: <http://biblioraduga.ru/2020/05/11/%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%8C->

Многих из перечисленных проблем можно было бы избежать, если бы электронные копии документов архивного фонда и цифровые фотоизображения снабжались метаданными, где наряду с технической информацией содержались бы сведения об авторе, его контактах, описывалась бы процедура создания документа и его обработки и т. д. Технические возможности для этого есть, однако на практике они используются редко.

Таким образом, представленные примеры показывают, что наряду с проблемами размещения в сети Интернет электронных копий архивных фотодокументов существует и проблема их дальнейшего использования в исторических исследованиях, музейных выставочных проектах, образовательной деятельности и т. д. Массовое представление в сети не только электронных копий фотографий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., но и работ современных фотографов, посвященных этой тематике требует от широкой аудитории и учителей крайне внимательного отношения к достоверности представленных фотоизображений, а от исследователей и музейных работников помимо этого требуется определенный уровень компетенции и добросовестность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абилова Р. О.* Проблема изучения фотодокумента как объекта архивоведения в российской историографии (2000-е годы) // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, кн. 3. С. 89–97.
2. Войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны. Книга-альбом. М., 2019. 112 с.
3. ГОСТ Р 7.0.8-20013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроектирование и архивное дело. Термины и определения. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163800/9f3585f5b44556104867bd4fdca30fe1194b2e0/
4. *Главацкая Е. М.* Фотодокументы как исторический источник: опыт атрибуции, критического анализа и научного цитирования // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. №1 (99). С. 217–225.
5. *Козлов В. П.* К вопросу об особенностях фотодокументальных источников, их классификации и описания // Технотронные документы в информационном обществе: сб. науч. ст. М.: Изд-во «Спутник+», 2020. С. 17–23.

%D1%80%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-
%D1%81%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8F-
%D1%8E%D0%BB%D0%B8%D1%8F-
%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0/)

6. *Магидов В. М.* Кинофотодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. 394 с.
7. *Насибулина Р. Р.* Проблемы достоверности и доверия к фотодокументам // Образование в России и актуальные вопросы современной науки: сб. ст. III Всеросс-й науч.-практ. конф. Пенза, 2020. С. 3–8.
8. Приказ Федерального архивного агентства от 08.10.2020 г. № 131 «О признании не подлежащими применению актов Главного архивного управления при Совете Министров СССР, решений коллегии Главного архивного управления при Совете Министров РСФСР». URL: http://archives.gov.ru/documents/prik131_2020.shtml
9. *Рубинина З. М.* Проблема доступа исследователей к историческим источникам — источникам информации в составе музейного собрания (на примере работы с коллекцией фотографий отдела собрания фондов музея В. И. Ленина Государственного исторического музея) // Трансформации музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе: сб. ст. по мат. науч.-практ. сем. М., 2017. С. 167–173.
10. *Сарычев В. В.* В поисках утраченного времени. Кн. 3: Война на Брестском направлении: накануне, в пекле блицкрига, Брестская крепость: неизвестное, из немецких источников. Брест: Брестская типография, 2009. 307 с.
11. *Юмашева Ю. Ю.* Источниковедческие проблемы представления исторических источников в электронной среде // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2014. № 6. С. 18–36.
12. *Юмашева Ю. Ю.* Научное издание исторических документов в электронной среде: проблемы источниковедения и археографии // Историческая информатика. 2017. № 1 (19). С. 125–139.
13. *Юмашева Ю. Ю.* Проблемы электронной археографии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2017. № 4. С. 94–105.
14. *Юмашева Ю. Ю.* Цифровая трансформация аудиовизуальных архивов. Аудиовизуальные архивы онлайн. Москва – Берлин: Директ – Медиа, 2020. 599 с.
15. *Юмашева Ю. Ю.* Электронные копии документов Архивного фонда: источниковедческие проблемы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2012. № 5. С. 150–175.

Рис. 1. Военно-историческая реконструкция.
Брестская крепость, г. Брест, июль 2008 г. Автор — А. И. Мишуков.

Рис. 2. Электронная копия амбротипа выполненного по заказу
Клуба военно-исторической реконструкции «Патриот».
Санкт-Петербург, 2013 г. Из личной коллекции П. Б. Желтова.

Рис. 3. Витрина с выставки «Победа! Одна на всех» с демонстрацией фотографии с Крымского военно-исторического фестиваля 2014 г. Детский музейный центр Новгородского музея-заповедника. Великий Новгород, февраль 2020 г. Автор — Д. С. Кузнецова.

Рис. 4. Лютежский плацдарм. Военно-историческая реконструкция событий 1943 г. Ноябрь 2007 г. Автор — Н. А. Храмова.

Рис. 7. Фотография, послужившая основой для изготовления фальшивки (<https://bigpicture.ru/fotomontazh-kak-instrument-propagandy-v-vov/>).

Рис. 8. Фотография со съемочной площадки сериала «Александровский сад» (официальная группа Всероссийской патриотической акции «Письма Победы» в соцсети ВКонтакте https://vk.com/wall-34261602_70407).

УДК 94(470.57)“1941/1945”

Н. М. Бобылева

г. Уфа (Россия)

Академия ВЭГУ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАШКИРСКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ КРАСНОГО КРЕСТА В ПЕРИОД ВОЙНЫ И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Статья посвящена деятельности Башкирского республиканского отделения Красного Креста в разные периоды военных действий, которая была направлена на оказание помощи больным и раненым воинам, сбор денежного пособия на лечение и оказавшихся в плену, на преодоление существующих в период гражданской войны трудностей, подготовку медицинских кадров, санитарных дружинниц, развитие донорского движения в годы Великой Отечественной войны. Освещается деятельность Башкирского республиканского отделения Красного Креста и на современном этапе, которая характеризуется активным участием в оказании гуманитарной помощи странам, где происходили войны и военные конфликты. Показано, как в результате активной деятельности Башкирского республиканского отделения Красного Креста в период военных действий, была оказана медико-социальная помощь представителям незащищенных слоев населения, а именно гражданскому населению.

Ключевые слова: Башкирское республиканское отделение Красного Креста, деятельность, военные действия, медицинские кадры, санитарные дружинницы, донорское движение, гуманитарная помощь.

На протяжении многих веков война и военные конфликты являются неизменной спутницей человеческой истории. Многие общества прибегали и до сих пор прибегают к ней для разрешения внешних и внутренних конфликтов. С помощью вооруженного насилия завоевывались территории, свергались правители, захватывались материальные ценности, гибли люди.

В данной статье речь пойдет о деятельности Башкирского республиканского отделения Красного Креста в периоды военных действий, как на территории нашей страны, так и за ее пределами.

Помощь, оказанная обществом Красного Креста Башкортостана в разные периоды времени имела огромное значение. В период русско-японской войны, в июне 1904 г. по инициативе местного губернского управления Российского общества Красного Креста в Уфе открывается лазарет на 50 коек и санаторий для лечения раненных. В годы Первой мировой войны губернское отделение общества принимало участие в оказании помощи военнопленным, содержало два лазарета для инва-

лидов [1, с. 444]. Так, рядовой М. А. Газеев, 320-го Чембарского полка, житель Минской волости Уфимской губернии, находившийся в Австрийском плену 12 мес., получил от уфимского местного управления Российского общества Красного Креста единовременное денежное пособие на лечение. Такая же помощь была оказана и другим участникам Первой мировой войны, оказавшимся в плену, например, П. Р. Шурову, проживавшему в Благовещенском уезде Уфимской губернии, Х. Гатауллину из д. Богданова Гайнихмаковской волости Уфимской губернии, И. И. Сакаеву из Белебеевского уезда Уфимской губернии [2. Ф. И-425. Оп. 1. Д. 4. Л. 24].

Члены общества собирали денежные пожертвования. В сентябре 1916 г. в Тифлисе, где находилась действующая армия и полевой склад Российского общества Красного Креста, нашими воинами были получены подарки, белье и вещи [3. Ф. И-425. Оп. 1. Д. 11. Л. 5]. Так, сотрудники Тереклинского училища Зирганской волости отправили 22 кошелька с подарками, пару носков, две пары варежек, 25 аршин холста; Татьяновский приходской комитет — 18 рубашек, 17 кальсон, 6 полотенец, 19 пар носков и шерстяных чулок, 77 почтовых конвертов [2. Ф. И-425. Оп. 1. Д. 4. Л. 10].

Были сделаны и индивидуальные пожертвования для больных и раненых: 15 июля 1916 г. Н. Т. Кукушкина отправила 15 руб. [3. Ф. И-425. Оп. 1. Д. 11. Л. 23], 23 декабря 1916 г. И. Н. Дроздов — 5 руб., 21 декабря 1916 г. А. П. Луценко — 16 руб. 95 коп. [3. Ф. И-425. Оп. 1. Д. 11. Л. 28]. Вышеизложенные сведения дают основание утверждать, что в годы Первой мировой войны велась активная работа местного управления Российского общества Красного Креста, их деятельность, главным образом, была направлена на оказание помощи больным и раненым воинам.

Начало гражданской войны привело к снижению уровня профессиональной жизни медицинских работников Уфы вследствие того, что в июле 1918 г. многие из них эвакуировались на пароходах по р. Белой на Каму. Оставшиеся же в Уфе фельдшера, были арестованы чехами, т. к. являлись сторонниками Советской власти, а фельдшер Ратников — увезен белогвардейцами в Сибирь в качестве заложника. В начале июня 1919 г., после семидневного ожесточенного боя, Уфа была освобождена Красной Армией от колчаковцев. В результате многочисленных разрушений, Уфа превратилась в мертвый город. Все больницы были опустошены, инвентарь, до последнего умывальника, вывезен белогвардейцами в Сибирь. В Уфе осталось три престарелых врача и несколько фельдшеров, фельдшериц и сестер. Основная часть медработников — уфимцев находилась на фронте. Данное обстоятельство не позволило

эффективно бороться со вспыхнувшей эпидемией сыпняка в городе, что привело к ее распространению по железной дороге и в ближайших селениях. В 1920 г. колчаковская эпопея завершилась, в Уфу с фронта возвратились медицинские работники и те, которые оказались в Сибири [4. Ф. 1832. Оп. 2. Д. 129. Л. 9]. Перечисленные исторические факты показывают, что период гражданской войны для сотрудников местного управления Российского общества Красного Креста стал тяжелым временем.

Также, в годы гражданской войны в стране свирепствовал сыпной тиф, в связи с чем местное управление Российского общества Красного Креста создавало противоэпидемические отряды. Они бесстрашно бросались в очаги эпидемии, спасая раненых и больных. В это время, наряду с инфекциями, люди гибли от голода. Советское правительство требовало повысить внимание к детям, среди которых было немало беспризорных сирот. В связи с этим, активисты местного управления Российского общества Красного Креста создавали тысячи лечебно-профилактических учреждений, диспансеров и питательных пунктов [5, с. 1]. Другим требованием Советского правительства было установление связи с Международным Красным Крестом и иностранными национальными Красными Крестами по вопросам помощи голодающим. Перед местными органами Красного Креста была поставлена задача организации и проведения «Всероссийской недели Красного Креста помощи голодающим», акцентируя внимание на широком использовании всех средств массовой информации для всестороннего освещения причин, размеров и последствий голодного бедствия, способов борьбы с ним, повсеместного проведения благотворительных сборов [6, с. 313, 317]. Таким образом, несмотря на отсутствие основной массы медицинских работников, оставшиеся на местах активисты смогли мобилизовать силы и направить их на преодоление актуальных трудностей.

Основой деятельности общества Красного Креста и Красного Полумесяца Башкирской АССР в период Великой Отечественной войны стала санитарно-оборонная работа. Это было необходимо в столь сложное для страны время. Имеющиеся документы того времени свидетельствуют о том, что с началом войны Общество Красного Креста и Красного Полумесяца республики в первую очередь решало такие задачи, как: обслуживание раненых, эвакуированного населения; проведение противоэпидемических мероприятий; привлечение населения к безвозмездному донорству; оказание помощи инвалидам войны, детям-сиротам, семьям погибших и проч. Члены общества Красного Креста и Красного Полумесяца целенаправленно проводили профилактическую, агитационно-пропагандистскую работу среди населения. Но одной из главных

задач общества Красного Креста и Красного Полумесяца республики была подготовка медицинских кадров для фронта.

По заданию Союзного Общества Красного Креста и Красного Полумесяца с 1 июля 1941 по 1 января 1942 г. предлагалось подготовить 26 групп медсестер запаса. Кроме этого, республиканский Красный Крест и Красный Полумесяц участвовал в обучении медицинских сестер запаса. Это обучение проходило на средства профсоюзных и других организаций. За указанный период сверх плана было подготовлено 400 медсестер. Подготовка проходила в медицинском и педагогическом институте, в санчасти НКВД, в психиатрической больнице и в профсоюзном комитете здравоохранения. Задание Союзного Общества Красного Креста и Красного Полумесяца было выполнено полностью. В республике было подготовлено 25 групп январского набора 1942 г. и 4 группы организованы в счет июльского набора этого года. Таким образом, во второй половине 1942 г. на курсах медсестер запаса обучалось 670 чел. [7. Ф. 122. Оп. 22. Д. 423. Л. 349]. Эти цифры показывают целенаправленную подготовку медицинских кадров в республике.

По плану Союзного Общества Красного Креста и Красного Полумесяца по подготовке санитарных постов в период с июля 1941 по декабрь 1942 г. в республике должны были подготовить 925 санитарных постов, было организовано 2365 [7. Ф. 122. Оп. 22. Д. 423. Л. 349]. Следовательно, план по организации санитарных постов был выполнен на 391 %. Это говорит о том, что санитарных постов готовили очень много, но в то же время возникал вопрос реальности выдвинутого плана, т. е. были ли возможности брать более высокие показатели плана.

Большое внимание уделялось донорскому движению и сбору крови. Несколько тысяч доноров сдавали кровь, многие из них — по многу раз [8, с. 72]. Уже в первые дни войны, в результате агитационно-пропагандистской работы среди населения, появляются первые активисты-доноры. Число доноров увеличилось до 5 тыс. чел., в основном это были женщины и молодежь [7. Ф. 122. Оп. 22. Д. 423. Л. 350]. 2 марта 1943 г. состоялся слет доноров, где произошла встреча с проф. Ковецким, выступившим с докладом «Доноры в Отечественной войне». На слете активистам-донорам Красного Креста и Красного Полумесяца республики была объявлена приказом Областного Комитета Красного Креста благодарность с вручением значка донора, вручено 86 значков и объявлена благодарность 28 донорам [9. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 641. Л. 182].

Из их числа 120 чел. были отмечены значками «Почетный донор СССР». Особенно отличились доноры Уфы. Среди награжденных были Т. В. Демченко — мать троих детей, сдавшая за годы войны 34 л крови,

В. И. Никуличев — 12,6 л, З. А. Ягудина — 10 л, К. К. Григорьева — 7,8 л, А. А. Паладина — 5,7 л и мн. др. [8, с. 113]. Донором крови и ее компонентов мог быть каждый дееспособный гражданин в возрасте от 18 до 60 лет, прошедший медицинское обследование. Эти сведения показывают отношение населения к сложившейся ситуации, их патриотический настрой и социальную активность.

Известно, что активное участие принимали санитарные дружинницы и активисты Общества Красного Креста и Красного Полумесяца республики в разгрузке поездов, доставке раненых в эвакуогоспитали [10, с. 18]. Например, 28 июля 1941 г. военно-санитарный поезд, доставивший в Уфу первую партию раненых, встречала на станции Алкино заместитель начальника приемно-сортировочного отделения эвакуогоспиталя № 1741 военврач М. Г. Кандарова [10, с. 17].

На момент коренного перелома в войне в Башкирской АССР по-прежнему шел активный процесс по подготовке медицинских кадров, организации санитарных дружин, санитарных постов, донорского движения, велась шефская работа. Здесь только по линии Красного Креста к сентябрю 1943 г. было подготовлено 300 санитарных дружинниц, из них 178 чел. отправлены в ряды Красной Армии. Большие надежды возлагались на районы Уфы. Каждый район получил задание — подготовить по одной дружине. Молотовскому району необходимо было подготовить две. Таким образом, Уфа должна была обучить 6 дружин. Подготовленные дружины обязаны были находиться при Республиканском Комитете Красного Креста.

Актив Общества Красного Креста и Красного Полумесяца республики оказывал помощь госпиталям. В результате было сопровождено в разных направлениях СССР 185 раненых и больных [10, с. 17], собрано на санитарную эскадрилью 533178 руб. В 1942 г. в Башкирии действовало до 25 госпиталей на 11000 коек. Заботу о раненых проявляли шефы госпиталей — предприятия и учреждения, профсоюзные организации и организации Общества Красного Креста.

В 1943 г. Красный Крест республики продолжал активную работу по обучению специалистов. По годовому заданию Общество должно было подготовить 80 тыс. значкистов ГСО (Готов к санитарной обороне) и 30 тыс. значкистов БГСО (Будь готов к санитарной обороне) [11. Ф. 122. Оп. 23. Д. 622. Л. 39]. Мы видим, что уже в первом полугодии 78174 чел. получили значки ГСО и 16182 чел. — значки БГСО. Это давало возможность Обществу Красного Креста и Красного Полумесяца оказывать конкретную помощь госпиталям, расположенным в республике.

В целом, есть основания утверждать, что в период коренного перелома в войне, в республике шел активный процесс подготовки необ-

ходимых фронту медицинских кадров. Часть из них была отправлена на фронт, оставшиеся трудились в тылу, обслуживая раненых и больных, проводя другую медицинскую работу с населением республики. В 1941–1943 гг. было подготовлено 3197 медсестер, 4050 санитарных дружинниц, обучалось еще 750 чел., санитаров — 911, подготовлено по ГСО — 188911 чел., по БГСО — 50873. Прочитано 1200 лекций, проведено 40660 бесед [9. Ф. 122. Оп. 23. Д. 641. Л. 266].

Процесс подготовки медицинских кадров по обслуживанию раненых, больных, эвакуированного населения и всех граждан Башкирской АССР продолжался и в последующие годы войны. Интенсивность этой работы не уменьшалась, а наоборот. Увеличивалось количество и качество подготовленных кадров. В отчете военного отдела Башкирского обкома ВКП(б) «О работе, проделанной за период с июня 1941 г. по июль 1944 г.» приводятся следующие данные — в системе общества Красного Креста за этот период было подготовлено 4200 медицинских сестер, 4712 санитарных дружинниц. Всего 8912 чел. [11. Ф. 122. Оп. 23. Д. 622. Л. 39].

Продолжалась подготовка на значок ГСО допризывников 1926 г. р., о чем свидетельствует сводка по Башкирскому Областному Комитету Красного Креста и Красного Полумесяца на 25 марта 1943 г. До середины 1944 г. на значок ГСО было подготовлено 328 тыс. чел., значок БГСО — 162,5 тыс.

Башкирская АССР в годы войны, через эти же организации и общества, готовила многочисленные резервы для фронта и достигла значительных результатов, а также внесла огромный вклад в победу в Великой Отечественной войне. Созданная система дала возможность обучить из соответствующих категорий граждан республики специалистов для действующей армии и по ряду показателей выйти на передовые позиции в стране [12, с. 193]. Медицинские сестры и санитарные дружинницы, подготовленные организациями Общества Красного Креста БАССР, самоотверженно работали на передовой линии фронта, в медсанбатах и фронтовых госпиталях.

В 1944 г. большое внимание первичных организаций и комитетов Красного Креста и Красного Полумесяца республики было уделено расширению и улучшению шефской работы над эвакогоспиталями, домами инвалидов и семьями фронтовиков.

Председателем исполкома Союзного Общества Красного Креста и Красного Полумесяца республики С. Колесниковым были предложены формы участия краснокрестных организаций в шефской работе на освобожденной территории. Это сбор среди членов общества и населения денежных средств, продуктов питания, одежды, обуви, белья, постель-

ных принадлежностей, предметов обихода, книг, музыкальных инструментов и т. д. Приобретение на собранные средства и выделение из собственных ресурсов комитетов Красного Креста и Красного Полумесяца предметов санитарно-оборонительного имущества — санитарных сумок, носилок, учебных пособий, комплектов учебных планов, программ для передачи организациям Красного Креста, освобожденным районам. Направление медсестер запаса и санитарных дружинниц на постоянную и временную работу в освобожденные районы. К шефству над детскими учреждениями — детдомами, детскими яслями были привлечены все первичные организации и, в первую очередь, школьные и колхозные. Общественная помощь госпиталям, семьям фронтовиков, инвалидам Отечественной войны, освобожденным районам и детским учреждениям включалась в показатели соцсоревнования первичных организаций и комитетов Красного Креста и Красного Полумесяца [13. Ф. 122. Оп. 24. Д. 752. Л. 130].

Деятельность благотворительной, общественной организации не приостанавливается и в мирное время. Основными задачами данного общества современного периода являются: защита жизни и здоровья людей, подразумевающая предупреждение болезней, катастроф и несчастных случаев, сведение к минимуму их последствий, спасения жизни людей; осуществление розыска лиц, пропавших без вести, содействие воссоединению семей, разлученных в результате конфликта; распространение знаний о международном гуманитарном праве; оказание гуманитарной помощи малоимущим, многодетным, беженцам, инвалидам, детям-сиротам и т. д.

Башкирский республиканский комитет общества Красного Креста и сегодня активно оказывает помощь тем странам, где происходят военные конфликты.

Военные действия в Ираке 2006 г. не могли никого оставить равнодушным. Международные благотворительные организации различными способами старались помочь иракскому населению. Оказать гуманитарную помощь готов был и Российский комитет Общества Красного Креста. Однако правительство Ирака отклонило это предложение, мотивируя отказ тем, что государство пока не нуждается в помощи извне. «Международная организация — общество Красного Креста, сказал председатель Башкирского республиканского комитета общества Красного Креста Юрий Симонов, — пока единственная из всех благотворительных организаций, имеющая доступ на территорию Ирака» [15]. В основном оказывалась помощь в обеспечении населения водой, продуктами и т. д. Несмотря на то, что иракская сторона отказывалась от российской помощи, Башкирский республиканский комитет общества Красного Креста

был готов направить в Ирак гуманитарный груз. Для его сбора руководство комитета специально обратилось к директорам вещевых рынков Уфы с просьбой помочь вещами и другими товарами.

8 августа 2008 г. произошло военное нападение на Южную Осетию, которое унесло жизни более 100 мирных жителей, более 200 были ранены. Бой длился 5 дней и принёс значительные разрушения в столице — Цхинвал. Цхинвальские хирурги оперировали пострадавших от осколочных и пулевых ранений в подвале больницы. Благодаря сплочённой работе врачей, удалось спасти всех раненных. Был открыт гуманитарный коридор для вывода беженцев и раненных из Южной Осетии в Северную, в первые дни после обстрелов 2,5 тыс. жителей покинули свои дома. Башкирское республиканское отделение Красного Креста одно из первых стало собирать средства в поддержку жителям Южной Осетии. При сборе средств добровольцы Башкирского республиканского отделения Красного Креста трудились в особом режиме. Также были волонтеры готовые помогать в решении проблем и дежурить на телефоне. Совместно с Министерством здравоохранения Республики Башкортостан было собрано 3889490 руб. и гуманитарный груз на сумму 3679977 руб., значительная часть средств поступила от работников здравоохранения РБ. Средства были перечислены на расчётный счёт Северо-Осетинского отделения РКК, часть гуманитарного груза отправлена с колонной Министерства по чрезвычайным ситуациям РБ, остальная часть отправлена железной дорогой. При поддержке министерства и ведомства республики состоялся срочный сбор и отправка 4 фур с товарами первой необходимости за 2100 км от Уфы [14, с. 7]. Худой мир лучше холодной войны, как гласит старая истина. Народ Осетии попал в страшную беду, и только общими силами получилось им помочь.

Основная деятельность Башкирского республиканского отделения Красного Креста в период военных действий заключалась в оказании экстренной гуманитарной помощи пострадавшим в войнах и вооруженных конфликтах; оказании медико-социальной помощи представителям незащищенных слоев населения.

Сегодня Башкирское республиканское отделение Красного Креста, как часть международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, продолжает свою благотворительную миссию, оказывая реальную помощь попавшим в беду жителям республики и других регионов России. Организация вносит достойный вклад в решение социальных вопросов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башкортостан: Краткая энциклопедия / под ред. З. Г. Ураксина. Уфа: Научное издательство «Башкирская Энциклопедия», 1996. 672 с.
2. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-425. Оп. 1. Д. 4. Л. 24.
3. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-425. Оп. 1. Д. 11. Л. 28, 5.
4. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. 1832. Оп. 2. Д. 129. Л. 9.
5. *Балтийский В.* // Советский Красный Крест. 1983. № 1. С. 1.
6. К истории советских общественных организаций: сб. архивных документов / под ред. Т. Т. Попова, Д. Т. Субботина. М.: Изд-во «Высшая школа», 1970. С. 313, 317.
7. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). Ф. 122. Оп. 22. Д. 423. Л. 349.
8. *Шерстенников Н. А.* Здравоохранение Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны // Советское здравоохранение. 1966. № 9. С. 72.
9. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). Ф. 122. Оп. 23. Д. 641. Л. 182.
10. *Кулагина А. А.* Эвакогоспитали Башкирии в годы Великой Отечественной войны. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1988. 128 с.
11. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). Ф. 122. Оп. 23. Д. 622. Л. 39.
12. *Бикмеев М. А.* Исторический опыт военно-организационной и мобилизационной работы Башкирской АССР периода Второй мировой войны: монография. Уфа: БИРО, 2005. 247 с.
13. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). Ф. 122. Оп. 24. Д. 752. Л. 130.
14. *Симонов Ю. П.* Башкирское республиканское отделение Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест»: реферат. Уфа, 2005. 18 с.
15. *Шутов А.* Красный Крест Башкирии готов оказать гуманитарную помощь Ираку // Башинформ. 2006. 9 апр.

УДК 94(470.23-25)“1918”

Н. В. Макешина

г. Санкт-Петербург (Россия)

Санкт-Петербургский гос. ун-т

ПЕТРОГРАДСКИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ОТРЯДЫ: СИБИРСКАЯ ЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ А. Е. БАДАЕВА

Статья посвящена анализу первой массовой хлебозаготовительной кампании Советов, курируемой главой петроградской продуправы А. Е. Бадаевым. Организация экспедиции, общий ход заготовок и результаты проделанной работы, нашедшие отражение и в официальной документации, и в источниках личного происхождения, позволяют выявить основные направления деятельности продовольственных отрядов в начале 1918 г. Комплексный подход к изучаемому явлению в контексте общего хода реализации продовольственной диктатуры позволил объяснить политику Советской власти, проводимую до августовских декретов 1918 г.

Ключевые слова: гражданская война, 1918 год, продовольственные отряды, продовольственная диктатура, А. Е. Бадаев.

К концу 1917 — началу 1918 г. хозяйство страны резко изменилось в худшую сторону. Фактор голода мог легко превратить революционную массу рабочих и крестьян в свою противоположность. Позиция нейтралитета, занятая подчиненным городской думе особым присутствием — продорганом во главе которого стояли князь Аргутинский и Будеско, показала рост оппозиционности в кругу его работников. В ожидании открытия Учредительного собрания работники особого присутствия объявили повышение нормы выдачи хлеба [4, с. 35], что дискредитировало политику новой власти, реально не располагавшей ресурсами для ежедневной раздачи продуктов в таком количестве.

Возросла необходимость в формировании подконтрольного центру нового продовольственного аппарата и на общесоветском, и на местных уровнях. 16 ноября 1917 г. СНК издал «Декрет о роспуске Петроградской городской думы» [1, с. 91–92] и назначении новых выборов на 26 ноября 1917 г.

2 декабря 1917 г. на первом заседании вновь избранной городской думы прежние руководители города постановили о ликвидации подконтрольных им исполнительных органов. За роспуском особого присутствия последовал выбор 5 служащих из старого руководства. «Пятерка» не смогла удержать власть и впоследствии была ликвидирована.

Новым продовольственным органом Петрограда стала Центральная Управа Продовольственного Совета.

Отслеживание результатов практической деятельности продотрядов наметилось еще в 1917 г. Характерным примером является «Легион свободы», образованный с санкции Уфимской продовольственной управы, во главе с А. Д. Цюрупой. Сосредоточение работы продотрядовцев на ссыпных пунктах способствовало своевременной заготовке хлеба для отправки его в Петроград за несколько недель до Октябрьской революции 1917 г.

Успехи руководителя Уфимской продуправы определили его будущее переназначение. 25 февраля 1918 г. А. Д. Цюрупу назначили наркомом продовольствия. Под его руководством работали видные хозяйственники и организаторы того времени: А. Е. Бадаев, Н. П. Брюханов, М. К. Владимиров, Д. З. Мануильский, Л. И. Рузер, А. И. Свицерский, М. И. Фрумкин, А. Б. Халатов, А. Г. Шлихтер, А. А. Юрьев, А. С. Якубов, продотрядники М. Г. Непряхин, Б. И. Монастырский и др. [7, с. 84].

А. Е. Бадаев не случайно поставлен в начале этой цепочки продовольственников. Еще 2 декабря 1917 г. на первом заседании вновь избранной Петроградской городской думы партия выдвинула его кандидатуру в качестве руководителя продовольственным делом. 6 декабря 1917 г. на заседании при особом присутствии продовольственного совета А. Е. Бадаева назначили во главе Петроградской продуправы.

23 мая Петроградская продкомиссия в лице председателя Воробьева и зав. отделом заготовки хлеба Синютиным телеграфировала наркому продовольствия А. Д. Цюрупе о необходимости изменения состава губпродкомиссий производящих и потребляющих губерний для ускорения заготовки хлеба до начала летних полевых работ. О необходимости установления платы за провоз в связи с отдаленностью хлебных запасов от станций и пристаней [5, 6 июня].

Стремительно ухудшавшееся продовольственное положение Петрограда аккумулировало процесс формирования продотрядов для отправки их в Сибирь. Это был единственный хлебный район, в котором к лету 1918 г. гражданской войны не было. По подсчетам того времени, «остатки хлеба в Сибири с урожая 1917 г. достигали свыше 600 миллионов пуд. За компанию 1917–1918 г. оттуда было вывезено не более 25 миллионов пуд., и такое же количество было использовано на варку самогона» [4, с. 43].

Перед отправкой отряда на места в начале апреля 1918 г. начальник продуправы А. Е. Бадаев выехал в Омск для организации хлебозаготовок. Существовала необходимость в установке бесперебойного снабжения города по Северной дороге.

По приезде в Омск А. Е. Бадаев удостоверился в наличии огромных запасов хлеба в Сибири. «У самого сибирского краевого совета было больше десяти миллионов пудов хлеба, который он мог послать в Россию» [4, с. 44]. Крестьяне также располагали большими запасами урожая 5-летней давности. Неомолоченный хлеб лежал по деревням в огромных скирдах. Проблема состояла в том, что крестьяне соглашались отдать хлеб только в результате обмена на предметы мануфактуры, промышленных товаров, железа и т. д., которых Петроградские отряды в дорогу не прихватили. Пришлось делать ставку на отдельных работников, которых также не хватало. Из них выделялась группа Омского Совета: В. М. Косарев, Дронин, Монастырский, Фрумкин [4, с. 44].

А. Е. Бадаев без промедления направил запрос во все организации о помощи Петрограду. Собравшаяся по такому случаю партийная конференция поддержала призыв о помощи — работа закипела. Собрав необходимое число подписей Конференция направила просьбу Петроградскому Совету прислать в Сибирь для продовольственной работы до 1000 питерских рабочих.

А. Е. Бадаев наметил план работы и направил имеющихся в его распоряжении служащих на места. По воспоминаниям продармейца А. Н. Кривцова, участвовавшего в этой заготовительной работе, зажиточные крестьяне имели привычку зарывать хлеб под землю. У одного крестьянина, прятавшего хлеб подобным образом, в хлеву у овец удалось изъять 100 пудов муки, у другого крестьянина в яме за амбаром нашли 120 пудов зерна. В иной раз 160 пудов зерна изъяли из ямы, находящейся около леса близ деревни.

Такие меры не устраивали зажиточных крестьян, и они старались вывозить хлеб в город ночью на подвозах для того, чтобы потом продать по спекулятивной цене. Отряду пришлось пресечь это дело путем установления караула на проезжей дороге. В первую ночь около 4-х часов утра удалось задержать 12 подвод, в которых крестьяне везли сено, арбузы, под которыми запрятали мешки с мукой. Таким образом, за одну ночь продотряды реквизировали более 400 пудов муки.

Зажиточные крестьяне не желали мириться с подобными мерами и попытались подкупить продоотрядцев. В процессе очередной реквизиции у крестьянина обнаружили 300 пудов муки и зерна, тот попытался откупиться взяткой в размере 500 руб., но его взяли вместе с деньгами и направили к начальнику отряда для дальнейших разбирательств.

Менее богатая прослойка крестьян шла на уступки и иногда сообщала ценную информацию о продовольствии. Так, одна беднячка заявила, что в лесу «кулаки» гонят с хлеба самогон [6. Ф. 4000. Оп. 5-2. Д. 2463. Л. 3-4], после чего отряды принялись и за это дело.

Относительно самогоноварения и сокрытия излишков очень красноречиво высказался В. И. Ленин. В дополнении к декрету о продовольственной диктатуре от 9 мая 1918 г. он заявил о необходимости «объявить всех владельцев хлеба, имеющих излишки и не вывозящих их на ссыпные пункты, а также всех расточающих хлебные запасы на самогонку, врагами народа, предавать Революционному суду и подвергать впредь заключению в тюрьме не ниже 10 лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из своей общины, а самогонщиков сверх того к принудительным общественным работам» [2, с. 318].

Своевременную помощь оказали и союзы, согласно воспоминаниям петроградского труженика А. С. Лепикова — к концу перевыборов Фабкома рабочие получили от союза предписание с требованием о выборе 8-ми кандидатов в продотряды, которых в оперативном порядке следовало направить в военно-продовольственное бюро. Союз сформировал отряд из 25 чел., в состав которого входил комиссар и его помощник. Военно-продовольственное бюро провело инструктаж для новобранцев и отправило их в Москву.

Наркомпрод отправил продотряд в Симбирскую губернию. Первое полугодие выдалось неудачным, т. к. местность не располагала большим запасом продовольствия. После переезда в другой уезд работа наладилась, но местные зажиточные слои старались этому препятствовать.

По возвращении в Петроград военно-продовольственное бюро сформировало новый отряд из числа старых работников и направило их в Москву. Здесь Наркомпрод направил отрядцев в Сибирь, в Омскую губернию, в распоряжение Сибкомпрода. Уже в Сибири отряд направили через Петропавловск в Кочетовский уезд, который находился в 2000 верстах от Петропавловска и в 120 верстах от станции Петухово. Больше по близости железных дорог не было. Продотряды работали до упора, в уезде было много хлеба, необмолоченной пшеницы 8–5-летней давности [б. Ф. 4000. Оп. 5–1. Д. 100. Л. 8–9].

Благодаря оперативности посыльных уже через несколько дней в Петроград двинулись первые эшелоны с провизией. Согласно сообщению чрезвычайного комиссара по продовольствию в Западной Сибири А. Г. Шлихтера: «2 июня со станции Куломзино отправлено 2 маршрутных поезда с пшеницей — один в Москву, другой в Петроград с 25 вагонами. Кроме того, в ночь со 2–3 июня грузятся и подлежат немедленной отправке из Омска в Москву и Петроград еще 2 маршрутных поезда. Состав каждого — 15 вагонов пшеницы и 15 вагонов овса. Через Омск же прошло 17 июня еще 15 вагонов пшеницы» [5, 5 июня].

По прошествии лет глава продуправы А. Е. Бадаев вспоминал, что «председатель Совета т. Зиновьев телеграфировал мне, что наша работа

имеет огромное значение для Петрограда, что в настоящий момент единственная надежда на посылаемый из Сибири хлеб» [4, с. 44].

Вместе с этим, 2 июня 1918 г. В. И. Ленин спешно телеграфировал Петроградскому совету о захвате чехословаками Сибирской железной дороги, угрозе транспорту, влекущей за собой провал продовольственного дела. Настаивал на том, чтобы Питер срочно выслал в Москву продработников для формирования сводных отрядов, способных спасти дело [3, с. 163].

Позднее, в официальном сообщении о чехословацком выступлении, опубликованном 7 июня 1918 г., сообщалось, что на дороге между Челябинском и Омском восставшие захватили поезд продкомиссара А. Г. Шлихтера, но вовремя спохватившись, на второй день освободили [5, 7 июня].

Петроградский Совет выделил людей для немедленной отправки к месту назначения. По воспоминаниям продотрядовца В. И. Иванова, принимавшего участие в Сибирской кампании в июне 1918 г. отряд, численностью в 600 чел., переименовали в первый хлебный Петроградский и по распоряжению В. И. Ленина направили в Омск для сбора и погрузки хлеба в Москву и Петроград. В распоряжении продработников имелось 8 пулеметов и 4 трехдюймовых пушки. Начальником отряда назначили Голинайтиса (Голинайшис), а В. И. Иванов получил полномочия председателя отрядного партийного комитета и отрядного суда.

Дорога в Омск пролегла через Пермь, где вспыхнуло восстание, которое по распоряжению ревкома первый хлебный продотряд сумел подавить. После восстановления ж/д путей отряд двинулся дальше на Восток.

Однако только небольшой группе продработников удалось добраться до места, т. к. началось восстание чехословацкого корпуса и антисоветских элементов. Не доезжая до Омска, отряд был встречен огнем. Пришлось вернуться к состоянию единственной реальной боевой единицы на ж/д магистрали Омск — Тюмень — Екатеринбург. Хлебом заниматься уже не пришлось, т. к. отряд принял участие в наступательных боях, продолжавшихся с июля по октябрь 1918 г. [6. Ф. 4000. Оп. 5–1. Д. 1377. Л. 2–3]

Для доставки оставшегося хлеба А. Е. Бадаев решил двинуть по Иртышу и направить продовольствие до Тюмени, но и это решение не реализовалось на практике — в Сибири вспыхнули восстания. Массовые беспорядки застали руководителя продуправы в Семипалатинске, который оказался изолирован от всех средств связи. При отсутствии данных о масштабе мятежа А. Е. Бадаев в компании продотрядовца все же решил

продвигаться к Омску. Оставаться незамеченными не получилось — под Славгородом их взяли в плен.

Благодаря счастливому стечению обстоятельств удалось бежать, содействие оказал и некогда демобилизованный солдат, ранее знавший А. Е. Бадаева. Угрозы расправы со стороны Соввласти явно подействовали на восставших и под покровом ночи они выпустили пленников из тюрьмы.

Чем ближе продвигался руководитель продовольственного дела и его спутник к Омску, тем больше опасностей возникало на их пути. Миновав занятое повстанцами селение, представители большевистской партии оказались у казаков, которые промышляли в районе Красноярска. Ночью удалось бежать.

Далее им повстречался крестьянин-переселенец, который предупредил об угрозе ареста со стороны казаков и помог переправиться через Иртыш, снабдив сведениями о селениях, в которых находились крестьяне, сочувствующие Соввласти. Пройдя от одной деревни до другой, А. Е. Бадаев и его спутник вновь вышли на дорогу к Омску.

К тому моменту Омск уже заняли белые отряды, и большевикам пришлось выдвинуться им навстречу. Не дожидаясь ареста, А. Е. Бадаев и продотрядовец поездом приехали в Омск. Здесь они провели переговоры с агентом местной продуправы, которого как меньшевика «белые» оставили в покое.

Далее А. Е. Бадаеву выдали документы и посадили на поезд, следовавший в Советскую Россию. Добравшись до Челябинска, находившегося в прифронтовой полосе, руководитель Петроградской продуправы оказался в ловушке, т. к. за неимением разрешения нельзя было ехать и обратно. Под угрозой возможных облав и арестов со стороны повстанцев, захвативших эту местность, пришлось снова бежать.

И на этот раз помогла случайность — удалось запрыгнуть в отъезжающий поезд и без всяких разрешений поехать в обратную сторону. На промежуточной станции удалось пересесть на лошадей и доехать до Ишима, который был в руках большевиков. Здесь А. Е. Бадаева встретили патрули Красной Армии, которые обеспечили необходимой документацией и направили его в Петроград [4, с. 45–46].

Таким образом, хлеб, который удалось доставить из Сибири в Петроград, лишь на немного облегчил продовольственное положение города. Восстание чехословацкого корпуса сорвало кульминационный момент в заготовительной работе. Сибирь, как один из центров продовольствия для Советской России, перестала существовать.

В начале 1918 г. проходил процесс выработки методов работы продорганов. Одним из них являлась заготовка продовольствия путем

отправки на места продотрядов. Сибирская заготовительная кампания, длившаяся с апреля по август 1918 г., показала реальные возможности продотрядцев и убедила Соввласть в целесообразности их использования. В понимании центра такая практика была эффективнее распоряжений, воззваний и т. д.

Для обеспечения продуктивной работы на местах требовались сознательные и идеологизированные работники и высшего, и низшего порядка — таких в первое полугодие 1918 г. не хватало. Деятельность А. Е. Бадаева во главе Петроградской Продуправы и Сибирской кампании в 1918 г. характеризуется в первую очередь исполнительностью, инициативностью и умением приспосабливаться к ситуации. Согласно воспоминаниям продотрядовца М. Г. Воробьева: «имя А. Е. Бадаева было знакомо не только петербургским рабочим, но и рабочим всей страны. Десятки тысяч петербургских рабочих знали и любили своего депутата за смелость, невероятную энергию, за горячую преданность делу рабочего класса и за неистребимую ненависть к его врагам» [б. Ф. 4000. Оп. 12. Д. 16. Л. 2]. Именно эти качества и требовала Соввласть от своих назначенцев.

На этом участке заготовительных работ продармейцы не успели полностью реализовать поставленные перед ними задачи, но смогли набраться опыта и проявить себя в качестве боеспособной единицы, оказавшей сопротивление восставшим чехословакам.

Поставка хлеба осложнялась сопротивлением крестьян, которые имели в амбарах до 1000 пудов хлеба. В таких ситуациях отряды отбирали хлеб силой и направляли к месту назначения. На транспорте также происходили повсеместные грабежи. Направляли целый эшелон ценного имущества, «доходило вместо 30 вагонов — 6–7» [б. Ф. 4000. Оп. 5–2. Д. 2462. Л. 3]. Зачастую грабежи происходили при поддержке красногвардейцев, повсеместно обнаруживались хищнические банды, в отношении которых приходилось принимать соответствующие меры.

Стоит отметить, что успешность таких кампаний зависела и от местных продорганов, которые в начале 1918 г. были все еще очень слабы. В феврале 1918 г. продагитчик Романов докладывал: в с. Леденском Вологодской губернии крестьяне находятся в подавленном состоянии из-за недостатка продовольствия. Работа местного Совета слаба, люди не заинтересованы в деле — ожидают приказов сверху. Ввиду отсутствия средств крестьянский сход собрал с каждого едока известную сумму и выдал ее делегатам по закупке хлеба в других волостях [б. Ф. 4000. Оп. 7. Д. 1055. Л. 4].

Основная часть нарядов, посылаемых из центра в губернии — не выполнялась. В сложившейся ситуации продовольственный аппарат

стремился задействовать максимум возможностей, которыми он обладал. Впоследствии Петрокомпрод первым перейдет на систему классового пайка, посредством введения продовольственных карточек.

Неудачи в проведении продовольственной диктатуры связывались большевиками с разбоем антикоммунистических элементов и военным положением. В первой половине 1918 г. зарождалась система бюрократического аппарата Советской России, которая развивалась на всем протяжении гражданской войны 1917–1921 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декреты Советской власти. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. 699 с.
2. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. М.: Политиздат, 1960–1975. 742 с.
3. *Ленин В. И.* Полн. Собр. соч. Т. 50. М.: Политиздат, 1960–1975. 624 с.
4. Ленинградская кооперация за 10 лет. Т. 1. Л.: ЛСПО, 1928. 262 с.
5. Северная коммуна. Пг., 1918.
6. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).
7. *Цюрупа В. А.* Колокола памяти. М.: Политиздат, 1986. 256 с.

УДК 94(470.24)

П. А. Соколов

г. Великий Новгород (Россия)

Новгородский гос. ун-т

**ЛАТЫШСКИЕ И ЭСТОНСКИЕ СЕКЦИИ ПРИ НОВГОРОДСКОМ
ГУБЕРНСКОМ КОМИТЕТЕ РКП(б)/ВКП(б) И НОВГОРОДСКОМ
ГУБЕРНСКОМ ОТДЕЛЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (1920–1927)**

Статья посвящена деятельности латышских и эстонских секций, образованных при новгородском губернском комитете ВКП(б) и губернском отделе народного образования (ГубОНО). Создание подобных национальных секций при партийных и исполнительных органах было частью новой национальной политики советской власти, желавшей интегрировать национальные меньшинства в процесс строительства нового общества. Для достижения данной цели на местах создавались национальные школы и культурно-просветительные учреждения. В Новгородской губернии к 1920 г. проживали тысячи латышей и эстонцев, среди которых образованным национальным секциям предстояло проводить возложенную на них работу. Но большинство латышских и эстонских колонистов Новгородской губернии старалось сохранить свой традиционный уклад жизни и не смогло в полной мере советизироваться, несмотря на все усилия властей установить политический и идеологический контроль над ним.

Ключевые слова: латышские колонии, эстонские колонии, Новгородская губерния, национальная политика, национальные секции ВКП(б).

Переселение латышей и эстонцев из Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний в Новгородскую началось в 1860-е гг. и было связано с тяжелым социально-экономическим положением крестьян Остзейского края. К началу 1920-х гг. в Новгородской губернии было 73 латышских и 34 эстонских колоний, каждая из которых представляла собой группу хуторов. Численность латышей в Новгородской губернии по данным переписи населения 1920 г. составила 8428 чел., эстонцев — 6554 чел. [4, с. 55].

Приход к власти большевиков существенно изменил дальнейшую политику государства в отношении национальных меньшинств. В губерниях и областях, в которых проживало большое количество представителей национальных меньшинств (при наличии среди них членов и кандидатов в члены РКП(б) соответствующей национальности), создавались национальные секции при комитетах РКП(б). Задачами национальных секций были пропаганда коммунистических идей среди национальных меньшинств на их родном языке, подготовка кадров для пар-

тии, а также выпуск периодических изданий и политической литературы. Все нацсекции подчинялись и местному губкому/обкому РКП(б), и специально созданным бюро отдельных национальных меньшинств при ЦК РКП(б), которые координировали их работу. Каждую нацсекцию возглавляло бюро [3, с. 303].

Латышская секция при Новгородском губернском комитете РСДРП(б) была образована в октябре 1917 г. под руководством председателя Ивана Вецкаля. Но деятельность секции сводилась к разъяснению латышскому населению, в основном Новгорода, текущего положения в стране. С началом гражданской войны деятельность данной латсекции прекратилась [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 1].

В феврале 1920 г. латсекция возобновила свою работу, но только в пределах Новгорода (при горкоме РКП(б)), поэтому ее культурно-просветительная деятельность носила весьма ограниченный характер, т. к. количество латышей в Новгороде было невелико, и часто сводилась к подготовке спектаклей и других подобных мероприятий на латышском языке [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 448. Л. 17, 25].

В августе 1920 г. вышло постановление латышского подотдела Комиссариата национальных меньшинств РСФСР, согласно которому все общественные деятели-латыши, а также лица, получившие специальное образование по культурно-просветительным вопросам подлежали мобилизации и обязательному привлечению к культурной деятельности среди латышского населения [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 448. Л. 36]. В связи с этим в Новгородской губернии губисполком и губком РКП(б) начинают проводить культурно-просветительную работу среди местного латышского населения, напрямую посещая их колонии.

К началу 1920-х гг. в Новгородской губернии отсутствовала организация для латышей, объединяющая и руководящая культурно-просветительной деятельностью. 16 марта 1921 г. при новгородском губернском отделе народного образования (ГубОНО) была организована латышская секция, которую возглавил Ф. К. Маркевич. На данную секцию было возложено ведение всех культурно-просветительных дел латышского населения Новгородской губернии [2. Ф. Р-265. Оп. 3. Д. 411. Л. 49, 61]. С латышскими культурными центрами Петрограда, Москвы и Пскова, которые издавали газеты и книги на латышском языке, у латышской секции новгородского ГубОНО не было никаких связей. Если изредка в Новгородскую губернию и попадали латышские газеты из центра, то они распределялись несообразно и в латышские колонии не попадали [2. Ф. Р-265. Оп. 3. Д. 412. Л. 3]. Латышская секция при Новгородском губкоме РКП(б) вновь была организована 18 июля 1921 г. и первоначально состояла из 18 членов и 23 кандидатов [1. Ф. 1. Оп. 1.

Д. 904. Л. 1]. В состав бюро секции вошли три чел.: председатель Фрейдфельд, товарищ председателя Ликанс и секретарь Фрейман [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 903. Л. 1]. К октябрю 1921 г. в латсекции было зарегистрировано уже 86 латышей-членов РКП(б), из них в Новгородском уезде — 38, Старорусском — 43, Боровичском — 3, Маловишерском — 2 [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 903. Л. 3]. 25 октября 1921 г. после прошедшей партийной чистки новым заведующим латышской секцией при ГубОНО стал Ян Петрович Кродер (1860–1938), ранее занимавший должность заведующего латышским подотделом отдела народного образования Омского губисполкома [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 907. Л. 35].

С целью установления контакта с местным латышским населением для проведения дальнейшей партийной работы латсекция при Новгородском губкоме РКП(б) посылала в латышские колонии своих инструкторов. Объездив некоторые крупные латышские колонии Новгородской губернии в 1922 г. с целью ознакомления с их общественно-политической и культурной жизнью, один из инструкторов латсекции писал в своем отчете: «Кажется, что пять лет революции прошли для большинства колонистов, совсем не задев их... они усвоили себе лишь худшие ее стороны» [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1309. Л. 22]. Одной из причин враждебности, по мнению латсекции, являлось то, что «среди колонистов сильно распространены разного рода религиозные предрассудки, с которыми приходится энергично бороться» [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1308. Л. 6].

Латышская секция сталкивалась и с проблемами внутреннего характера. Ею отмечалось, что дисциплина среди некоторых латышей-членов партии была слаба: не исполнялись постановления бюро, не посещались собрания, не регистрировались в секции. Большую роль в данной проблеме играла разбросанность латышей-членов РКП(б) по всем уголкам губернии, отсутствие объединений при волостях и уездах, поэтому латыши-коммунисты ускользали из-под контроля латсекции. Но все же, руководство секции отмечало усиление своей деятельности и за счет постепенного пополнения работниками, и вследствие «постепенного приобретения влияния и авторитета по вопросам жизни латышских масс, и в самих массах, особенно в области культурно-просветительной работы» [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1308. Л. 6, 20].

Значительное внимание латышские секции при губкоме РКП(б) и ГубОНО уделяли вопросам образования, назначению учителей-коммунистов в латышские школы с целью идеологического воздействия на латышскую молодежь. В связи с этим в латышских колониях начинается массовая организация школ, которых до 1917 г. было только 8 [2. Ф. Р-1244. Оп. 1. Д. 723. Л. 3]. В 1921 г. в Новгородской губернии была 21 латышская школа I ступени, в которых обучались около 700 учеников,

преподавали 19 учителей [З. Ф. 1. Оп. 1. Д. 904. Л. 3]. В Новгородском уезде латышские школы были в колониях Равань, Шелково, Кондуя, Кречно, Теремец-Курляндский, Николаева, Березова и ряде др. В Маловишерском уезде было две латышских школы I ступени в колониях Дерева и Любень. В Крестецком уезде было также две школы для латышей — в Лошинском и Клобучинском товариществах (с 1922 г. в составе Старорусского уезда). Что касается других уездов, где проживали латыши, то там национальных школ долгое время не было [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 448. Л. 22–23, 39–42, 44]. В 1922 г. было уже 22 латышские школы, но только 12 из них работали (в других школах отсутствовали учителя). В 6-ти школах работали учителя-коммунисты, в остальных — учителя, «которые не приносили пользы, но и вреда не делали» [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1300. Л. 160б]. В 1923 г. открывается единственная в Новгородской губернии семилетняя латышская школа с интернатом и переподготовкой учительского персонала всех латышских школ губернии, расположившаяся в колонии Березова Новгородского уезда [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1736. Л. 27]. В 1925 г. работало 15 латышских школ с 553 учениками и 25 учителями. 45,5 % учителей-латышей являлись членами ВКП(б) и комсомольцами. В 1925–1926 учеб. году открываются две новые латышские трехлетние школы в Валдайском и Демянском уездах [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2729. Л. 20б]. К 1927 г. в Новгородской губернии осталось 20 латышских школ, из которых 12 были трехлетними, 7 — четырехлетними, 1 — семилетней [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3751. Л. 2–4].

В латсекции при губкоме РКП(б) отмечали, что специальных школьных зданий в латышских колониях почти не было, а школы помещались в небольших каморках при церквях и домах молитвы. Многие учителя по воскресеньям исполняли обязанности пасторов и кистеров (помощников пастора) [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1309. Л. 220б].

В начале 1923 г. в Новгородской губернии организуется латышский сектор при губсовпартшколе, первым руководителем которого стал Я. Кродер, заведующий латсекциями при ГубОНО и губкоме РКП(б). При латсекторе были также созданы библиотека, первоначально состоявшая из 261 книги, и партийная ячейка в составе 7 чел. Курсанты сектора занимались выпуском газеты «Красный курсант» [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1736. Л. 80б, 140б].

Большой проблемой для властей оставалось отсутствие специальных работников, поэтому вся работа по пропаганде в латышских колониях Новгородской губернии была возложена на учителей-коммунистов. В это же время латсекция при губкоме ВКП(б) активно занималась работой с молодежью. В латышской колонии Равань Апраксинской волости Новгородского уезда организовывается латышский

пионеротряд «Имени Кродера» в составе 5 чел. Всего в Новгородской губернии в 1925 г. было 67 латышей-членов РЛКСМ, 7 комсомольских ячеек и две секции. Кроме того, в губернию присылался латышский юношеский журнал «Яуни Цели», который из-за своей дороговизны (30 коп.) большого распространения в латышских колониях не получил [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2729. Л. 3об].

В 1925 г. в Новгородской губернии действовало 10 латышских библиотек, организованных латышскими секциями при губкоме ВКП(б) и ГубОНО, из них 8 в Новгородском, по 1 в Маловишерском и Старорусском уездах. В них насчитывалось 3532 книги, а количество читателей составило 576 чел. Тем не менее, в библиотеках чувствовался большой недостаток подходящей для латышских крестьян литературы [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2729. Л. 2об].

В Новгородскую губернию поступали периодические издания на латышском языке: газеты «Кревияс Циня», «Пролетариата Циня» и «Циняс Атбалс», журнал «Сарканайс Арайс» и брошюры по сельскому хозяйству. Все латыши-коммунисты Новгородской губернии постановлением бюро секции были обязаны подписываться на газету «Кревияс Циня» («Российская борьба»). Рекомендовалось читать эту газету и беспартийным колонистам, но спросом среди них она не пользовалась. По своему содержанию газета была абсолютно некрестьянской, что было связано с отсутствием специалистов по земледелию среди составителей газеты [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1308. Л. 33, 35].

В 1920-е гг. власти Новгородской губернии, как и Советской России в целом, начинают активно проводить антирелигиозную пропаганду. Так, латсекция при губкоме РКП(б)/ВКП(б) вела подобную деятельность в избах-читальнях, где для латышей проводились лекции по естествознанию и сельскому хозяйству, а также велись индивидуальные беседы. Но, тем не менее, о широкой антирелигиозной пропаганде говорить не приходилось, т. к. «религиозность довольно глубоко сидит еще у латышей, особенно у широко распространенных среди них разных сектантов» [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2729. Л. 1об].

Всего в 1927 г. в латышских колониях Новгородской губернии действовали следующие культурно-просветительные учреждения и организации: 7 изб-читален, 17 красных уголков (некоторые из них работали под руководством латышских изб-читален), 11 библиотек (около 5000 книг), 3 школы для взрослых, 4 сельскохозяйственных, 2 военных, 21 физической культуры, 11 драматических, 5 хоровых, 6 музыкальных, 1 антирелигиозный и другие кружки. В 1927 г. в некоторых латышских колониях губернии появляется радио, которое пользовалось большим авторитетом у местного латышского населения, охотно жертвовавшего

на его установку. В это же время в 14 латышских колониях Новгородской губернии под руководством партийных и комсомольских активистов и при участии учителей, избачей, членов сельскохозяйственных кружков выпускались стенгазеты. Сельские корреспонденты имелись почти в каждой латышской колонии, но они, по замечанию латсекции губкома ВКП(б), были неорганизованны, и с ними не велось воспитательной работы [1. Ф. 128. Оп. 1. Д. 604. Л. 98–99, 104].

Для работы среди эстонского населения Новгородской губернии в июне 1920 г. при губкоме РКП(б) был организован эстонский отдел агитации и пропаганды, заведующим которого был назначен Иоганнес Ведру. К 1 мая 1921 г. в Новгородской губернии было 19 членов РКП(б)-эстонцев и 12 кандидатов. Усилиями членов эстонского отдела губкома РКП(б) в эстонской колонии Чернецово Боровичского уезда была организована школа для эстонских детей. Всего к этому времени для эстонских колонистов действовали 10 клубов, 2 культурно-просветительных и 12 драматических кружков, 3 союза молодежи, народный дом, 15 читальных и 20 библиотек. Эстонцами-коммунистами распространялись эстонская газета ЦК РКП(б) «Эдази» («Вперед»), книги и воззвания. Летом 1921 г. эстонский отдел губкома РКП(б) был реорганизован в эстонскую секцию. В ее подчинении находились эстонские секции при Боровичском (основана в октябре 1920 г.), Крестецком (ноябрь 1920 г.) и Демянском (июль 1921 г.) уездных комитетах РКП(б) [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 927. Л. 6–7].

Эстонская секция при Новгородском ГубОНО была организована 16 марта 1921 г. Ее возглавил Иоганнес Юльевич Караск (занимал пост с 1921 по 1925 г.), ранее заведовавший эстонской секцией при Крестецком уездном комитете РКП(б) [2. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 385. Л. 13об]. Кроме того, И. Караск стал заведующим эстсекцией при губкоме РКП(б), секретарем бюро национальных меньшинств Новгородского губисполкома, дошкольным и школьным инструктором. Тормозами работы эстонских секций являлись холодное отношение эстонского населения и местных органов народного образования к работе секций, отсутствие средств и недостаточное количество работников [2. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 371. Л. 2, 8об].

В 1921 г. в эстонских колониях Новгородской губернии было 13 школ (функционировало только 7), 7 клубов, 2 народных дома и 2 культурно-просветительных кружка. При каждом эстонском культурно-просветительном учреждении были организованы библиотеки и различные кружки. Отдельных библиотек было 2. Кроме того свои библиотеки и избы-читальни были открыты при эстонских сельскохозяйственных артелях и коммунах [2. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 367. Л. 23].

Для политического просвещения в Новгородскую губернию из центра поступали газеты и журналы на эстонском языке, которые распространялись при помощи эстонских секций: газеты «Эдази» и «Орис», журнал «Сяде» [2. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 390. Л. 2]. Существовал эстонский сектор при губернской советской партийной школе.

Большое значение эстонские секции уделяли работе с молодежью. В конце 1924 г. в Новгородской губернии было 5 эстонских ячеек и 1 секция РЛКСМ с 56 членами. Также при Лажитовской эстонской школе Подберезской волости Новгородского уезда существовал отряд юных пионеров с 15 членами. Всего же в это время в Новгородской губернии функционировали следующие эстонские культурно-просветительные учреждения: 7 клубов, 1 народный дом, 9 изб-читален, 12 библиотек, 9 драматических, 4 музыкальных, 8 политических, 2 сельскохозяйственных и 5 литературных кружков, 3 общества «Друзей газеты и книги», 3 пункта ликвидации неграмотности и общество «Долой неграмотность», а также 5 бюро справок и жалоб. При этом ГубОНО финансировал только 5 клубов, народный дом, 2 избы-читальни и 3 ликпункта, остальные учреждения существовали на свои средства, получаемые от платных вечеров и членских взносов [2. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 390. Л. 2–2об]. В это же время функционировало 10 эстонских школ (5 трехлеток, 4 четырехлетки и 1 пятилетка) с 11 учителями и 332 учениками. В 1924 г. эстонских ячеек РКП(б) в Новгородской губернии было 2 — при сельскохозяйственных коммунах «Красная звезда» Новгородского уезда и «Шастово» Боровичского уезда. Всего членов РКП(б)-эстонцев в губернии насчитывалось 21, кандидатов — 18 [2. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 416. Л. 1, 14об].

В целом, культурно-просветительная работа в эстонских колониях Новгородской губернии, по мнению центрального бюро эстсекции ЦК РКП(б) велась слабо, что объяснялось значительным количеством эстонских колонистов, ведущих, с точки зрения партийного руководства, антисоветскую пропаганду, и неприятием со стороны местных властей соответствующих мер. В 1924 г. в эстонской колонии Бугры Крестецкой волости Валдайского уезда учителем местной школы Кручининым велась организация политклуба для сплочения политически благонадежных элементов. Эстонскими колонистами принимались попытки отстранить Кручинина от работы. Во время отсутствия учителя был устроен поджог школьного помещения, а в политклубе был снят и проколот портрет эстонского революционного деятеля Я. Креукса. В колонии Яблоня Эстонская был убит бывший красноармеец, собиравший материалы про эстонских оптантов, ведущих антисоветскую пропаганду, для дальнейшей передачи в эстсекцию губкома РКП(б). Также отмечалось широкое распространение религиозного движения в эстонских колони-

ях, в которое была вовлечена и молодежь. Подрывали авторитет РКП(б) и некоторые эстонцы-коммунисты. Так, весной 1923 г. в колонии для проведения беспартийных конференций был командирован инструктор Теруке, который «напился до того, что свалился с ног» [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2246. Л. 1–2].

В 1927 г. для эстонских колонистов Новгородской губернии функционировали 10 школ (439 учеников), 6 изб-читален, 9 красных уголков, 1 школа-передвижка и кружки: 4 политических, 7 драматических, 2 хоровых, 2 спортивных, 3 сельскохозяйственных. Также в некоторых эстонских колониях появилось радио (имелось 3 радиоустановки). Всего в 1927 г. в губернии насчитывалось 2 эстонские ячейки ВКП(б) с 15 членами и кандидатами ВКП(б), 9 эстонских ячеек ВЛКСМ с 138 членами и 5 эстонских отрядов пионеров с 60 членами [1. Ф. 128. Оп. 1. Д. 301. Л. 81].

1 августа 1927 г. Новгородская губерния была упразднена. Входившие в ее состав латышские и эстонские колонии вошли в состав Новгородского, Ленинградского и Боровичского округов Ленинградской области. Латышские и эстонские секции при Новгородском губкоме ВКП(б) и Новгородском ГубОНО прекратили свое существование.

Таким образом, партийная и культурно-просветительная деятельность латышских и эстонских секций при Новгородском губернском комитете РКП(б)/ВКП(б) и Новгородском отделе народного образования была направлена на установление тесной связи с латышским и эстонским населением Новгородской губернии с целью осуществления политического и идеологического контроля над ним. При этом мероприятия, проводимые данными национальными секциями, далеко не всегда приводили к положительным, с точки зрения губернских властей, результатам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО).
2. Государственный архив Новгородской области (ГАО).
3. Дённингхаус В. В тени «Большого брата»: западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). М.: РОССПЭН, 2011..
4. Золотарев Д. А. Этнический состав населения Северо-Западной области и Карельской АССР. Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1926.

УДК 94(470.51)“1921/1924”

О. Г. Клецкина

г. Ижевск (Россия)

Удмуртский гос. ун-т

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ УДМУРТИИ В 1921–1924 ГОДАХ

Процесс становления государственности Удмуртии непосредственно связан с автономной областью, учрежденной в 1921 г. в условиях послевоенной разрухи и голода. Советская власть предоставила автономным областям, образованным на национально-территориальной основе, финансовые ресурсы в форме местных бюджетов для решения неотложных задач, перечень которых включал принятие мер по борьбе с голодом, подъему немощных и маломощных крестьянских хозяйств, поддержке и развитию государственной промышленности. В статье найдено отражение социально-экономической ситуации, сложившаяся в Вотской автономной области (далее — ВАО) в начале 1920-х гг., конкретизированная статистическими данными, раскрывающими результативность деятельности местных органов власти по решению экономических и социальных проблем. Проведенное исследование позволило установить, что для руководителей области особую значимость имело право на разработку и реализацию национальной политики, которое в условиях дефицита местного бюджета воспринималось как труднореализуемое, поэтому через три года после образования ВАО появилось стремление преобразовать автономную область в автономную республику в расчете на большее внимание центральных государственных органов к нуждам региона.

Ключевые слова: автономная область, государственная промышленность, зерновое хозяйство, национальная политика, национальные кадры, ответственные советские работники, помощь голодающим, районирование.

Цель настоящей статьи — рассмотрение особенностей протекания социально-экономических процессов в автономной области, учрежденной на территории компактного проживания удмуртов и находившейся в стадии становления в первую половину 1920-х гг., для выявления основных проблем территориального развития и характеристики подходов местных органов государственной власти к решению задач по устранению негативных последствий сложной ситуации в региональной экономике и изысканию возможностей для развития трудовых ресурсов. Результаты исследования опираются на неопубликованные [4] и опубликованные [1] архивные источники, опубликованные статистические данные [2], а также литературу [3; 5], содержащую информацию по проблеме достаточности (сносности) потенциала территории, в границах

которой удмурты получили право на выстраивание автономии, для реального воплощения прав национальной автономии, входящей в состав РСФСР.

Как следует из материалов Областного экономического совещания ВАО (далее — ОБЭКОСО), 1921 г. выдался неурожайным, что в условиях экономической разрухи, ставшей следствием ожесточенной гражданской войны, непосредственно охватившей территорию Удмуртии, неизбежно привело к голоду. Руководители области, озабоченные проведением мероприятий по борьбе с голодом, были вынуждены свести к минимуму бюджетные расходы на содержание штатов в учреждениях системы государственного управления, народного образования, здравоохранения, транспорта, коммунального хозяйства [1, с. 124].

Центральная власть попыталась устранить последствия голода, ввергнувшего население многих административно-территориальных единиц РСФСР в бедственное положение, путем устройства товарообмена между директивно определенными в качестве торговых партнеров регионами. Однако административный подход, не подкрепленный серьезным экономическим обоснованием, положительного результата не дал. Например, руководители ВАО не наладили товарообмен с Ярославской губернией, т. к. возглавляемая ими земледельческая область с голодающим населением и слаборазвитой кустарной промышленностью не могла поставить в полуфабричную губернию продукцию, пользующуюся спросом на региональном рынке [1, с. 129].

Крах попыток ВАО установить товарообмен с предписанным регионом помог руководству области осознать значимость принадлежности крупных государственных промышленных предприятий местным органам и побудил областной исполком выступить с инициативой о передаче в распоряжение области имущественного комплекса и сырья Воткинского завода, на тот момент находившегося в ведении Уралпромбюро [1, с. 144].

В начале 1920-х гг. государственная промышленность ВАО была представлена предприятиями оружейной, металлургической, стекольной, деревообрабатывающей, пищевой промышленности. В общей стоимости произведенной промышленностью области продукции (без учета продукции Ижевских оружейных заводов) доля стекольного завода составляла 79,7 %, фабрики охотничьих ружей — 10,7 %, чугунолитейного завода — 3,5 %, химдреззавода — 0,9 %, маслозавода — 5,3 % [1, с. 167].

В условиях слабости регионального промышленного потенциала зерновое хозяйство, производящее рожь, овес, гречиху, лен, ячмень, выступало главной отраслью специализации ВАО [1, с. 167]. Выживанию сельскохозяйственного производства в автономной области в большей

степени способствовало преобладание сельских жителей, поддерживаемое неразвитостью промышленного производства, в то время как природно-климатические условия делали труд на земле непредсказуемым по показателю урожайности зерновых культур. Превышение числа сельских жителей над численностью городского населения, наблюдавшееся в Удмуртии в начале 1920-х гг., в общих чертах отражает систему расселения населения, сложившуюся в регионе и свойственную стране. В 1924 г. на долю крестьян и кустарей (кооперированных и некооперированных) без учета кулаков приходилось 76,7 % населения Советского Союза [2, с. 11].

В 1922 г. крестьянским хозяйствам Удмуртии, общая площадь территории которой в тот период составляла 26187 кв. верст, удалось засеять 216028 дес. земли, при этом «было засеяно меньше одной трети обычно засеваемой площади» [1, с. 166, 131]. Падение объемов зернового производства, predetermined сокращением площади обрабатываемых полей, было усугублено другими негативными факторами, в числе которых весенние заморозки в северных частях Глазовского и Дебесского уездов, засоренность полей, недоброкачество семян, плохая обработка, появление массовых вредителей, градобитие, холодная с сильными ветрами погода, излишки влаги во время цветения и налива сельскохозяйственных культур, медвяная роса. В тот год сбор урожая с десятины в среднем по области достиг 34,4 пуда в ржаных единицах [1, с. 131]. Валовой сбор, включая картофель и технические культуры, был равен 74361182 пудам. Чистый сбор, определенный за вычетом семенной потребности и натуралога, составлял 4,3 пуда на душу наличного сельского населения, которого насчитывалось 641397 чел. Причем в начале 1920-х гг. норма потребления продукции сельского хозяйства, выраженная в ржаных единицах, для горожан составляла 10 пудов на душу населения, а для сельских жителей — 13,5 пуда [1, с. 132]. В случае установления хозяйственной автономии, в тех условиях возможной по причинам неразвитости межрегиональных торговых связей и недостаточности средств государственного бюджета для проведения политики выравнивания регионов, население области, представленное 91 % сельских и 9 % городских жителей, было бы обречено на голодное существование [1, с. 166]. Применявшиеся тогда формы государственной поддержки в первую очередь охватывали социально уязвимые категории населения, к числу которых относились беспризорники численностью 17 тыс. чел. и безработные рабочие в количестве 10 тыс. [1, с. 132]. В масштабах страны безработица сохранялась на достаточно высоком уровне в течение 1920-х гг., демонстрируя признаки неизлечимого недуга рыночной экономики. Наркомат труда (далее — НКТ) искал спосо-

бы оздоровления ситуации на рынке труда и под влиянием политического курса, предполагавшего строительство социалистического хозяйства, рекомендовал регионам «оказывать всемерное содействие... артелям из безработных», сформированным биржами труда [4. Ф. Р-234. Оп. 1. Д. 34. Л. 45]. По постановлению НКТ и Наркомата финансов артели безработных освобождались от уплаты промыслового налога на период до трех месяцев со дня создания. Вдобавок к установленному льготному налоговому периоду артели безработных могли рассчитывать на льготы по оплате коммунальных услуг, право на предоставление которых закреплялось за местными органами управления [4. Ф. Р-234. Оп. 1. Д. 34. Л. 45]. Отметим, что в 1923 г. значительную долю безработных в ВАО составляли проживающие в городах чернорабочие, рабочие металлургической отрасли, служащие [4. Ф. Р-234. Оп. 1. Д. 29. Л. 41, 49]. В масштабах союзного государства численность безработных значительно сократилась к четвертому кварталу 1930 г., когда количество безработных, состоящих на учете в биржах труда, уменьшилось до 240 тыс. чел. [2, с. 11].

Помощь голодающим Удмуртии оказывалась с опорой на региональные возможности и на основе привлечения внешних по отношению к региону ресурсов. В Удмуртию был направлен Врачебно-питательный поезд имени служащих Китайско-Восточной железной дороги [1, с. 144]. На территории области осуществлялись меры по организации общественного детского питания и общественных работ для взрослого населения [1, с. 128].

Руководство ВАО, изыскивая пути устранения нищеты и бедности сельского населения в целях решения продовольственной проблемы, имевшей первостепенное значение, предложило использовать финансовые инструменты для преодоления немощности единоличных крестьянских хозяйств. В частности, ставился вопрос о предоставлении крестьянам, занимающимся аграрным производством на территории Удмуртии, долгосрочной ссуды на льготных условиях или безвозвратной субсидии «на восстановление хозяйства и приобретение мертвого и живого сельскохозяйственного инвентаря, улучшенных сортов семян» [1, с. 133]. Вопрос кредитования сельского населения обсуждался на IV совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, созванном по инициативе И. В. Сталина и проходившем в Москве 9–12 июня 1923 г. с участием 58 представителей национальных регионов. Участники совещания обсудили проект платформы по национальному вопросу, написанный И. В. Сталиным и одобренный Политбюро ЦК РКП(б) 4 июня 1923 г. Взятые на вооружение меры по организации хозяйственного строительства в национальных республи-

ках и областях с точки зрения национально-бытовых особенностей предусматривали наряду с доступным сельскохозяйственным кредитом местному населению такой инструмент государственного регулирования, как «всемерная помощь кооперации, в частности, промысловой (в видах привлечения кустарей)» [5, с. 298]. Следовательно, курс партийно-государственного строительства, проводимый в период нэпа, предполагал учреждение кредитных организаций, но кредитование хозяйствующих субъектов аграрного сектора экономики вводилось преимущественно для развития крестьянской кооперации, в том числе для расширения деятельности артелей промысловой кооперации. Таким образом, если содержание предложения руководителей ВАО о льготных ссудах осмыслить с учетом объекта финансовой поддержки, то надо признать, что оно находилось в некотором противоречии с установкой большевиков на создание организованного социалистического хозяйства, способного, по их идейным воззрениям, потеснить неорганизованный частный сектор национальной экономики в условиях нэпа. В связи с этим следует упомянуть, что удельный вес социалистического хозяйства в национальном доходе СССР в 1924 г. достиг 35 % [2, с. 42].

Разруха, голод, ставшие неотъемлемым явлением повседневности в РСФСР в начале 1920-х гг., ни в какой мере не понижали значимость пропаганды преимуществ социалистического строя. В первые годы нэпа советская власть использовала силу пропагандистских мероприятий для укрепления смычки города с деревней. Например, X съезд Советов обязал губернии, автономные республики и области принять участие во Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке [1, с. 141–142]. Инициатива делегатов съезда сдерживалась на местах низким качеством человеческого капитала и неразвитым производственным потенциалом. В ВАО попробовали уменьшить отрицательное влияние вышеупомянутых негативных факторов посредством привлечения к участию в подготовке выставочных мероприятий членов профсоюзов, в рядах которых в Удмуртии состояло 20 тыс. чел. [1, с. 142].

Специфической чертой ВАО, относящейся к земледельческим регионам, выступала неразвитость денежной торговли в крестьянской среде, что проявлялось в отсутствии на территории области такой торговой площадки, как ярмарка [1, с. 153; 4. Ф. Р-234. Оп. 1. Д. 29. Л. 42]. Если Нижегородская, Пермская, Екатеринбургская губернии в 1923 г. перешли на денежную форму единого сельскохозяйственного налога, то ВАО, как и Башкирская ССР, Татарская ССР, Вятская и Уральская губернии, установила смешанную форму указанного налога [4. Ф. Р-234. Оп. 1. Д. 41. Л. 176]. Председатель областного исполкома И. А. Наговицын, сравнивая удмуртских крестьян с русскими, отмечал, что удмурты хра-

няют излишки урожая в кладях «чуть ли не по десятку лет», а продают продукцию своего по сути натурального хозяйства из-за обязательств по налогообложению и потребностей, побуждающих их осуществлять закупки сахара, чая, керосина и железа для личного потребления [1, с. 177]. Основная масса крестьян Удмуртии выплачивала налоги, получая доход от продажи хлеба и других продуктов земледелия и скотоводства. Жители сельских населенных пунктов, размещенных вблизи с Ижевским, Сергиевским, Валамазским, Сюгинским заводами, а также рядом с железными дорогами, сплавленными реками и районами лесозаготовок, выполняли обязательства по налогообложению, осуществляя выплаты из промысловых заработков, которые местными финансистами оценивались как незначительные. Рыбный промысел в регионе отсутствовал [4. Ф. Р-234. Оп. 1. Д. 29. Л. 40].

Несмотря на почти натуральный характер крестьянского хозяйства, сдерживавший рост товарности сельского хозяйства Удмуртии, автономная область в первые годы своего становления стала вывозить за пределы региона хлебную продукцию, кожсырье, льнокудель, льняное семя [1, с. 167]. В то же время экспортная торговля автономной областью не велась [4. Ф. Р-234. Оп. 1. Д. 29. Л. 42].

Аграрная специализация региона побудила местных руководителей приступить к созданию системы подготовки кадров для сельского хозяйства. В 1924 г. в Удмуртии насчитывалось 14 агрономов и действовали две сельскохозяйственные школы [1, с. 178].

Советская власть, преодолев голод и сохранив жизнь голодающим детям, начала вовлекать их в организованное детское движение, имеющее идейно-политическую и патриотическую основы. Так, в 1923 г. областной исполком ВАО принимает решение о создании отрядов «Юных пионеров» с обязательным выделением бюджетных средств на организационные мероприятия в размере 16 тыс. руб. [1, с. 143].

Большевики, учреждая советские органы власти и управления в российской периферии, стремились сделать их максимально открытыми для населения. И. А. Наговицын, открывая работу V областного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 6 декабря 1923 г., произнес вступительную речь на удмуртском языке, в которой сказал о необходимости «сделать наши учреждения более доступными для населения, чтобы самый отсталый, темный крестьянин-вотьяк, придя в государственное учреждение, чувствовал, что советская власть есть власть трудящихся» [1, с. 148]. В 1924 г. национальный состав сельского населения области был представлен удмуртами (58,7 %), русскими (37,6 %), татарами (2,0 %) и иными народами (1,7 %) [1, с. 166].

Национальную политику, проводимую в период нэпа, большевики противопоставляли буржуазной. В докладе по национальному вопросу и его практическому осуществлению в Вотобласти, сделанном на V областном съезде Советов, прозвучала мысль, что «прежняя политика была направлена к угнетению малых национальностей — задавить, обрусить их, а вместе с тем понемногу заставить их выродиться» [1, с. 150]. Важно подчеркнуть, что на местах под целью создания автономных областей и республик в составе РСФСР понимали возможность вливания национальных меньшинств в госаппарат [1, с. 151]. Эффективность работы государственного аппарата на местах связывалась не только с укомплектованностью государственных учреждений национальными кадрами, но и с повышением их образовательного уровня. По состоянию на декабрь 1923 г. в высших учебных заведениях страны училось 150 удмуртов [1, с. 152]. В рамках мероприятий по просвещению удмуртов учреждались подготовительные группы и классы при профессионально-технических учебных заведениях, рабфаках, школах второй ступени [1, с. 158]. В 1924 г. в средних профессионально-технических училищах обучалось свыше 500 удмуртов [1, с. 170]. В то же время, как отмечал И. А. Наговицын, национальная политика, проводимая в ВАО, не имела полной поддержки со стороны 20 тыс. русских рабочих из-за пережитков шовинизма и отсутствия понимания сути национальной политики [1, с. 179].

Дефицит местных средств, имевший перманентный характер, сдерживал становление советской системы народного просвещения в Удмуртии. К примеру, в 1923–1924 финансовом году нехватка бюджетных доходов составляла 39 % от утвержденных бюджетных расходов. В конце описываемого финансового года в 396 школах первой ступени и 12 школах второй ступени, размещенных на территории автономной области, обучалось более 30 % мальчиков и девочек из 139711 детей школьного возраста [1, с. 168]. Дополнительно к обозначенным образовательным учреждениям в области было открыто 178 пунктов ликвидации неграмотности, привлечь в которые первоначально удалось только 2 % безграмотного населения из 532238 элементарно неграмотных жителей [1, с. 168]. Наличие большой доли неграмотного населения не создавало благоприятных условий для практического воплощения прав на областную автономию, затрудняло внедрение системы местных бюджетов на уровне волостей, число которых в период с 1921 по 1924 г. пришлось сократить путем укрупнения с 70 до 34 [3, с. 32–33]. В проекте объяснительной записки по местному бюджету на период с 1 октября 1922 по 1 октября 1923 г., рассмотренном плановой комиссией при ОБЭ-КОСО, имеется зачеркнутая запись, объясняющая причины отказа руко-

водителей области от составления волостных смет и сводок, предназначенных для группировки волостных смет по уездам. «Главной причиной отсутствия волостных смет, — как написано в черновике объяснительной записки, — является неподготовленность уисполкомов и волисполкомов к сметной работе» [4. Ф. Р-234. Оп. 1. Д. 50. Л. 1].

Актуализированный сложной международной ситуацией поиск способов формирования позитивного отношения народов СССР к необходимости выполнения воинской повинности в составе подразделений Красной Армии, выступает любопытным аспектом развития федеративных отношений. ЦК РКП(б), проявляя заботу об укреплении обороноспособности страны, в 1923 г. прорабатывал вопрос открытия военных школ в республиках и областях для подготовки командного состава, способного возглавить организацию национальных войсковых частей, появление которых по предварительным оценкам привело бы к увеличению численности Красной Армии «примерно тысяч на 20–25» [5, с. 299]. Идея создания национальных воинских частей и планы по подготовке соответствующего комсостава получили одобрение со стороны руководителей ВАО [1, с. 154].

В автономных образованиях РСФСР пытались поддерживать открытость местной власти при помощи периодического освещения мероприятий, проводимых советскими учреждениями, в газетах, издаваемых массовым тиражом на национальных языках. Органы власти ВАО осуществляли обнародование распорядительных документов, публикуя их на удмуртском языке в газете «Гудыри», на русском языке — в газете «Иж-правда» [1, с. 153, 157].

Реализация мер национальной политики на территории Удмуртии предопределила позитивные сдвиги в процессе формирования лояльного отношения удмуртов к советской власти. Например, по состоянию на начало 1924 г. удмурты в общей численности ответственных работников областных и уездных органов составляли 35,3 %, волостных исполкомов — 53 % [1, с. 170].

Работа на ответственных должностях была не из легких. Советским ответственным работникам приходилось не только лично участвовать в организации посевной кампании, о чем свидетельствует акт о причинах задержки выгрузки семенных материалов на станции Ижевск, подготовленный комиссией в составе председателя областного исполкома И. А. Наговицына, заместителя областного прокурора Кодацкого, уполномоченного областного отдела ГПУ Савиных 17 ноября 1923 г., но и искать пути понижения уровня заболеваемости, в условиях распространения трахомы и сифилиса среди местного населения [1, с. 145, 150]. В качестве профилактических мер по снижению уровня заболеваемости

в ВАО проводилось санитарное просвещение населения [1, с. 153]. В 1924 г. количество зарегистрированных трахомных больных составляло 5,1 % от общей численности населения области, больных сифилисом — 0,9 %. Одновременно с этим охват населения учреждениями здравоохранения оставался неудовлетворительным: в области существовало 18 больниц с 915 койками и 38 фельдшерских пунктов [1, с. 168].

Опыт самостоятельного решения автономной областью вопросов ее социально-экономического развития обусловил взвешенный подход местных руководителей к процессу краевого объединения близко расположенных субъектов РСФСР. Информация о предстоящем районировании была доведена до ответственных работников ВАО в 1923 г. в виде схемы Госплана по районированию СССР, при этом местные руководители были недовольны тем, что их не привлекли к обсуждению вопросов районирования [1, с. 163, 165]. И. А. Наговицын в декабре 1924 г. направил письмо в бюро фракции ВЦИК [1, с. 159–160], в котором изложил аргументы, объясняющие нецелесообразность включения ВАО в состав Вятско-Ветлужского краевого объединения и обосновывающие возможность получения большего социального эффекта и достижения лучших экономических показателей от объединения ВАО с Уральской областью. Нежелательность отнесения ВАО к Вятско-Ветлужскому краю объяснялась транспортной недоступностью Вятки как центра краевого объединения для населения южной части автономной области. В письме указывалось, что прямое железнодорожное сообщение с Вяткой существует только у Глазова, тогда как другие населенные пункты области имеют железнодорожное сообщение с центром Вятско-Ветлужского края через Свердловск [1, с. 160]. Целесообразность объединения ВАО с Уральской областью доказывалась, во-первых, связанностью северных и южных районов автономии с Уралом железнодорожным и речным транспортом, во-вторых, налаженностью торговых отношений между регионами, в-третьих, потребностью в уральском металле [1, с. 160]. В другом письме, адресованном в тот же период в Вятский губернский исполком, сообщалось об отказе ВАО от участия в работе оргбюро и Пленума оргбюро Вятско-Ветлужского края в связи с намерением автономной области, проистекающим из решений 8-й областной партийной конференции, войти в состав Уральской области [1, с. 162]. Стоит отметить, что руководители автономной области отрицательно относились не только к предложению включить ВАО в состав Вятско-Ветлужского края, но и к проекту создания Волжско-Камского краевого объединения, формируемого посредством вбирания в него ВАО совместно с Татарской республикой [1, с. 165]. Вопросы районирования, поставленные на повестку дня в 1923–1924 гг., побудили руководство области возбудить ходатай-

ство о преобразовании автономии в республику. В письме, подготовленном в декабре 1924 г. и адресованном в ЦК РКП(б), И. А. Наговицын дает оценочное суждение относительно статуса автономной области в составе РСФСР, подчеркивая, что «Вотская область, как и все другие автономные области, в своих правах приравнена к губерниям» [1, с. 166, 171]. Председатель областного исполкома пришел к выводу, что реально существующий у автономной области статус недостаточен для формирования всех составляющих автономии, созданной на национально-территориальной основе. По его представлениям, получить дополнительные возможности для культурного и хозяйственного развития «отсталой национальности» можно было путем преобразования существующей автономной области в «автономную С. С. Республику народа УДМУРТ», т. к. «центральные органы уделяют гораздо больше внимания автономным республикам» [1, с. 171–172, 174, 176–177]. Отсутствие должного внимания к нуждам автономной области со стороны Москвы усматривалось местным руководством в более позднем по сравнению с губерниями открытии на территории ВАО конторы Госбанка и Общества сельскохозяйственного кредита. Отделения Госбанка начали работать на территории области 24 сентября 1923 г. Особую озабоченность вызывало то, что на момент открытия Общества сельскохозяйственного кредита государство в лице компетентных органов не выполнило своих обязательств по внесению долевой части уставного капитала [1, с. 174; 4. Ф. Р–234. Оп. 1. Д. 29. Л. 42]. В большинстве случаев банковские ссуды давались на два месяца, а процентная ставка варьировалась в пределах от 3 до 6 % [4. Ф. Р–234. Оп. 1. Д. 29. Л. 42]. Действовавшие условия кредитования не устраивали многих нуждавшихся в дополнительных средствах крестьян, т. к. затраты времени на полный сельскохозяйственный цикл и продажу части собранного урожая превосходили максимальный срок предоставления ссудного капитала.

Проведенное исследование выявило, что ответственные работники государственного аппарата Удмуртии, в т. ч. советские служащие, выдвинувшиеся в начале 1920-х гг. из числа титульного народа, в целом лояльно относились к внутренней политике советской власти. Руководство автономной области по мере сил следовало линии партии большевиков. Практическая реализация мер государственного воздействия, идущих от ЦК РКП(б), зачастую осуществлялась на территории ВАО медленно из-за влияния ряда негативных факторов, как-то: слабый финансовый и экономический потенциал территории; дефицит кадров, подготовленных для работы в структуре местного государственного аппарата. Региональные руководители, осознавая, что автономной области для решения задач национально-культурного развития, насущных

экономических и социальных проблем требуется большая поддержка со стороны центральных органов, попытались её получить, возбудив ходатайство о преобразовании области в автономную республику в декабре 1924 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комиссар Иосиф Наговицын: избранные речи и статьи: в двух томах. Т. 1. Хрестоматия / авт.–сост. В. С. Хазиахметова, Э. Н. Утеева. Казань, Глазов: Глазов. гос. пед. ин-т, 2018. 336 с.
2. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987. 766 с.
3. Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии 1917–1991 гг. / науч. ред. А. А. Тронин. Ижевск: Удмуртия, 1995. 744 с.
4. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Фонд Р-234 (Финансовый отдел Удмуртского областного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1921–1934 гг.). Оп. 1. Д. 29. Л. 40–42, 49; Д. 34. Л. 45; Д. 41. Л. 176; Д. 50. Л. 1.
5. Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей. 9–12 июня 1923 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 5 (1921–1923). М.: ОГИЗ; государственное издательство политической литературы, 1947. С. 291–341.

УДК 39(=56)“1920/1940”

А. И. Кириллова

г. Петропавловск-Камчатский (Россия)

Камчатский гос. ун-т им. Витуса Беринга

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КОМАНДОРСКИХ АЛЕУТОВ В 1920-х — 1940-х ГОДАХ

Статья посвящена проблеме интеграции командорских алеутов в экономику СССР: достижениям и просчетам при реализации данного процесса. Алеуты являются слабо изученной современной учеными этнической группой, однако, важной для Камчатки. Советские преобразования значительно изменили их образ жизни и основные занятия: добыча морского зверя и рыболовство стали вспомогательными, а разведение пушного зверя, животноводство практически основными. Особое внимание уделено такому опыту советского периода, как развитие оленеводства на Командорских островах. Автор выделяет причины неудач и медленного развития некоторых видов занятий в среде командорских алеутов. Именно первая половина XX в. ознаменовалась максимальным количеством изменений в жизни алеутов. Новые формы хозяйствования, экстенсивный путь развития колхозов привел к значительным изменениям в экосистемах островов и необходимости их превращения в охраняемую зону в конце XX в.

Ключевые слова: командорские алеуты, Камчатка, традиционные занятия, советизация, коллективизация.

Командорские алеуты — локальная этническая группа Камчатского края, свое название получившая по месту компактного проживания, Командорским островам. Острова были заселены по решению Российско-Американской компании (далее — РАК) в XIX в. завезенными с Алеутских островов алеутами, которых посчитали самыми адаптированными к местным условиям, а также относительно дешевой рабочей силой для добычи морского зверя. По решению РАК заселили два самых крупных из Командорских островов: о. Беринга и о. Медный. Сегодня все алеутское население проживает на о. Беринга в с. Николькое, расположенное на о. Медный с. Преображенское было закрыто, а его жители переселены в 1970 г. в Никольское. Сам о. Медный на сегодня является заброшенным для хозяйственного освоения. Следует отметить, что на современном этапе хозяйственная деятельность на Командорских островах крайне ограничена, поскольку они входят в территорию Южно-Камчатского, Командорского, заповедника. Объектом охраны являются представители морской фауны и уникальные экосистемы островов. Причинами вывода территорий в особо охраняемые зоны стала актив-

ная хозяйственная деятельность конца XIX — начала XX в., связанная с добычей морского зверя и обработкой шкур. Советские преобразования и нововведения в экономическую жизнь района также оказали сильнейшее влияние на экосистему островов, т. к. были интродуцированы новые виды животных: лошади и олени, активно развивалось разведение песцов. Под «советизацией» в данной работе понимаются воплощение идей культурной революции, коллективизация и развитие социально-экономической инфраструктуры региона. Сочетание трансформаций жизни населения и сильного антропогенного воздействия на природу делает изучение советизации экономики и образа жизни командорских алеутов актуальным для современной науки. Данная территория интересна для изучения историками и этнографами также и потому, что это единственная на территории Российской Федерации зона компактного проживания алеутов. Численность командорских алеутов сегодня не превышает 500 чел., по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. — 401 чел. [2].

Наиболее радикальными стали преобразования 1920–1950-х гг., которые заложили основания для дальнейших изменений в экономической жизни алеутов Командорских островов. Следует отметить, что стабильной советская власть в регионе стала лишь к 1923 г., а первые преобразования начала в 1924–1925 гг. В досоветский период существовала Командорская волость, она просуществовала до 1926 г., когда была заменена на Алеутский туземный район. Командорская волость в 1924–1926 гг. состояла из 2-х населенных пунктов: с. Никольское (53 дома) и с. Преображенское (30 домов), расстояние между селами было 120 морских миль (расположены села на разных островах: о. Беринга — с. Никольское, о. Медный — с. Преображенское); почтовая связь с Камчаткой была только в период навигации, милиции не было (ее функции исполнял волостной революционный комитет) [1. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 1. Л. 117–129]. Население традиционно занималось промыслом морского зверя и существовал с 1917 г. союз промышленников остров, который был упразднен 19 сентября 1925 г. [1. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 1. Л. 12], а сами промыслы и планы по заготовке были переданы Волревкому (волостному революционному комитету). Официальная документация описывает состояние промыслов из-за хищнического и неконтролируемого лова как катастрофическое и значительный спад упромышленного зверя [1. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 1. Л. 70, 70об]. Котиковое стадо на о. Беринга было детально описано и насчитывало 1916 голов, на о. Медный — 4380 голов, также было описано песцовое хозяйство: 400 пар на о. Беринга и 100 пар на о. Медный [1. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 1. Л. 117–129]. Таким образом, советские власти начали вести учет и планировать промыслы, особое внимание

уделив, тем не менее, не морскому зверю, а перспективному, на их взгляд, разведению песцов. Для алеутов же охота на пушного зверя, обработка его шкурок носили чаще всего вспомогательный характер. Для популяризации новых коллективных форм хозяйствования, санкционированных государством, а также внедрения в быт населения новых занятий, 29 марта 1926 г. была организована и проведена Командорская волостная крестьянская конференция, в которой на повестке дня стояли вопросы «о работе промыслов, о переходе к правильному пушному хозяйству и о рыбном промысле» [1. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 1. Л. 88–89], где под правильным подразумевалось четко контролируемое, с наличием плановых показателей. В то же время протоколы заседаний волостных, а затем сельских советов отмечают неуклонное снижение добычи морского зверя, а плановые заготовки для обеспечения населения продовольствием (так наз. децентрализованные заготовки, децзаготовки) включали в себя мясо морского зверя, причем молодых животных. За децзаготовку и реализацию продукции в Рыбкооп население получало небольшую денежную выплату, поэтому эти нормы выполнялись. Важным фактором, вызвавшим слишком интенсивный забой котиков, стала и проблема снабжения продовольствием жителей островов в годы Великой Отечественной войны, когда децзаготовки стали практически единственным источником свежего продовольствия. Властями в качестве альтернативы морским промыслам предлагалось развитие песцового промысла, организация песцовой зверофермы на о. Топоркове и даже отказ от собачьего транспорта на островах для сохранения поголовья песцов [1. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 1. Л. 117–129]. К 1950-м гг. основным направлением командорских совхозов стало именно разведение песцов, а доля добычи морского зверя сокращалась. Именно животноводство, разведение пушного зверя, позволяло колхозам выполнять планы на 100–120 %.

Рыболовство у алеутов также было одним из важных и традиционных занятий. Основным видом транспорта на островах в первой половине XX в. были собачьи упряжки. Кормили собак рыбой, которую в значительном количестве заготавливали местные жители. Так, в 1928 г. население заготовило для себя в сухом виде 485 шт., в копченом виде — 350 шт., в соленом — 3898 шт., сыром — 2939 шт., а всего — 11372 шт. рыбы разных пород [1. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 1. Л. 90–91]. Для сохранения транспортной доступности в пределах каждого отдельно взятого острова ездовых собак сохраняли, поэтому даже в начале 1950-х гг. были разрешены индивидуальные заготовки, но существовали и самозаготовки (однако, их объемы и планирование осуществлял созданный в 1930-х гг. Командорский Рыбкооп), которые позволяли прокормить собак: рыбы-

сырца 40 ц (из них 10 ц свежей и 30 ц соленой), а для самого населения балык копченый 7,5 ц, брюшки 3 ц, рыба судачок — 1500 шт. Заготовленные продукты сдавались населением в Рыбкооп, а затем их можно было приобрести в розничной торговле [1. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 8. Л. 20]. Главной целью самозаготовок было обеспечение магазинов товарами, а населения — продуктами. Ездовых собак же, начиная с 1930-х гг., предлагали заменить на других животных или другой вид транспорта, однако, в условиях Командорских островов это было проблематично. Тем не менее, к 1950-м гг. поголовье собак сокращается, а рыба все больше заготавливается населением для питания, а не для содержания собак. Таким образом, постепенно меняется структура питания и рациона командорских алеутов: сокращается количество мяса морского зверя и растет количество рыбы. Однако, рыболовство на Командорах так и не стало основным занятием и вносило незначительный вклад в экономику района. Рыбные заготовки были сезонными, и часто для выполнения планов привлекали младших членов семей алеутов (женщины и подростки), их же привлекали для изготовления снастей для Рыбкоопа.

Не менее важным для развития экономики и советизации командорских алеутов стало и активное внедрение животноводства. В досоветский период очень немногие жители Командорских островов имели домашних животных, в 1924 г. даже на о. Медный (меньшем и населенным меньшим числом людей, чем о. Беринга) уже были коровы и для активизации животноводства члены совета просили завезти туда быка-производителя [1. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 1. Л. 47об]. В 1926–1929 гг. советы островов Беринга и Медного согласно официальным директивам пытались развивать животноводство: так, постепенно завозили свиней и борова-производителя, коз [1. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 1. Л. 12], овец [1. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–17]. Однако, и к 1939–1940 гг. поголовье крупного рогатого скота и иных сельхозживотных в колхозах было невелико: 11 коров, 22 свиньи на о. Медный и 2 лошади, 28 коров, 58 свиней на о. Беринга было невысоким [1. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 3. Л. 15–16, 40]. Это позволяет сделать вывод, что животноводство в быт населения внедрялось медленно. Этому факту способствовали и государственные ограничения: постановление СНК СССР от 30 сентября 1938 г. ограничивало количество крупного рогатого скота в одном домовладении: 1 корова и 1 теленок до 4 месяцев [1. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 8. Л. 5]. Ветеринарная помощь частному поголовью была организована слабо, лишь с 1948 г. была установлена оплата и порядок оказания ветпомощи частным домашним животным [1. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 1. Л. 6]. Все эти факторы, несомненно, замедляли развитие животноводства в среде командорских алеутов. Но, к 1955 г. в Командорском зверосовхозе на о. Беринга и на о. Медный существовали

молочная ферма, конюшни и крытые утепленные стойла для коров. Несмотря на все ограничения, жители держали небольшое количество коров и свиней. Пропорции с колхозными животными были 1,5 к 1.

Птицеводство развивалось, но из-за сложности завоза кормов и отсутствия собственной кормовой базы для домашней птицы, также достаточно медленно: в 1926 г. на о. Беринга для разведения завезли 5 куриц и 2-х петухов [1. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 1. Л. 155], однако, поголовье росло медленно и даже в 1955 г. не решало проблемы снабжения населения яйцом. Для ее решения был организован сбор яиц диких водоплавающих птиц, причем, составлены нормативы сбора и стоимость приемки собранных яиц у населения [1. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 8. Л. 37, 39]. Массовый сбор яиц приводил к сокращению популяции птиц, разорению гнезд, о чем также активно упоминали протоколы сельских советов 1950-х гг.

Внедрение в быт алеутов огородничества оказалось более успешным и достигло более высоких результатов. Так, по данным протоколов и отчетов сельских советов Командорских островов, в 1928 г. население огородничеством не занимается [1. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 1. Л. 90–92]. Для популяризации этого нового для алеутов занятия было принято решение «ознакомить население с правилами огородничества, развития хозяйства путем чтения научных лекций» [1. Ф. Р-186. Оп. 1. Д. 1. Л. 63]. Земледелие изначально было ведомственным, т. е. им занимались сельскохозяйственные артели, позже — совхозы, школы, милиция и другие ведомства. Первые результаты были достаточно скромными: в 1939 г. общая посевная площадь Командорского зверосовхоза составляла 1,6 га, высаживали картофель, свеклу, турнепс, лук и огурцы в парниках [1. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 3. Л. 36]. Еще одной проблемой развития земледелия в Алеутском районе была низкая урожайность. Так, даже в 1954 г. с 0,9 га снято 18 ц картофеля, с 1,9 га пашни — 3 ц корнеплодов, а урожай капусты не получен из-за отсутствия ухода и недоброкачественных семян [1. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 8. Л. 31–33]. Аналогичной ситуация была и на участках Рыбкоопа, школы и больницы. Причины медленного развития земледелия были объективны: низкое качество привозимого семенного фонда и семян, климатические особенности островов, так наз. норное разведение песцов, которые свободно перемещались по территории каждого из островов, в т. ч. разорая и пашни. Также следует отметить, что и количество земель, пригодных для пашни и сева на Командорах очень невелико. Слабое развитие земледелия в сочетании с небольшим объемом покосов приводило к тому, что совхозные животные периодически голодали, а иногда и гибли от голода. Индивидуальное огородничество начало активнее развиваться лишь с 1939 г. [1. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 3. Л. 49], а наибольшего прироста достигло в 1941–1945 гг. в связи с перебоями в

снабжении продовольствием в военные годы. Однако, после войны оно развивалось также невысокими темпами: в 1954 г. почти весь урожай с индивидуальных подсобных хозяйств погиб, а их общая суммарная площадь была не более 3 га. Причем, земли под огороды высвобождались за счет перераспределения обработанных и пригодных к обработке, в 1955 г. Рыбкооп и Зверосовхоз полностью освободили земли под индивидуальные огороды населения по просьбе самих жителей [1. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 11а. Л. 33]. Таким образом, мы видим, что земледелие постепенно становится одним из распространенных среди командорских алеутов занятий, а сами они постепенно осваивают навыки ухода за растениями и начинают активно заниматься огородничеством. Медленное развитие земледелия на Командорских островах было обусловлено целым рядом объективных причин, одной из самых главных был климат и постоянный риск потери урожая.

В 1929 г. циркуляром от 7 апреля всем районным исполнительным комитетам, включая Алеутский, предписывалось начать активное улучшение кустарных промыслов. Основным кустарным промыслом Камчатки было объявлено оленеводство [1. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 1. Л. 19]. На Командорских островах оленей не было, поэтому был организован их завоз. В качестве эксперимента еще в 1927 г. на о. Беринга доставили 30 оленей: 10 самцов и 20 самок [1. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 3. Л. 6], которые после 1929 г. были поставлены на особый учет, внедрены показатели прироста поголовья. Оленеводство стало одним из направлений деятельности. К 1933 г. поголовье оленей выросло до 94 особей: 35 самцов и 59 самок, а кормовая база просчитана на 400–500 голов [1. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 3. Л. 6], хотя эта цифра явно завышена. Однако, именно эти расчеты привели к ускоренному наращиванию темпов разведения оленей: в 1939 г. поголовье достигло 417 особей [1. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 3. Л. 34], далее оно прирастало незначительно. Таким образом, в фауну островов был интродуцирован новый вид, а алеуты стали заниматься несвойственным им ранее оленеводством. При этом расчеты влияния оленьего поголовья на природу Командорских островов, повышение нагрузки на ландшафты не проводились. Кормовая база была не совсем подходящей для оленей, поэтому смертность животных была достаточно высокой. Плюсом выступало практически полное отсутствие крупных хищников, которые могли нанести урон стаду. По этой причине основными причинами падежа животных были именно болезни.

Советские преобразования 1920–1950-х гг. привели к значительным изменениям в экономической жизни командорских алеутов: произошли изменения в формах собственности — переход от индивидуальных форм к коллективным, изменилась структура занятий населения —

добыча морского зверя начала отходить на второй план, а главными стали разведение пушного зверя и рыболовство. В этот период алеуты массово освоили новые занятия: огородничество, разведение домашнего скота и птицы, оленеводство. Не было утеряно традиционное собирательство, трансформировавшееся в децзаготовки. Плановый принцип хозяйствования также прочно вошел в жизнь командорских алеутов. Все эти трансформации позволили снизить зависимость Командорских островов от внешнего снабжения продовольствием, но полностью решить эту проблему не удалось. Важным достижением стало изменение структуры питания алеутов и рост количества витаминов в пище. В то же время имелись и противоречия в экономическом развитии, несмотря на относительно высокие показатели, зафиксированные в протоколах сельсоветов Командорских островов, рост антропогенной нагрузки, не всегда обоснованные расчеты емкости пастбищ и пашен приводили к значительным изменениям в природе и экологическим проблемам в будущем. По этой причине обращение к опыту преобразований прошлого и анализ достижений и противоречий является актуальным и для современных исследователей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Камчатского края (ГА КК).
2. Национальный состав населения по Камчатскому краю // Всероссийская перепись населения 2010 года. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Камчатскому краю. URL: <https://kamstat.gks.ru/vpn2010>

УДК 94(47+57)

Е. В. Каменская

г. Екатеринбург (Россия)

Уральский фед. ун-т

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ
ИНФОРМАЦИОННЫХ КАМПАНИЯХ 1930-Х ГОДОВ:
ПРИМЕР СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКОГО ПАКТА 1935 ГОДА¹**

В статье анализируется специфика советской региональной печати в условиях проведения внешнеполитических информационных кампаний. В качестве примера информационной кампании рассматривается подготовка и подписание пакта о взаимопомощи между СССР и Францией весной 1935 г. Источниковую базу исследования составляют областные и городские издания, представляющие различные регионы РСФСР: Сахалин, Восточную Сибирь, Урал, русский Север. Представлены особенности подачи внешнеполитического материала в областной и городской печати и работы местных редакций с внешнеполитическими текстами, централизованно распространяемыми по всей территории СССР. Франция, советско-французское взаимодействие, проекты коллективной безопасности в Европе в это время были в центре внимания прессы всех уровней. Анализируется специфика показа Франции в условиях активного развития советско-французских отношений. Рассматривается работа региональной печати с читательской аудиторией в сфере внешнеполитической информации.

Ключевые слова: СССР, Франция, советско-французские отношения, советско-французский договор, советские газеты, региональная пресса.

Место и роль региональной печати во внешнеполитических информационных кампаниях 1920-х — 1930-х гг. является слабо изученной проблемой. В подавляющем большинстве международные сюжеты, в т. ч. связанные с формированием внешней картины мира, рассматриваются на материалах крупнейших центральных изданий («Правда», «Известия», «Крокодил») [6–9; 12; 13]. Региональную печать используют в основном при рассмотрении внутренних проблем. При этом доля внешнеполитической информации в областных изданиях середины 1930-х гг. могла доходить до 1/4 в ходе крупных внешнеполитических кампаний.

Предлагаемая статья посвящена анализу участия региональной печати во внешнеполитических кампаниях 1930-х гг. Для исследования выбрана кампания вокруг подписания советско-французского пакта о

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского Научного Фонда (проект № 20-78-10014 «От Согласия к Пакту: франко-русские/франко-советские отношения в период 1890–1930-х гг.»).

взаимной помощи 2 мая 1935 г. Договоры СССР о взаимопомощи с Францией и Чехословакией стали наивысшей точкой развития идеи коллективной безопасности. В ходе работы рассматривались следующие проблемы: место региональной печати в распространении внешнеполитической информации; общее и отличное внешнеполитических материалов изданий разного уровня, а также отдельных региональных газет; директивное распространение информации из центра и ее трансформация в местной печати. Анализ проводился на материалах областных и городских изданий: «Уральский рабочий», «Советский Сахалин», «Восточно-Сибирская правда», «Под знаменем Ленина», «Красный Север».

Рассмотрим анализируемые издания, которые представляют отличающиеся по историко-географическим характеристикам, социально-экономической структуре, численности населения регионы РСФСР. «Уральский рабочий» вел свое начало с 1907 г. В 1935 г. газета представляла Свердловскую область, включающую и будущую Пермскую область, с населением около 4 млн чел. Тираж газеты составлял 75500 экз. «Восточно-Сибирская правда» выросла из газеты «Власть труда», выходящей с 1918 г. В 1935 г. издание с тиражом 70000 экз. являлось главным в Восточно-Сибирском крае (будущие Иркутская и Читинская области, Бурят-Монгольская АССР) с населением около 2 млн чел.

«Красный Север» был основан в 1917 г., когда Вологда была губернским центром. В 1929–1937 гг. Вологда не являлась областной столицей, однако по охвату местной информации, размеру издания, а также по объему международных материалов ее газета была сопоставима с областными изданиями. Тираж составлял 9500 экз. при населении города в 80000 чел. «Советский Сахалин» — печатный орган Сахалинского обкома ВКП(б) — начал выходить в 1925 г. Область населяло около 70000 чел., а тираж газеты составлял всего 6000 экз. «Под знаменем Ленина» представляла Первоуральск (Свердловская область). Издание начало выходить только в 1931 г., к 1935 г. дойдя до тиража в 4000 экз. В рассматриваемое время Первоуральск получил статус города, вобрав близлежащие территории, и быстро разрастался.

Внешнеполитическая информация появлялась в областных изданиях ежедневно. Городские газеты могли «делать перерыв», и появление публикаций о зарубежных событиях выделялось на фоне локальной информации. В рассматриваемый период французская тема занимала ведущее место во внешнеполитическом материале. Сообщения о внутренней и внешней политике Франции, мнение французской печати по различным вопросам присутствовали почти в каждом номере областных газет (в «Восточно-Сибирской правде» этот показатель составлял 95 %). В Первоуральской газете иногда материал по Франции являлся единст-

венным внешнеполитическим элементом номера. Как и в центральной прессе, в региональных газетах критика Франции была предельно сокращена. Из всех капиталистических стран у нее был самый благожелательный образ. Подписание советско-французского пакта и приезд министра иностранных дел Франции П. Лаваля в Москву были главными внешнеполитическими событиями мая в прессе СССР. Материал о визите П. Лаваля в областных газетах занимал от 2/3 до 4/5 полосы.

Внешнеполитические рубрики региональной печати только оформлялись. В подавляющем большинстве использовалось обобщенное наименование «За рубежом», в «Под знаменем Ленина» его заменяла рубрика «Телеграммы». Тематическая или жанровая дифференциация рубрик отсутствовала. Еще четко не определилось месторасположение внешнеполитической информации, она могла размещаться на разных полосах. В «Уральском рабочем» главным международным событиям отводилось место на первой полосе, второстепенные новости шли на второй. Однако международная тематика могла присутствовать и на других страницах. Чаще всего это относилось к сообщениям собственно производства.

Проблемой региональных изданий было наличие пунктуационных и орфографических ошибок в текстах. Во внешнеполитических материалах присутствовали опечатки в географических названиях [2, с. 4; 14, с. 1; 24, с. 3; др.]. Советско-чехословацкий договор мог превратиться в чехо-словацкий договор [5, с. 1]. Использовалось разное написание названий стран. Сказывалась низкая подготовка кадров на местах, большой объем ежедневной информации и скорость ее обработки. Существовала разница между областными и городскими газетами в качестве оформления, наличии фотографий (это касалось и внутрисоюзной информации), конечно, в пользу областных изданий.

Внешнеполитические материалы в региональных изданиях обладали жанровым разнообразием. Наиболее распространенным вариантом были небольшие сообщения. Важное место занимали обзоры зарубежной печати по ключевым вопросам. В рамках французской кампании постоянно публиковались отклики зарубежной печати на советско-французские переговоры, договор 2 мая, визит П. Лаваля. Читателей ежедневно знакомили с большим количеством зарубежных изданий. К примеру, в размещенном в «Восточно-Сибирской правде» обзоре французских СМИ, освещавших визит П. Лаваля, упоминалось 19 наименований изданий и их представителей. В рассматриваемый период ссылки именно на французскую печать присутствовали в советской прессе чаще всего. Региональные газеты публиковали тексты договоров,

в частности, был размещен текст советско-французского договора, хотя это дублировало центральные издания.

Печатались фотографии по международной проблематике. В ряде случаев региональные издания могли выбирать фотографии из рассылаемых, что позволяло изданиям отличаться. Частота появления фотоиллюстраций была разной. «Восточно-Сибирская правда» почти в каждом номере публиковала 1–2 фотографии из-за рубежа. Преобладала военная тематика: новые виды вооружения, военные учения, противовоздушная оборона и пр. «Уральский рабочий» публиковал мало фотографий, только по случаю крупных событий с участием СССР. Сопровождение внешнеполитического сообщения фотографией указывало на его важность. Внимание к визиту П. Лаваля проявлялось и в количестве опубликованных в региональной прессе фотографий по теме. Изображения присутствовали даже в городских газетах, имевших малый формат [16, с. 1]. «Уральский рабочий» часто размещал карикатуры ИзоГИЗ, соответствующие актуальной повестке, в основном это были антифашистские изображения [26, с. 1; 33, с. 2].

Обратимся к источникам внешнеполитической информации в региональных изданиях. Основными являлись материалы ТАСС, распространяемые по всему СССР. Дополнительным источником становились центральные газеты. «Восточно-Сибирская правда» предпочитала «Известия». В «Уральском рабочем» чаще появлялась «Правда». Материалы из разных источников могли соединяться в одной публикации.

В основном внешнеполитические сообщения печатались в региональной прессе после их появления в центральной. К примеру, сообщение о запрете в Париже первомайских демонстраций было размещено в «Правде» 21 апреля [20, с. 5], на следующий день оно появилась в урезанном виде в «Красном Севере», «Восточно-Сибирской правде», «Уральском рабочем» [1, с. 2; 10, с. 6; 29, с. 2], а в «Советском Сахалине» только 26 апреля [25, с. 3]. Стоит отметить, что «Уральский рабочий» стремился важнейшие материалы публиковать одновременно с центральными газетами. Так, текст советско-французского договора здесь был опубликован 4 мая, как и в «Правде» [21, с. 3; 30, с. 1], в «Восточно-Сибирской правде» он появился 5 мая [3, с. 2]. «Под знаменем Ленина» сообщил о подписании пакта только 6 мая [15, с. 1].

Региональные издания имели весьма скромную возможность производить собственный материал, связанный с международной тематикой. В мае 1935 г. Свердловск посетила французская рабочая делегация. «Уральский рабочий» освещал это событие [33, с. 4]. В газете выходили статьи на международные темы местных авторов: о героях коммунисти-

ческого движения, проблемах капиталистических стран, агрессивной политике фашистской Германии и др. [29, с. 2; 33, с. 2].

Рассмотрим, какие изменения могли произойти с материалами ТАСС и центральных изданий при переносе на страницы региональных изданий. В ряде случаев материалы публиковались в неизменном виде. В особенности это касалось кратких официальных сообщений, шедших под стандартным заголовком «Сообщение ТАСС». Данные тексты в обязательном порядке направлялись во все региональные издания и не предполагали никакой «самодеятельности» в их использовании. Они касались ключевых внешнеполитических событий, являлись результатом обсуждения высшего руководства страны. В ходе советско-французских переговоров весной 1935 г. формулирование текста пакта шло сложно, подписание документа переносилось. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) по этому вопросу выразилось в лаконичном сообщении ТАСС, разосланном и в регионы: «Переговоры между тов. Литвиновым и Лавалем временно приостановлены. Тов. Литвинов вызван в Москву для доклада Совету Народных Комиссаров СССР» [23, с. 326].

Многие публикуемые материалы подвергались редакции. Наиболее распространенным вариантом было сокращение объема, поскольку место было ограничено. Если «Правда» посвятила половину полосы зарубежным откликам на подписание советско-французского договора [21, с. 7], то региональная печать публиковала лишь выдержки этих обзоров. При этом «Восточно-Сибирская правда» сократила тексты, но разбила отклики по странам, а в «Уральском рабочем» материал вышел в еще более усеченном виде: отклики были механически соединены без указания конкретных изданий [3, с. 2; 31, с. 4].

Расхождения с оригиналом могли присутствовать даже в таких сухих текстах как биографии политических деятелей. К приезду П. Лавала в газетах была опубликована его биография. «Красный Север» разместил идентичный центральным изданиям текст [11, с. 3]. Другие издания его сократили. К примеру, убрав перечисление должностей П. Лавала. «Восточно-Сибирская правда» при указании его места рождения — небольшого города Шательдон — убрала уточнение, что он находится в департаменте Пюи-де-Дом [4, с. 2]. Это упоминание вряд ли помогало представить читателям газеты расположение города. Будучи министром иностранных дел, П. Лаваль являлся еще и мэром г. Обервилье. «Уральский рабочий» уточнил, что мэр — это городской голова [34, с. 1]. «Под знаменем Ленина» не опубликовала биографию П. Лавала, но разместила объемный материал о его холодном приеме в Польше, которую он посетил по пути в СССР [16, с. 1]. В местной прессе дублировался тот материал, который был идеологически важнее. Указание на развитие гер-

мано-польских связей было существеннее жизненного пути французского министра.

В основном сокращения не влияли на смысл публикации. Отсекались примеры, прямая речь, обобщались однопорядковые факты и т. д. Однако иногда сокращения приводили к осязаемым изменениям. К приезду П. Лавалья передовая «Правды» вышла под заголовком «Франко-советские отношения и борьба за мир» [22, с. 1]. В статье, с одной стороны, показывались достижения СССР, укрепление его международного авторитета. С другой стороны, больше половины статьи было посвящено развитию советско-французских отношений в последние годы, позиции Франции, значению франко-советского договора. На следующий день «Красный Север» напечатал эту статью в полном объеме со ссылкой на источник [11, с. 3]. «Уральский рабочий» разместил материал на первой полосе с указанием «из передовой “Правды”» [34, с. 1]. Публикация была существенно сокращена. Присутствовал явный крен в сторону урезания информации о Франции и ее взаимодействии с СССР, в частности, были полностью убраны сюжеты о советско-французском пакте о ненападении 1932 г., деятельности Э. Эррио и П. Бонкура, поддержке сближения с Францией советскими трудящимися и т. д. В итоге, размещенный уральским изданием материал сменил тональность и уже не в полной мере соответствовал названию.

Другим вариантом трансформации материалов являлось изменение их эмоциональной окраски. 11 апреля в «Правде» была размещена небольшая заметка собкора о том, что на карте в немецком турбюро Парижа восточные территории Франции были отнесены к Германии [19, с. 5]. Заголовок был констатацией факта, без использования экспрессивной лексики — «Эльзас-Лотарингия перенесена на карту Германии». Автор в начале текста обозначил случившееся как «любопытный инцидент». Стиль изложения располагал к пониманию события как случайности, но встраивался в общую картину агрессивных планов Германии по отношению к Франции, о которых постоянно говорила пресса. В конце заметки отмечалась реакция парижан и разрешение ситуации: «Возмущенная толпа начала бурно протестовать. Когда появилась полиция, заведующий бюро поспешил убрать карту» [19, с. 5]. На следующий день информация об этом событии появилась в «Уральском рабочем», но уже с другим звучанием [26, с. 1]. Заголовок обладал явными негативными коннотациями: «Германская провокация в центре Парижа», ни о какой случайности речь уже не шла. Публикация сократилась до краткого сообщения. Французские города, обозначенные на карте как немецкие, не упоминались. Завершение текста также создавало совсем другую эмоцию: «эта провокация вызвала столкновения между персоналом бюро и

прохожими» [19, с. 5]. Во-первых, ситуация снова характеризовалась как провокация. Во-вторых, указывалось на столкновения между возмущенными прохожими и сотрудниками бюро, что переводило конфликт на более высокий уровень. В-третьих, ситуация не получила разрешения, в т. ч. в виде вмешательства властей. Таким образом, даже скромные сюжеты могли иначе подаваться региональными изданиями.

Серьезной проблемой региональных газет было слабое понимание внешнеполитических текстов читателями. В середине 1920-х гг. восприятие газетных текстов и по внутрисоюзным темам было затруднительным. Центральные издания были рассчитаны на компетентного читателя. «Правда» в первую очередь ориентировалась на партийных работников разных уровней. Схожая ситуация была с «Рабочей газетой» и «Крестьянской газетой». Как показывали проводимые в то время исследования, читатели считали, что газеты пишутся не просто сложно, а «не по-русски», и понять их часто невозможно [37; 38, р. 144].

Несомненно, к середине 1930-х гг. уровень грамотности значительно вырос. Однако зарубежная информация требовала не простого умения читать, а понимания иностранных слов и политических терминов. В этой ситуации региональные издания «шли на помощь» читателям, проводя своеобразный внешнеполитический ликбез. Это касалось экономических понятий, наименований должностей в разных странах, географических названий и т. д. При размещении материалов ТАСС или «Правды» «Уральский рабочий» иногда давал в скобках объяснения сложных слов: «парафирован (предварительно подписан)», «мэр (городской голова)» [28, с. 2; 34, с. 1]. Иногда объяснения были развернутыми. Так, в конце публикации о финансовых проблемах Франции подробно расшифровывалось понятие «девальвация» [35, с. 1]. При упоминании некоторых зарубежных городов или регионов указывались страны, где они находились. Это касалось Женевы, Базеля, Будапешта, Софии и проч. [2, с. 4; 17, с. 2; 27, с. 1]. В центральных изданиях такое практиковалось в основном в случае с небольшими, малоизвестными населенными пунктами.

Работники региональных изданий осознавали слабое знакомство своей аудитории с хитросплетениями международных отношений. Среди читателей были и политинформаторы, чьей задачей было объяснять рабочим основные события внутренней и внешней политики СССР [18, с. 4]. Но зачастую они сами не разбирались в международных вопросах. С целью просвещения аудитории в местной печати существовали рубрики «В помощь читателю», в которых представлялись партийные системы, ключевые политические деятели и СМИ ведущих стран мира [32, с. 2].

В заключение необходимо отметить, что внешний мир занимал важное место в конструировании мира внутреннего, информирование населения о событиях за рубежом являлось объектом повышенного внимания. Ключевые повторяющиеся сюжеты, такие как агрессивная политика капиталистических стран, внешняя угроза для СССР, угнетение рядовых граждан за рубежом, поддержка СССР со стороны иностранных рабочих и т. д., создавали нужный настрой у читателей не только относительно жизни за границей, но и ситуации внутри страны. Региональная печать, являясь элементом общегосударственной системы, выполняла свои функции при освещении внешнеполитической ситуации. Дублирование материалов делало их привычным фоном. Даже не погружаясь глубоко в перипетии межгосударственных отношений, рядовой читатель потреблял необходимый минимум зарубежной информации (часто для этого было достаточно чтения заголовков). В областных и городских газетах внешнеполитические материалы сокращались, упрощались, пояснялись. Это была попытка доступно подать аудитории международные события.

Несмотря на споры о целесообразности международного блока в местной печати, весь советский период областные и городские газеты будут содержать зарубежную информацию. В 1950-е — 1980-е гг. в областных газетах будут существовать разнообразные внешнеполитические рубрики. Значительно расширятся публикации собственного производства. При сохранении централизованного распространения международных материалов ТАСС, а также АПН, пресс-бюро «Правды», вестников «Комсомольской правды» и т. д., региональные издания будут искать свои варианты подачи международной информации, чтобы и в этой сфере иметь собственное лицо.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Восточно-Сибирская правда. 1935. 22 апр.
2. Восточно-Сибирская правда. 1935. 26 апр.
3. Восточно-Сибирская правда. 1935. 5 мая.
4. Восточно-Сибирская правда. 1935. 14 мая.
5. Восточно-Сибирская правда. 1935. 20 мая.
6. Голубев А. В. «Подлинный лик заграницы»: образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922–1941. М., СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 280 с.
7. Голубев А. В. Чемберлен, Гитлер и другие: образы врагов в советской карикатуре 1922–1939 годов // Россия и мир. 2008. № 1. С. 170–187.
8. Гулева М. А. «Руки прочь от Китая!»: китайские друзья и враги на страницах журнала «Крокодил» (1922–1950 гг.) // Общество и государство в Китае. 2015. № 2. С. 706–729.

9. Гулева М. А. Советская дипломатия и китайско-японский конфликт в изображении «Крокодила» и Шидай маньхуа (1931–1937 гг.) // Общество и государство в Китае. 2018. № 2. С. 900–932.
10. Красный Север. 1935. 22 апр.
11. Красный Север. 1935. 14 мая.
12. Ложкина А. С. Роль периодической печати СССР в формировании образа Японии (исторический опыт 1930-х гг.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 1. С. 22–30.
13. Матвеев Г. Ф., Матвеева Е. Ю. Локарнский поворот 1925 г. глазами советских газетных комментаторов и политиков // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 3. С. 100–122.
14. Под знаменем Ленина. 1935. 27 апр.
15. Под знаменем Ленина. 1935. 6 мая.
16. Под знаменем Ленина. 1935. 14 мая.
17. Под знаменем Ленина. 1935. 30 мая.
18. Под знаменем Ленина. 1935. 1 июня.
19. Правда. 1935. 11 апр.
20. Правда. 1935. 21 апр.
21. Правда. 1935. 4 мая.
22. Правда. 1935. 13 мая
23. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа: Решения «Особой папки», 1923–1939: сб. док. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 400 с.
24. Советский Сахалин. 1935. 16 апр.
25. Советский Сахалин. 1935. 26 апр.
26. Уральский рабочий. 1935. 12 апр.
27. Уральский рабочий. 1935. 15 апр.
28. Уральский рабочий. 1935. 21 апр.
29. Уральский рабочий. 1935. 22 апр.
30. Уральский рабочий. 1935. 25 апр.
31. Уральский рабочий. 1935. 4 мая.
32. Уральский рабочий. 1935. 5 мая.
33. Уральский рабочий. 1935. 11 мая.
34. Уральский рабочий. 1935. 12 мая.
35. Уральский рабочий. 1935. 14 мая.
36. Уральский рабочий. 1935. 28 мая.
37. Шафир Я. Газета и деревня. М.: Красная новь: Главполитпросвет, 1923. 148 с.
38. Brooks J. Readers and Reading during Russia's Literacy Transition, 1850–1950: How Readers Shaped a Great Literature // The Edinburgh History of Reading, Volume 2: Common and Subversive Readers. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020. P. 137–156.

УДК 94(575.4)(092)

М. Соегов

г. Ашхабад (Туркменистан)

Ин-т языка, лит-ры и нац. рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана

**ПОЧЕМУ ОДНОМУ ИЗ МЕСТНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ, НАЗНАЧИВ ЕГО
БРИГАДНЫМ ГЕНЕРАЛОМ, НЕ ДАЛИ ПРОЯВИТЬ СЕБЯ НА НОВОМ
ПОПРИЩЕ (К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
КОМБРИГА-ТУРКМЕНА ДЖ. Я. ХАЛМУРАДОВА)**

В статье приводятся новые данные о жизни и деятельности известного в 20-х и 30-х гг. XX столетия деятеля-туркмена Джума Халмурадова (1901–1938), не внесенные на рассмотрение специалистов в ранее опубликованных работах автора. Они станут полезным подспорьем в деле создания наиболее полной и достоверной биографии этой знаменитой личности, ставшей одной из многочисленных жертв существовавшего тогда политического режима.

Ключевые слова: гражданская война, партийная работа, учеба, Ташкент, Москва, Ашхабад.

На вопрос, поставленный нами в заголовок статьи, хотим ответить сразу: его просто уничтожили физически в период «Большого террора» те же, кто назначил комбригом (бригадным генералом). Теперь ниже все, — с начала до конца, — кратко, но по порядку.

Халмурадов Джума Яковлевич (Якубович) родился в самом начале XX в., в ноябре 1901 г. (конкретный день его рождения в доступных исследователям документах не указан) в тогдашнем селе Акум-Дан-Ачи (правильнее по-туркменски: Акгумдэнажы) нынешнего Койтендагского этрапа Лебапского вилайета (бывший Чаршангинский район Чарджоуской области, еще раньше — Керкинского округа Туркменской ССР).

Название его родного села Акгумдэнажы состоит из двух компонентов: Акгум — название местности, где расположено село; дэнажы — этноним, обозначающий одно из племён туркмен-арсаринцев. В конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. многие его жители, покинув обжитые места, переселились в Афганистан, а в последующем это небольшое село присоединилось к ближнему, более крупному селу Акгумолам (акгум+олам). Туркмен-оламов считают потомками древних аланов.

Джума, рано осиротев, в 1910–1912 гг. вынужден был трудиться подручным у русских рабочих-железнодорожников. Русские приехали в те годы, чтобы в последующем построить железную дорогу в этих краях Бухарского эмирата. Тогда Джума, наряду с родным туркменским языком, начал овладевать азами повседневной русской речи.

На основе данных соответствующего интернет-сайта [5] можем кратко проанализировать его архивный послужной список в сравнении с данными из других источников. Джума Халмурадов в 1912–1918 гг. работал сначала чернорабочим, затем — стрелочником тогдашней станции Новая (Шахар) Бухарской железной дороги. В те годы и в последующем, работая во многонациональных трудовых коллективах и владея незаурядной природной способностью к овладению языками, вскоре он смог объясняться со своими солуживцами не только на туркменском и русском, но и на таджикском, узбекском, казахском, татарском языках.

С 1916 г. начинает посещать заседания социал-демократического кружка железнодорожников. В 1917 г. вынужден два месяца находиться в Афганистане, опасаясь ареста за революционную деятельность. По возвращении три месяца скрывался в районе г. Термеза, но был выслежен и арестован. Приговорен к каторжным работам и с августа по октябрь 1917 г. сидел в тюрьме.

В 1919 г. вступает добровольцем в ряды РККА в качестве рядового артиллерийской батареи, затем становится командиром добровольческого взвода, в 1920 — феврале 1921 г. участвует в боях с басмачами в Восточной Бухаре, занимая должность помощника командира кавалерийского эскадрона. Басмаческим движением в Бухаре руководил турецкий генерал Энвер-паша (22.11.1881–04.08.1922) [см. об этом: 2, с. 9–11]. В эти годы Дж. Я. Халмурадов овладевает еще персидским и турецким языками. В 1919 г. (по другим данным в 1920 г.) вступает в Коммунистическую партию и в 1920–1922 гг. работает председателем Климовского (Термезского), затем — Кабодиенского уездных комитетов Компартии Туркестана (КПТ). Одновременно после работы повышает свою общую грамотность и профессиональный уровень, обучаясь в Термезе сначала в шестимесячной совпартшколе, затем — одногодичном общеобразовательном курсе.

В 1922–1923 гг. он — ответственный (первый) секретарь Сурхан-Дарьинского окружкома РКСМ (г. Термез). Одновременно — заведующий агитационно-пропагандистским отделом Сурхан-Дарьинского окружкома КПТ. В 1923–1924 гг. становится ответственным (первым) секретарем Сурхан-Дарьинского окружкома КПТ. Одновременно (два месяца) и председатель окружного исполкома Советов.

Жажда к знаниям приводит Дж. Я. Халмурадова в 1924 г. в Ташкент и он поступает в местное отделение Коммунистического университета трудящихся Востока (Ташкентский Комвуз). Являясь слушателем (студентом) Комвуза, он устроился на работу в Среднеазиатскую национальную военную школу преподавателем (2 года) и в то же время преподавал историю ВКП(б) на подготовительном отделении Комвуза (1 год).

В 1924 г., когда Дж. Я. Халмурадов поступил в Ташкентский Комвуз, в новейшей истории среднеазиатских народов произошло судьбоносное событие — национально-территориальное размежевание, в результате которого на территориях бывшей Туркестанской АССР, Бухарской ССР и Хорезмской ССР были провозглашены Туркменская ССР и Узбекская ССР с Таджикской автономной областью, которые добровольно вошли в состав СССР.

При установлении границ между вновь образованными республиками Термез и его окрестности перешли к Узбекской ССР, хотя там находились несколько туркменских сёл. Этим был выполнен тот основной пункт в создании союзной республики, в котором было предусмотрено, чтобы она обязательно имела границу с одним из иностранных государств. Более того, в результате этого ряд туркменских сёл были оторваны от основной территории Туркменской ССР и остались в составе Таджикистана.

Вопросы, возникающие у студента Дж. Я. Халмурадова в связи с вышеописанными обстоятельствами, долго не давали ему покоя. После окончания Комвуза пойти ли ему трудиться в прежние родные места или же принять настоятельное предложение руководителей Туркменской ССР и начинать работу пока в неизвестном ему Ашхабаде?

Наконец в 1927 г., завершив учебу в Ташкенте, он принял окончательное решение и отправился в Ашхабад — столицу Туркменистана. Работал ответственным инструктором (1927–1928), заместителем заведующего организационно-инструкторским отделом (1928–1929), заведующим агитационно-пропагандистским отделом и отделом культуры и пропаганды ленинизма (1929–1930) ЦК Компартии Туркменистана. Одновременно занимал должность ответственного редактора двух печатных органов ЦК — газеты «Туркменистан» и журнала «Большевик». В течение целого года (с июля 1930 по июль 1931 г.) был ответственным редактором всех национальных изданий Туркменской ССР.

Работая на руководящих должностях, особенно возглавляя редакционные коллективы газет и журналов, в которых была сосредоточена тогдашняя интеллектуальная элита республики, Дж. Халмурадов убедился в необходимости дальнейшего повышения своего профессионального уровня путем поступления на учебу в центральные вузы страны. С этой целью он 1931/32 учеб. году он обучается в Институте красной профессуры (г. Москва).

Из общедоступной справочной литературы узнаем, что по состоянию на 1931 г. существовало 10 Институты красной профессуры, одним из которых был Институт мирового хозяйства и мировой политики (впервые образован в 1925 г. при Коммунистической академии). Дж. Хал-

мурадов, обучаясь в данном институте, занимался изучением актуальных вопросов текущей конъюнктуры, истории и теории мировых экономических циклов и кризисов. Как известно, с 1931 г. до его закрытия в 1947 г. Институтом мирового хозяйства и мировой политики руководил всемирно известный ученый-экономист, академик Е. С. Варга (1879–1964).

Через год, в 1932/33 учеб. году, Дж. Халмурадов поступает в аспирантуру Всесоюзного коммунистического института журналистики, который состоял при ЦИК Союза ССР и находился в ведении Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями ЦИК Союза ССР [6]. В годы учебы в Москве Дж. Халмурадов усовершенствовал свои знания по письменным персидским и турецким языкам. С большой долей вероятности можно предположить, что за Дж. Я. Халмурадовым, владеющим наряду с родными туркменским и русским языками, еще персидским и турецким, а также некоторыми другими родственными языками, закрепили тему кандидатской диссертации, связанную с историей периодического печатного на восточных языках. Здесь же отметим, что первым туркменом, которой обучался в аспирантуре Восточного института (г. Ленинград) в конце 1920-х гг., был А. Кульмухаммедов (1885–1931). Но ему не пришлось завершить свою кандидатскую диссертацию по литературе успешной защитой, ибо он был устранин физически 12 июля 1931 г. в результате провокации на советско-иранской границе. Он был автором ряда монографий, статей и художественных произведений. Им были подготовлены к изданию несколько книг, среди которых «Абул-Гази Бахадур-хан. Родословная туркмен (текст по пяти спискам с предисловием и комментариями)»; «Биографический словарь туркменских писателей (с древнейших времен до наших дней)» [8, с. 55–57]. Но насильственная смерть перервала мечты и планы ученого.

Настойчивая просьба руководства Туркменистана перед ЦК ВКП(б) направить представителей местной национальности из Москвы в Ашхабад в связи с острой нехваткой высококвалифицированных кадров в республике для назначения их на руководящие должности не позволила Дж. Я. Халмурадову долго заниматься наукой и с июня 1933 г. он начал заведовать распределительным отделом ЦК КП(б) Туркменистана.

Учеба в Москве спасла Дж. Я. Халмурадова от репрессий, настигших в 1932–1933 гг. почти всех представителей туркменской творческой и научной интеллигенции (Жакаджан и Бекги Бердиевы, Кумушали Бориев, Оразмаммет Вепаев, Сейитмурат Овезбаев и др.) [7, с. 14–20].

Учитывая ценный военный опыт, накопленный им в борьбе с басмачеством, и с целью укрепления командного состава туркменской национальной дивизии опытными партийцами, Дж. Я. Халмурадова на-

правляют на военную работу, присвоив ему звания комбрига (командира бригады).

До начала Великой Отечественной войны в различных городах Туркменистана были созданы и дислоцированы три национальных дивизии: 18-я Туркменская кавалерийская, 1-я Туркменская горнострелковая и 72-я Туркменская стрелковая, в одной из которых начал служить комбригом Дж. Я. Халмурадов. Из общедоступной справочной литературы явствует, что сокращение комбриг в период с 22 сентября 1935 по 7 мая 1940 г. означало и должность командира бригады, и персональное воинское звание лиц высшего командного состава Красной Армии. Комбриг соответствовал званию бригадного генерала в вооружённых силах других стран. После генерала «Белой» Армии, главнокомандующего Закаспийским фронтом Ораз-сердара (1871–1929?), Дж. Я. Халмурадов стал вторым туркменом, который был удостоен столь высокого воинского звания.

Через несколько лет Дж. Я. Халмурадова захватило всепожирающее пламя «Большого террора». Его арестовали в 1937 г. 28 марта 1938 г. Сталин, Молотов, Каганович, Жданов и Ворошилов утвердили представленный НКВД СССР «Список лиц, подлежащих суду военной коллегии Верховного суда СССР по Туркменской ССР» (список № 67), рекомендуя Халмурадова и многих других к наказанию по 1-й категории, т. е. к высшей мере, расстрелу. В том же году он был расстрелян. Реабилитирован в числе других бывших туркменских деятелей после середины 1950-х гг.

Рис. 1. Памятная плита, посвященная комбригу Дж. Я. Халмурадову.

На стене здания Ашхабадской городской поликлиники № 9, которая находится в начале улицы, носящей имя Дж. Я. Халмурадова, в свое время была установлена мемориальная доска (памятная плита) (рис. 1). На ней, наряду с его рельефным портретом, были высечены слова: «Улица наименована в память комбрига Халмурадова Джумы, видного государственного и политического деятеля Туркменистана, 1901–1938». В настоящее время почти все улицы Ашхабада не имеют своего имени, все они пронумерованы обычными цифрами. Бывшая улица Дж. Халмурадова давно стала просто 1985-ой улицей и поэтому указанная памятная плита городскими властями была снята со стены поликлиники.

Подведя краткий общий итог всему вышеизложенному, можно констатировать, что установившийся в стране в 30-е гг. XX в. режим, скрывая свои злодеяния под выдуманным предлогом борьбы за «всеобщее народное счастье», не считался с талантом и способностями отдельного человека, даже преданно служившего этому режиму. У Дж. Я. Халмурадова нет «официальной» могилы, она неизвестна, ибо он также был казнен палачами существовавшего тогда режима, как и тысячи и тысячи наших убиенных сограждан. Теперь он обрел хотя бы такой, «условный», памятник, каким являются наши статьи о нем, опубликованные в 2019 г. в Новосибирске и Уфе [4, с. 197–202; 3, с. 296–300]. Данная публикация также содержит некоторые новые штрихи к еще неоформленному полностью портрету туркменского интеллектуала Дж. Я. Халмурадова¹.

¹ Не только комбриг Дж. Я. Халмурадов, но и ряд других офицеров, а также рядовые бойцы-туркмены войсковых соединений, находившихся в Туркменистане, подверглись необоснованным репрессиям в период «Большого террора». Об одном из подобных эпизодов свидетельствует следующий документ [1]:

Начальнику Политуправления САВО Бригадному комиссару тов. Катерухину.

Политдонесение Начальника Политотдела Войсковой части 6423

3 июня 1938 года

Исх. № 00176 гор. Мары.

Содержание: Об аресте органами НКВД Хуш Гельды Гуша и Аманова Халмурад.

Красноармеец пулеметного эскадрона части 6434 бывший коновод ст. лейтенанта Атакешиева, ныне арестованного, как врага народа, систематически проводил антисоветскую агитацию: «Вот я во время того когда был Атакешиев не работал так много, а больше занимался, а вот сейчас из рук не выходит лопата днем работаю, а вечером иду в наряд». «Атакишиев был самым лучшим авторитетным человеком». «Кормят сейчас плохо, работы много» и далее нецензурными словами обругал Советскую власть.

Сейчас бывший красноармеец Хуш Гельды Гуш органами НКВД арестован, как контрреволюционный буржуазный националист.

2. Аманов Халмурад, Помполитрук части 6453, как участник контрреволюционной буржуазно-националистической организации «Туркмен-Азатлык», органами НКВД арестован.

Краткая жизнь Дж. Я. Халмурадова, продолжавшаяся всего 37 лет, и его многогранная деятельность еще раз подтверждают правдивость всем известного, ставшего крылатым, утверждения политических деятелей времен Великой французской революции (Пьер Верньо и др.) о том, что «Революция, как бог Сатурн, пожирает своих детей».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Политдонесение начальнику ПУР СредазВО (об аресте двух красноармейцев-туркмен как участников буржуазно-националистической организации). URL: <http://islamperspectives.org/rpi/items/show/12670> (дата обращения: 10.11.2020).
2. *Соегов М. К* вопросу о трудностях перевода собственноручных писем – сообщений оперативно-тактического характера // Языки в диалоге культур. Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (19–20 мая 2016 г.). Ч. I. Уфа, 2016. С. 9–11.
3. *Соегов М.* О полиглоте-туркмене, который носил русское отчество // Коренные народы современной России: этноязыковые, правовые, социокультурные и духовные проблемы. Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. объявленному ООН в 2019 году Международному году языков коренных народов, 26 апр. 2019 г. Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. С. 296–300.
4. *Соегов М.* О русскоязычном полиглоте-туркмене, носившем еще и русское отчество // Социальная онтология России. Сб. науч. ст. по докладом XIII Всероссийских Копыловских чтений. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. С. 197–202.
5. ЦентрАзия. URL: <https://centrasia.org/person2.php?st=1070185640> (дата обращения: 01.12.2020).
6. [Электронный ресурс] URL: <http://istmat.info/node/40068> (дата обращения: 02.12.2020).
7. *Söyegov M.* Sandarmoh'ta Şehit Olan Üç Türkmen Aydın // Türkmeneli Edebiyat ve Sanat Dergisi. Sayı: 37 Şubat. Kerkük, 2011. S. 14–20.
8. *Söyegov M.* Türkmenistan'ın Enver Paşa'sı ve Fuat Köprülü'sü Abdülhekim Kulmuhammedov // Türk Edebiyatı Aylık Fikir ve Sanat Dergisi. Sayı: 411 Ocak. Ankara, 2008. S. 55–57.

УДК 94(47+57)“1941/1945”

М. А. Бабкин

г. Москва (Россия)

Российский гос. гум. ун-т; Московский пед. гос. ун-т

РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ КОНФЕССИЙ НАРОДОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ПОБЕДЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В статье рассматривается патриотическая деятельность традиционных для народов СССР конфессий в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, традиционные конфессии народов СССР.

В период Великой Отечественной войны руководители практически всех религиозных объединений СССР поддержали освободительную борьбу народов нашей страны против германских агрессоров. Патриотическая деятельность священнослужителей основных российских конфессий в 1941–1945 гг. носила, как правило, традиционные и разрешённые по действовавшему в СССР закону формы: внутрехрамовые проповеди, выпуск патриотических посланий к пастве, призывы к сбору материальных средств на нужды фронта и тыла, непосредственное участие в этих сборах, вознесение на богослужениях специальных молитв о победе советского народа. Руководители большинства религиозных объединений СССР осудили тех представителей своих конфессий, которые пошли на сотрудничество с врагом, помогали оккупантам насаждать «новые порядки» на оккупированных территориях.

В целом, в Великой Отечественной войне приняли участие верующие всех российских конфессий: одни воевали на передовой, другие — обеспечивали фронт, третьи — словом, а четвёртые — делом ковали победу в тылу [подр. см: 7].

Патриотическая деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны. В первый день Великой Отечественной войны, 22 июня 1941 г, первоиерарх Русской православной церкви — патриарший местоблюститель митрополит Московский Сергей (Страгородский) — составил «Послание пастырям и пасомым Христовой православной Церкви». В нём, в частности, звучали такие оценки сложившейся ситуации: «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю». Захватчики в послании характеризовались как «жалкие потомки врагов

православного христианства», пытающиеся «поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству». Митрополит Сергей призвал паству встать на защиту Родины и высказал уверенность, что русский народ «с Божиею помощью [...] развеев в прах фашистскую вражескую силу». Послание заканчивалось словами: «Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу». Текст был разослан по епархиям и приходам.

26 июня митрополит Сергей (Страгородский) совершил в Богоявленском соборе Москвы молебен о победе русского воинства, зачитав после него молитву, текст которой был составлен ещё в Отечественную войну 1812 г. В сказанной тогда же проповеди содержался призыв: «Все в ряды, все на защиту родной земли, её исторических святынь, её независимости от чужестранного порабощения» [1; 4].

Таким образом, первоиерарх РПЦ с первых дней войны чётко обозначил свою политическую ориентацию и дал соответствующие установки пастве.

За весь период Великой Отечественной войны митрополит Сергей (Страгородский; с 12 сентября 1943 г. — патриарх Московский и всея Руси) и от себя лично, и вместе с другими архиереями выпустил 24 патристических послания. Например, в январе 1942 г. он направил специальное обращение к духовенству и верующим, находящимся на оккупированной территории СССР. В нём паства призывалась поддерживать партизанское движение и осуждалась случаи сотрудничества с захватчиками. В пасхальном послании от 2 апреля 1942 г. Сергей (Страгородский) говорил, в частности, о том, что нацистская идеология чужда христианскому учению. А начиная с ноября 1942 г. он совместно с митрополитом Николаем (Ярушевичем) неоднократно обращался к православным Румынии, Чехословакии, Югославии, Греции, к христианам других оккупированных Германией стран с призывами перейти на сторону держав Антигитлеровской коалиции.

Другой ключевой иерарх РПЦ того периода — митрополит Киевский Николай (Ярушевич) со 2 ноября 1942 г. работал в составе образованной в тот день Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. В результате деятельности этого органа был подготовлен большой массив документов для осуществления серии судов над нацистскими преступниками и их пособниками. В составе делегаций названной Комиссии митрополит Николай выезжал в прифронтовую полосу, посещал освобожденные районы СССР, собирал свидетельства о колоссальном мате-

риальном ущербе, нанесенном войной и народному хозяйству, и православным храмам [6].

Ряд священнослужителей РПЦ (напр., митрополит Ленинградский Алексей (Симанский)) принимал участие в работе сформированных на областном уровне аналогичных комиссий по расследованию злодеяний захватчиков. Собранные сведения, свидетельства очевидцев, выводы комиссий передавались в соответствующие государственные органы. В некоторых случаях материалы комиссий публиковались на страницах церковных изданий. Они использовались, помимо прочего, в материалах Нюрнбергского процесса 1945–1949 гг.

Практически с первых дней войны православные верующие начали собирать на нужды фронта деньги, драгоценные предметы, обувь, одежду, медикаменты, покупать облигации государственных займов и проч. Например, лишь в первый год войны православные храмы Москвы передали в Фонд обороны свыше 3 млн. руб., церкви Нижнего Новгорода и Самары (в тот период — Горького и Куйбышева) — более 4 и 2 млн руб., соответственно. Духовенство и паства РПЦ вносили средства и в Фонд помощи детям, в который за период войны было всего передано более 300 млн руб., не считая пожертвованных ценностей и вещей.

Духовенство РПЦ активно включилось и в развернувшееся в 1942–1944 гг. во многих республиках и областях СССР движение по сбору средств на строительство танковых колонн. 30 декабря 1942 г. митрополит Сергей (Страгородский) призвал паству жертвовать материальные средства на сооружение танковой колонны имени Димитрия Донского. В результате, в Челябинске на собранные РПЦ деньги было построено 40 танков, которые 7 марта 1944 г. были переданы Красной Армии.

Параллельно «танковому» сбору пожертвования принимались на авиационные эскадрильи имени Александра Невского и «За Родину», на содержание госпиталей и на помощь инвалидам войны.

На протяжении всей Великой Отечественной войны в храмах РПЦ возносились молитвы за защитников Родины, за их победу над врагом.

Известны факты патриотической деятельности духовенства и верующих на оккупированных территориях. Православные священнослужители и миряне нередко являлись связными, соратниками и помощниками партизанских отрядов, а также групп подпольщиков. Многие из них подверглись арестам, тюремным заключениям, пыткам, были расстреляны.

В отношении же тех иерархов, клириков и мирян, которые на занятых врагом территориях сотрудничали с оккупантами, иерархи РПЦ принимали соответствующие церковно-административные меры. Так, собравшийся при содействии государственной власти Архиепископский

собор РПЦ 8 сентября 1943 г. принял, помимо прочего, документ — «Осуждение изменников вере и Отечеству». В нём констатировалось, что «всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлучённым, а епископ или клирик — лишенным сана».

Духовенство РПЦ своей патриотической деятельностью в определённой степени противодействовало немецкой пропаганде (в частности, о религиозной ситуации в СССР), стремилось изменить негативное представление общественных кругов стран Антигитлеровской коалиции о положении верующих в своей стране.

Всего за годы войны за патриотическую деятельность 40 священнослужителей были награждены медалями «За оборону Ленинграда» и «За оборону Москвы», более 50 — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», несколько десятков — медалью «Партизану Великой Отечественной войны».

24 июня 1945 г. патриарх Московский и всея Руси Алексей (Симанский) был награждён орденом Трудового Красного знамени. Во время состоявшегося в тот день на Красной площади Парада Победы патриарх присутствовал на трибуне Мавзолея В. И. Ленина [1; 4].

Патриотическая деятельность общин иных традиционных религий в годы Великой Отечественной войны. В начале Великой Отечественной войны руководители практически всех религиозных объединений СССР поддержали освободительную борьбу народов своей страны против агрессоров. Обращаясь к верующим с патриотическими посланиями, они призывали достойно выполнять свой религиозный и гражданский долг по защите Отечества, оказывать всю возможную материальную помощь для нужд фронта и тыла.

Например, первоиерарх Древлеправославной церкви Христовой (Белокриницкая иерархия) архиепископ Московский и всея Руси Иринарх (Парфёнов) в Рождественском послании 1942 г. призвал старообрядцев доблестно служить в Красной Армии и оказывать противодействие врагу на оккупированных территориях.

В мае 1942 г. с письмом-воззванием к верующим обратились руководители Союзов баптистов и евангельских христиан. В письме говорилось об опасности нацистской идеологии «для дела Евангелия», содержался призыв к «братьям и сестрам во Христе» исполнять «свой долг перед Богом и перед Родиной». Верующие призывались быть «лучшими воинами на фронте и лучшими работниками в тылу». В годы Великой Отечественной войны общины баптистов занимались пошивом белья, сбором одежды и других вещей для воинов и семей погибших, помогали в госпиталях ухаживать за ранеными и больными, оказывали опеку си-

ротам в детских домах. Собранные баптистскими общинами средства пошли, в частности, на постройку санитарного самолёта «Милосердный самаритянин», который был оборудован для транспортировки тяжело раненых солдат.

В начале 1944 г. на собранные Армянской апостольской церковью (ААЦ) пожертвования была построена танковая колонна имени св. Давида Сасунского. В годы войны духовенство ААЦ принимало активное участие в сборе средств для различных государственных фондов.

Неоднократно с патриотическими воззваниями выступал и лидер обновленчества — первоиерарх Православных церквей в СССР А. Введенский.

В мае 1942 г. на съезде исламского духовенства в Уфе председатель Центрального духовного управления мусульман муфтий Г. Расулев констатировал, что любовь к Родине и её защита являются одними из условий веры. В принятом съездом обращении к мусульманам содержались призывы «сражаться на поле брани за освобождение великой Родины, всего человечества и мусульманского мира от ига фашистских злодеев», приложить «все силы для изготовления всех необходимых предметов для успешного ведения Отечественной войны и обеспечения жизни населения». В 1943 г. Центральное духовное управление мусульман в Уфе собрало на строительство танковой колонны около 10 млн руб. Мусульманские общины оказывали поддержку семьям воинов, организовывался сбор материальной помощи для нуждающихся.

Вклад в победу в Великой Отечественной войне внесли и буддисты. Они также заняли патриотическую позицию и внесли в Фонд обороны 353100 руб.

В 1944 г., в ходе освобождения западных территорий СССР, начало выходить на контакты с советским руководством греко-католическое и католическое духовенство. Его видные представители направили ряд писем И. В. Сталину, в которых приветствовалось освобождение Галиции от немецких войск и содержались просьбы об официальном признании Украинской греко-католической церкви (УГКЦ). В декабре 1944 г. в Москву прибыла делегация УГКЦ, которая выразила «приветствие и благодарность Советской власти, Красной Армии и её Главнокомандующему товарищу Сталину», и высказала желание принять участие в «устроении мирной жизни» на освобождённой территории Украины. Делегация от имени УГКЦ внесла в Фонд Красного Креста 100 тыс. руб. [5].

Резюме. В целом, духовенство и верующие практически всех традиционных российских конфессий, как и буквально все страты советского народа, внесли заметный вклад в победу в Великой Отечественной

войне. Значимость этого вклада была положительно оценена государством.

Патриотическая позиция духовенства традиционных российских религий в особо трудные для СССР 1941 и 1942 гг. во многом обусловила существенную корректировку политики советской власти в отношении «конфессионального вопроса». С сентября 1943 г. СНК СССР принял около 20 постановлений и распоряжений, касавшихся религиозных объединений: о порядке открытия церковей (1943, ноябрь), об открытии текущих счетов епархиальных управлений и приходов в Госбанке СССР (1944), об освобождении от призыва и мобилизации священнослужителей (1944, ноябрь), о порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов (1944, декабрь), о предоставлении религиозным общинам права юридического лица в части аренды, строительства и покупки в собственность домов, строений, транспорта и утвари (1945) и проч. С 1944 г. советское руководство начало активно использовать «религиозный фактор» для решения своих политико-идеологических задач не только внутри страны, но и на внешнеполитической арене.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильева О. Ю.* Патриотическая деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Сайт «Бесмертный полк. Москва». URL: <https://www.polkmoskva.ru/articles/other/patrioticheskaya-deyatelnost-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny/> (дата обращения: 10.10.2020).
2. *Гинзбург В. Я., Гинзбург Ф. В.* Евреи в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evrei-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny/viewer> (дата обращения: 10.10.2020).
3. Журнал Московской патриархии. 1943–1945 гг.
4. *Константин (Горянов), архиепископ.* Патриотическая деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны // Христианское чтение. 2005. № 24. С. 49–66.
5. *Одинцов М. И.* Великая Отечественная война (1941–1945) и религиозные организации в СССР // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. VII. С. 407–415.
6. Правда о религии в России / предс. редколл. Николай (Ярушевич). М., 1942. 456 с.
7. *Розина О. В.* Духовная основа подвигов героев Великой Отечественной войны как фундамент патриотического воспитания современной молодежи // Поколение победителей в текстах, голосах, зрительных образах: 70-летию победы в Великой Отечественной войне посвящается. Материалы межрег. науч. конф. с междунар. участием. Сб. тр. Конф. М.: Истра-Пушкино, 2015. С. 300–308.

УДК 94(470.56)“1941/1945”

М. К. Мусафиров

г. Орск (Россия)

Орский индустриальный колледж

ИСТОРИЯ, НОВАЦИИ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ В РАБОТЕ ОРСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

В статье рассматривается история, новации и изменения в деятельности Орского городского Совета депутатов трудящихся в период Великой Отечественной войны. Осуществлен анализ деятельности и местного Совета, и его Исполнительного комитета. Затронуты актуальные управленческие вызовы военного времени, вставшие перед местной советской государственной властью. Изучена их работа на местах в тыловых районах Советского Союза, ставших центрами эвакуации граждан СССР и иностранных государств Восточной Европы, на примере Орского городского Совета депутатов трудящихся Оренбургской области. Используются неопубликованные архивные документы Орского филиала Государственного архива Оренбургской области и научные работы ученых, занимающихся проблематикой деятельности местных органов советской государственной власти и анализом их работы в военные годы на Южном Урале и Оренбургской области.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, Советы, местное самоуправление, новации, эвакуация.

Орский городской Совет депутатов трудящихся, являвшийся органом местной советской власти, и его рабочий орган — Исполком, в годы Великой Отечественной войны, помимо довоенных профильных проблем, столкнулся с рядом новых задач, связанных с реалиями военного времени, процессами мобилизации, эвакуации, реализации помощи семьям военнослужащих. Аппарату управления пришлось перестраивать свою деятельность в связи с военным положением и тяжелой общей ситуацией в стране, решать проблемы, с которыми данный орган ранее не сталкивался. Появлялись новые профильные проблемы, опыта, решения которых не хватало.

Основная нагрузка по решению оперативных и важных вопросов легла на плечи Исполнительного комитета Орского городского Совета депутатов трудящихся. Деятельность местного Совета в годы войны ослабила свою сессионную работу, зачастую не собирался кворум. Выход находили в том, что выносимые на сессию вопросы решались на исполкомах, на которые привлекались оставшиеся депутаты и актив.

В силу объективных обстоятельств сессии Орского горсовета переносились по срокам, а в отдельные периоды проводились чаще, чем это предусматривалось законодательством. Так, например, с декабря 1941 по март 1942 г. состоялись 4 сессии, а с ноября 1943 по июнь 1944 г.— 6 сессий. Всего же за период с июля 1941 по март 1945 г. Орский горсовет провел 25 сессий [2; 4].

Даже в чрезвычайных условиях войны среди методов и принципов работы местных Советов присутствовали следующие: метод убеждения и разъяснения, предполагавший широкое информирование населения; метод непосредственной работы с избирателями, разбор их жалоб и заявлений; принцип соревнования, предусматривающий и моральное, и материальное вознаграждение. В экстремальной обстановке военного времени в работе местных органов государственной власти преобладающим являлся метод принуждения; выполнение принятого решения обеспечивалось, как правило, угрозой административной и уголовной ответственности. Использование метода административного принуждения в качестве основного объясняется также произошедшим значительным обновлением кадрового состава исполкомов. В госаппарат пришли люди, зачастую с дефицитом необходимых знаний, не имеющие опыта руководящей работы. Желая компенсировать этот недостаток и в то же время выполнить поставленную задачу, руководители нередко апеллировали исключительно к административно-принудительным способам воздействия [2; 3].

Новацией в деятельности местного органа советской власти являлось создание новых специализированных комиссий, которые занимались реализацией и решением проблем. К таковым можно отнести комиссию по трудоустройству инвалидов при Исполкоме горсовета. Это стало важной задачей для местных органов власти после выхода в свет постановления СНК СССР от 6 мая 1942 г. [2, с. 31].

Так, 8 сентября 1941 г. Исполнительный комитет Орского городского Совета депутатов трудящихся решал вопросы по заготовке и закладке овощей для госпиталей, о специалистах и их рациональном использовании, о размещении по квартирам медицинского персонала; 11 сентября решались вопросы о сборе теплой одежды для бойцов, командиров и политработников Красной Армии; 13 сентября 1941 г. Исполнительный комитет Орского городского Совета депутатов трудящихся провел собрание женщин, мужья которых были мобилизованы в Красную Армию, с повесткой дня: «Роль женщин в Великой Отечественной войне» [5. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 141. Л. 1–10]. 23 сентября рассмотрел вопрос «Забота о семьях красноармейцев по предприятию Никелькомбината» [5. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 136. Л. 31]. 1 октября состоялось совещание районных

штабов МПВО с вопросом «О ходе подготовки населения к противовоздушной обороне». 10 октября того же года проведена очередная 18 сессия городского Совета с вопросом «О сборе и организации производства теплых вещей для Красной Армии» [5. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 141. Л. 1-10]. Рассматривались вопросы по управлению эвакуобазой [3; 4].

Занимался Исполком горсовета и решением проблем по размещению эвакуированных предприятий [3; 4]. В период войны в Орск было эвакуировано 28 предприятий и организаций: Северо-Никель, который был размещен на производственной площадке местного Никелькомбината; ЦНИПС; Упр. № 3 треста № 34; Мостотрест; Южгидроруда; Проместрой проект; Госшвейфабрика; Центроспецпроект — Ленинград; Центроспецпроект — Москва; Коксохимический завод; Авиамастерские; Союзтранспортпроект; СНОП; Метал-химзавод; ЗМК — Мариуполь; ЗМК — Запорожье; Стальпроект; Ново-Краматорский завод им. Сталина; Тульский завод № 176; Днепропетровский завод № 79; Куйбышевское радиоправление; Завод «Красный Октябрь»; Огнеупорный завод Константинова; Завод Электрооборудования Петровского; КИМ; Тарный Завод, размещенный на Крекинге [5. Ф. Р-16. Оп. 1, Д. 35. Л. 44].

3 сентября 1941 г. на заседании Исполкома Орского городского Совета рассматривался вопрос «О размещении Швейной фабрики, эвакуированной из города Днепродзержинска», где было решено прибывшую Швейную фабрику разместить в помещениях Орского Спиртоводочного завода — в помещениях красного уголка, столовой, в здании гаража, складских и подвальных помещениях, а помещение по Советской улице — бывшее здание магазина № 40, использовать как складское помещение и склад мелкорозничной торговли [5. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 136. Л. 30].

Заметим, что данный архивный документ сообщает о проблеме в городе с размещением эвакуированных предприятий, в связи с отсутствием свободных помещений. Местному органу власти, Исполкому Орского городского Совета, приходилось пересматривать различные варианты и искать компромиссные решения, в итоге дело шло на уплотнение площадей производств за счет уменьшения складов на предприятиях, красных уголках, складских, подвальных и столовых помещений. В условиях военного времени данное решение, на наш взгляд, являлось профессионально грамотным.

Большое количество эвакуированного населения вызвало проблему с их размещением. Вопрос с обеспечением жильем решался за счет подселения, строились рабочие городки, в ряде из них не было ни света, ни печей, ни дров, и в своей основе рабочие проживали в мастерских завода, а также за счет превращения нежилого фонда в жилой. Об этом свидетельствует Распоряжение № 57 Исполнительного комитета Орско-

го городского Совета депутатов трудящихся от 2 марта 1942 г. «О размещении прибывающих из города Ленинграда проектировщиков и их семей», где указывается, что для размещения прибывающих из Ленинграда инженеров-проектировщиков обязать зав. Горкомхозом передать Промстройпроекту для приспособления под жилье помещение мастерской «Метровес», переведя последнюю в помещение нижнего этажа дома № 17 по ул. Орских партизан [5. Ф. Р-1. Оп. 1, Д. 160. Л. 52].

В Орске в годы Великой Отечественной войны существовала местная организация временного правления союза польских партизан, которой оказывалась помощь от местной советской власти [5. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 189. Л. 170].

В деятельности Орского городского Совета депутатов трудящихся и его рабочего органа — Исполкома, значимое место отводилось вопросам, связанным с функционированием в городе социальных институтов здравоохранения, образования, продовольственного обеспечения и культуры.

Вопрос о специфике медицинского обслуживания в столь тяжелое время был поднят на XVII сессии Орского городского Совета депутатов трудящихся в сентябре грозного 1941 г. Перед органами здравоохранения были поставлены задачи, прежде всего, по организации медико-санитарного обслуживания граждан, предупреждению возникновения эпидемических заболеваний и снижения детской смертности. Медицинская система обслуживания не располагала необходимыми ресурсами для решения сложных задач тяжелого военного времени. Не хватало лекарств, перевязочных материалов, медицинского оборудования и инструментария. Лечебные учреждения ощущали нехватку помещений, дефицит топлива, электроэнергии, водоснабжения и квалифицированного персонала. Для решения острого кадрового вопроса стали организовываться новые медицинские и фельдшерские школы, школы акушеров. В 1943 г. открылась 10-месячная школа медсестер. Существовал дефицит врачей, однако он решался за счет эвакуированных граждан. В 1943 г. в городе, в связи с острой необходимостью, открылся туберкулезный санаторий [5. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 175. Л. 217].

В городе продолжали работать школы, которые были подчинены городскому управлению народного образования. Депутаты горсовета вели строгий контроль за ходом учебного процесса, стремясь через постоянные комиссии Совета на деле оказывать практическую помощь образовательным учреждениям.

Уже 23 сентября 1941 г. Исполнительный комитет Орского Горсовета депутатов трудящихся рассмотрел вопрос о «Заботе о семьях красноармейцев по предприятиям Никелькомбината». Если заводским ко-

митетом и проводилась работа по оказанию помощи семьям красноармейцев — им были трудоустроены 68 жен красноармейцев, выдана денежная помощь 31 семье на сумму 4500 руб., но, по большому счету, действенность оказалась не столь эффективной, как могла быть. Причиной называлась не систематичность проводимой работы и ее поверхностность. К сожалению, завком не вел учет семей красноармейцев, не имел с ними постоянной связи, ограничиваясь лишь обследованием от случая к случаю. Завком не внедрил в свою работу практику систематического посещения членами завкома и администрацией завода семей красноармейцев на дому, не поставил вопрос перед дирекцией завода о подготовке квалифицированных кадров из состава жен рабочих и в особенности жен красноармейцев, не принял достаточных мер к пресечению недопустимого отношения к запросам семей красноармейцев. На момент обследования имелись факты недопустимо-бюрократического отношения к семьям красноармейцев со стороны работников коммунального отдела. В документе приводится пример с семьей красноармейца Соболенко, которая проживала во дворе под открытым небом с 1 сентября 1941 г. (по случаю ремонта квартиры). Семья красноармейца Бледных проживала в частном полуразрушенном сарае, причем платила 30 руб. в мес., в семье было четверо детей от года до 14 лет. Исполком с удовлетворением отмечает и хороший пример заботы о семьях красноармейцев со стороны начальника Ремстройгруппы Шмелева. Семьи красноармейцев его цеха обеспечены топливом, квартиры отремонтированы, выдается транспорт для доставки овощей. На заседании Исполнительный комитет Орского Горсовета принял принципиальное решение, подписанное председателем Исполкома К. Миловановым: довести до сведения директора Никелькомбината Малинина о наличии фактов недопустимо-бюрократического отношения к семьям красноармейцев со стороны работников коммунального отдела [5. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 136. Л. 31].

Отметим, что даже в тяжелом 1941 г. исполнительный орган местной власти с большим вниманием и принципиальностью относился к вопросам помощи семьям красноармейцев и стремился бороться с бюрократическими проволочками, постоянно держа на контроле деятельность дирекции и завкомов предприятий по данному вопросу.

Организацией работы местной промышленности в Орске занимался отдел местной и промысловой кооперации городского Совета депутатов трудящихся. Данный орган осуществлял контроль, оказывал помощь в обеспечении помещениями, сырьем, оборудованием, организации соцсоревнований и стахановского движения, а также в вопросах электрификации. Из-за организационной неразберихи, перебоев в поставках электроэнергии, сырья, нехватке квалифицированных исполни-

телей и финансов случались казусные моменты. Так, несмотря на существование в Орске возможностей, колодки для рубанков, топоры, кирпич, примусные иголки и ряд другой продукции завозились из других городов. В результате продукция дорожала, мощности простаивали. Как следствие, в 1941 г. годовой план по предприятиям местной промышленности и промкооперации был выполнен только на 51,8 %, в 1942 г. — на 88 %. В 1944 г. бюджет города недополучил доходов на сумму 672200 руб., из этих недополученных средств на долю местной промышленности выпало 314700 руб. В 1945 г. цифры, соответственно, составляли: 1008600 и 235000 руб., от предприятий кооперативной промышленности недополученные доходы составили 214000 руб. [1, с. 66].

С 8 сентября 1941 г. в Орске была введена карточная система отпуска продуктов и товаров первой необходимости, в т. ч. и хлеба. Исполнительный комитет Орского городского Совета депутатов трудящихся столкнулся с рядом проблем, связанных с организацией отпуска хлеба, решению вопросов по мерам недопущения перебоев в выпечке и подвозке хлеба в магазины, организации ускорения отпуска хлеба населению, увеличения мест отпуска хлеба по карточкам и недопущению паники, огромных очередей и волнений у населения Орска. Орский городской Совет депутатов трудящихся проводил практически еженедельную надзорную деятельность в данной сфере. Буквально через 4 дня, 12 сентября 1941 г., рабочий орган Горсовета принял решение № 463 «О торговле хлебом по карточкам» [5. Ф. Р-1. Оп. 1, Д. 138. Л. 16].

В изученном нами документе отмечалось, что торговые организации города к торговле хлебом по карточкам подготовились неполностью. Приводились факты плохой подготовки. Так, на Мясокомбинате работники магазинов оказались вовремя не проинструктированы, поэтому 8 сентября 1941 г. магазины продавали хлеб без карточек. В ряд магазинов города хлеб не завезли, хотя в той же пекарне «Пищевик» с 8 по 9 сентября 1941 г. находилось целых 2 т хлеба. Отмечалась и плохая подготовка к торговле хлебом по карточкам на Хлебозаводе, где была создана неразбериха с отпуском хлеба торгующим организациям Орска. Хлеб своевременно не выдавался. Отсюда появились большие очереди за хлебом. В частности, на Кирзаводе, Новом городе и на площадке завода № 322. В свою очередь был обнаружен вопиющий факт, когда ряд руководителей предприятий не вовремя выдали хлебные карточки своим рабочим и служащим. Среди главных виновных произошедшего оказался заведующий Горторготделом Северьянов, не обеспечивший своевременного инструктажа и контроля, не привлечший общественность к этому политически важному мероприятию. На заседании Исполнительный комитет Орского Городского Совета депутатов трудящихся принял

решение, которое обязывало Северьянова организовывать повседневно жесткий контроль за торговлей хлебом совместно с постоянной комиссией по торговле хлебом, своевременно принимать меры к недопущению перебоев в выпечке и подвозке хлеба в магазины, организуя ускорение отпуска хлеба населению. А директора Торга Грицук обязали открыть к 15 сентября 1941 г. магазин по торговле хлебом в Новом городе, использовав помещение бывшего магазина № 44, а также дополнительно открыть хлебный ларек на площадке Кирзавода. Директора завода № 257 Кормилицина обязали предоставить Торгу помещение для торговли хлебом, а директора завода № 322 Войтенко — построить хлебный ларек на площадке завода к 17 сентября 1941 г. Всем руководителям предприятий и учреждений указывалось, что они несут ответственность за правильную и своевременную выдачу хлебных и кондитерских карточек [5. Ф. Р-1. Оп. 1, Д. 138. Л. 16]. Спустя несколько дней ситуация стабилизировалась.

В период Великой Отечественной войны депутатами Орского городского Совета осуществлялся плановый контроль и рассмотрение всех фактов бюрократической волокиты в вопросах помощи остро нуждающимся гражданам, в чем депутаты достигли больших положительных результатов, при этом им приходилось неоднократно применять административно-репрессивные меры к исполнителям решений местного органа власти.

В 1941–1945 гг. органами местной советской власти упор был сделан на решение оперативных социально-экономических вопросов, в которых присутствовало большое количество управленческих новаций, имевших место в силу военного времени. Орский городской Совет депутатов трудящихся и его рабочий орган — Исполком столкнулись с большинством проблем, которые были свойственны органам местной власти тыловой части СССР. Новациями в работе стали вопросы помощи семьям красноармейцев, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны, социальной помощи нуждающимся гражданам, в т. ч. эвакуированным из западных регионов страны, абсолютно новым в деятельности стал прием и размещение эвакуированных предприятий, также управленческие новации и новые задачи были в таких областях, как здравоохранение, мобилизация, образование, продовольственное обеспечение населения, организация работы местных предприятий и промысловой кооперации. Работу местного органа советской власти на основе изучения научной литературы и неопубликованных архивных источников можно считать эффективной, с учетом многочисленных сложностей военного времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Коробецкий И. А.* Деятельность Орского городского Совета депутатов трудящихся по руководству местной промышленностью и промысловой кооперацией в 1941–1945 гг. // Актуальные проблемы региональной истории. Материалы межвуз. конф. Орск: ОГТИ, 2009. С. 66–68.
2. *Коробецкий И. А.* Структурно-функциональные изменения в работе местных органов государственной власти Южного Урала в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны // Инновации. Инициатива. Опыт. Сб. науч. тр. Орск: Орский гуманитарно-технологический ин-т (филиал) ОГУ, 2012. Вып. 3. С. 29–35.
3. *Мусафиров М. К.* Эвакуационный процесс в городе Орске в период 1941–1942 годов // Казанская наука. 2010. № 9. Вып. 1. С. 253–256.
4. *Мусафиров М. К., Шебалин И. А.* Орск в первые месяцы Великой Отечественной войны // Сб. материалов межвуз. конф. Орск: ОГТИ, 2009. С. 70–73.
5. Орский филиал Государственного архива Оренбургской области (ОФ ГАОО).

УДК 94(470.51)“1941/1945”

Д. В. Репников

г. Ижевск (Россия)

Удмуртский гос. ун-т

МЕТОДЫ РАБОТЫ С МОЛОДЁЖЬЮ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УДМУРТСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны Советского Союза одним из важнейших явлений в жизни страны в целом и Удмуртской АССР в частности стало массовое привлечение молодёжи на предприятия оборонной промышленности и превращение её в значимую часть заводских трудовых коллективов. Сложившаяся кадровая ситуация неизбежно породила в работе с молодыми рабочими комплекс проблем, которые пришлось разрешать руководству предприятий, их партийным, профсоюзным и комсомольским организациям. Базовой из этих проблем стала проблема адаптации молодых рабочих к труду на промышленном производстве. Важнейшими её составляющими были тесно взаимосвязанные друг с другом проблема трудовой дисциплины (кражи, прогулы, дезертирство), проблема профессиональной подготовки и повышения квалификации и проблема обеспечения необходимых условий труда и быта молодых рабочих. Статья подготовлена на основе изучения региональной историографии Удмуртии и документов Центра документации новейшей истории Удмуртской Республики и посвящена характеристике основных методов, применявшихся для разрешения этих проблем.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Удмуртская АССР, оборонная промышленность, молодые рабочие, рабочая молодёжь.

Данная статья выступает логическим продолжением и завершением публикации в журнале «Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология» (2021), посвящённой проблемам адаптации молодых рабочих предприятий оборонной промышленности Удмуртской АССР на производстве в годы Великой Отечественной войны и причинам их возникновения [10]. Цель статьи — выявление и характеристика основных методов, применявшихся для разрешения этих проблем. Конкретно для исследования избраны два крупнейших союзных оборонных предприятия Удмуртии и Ижевска — металлургический завод № 71 и машиностроительный завод № 74, которые занимали ведущее положение в системе Наркомата вооружения СССР и в годы Великой Отечественной войны находились в сфере особого внимания высшего руководства страны. При подготовке статьи были использованы архивные документы распорядительного (приказы, постановления, распоряжения,

решения) и отчётно-информационного (протоколы, отчёты, докладные записки, справки) характера, хранящиеся в Центре документации новейшей истории Удмуртской Республики [15–20], а также опубликованные в сборнике документов по истории комсомола Удмуртии [2].

Поскольку с началом Великой Отечественной войны молодёжь стала самой крупной возрастной группой трудящихся оборонной промышленности, то именно от неё и её эффективной производственной деятельности во многом зависело выполнение предприятиями государственных планов по выпуску военной продукции и, в конечном итоге, успех военных операций на советско-германском фронте. Вследствие этого, разрешение проблем, сопровождавших работу с рабочей молодёжью в военное время, стало одним из важнейших направлений деятельности партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций, руководителей промышленных предприятий. «Забота о молодых рабочих, — писала в сентябре 1942 г. «Правда», — большое государственное дело» [цит. по: 4, с. 15].

Прежде всего, необходимо было решать проблему квалификации молодых рабочих. В Удмуртской АССР она решалась теми же методами, что и в целом по стране.

Значительная часть молодёжи была мобилизована на постоянную работу в оборонной промышленности сразу. Однако поскольку большинство юношей и девушек ещё не имели рабочей специальности и опыта работы на заводах, то необходимо было в максимально короткие сроки организовать их первичное профессиональное обучение, а затем и повышение квалификации. Эта задача решалась, во-первых, путём индивидуального обучения непосредственно на рабочем месте силами, прежде всего, опытных кадровых рабочих, инженерно-технических работников, комсомольцев-стахановцев. Во-вторых, путём организации краткосрочных курсов, в т. ч. курсов повышения квалификации, кружков и школ техминимума, стахановских школ, школ качества и др.

Индивидуально-бригадное обучение непосредственно на производстве, введённое в общесоюзном масштабе постановлением СНК СССР «Об организации на предприятиях индивидуального и бригадного ученичества» от 21 мая 1942 г., стало в годы войны основным методом подготовки кадров: на его долю приходилось почти 85 % от общего числа новых рабочих, прошедших профессиональную подготовку. Такая форма подготовки позволяла решать текущие задачи, но в дальнейшем требовались существенное повышение квалификации и переподготовка [9, с. 153–154]. По данным региональной историографии, в общей сложности в Удмуртской АССР за годы войны через индивидуальное обучение,

курсы, кружки и школы прошло около 70 тыс. молодых рабочих [5, с. 38–39; 6, с. 5; 7, с. 3; 8, с. 11; 13, с. 105–108; 14, с. 186; 21, с. 69].

Другая часть молодёжи, мобилизованной для работы на предприятиях оборонной промышленности, была направлена сначала в учебные заведения системы государственных трудовых резервов: ремесленные училища (РУ) и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) с последующей перспективой перевода на заводы. Сеть РУ и школ ФЗО в годы Великой Отечественной войны непрерывно росла, увеличивалось и число учащихся в них. Если в 1940 г. в Удмуртской АССР были только два РУ и три школы ФЗО, то в 1944 г. их насчитывалось, соответственно, 10 и 15. За 1941–1945 гг. РУ и школы ФЗО республики приняли около 43 тыс. чел., выпустили — более 30 тыс. молодых квалифицированных рабочих. Училища и школы системы гострудрезервов были одним из главных источников пополнения рабочих кадров. По данным региональной историографии, во многих заводских цехах их выпускники составляли 50–60 % рабочих коллективов [3, с. 10–11; 5, с. 38; 6, с. 6; 7, с. 3; 8, с. 10; 11, с. 91–92; 13, с. 67; 14, с. 69, 71, 186].

В текущей и отчётной документации комсомольских и партийных организаций Удмуртской АССР военного времени, отложившейся в архивах республики, решению проблемы профессионального обучения и повышения квалификации молодых рабочих уделено достаточно много внимания.

Прежде всего, отметим, что проблемы профессионального обучения и повышения квалификации молодых рабочих находились в центре внимания высших партийных и партийно-контрольных органов Удмуртской АССР. 23 июня 1942 г. вопрос «О работе комсомольских организаций с вновь прибывшими молодыми рабочими на заводы» был рассмотрен Бюро Удмуртского обкома ВКП(б), которое, отметив чрезвычайно слабый уровень «заботы о повышении производственной квалификации молодых рабочих», предложило заводским комсомольским и партийным организациям «добиться, чтобы юноши и девушки... изо дня в день крепили трудовую дисциплину и увеличивали производительность труда», для чего «организовать широкое производственно-техническое обучение и помощь вновь пришедшим молодым рабочим через стахановские школы и индивидуальное прикрепление их к квалифицированным рабочим и мастерам» и «практиковать периодический созыв совещаний секретарей заводских комсомольских организаций по вопросам работы с вновь пришедшими молодыми рабочими на заводы» [15. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3442. Л. 1–3].

Заводские партийные и комсомольские организации проводили активную работу в этом направлении. Например, в докладной записке

Удмуртского обкома ВЛКСМ о работе комсомольских организаций с мобилизованной на оборонные заводы молодёжью (июнь 1942 г.) отмечалось, что «в помощь мобилизованной молодёжи для освоения основной специальности были созданы стахановские школы в количестве 647, с охватом в них людей — 8873. Кроме того, были созданы школы тех [нического] минимума с охватом в них, по неполным данным, — 4886 чел.». В итоге, «за короткое время сотни юношей и девушек, из числа мобилизованных, показали образцы самоотверженного труда и вышли в передовые ряды стахановцев заводов». И хотя «наряду с отмеченными достижениями есть и плохие стороны работы мобилизованной молодёжи, например, невыполнение молодёжью, даже комсомольцами, среднесуточного задания. По неполным данным, только в 74-м заводе имеется 83 чел. комсомольцев и 1762 чел. несоюзной молодёжи, не выполняющих нормы», в целях их исправления «вся молодёжь, не выполняющая задания, прикреплена к стахановцам и передовым рабочим» [2, с. 190–191].

Решение проблемы профессионального обучения и повышения квалификации рабочей молодёжи в качестве следующего этапа неизбежно ставило на повестку дня вопрос о поиске и применении трудовых стимулов повышения производительности труда и качества производства как важного и необходимого фактора обеспечения фронта военной продукции.

Можно утверждать, что в годы войны в Удмуртской АССР, как и в других промышленно важных регионах Советского Союза, именно стимулирование трудовой деятельности молодых рабочих стало главным методом решения и проблемы трудовой дисциплины. Конкретные варианты этого стимулирования могли быть различны.

В современной отечественной историографии этот вопрос подробно исследует Р. Е. Романов на западносибирском материале. Автор отмечает, что сегодня принято выделять три группы стимулов производственной деятельности рабочих промышленных предприятий в военное время, и приводит конкретные практические варианты на примере оборонных заводов Сибири.

Первая группа — административно-репрессивные стимулы, которые определялись указами Президиума Верховного Совета СССР (от 26 июня 1940 г., запретившим прогулы и самовольное оставление предприятий, и от 26 декабря 1941 г., прикрепившим мобилизованных рабочих к предприятиям), ставшими основой принудительного стимулирования труда рабочей молодёжи оборонной промышленности в военные годы. Однако широкое использование жёстких санкций скорее имело смысл для поддержания производственной дисциплины, а для стимулирования труда было, как правило, малоэффективным.

Вторая группа включает материально-экономические и социальные стимулы, под которыми подразумеваются стимулирующие формы оплаты труда, нормированное натуральное снабжение и материальное поощрение, развитие социально-бытовой сферы. Несмотря на большую эффективность в плане стимулирования труда в сравнении со стимулами первой группы, их слабым местом была ограниченность практического применения в связи с острейшим дефицитом жизненно важных ресурсов в чрезвычайных условиях военного времени.

Третья группа представлена морально-психологическими стимулами, которые использовались наиболее широко вследствие значительно большей практической эффективности в деле мобилизации рабочей молодёжи на увеличение выпуска продукции для фронта. К ним относились: пропагандистская работа комитетов партии и комсомола, включавшая агитационные кампании по вовлечению в соцсоревнование с применением «военной» атрибутики («гвардеец тыла», «фронтальная бригада», «фронтальная вахта» и др.), внушавшей заводской молодёжи мысль о том, что от её труда зависит ход боевых действий на фронте; наглядную агитацию (плакаты, боевые листки), служившую и средством похвалы или критики молодых рабочих, и трансляции информации, способной вызвать в их среде эмоциональный подъём; вручение лучшим стахановцам и ударникам орденов, медалей, почётных грамот, а лучшим комсомольско-молодёжным бригадам — переходящих красных знамён и вымпелов; и др.

Важным средством морально-психологического стимулирования были индивидуальная психолого-воспитательная работа с молодёжью, особенно с подростками, в т. ч. забота об их материально-бытовом положении, проводившаяся опытными рабочими и специалистами, шефство кадровых рабочих и мастеров над заводской молодёжью, побуждавшие изменить поведение и благополучно включиться в заводской коллектив; а также стимулирующее воздействие коллектива рабочих-сверстников, который мог эффективно осуществлять контроль над поведением отдельных своих членов посредством угрозы морального осуждения [12, с. 185–197].

Изученные нами архивные материалы позволяют сделать вывод, что в годы войны именно морально-психологические стимулы наиболее активно использовались партийными и комсомольскими организациями, руководством предприятий оборонной промышленности Удмуртской АССР в работе с рабочей молодёжью с целью активизации её трудовой активности.

В региональной историографии Удмуртии советского периода обращалось особое внимание на то, что труд получивших или повысив-

ших квалификацию молодых рабочих важно было ещё и рационально использовать в целях повышения качества производства, выступавшего важным фактором выполнения заданий фронта. Эта проблема была не менее важной, поскольку задача заключалась не только в мобилизации и подготовке дополнительных рабочих кадров, но и в правильном их использовании. Это достигалось такими путями, как организация соцсоревнования (движения двухсотников, трёхсотников, тысячников, многостаночников, за овладение смежными профессиями; фронтовые молодёжные бригады; комсомольские посты по продвижению заказов фронта и др.); совершенствование производственных процессов внедрением рационализаторских предложений, упрощённых технологий производства, позволявших шире использовать труд рабочих средней квалификации; выявление «бракоделов, тех, кто неэкономно относился к инструменту, материалам, оборудованию, электроэнергии, тех, кто срывает своевременный выпуск продукции, нужной для победы» [1, с. 114; 5, с. 39; 6, с. 5–6; 7, с. 4, 9, 10; 8, с. 11, 22–23; 13, с. 102–104].

Анализ текущей и отчётной документации партийных и комсомольских организаций Удмуртской АССР военного времени показывает, что указанным формам работы уделялось значительное внимание.

Так, в справке Удмуртского обкома ВЛКСМ в Удмуртский обком ВКП(б) о работе комсомольско-молодёжных бригад на заводах республики указывалось, что «Комсомольцев-стахановцев в 1943 г. имеется 5588, из них 3423 комсомолец в 1943 г. выполнили полуторагодовую и двухгодовую программу. В республике создано и работает 681 комсомольско-молодёжная бригада с охватом 6184 чел. комсомольцев и несоюзной молодёжи, из них 211 бригадам присвоено звание фронтовых. В основном бригады созданы в 1943 г.: так, на 1 января 1943 г. было 147 бригад с охватом 1283 чел.; на 1 декабря 1944 г. — 681 — 6184 чел. ...Количество комсомольско-молодёжных бригад по отдельным предприятиям составляет: № 74 — 213; № 203 — 50; № 235 — 84; № 524 — 59; № 544 — 51» [2, с. 212–213].

Комсомольская организация завода № 74 к апрелю 1944 г. «смогла под непосредственным руководством партийной организации мобилизовать всех комсомольцев и несоюзную молодёжь на стахановский самоотверженный труд, на помощь фронту. Из числа 3687 комсомольцев, насчитывающихся в комсомольской организации завода, 3165 комсомольцев работают непосредственно на производстве. Из них 506 комсомольцев являются двухсотниками, 2401 комсомольцев стахановцами, комсомольцев, не выполняющих технические нормы, нет. Комсомольцы и молодёжь нашего завода широко подхватили организованное по инициативе комсомольской организации движение комсомольско-

молодёжных бригад. Сейчас на нашем заводе работают 653 комсомольско-молодёжные бригады с охватом 4075 чел. (из них 1677 комсомольцев). <...> Комсомольско-молодёжные бригады начали выявлять и использовать неисчерпаемые внутренние резервы производства, стали работать “не числом, а умением”. Комсомольско-молодёжные бригады нашего завода высвободили и передали на другие участки работы 210 чел. Наряду с этим комсомольцы и молодёжь нашего завода являются передовиками в проведении всех политических кампаний, принимают самое активное, энергичное участие в разрешении всех задач, стоящих перед заводом» [20. Ф. 1293. Оп. 1. Д. 6. Л. 3–4].

Докладывал об успехах в этом направлении и партийный комитет завода № 74 в отчёте о работе за 1944 г.: «Комсомольская организация завода проделала значительную работу по созданию молодёжных бригад на заводе, в которых объединено в настоящее время более 5,5 тыс. чел. молодёжи. Эти бригады стали серьёзной силой на заводе в борьбе за поднятие производительности труда на производстве. Из числа 3348 чел. комсомольцев непосредственно работающих на производстве, членами молодёжных бригад является 2300 чел. комсомольцев» [16. Ф. 155. Оп. 1. Д. 412. Л. 16].

Проводя работу по совершенствованию производственных процессов, например, комсомольцы завода № 74 в 1942–1943 гг. «завели точный учёт расходов каждого килограмма металла; а у автоматов установили щитки для экономии масла и проч. Много квт. электроэнергии сэкономили комсомольцы путём перестановки моторов у станков, сены мощных трансмиссионных моторов расчётными и т. д. Однако большим недостатком в нашей работе является тот факт, что борьбу за экономию мы провели, как какую-нибудь кампанию, после чего мы работу ослабили. Это неправильно, так как сейчас стоит задача работать с минимальной затратой топлива, металла, электроэнергии, масла, инструмента и т. д. Необходимо оживить эту работу» [20. Ф. 1293. Оп. 1. Д. 2. Л. 32].

Интересным примером в русле активности по выявлению «бракоделов, тех, кто неэкономно относился к инструменту, материалам, оборудованию, электроэнергии, тех, кто срывал своевременный выпуск продукции, нужной для победы» служит опыт комсомольской организации завода № 74 по проведению 8–13 января 1943 г. массового комсомольского рейда за культуру на производстве, использованного и в качестве метода борьбы с нарушениями трудовой дисциплины и морального стимулирования молодёжного труда:

«Основными задачами рейда являлось:

1. Поднять всех рабочих на содержание рабочего места в чистоте и порядке, за культурное содержание рабочего места.

2. Объявить беспощадную борьбу с захламлиенностью цехов и участков.

3. Выявить факты нарушений трудовой дисциплины и растранивания рабочего времени.

4. Проверить оперативность работы аппарата цехов.

<...> Предварительно проводились цеховые, групповые комсомольские собрания, на которых разяснялись задачи рейда, организовывались рейдовые группы, штаб рейда и назначались дежурные по рейду. Общее руководство рейдом осуществлял штаб рейда при заводском комитете ВЛКСМ. В проведении рейда полную поддержку оказывали партийные и профсоюзные организации. Ход рейда широко освещали в “молниях”, “боевых листках”, “крокодилограммах”, стенгазетах. Во всех цехах были вывешены аншлаги, широко извещающие о начале комсомольского рейда. <...> В период проведения рейда было создано около 250 рейдовых групп, которые работали круглые сутки и мобилизован весь народ на наведение элементарного порядка в цехах. <...> Комсомольцы — участники рейда разясняли рабочим значение организации рабочего места и показывали на местах, в каком виде должно содержаться рабочее место».

В результате рейда было выявлено множество недостатков: «На [одном] участке [одного из цехов]... 20 рабочих совместно со сменным мастером простаивали без работы, а на соседнем участке была острая нужда в рабочих. Рейд указал на неоперативность в работе. <...> На [другом] участке... всегда было грязно, захлавлено. Валялась промасленная рогожа, кругом стояла вода. Рабочие сами жаловались на некультурное содержание рабочих мест. <...> [В одном из цехов] у комсомольца... в тумбочке инструмент находится в беспорядке. Станок грязный. ...в [другом] цехе ...было обнаружено много спящих, ...растранивающих рабочее время. ...была обнаружена неполная загрузка оборудования, простой, растранивание электроэнергии, варварское отношение к инструменту, захламлиенность участков. Все эти факты освещались через наглядную агитацию, беседы. ...“молнии” и “крокодилограммы” одёргивали всех нерях и лодырей. ...Комсомольский рейд сыграл... большую роль в борьбе с захламлиенностью, с грязью и браком. ...На замечания участников рейда администрация реагировала своевременно.

Нужно отметить, что такая инициатива комсомольской организации, поддержанная всем коллективом рабочих завода, дала неплохие результаты. В период рейда было видно, что на заводе появилась какая-

то тревога, забота по наведению чистоты и порядка, за внедрение культуры на производстве.

Борьбе против захламлиенности, за чистоту и порядок, за культуру на производстве должно быть уделено серьёзное внимание в повседневной работе комсомольской организации на заводе» [20. Ф. 1293. Оп. 1. Д. 2. Л. 33–40].

Возвращаясь непосредственно к проблеме нарушений молодыми рабочими трудовой дисциплины, отметим, что именно в этой сфере, прежде всего, применялись административно-репрессивные методы её разрешения, которые одновременно могли использоваться и как средство стимулирования трудовой активности. Однако, как свидетельствует текущая и отчётная документация партийных и комсомольских организаций Удмуртской АССР, эти методы, как правило, не применялись в чистом виде, вероятно по причине скидки на возрастные особенности молодых рабочих, а перемежались с мерами морально-психологического воздействия (как минимум в форме воспитательных бесед).

В частности, именно таким образом ориентировало партийные и комсомольские организации Бюро Удмуртского обкома ВКП(б), в уже цитированном выше постановлении «О работе комсомольских организаций с вновь прибывшими молодыми рабочими на заводы» от 23 июня 1942 г. рекомендовавшее «систематически проводить массовую политическую работу на производстве и в общежитиях, воспитывать молодых рабочих на героических подвигах бойцов Красной Армии и стахановцев тыла, привлекать их к активной общественной работе, вырабатывать из них актив и смелее вовлекать лучшую часть в комсомол», а также «довести до сознания каждого молодого рабочего политическое значение указов Президиума Верховного Совета от 26/VI-1940 г. и 26/XII-1941 г., ведя решающую борьбу с дезертирством и нарушителями трудовой дисциплины» [15. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3442. Л. 1–3].

В подобном русле происходила и борьба с кражами на заводах. Начальник Управления трудовых резервов при СНК Удмуртской АССР С. Н. Наумов в докладной первому секретарю обкома ВКП(б) А. П. Чекинову не только зафиксировал факты и привёл соображения о причинах хищений среди молодых рабочих, но и сообщил о мерах, принятых для решения проблемы: «После сигнала со стороны [коменданта завода 74] тов. Павлова в училищах и школах по группам были проведены беседы о законе о мелких кражах и недопустимости выноса из завода каких-либо вещей, а также были обсуждены те учащиеся, которые были задержаны с заводскими вещами, кроме того директорами наложены на виновных дисциплинарные взыскания. Была установлена договорённость с комендантом завода тов. Павловым, что каждый факт хищения он будет

сообщать по училищам и школам, по которым сразу будут определяться меры наказания (привлекать к уголовной или административной ответственности). Мною снова дано указание о проведении бесед среди учащихся» [19. Ф. 300. Оп. 1. Д. 5. Л. 185–185об].

В этой же записке С. Н. Наумов представил и сведения о мерах, принятых и для укрепления трудовой дисциплины, суть которых состояла также в усилении воспитательной составляющей. Во-первых, «Приказом директора завода 74 тов. Иванова предложено начальникам цехов выделить рабочие места в одном месте или закрепить группу в одной смене и в одном цехе. Это мероприятие сразу позволит укрепить дисциплину, так как мастер при этих условиях будет постоянно находиться с учениками и ежедневно и постоянно наблюдать и влиять на их поведение». Во-вторых, «Управление Трудрезервов и директора ремесленных училищ принимают меры к усилению политико-воспитательной работы, которая резко снизилась в связи с частой сменой заместителей директоров по политчасти (уход в армию). В настоящее время во всех ремесленных училищах и школах ФЗО заместители по политчасти подобраны полностью» [19. Ф. 300. Оп. 1. Д. 5. Л. 185–185об].

Подобную практику демонстрирует и текущая документация (протоколы) партийного комитета завода № 71. Рассмотрев 26 июля 1943 г. вопрос «Об укреплении трудовой дисциплины на заводе», партком постановил «усилить контроль за состоянием трудовой дисциплины в цехе и виновников массовых нарушений трудовой дисциплины привлекать к административной и судебной ответственности». Однако вместе с тем настоятельно рекомендовал «улучшить состояние наглядной агитации по укреплению трудовой дисциплины в цехах завода» и «практиковать общественные суды в цехах завода к отдельным нарушителям трудовой дисциплины, лодырям и разгильдиям производства» [18. Ф. 273. Оп. 1. Д. 155. Л. 36–37].

Развёрнутая характеристика работы по решению проблемы трудовой дисциплины представлена в отчёте о работе партийной организации завода № 71 за 1945 г.: «В своей повседневной работе партийный комитет завода заострил внимание всех партийных, профсоюзных и хозяйственных руководителей на необходимую повседневную работу среди коллективов завода за укрепление трудовой и производственной дисциплины. <...> По всем цехам завода проводились партийные собрания, а также рабочие собрания с вопросом укрепления трудовой дисциплины. <...> Партийным комитетом завода было дано указание партийным, профсоюзным и хозяйственным организациям цехов проводить систематически с вновь принятыми рабочими политико-массовую работу с дифференцированным подходом к отдельным группам. <...> Силами

партийно-комсомольского и профсоюзного актива завода... проведено в общежитиях 112 лекций на тему — текущий момент и международное положение. Проведено групповых бесед на политические темы 1030, на производственные и бытовые темы 684 беседы, ежедневно проводится беседа и читка газет силами актива, живущих в общежитиях. Всего вовлечено в активное участие в общественной работе общежитников 540 чел. За 1945 г. проведено 244 собрания и 37 инструктивных совещаний и семинаров с активом общежитий. В каждом общежитии регулярно выпускаются стенгазеты, боевые листки, молнии, в которых освещается быт рабочих, соцсоревнование среди общежитников на лучший барак, комнату и т. п. За 1945 г. выпущено 363 номеров стенных газет. <...> Положительным среди общежитников является и тот факт, что нарушение трудовой дисциплины, внутреннего распорядка в общежитиях и хищение имущества сократилось против 1943 и 1944 г. на 70 %» [18. Ф. 273. Оп. 2. Д. 24. Л. 14–16, 40–42].

Таким образом, чёткая и системная постановка воспитательной, массово-политической, агитационной работы с рабочей молодёжью давала положительные результаты.

Тесным образом с решением проблемы трудовой дисциплины была связана проблема повышения уровня жилищно-бытового устройства и материального обеспечения рабочей молодёжи, которая также представляла собой одно из важных направлений работы партийных и комсомольских организаций. Эта связь обуславливалась тем, что скорейшее разрешение проблемы жилищно-бытовых условий рассматривалось одновременно и как действенный метод борьбы с трудовым дезертизмом, и как средство адаптации молодёжи к заводскому быту, и как стимул для повышения качества работы молодёжи на предприятиях, от которого, в свою очередь, зависело успешное выполнение ими задач фронта.

Например, в 1943 г. партийный комитет завода № 71, определяя перспективные задачи работы партийных и комсомольских организаций, прямо ориентировал их на необходимость «Обратить особое внимание на дело воспитания молодёжи, принятой на завод, создавая им необходимые производственно-бытовые условия с целью дальнейшего закрепления их на производстве» [18. Ф. 273. Оп. 2. Д. 20. Л. 32об]. А партийный комитет завода № 74 в отчёте о работе за 1944 г. сообщал, что в ноябре «по заводу проведён месячник по закреплению рабочей силы на производстве, в период которого проделана значительная работа по улучшению жилищно-бытовых условий, улучшению санитарно-бытового обслуживания рабочих» [16. Ф. 155. Оп. 1. Д. 412. Л. 49].

По этой причине вопросы жилищно-бытового обустройства молодых рабочих также находились в центре внимания высших партийных инстанций Удмуртии.

Обком ВКП(б) довольно жёстко реагировал на отсутствие своевременных мер со стороны руководства заводов, заводских партийных и комсомольских организаций по обеспечению молодым рабочим необходимых жилищно-бытовых условий. Так, уже цитированным ранее постановлением Бюро обкома «О состоянии жилищно-бытовых условий молодых рабочих заводов № 71, № 74 и № 524 НКВ...» от 4 августа 1942 г. на директоров и партторгов заводов налагались строгие взыскания, и предлагалось «в декадный срок решить вопросы общественного питания», «вопросы по обеспечению молодых рабочих нательным и постельным бельём», «организовать починочные мастерские одежды и обуви»; «Наркомздраву УАССР... проверить состояние здоровья молодых рабочих, обеспечить их систематическое медицинское обслуживание, а также принять меры для наведения санитарного порядка в общежитиях»; «руководителям профсоюзных организаций в декадный срок обеспечить все общежития необходимым культурным инвентарём, журналами, газетами, книгами, радио, а также провести работу по организации различных кружков. Для передачи производственного опыта систематически проводить в общежитиях встречу кадровых рабочих с молодыми» [15. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3452. Л. 2–2об].

Вскоре исполнение этого постановления было проконтролировано. 1 сентября 1942 г. Бюро обкома постановило, что оно «в основном выполнено», но «до сего времени имеют место факты воровства, нарушения дисциплины и несоблюдения личной гигиены, что говорит о недостаточной массово-разъяснительной и воспитательной работе среди молодёжи», для искоренения которых предлагалось в сжатые сроки принять решительные меры [15. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3456. Л. 2].

В то же время, партийные и комсомольские организации стремились приобщить и самих молодых рабочих к повышению уровня собственного жилищно-бытового устройства. Так, в 1943 г. «Большая работа была проделана завкомом ВЛКСМ [завода № 71] в части проведения конкурса по общежитиям. Это проводимое мероприятие значительно подняло молодёжь за культурное отношение к общежитию. Итоги конкурса были подведены на общем собрании молодёжи, живущей в общежитиях. Лучшему общежитию было вручено переходящее Красное Знамя Завкома ВЛКСМ, а также выданы премии участникам конкурса» [18. Ф. 273. Оп. 2. Д. 19. Л. 8–9].

Таким образом, проблема обеспечения нормальных условий труда и быта молодых рабочих была в годы войны одним из слабых мест

в работе руководства промышленных предприятий, заводских партийных и комсомольских организаций. Одной из причин этого стала «недопустимая беспечность, нечуткость и политическая близорукость руководителей партийных и хозяйственных организаций». В то же время, играли свою роль и объективные обстоятельства и в условиях военного времени повседневные бытовые нужды рабочей молодёжи не могли быть удовлетворены полностью. Вместе с тем, документы свидетельствуют, что проблеме повышения уровня жилищно-бытовых условий рабочей молодёжи заводские партийные и комсомольские организации уделяли значительное внимание, стараясь использовать любую возможность, чтобы материально и морально поддержать рабочую молодёжь.

Резюмируя вопрос о борьбе с нарушениями трудовой дисциплины, прежде всего в контексте такого её крайнего проявления, как дезертирство, отметим, что все предпринимавшиеся меры, во-первых, не смогли искоренить проблему полностью, и она оставалась актуальной и в послевоенный период. Во-вторых, эти меры имели, безусловно, избирательное действие и в ряде конкретных случаев не приводили ни к каким положительным результатам. Например, в отчёте о работе партийного комитета завода № 71 за первое полугодие 1943 г. сообщалось, что «В числе дезертиров имеются такие, с которыми много работали цеховые партийные и профсоюзные организации и хозяйственные руководители, например: рабочий цеха № 17 Карсовайский, рождения 1925 года, был дважды осуждён за нарушение Указа от 26/VI-1940 г., неоднократно с ним беседовали в цехе, несколько раз беседовали в парткоме, дважды одевали с ног до головы за счёт завода, а он всё продал и ушёл с завода...» [18. Ф. 273. Оп 2. Д. 20. Л. 14об].

В целом, предпринимавшиеся меры до некоторой степени всё же помогали исправить ситуацию и сокращали количество случаев нарушений молодыми рабочими трудовой дисциплины. Так, в отчёте партийного комитета завода № 71 в ЦК ВКП(б) о работе за 1945 г. указывалось, что «число дезертиров сократилось по сравнению с 1944 г. в три раза, количество нарушителей Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26/VI-1940 г. сократилось на 16,2 %» [18. Ф. 273. Оп. 2. Д. 24. Л. 16].

Партийный же комитет завода № 74 в отчёте о работе за 1944 г. обратил внимание на то, что «В итоге проведённых мероприятий, количество дезертиров и прогульщиков за 4 квартал значительно снизилось. Если в 3 квартале было дезертиров 934, прогулов 1191, то в 4 квартале дезертиров 235, прогулов 406». Это означало и «некоторое улучшение по сравнению с 1943 г. В 1944 г. количество дезертиров уменьшилось с

3288 в 1943 г. до 2696 случаев (на 18 %), количество прогулов уменьшилось с 3893 до 3572 случаев (на 8 %)». Тем не менее, в отчёте констатировалось, что «трудовая и производственная дисциплина на заводе всё ещё продолжает быть неудовлетворительной», «количество нарушений трудовой дисциплины на заводе ещё весьма велико и, следовательно, задача дальнейшего укрепления трудовой и производственной дисциплины является первоочередной» [16. Ф. 155. Оп. 1. Д. 412. Л. 48–49].

Подводя итог, заметим следующее. Осуществить чёткую градацию последовательности разрешения проблем работы с рабочей молодёжью проблематично, поскольку все они существовали перманентно и, будучи тесно переплетены друг с другом, требовали параллельного решения. Более того, специфика работы с молодёжью состояла в том, что решение отдельных проблем одновременно выступало как средство решения других. Например, повышение уровня жилищно-бытовых условий рассматривалось и как, минимум, средство борьбы с нарушениями трудовой дисциплины и как, максимум, способ закрепления молодёжи на производстве. В совокупности же весь перечень проводившихся мероприятий был нацелен на решение базовой проблемы адаптации молодых рабочих к условиям промышленно-заводского производства. Именно от этого зависело выполнение оборонной промышленностью планов выпуска военной продукции и, в конечном счете, достижение Победы в Великой Отечественной войне.

Тем не менее, логически можно поставить на первое место решение проблемы производственного обучения и повышения квалификации мобилизованных на предприятия молодых рабочих. Без этого невозможно было решать задачи организации и развития военного производства и выполнения заказов фронта. Эта проблема решалась в Удмуртской АССР, во-первых, методом индивидуально-бригадного обучения непосредственно на производстве, во-вторых, посредством учебных заведений системы государственных трудовых резервов: ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения.

Решение проблемы профессионального обучения и повышения квалификации рабочей молодёжи в качестве следующего этапа неизбежно ставило на повестку дня вопрос о поиске и применении методов и стимулов повышения производительности труда и качества производства, как важного фактора удовлетворения нужд фронта.

В целом, анализ архивных документов показывает, что перечень методов решения проблем работы с молодёжью на оборонных предприятиях Удмуртской АССР был разнообразен и включал в себя различные виды административно-репрессивного, материального и морально-психологического воздействия и стимулирования рабочей молодёжи.

Однако степень их применимости, действенности и эффективности в решении каждой отдельной проблемы была неодинаковой и зависела от различных факторов.

Актуализация методов административно-репрессивного плана была обусловлена чрезвычайными обстоятельствами военного времени, которые объективно способствовали ужесточению ответственности за нарушения производственной дисциплины рабочих оборонных предприятий. Формально именно эти методы выступали в качестве главного способа решения проблемы трудовой дисциплины (в стимулировании труда они были, как правило, малоэффективны). Но фактически их действенность и эффективность зависела от такого фактора, как сознательность молодых рабочих. Содержащиеся в архивных документах данные о нарушениях молодыми рабочими трудовой дисциплины, прежде всего, в форме самовольного оставления предприятий — дезертирства, позволяют сделать вывод, что данный метод был, как минимум, недостаточно эффективным. Степень же сознательности в среде молодых рабочих, в частности осознания необходимости соблюдения дисциплины и угрозы наказания за её игнорирование, не была абсолютной, о чём свидетельствует факт сохранения остроты проблемы дисциплины в течение всей войны. Кроме того, наглядный пример неосознанного поведения представлен, в частности, в отчёте партийной организации завода № 71 о работе за 1945 г.: «В связи с окончанием войны у рабочих возникло много неясных вопросов, связанных с трудовым законодательством, с законами военного времени и с указами правительства о привлечении к уголовной ответственности дезертиров и прогульщиков. Многие считали, что законы потеряли свою силу. Был случай, когда один молодой рабочий, услышав по радио, что германские войска разгромлены и война с Германией кончилась, рано утром ушёл домой 9-го, считая, что все мобилизованные имеют право уходить с производства без разрешения» [18. Ф. 273. Оп. 2. Д. 24. Л. 14]. Вместе с тем, документы свидетельствуют, что и сами руководители партийных, советских и комсомольских организаций не применяли этот метод в чистом виде и, вероятно по причине скидки на возрастные особенности молодых рабочих, использовали его избирательно, во всяком случае, перемежая с мерами морально-психологического воздействия (как минимум, в форме воспитательных бесед). Документы свидетельствуют и о том, что сокращение показателей нарушений трудовой дисциплины, как правило, происходило также вследствие применения морально-психологических методов воздействия.

Относительно оценки действенности материальных методов и стимулов работы с молодёжью позволим себе опереться на мнение, бы-

тующее в современной отечественной историографии, согласно которому во время войны денежные формы утратили значение в пользу нормированного снабжения, а оно, в свою очередь, также было недостаточным эффективным в условиях дефицита жизненно важных ресурсов.

Исходя из этого, в годы войны партийными и комсомольскими организациями, руководством предприятий оборонной промышленности Удмуртской АССР наиболее активно использовались морально-психологические методы и стимулы в работе с рабочей молодёжью с целью активизации её трудовой активности и приобщения к трудовой дисциплине. Соцсоревнование привело к широкому распространению информационно-пропагандистских форм стимулирования производственной деятельности молодых рабочих. Позитивные моральные стимулы использовались также теми кадровыми рабочими, которые искренне хотели привить молодёжи технические навыки и привычку к трудовой дисциплине. Большое значение приобрела их отеческая забота о профессиональном обучении и воспитании молодого поколения. В некоторых случаях роль общественного «воспитателя» мог играть коллектив сверстников, пресекавший попытки нарушения дисциплинарных норм со стороны отдельных молодых людей. В целом различные морально-психологические формы стимулирования труда были наиболее эффективны, поскольку они оказывали влияние на внутренние морально-нравственные установки молодёжи.

Таким образом, в годы войны поддержание трудовой активности и дисциплины в среде рабочей молодёжи оборонной промышленности Удмуртской АССР осуществлялось преимущественно за счёт форм внеэкономического стимулирования. В частности, наибольшую роль в интенсификации производственной деятельности играли агитационно-пропагандистская и воспитательная работа партийных и комсомольских организаций, а также отдельных кадровых рабочих.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биография юности: документы и материалы по истории Удмуртской областной организации ВЛКСМ (1918–1978 гг.). Ижевск, 1978.
2. Из истории Удмуртской областной комсомольской организации. 1918–1991 гг. (К 100-летию ВЛКСМ). Ижевск, 2018. 496 с.
3. *Бехтерева Л. Н., Уваров С. Н.* Проблемы обеспечения оборонной промышленности Удмуртии рабочей силой в годы Великой Отечественной войны // Патриотизм — духовный потенциал Великой Победы: материалы респ. науч.-практ. конф., посвящ. 70-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Ижевск, 29–30 апр. 2015 г.): сб. ст. Ижевск, 2015. С. 7–14.

4. Будников Ю. И. Повседневность молодых рабочих Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 32 (291). С. 14–16.
5. Комсомол Удмуртии за XXX лет (1918–1948). Ижевск, 1948.
6. Мошкин Н. А. За свободу и независимость Родины. Комсомольцы и молодёжь Удмуртии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ижевск, 1963.
7. Мошкин Н. А. Комсомольцы и молодёжь в годы Великой Отечественной войны (материал в помощь лектору). К 25-летию победы над фашистской Германией. Ижевск, 1970.
8. Мошкин Н. А. Патриотизм трудящихся Удмуртии в годы Великой Отечественной войны. Ижевск, 1956.
9. Парамонов В. Н. Социальное положение рабочей молодёжи на предприятиях РСФСР в 1941–1945 годах // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 4 (34). С. 150–162.
10. Репников Д. В. Молодые рабочие предприятий оборонной промышленности Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны: проблемы адаптации на производстве // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2021. Т. 31, вып. 1. С. 79–91.
11. Родионов Н. А. Удмуртская Республика: путь к победе 1945 года: монография. Ижевск, 2015.
12. Романов Р. Е. Стимулирование труда рабочей молодёжи оборонных предприятий Сибири в годы войны (1941–1945) // Исторический ежегодник: сб. науч. тр. Новосибирск, 2012. С. 184–198.
13. Суханов А. И. Подготовка и повышение квалификации рабочих кадров // В годы суровых испытаний: о ратном и трудовом подвиге сынов и дочерей Удмуртии: сб. ст. Устинов, 1986.
14. Удмуртия в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ижевск, 1996.
15. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР). Ф. 16. Удмуртский республиканский комитет КП РСФСР.
16. ЦДНИ УР. Ф. 155. Партийный комитет производственного объединения «Ижмаш» им. Д. Ф. Устинова.
17. ЦДНИ УР. Ф. 228. Уполномоченный Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Удмуртской АССР.
18. ЦДНИ УР. Ф. 273. Партийный комитет производственного объединения «Ижсталь» им. 50-летия СССР.
19. ЦДНИ УР. Ф. 300. Уполномоченный Государственного Комитета Оборона по Удмуртской АССР.
20. ЦДНИ УР. Ф. 1293. Комитет ВЛКСМ производственного объединения «Ижмаш» им. Д. Ф. Устинова.
21. Юминов Ю. Г. Юность Удмуртии: очерки истории комсомола республики. Ижевск, 1964.

УДК 94(470.54)“1946”

М. А. Клинова

г. Екатеринбург (Россия)

Институт истории и археологии УрО РАН

МОБИЛИЗАЦИЯ МОЛОДЁЖИ В ШКОЛЫ ФЗО И РЕМЕСЛЕННЫЕ УЧИЛИЩА: ТЕКСТОВАЯ И ВИЗУАЛЬНАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ НА СТРАНИЦАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ 1946 ГОДА¹

В статье предпринят анализ опубликованных на страницах прессы в 1946 г. текстовых и визуальных сюжетов, посвященных тематике призыва и обучения молодёжи в учебных заведениях системы трудовых резервов (школы ФЗО, ремесленные училища). В качестве источника использовались материалы региональных газет «Уральский рабочий» (г. Свердловск), «Под знаменем Ленина» (г. Первоуральск, Свердловской области). Анализ печатных материалов позволил сделать вывод, что тексты и фотографии, как правило, публиковались на страницах газет в периоды проведения призывных кампаний. Посредством обращения к тематике трудовых заслуг и наград выпускников, их материальных доходов, практик проведения учащимися досуга и пр. газеты призваны были формировать положительный имидж образовательных учреждений системы трудовых резервов.

Ключевые слова: учебные заведения, система трудовых резервов, пресса, послевоенный период, визуальные источники.

В контексте организации послевоенного «трудового подъема» печатные СМИ выполняли важную мобилизационную задачу, призывая граждан к труду: «Юноши и девушки... не бойтесь трудностей, работайте, учитесь, благоустраивайте города и поселки. Только труд создает зажиточную и культурную жизнь» [5, с. 2], а также публикуя информацию о проведении кампаний трудовой мобилизации, социалистические обязательства предприятий и пр.

Немаловажную роль в трудовой мобилизации молодежи играла региональная пресса. В данной работе предпринят анализ опубликованных на страницах прессы в 1946 г. текстовых и визуальных сюжетов, посвященных тематике призыва и обучения молодёжи в учебных заведениях системы трудовых резервов (школы ФЗО и РУ). В качестве источника в исследовании использовались материалы региональных газет

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-09-00216А «Визуальные стандарты образа жизни советского городского населения после мировых войн: компаративный анализ» (рук. — А. В. Трофимов).

«Уральский рабочий» (Орган Свердловского областного и городского комитетов ВКП(б), Свердловского областного и городского Советов депутатов трудящихся; г. Свердловск); «Под знаменем Ленина» (орган Первоуральского горкома ВКП(б)–КПСС и Горсовета депутатов трудящихся; г. Первоуральск Свердловской области).

В газетах помещались объявления о проводимых призывах молодежи в школы ФЗО и РУ. Данная информация могла публиковаться в форме коротких объявлений на последней странице газеты, сообщающих о сроках проводимого набора, требованиях к учащимся, сроках обучения, специальностях и пр. [14, с. 4]. В газетах также могли публиковаться объемные статьи, где указывались результаты предшествующих призывных кампаний, планируемое количество призывников: «Трудовые резервы Свердловской области за шесть лет своего существования подготовили и передали промышленности, строительству и транспорту 131700 молодых рабочих самых различных специальностей» [16, с. 3]. «В нашем городе есть четыре школы ФЗО и три ремесленных училища... в этом году в них будет призвано 1275 человек, из которых 260 юношей и девушек из Первоуральска» [10, с. 1]. В центральных изданиях публиковались статистические сводки, отражающие активность абитуриентов в масштабах страны: «Среди молодежи наблюдается большая тяга к учебе. В Курской области поступило уже более двух тысяч заявлений от добровольцев, желающих получить образование в школах ФЗО. В Воронежской области в комиссию подана 1 тысяча заявлений, в Краснодарском крае — 1060» [11, с. 3]. Важно отметить, что в региональной прессе, указывалось не только на достижения и успехи, но и на недостатки проводимого призыва. Так, например, в газете «Уральский рабочий» отмечалось: «Начавшийся в городах и районах нашей области призыв в школы ФЗО и ремесленные училища развёртывается очень медленно. В Ирбите из 16 человек призван лишь один учащийся. В Серове из 50 человек призвано только десять» [2, с. 1].

Отдельного внимания заслуживает освещение на страницах прессы дней, когда начиналось проведение призывов молодежи в школы ФЗО и РУ. Так, например, в газете «Уральский рабочий» приводится следующий сюжет: «Ровно в 10 часов утра распахнулись двери призывной комиссии Молотовского района гор. Свердловска. На крыльце терпеливо ожидали трое подростков. Ребят пригласили войти. В большой светлой комнате на столиках разложена литература, альбомы и рукописные журналы ремесленного училища № 3. ...Пока комиссия занимается с одним, остальные ребята с любопытством рассматривают снимки, читают заметки, стихи, знакомятся с той жизнью, в которую они собираются вступить» [6, с. 1]. Публикация означенных пропагандистских сюжетов,

была призвана в максимально положительном свете презентовать учебные заведения системы трудовых резервов.

Положительный имидж данных учебных заведений призваны были усилить эпизоды «преодоления» молодыми людьми различных препятствий и сложностей, стоящих на пути их поступления в РУ. Например, в одном из выпусков «Уральского рабочего» был помещен следующий сюжет: «К столу подходит Юра Крылов. Ему 15 лет. Для школы ФЗО он молод, для ремесленного училища не подходит, так как кончил всего два класса. — Возьмите меня, я буду очень хорошо учиться, — упрасивает Юра председателя комиссии... Но условия приема жесткие, и ему придется отказать. Две подружки Аня Тарасова и Нина Брынских явились без документов. Получив разъяснения, они быстро убегают и через полчаса снова появляются у стола комиссии. Счастливые, они получают путевки в ремесленное училище № 21. Коля Габеев не получил повестки. Но он хочет стать электриком и через райком комсомола подал заявление о приеме. Сегодня просьба мальчика удовлетворена» [6, с. 1].

В газетных публикациях подчеркивалась важность трудовой мобилизации для развития страны, описывались награды, премии, полученные выпускниками ФЗО и РУ, трудовые успехи, достигнутые ими: «Многие получили ордена и медали советского правительства, многие получили почетные звания лучшего рабочего города» [10, с. 1]. Неотъемлемой частью статей данной тематики являлось обозначение преимуществ обучения в учебных заведениях системы трудовых резервов: «Каждый юноша и девушка должны знать, что государство принимает на себя заботу о них бесплатно, обучает, кормит, одевает учащихся, иностранцам предоставляет общежития» [10, с. 1].

На позитивную презентацию учебных заведений системы трудовых резервов были направлены статьи, посвященные досугу учащихся, описанию бытовых условий, практик проведения занятий: «Училище имеет прекрасное оборудованное общежитие, замечательный клуб и хорошую самодеятельность» [1, с. 2].

В ряде случаев на страницах газет публиковались заметки, авторами которых были сами учащиеся (выпускники) школ ФЗО и РУ. Характерно, что в текстах этих заметок преимущественное внимание уделяется не только самому процессу обучения, но и отдыху учащихся: «Я... поступала в ремесленное училище № 6 и была зачислена в группу токарей № 3. Первый год учебы закончила хорошо. Весело провожу и свободное время. Многие учащиеся побывали в домах отдыха и санаториях. Мне тоже дали путевку в Крым — в Евпаторийский санаторий, где я подлечу свое здоровье я снова примусь за учебу» [3, с. 2].

Также рассматривается тема доходов и заработной платы, на которую может рассчитывать выпускник учебного заведения: «В 1943 году я поступила в ремесленное училище № 6. Мне понравилось токарное дело, и я была зачислена в группу токарей. На протяжении всего учебного периода я имела отличную успеваемость... Все знания, полученные мною в училище, я применяю на практике и добилась выполнения производственной программы на 150,6 процента. Средний мой заработок 900 рублей» [17, с. 2].

В ряде случаев информация о призыве молодежи в школы ФЗО и РУ сопровождалась визуальными сюжетами — фотографиями. Нами был предпринят анализ визуальных сюжетов, посвященных проблематике призыва молодежи в школы ФЗО и РУ, практик обучения в данных заведениях и пр., опубликованных на страницах газеты «Уральский рабочий» в 1946 г. Для обработки источника применялась фронтальная выборка.

Означенные визуальные сюжеты можно разделить на несколько групп (табл. 1).

К первой группе можно отнести фотоизображения, где запечатлена работа приемных комиссий. С фотографий на читателя смотрят улыбающиеся члены комиссии, а на переднем плане — счастливый учащийся, принятый в РУ [9, с. 4]. В подписи к фотографии указывалась фамилия учащегося и специальность, которую он выбрал. Данная группа сюжетов не отличалась количественной выраженностью.

Таблица 1

Распределение визуальных сюжетов, касающихся тематики обучения в школах ФЗО и РУ (по материалам газеты «Уральский рабочий», 1946 г.)

Работа приемных комиссий		Выпускники ФЗО и РУ				Ученики на уроках, занятиях, выступлениях кружков
Кол-во сюжетов	Кол-во чел. на фото	Кол-во сюжетов	Коллект. фото	Индив. фото		Кол-во сюжетов
				Муж.	Жен.	
1	5	4	1	2	1	3

Ко второй группе можно отнести индивидуальные и коллективные фотопортреты, опубликованные на страницах прессы, на которых изображены трудящиеся, успешно выполняющие и перевыполняющие нормы, трудовые обязательства. В информации под фотографиями ука-

зывалось, что герой фотосюжета — выпускник школы ФЗО или РУ [7, с. 1; 8, с. 1]. В качестве примера можно привести один из сюжетов: «Два месяца назад Володя Чикирев был учеником ремесленного училища № 1. Сейчас он работает на Уралмашзаводе токарем, выполняет нормы на 120 проц.» [13 с. 3]. Данная группа характеризуется большей количественной выраженностью. Как правило, в ней превалировали индивидуальные, а не коллективные изображения. В контексте половой дифференциации несколько более количественно выраженными были изображения мужчин.

Третью группу фотосюжетов, опубликованных на страницах газет, составляют коллективные портреты учащихся ФЗО и РУ. Как правило, это 4–6 чел., запечатлённых в процессе урока (мастер проверяет работу у учеников), или изучающих приборы (теодолит) и пр. [4, с. 3; 12, с. 3; 15, с. 3]. Количественно данная группа включает три фотографии. Означенные сюжеты, а точнее, вдохновленные и заинтересованные лица учащихся, призваны были подчеркнуть положительные стороны обучения в школах ФЗО и РУ.

Анализ материалов газеты «Уральский рабочий» за 1946–1950 гг. позволил прийти к выводу, что фотографии, как правило, публиковались на страницах издания в периоды проведения призывных кампаний. В частности, в ходе осеннего призыва (15 ноября — 15 декабря 1946 г.) на страницах издания было опубликовано 5 фотографий, касающихся данной темы. В то же время, в периоды, не связанные с призывными кампаниями, такие фотосюжеты фактически отсутствовали на страницах издания.

Таким образом, проведение призывов молодежи в учебные заведения системы трудовых резервов (ФЗО и РУ) в 1946 г. сопровождалось масштабными пропагандистскими кампаниями, отраженными в региональном медиа-дискурсе. Создание положительного имиджа учебных заведений достигалось путем обращения к тематике трудовых заслуг выпускников, их материальных доходов, практик проведения учащимися досуга и пр. Публикуемые на страницах региональной прессы фотографии учащихся и выпускников ФЗО и РУ были призваны визуализировать сюжеты «правильного выбора» и «лучшего будущего молодежи» реконструируемые в газетных заметках и статьях, посвященных образовательным учреждениям системы трудовых резервов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горнштейн И. Ремесленное училище № 6 // Под знаменем Ленина. 1946. 9 авг.

2. Дадим полноценное пополнение промышленности // Уральский рабочий. 1946. 19 нояб.
3. *Иванова А.* Моя учеба и отдых // Под знаменем Ленина. 1946. 9 авг.
4. Комсомольцы, отличники учебы... // Уральский рабочий. 1946. 15 нояб.
5. *Новиков В.* Молодым Сахалинцам // Молодая гвардия. 1947. 14 июня.
6. Первый день призыва в школы и училища трудовых резервов // Уральский рабочий. 1946. 11 июля.
7. Передовики сталинской пятилетки // Уральский рабочий. 1946. 17 нояб.
8. Передовики сталинской пятилетки // Уральский рабочий. 1946. 19 нояб.
9. *Плотников В.* Призывные комиссии... // Уральский рабочий. 1946. 17 нояб.
10. Призыв в школы ФЗО и ремесленные училища // Под знаменем Ленина. 1946. 11 июля.
11. Призыв молодежи в школы ФЗО // Труд. 1947. 1 марта.
12. Призывной комиссией ... // Уральский рабочий. 1946. 19 нояб.
13. *Рыбаков Ф.* Два месяца назад... // Уральский рабочий. 1946. 3 дек.
14. Свердловское областное управление трудовых резервов... // Уральский рабочий. 1946. 16 нояб.
15. Свердловское художественное ремесленное училище... // Уральский рабочий. 1946. 3 янв.
16. *Туканов В.* Наши трудовые резервы // Уральский рабочий. 1946. 15 нояб.
17. *Фелинкова В.* Люблю свое дело // Под знаменем Ленина. 1946. 9 авг.

УДК 930.253(571.12)

М. А. Орлов

г. Кемерово (Россия)

Государственный архив Кузбасса

**ДОКУМЕНТЫ О ЛАГЕРЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ
№ 93 НКВД-МВД СССР В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Статья посвящена документам о лагере № 93 Управления (с 1945 г. — Главного управления) по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (лагерь действовал в 1942–1948 гг., его центр находился в Тюмени). Одна из групп рассматриваемых материалов представлена документами промышленных предприятий (Тюменского аккумуляторного завода, деревообделочного комбината «Красный Октябрь», фанерного комбината № 15), находящимися на хранении в Государственном архиве Тюменской области. Другую группу составляют документы органов ВКП(б) (Тюменских обкома и горкома партии, а также первичных парторганизаций указанных комбинатов — фанерного и деревообделочного), хранящиеся в Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области. Автор раскрывает видовой состав и содержание изученной документации, останавливается на вопросах, связанных с особенностями некоторых дел и документов. Значительная часть характеризуемых документов ранее не использовалась при изучении истории лагеря.

Ключевые слова: Тюменская область, Государственный архив Тюменской области, Государственный архив социально-политической истории Тюменской области, военнопленные, лагерь военнопленных и интернированных № 93, архивные документы.

В 1942–1948 гг. на территории Тюменской области действовал лагерь военнопленных и интернированных № 93, подчинявшийся Управлению (с января 1945 г. — Главному управлению) по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. Часть документов, содержащих сведения о лагере, хранится в Государственном архиве Тюменской области (ГАТО) и Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО).

Е. В. Боркова, Н. М. Маркдорф и В. Я. Темплинг при освещении истории лагеря № 93 уже ссылались на ряд документов, хранящихся в ГАСПИТО [1; 4; 5], однако материалы данного архива, использованные этими авторами, так и не получили подробной источниковедческой характеристики. Те документы по истории лагеря № 93, которые хранятся в ГАТО, и вовсе не были введены в научный оборот. Данная статья представляет собой попытку обзора документации фондов ГАСПИТО и ГАТО

по истории указанного лагеря, как уже известной исследователям, так и не использованной ранее.

В ГАТО сведения о лагере № 93 выявлены в фондах трех промышленных предприятий, получавших от лагеря рабочую силу (в 1940-е гг. данные предприятия носили следующие названия: Тюменский аккумуляторный завод, деревообделочный комбинат «Красный Октябрь», фанерный комбинат № 15).

Значительную часть выявленной документации промышленных предприятий составляют их годовые финансовые отчеты. Каждый подобный отчет представлял собой совокупность различных отчетных бухгалтерских форм, к числу которых, наряду с годовым балансом, относились расшифровки той или иной строки данного баланса.

Сведения о лагере № 93, имеющиеся в годовых финансовых отчетах промышленных предприятий, носят фрагментарный характер. Тем не менее, данные документы позволяют получить информацию по некоторым частным вопросам, касающимся преимущественно взаимодействия лагеря с предприятиями (подобные вопросы связаны с размером задолженности одной стороны перед другой, объемом расходов предприятия на заработную плату лагерного контингента и отопление объектов лагеря, количеством дров, выделенных лагерю предприятием). В одной из отчетных форм указана стоимость введенной в эксплуатацию бани для военнопленных [З. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 107. Л. 79 об.; Д. 115. Л. 31об, 77; Д. 119. Л. 35, 100об; Д. 122. Л. 105; Ф. Р-685. Оп. 2. Д. 23. Л. 61; Д. 25. Л. 18, 22, 87; Д. 28. Л. 11, 120, 123; Д. 33. Л. 7, 15, 28; Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 30. Л. 15; Д. 37. Л. 15; Д. 37а. Л. 13; Д. 45. Л. 58; Д. 50. Л. 50].

Кроме годовых финансовых отчетов (они имеют табличную форму и содержат преимущественно количественные показатели) сведения о лагере № 93 имеются и в тех отчетных документах, где преобладают не таблицы, а сплошной текст. Подобными документами являются объяснительные (в одном из случаев — пояснительная) записки к годовым финансовым отчетам и конъюнктурные обзоры деятельности предприятий. В данной документации затрагиваются следующие вопросы, связанные с лагерем № 93:

— объем расходов фанерокомбината № 15 на постройку овощехранилища в зоне лагеря [З. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 108. Л. 17];

— строительство бани для контингента лагеря [З. Ф. Р-685. Оп. 2. Д. 25. Л. 72];

— порядок расчета заработной платы лагерного контингента, занятого на промышленных предприятиях [З. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 120. Л. 35; Ф. Р-685. Оп. 2. Д. 25. Л. 77об];

— численность рабочей силы лагеря, использовавшейся деревообделочным комбинатом «Красный Октябрь» на определенной группе работ, производительность труда лагерного контингента на данном предприятии [З. Ф. Р-685. Оп. 2. Д. 23. Л. 71; Д. 36. Л. 55];

— замена женского труда на основном производстве Тюменского аккумуляторного завода трудом контингента лагеря [З. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 45. Л. 78].

В дела, содержащие годовую финансовую отчетность организаций промышленности, могли включаться и другие материалы, например, документация партийно-хозяйственного актива предприятий, в которой тоже подводились итоги отчетного периода. Так, в одно из дел деревообделочного комбината «Красный Октябрь» вместе с отчетом предприятия за 1944 г. включен протокол состоявшегося в феврале 1945 г. собрания партийно-хозяйственного актива комбината (в протоколе отражены слова одного из участников собрания о хорошей работе военнопленных на бирже сырья). Другой отчет о работе данного комбината (за 1945 г.) помещен в дело вместе с протоколом состоявшейся на предприятии 3 февраля 1946 г. партийно-хозяйственной конференции. Из протокола следует, что на конференции о контингенте лагеря № 93 говорили исполняющий обязанности управляющего комбинатом и начальники двух цехов; речь шла об уровне трудоспособности военнопленных и ведении документации при использовании их труда. В фонде еще одного предприятия — Тюменского аккумуляторного завода — в одном деле с отчетом о работе завода за 1946 г. содержится решение партийно-хозяйственного актива предприятия по отчетному докладу директора завода (решение было принято в январе 1947 г.). В решении, в частности, констатируется, что в отчетном году основную часть женщин, занятых на вредном производстве, заменили военнопленными [З. Ф. Р-685. Оп. 2. Д. 25. Л. 5; Д. 28. Л. 90, 93; Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 45. Л. 94].

Еще одним из документов, хранящихся в Государственном архиве Тюменской области и содержащих сведения об использовании рабочей силы лагеря № 93, является приказ по фанерному комбинату № 15, изданный 23 октября 1943 г. Приказ предписывает главному инженеру предприятия выделить бригаду из 15 военнопленных для проведения генеральной уборки территории комбината [З. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 94. Л. 42].

Кроме того, среди документов данного комбината обнаружен список работников лагеря № 93, которым в праздничные дни первой половины ноября 1944 г. по роду службы требовался вход на территорию предприятия. В список включены 36 человек. В документе приведены их фамилии, имена, отчества, должности. Указаны даты дежурства пере-

численных работников — 7 и (или) 8 ноября, а у одного из сотрудников также 6 ноября. Документ подписан начальником управления лагеря № 93 Гусаковым [З. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 106. Л. 14].

В ГАСПИТО материалы по истории лагеря № 93 выявлены в протокольной документации (преимущественно протоколах заседаний бюро) нескольких органов ВКП(б): Тюменских обкома и горкома партии, первичных парторганизаций фанерного комбината № 15 и деревообделочного комбината «Красный Октябрь».

Часть вопросов, рассмотрение которых отражено в протоколах заседаний бюро органов партии, имеет непосредственное отношение к функционированию парторганизации лагеря: созданию самой парторганизации и партийных групп в ее составе, утверждению избрания секретаря бюро парторганизации, учету членов и кандидатов в члены ВКП(б) [З. Ф. 7. Оп. 1. Д. 619. Л. 134, 187об, 214; Д. 648. Л. 238].

Включены в протоколы бюро и те вопросы, которые касаются не внутрипартийной работы, а иных аспектов жизни лагеря, например, его подготовки к приему контингента, установки в лагере радиоприемника, утверждения кандидатуры на должность зам. начальника управления лагеря по политчасти [З. Ф. 7. Оп. 1. Д. 619. Л. 216об; Д. 620. Л. 84; Д. 648. Л. 355].

В протоколах заседаний бюро первичной парторганизации фанерного комбината № 15 от 28 августа и 11 октября 1943 г. подробное освещение получило использование комбинатом труда контингента лагеря № 93. Более краткие упоминания рабочей силы лагеря обнаружены еще в двух протоколах заседаний бюро данной парторганизации [З. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 13. Л. 32–34, 36об, 37об, 38, 41].

Фрагментарные сведения о подготовке к прибытию контингента лагеря № 93 на отдельные предприятия имеются в некоторых протоколах заседаний бюро Тюменского горкома ВКП(б). Так, в протоколе от 16 марта 1943 г. отмечалась необходимость привести в должное состояние барак для военнопленных, которые будут работать на торфопредприятии «Боровое», а в протоколах от 6 апреля и 15 июня 1943 г. содержится информация о подготовке жилья для тех пленных, которые должны были прибыть на строившийся кирпичный завод [З. Ф. 7. Оп. 1. Д. 619. Л. 12, 110, 135об].

6 октября 1944 г. на заседании бюро Тюменского горкома партии слушался вопрос, связанный с обеспечением учреждений социальной и бытовой сферы города топливом на время отопительного сезона 1944–1945 гг. В приложении к протоколу заседания бюро перечисляются организации, получившие задание по заготовке и вывозу дров, и к числу

указанных организаций относится лагерь № 93 [2. Ф. 7. Оп. 1. Д. 648. Л. 119].

В протоколе заседания бюро этого же горкома ВКП(б) от 23 мая 1944 г. нашли отражение планы по проведению в Тюмени мероприятий IV Всесоюзного комсомольско-профсоюзного летнего кросса. К протоколу прилагается задание по участию в данном кроссе различных организаций города, в том числе и лагеря № 93 [2. Ф. 7. Оп. 1. Д. 648. Л. 258об].

18 декабря 1946 г. на заседании бюро Тюменского горкома ВКП(б) рассматривался вопрос об утверждении заведующих агитпунктами избирательных участков. Согласно протоколу заседания бюро, одним из агитпунктов стал заведовать работник лагеря № 93 Д. И. Лось (наряду с местом работы в документе указаны национальность и уровень образования Д. И. Лося, годы его рождения и принятия в члены партии) [2. Ф. 7. Оп. 1. Д. 717. Л. 498об].

В протоколах заседаний бюро партийных органов отражено также слушание вопросов о приеме ряда сотрудников лагеря № 93 (Г. П. Горшкова, Н. В. Космина, М. И. Кутузова, И. А. Луцкого, Л. П. Савенко, В. Н. Суворова, К. К. Финевича) в члены или кандидаты в члены ВКП(б). Соответствующие пункты протоколов не просто констатируют прием в члены или кандидаты в члены партии перечисленных лиц, но и содержат анкетные данные о каждом из них [2. Ф. 7. Оп. 1. Д. 648. Л. 261об–262об, 384об, 385, 399об, 400, 417, 417об].

Часто на заседаниях бюро рассматривались персональные дела членов и кандидатов в члены партии. В протоколах заседаний бюро Тюменских обкома и горкома ВКП(б) выявлены материалы, касающиеся персональных дел пяти работников лагеря № 93: Р. Абишева, Л. П. Савенко, И. Сальманова, Н. В. Серкова, Н. А. Стекленева. Постановления, принятые по персональным делам указанных лиц, предполагали либо исключение фигуранта дела из партии (за то или иное уголовное преступление), либо снятие партийного взыскания, наложенного ранее на фигуранта дела [2. Ф. 7. Оп. 1. Д. 648. Л. 206–207; Д. 717. Л. 16об, 17, 171, 171об, 448об, 449; Ф. 124. Оп. 1. Д. 8. Л. 213].

В протоколах собрания первичной партийной организации деревообделочного комбината «Красный Октябрь» и заседания бюро данной парторганизации обнаружена информация о лагере № 93, попавшая в эти документы в связи с рассмотрением персонального дела К. А. Киришевой, даже не работавшей в указанном лагере. К. А. Киришева (член ВКП(б) и работник комбината) обвинялась в том, что поддерживала связь с военнопленным, а потому указанные протоколы позволяют получить некоторые сведения о режиме содержания контингента лагеря

№ 93 и взаимоотношениях данного контингента с местным населением [2. Ф. 1439. Оп. 2. Д. 15. Л. 83–85об; Д. 16. Л. 65, 66].

Материалы фондов промышленных предприятий и органов партии, хранящиеся в Государственном архиве Тюменской области и Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области, позволяют расширить базу источников по истории лагеря № 93, в сочетании с другими источниками более полно и точно осветить ряд аспектов истории данного лагеря.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боркова Е. В.* Лагерь военнопленных № 93 в г. Тюмени (1943–1948 гг.) // Диалог культур и цивилизаций: тез. V Всерос. конф. молодых историков. Тюбольск, 2004. С. 86–88.
2. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО).
3. Государственный архив Тюменской области (ГАТО).
4. *Маркдорф Н. М.* Иностранцы военнопленные и интернированные в Западной Сибири: 1943–1956 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012. 589 с.
5. *Темплинг В. Я.* Военнопленные второй мировой войны в Тюмени // Ежегодник Тюменского обл. краевед. музея. 1999. Тюмень, 2000. С. 102–111.

УДК 94(470.51)

Д. В. Перевощиков

г. Ижевск (Россия)

Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН

ИЗ НЕБЫТИЯ К ЖИЗНИ: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ СУДЕБ ВОИНОВ ИЗ УДМУРТИИ (1941–1945)

В статье рассматривается вопрос о военнослужащих, призванных в Красную Армию из Удмуртской АССР, числившихся погибшими или в списках пропавших без вести, но оставшихся в живых. Исследование проведено на основе архивных документов, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Указанный вопрос недостаточно исследован. В работе предпринята попытка обобщить и проанализировать известные и вновь выявленные факты по данной научной проблеме. Приводятся наиболее значительные события из биографий таких солдат и офицеров из Удмуртии, побывавших в немецком плену. Изучение вопроса с применением доступных для исследователя материалов позволяет вскрыть некоторые причины отдельных недочетов в документальном фиксировании данных о судьбах тех советских военнослужащих, которые возвращались домой, несмотря на информацию об их гибели.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военнопленные, пропавшие без вести, репатриация, Удмуртия.

Непредвиденными поворотами отличаются фронтовые судьбы некоторых бывших советских военнопленных, находившихся в фашистских концлагерях в годы Великой Отечественной войны. В одних документах была зафиксирована их гибель или упоминалось о том, что они пропали без вести. В других, более поздних материалах об этих же людях, говорилось как о живых и вернувшихся домой. Такими особенностями характеризуется и жизненный путь определенного количества бывших военнопленных, которые в годы войны были призваны на передовую с территории Удмуртской АССР.

Указанный вопрос практически не был отражен в научных публикациях, несмотря на то, что некоторые исследователи затрагивали тему о военнослужащих, призванных на передовую из республики и затем попавших во вражеский плен [5–7].

Пройдя через фашистские концлагеря, некоторые воины, ушедшие в Красную Армию из Удмуртии, смогли выжить и вернуться на родину. Среди них были подполковник В. А. Меркушев, капитаны Е. М. Кунгурцев и Н. Я. Зотов, политрук Н. А. Хохряков, воентехник 2-го ранга П. А. Шайнов, старший лейтенант А. П. Швецов, лейтенанты И. В. Клевцов

и А. А. Шастин, младший лейтенант Г. Х. Петров, солдаты М. И. Баженов, В. К. Корепанов, А. И. Микшаров, А. И. Швецов, Ф. С. Рубцов.

Василий Афанасьевич Меркушев родился в 1910 г. в д. Кучей, на территории современного Сямсинского района Удмуртии. С 1931 г. служил в Красной Армии. Был призван городским военкоматом Ижевска. На фронтах Великой Отечественной войны находился с первых ее дней. Являясь командиром 270-го истребительного авиационного полка, майор Меркушев к августу 1943 г. совершил 264 боевых вылета, сбил 12 самолетов противника. 2 сентября 1943 г. летчику присвоили звание Героя Советского Союза [2, с. 75]. Летом следующего года пилот пропал без вести. В Приказе Главного управления кадров Наркомата обороны СССР от 20 июля 1944 г. говорилось: «Гвардии подполковник Меркушев Василий Афанасьевич — командир 152 гвардейского истребительного авиационного полка 12 гвардейской истребительной авиационной Знаменской дивизии не вернулся с боевого задания 4.6.44 г.» [8. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 245. Л. 119]. После этого известия многие сослуживцы считали его погибшим. Позднее выяснилось, что 4 июня 1944 г. самолет Меркушева был сбит немецкими зенитчиками. Пилот попал во вражеский плен и затем отправлен в концлагерь, располагавшийся у г. Вайден в Баварии (Stalag XIII В). В апреле 1945 г. В. А. Меркушев был освобожден и вернулся в Советский Союз по репатриации [8. Ф. 33. Оп. 594259. Д. 76. Л. 40].

Не менее драматичным оказался боевой путь уроженца г. Ижевска, дважды Героя Советского Союза Евгения Максимовича Кунгурцева. Он родился в октябре 1921 г. В 1940 г. поступил в авиационную школу. После начала Великой Отечественной войны был направлен в полк штурмовой авиации на Ленинградский фронт. Командир звена 15-го гвардейского штурмового авиационного полка гвардии лейтенант Кунгурцев к октябрю 1944 г. совершил 176 боевых вылетов, сбил лично 1 и в группе 6 самолетов противника. Звание Героя Советского Союза было присвоено 23 февраля 1945 г. 19 апреля после того, как командир эскадрильи Е. М. Кунгурцев совершил 210 успешных боевых вылетов на штурмовку войск противника он был награжден второй золотой звездой Героя Советского Союза. Но перед получением этой награды летчику пришлось пройти испытание пленом и фашистским концлагерем. 4 марта 1945 г. в Восточной Пруссии, в районе г. Айзенберг при выполнении боевого задания самолет Кунгурцева был сбит и на глазах у однополчан врезался в землю. Поэтому летчика посчитали погибшим. Это было зафиксировано в именном списке безвозвратных потерь офицерского состава частей 277-й штурмовой авиационной дивизии по состоянию на 10 марта 1945 г. [8. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 818. Л. 117]. Извещение о смерти сына послали в Ижевск, матери летчика Александре Михайловне. Но Евгений

Максимович в тот роковой день не погиб. Тяжелораненного офицера гитлеровцы взяли в плен и отправили в концлагерь. Но скоро Кунгурцеву удалось оттуда бежать. Наступавшие советские пехотинцы подобрали обессиленного летчика. После возвращения в свою часть Е. М. Кунгурцев успешно прошел проверку в фильтрационном лагере № 174 НКВД СССР, который находился в г. Подольске [8. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 889. Л. 1]. Факт попадания в плен не отразился негативным образом на дальнейшей судьбе пилота. Известие о том, что ее сын жив, несказанно порадовало Александру Михайловну и всех родственников офицера. После окончания войны Е. М. Кунгурцев служил на должностях командира авиационного полка и дивизии. В 1952 г. окончил Военно-воздушную академию [1, с. 819–820]. Выйдя в отставку, дважды Герой Советского Союза генерал-майор авиации Кунгурцев ежегодно приезжал в родной город и гостил в школе № 22, где учился.

Уроженец Ижевска Николай Яковлевич Зотов во время Великой Отечественной войны получил звание гвардии капитана, служил в штабе 318-й стрелковой дивизии. В декабре 1943 г. оказался в плену. 8 мая 1945 г. был освобожден из фашистского концлагеря и вернулся в родной город.

Николай Андреевич Хохряков родился в 1908 г., на территории современного Дебесского района республики. После призыва в армию в Граховском райвоенкомате находился на должности политрука в 1157-м стрелковом полку 351-й стрелковой дивизии. В мае 1942 г. раненым попал во вражеский плен, но некоторое время числился пропавшим без вести. Однако в Приказе Главного управления кадров Наркомата обороны СССР от 15 ноября 1946 г. говорится о том, что политрук Н. А. Хохряков был репатриирован из немецкого плена, прошел специальную проверку в 12-й запасной стрелковой дивизии и уволен в запас с принятием на учет в Ижевском горвоенкомате [8. Ф. 33. Оп. 563783. Д. 42. Л. 156].

Павел Алексеевич Шайнов появился на свет в 1911 г. В Красную Армию был призван Пастуховским районным военкоматом г. Ижевска в июле 1941 г. Служил воентехником 2-го ранга. В июне 1942 г. был взят гитлеровцами в плен. 19 апреля 1945 г. ему удалось освободиться из концлагеря. Позднее он возвратился в Ижевск [9. Ф. 82. Оп. 1. Д. 61. Л. 3].

Уроженец д. Пычас Александр Пименович Швецов был призван в армию Пастуховским райвоенкоматом г. Ижевска. Воевал на Калининском фронте в 357-й стрелковой дивизии. С 3 августа 1942 г. по 23 апреля 1945 г. старший лейтенант Швецов был в плену. После репатриации служил в 1-й запасной стрелковой дивизии [8. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 674. Л. 10].

Иван Васильевич Клевцов родился в 1923 г. в д. Ласточкино ныне Алнашского района Удмуртской Республики. В рядах Красной Армии с 1940 г. В 1942 г. окончил Балашовскую военно-авиационную школу пилотов. На фронтах войны с ноября того же года. Заместитель командира эскадрильи 131-го гвардейского штурмового авиаполка гвардии лейтенант Клевцов совершил 132 успешных боевых вылета на разведку, фотографирование и нанесение бомбово-штурмовых ударов по скоплениям войск противника, его опорным пунктам. Звание Героя Советского Союза летчику было присвоено 15 мая 1946 г. Но до получения этой высокой награды пилот прошел через серьезное испытание — вражеский плен. В августе 1944 г. в районе румынского г. Яссы после успешного нанесения бомбовых ударов по войскам противника самолет И. В. Клевцова был поврежден, во время жесткой посадки летчик потерял сознание. Очнулся во вражеском плену. Румынские солдаты отвезли пилота в концлагерь, расположенный в г. Бакэу. Затем отправили в г. Текуч. Но в это время в стране в результате восстания был ликвидирован фашистский режим. 24 августа Румыния объявила войну Германии. С этого момента И. В. Клевцов уже не считался военнопленным. Это позволило ему вместе с товарищем прибыть на самолете в распоряжение советских войск [3, с. 87–96].

Не менее неожиданными поворотами отличается судьба Алексея Аверьяновича Шастина. Он родился в 1921 г. в д. Курчум на территории современного Вавожского района Удмуртии. Затем переехал на постоянное место жительства в Ижевск. В 1941 г. мобилизован в армию Азинским районным военкоматом города. Лейтенант Шастин воевал на Украине в партизанском отряде «Мститель» в должности начальника штаба. В Приказе Главного управления кадров Наркомата обороны СССР от 9 августа 1944 г. говорилось о том, что в районе г. Мелитополь Запорожской области он попал в плен и в августе 1943 г. был расстрелян гитлеровцами [8. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 242. Л. 147]. В «Книге памяти» Удмуртской Республики также написано: «Шастин Алексей Аверьянович... Погиб 10 августа 1943 г. в плену» [4, с. 207]. Однако данная информация не подтвердилась. В Приказе Главного управления кадров Советской Армии от 14 декабря 1950 г. относительно этого военнослужащего говорится о том, что необходимо отменить «...Статью 66 приказа ГУК НКО № 02187-44 г. в отношении лейтенанта Шастина Алексея Аверьяновича — начальника штаба партизанского отряда «Мститель», исключенного, как расстрелянного немцами (г. Мелитополь) 10.8.1943 г., который жив, приказом Минского военного округа № 0605 от 31.10.1945 г. уволен в запас и состоит на учете в Вавожском РВК Удмуртской АССР» [8. Ф. 33. Оп. 563787. Д. 9. Л. 101]. Летом 1944 г. А. А. Шастин служил в 208-м пар-

тизанском полку им. И. В. Сталина [8. Ф. 33. Оп. 11459. Д. 151. Л. 115]. Указанное подразделение действовало на территории оккупированной гитлеровцами Белоруссии. После разгрома фашистской Германии офицер вернулся в Удмуртию. В 1985 г. был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Геннадий Харитонович Петров был призван в Красную Армию Увинским районным военкоматом в 1940 г. Был кадровым офицером — имел звание младшего лейтенанта. Попал в плен и, судя по некоторым данным, погиб. Однако выяснилось, что он выжил. После освобождения из плена прошел проверку в фильтрационном лагере, затем был восстановлен в звании и уволен по болезни в отставку.

Похожим образом сложилась судьба Михаила Ивановича Баженова. Он родился в 1913 г. на территории современного Базезинского района. В октябре 1940 г. был призван в армию. Числился погибшим в апреле 1942 г. Затем поступили данные о его смерти в концлагере № 352 (Stalag 352), находившемся в оккупированной гитлеровцами Белоруссии, в районе д. Масюковщина под Минском. Но эта информация не подтвердилась. После войны М. И. Баженов вернулся в Удмуртию.

Вениамин Кириллович Корепанов появился на свет в 1913 г. на территории современного Игринского района республики. На фронт был призван в августе 1941 г. В апреле 1942 г. пропал без вести. Числился погибшим. Однако оказалось, что он попал в плен. В конце войны был освобожден и вернулся в Удмуртию. В апреле 1985 г. награжден орденом Отечественной войны II степени [9. Ф. 82. Оп. 1. Д. 61. Л. 17, 34, 78].

Уроженец г. Малмыж Александр Иванович Микшаров был призван в Красную Армию в июне 1941 г. Пастуховским районным военкоматом г. Ижевска. В войсках находился на должности шофера. В декабре 1941 г. оказался в плену. В октябре 1944 г. был освобожден. Позднее вернулся в Удмуртию [9. Ф. 82. Оп. 1. Д. 61. Л. 3].

Анатолий Иванович Швецов родился в Ижевске в 1923 г. Призван в армию Пастуховским райвоенкоматом. Судя по документам Управления 47-й механизированной бригады, 30 декабря 1942 г. погиб в Смоленской области и был захоронен в районе д. Шайтровщина [8. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1310. Л. 3об]. Но впоследствии выяснилось, что А. И. Швецов попал в плен, откуда был освобожден в апреле 1945 г. 19 декабря того же года он вернулся в Ижевск и был уволен в запас [9. Ф. 82. Оп. 1. Д. 61. Л. 3]. Таким образом, родственники солдата в 1943 г. получили «похоронку», но потом к их радости оказалось, что он жив.

Аналогичный случай произошел с Филиппом Степановичем Рубцовым, который, судя по одному из архивных документов, родился в 1922 г. в Ижевске, но в армию был призван Игринским районным воен-

коматом в 1940 г. В марте 1943 г. в г. Таганроге он попал в плен, однако уже в сентябре был освобожден и вернулся в ряды Красной Армии [8. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1592. Л. 13]. В 271-й стрелковой дивизии служил в должности санинструктора. Был удостоен ордена Красной Звезды. В представлении к награждению медалью «За отвагу» говорилось о том, что 9 декабря 1944 г. в районе села Бжани Ф. С. Рубцов под артиллерийско-минометным огнем противника вынес 5 раненых бойцов [8. Ф. 33. Оп. 717037. Д. 1740. Л. 92]. Несмотря на эти факты, некоторые знакомые считали его погибшим. Даже в 7-м томе «Книги памяти» Удмуртской Республики была опубликована информация о том, что Ф. С. Рубцов «пропал без вести... в немецком плену» [4, с. 269]. Однако он, как говорится «всем смертям назло», выжил и возвратился в родную Удмуртию. В 1985 г. был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Период 1941–1945 гг. оставил глубочайший след в истории нашей страны. Он включает в себя немалое количество разнообразных фактов, которые нередко были сложнейшим образом переплетены и запутаны. Многочисленность призванных граждан в ряды Красной Армии и связанной с этим различной документации, иногда в боевых условиях пропадавшей, коренные изменения в ходе военных действий, когда Советские вооруженные силы переходили от обороны к наступлению, предопределили не только неожиданные повороты в судьбах многих солдат и офицеров, но и недочеты в фиксировании тех или иных фактов, касавшихся боевого пути отдельных военнослужащих. Однако некоторые подобные ошибки были чрезвычайно приятными для родственников таких солдат и офицеров, которые после отчаяния при получении «похоронок» или извещений о пропавшем без вести вдруг узнавали, что их сын, муж или брат остался жив, вернулся домой, мужественно преодолев все военные невзгоды, не пал духом и не сдался перед неудачно складывавшимися обстоятельствами.

В свете вышеизложенных фактов очевидно, что стихотворение К. Симонова «Жди меня, и я вернусь» имеет под собой реальную основу и отражает определенную тенденцию, имевшую место в период Великой Отечественной войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т. 1. М.: Военное издательство, 1987. 911 с.
2. Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т. 2. М.: Военное издательство, 1988. 863 с.
3. *Клевцов И. В.* Записки «трижды воскресшего». Ижевск: Удмуртия, 1989. 160 с.
4. Книга памяти. Т. 7. Ижевск: Удмуртия, 1994. 392 с.

5. *Кулемин И. Г.* Героев наших имена. Ижевск: Удмуртия, 1975. 212 с.
6. *Куликов К. И.* Грани победы: очерки. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 437 с.
7. *Родионов Н. А.* Удмуртская республика. Путь к Победе 1945 года. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2015. 320 с.
8. Центральный архив министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ).
9. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР).

УДК 94(470.51)''1945/1960''

В. П. Мотревич

г. Екатеринбург (Россия)

Уральский гос. юрид. ун-т

ДИНАМИКА ЗЕРНОВОГО ПРОИЗВОДСТВА В УДМУРТИИ В 1945–1960 ГОДАХ

В статье построены динамические ряды валового сбора зерновых в сельском хозяйстве УАССР, проведен анализ пятилетних циклов зернового производства и в целом в сельском хозяйстве республики, и в отдельных категориях хозяйств. При изучении валовых сборов зерновых культур использованы применяемые в статистике сельского хозяйства приемы и методы обработки рядов динамики. Среди них метод средних величин и метод прямого подсчета, позволяющие исследовать не только изменение общего валового сбора зерна, но и влияние на него различных факторов. По результатам анализа рядов динамики зернового производства методом средних величин по пятилетним циклам, сделан вывод о неуклонном, хотя и незначительном, росте валовых сборов в республике на протяжении послевоенных лет. На основании исследования среднегодовых размеров прироста доказано, что рост зернового производства в УАССР был результатом действия интенсивных факторов. Определено, что весь исследуемый период основными производителями зерна в Удмуртии были колхозы. Научная новизна заключается в попытке впервые показать динамику зернового производства в Удмуртии на протяжении послевоенного периода, выявить вклад различных категорий хозяйств в аграрное производство, определить роль республики в продовольственном балансе страны.

Ключевые слова: Удмуртия, послевоенные годы, зерновые культуры, урожайность, валовые сборы, колхозы, совхозы, индивидуальные хозяйства.

Сельское хозяйство — важная часть экономики Удмуртской Республики. По данным за 2015 г. в сельском хозяйстве Удмуртии ведущую роль занимала продукция животноводства. Следствием этого стал тот факт, что в растениеводстве ведущую роль занимают кормовые культуры. В 2015 г. на их долю приходилось 58,7 % посевных площадей республики. Наряду с кормовыми культурами, в растениеводстве значительную роль играли зерновые, в т. ч. ячмень, овес, яровая пшеница и озимая рожь. По сборам зернобобовых культур в 2015 г. Удмуртия заняла 27 место в общероссийском рейтинге регионов-производителей зернобобовых [8].

Значительной была роль сельского хозяйства в Удмуртии и в предшествующие годы. Проблемы развития сельского хозяйства на Урале после окончания Великой Отечественной войны нашли свое от-

ражение в работах уральских историков Н. В. Ахмадиевой, В. Н. Мамяченкова, В. П. Мотревича, Р. Р. Хисамутдиновой, Р. П. Толмачевой [1–3; 8; 10]. При этом основное внимание авторы уделили состоянию отрасли в первые послевоенные годы. В результате, история сельского хозяйства Урала во второй половине 1950-х гг. оказалась изученной значительно слабее. В лучшем случае отдельные сведения о состоянии отрасли опубликованы в статистических сборниках [4; 6]. В равной степени это относится и к изучению состояния зернового хозяйства УАССР в те годы.

Цель статьи — построение и исследование динамического ряда валового сбора зерновых в сельском хозяйстве УАССР, проведение анализа пятилетних циклов зернового производства и в целом по сельскому хозяйству республики, и по отдельным категориям хозяйств. В работе использованы хранящиеся в фондах Российского государственного архива экономики документальные материалы ЦСУ при Совете Министров СССР. В послевоенные годы валовые сборы зерновых культур, находясь в постоянной зависимости от погодных условий, подвергались сильным колебаниям. Поэтому для изучения закономерностей валовых сборов в работе использованы применяемые в статистике сельского хозяйства различные приемы и методы обработки рядов динамики. В частности, метод средних величин, а также метод прямого подсчета, позволяющий исследовать не только изменение общего валового сбора зерна, но и влияние на него различных факторов. В работе также выявлены среднегодовые размеры прироста, исчисляемые как частное от деления разности между размерами валового сбора за последний и первый годы периода на число лет периода. На этой основе впервые сделана попытка показать динамику зернового производства в Удмуртии на протяжении послевоенного периода, выявить вклад различных категорий хозяйств в аграрное производство, определить роль республики в продовольственном балансе страны.

Великая Отечественная война нанесла огромный ущерб зерновому хозяйству Удмуртии. Валовой сбор зерновых культур за годы войны уменьшился с 954,5 тыс. *t* до 565,1 тыс. *t*, т. е. на 40,8 % (табл. 1). После окончания войны в стране началось постепенное восстановление зернового хозяйства. Однако в первом послевоенном году Советский Союз постиг неурожай. Валовой сбор зерновых существенно сократился и составил в 1946 г. 39,6 млн. *t* против 47,3 тыс. *t* в 1945 г. [6, с. 10]. Заметно сократился урожай зерновых культур в Удмуртии. При этом роль удмуртского зерна в продовольственном балансе страны оказалась самой высокой за весь исследуемый период, поскольку неурожай в меньшей степени затронул нечерноземные районы страны. К тому же восстановление сельского хозяйства бывших в оккупации западных районов СССР

еще только началось. В первые послевоенные годы по мере восстановления сельского хозяйства валовые сборы зерновых в стране ежегодно возрастали. Если в 1946 г. в СССР собрали 39,6 млн. *t* зерновых, то в 1947 г. — 65,9 млн. *t*, в 1948 г. — 67,2 млн. *t*, в 1949 г. — 70,2 млн. *t* и в 1950 г. — 81,2 млн. *t* [6, с. 10]. За годы четверной пятилетки посевы зерновых в Удмуртии увеличились и составили в 1950 г. 964,2 тыс. *га*. Тем самым были заметно превышены показатели 1945 г. и почти достигнут довоенный уровень. Однако, несмотря на постепенное восстановление зернового хозяйства, валовые сборы зерновых в отдельные годы существенно различались (табл. 1). Добиться получения высоких и стабильных урожаев зерновых в те годы не только в республике, но и в целом по стране не удалось.

Таблица 1

Валовой сбор зерновых культур в УАССР в 1940, 1945–1960 гг., тыс. *t*

Год	Всего	в т. ч.			% к СССР
		колхозы	госхозы	инд. х-ва	
1940	943,5	922,5	15,7	5,3	1,0
1945	565,1	540,0	19,9	5,2	1,2
1946	457,7	434,8	16,0	6,9	1,2
1947	622,9	590,2	20,0	12,7	0,9
1948	504,8	479,5	18,3	7,0	0,8
1949	527,3	506,2	16,5	4,6	0,7
1950	667,1	641,3	18,0	7,8	0,8
1951	562,8	540,3	17,4	5,1	0,7
1952	551,2	526,6	19,6	5,0	0,6
1953	627,6	604,6	16,8	6,2	0,8
1954	511,0	493,1	14,5	3,4	0,6
1955	648,2	627,4	16,5	4,3	0,6
1956	425,8	412,1	11,5	2,2	0,3
1957	650,8	603,7	35,2	11,9	0,6
1958	552,3	480,0	39,6	32,7	0,4
1959	662,6	609,9	37,4	15,3	0,6
1960	657,1	542,6	112,7	1,8	0,5

Источники: [5. Оп. 324. Д. 5295. Л. 75; Д. 5296. Л. 66; Д. 5297. Л. 97; Д. 5298. Л. 100; Д. 5299. Л. 63; Д. 5300. Л. 77; Д. 5301. Л. 77; Д. 5302. Л. 77; Д. 5303. Л. 76; Д. 5304. Л. 77; Д. 5305. Л. 76; Д. 5520. Л. 77; Д. 5916. Л. 79; Д. 6176. Л. 58; Д. 6449. Л. 58; Д. 6437. Л. 58; Д. 6996. Л. 83].

В начале 1950-х гг. в стране произошло снижение объемов аграрного производства. Аналогичные процессы были характерны и для Удмуртии. В результате в 1951–1952 гг. заготовленных зерновых культур оказалось недостаточно для обеспечения потребностей страны. Одним из путей решения зерновой проблемы в 1950-е гг. стало освоение целинных и залежных земель. На Урале целинные и залежные земли имелись в Башкирии, Курганской и Челябинской областях, наиболее значительный их массив находился в Оренбургской области. В нечерноземных же районах Урала — Пермской, Свердловской областях и Удмуртии, целинных и залежных земель практически не было. В результате, начиная с середины 1950-х гг. в южноуральских областях посевы зерновых начинают быстро расширяться. В нечерноземных же районах края они, наоборот, постепенно сокращаются. В связи с развитием пригородного хозяйства зерновые заменяются посевами картофеля и овощебахчевых культур. Особенно быстро растут посевы кормовых культур, что было вызвано интенсивным развитием животноводства.

В январе 1955 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, принявший решение об увеличении производства продукции животноводства. Достигнуть это планировалось за счет расширения посевов кукурузы как основного источника кормовой базы. И уже весной этого года в Удмуртии посевы кукурузы заняли 78,2 тыс. га, что произошло за счет сокращения посевов овса и ячменя. Однако из-за неблагоприятных погодных условий 60 % посевов кукурузы в республике погибло, а на сохранившейся площади был получен низкий урожай. Тем не менее, на следующий год посевы кукурузы возросли до 86,1 тыс. га [4, с. 44]. Увеличивались посевы кукурузы и в последующие годы.

В послевоенные годы валовые сборы зерновых культур подвергались сильным колебаниям, находясь в постоянной зависимости от погодных условий. Поэтому для изучения закономерностей валовых сборов в статистике сельского хозяйства пользуются различные приемы обработки рядов динамики, в частности, метод средних величин. Данные табл. 2 показывают, что в 1946–1950 гг. среднегодовой сбор зерна в Удмуртии составлял 556,0 тыс. т. В годы пятой пятилетки он был равен 580,2 тыс. т, а в годы шестой пятилетки — 589,7 тыс. т. Таким образом, анализ динамики по пятилетним циклам показывает неуклонный, хотя и незначительный, рост зернового производства на протяжении всего исследуемого периода. В условиях сокращения посевных площадей увеличение валовых сборов зерна происходило за счет роста урожайности. Важным методом анализа динамики аграрного производства является определение среднегодовых размеров прироста. Произведенные по

данным табл. 2 расчеты показывают, что абсолютный среднегодовой прирост сбора зерна за послевоенные годы составлял 13,3 тыс. *т*. Поскольку при этом занятые зерновыми культурами посевные площади сократились, то ростом зернового производства республика была обязана исключительно интенсивным факторам.

Материалы ЦСУ СССР позволяют характеризовать и роль различных категорий хозяйств в зерновом производстве. Из приводимых в таблицах данных следует, что весь исследуемый период основными производителями зерна в Удмуртии были колхозы. В годы четвертой пятилетки их доля в валовой продукции зерновых составляла 95,4 %, а в годы пятой пятилетки даже 96,2 %. Во второй половине 1950-х гг. в связи с массовым преобразованием колхозов в совхозы ситуация несколько изменилась. Так, в 1957 г. в Удмуртии произвели укрупнение пяти совхозов за счет присоединения к ним 34 колхозов [9]. В результате, в годы шестой пятилетки доля колхозов в зерновом производстве снизилась до 89,9 %, но при этом оставалась доминирующей. Роль индивидуальных хозяйств населения в исследуемый период была незначительной и составляла от 0,3 % валового сбора в 1960 г. до 6,8 % в 1958 г. (табл. 1).

Таблица 2

Динамика производства зерна в УАССР по категориям хозяйств (тыс. *т*)

Категории хозяйств	в среднем в год		
	1946–1950	1951–1955	1956–1960
Колхозы	530,4	558,4	529,7
Госхозы	17,8	17,0	47,3
Инд. х-ва	7,8	4,8	12,7
Всего	556,0	580,2	589,7

Источник: [5. Оп. 37. Д. 1364. Л. 81; Оп. 44. Д. 1497. Л. 89; Оп. 324. Д. 5295. Л. 75; Д. 5296. Л. 66; Д. 5297. Л. 97; Д. 5298. Л. 100; Д. 5299. Л. 63; Д. 5300. Л. 77; Д. 5301. Л. 77; Д. 5302. Л. 77; Д. 5303. Л. 76; Д. 5304. Л. 77; Д. 5305. Л. 76; Д. 5520. Л. 77; Д. 5916. Л. 79; Д. 6176. Л. 58; Д. 6449. Л. 58; Д. 6437. Л. 58; Д. 6996. Л. 83; Оп. 337. Д. 1313. Л. 83; Д. 4206. Л. 83; Д. 7789. Л. 84].

Великая Отечественная война оказала крайне негативное влияние на состояние аграрного сектора экономики Удмуртии, в т. ч. ее зернового хозяйства. Начавшееся после окончания войны постепенное восстановление отрасли было осложнено неурожаем 1946 г. Однако, по сравнению с зерновыми районами страны, он в меньшей степени затронул уральское Нечерноземье. В 1950-е гг., в связи с развитием пригородного хозяйства, зерновые культуры в Удмуртии частично заменяются посевами картофеля и овощебахчевых культур. Этим развитие растениеводства в

республике существенно отличалось от соседних южноуральских областей, где посевы зерновых в те годы быстро расширялись. Однако, несмотря на сокращение посевов зерновых, изучение рядов динамики их производства методом средних величин по пятилетним циклам показывает неуклонный, хотя и незначительный, рост валовых сборов в УАССР на протяжении всего послевоенного периода. Анализ среднегодовых размеров прироста свидетельствует, что увеличением зернового производства в послевоенные годы республика обязана интенсивным факторам. Характеристика состава производителей зерна по категориям хозяйств показывает, что в исследуемый период, несмотря на расширение во второй половине 1950-х гг. совхозного сектора, основную часть продукции давали колхозы. Опубликованные в настоящее время материалы о состоянии зернового хозяйства в отдельных республиках и областях свидетельствуют, что в послевоенные годы в Уральском регионе большую часть зерновых культур выращивали на Южном Урале [3; 10]. В нечерноземных районах края в сельском хозяйстве больше внимания уделяли развитию животноводства и расширению пригородного хозяйства. Тем не менее, за 1946–1960-е гг. в Удмуртии вырастили 8629,2 тыс. *t* зерновых культур, что составило в те годы 0,6 % их валового сбора в стране (табл. 1).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахмадиева Н. В.* Колхозное крестьянство Башкирской АССР в 1945–1965 годы. Уфа: «Гилем», 2008. 176 с.
2. *Мамяченков В. Н.* Растениеводство Среднего Урала в 1913–2012 гг.: сто лет реформирования // Научный диалог. 2017. № 7. С. 144–161.
3. *Мотревич В. П.* Хлеб Оренбуржья: динамика зернового производства в Чкаловской области в послевоенные годы // Вестн. Оренб. гос. пед. ун-та. Электрон. науч. журн. 2018. № 3 (27). С. 130–141.
4. Народное хозяйство Удмуртской АССР. Ст. сб. Ижевск: УКИ, 1957. 135 с.
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562.
6. Сельское хозяйство СССР. Ст. сб. М.: Финансы и статистика, 1988. 535 с.
7. Сельское хозяйство Удмуртии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.absentre.ru> (дата обращения: 16.12.2020).
8. *Толмачева Р. П.* Колхозы Урала в 50-е годы. Томск: ТГУ, 1981. 190 с.
9. Удмуртия в зеркале 20-го столетия. Историческая хроника. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gasur.ru> (дата обращения 16.12.2020).
10. *Хисамутдинова Р. Р.* Аграрная политика советского государства и ее осуществление на Урале (1940 – март 1953 гг.). Оренбург: ОГПУ, 2003. 608 с.

УДК 94(470.4):365

А. А. Гуменюк

г. Саратов (Россия)

Саратовский гос. ун-т

**ЖИЛИЩНО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ КООПЕРАТИВЫ И ИХ РОЛЬ
В РЕШЕНИИ ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ НА НИЖНЕЙ ВОЛГЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1950-Х — СЕРЕДИНА 1980-Х ГОДОВ)**

В статье рассматривается деятельность жилищно-строительных кооперативов (ЖСК) Нижнего Поволжья в годы массового жилищного строительства. В исследовании показано, что к концу рассматриваемого периода по уровню развития жилищного кооперативного строительства Нижняя Волга существенно выделялась и на фоне других экономических районов РСФСР, и на общереспубликанском уровне. Однако советским и партийным руководством, а также строительными организациями развитию кооперативного строительства должного внимания не уделялось; к домам ЖСК они относились как к второстепенным объектам. Сроки строительства затягивались, средства, выделенные на кооперативное строительство, полностью не осваивались. Тем самым реализовать призыв партийного руководства об удовлетворении возраставших потребностей советских людей до конца государства так и не сумело. Публикация основана на фактическом материале из фондов центральных и местных архивов, отчетной и делопроизводственной документации, директивно-законодательных документов, статистических сборников.

Ключевые слова: взнос, жилищно-строительные кооперативы, жилищное строительство, квартиры, кредит, личные сбережения, строительные организации, Советы депутатов.

Потребность в жилье является одной из первоочередных потребностей человека, а обеспеченность населения жилищем выступает важным и необходимым условием материальной жизни общества. В конце 1950-х гг., взвесив все преимущества и недостатки в функционировании жилищной кооперации в 1920-е — 1930-е гг., коллективное руководство постсталинского СССР сочло целесообразным для ускорения жилищного строительства «...организацию жилищно-строительных кооперативов в городах и рабочих поселках для строительства многоквартирных жилых домов...» [28, с. 740]. Практика кооперативного жилищного строительства прежде всего открывала реальный путь улучшения жилищных условий для малоимущих граждан, которым предоставлялись довольно льготные условия для выплаты всей стоимости квартиры — в течение 15 лет [4, с. 470]. Однако учитывая, что особых средств у населения не было, государство разрешало недостающие до нужной суммы средства

отработать на стройке своего дома [26, 1958, № 5, ст. 47]. Таким образом, с одной стороны, в определенной степени разрешалась проблема дефицита рабочих рук, с другой — небогатые люди получали реальную возможность приобрести жилье. Заместитель заведующего отделом строительства ЦК КПСС в записке, направленной в ЦК КПСС 10 июня 1961 г. писал о целесообразности «...широко развивать кооперативное строительство многоквартирных благоустроенных жилых домов... а стоимость строительства кооперативных жилых домов определять по государственным ценам. Все это должно... создать более благоприятные условия и большую заинтересованность населения в строительстве жилищ за счет личных сбережений» [3. Ф. 3. Оп. 31. Д. 21. Л. 142]. Неслучайно в новом постановлении «О дальнейшем развитии жилищного строительства» от 8 августа 1962 г. кооперативные жилищные программы признавались способными в обозримом будущем решить жилищный вопрос в стране. Составляя проект развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг., Н. С. Хрущев именно в развитии жилищной кооперации видел наиболее эффективный метод обеспечения жильем основной массы населения страны [35, с. 187].

Решение о возрождении жилищной кооперации в Саратовской области было принято Саратовским горисполкомом 25 января 1959 г., а 30 марта 1960 г. в городе был создан первый жилищно-строительный кооператив. К маю 1964 г. в области возникло 75 таких кооперативов, из них в Саратове — 68. В 1965 г. прирост общей жилой площади по области за счет средств ЖСК составил 91,6 тыс. кв. м. Эти показатели были значительно выше, чем в соседних областях. Так, ЖСК одной только Воронежской области в середине 1960-х гг. было введено в строй в 1,6 раза меньше жилья, чем в Саратовской области [17, с. 409; 22, с. 302]. В целом по РСФСР только за 1962–1964 гг. в городах и поселках городского типа объем введенной в строй кооперативной жилой площади вырос почти в 30 раз [25, 1965, № 23, ст. 144].

В то же время жилищное кооперативное строительство развивалось довольно медленно. Например, за 1963 г. в городах Саратовской области ЖСК было введено в строй лишь 43,6 % жилой площади [30. Ф. 2137. Оп. 1. Д. 277. Л. 27], а за 8 мес. 1964 г. — только 7,8 тыс. кв. м жилья при плане (на 9 мес.) 27,4 тыс. кв. м [34. Ф. Р-1738. Оп. 4. Д. 205. Л. 306–4]. Наихудшие показатели жилищного строительства за счет ЖСК в рассматриваемом регионе имела Астраханская область, где план ввода в эксплуатацию кооперативных жилых домов за 11 мес. 1964 г. был выполнен всего на 32 % [24, 1965, № 1, ст. 1]. В целом по РСФСР в 1962 г. было сдано в эксплуатацию было лишь 13,5 % общей площади кооперативных жилых домов [7. Ф. 3. Оп. 31. Д. 29. Л. 137]. В начале 1965 г. пай-

щиками ЖСК в республике состояло лишь 0,2 % населения [10, с. 113; 14, с. 12].

Трудящийся при вступлении в ЖСК должен был внести 40 % стоимости квартиры, после этого ему выдавалась ссуда на 10 лет. Если семья, состоявшая из 3–4 чел., рассчитывала получить в кооперативном доме 2-комнатную квартиру жилой площадью 30 кв. м, то при общей стоимости такой квартиры — 4700 руб., она должна была внести вступительный взнос в размере 1880 руб. и в течение 10 лет ежемесячно погашать ссуду в сумме 25 руб., а с учетом квартирной платы, по меньшей мере, 35 руб. Такие расходы, констатировалось в составленной 1 ноября 1963 г. на имя Н. С. Хрущева записке, могла нести далеко не каждая советская семья, нуждавшаяся в жилой площади [7. Ф. 3. Оп. 31. Д. 29. Л. 139]. Поэтому в жилищные кооперативы в подавляющем большинстве вступали высокооплачиваемые категория населения, проживающие в относительно лучших жилищных условиях. В середине 1960-х гг. среди членов кооперативов рабочие составляли только 15–18 %. Семьи крайне нуждавшихся в улучшении жилищных условий, проживавшие в ветхих домах и подвалах, и низкооплачиваемые категории населения в кооперативном строительстве почти не участвовали. «Кооперативное строительство в стране так и не стало массовым», — констатировалось в одной из записок, направленных в ЦК КПСС весной 1965 г. [2. Ф. 3. Оп. 31. Д. 29. Л. 187]. Действительно, установленный на 1965 г. план по вводу в эксплуатацию жилых площадей в кооперативных домах по РСФСР в целом был выполнен за 8 мес. только на 39 % [25, 1965, № 23, ст. 144].

Начиная с середины 1960-х гг. директивно-законодательная основа развития кооперативного жилищного строительства постепенно стала эволюционировать в сторону расширения возможностей для населения таким способом улучшить свои жилищные условия. Чтобы минимизировать практику создания местными органами власти необоснованных ограничений для желающих вступать в жилищно-строительные кооперативы, в октябре 1965 г. Совмин СССР утвердил примерный устав ЖСК, где к категории остро нуждавшихся граждан были отнесены те, у кого обеспеченность жилой площадью не превышала 6 кв. м на одного человека (действовала эта норма до конца 1980-х гг.) [11, с. 154]. Директивами развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг., утвержденными XXIII съездом КПСС (весна 1966 г.), предусматривалось увеличение объемов жилищного строительства силами ЖСК в 3–4 раза [12, с. 161]. На необходимость использования жилищной кооперации, как эффективной возможности разрешения жилищной проблемы в стране, обращалось внимание делегатами июньского 1983 г. Пленума ЦК КПСС [23, с. 182], включая генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова

[1, с. 477]. Годом раньше Совмином СССР было принято специальное постановление «О жилищно-строительной кооперации», предписывавшее, во-первых, снизить размер первого взноса на строительство квартиры с 40 % до 20–30 % от его общей стоимости. Во-вторых, с 15 до 25 лет увеличивались сроки погашения предоставляемого государством кредита, что значительно уменьшало ежегодные платежи на погашение ссуды. Руководству организаций и предприятий разрешалось предоставлять безвозмездную материальную помощь членам ЖСК на выплату первоначального взноса, если работник проработал безупречно на предприятии не менее 5 лет. Право на такую помощь имели и молодожены, проработавшие не менее 2-х лет. На местные Советы возлагалась задача всемерного содействия развитию ЖСК [27, 1982, № 23, ст. 120].

Обновление директивно-законодательной базы жилищного кооперативного строительства, рост внимания к этому виду кооперации высшего руководства страны дало новый импульс для его развития. Например, в Саратовской области только за 1970–1971 гг. ЖСК было построено 201 тыс. кв. м жилья [29. Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 470-а. Л. 69], что в 1,4 раза превышало показатели 1959–1965 гг. [21. Ф. 594. Оп. 6. Д. 120. Л. 14]. По свидетельству К. П. Муренина, первого секретаря Саратовского обкома КПСС в 1989–1991 гг., во второй половине 1970-х гг. Саратовская область «...по вводу кооперативного жилья... вышла на лидирующие позиции в РСФСР» [13, с. 363]. В 1985 г. ЖСК только в г. Саратове было возведено жилой площади в объемах, составлявших 88 % годового плана [9]. Весьма неплохо развивалось кооперативное жилищное строительство в Астраханской области. Так, в приемную Астраханского облисполкома поступление писем трудящихся по статье «О жилищно-кооперативном строительстве» только за 1974–1975 гг. сократилось в 1,6 раза [20. Ф. Р-2233. Оп. 15. Д. 622. Л. 1, 16].

Тем не менее, темпы кооперативного жилищного строительства отставали от потребностей населения в новом жилье. Например, если в 1965–1970 гг. ЖСК Саратовской области ежегодно вводилось по 27–31 дому, то за 1971–1974 гг. — лишь 12–16 домов. Планы ввода жилых домов для ЖСК не выполнялись. Так, осенью 1974 г. только саратовцы недополучили 17,1 тыс. кв. м жилья [31. Ф. 594. Оп. 15. Д. 115. Л. 75]. Многие дома получали статус долгостроя. Например, в 1972 г. из 16 построенных в Саратове домов ни один не был введен в срок, в 1973 г. из 14 домов — только три были построены без нарушения сроков продолжительности строительства [32. Ф. 594. Оп. 15. Д. 114. Л. 114–115]. Одна из причин этого заключалась в том, что для возведения домов силами ЖСК долгое время использовался кирпич, а не специальные железобетонные

конструкции и крупнопанельные детали, как при строительстве домов за счет государственных средств.

Недостаточно помощи оказывалось жилищно-строительным кооперативам со стороны администрации промышленных предприятий и заводских комитетов профсоюзов, отселение жильцов будущего кооперативного дома ЖСК приходилось осуществлять самостоятельно (предварительно получив у людей на это согласие), что также существенно затягивало продолжительность непосредственно предшествующего началу строительства жилых домов периода. Существенно замедлялось возведение жилых домов силами ЖСК отсутствием соответствующих строительных и подрядных организаций. Проектные организации несвоевременно обеспечивали указанные организации необходимой технической документацией. Незаинтересованность строительных организаций, как и местных Советов народных депутатов, в кооперативном жилищном строительстве объяснялось и тем, что подобное строительство входило в противоречие с существовавшей системой распределения жилья. Региональные власти «...не проявляли особого интереса к возведению домов для ЖСК, так как от государственного жилья, независимо от того, кто был заказчиком (ведомство, предприятия), горисполкомы получали 10 % жилой площади от общего количества введенной, а при строительстве кооперативного жилья они не получали ничего. К тому же за государственное жилье с горисполкомов строго спрашивали на всех уровнях, а за кооперативное строительство подобного спроса не было» [5, с. 143].

Существующая производственная база функционировала некачественно. Например, еще в конце 1960-х гг. «после заселения дома ЖСК “Огонь” в г. Саратове оказалось, что дверные блоки плохо закреплены и после двухмесячной эксплантации начали выпадать... По домам треста “Спецстроймонтажмеханизация” по ул. Пугачевской и жилищно-строительного кооператива “Электрон” по ул. Рабочей несколько раз переделывалась внешняя канализация из-за низкого качества выполняемых работ» [33. Ф. Р-1738. Оп. 8. Д. 79. Л. 30]. В целом, динамика ввода жилых домов жилищно-строительными кооперативами в 1966–1985 гг. отражают данные табл. 1 [15, с. 343–344; 16, с. 446; 19, с. 45].

Из данных табл. 1 видно, что объемы возведенного жилья ЖСК по трем областям Нижней Волги с 1966 по 1975 г. сократились в 1,4 раза, но, тем не менее, несколько превышали показатели по Поволжскому экономическому району (1,3 раза) и были в 2 раза больше по сравнению с общероссийским уровнем. Не произошло улучшения и в последующем. Например, в Астраханской области объемы кооперативного жилищного строительства с 1976 по 1985 г. сократились еще в 1,4 раза, что было

также выше, чем в среднем по РСФСР. В целом, за 1966–1985 гг. объемы жилищного строительства за счет средств ЖСК в этом субъекте РСФСР сократились в 2 раза (табл. 1). В Волгоградской области только в течение 1983–1984 гг., по словам первого секретаря обкома КПСС, объемы ввода «кооперативного жилья» снизились почти в 3 раза: с 98 тыс. кв. м до 36 тыс. кв. м [6. Ф. Р-523. Оп. 6. Д. 44. Л. 99]. В целом по РСФСР жилищные кооперативы были ничтожным меньшинством в городах: в 1961–1985 гг. на долю ЖСК в общем объеме жилья, построенного за эти годы, приходилось лишь 5,3 % [5, с. 144].

Таблица 1

Ввод в действие жилых домов ЖСК по трем областям Нижнего Поволжья в 1966–1985 гг. (тыс. кв. м общей (полезной) площади)

	1966–1970 гг.	1971–1975 гг.	1976–1980 гг.	1981–1985 гг.
РСФСР	21654	17968	число, квартир, построенных за счет средств ЖСК (тыс.)	
			5033	4795
Поволжский экономический район	2883	2084	н. д.	н. д.
Астраханская область	110,7	62,0	79,3	54,5
Волгоградская область	387	294	н. д.	н. д.
Саратовская область	528	402	н. д.	н. д.

Характеризуя положение дел с кооперативным жилищным строительством в Саратовской области, один из ее жителей в сентябре 1983 г. в письме, адресованном в местные органы власти, писал: «Вот уже много лет резко сокращено строительство жилых домов кооперативным способом. Я считаю, это большая ошибка, так как государство на этом много теряет. У населения деньги есть, и строить кооперативным способом желающих очень много» [8. Ф. 594. Оп. 32. Д. 140. Л. 131]. К концу этого года Саратовским обкомом было получено в 1,4 раза больше жалоб по этому вопросу по сравнению с концом осени того же года [18. Ф. 594. Оп. 32. Д. 138. Л. 16, 19]. Аналогичные жалобы поступали от жителей других субъектов РСФСР на Нижней Волге. Рост недовольства населения региона объяснялся во многом тем, что даже в областных центрах средняя продолжительность получения квартиры в ЖСК составляла от 4-х

до 6-ти лет, а строительство домов длилось в 1,8–2,1 раза больше, чем было предусмотрено нормативными сроками. В свою очередь, такое положение вещей стало причиной возникновения и роста в советском обществе социально-психологического кризиса, ставшего одной из базовых условий подрыва веры советских людей в социализм и последующего распада СССР.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андропов Ю. В.* Ленинизм — неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1984. 559 с.
2. В ЦК КПСС (29 марта 1965 г.) // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).
3. В ЦК КПСС «О ходе выполнения задачи по ликвидации жилой нужды в нашей стране» (10 июня 1961 г.) // РГАНИ.
4. *Вдовин А. И.* СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М.: РГ-Пресс, 2018. 768 с.
5. *Власов С. А.* Жилищно-строительные кооперативы и их роль в решении жилищной проблемы в РСФСР (1960–1980-е гг.) // Вестн. Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. 2010. № 3. С. 142–145.
6. Из выступления Первого секретаря Волгоградского обкома КПСС на XVI областной отчетной-выборной конференции профсоюзом (19 января 1985 г.) // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО).
7. Записка на имя Н. С. Хрущева (1 ноября 1963 г.) // РГАНИ.
8. Из письма жителя Саратовской области представителям местных органов власти (сентябрь 1983 г.) // Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО).
9. Коммунист. Печатный орган Саратовского обкома КПСС. 1986. 4 февр.
10. *Куксанова Н. В.* Социально-бытовая инфраструктура Сибири, конец 1950-х – 1980-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1995. 504 с.
11. *Лебина Н. Б.* Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контур, символы, знаки. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАВИН», 2008. 444 с.
12. Материалы XXIII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1966. 304 с.
13. *Муренин К. П.* Оставаясь собой. Саратов: Новый ветер, 2010. 832 с.
14. Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1965. 576 с.
15. Народное хозяйство РСФСР в 1975 году. Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1976. 519 с.
16. Народное хозяйство РСФСР в 1987 году. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1988. 590 с.
17. Народное хозяйство Саратовской области за годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) и 1971 год. Статистический сборник. Саратов: Стат. управление Саратов. обл., 1972. 472 с.
18. О поступлении писем по жилищному вопросу в Саратовский обком КПСС (за 9 месяцев 1983 г. и за 1983 г. соответственно) // ГАНИСО.

19. Основные показатели развития народного хозяйства Астраханской области за 1986 год: (крат. стат. сб.) Астрахань: [б.и.], 1987. 37 с.
20. Отчет о движении писем трудящихся, поступивших в приемную Астраханского облисполкома за 1974–1975 гг. // Государственный архив Астраханской области (ГААО).
21. Первому секретарю Саратовского обкома КПСС. Справка (28 июля 1966 г.) // ГАНИСО.
22. *Перцев В. А.* Социальная политика Советского государства в 1953–1991 годах (на материалах областей Центрально-Черноземного экономического района): дис. ... д-ра ист. наук. Тамбов, 2017. 775 с.
23. Пленум Центрального Комитета КПСС. 14–15 июня 1983 года. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1983. 221 с.
24. Постановление Совета Министров РСФСР «О дальнейшем развитии кооперативного жилищного строительства в РСФСР» (31 декабря 1964 г.) // Собрание постановлений и распоряжений правительства РСФСР, издаваемое управлением делами Совета Министров РСФСР (СП РСФСР).
25. Постановление Совета Министров РСФСР «О ходе выполнения плана кооперативного жилищного строительства в 1965 году» (2 октября 1965 г.) // СП РСФСР.
26. Постановление Совета Министров СССР «О жилищно-строительной и дачно-строительной кооперации» (24 марта 1958 г.) // СП СССР.
27. Постановление Совета Министров СССР «О жилищно-строительной кооперации» (26 ноября 1982 г.) // СП СССР.
28. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. М.: РОССПЭН, 2006. Т. 2. 1120 с.
29. Протокол XI Саратовской областной межсоюзной конференции профсоюзов (27 января 1972 г.) // ГАНИСО.
30. Справка о ходе выполнения плана кооперативного жилищного строительства (5 мая 1964 г.) // ГАНИСО.
31. Справка о работе по рассмотрению писем и организации приема трудящихся в исполкоме Саратовского городского совета депутатов трудящихся (24 сентября 1974 г.) // ГАНИСО.
32. Справка о результатах проверки работы с письмами и жалобами трудящихся, связанными со строительством домов ЖСК в Саратовском горисполкоме (1972–1973 гг.) // ГАНИСО.
33. Стенограмма II сессии Саратовского областного Совета депутатов трудящихся (24 июля 1969 г.) // Государственный архив Саратовской области (ГАСО).
34. Стенограмма VII сессии Саратовского областного (промышленного) Совета депутатов трудящихся (15 сентября 1964 г.) // ГАСО.
35. *Хрущев Н. С.* «Мы находимся на рубеже или славы, или позора». Замечания Н. С. Хрущева о проекте основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг. // Источник. 2003. № 6. С. 183–188.

УДК 94(571.17):349.422.22

Д. С. Орлов

г. Бийск (Россия)

Алтайский гос. гум.-пед. ун-т им. В. М. Шукшина

МЕЖХОЗЯЙСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ В СКОТОВОДСТВЕ КУЗБАССА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГОДОВ

Цель статьи — анализ организационных изменений, происходивших в аграрном секторе Кемеровской области в середине 1960-х — первой половине 1980-х гг. Проблемы реализации одного из направлений аграрной политики, направленного на углубление производственной специализации колхозов и совхозов, а также создание межхозяйственных предприятий, исследуются на материалах Кемеровской области. Автор сделал вывод о том, что данный хозяйственный механизм не оказал значительного влияния на развитие колхозов и совхозов, т. к. его внедрение базировалось на уверенности в преимуществе крупных индустриальных хозяйств и осуществлялось бюрократическими методами, особенно во второй половине 1970-х гг. в условиях неблагоприятной экономической ситуации.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, межхозяйственная кооперация, специализация, колхозы, совхозы, Кемеровская область.

Аграрная сфера — базисный элемент устойчивости любого общества. Сельское хозяйство играет уникальную роль в жизнеобеспечении любого социума. Аграрный вопрос в России не решен до сих пор, что и актуализирует необходимость изучения исторического опыта аграрного развития в советский период. На избранный период приходится пик развития советского сельского хозяйства со всеми его достоинствами и недостатками. Особую значимость приобретают региональные аспекты аграрного развития.

В годы восьмой — одиннадцатой пятилеток значимым направлением аграрной политики страны стали специализация и межхозяйственная кооперация. Сущностью первого из них становилось вычленение базовой отрасли и её интенсивное развитие. Кооперирование предприятий давало возможность участвовать в больших и затратных проектах, неподъемных для одного хозяйства. Применение в агропроизводстве Кузбасса этих механизмов значительно повлияло на аграрный сектор.

К концу 1960-х гг. в Западной Сибири и Кемеровской области значительное количество колхозов и совхозов стали производить 1–2 вида сельхозпродукции. Сформировались тресты, производящие только мясо, молочную продукцию, яйца, шерсть, продукцию полеводства.

В 1975 г. кемеровский трест «Птицепром» производил 85 % яиц и мяса птицы, трест «Свинопром» — 45 % всей свинины, выращиваемой в Кузбассе [2. Ф. П-75. Оп. 28. Д. 27. Л. 6].

В 1971 г. в стране в составе 584 трестов числилось 10335 агропредприятий, в России — 7397 сельхозпредприятий или 78,6 % входило в состав 438 объединений. На Украине все хозяйства (1290) входили в структуру 55 трестов [10. Ф. 7486. Оп. 40. Д. 231. Л. 78–80].

Значимые изменения в изучаемые годы претерпела структура аграрного сектора региона. Активно шло преобразование колхозов в совхозы, а также разукрупнение совхозов. В результате организационных реорганизаций преобладающим стал государственный сектор, увеличившийся со 190 до 339 организаций. Колхозный сектор уменьшился на 11 предприятий (со 180 до 169) [7, с. 46–49]. В регионе во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х гг. совхозизация деревни проходила менее интенсивно, чем в предшествующий период [6, с. 21–24]. В 1960–80-е гг. базисом агропроизводства стали крупные госпредприятия, в которые были превращены и коллективные хозяйства, практически ничем уже не отличавшиеся от госхозов [5, с. 136–141].

Наивысший экономический эффект имели специализированные птицевосхозы, где благодаря высокой концентрации агропроизводства обеспечивалось удешевление продукции и рост производительности труда. В Кузбассе в 1966–1980 гг. трест «Птицепром» нарастил реализацию яичной продукции с 39,3 до 645 млн шт., а прибыль — с 0,5 млн руб. до 30,3 млн руб.

Межхозяйственное кооперирование в скотоводстве Кузбасса успешно развивалось в таких сегментах, как откорм КРС и выращивание нетелей. В 1977 г. в регионе было создано 7 государственно-колхозных объединений по доращиванию и откорму КРС: 1 районное колхозно-совхозное (Тисульское — колхоз им. Революции, включавшее в себя 5 сельхозартелей и 4 госхоза), а также 6 районных образований: Кемеровское (совхоз «Кемеровский» и 13 госхозов), Крапивенское (совхоз «Крапивенский» и 7 госпредприятий), Мариинское (совхоз «Авангард» и 8 агропредприятий), Прокопьевское (совхоз «Прокопьевский» и 9 госхозов), Топкинское (совхоз «Топкинский» и 12 госхозов) и Яшкинское (сельхозпредприятие «Пашковский» и 7 госхозов) [8, с. 103].

Практическое применение в скотоводстве этих механизмов имело иногда неожиданные и противоречивые результаты.

Вопреки неоднозначной результативности, практика функционирования спецхозов и межхозов в 1966–1975 гг. в целом считалась удовлетворительной. В связи с этим, в десятом пятилетии объемы применения в агропроизводстве указанных организационно-экономических

механизмов было решено увеличить. Указание на это содержалось в решении партии от 28 мая 1976 г. «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции» [3, с. 96–110].

В Кузбассе 20 апреля 1976 г. на II пленуме региональной парторганизации рассматривался вопрос «Задачи областной партийной организации по повышению эффективности сельскохозяйственного производства, дальнейшему развитию специализации и концентрации на базе межхозяйственного кооперирования и агропромышленной интеграции в свете решений XXV съезда КПСС». По результатам обсуждения было решено специализировать на производстве молочной продукции 127 агропредприятий, сконцентрировав в них до 2/3 общего производства этой продукции в регионе; в 20 спецхозах наладить к 1980 г. выращивание 30 тыс. нетелей и первотелок; для наращивания производства говядины организовать в каждом районе межхозы по выращиванию и откорму молодняка КРС; сконцентрировать выращивание свинины в размере 44 тыс. *t* в спецхозах; сконцентрировать выращивание птицеводческой продукции в хозяйствах треста «Кемеровоптицепром» [1, с. 77–82].

В 1976–1985 гг. численность межхозов в СССР выросла с 3355 до 10375., было образовано 7020 сельхозпредприятий этого типа. Максимальное увеличение их числа произошло в 1976–1978 гг., когда из-за управленческого давления было создано 2577 межхозов. Позже их численность увеличивалась медленнее. В 1979 г. начали свою работу 380 межхозов. В 1976–1980 гг. темпы роста количества интегрированных предприятий были выше, чем в более раннем периоде (в 1966–1973 гг. в среднем в год образовывалось 220–300 межхозов, в 1974 г. начало функционировать 416, в 1975 г. — 594 агропредприятия) [4, с. 306–307].

На рубеже 1960–1970-х гг. перестали выполняться заявления о приверженности курсу мартовского пленума. Возобладали административные методы управления агропредприятиями. Перестала действовать система хозрасчета. Восстановлен контроль финансово-хозяйственной деятельности совхозов и колхозов. Кредиты стали разновидностью безвозмездной госпомощи [9, с. 175–176].

Из-за экономической необоснованности и множественности показателей планы производства сельхозпродукции не выполнялись, предприятия аграрного сектора были убыточными. Снижение рентабельности сельхозпредприятий в начале девятой пятилетки объяснялось установлением неблагоприятного для них налогового режима. Совхозы и колхозы перечисляли в специализированные фонды значимую

долю доходов (порядка 12 % плановой и 90 % внеплановой прибыли). Отказ от системы твердого планирования и переход к модели корректирования госзакупок произошел на рубеже 1960-х — 1970-х гг. Госпланы на 1971–1975 гг. вводились с существенным ростом объемов госзакупок.

В 1976 г. в республике работали 7,4 тыс. межхозов и агропромышленных комбинатов. Около 1,4 тыс. из них занимались доращиванием и откормом КРС, 297 — узкопрофильным свиноводством, 920 — специализированным выращиванием нетелей.

В 1981–1985 гг. упало количество межхозов и снизилась численность их участников. Кооперация реализовывалась благодаря расширению связей кооперативных хозяйств с госхозами. Агропредприятия стали объединять свои силы и средства для решения социальных проблем. Вместе с тем основным сегментом общих усилий в области кооперации становилось обслуживание сельского хозяйства, строительство, лесхозы. В СССР на совместные средства сельхозобъединений было организовано 3054 строительно-монтажных организации, 3043 строительных комбинатов, 231 откормочный пункт, 105 птицефабрик, 7 заводов по переработке плодоовощной продукции, 21 ремонтная мастерская, 285 лесхозов, 3 комбикормовых завода и 9 проектных институтов.

Экономическая результативность спецхозов и межхозов в животноводстве в годы десятой и одиннадцатой пятилеток была невысокой. Мясомолочные агропредприятия часто были убыточными. В ряде хозяйств производственные затраты были больше, чем в простых хозяйствах. Государство вложило 1 млн руб. в запуск молочного комплекса в совхозе «Зенковский» Кемеровской области, а отдача оказалась низкой. Из-за допущенных недоработок результативность этого агропредприятия была на уровне среднеобластной. Неблагоприятно влияла и ценовая политика государства.

Первопричины низкой эффективности применения в скотоводстве Кемеровской области практики создания спецхозов и межхозов заключались в следующем. Агропредприятия области складывались как многопрофильные, ввиду чего переориентация их в рамках узкоспециализированного производства была проблематичной. Создание спецхозов и межхозов реализовывалось ускоренно, в условиях спешки и нехватки ресурсов. Особо недоставало помещений для содержания скота. Договорные отношения между партнерами по кооперации были неустойчивыми. Планы по спецхозам в течение пятилетия доводились как по многоотраслевым.

При изучении работы спецхозов и межхозов в агропроизводстве Кузбасса во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х гг. следует опираться и на положительный опыт некоторых хозяйств. В Куз-

бассе свинокомплекс в Чистогорском районе в 1976–1980 гг. сработал с прибылью в 30 млн руб., окупив производственные затраты.

Успешные предприятия сталкивались с отсутствием установленных норм перераспределения прибыли. Из-за такой неопределённости между участниками кооперации, а также между ними и властными органами появлялись противоречия, мешавшие росту эффективности совместной работы.

Проводившаяся в Кузбассе в середине 1960-х — первой половине 1980-х гг. политика расширения масштабов специализации и межхозяйственных кооперативных отношений привела к неоднозначным результатам. Птицеводства существенно нарастили производство, в то же время мясомолочные госхозы преимущественно становились низко rentабельными. Реализация в практической плоскости данных принципов организации производства базировалось на уверенности в преимуществе крупно-товарных предприятий индустриального типа, и, в основном, реализовывалось административно-бюрократическими методами. Значимым препятствием была неблагоприятная макроэкономическая ситуация. Рост колхозно-совхозных объединений вел к дальнейшему огосударствлению аграрного сектора. Базовая причина невысокой производительности агропредприятий и их трестов заключалась в отсутствии заинтересованности в саморазвитии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Аграрный сектор индустриального Кузбасса в архивных документах (1965–1985 гг.): сб. док. / сост. и науч. ред. Д. С. Орлов. Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2011. 237 с.
2. Государственный архив Кемеровской области (ГА КО).
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1987. Т. 13. 510 с.
4. *Наухацкий В.В.* Аграрное развитие СССР в 1965–1985 гг. (взаимосвязь политики и технологии) // Аграрные технологии России IX–XX вв. Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 306–307.
5. *Орлов Д. С.* Сельское хозяйство Кемеровской области во второй половине 60-х – первой половине 80-х годов XX века: тенденции и итоги развития // Вестн. Кузбас. гос. тех. ун-та. 2014. № 3 (103).
6. *Орлов Д. С.* Сельское хозяйство Омской области во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х годов: поиск устойчивой модели развития (исторический аспект) // Омский научный вестник. 2015. № 2 (136).
7. *Орлов Д. С.* Эволюция структуры аграрного сектора Западной Сибири во второй половине 60-х первой половине 80-х годов XX века // Омский научный вестник. 2013. № 2 (116).

8. Орлов Д. С., Ильиных В. А., Андреенков С. Н. Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х — 1980-е гг.: динамика, организационно-производственная и отраслевая структура. Новосибирск: Сибпринт, 2018 г. 304 с.
9. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX веке: выбор путей и методов модернизации [кол. моногр.] / Ильиных В. А., Рынков В. М., Андреенков С. Н. [и др.]. Новосибирск, 2015. 298 с.
10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

УДК 94(571.150)

Г. А. Гряникова

г. Барнаул (Россия)

Алтайский гос. ун-т

**РОЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ТОРГОВЛИ АЛТАЙСКОГО КРАЙИСПОЛКОМА
В РАЗВИТИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА¹**

Статья посвящена вопросу функционирования Управления торговли Алтайского крайисполкома в деле развития потребительского рынка в 1955–1991 гг. В основу исследования положены документы Государственного архива Алтайского края, официальные статистические данные и материал газеты «Алтайская правда». В контексте истории повседневности определены полномочия и структура Управления, проводимые переименования и преобразования местных торгов и трестов столовых с целью организации лучшего обслуживания в торговле и сфере общественного питания. В результате систематизации и анализа полученных данных выявлена роль Управления в организации розничной сети по общему руководству, контролю и регулированию торговых отношений, направленной на техническое переоснащение предприятий, улучшение торговых помещений и повышение культуры торговли. Сделаны выводы, что, несмотря на существующие недостатки в деятельности торгующих организаций, деятельность Управления торговли способствовала количественной и качественной динамике развития экономики, потребительского рынка и товарного снабжения населения Алтайского края во второй половине XX в.

Ключевые слова: Алтайский край, Управление торговли, потребительский рынок, экономическая история, история повседневности.

Исследование потребительского рынка как совокупности отношений между продавцами и покупателями, а также движения товаров и предметов личного потребления, представляет интерес с научной точки зрения в контексте истории повседневности. Структура и объём потребительского рынка во многом зависят от государственного управления и организации деятельности предприятий розничной торговли в конкретном регионе. В советский период Алтайский край занимал ведущие позиции по производству продовольствия, машиностроительной и сельскохозяйственной продукции, обладая прочными экономическими и торговыми связями на межрегиональном и международном уровнях.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках гранта № 19-49-220005 «Торговля и товарное снабжение Алтайского края в 1960-е — 1990-е гг.: от плановой к рыночной экономике».

Сегодня Алтайский край продолжает оставаться регионом с развитой инфраструктурой, аграрным сектором и активно функционирующими торговыми предприятиями, что формирует экономический облик края в целом.

Для целостного представления об уровне жизни населения в историческом плане актуальным становится детальное изучение деятельности Управления торговли Алтайского крайисполкома, оказывавшего непосредственное влияние на количественное и качественное развитие торговли, потребительского рынка и на товарное снабжение в регионе во второй половине XX в. Традиционно в советской и современной историографии экономические аспекты торговли изучаются без учета их влияния на повседневность и уровень жизни населения. Развитие потребительского рынка, напротив, рассматривается в отрыве от системы управления и темпов производства [2; 7; 8]. Помимо этого, история развития Управления торговли Алтайского крайисполкома исследуется в совокупности с другими государственными учреждениями, что позволяет выявить только общую структуру органов власти, а также описание процесса развития торговли в стране, а не на локальном уровне. Становление государственных учреждений, отвечающих за развитие торговли на территории Алтайского края, представляется возможным проследить с помощью привлечения статистических данных, материалов местной газеты «Алтайская правда» и отчетной документации, хранящейся в Государственном архиве Алтайского края. Документы фонда Р-926 «Управление торговли исполнительного комитета Алтайского краевого совета депутатов трудящихся», входя в научный оборот, способствуют составлению общей картины системы управления торговлей на региональном уровне и её влияния на потребительский рынок.

Актуальность проблемы и ее недостаточная разработанность в силу слабой изученности представляют большой интерес для дальнейшего изучения торговли в контексте не только истории повседневности, но и экономической истории. Хронологические рамки исследования обусловлены существованием Управления торговли Алтайского крайисполкома, созданного в 1955 г. путем реорганизации Крайторготдела и Управления местными торгами [1. Ф. Р-834. Оп. 4. Д. 226. Л. 250–252]. По ведомственной подчиненности Управление относилось к Министерству торговли РСФСР. Ликвидация Управления произошло в 1991 г. в связи с распадом СССР.

Основные аспекты деятельности Управления заключались в развитии торговли в Алтайском крае посредством решения вопросов по общему руководству, контролю и регулированию торговых отношений, а также исполнению функций реализации и сбыта товаров потребителю.

Управление разрабатывало планы, контролировало деятельность всех торгующих организаций региона, кроме того, имело в непосредственном подчинении местные торги и тресты столовых. На протяжении всего периода существования все изменения названий, функций и структуры учреждений Управления были направлены на организацию лучшего обслуживания населения края и в торговле, и в сфере общественного питания.

На момент образования Управление торговли состояло из 8 административно-управленческих отделов [1. Ф. Р-926. Оп. 2. Д. 14. Л. 146]. Система местных торгов края включала в себя 20 производственных предприятий и Барнаульские городской пищевой торг, городской промтоварный торг и городской хлебный торг, трест столовых, ресторанов и буфетов, а также смешанные торги Бийского, Горно-Алтайского, Рубцовского, Славгородского, Алейского и Чесноковского районов, Базу Управления и Хлебторг [1. Ф. Р-926. Оп. 2. Д. 14. Л. 38, 46; Д. 15. Л. 63]. Для оптового обслуживания предприятий розничной торговли и общественного питания была организована Алтайская оптовая база. Основу её деятельности составляло снабжение торгующих организаций спортивными, культурно-бытовыми, канцелярскими и швейными товарами, головными уборами, галантереей, парфюмерией, посудой, стройматериалами и торговым оборудованием [1. Ф. Р-926. Оп. 2. Д. 14. Л. 343].

В 1965 г. сеть местных торгов и треста столовых и ресторанов Алтайского края состояла из 965 предприятий (магазины, киоски, столовые, чайные, шашлычные и пр.). В торговлю внедрялся передовой метод самообслуживания, проводились открытые выставки товаров, продажа товаров по образцам, принимались заказы на пошив больших размеров швейных изделий и обуви по требованию покупателей, что значительно повышало уровень торгового обслуживания [1. Ф. Р-926. Оп. 2. Д. 14. Л. 503]. Но нововведений было недостаточно, особенно в отношении оборудования и приспособленности торговых помещений. Кроме того, объем торговой сети не соответствовал темпам роста товарооборота, что приводило к низкому удовлетворению спроса покупателей и неполному выполнению плана, предъявляемого торговым организациям. Также отмечается дефицит средств по капиталовложениям на строительство и переоборудование первых этажей жилых помещений под торговую сеть. Помимо этого в торговле региона имелись серьезные недостатки, связанные с культурой обслуживания покупателей: в отчетах по результатам проверок зафиксированы многочисленные жалобы покупателей на обсчет и обвес, несоблюдение ассортиментного минимума. Население городов особенно испытывало недостаток продоволь-

ствия в летний период в связи с низкими поставками овощей, рыбы, яиц [1. Ф. Р-926. Оп. 3. Д. 3. Л. 510].

В 1961 г. структура Управления торговли реформировалась в сторону количественного роста с целью сосредоточения фокуса внимания на отдельных организациях по типу реализуемых товаров. В ведении Управления продолжили деятельность Барнаульские смешанный торг, горпромторг и горпищторг, Горно-Алтайский и Чесноковский смешанные торги. В результате преобразований в структуре выделились Бийский, Рубцовский горпищторги и горпромторги, Барнаульский оптоворозничный Плодоовощторг, тресты столовых Центрального и Октябрьского районов г. Барнаула. Новыми подразделениями стали Бийский и Рубцовский тресты столовых и ресторанов, Барнаульский универсальный магазин, хозрасчетный магазин № 8 инвентаря и оборудования, Алтайская краевая контора ресторанов и кафе, строительно-монтажное управление [1. Ф. Р-926. Оп. 3. Д. 16. Л. 22]. В задачу последнего учреждения входили реконструкция, ремонт и строительство зданий, необходимых для Управления торговли [1. Ф. Р-926. Оп. 3. Д. 17. Л. 417].

В целях улучшения торговли промышленными товарами в 1962 г. был организован «Текстильшвейобувьторг». В его ведение была передана торговая сеть Барнаульских горпромторга и универмага в количестве 18 ед. [1. Ф. Р-834. Оп. 6. Д. 183. Л. 93]. Барнаульский универмаг был ликвидирован, снова на самостоятельный баланс выделен в 1964 г. [1. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 4. Л. 221]. На базе торговой сети Горпищторга и Барнаулторга был организован Барнаульский Хлебторг, в состав которого вошли 67 магазинов, 7 филиалов и 30 киосков. Изначально это предприятие было убыточным в связи с расположением в ветхих, малоприспособленных для торговли помещениях. Следует отметить, что Хлебторг организовывал реализацию не только хлебной продукции, но и рыбы, сахара, кондитерских изделий и прочих продтоваров [1. Ф. Р-926. Оп. 3. Д. 21. Л. 414–418]. Продажа хлебных изделий в мелкую розницу также осуществлялась в небольших деревянных ларьках, расположенных в скверах [9, с. 198]. В результате структурных преобразований, к 1963 г. Управление торговли объединяло в себе 21 организацию [1. Ф. Р-926. Оп. 3. Д. 21. Л. 85].

В начале 1964 г. на базе СМУ Управления торговли и художественного цеха Управления предприятиями бытового обслуживания в г. Барнауле была организована мастерская торгового оборудования и рекламы при Управлении торговли Алтайского крайисполкома [1. Ф. Р-926. Оп. 3. Д. 4. Л. 262]. Появление художественно-рекламного бюро означало признание необходимости повышения культуры обслуживания посред-

ством доведения до покупателя образцов товарного ассортимента с применением рекламы.

Особое место в развитии потребительского рынка занимала весенне-летняя розничная торговля. К весне торговые помещения приводились в образцовое состояние, расширялся ассортимент товаров. На улицах, в парках, скверах, на вокзалах, пристанях, пляжах и в других местах массового отдыха в продажу поступали мороженое, прохладительные напитки, соки, хлебный квас, пирожки и кондитерские изделия, горячие и холодные закуски, кофе, чай и какао [1. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 9. Л. 207]. Например, в центральной части Барнаула торговую деятельность осуществляли беляшный киоск и «Фешмак», реализовывавший сладкую вату [9, с. 202]. Помимо продовольствия разворачивалась широкая торговля галантереей, парфюмерией, спортивными товарами, табачными, чулочно-носочными изделиями, легкой обувью, игрушками. В городах края проводились ярмарки и базары с привлечением колхозов для продажи излишков сельскохозяйственных продуктов [1. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 9. Л. 208].

В 1966 г. Управление торговли Алтайского крайисполкома объединяло 25 организаций, т. е. за первое десятилетие существования его структура увеличилась более чем в два раза. К существовавшим прежде добавились Алтайская краевая лесоторговая база, дирекция строящихся предприятий, мастерская торгового оборудования и рекламы, совхоз «Спутник», профессиональное торгово-кулинарное училища в г. Барнауле, г. Бийске и г. Рубцовске [1. Ф. Р-926. Оп. 3. Д. 72. Л. 6–7]. В 1967 г. в Алтайском крае сформировалась торговая сеть из 9114 предприятий: 14 местных торгов, УРС Минлесхоза, аптекоуправление, книготорг, ювелирторг, 10 ОРСов, ОМЗ УООП, 5 продснабов, пчеловодуправление, общество охотников, сортсезомовощ, трест зеленого хозяйства [1. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 1. Л. 1–2]. Особой популярностью у населения пользовался единственный в г. Барнауле зоомагазин, открытый в 1965 г. [9, с. 203].

В 1967 г. в целях улучшения руководства предприятиями общепита в крае было образовано Управление общественного питания Алтайского крайисполкома, в состав которого вошли тресты столовых и Алтайская краевая контора ресторанов и кафе [1. Ф. Р-834. Оп. 6. Д. 814. Л. 57–68]. К началу 1971 г. в состав Управления торговли входило 17 организаций. К числу новых относились Гастрономторг, Барнаульский пищторг № 2, ЦУМ. Бийский горпищторг был разделен на центральный и промышленный [1. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 100. Л. 8].

В 1960-е гг. в Барнауле функционировало три рынка — Колхозный, на Жилплощадке и Потоке, поставлявших населению разнообразную продукцию промышленности и продовольствие, неся в себе «всю

прелесть непредсказуемости базарной жизни» [9, с. 199]. В следующее десятилетие рыночная торговля получила дальнейшее развитие, что способствовало увеличению продаж сельскохозяйственных продуктов и упрочнения экономических связей города и сельской местности. В Барнауле был построен Крытый рынок на 500 торговых мест, в гг. Камне, Славгороде, Бийске — павильоны смешанной торговли на 100 мест, в г. Рубцовске — на 40 мест [1. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 109. Л. 199]. Для улучшения оперативного руководства в 1975 г. было создано Барнаульское хозяйственное городское управление колхозными рынками [1. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 187. Л. 24]. В его ведении находились Крытый рынок, Черёмушки, Октябрьский рынок, рынок ручной продажи, рынок пос. Восточный, Центральный рынок и рынок пос. Южный [1. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 206. Л. 46].

При отсутствии конкуренции в торговле Алтайского края, как и во всей стране, поскольку все предприятия были государственными, ассортимент, цены, внешний вид являлись однотипными. Официальные названия утверждались райкомами партии совместно с крайисполкомом. Например, продукцию населению поставляли такие розничные магазины как «Светлана», «Мебель», «Автомобили», «Искра» [1. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 34. Л. 54]. Можно выделить некоторые названия, отражающие местные особенности. Например, в старой части г. Барнаула располагался магазин «Горелый», который в послевоенное время подвергся пожару, а традиционная темно-зеленая покраска фасадов магазинов повлекла за собой присвоение некоторым из них имени собственного — «Зелёный» [10, с. 33, 195].

На рубеже 1970–80-х гг. в торговлю стали внедряться новые методы развития: доставка товаров на дом, активная реклама магазинов по телевидению, проведение выставок-продаж, ярмарок-базаров и покупательских конференций [1. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 103. Л. 3]. Вводилась практика продажи товаров в кредит: цветных телевизоров, электрогитар, холодильников, магнитофонов, электропроигрывателей [1. Ф. Р-926. Оп. 3. Д. 78. Л. 192–196]. Несмотря на новые методы, потребители отмечали скудность ассортимента и недостатки системы распределения товаров. А. Дуров, председатель районного потребительского общества Тюменцевского района, отмечал, что прикрепление розничных магазинов к определенной фабрике негативно сказывалось на качестве реализуемого товара: «Томские спички лучше, но извините — ты прикреплен к Бийску и будешь продавать бийское. Еще пример — каменская водка. Всегда была отвратительная, воняла керосином. Но ряд районов были прикреплены к Каменскому ликеро-водочному заводу, и им приходилось брать именно ее» [3].

Распоряжения крайисполкома исполнялись руководством торговой розницы повсеместно, но зачастую на местах они воспринимались буквально, что приводило к обратному результату. Так, в статье газеты «Алтайская правда» отмечается неправомерная торговля вином в розлив из сосудов, предназначенных для продажи фруктово-ягодных соков. По словам директора магазина № 4 Манаковой, Горторготдел Барнаула давал официальное разрешение на торговлю вином. Однако фактически «продавцы услужливо наливали выпивохам, а магазины всё больше стали превращаться в распивочные пристанища» [10, с. 2]. Выполнение плана товарооборота напрямую зависели от уровня продажи алкоголя: «директору магазина выгоднее завести и продать несколько ящиков водки, чем машину других товаров» [6, с. 3]. Как следствие, в розничной сети возникала новая проблема — упорядочивание продажи спиртных напитков.

Ещё одним недостатком, снижавшим качество обслуживания, являлась антисанитария торговых предприятий. Покупатели обращались в редакцию местной газеты «Алтайская правда» с жалобами о состоянии «забытых магазинов». Как правило, обращение влекло за собой исправление сложившейся ситуации в соответствии с санитарными нормами: ремонт помещений и замена технического оборудования [4, с. 2].

Торговля в крае постепенно обеспечивалась помещениями, оснащалась новой техникой, создавались условия для удобства покупателей. Но, несмотря на это, некоторые вопросы культуры торговли оставались открытыми: непривлекательный внешний вид магазинов, недостаточное количество рекламы и эстетической отделки, уровень вежливости продавцов в общении с покупателем. Потребителями отмечалось, что «ни автоматы, ни телевизионные установки в магазинах самообслуживания не могут заменить человеческого общения. От работника торговли, как ни от кого другого требуется теплота, душевность, внимательность». Немаловажным оставался аспект компетентности руководящего состава, их торговой предприимчивости в организации торгового обслуживания [1. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 138. Л. 133–134].

С целью улучшения эстетической части торговли был создан Комбинат торговой рекламы, декораторы которого занимались оформительно-художественной работой [1. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 225. Л. 166–167]. Также проводились конкурсы (например, «Витрина-79») с целью повышения идейно-художественного уровня, профессионального мастерства работников рекламы в торговле [1. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 549. Л. 88].

Для повышения качества торгового обслуживания и подбора соответствующего штата сотрудников в 1975 г. при Управлении торговли была создана постоянно действующая квалификационная комиссия, в

обязанности которой входило определение профессиональной пригодности работников [1. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 186. Л. 1].

В середине 1970-х гг. активно развивалась специализация торговых предприятий. В 1976 г. для реализации детских товаров организована торговая фирма «Детский мир» [1. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 238. Л. 80]. В г. Бийске на базе двух торгов создано розничное торговое объединение «Продтовары» [1. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 248. Л. 14]. К концу 1970-х гг. в связи с укрупнением Барнаула создан дополнительный пищеторг — в Индустриальном районе города [1. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 390. Л. 146]. К концу десятилетия торговая сеть Алтайского края состояла из 8282 предприятий [5].

Помимо вышеназванных функций Управление торговли формировало ценовую политику торговых предприятий края. В его штат входили специалисты, определявшие цены и наценки, так наз. «ценовики». С целью возможности уменьшения розничных цен на овощную, молочную и хлебную продукцию, производители получали дотации на электроэнергию, водоснабжение и другие нужды [3]. В 1980 г. при Управлении торговли была создана общественная комиссия по контролю над соблюдением государственной дисциплины цен и правил торговли [1. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 455. Л. 115].

На рубеже 1980-х — 1990-х гг., в связи с реструктуризацией советской системы управления и переходом на рыночные отношения, предприятия Управления торговли стали постепенно ликвидироваться (например, Барнаульский текстильшвейобувьторг) [1. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 577. Л. 54]. 21 октября 1991 г. исполнительный комитет Алтайского краевого Совета народных депутатов прекратил свою деятельность, а с ним и все его организации, включая Управления торговли Алтайского крайисполкома [1. Ф. Р-926. Оп. 4. Д. 577. Л. 97].

Таким образом, анализ архивных документов фонда Управления торговли показывает, что деятельность данного государственного органа способствовала развитию торговли и потребительского рынка в Алтайском крае, повышала культуру обслуживания покупателей и уровень товарного снабжения населения во второй половине XX в. Газетные материалы и отчетные данные предприятий содержат информацию о ряде недостатков торгующих организаций. Однако, отмечается постепенное поступление в продажу товаров нового ассортимента, включая не только товары первой необходимости и широкого потребления. Обновление структуры, выделение новых отделов и изменения в штатном аппарате Управления привело к специализации торгов, повышению контроля над функционированием розничной торговли по отдельным товарным категориям. Особое внимание уделялось культуре обслуживания покупа-

телей, эстетическому состоянию торговой сети и поддержанию положительного образа работника советской торговли.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК).
2. *Калабеков И. Г.* СССР и страны мира в цифрах. Справочное издание. М., 2019. 359 с.
3. *Коваленко Н., Крикун Т.* Какой была торговля на Алтае? // Алтапресс. 2016. URL: <https://long.altapress.ru/ussrtrade/>
4. Магазин под контролем // Алтайская правда. 1970. № 19. С. 2.
5. Народное хозяйство РСФСР в 1980 г.: Стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1981. 406 с. URL: <http://istmat.info/node/15862>
6. От редакции // Алтайская правда. 1970. № 9. С. 3.
7. Очерки истории Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд, 1987. 448 с.
8. Преображенный Алтай / под ред. А. И. Лизиной, Т. М. Макеева. Барнаул: Алт. кн. изд., 1967. 235 с.
9. *Ужакин С. Ф., Ужакин А. С.* Город на песках. Барнаул неформальный. Барнаул, 2013. 272 с.
10. У колбы... с вином // Алтайская правда. 1970. № 9. С. 2.

УДК 94(470+571)“1979/1989”

Т. В. Рабуш

г. Санкт-Петербург (Россия)

Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ (1979–1989): ФОРМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ПРАКТИКИ КОММЕМОРАЦИИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

В статье рассматриваются основные формы сохранения исторической памяти об участии СССР в войне в Афганистане (1979–1989) и об участниках этого военного конфликта применительно к регионам Российской Федерации, но не к каким-то регионам конкретно, а в обобщенном виде. Автор выделяет пять основных форм реализации региональной политики памяти в этом направлении: установка памятников и мемориальных досок в честь участников войны в Афганистане; издание региональных книг Памяти, посвященных погибшим в Афганистане и книг-воспоминаний вернувшихся из Афганистана ветеранов; создание отдельных музеев в память об этой войне и постоянных экспозиций в уже имеющихся военных или краеведческих музеях; деятельность региональных ветеранских организаций, объединяющих ветеранов Афганистана или ветеранов локальных вооруженных конфликтов в целом; проведение научных исследований, посвященных участию жителей какого-либо региона или даже отдельного населенного пункта в афганской войне.

Ключевые слова: афганская война, Афганистан, СССР в Афганистане, историческая память, афганский вооруженный конфликт, ветераны Афганистана, увековечивание памяти, коммеморация, история СССР, политика памяти.

С даты вывода советских войск из Республики Афганистан (именно такое официальное название носила эта страна в 1989 г.) прошло более 30 лет, и этот военный конфликт с участием Советского Союза уже стал достоянием истории. Вместе с тем, он до сих пор вызывает живой отклик в сердцах и умах, поскольку многие его участники живы, да и внутривосполитическая ситуация в этой азиатской стране остается далекой от урегулирования. Для исследования любых масштабных (и не очень) исторических событий достаточно важно рассматривать и то, как эти события протекали и воспринимались в регионах, что поможет дать картину какого-либо исторического события во всей его полноте. Многие историки посвящают себя изучению каких-то событий, взятых в рамках одного региона — так, можно изучать развитие советской автотранспортной отрасли на примере Республики Коми [15], нэп на примере Урала [12] и т. д. Такие штудии позволяют воссоздать полную картину исторического события или периода.

В настоящей статье автору хотелось бы взять такую довольно востребованную сейчас тему, как «политика памяти», и рассмотреть, в каких формах реализуется историческая память об афганской войне 1979–1989 гг. (с участием СССР) в разных регионах России. То есть, с одной стороны, статья носит обзорный характер; а с другой стороны, автор постарается охарактеризовать все основные формы сохранения исторической памяти о событиях в Афганистане и привести конкретные примеры их реализации. Сразу же стоит оговориться, что в силу ограниченного формата работы автор будет в каждом случае приводить только небольшое количество примеров — конечно же, их гораздо больше. Историография по этому вопросу крайне скромна — на данный момент, пожалуй, можно упомянуть только статью О. В. Андреева [1], но она, посвящена, во-первых, сохранению исторической памяти касательно не только войны в Афганистане, но и об участии в других локальных военных конфликтах с военным вовлечением СССР/России, а во-вторых, она рассматривает состояние дел по этому вопросу преимущественно лишь в одном регионе — в Республике Чувашия.

Теперь обратимся к российскому законодательству по этому вопросу. Статья 2 «Формы увековечения памяти погибших при защите Отечества» Закона РФ от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» говорит буквально следующее:

«Основными формами увековечения памяти погибших при защите Отечества являются:

сохранение и благоустройство воинских захоронений, создание, сохранение и благоустройство других мест погребения погибших при защите Отечества, установка надгробий, памятников, стел,obelisks, других мемориальных сооружений и объектов, увековечивающих память погибших;

сохранение и обустройство отдельных территорий, исторически связанных с подвигами погибших при защите Отечества;

проведение поисковой работы, направленной на выявление неизвестных воинских захоронений и непогребенных останков, установление имен погибших и пропавших без вести при защите Отечества, занесение их имен и других сведений о них в книги Памяти и соответствующие информационные системы;

создание мемориальных музеев и сооружение на местах боевых действий памятных знаков;

публикации в средствах массовой информации и в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” материалов о погибших при

защите Отечества, создание произведений искусства и литературы, посвященных их подвигам, организация выставок;

присвоение имен погибших при защите Отечества улицам и площадям, географическим объектам, организациям, в том числе образовательным организациям, учреждениям, воинским частям и соединениям, кораблям и судам;

занесение имен погибших при защите Отечества навечно в списки личного состава воинских частей, военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования;

установление памятных дат, увековечивающих имена погибших при защите Отечества» [9].

Как можно увидеть из этих строк, данный закон прежде всего был направлен на увековечение памяти погибших в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., и ряд его пунктов по объективным причинам не может быть применен к погибшим в Афганистане (например, проведение поисковой работы по выявлению непогребенных останков или обустройство территорий, связанных с подвигами погибших и местами боевых действий). Тем не менее, некоторые пункты из этой статьи вышеуказанного Закона реализуются и в коммеморативных практиках о событиях афганской войны, что автор будет описывать далее.

Итак, во-первых, память о событиях афганской войны в российских регионах воплощается в установке памятников и мемориалов участникам этого конфликта. Один из первых таких памятников, установленных на территории РФ — «Разорванное братство» в Перми [21]. Также можно назвать изумительно выразительную «Разорванную звезду» в Пензе, памятники «Черный тюльпан» в Екатеринбурге, Норильске, Петрозаводске и Пятигорске, памятник воину-интернационалисту в Красноярске (и это не полный список). В последние десятилетия нередко появляются «объединенные» памятники, посвященные одновременно и погибшим в Афганистане, и погибшим в других локальных вооруженных конфликтах советского и постсоветского времени — например, таковы памятники в Твери на берегу Волги, в Челябинске или трогательный памятник «Сердце матери» в Вязьме, Смоленская область. Кроме того, в регионах России на некоторых школах, в которых учились прославленные воины-интернационалисты (ветераны Афганистана, или же погибшие там), иногда вывешиваются памятные таблички, мемориальные доски; там же организовываются комнаты-музеи [29].

Во-вторых, в регионах России с самого начала 1990-х гг. и вплоть до настоящего времени осуществляется издание книг Памяти, посвященных землякам, погибшим в Афганистане. В настоящее время таких

книг издано не менее сотни, причем ряд из них имеют расширенные и дополненные переиздания. Назовем только некоторые примеры: книга Памяти «Пепел Афгана» [19] в память погибших уроженцев Вологды и Вологодской области; книга Памяти «Афганистан: ...И боль, и слезы...: Сыновья Тверской земли» [4] о погибших жителях Твери и области; екатеринбургская «Черный тюльпан: Книга Памяти, Афганистан, 1979–1989» [30]; нижегородская «Поклонись кресту «афганца»: книга Памяти нижегородских воинов-интернационалистов» [8]; оренбургская «Родина, это твои сыновья: Книга Памяти о воинах-оренбуржцах, погибших в афганской войне и умерших после нее» [22] и многие, многие другие (автор отметит, что феномену российских региональных «афганских» книг Памяти он посвятил отдельную статью).

Появляются и «сборные» книги Памяти, посвященные уроженцам определенного региона, погибшим не только в Афганистане, но и в других локальных военных конфликтах, например, в Чечне — так, это «Иваново помнит: Книга Памяти участников локальных войн и миротворческих миссий СССР и РФ (1950–2010-е гг.)» [11] для города Иваново и области; «Так хочется оставить всех в живых. Книга Памяти о погибших и пропавших без вести в Афганистане и в вооруженных конфликтах (1979–2001) ростовчанах и жителях Ростовской области» [23] Ростова-на-Дону и области; «Земляки — защитники отечества. Книга памяти воинов из Череповца и Череповецкого р-на, погибших при исполнении воинского долга» [10] Череповца и района (Вологодская область) и многие другие. Здесь же отметим еще один феномен, связанный с повсеместным распространением компьютерных технологий — а именно создание и функционирование «афганских» книг Памяти онлайн. Такова, например, книга «Пламя и пепел Афгана» [20] Ярославля и Ярославской области. Интересно то, что в подавляющем большинстве случаев инициатива создания таких книг Памяти исходила и исходит именно от региональных органов — региональных и муниципальных органов власти, региональных ветеранских организаций и т. д., но не из Москвы.

Существует практика издания региональных книг-воспоминаний ветеранов Афганистана, в которых они делятся своими воспоминаниями об участии в этой войне [18; 3].

В-третьих, в ряде городов России основаны и действуют музеи, посвященные участию СССР в афганской войне — например, очень известен музей памяти воинов-интернационалистов «Шурави» в Екатеринбурге, есть музей «Верность» в г. Новокузнецке [24]. Экспозиции, посвященные участию земляков в афганской войне, имеются и в ряде региональных военных или краеведческих музеев — так, это музей «Мемориал Победы» в Красноярске [5], музей в Омске [27] и т. д.

В-четвертых, в большинстве регионов России действуют ветеранские организации, объединяющие ветеранов Афганистана и во многих случаях также и ветеранов других локальных вооруженных конфликтов. Эти организации проводят активную общественную работу, в т. ч. и связанную с увековечением памяти павших в Афганистане и сохранением исторической памяти об участии страны в этом военном конфликте. Кстати, в собирании материала для книг Памяти и их последующем издании региональным ветеранским организациям также принадлежит немалая роль. И уже существуют научные работы, посвященные рассмотрению деятельности таких организаций в какой-то определенный отрезок времени, или, например, процесса их создания [2].

В-пятых, в последнее десятилетие в регионах страны довольно активно развиваются исследования, направленные на изучение участия земляков в афганской войне. На взгляд автора, эта тема требует отдельного изучения, но в рамках статьи для конференции стоит привести некоторые примеры таких исследований. Так, изучению подвергнуто участие в афганской войне жителей Чувашии [1; 13], Челябинска [7], Ингушетии [6], Тверской области [25], Республики Алтай [16; 17; 28], жителей г. Ногинск и Ногинского района Московской области [14], г. Ливны Орловской области [26] — правда, пока что результаты такой исследовательской деятельности публикуются преимущественно не на страницах научных журналов, а в рамках выступлений на конференциях. Но, на взгляд автора, в рамках исследований по истории афганской войны можно говорить о зарождении отдельного научного направления, посвященного изучению именно участия регионов России в войне в Афганистане.

И в-шестых, в день вывода ограниченного контингента советских войск из Афганистана (15 февраля 1989 г.) региональные ветеранские организации, муниципальные органы власти, библиотеки, образовательные учреждения проводят различные массовые мероприятия — от возложения венков к памятнику воинам-интернационалистам до проведения выставок. Многочисленные журналистские статьи, иллюстрирующие этот пункт, без труда можно найти в сети Интернет (например, на сайтах региональных газет или на сайтах муниципалитетов), поэтому автор в данном случае не будет приводить конкретные примеры.

Итак, историческая память об участии СССР в афганском вооруженном конфликте 1979–1989 гг. и его участниках сохраняется в регионах современной России весьма активно и в разных формах, проводится соответствующая региональная политика, причем возможно говорить даже о возникновении отдельных научных исследований в этом направлении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреев О. В.* Сохранение памяти о военнослужащих СССР и Российской Федерации, погибших в локальных войнах и вооруженных конфликтах 1946–2009 годов // Вестн. Чуваш. ун-та. 2019. № 4. С. 5–14.
2. *Андронов И. В.* Нижегородская региональная организация общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане и военной травмы – «Инвалиды войны»: история и современность // Инвалиды – инвалидность – инвалидизация. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород: Изд-во ООО «Научно-исследовательский социологический центр», 2018. С. 22–26.
3. Афганистан. Боль моя... Воспоминания, посвящения, фотодокументы / Выборгская общественная организация ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и государственной службы. СПб.: Коста, 2009. 275 с.
4. Афганистан: ...И боль, и слезы...: Сыновья Тверской земли / сост. Е. И. Борисов. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1997. 303 с.
5. Боевые действия в Афганистане. Сайт музея «Мемориал Победы». URL: <https://memorial24.ru/voiny-internationalisty/boevye-deystviya-v-afganistane>
6. *Гадзиева М. С.* Участие ингушей в афганской войне // Вестник науки. 2019. Том 3. № 6 (15). С. 220–222.
7. *Жалилов А. И.* Южноуральцы — участники войны в Афганистане // Природное и культурное наследие Урала. Материалы X Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ин-та культуры, 2019. С. 238–241.
8. *Жуков Б. Н.* Поклонись кресту «афганца»: книга Памяти нижегородских воинов-интернационалистов, погибших в Афганистане в 1979–1989 годах. Н. Новгород: Нижполиграф, 2003. 383 с.
9. Закон РФ от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества». Статья 2. URL: <https://base.garant.ru/1583840/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/>
10. Земляки — защитники отечества. Книга памяти воинов из Череповца и Череповецкого р-на, погибших при исполнении воинского долга / В. С. Гришина, Г. Ю. Петрова. Череповец: Инсайт плюс, 2016. 72 с.
11. Иваново помнит: Книга Памяти участников локальных войн и миротворческих миссий СССР и РФ (1950–2010-е гг.) Ивановская область / отв. ред. А. К. Калинин. Иваново: издательство Ольга Епишева, 2017. 207 с.
12. *Килин А. П.* Частная торговля и кредит на Урале в годы НЭПа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург: Изд-во Уральского фед. ун-та им. Б. Н. Ельцина. 2018. 606 с.
13. *Корнякова К. Н., Иванова Т. Н.* Свидетельства участников боевых действий в Демократической Республике Афганистан как источник по истории событий 1990-х годов в Чувашской Республике // Сб. науч. тр. молодых ученых и специалистов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2020. С. 190–195.
14. *Кострова А. М.* Воины-интернационалисты Богородской земли в афганской войне 1979–1989 гг. // Россия в войнах и локальных военных конфликтах XX

- начала XXI в. Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Уфа: Изд-во Башкир. гос. ун-та, 2019. С. 44–49.
15. *Логинова Д. В.* Становление системы материально-технического обеспечения автотранспортной отрасли Республики Коми (1920 – середина 1940-х гг. XX в.) // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та технологии и дизайна. 2018. № 4. С. 184–191.
 16. *Манжин К. Ю.* Воины-интернационалисты Усть-Канского района Республики Алтай – участники боевых действий на территории Республики Афганистан // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та, 2019. С. 120–126.
 17. *Манжин К. Ю.* Наследники Великой Победы с. Верх-Ануй (участники боевых действий в Афганистане и Чечне) // Макарьевские чтения. Материалы XIV междунар. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та, 2019. С. 133–141.
 18. Нас объединила война. Колыванцы – участники боевых действий в Афганистане 1979–1989 гг. / сост. О. И. Макарова, Т. В. Ярошаускас. Колывань: Центральная библиотека, 2010. 72 с.
 19. Пепел Афгана. Памяти воинов-вологжан, павших в Афганистане / сост. В. Г. Нечепа, В. В. Судаков. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1993. 349 с.
 20. Пламя и пепел Афгана. Электронная книга Памяти, посвященная ярославцам, погибшим при выполнении воинского долга в Афганистане. URL: <http://afghan-yar.msk.ru/page.php?id=188>
 21. Правительство Пермского края. Государственное краевое бюджетное учреждение культуры «Пермский краевой научно-производственный центр по охране памятников (объектов культурного наследия)» (ГКБУК «КЦОП»). Официальный сайт. Скульптура «Разорванное братство». URL: <http://kcoo.ru/monum12/monum12-29.htm>
 22. Родина, это твои сыновья: Книга Памяти о воинах-оренбуржцах, погибших в афганской войне и умерших после нее / ред. А. Г. Иванова и др. Оренбург: Южный Урал, 1997. 286 с.
 23. Так хочется оставить всех в живых. Книга Памяти о погибших и пропавших без вести в Афганистане и в вооруженных конфликтах (1979–2001) ростовчан и жителей Ростовской области / авт.-сост. Е. А. Рой. Ростов-н/Д: «МП Книга», 2001. 608 с.
 24. *Фадина В. С.* Военно-патриотическое воспитание школьников г. Новокузнецка (на примере музея памяти воинов-интернационалистов «Верность») // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность. Материалы Всерос. науч.-теор. конф. Иркутск: ООО «Издательство Оттиск», 2020. С. 286–289.
 25. *Фоменко М. В.* Локальные конфликты и их влияние на формирование политической культуры советской молодежи (на основе интервью жителей Тверского края – участников боевых действий в Афганистане) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. № 19 (138). С. 173–177.

26. *Хорошилов А. С.* Эхо афганской войны (памяти воинов-земляков, погибших в Афганистане) // Интеллектуальный потенциал XXI века инновационной России. Материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. обучающихся и студентов. Орел: Изд-во Орлов. гос. ун-та, 2019. С. 232–237.
27. *Хурчаков А. А.* Архивы воинов-«афганцев» в фондах музейного комплекса воинской славы омичей // Пятые Ядринцевские чтения. Материалы V Всерос. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во Омск. гос. историко-краеведческого музея, 2019. С. 318–321.
28. *Чедурова Е. М., Манжин К. М.* Материалы устной истории по воинам-интернационалистам Усть-Канского района Республики Алтай // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). Материалы XIV междунар. науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. пед. ун-та, 2019. С. 325–328.
29. *Черкова Т. А.* Музей «Локальные войны XX века» МБОУ «СОШ № 60» им. Владимира Завьялова: история героя // Научно-педагогический журнал «Учитель Алтая». 2020. № 1 (2). С. 74–80. Черный тюльпан: Книга Памяти, Афганистан, 1979–1989. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. 333 с.

УДК 323(470+571)

П. А. Шашонков

г. Москва (Россия)

НИУ ВШЭ

ПОЛИТИКА ВЫСШИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РФ В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ ОСЕНЬЮ 1993 ГОДА

События осени 1993 г. стали финальной точкой в политическом противостоянии федеральных органов власти, которое началось ещё в апреле 1992 г. Особенностью этого политического кризиса стала серьёзная вовлечённость российских регионов. В настоящей статье анализируется политика Президента, Правительства, Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ, а также и. о. Президента РФ А. В. Руцкого в отношении российских регионов осенью 1993 г. Привлекаются опубликованные сборники документов высших органов государственной власти России, а также связанная с описываемыми событиями литература. Помимо этого, используются мемуары политических деятелей — участников острого политического кризиса осени 1993 г. На основании этого автором делается вывод о том, что Б. Н. Ельцин и народные депутаты стремились заручиться поддержкой российских регионов в развернувшемся противостоянии.

Ключевые слова: российские регионы, Съезд народных депутатов, Президент, Правительство, политический кризис, осень 1993 г.

Политический кризис, развернувшийся в 1992–1993 гг. между Президентом Б. Н. Ельциным и народными депутатами, не придавал стабильности едва возникшей Российской Федерации. Фактически с 1992 г. в стране существовало два центра политической силы — Президент РФ и Съезд народных депутатов РФ вместе с Верховным Советом РФ. И хотя подписание Федеративного договора 31 марта 1992 г. практически ликвидировало угрозу распада России, политическая напряжённость между федеральными органами власти продолжала нарастать. Оставшиеся же в составе России регионы были втянуты в это политическое противостояние. Его апогеем стало издание Б. Н. Ельциным знаменитого указа № 1400 о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета. Это действие российского президента окончательно закрепило формировавшееся двоевластие и сделало его явным.

Такое положение дел в Москве дестабилизировало ситуацию в российских регионах, позволяя, тем самым, активизироваться местным национальным движениям. Так, например, это произошло в Чувашии, где местные националисты потребовали от республиканского Верховного Совета провозгласить верховенство законодательства Чувашии над

российским, а также прекратить платить налоги в федеральный бюджет [4, с. 46]. И хотя данное требование не было поддержано депутатами, оно показательно в условиях российского «двоевластия» 1993 г.

Однако, с другой стороны, гораздо значительно выглядит иная деятельность российских регионов. Используя все свои возможности, они пытались осуществлять миротворческие функции в обострившемся политическом кризисе федеральных властей. Начиная с 23 сентября и вплоть до событий 3–4 октября в Москве, субъекты РФ собирались на специальные совещания с целью выработки единого мнения по происходящему в стране. Кульминацией этого стало создание 30 сентября Совета субъектов РФ, который провозгласил в качестве главной цели претворить в жизнь так наз. «нулевой вариант» — возвращение ситуации до 20:00 21 сентября и одновременные досрочные выборы Президента и народных депутатов [9, с. 432–439].

Учитывая такую высокую роль, которую играли регионы в развитии политической ситуации, неудивительно, что Кремль и Белый Дом с самого начала острой фазы кризиса (21 сентября) стремились заручиться поддержкой местных властей. Рассмотрим действия Президента, Правительства и народных депутатов в отношении субъектов РФ подробнее.

Но перед этим обратим внимание на следующий факт. Несмотря на наблюдаемый в последнее время высокий интерес к событиям осени 1993 г. в отечественной историографии, российские регионы, зачастую, до сих пор находятся вне «поля зрения» историков. Основной проблематикой подавляющего большинства существующих работ являются «взаимоотношения» исключительно народных депутатов и Б. Н. Ельцина после 21 сентября. Вместе с тем, упускается из виду серьёзная роль российских регионов в данном политическом кризисе. Мы придерживаемся позиции считать субъекты России «третьей силой» в событиях сентября — октября 1993 г. Учитывая это, уверены в необходимости серьёзного анализа политики и народных депутатов, и Б.Н. Ельцина и Правительства РФ в отношении российских регионов, что является предметом настоящей статьи.

Заметим, что ещё в полночь 22 сентября на седьмой (внеочередной) сессии ВС РФ Р. И. Хасбулатов рассказал членам российского парламента о первых решениях в связи с государственным переворотом. Согласно его выступлению, практически сразу руководство Верховного Совета связалось с регионами и попросило их «провести сессии, дать однозначную оценку уже не попытке, а самому факту государственного переворота». Сразу же спикером была отмечена важная роль позиции российских регионов и работы с ними: «Поэтому очень важно серьезно

поработать нам всю эту ночь и завтрашний день с тем, чтобы регионы смогли правильно ориентироваться в этой нелегкой ситуации» [3, с. 25, 27].

Тогда же к региональным руководителям обратился и и. о. Президента А. В. Руцкой. Новый глава государства убедительно попросил их «провести среди населения разъяснительную работу через средства массовой информации и иные возможности», призвать «людей к солидарности, сплоченности в защите конституционных законных органов власти». Всё это нужно было, потому что любые новости из Белого Дома искажались и преподносились в ином свете. И, как отметил А. В. Руцкой, от позиции регионов в значительной степени зависела судьба страны и её демократическое будущее [1, с. 2879].

Уже на утреннем заседании того же дня зам. Председателя ВС РФ В. А. Агафонов заявил о том, что «практически все регионы поставлены в известность» о принятых Верховным Советом и и. о. Президента решений и обращений. На 22–23 сентября, отметил докладчик, были назначены сессии региональных Советов (а также их президиумов и Малых Советов) с рекомендованной Верховным Советом повесткой. Первые итоги таких заседаний уже были известны: Малые Советы и Президиумы Советов поддержали решения Верховного Совета [3, с. 53–54].

На этом же заседании народный депутат С. Н. Бабурин предложил внести поправку в ст. 64 УК РСФСР об ужесточении наказания в случае осуществления действий, направленных на насильственное изменение конституционного строя России, а равно угрожающие её территориальной целостности. В ходе обсуждения депутат от Москвы Е. М. Кожокин поинтересовался, будут ли подпадать под эту статью сепаратистски настроенные региональные руководители, что позже подтвердилось ответом С. Н. Бабурина. Однако члены Верховного Совета отклонили эту поправку [3, с. 57, 60, 63].

В 22:00 того же дня открылся X Съезд. Заметим, что все депутаты, приехавшие тогда в Москву из регионов, в своих выступлениях подчёркивали необходимость обращения за поддержкой к региональным органам власти. Вплоть до радикальных идей. Так, депутат Б. В. Тарасов от Куйбышевской области выдвинул идею обратиться к регионам с предложением об объявлении ими ультиматума Правительству: «до тех пор, пока не будет прекращена политика давления на Съезд, распоряжения Правительства выполняться не будут» [2, с. 85]. А депутат Г. Л. Смольский от Тверской области и вовсе поднял вопрос о необходимости переезда Съезда в «другой город, где будут нормальные условия для работы» [2, с. 90].

Другой важной высказанной идеей стало предложение В. А. Сердюкова. Народный депутат от Санкт-Петербурга посоветовал Съезду принять решение о приглашении полноправных представителей субъектов РФ, региональных Советов для постоянной работы с возможностью иметь совещательный голос [2, с. 79–80].

Камнем преткновения стало обсуждение на Съезде возможности одновременных досрочных выборов Президента и народных депутатов. Ю. М. Нестеров от Санкт-Петербурга отстаивал мысль, что это являлось единственным компромиссным решением в той ситуации, которое, что важно, было поддержано аналогичными требованиями региональных органов власти. Он также заявил, что «если мы [народные депутаты. — *Авт.*] не подтвердим решение об одновременных выборах, то просто не будем поддержаны остальной Россией» [2, с. 65]. Тогда как С. П. Горячева считала, что проводить одновременные перевыборы нельзя: сначала стоит организовать президентские выборы, а затем — парламентские. Если сделать, отмечала она, в обратном порядке, то в случае отказа ряда регионов провести выборы в представительный орган такой парламент был бы «лоскутным» [2, с. 67–68].

В тот же день распоряжением В. С. Черномырдина в российские регионы были направлены полномочные представители Совета Министров для оказания помощи в реализации актов Президента и Правительства по вопросам поэтапной конституционной реформы и взаимодействия с местными органами власти. Их полномочия были определены днём позже [5, с. 4071].

Согласно соответствующему распоряжению Правительства, полномочные представители должны были представлять в Правительство всю информацию о ситуации в регионах. При этом они были не вправе вмешиваться в работу исполнительных органов власти субъектов РФ. Последним же предписывалось содействовать полномочным представителям, тогда как представительным органам власти субъектов было лишь рекомендовано это [5, с. 4075–4076].

На следующий день работы Съезда Р. И. Хасбулатов высказал идею о необходимости подготовки поправок о выравнивании статусов субъектов России. В частности, это касалось глав местных администраций. Спикер отметил, что краям и областям нужно предоставить свободу выбора как у республик: глава местной исполнительной власти должен либо назначаться местным Советом, либо избираться населением края или области. И это решение уже не требовало бы утверждения Президентом. Это, по мнению Р. И. Хасбулатова, позволило бы избежать дезинтеграции России [2, с. 127–128].

В итоге, Съездом был принят закон о главах администраций субъектов России (кроме республик). Согласно нему, главы администраций либо назначались местными Советами, либо избирались населением. Состав администрации должен был утверждаться местным Советом, а её глава по должности должен был входить в Правительство России [1, с. 2762]. Тем самым, впервые за три года работы Съезда был принят закон, выровнявший статус субъектов РФ.

В тот же день на Съезде В. Д. Зорькин посоветовал депутатам назначить досрочные выборы, гарантом которых могут выступить субъекты России, а им предложил собраться в Москве 28 числа [2, с. 253]. Весьма значимым было выступление О. Г. Румянцева, предложившего не только создать комиссии для пробивания в прямые эфиры регионов, но и отметившего, что «если в последнем пункте последней строчкой мы согласились с выборами, это не означает, что об этом узнает вся Россия» [2, с. 253].

Тогда же Съездом было принято постановление о досрочных одномоментных выборах народных депутатов и Президента. Показательно, что результатом долгих дискуссий стали и сам факт принятия этого постановления, и первая его строчка — «учитывая предложения субъектов» [1, с. 2761]. Вслед за этим А. В. Руцкой, выполняя решения ещё VI и VII Съездов, упразднил институт представителей Президента Российской Федерации на местах [1, с. 2861].

К середине 25 сентября в Верховном Совете сформировались депутатские группы по связям с регионами. Группа З. А. Корниловой занималась северными территориями, Сибирью, Дальним Востоком. На Поволжье в целом была отправлена группа Р. С. Мухаммадиева. Края и области выборочно были отнесены к ведению группы В. А. Лысенко, а Северный Кавказ — к группе С. Н. Решульского [2, с. 274].

В этот же день состоялось инициированное Б. Н. Ельциным заседание Конституционного Совещания, которое возобновило свою работу в середине сентября. Показательно, что на него были приглашены только делегаты от политических партий, общественных движений, конфессий, предпринимательского движения [5, с. 4034–4035]. Иначе говоря, сторонниками Б. Н. Ельцина изначально игнорировалось мнение представителей органов федеральной власти и органов власти субъектов РФ. Причиной этого стал тот факт, что уже к 26 сентября обозначилась чёткая позиция регионов по отношению к указу № 1400 — 66 субъектов РФ, согласно данным народного депутата М. Б. Челнокова, признали этот акт антиконституционным [8, с. 305–306]. И предоставление дополнительной площадки для выражения этих оппозиционных Б. Н. Ельцину мнений не входило в планы его сторонников.

«Убирал» Б. Н. Ельцин оппозицию в регионах и собственными указами. Так, 25 сентября он отстранил главу администрации Брянской области Ю. Е. Лодкина от исполнения своих обязанностей. Вместо него был назначен В. А. Карпов [5, с. 4033]. На следующий день уже Съезд принял осуждающее любые действия против законно избранного Ю. Е. Лодкина заявление, в котором указ Б. Н. Ельцина объявлялся «произволом» и «пренебрежением к воле населения Брянской области» [1, с. 2783].

Тогда же, опираясь на мнение В. Д. Зорькина, А. В. Руцкой опубликовал свои предложения по урегулированию кризиса: отмена указа № 1400 и всех последующих связанных с ним; сложение Б. Н. Ельциным президентских полномочий; одновременные выборы, гарантами которых выступили бы Конституционный Суд и создаваемый Контрольный Совет субъектов РФ, а правовой основой — законодательство России и решения региональных законодательных органов [1, с. 2894]. Позже (29 сентября) эти предложения были вновь им направлены собравшимся на совещания российским регионам [1, с. 2898].

27 сентября в ходе утреннего заседания Р. Г. Абдулатипов сделал сообщение об итогах состоявшегося совещания представителей субъектов Российской Федерации в Санкт-Петербурге. Со стороны Съезда серьезной критике подверглось заявление, принятое на данном совещании. Председатель ВС РФ Р. И. Хасбулатов проинформировал народных депутатов о поступивших в адрес съезда решений 82 субъектов федерации, в которых выражено мнение о сложившейся в стране политической ситуации и выражена поддержка Съезду [2, с. 356].

В этот же день народными депутатами было решено согласиться с предложениями российских регионов и пригласить на X Съезд представителей субъектов России (до 5 от каждого субъекта) [1, с. 2785]. Кроме того, был принят закон «О федеральных уполномоченных Съезда народных депутатов Российской Федерации». Согласно нему, уполномоченные были вправе: требовать от должностных лиц исполнять решения X Съезда и составлять соответствующие акты в случае их неисполнения. Федеральными уполномоченными признавались народные депутаты России всех уровней, а также иные лица, назначенные Съездом. Их полномочия заканчивались после издания Съездом или Верховным Советом постановления о восстановлении конституционного строя [1, с. 2786].

В свою очередь Б. Н. Ельцин издал указ, подчёркивающий, что органы исполнительной власти субъектов РФ входят в единую систему и подчиняются Правительству России. И до начала работы Федерального Собрания РФ главы администраций субъектов России (кроме республик) не могли быть отстранены от должности иначе как указом Президи-

дента РФ. Кроме того, на это время запрещалось проводить выборы глав администраций и голосование по их отзыву. Правительству же поручалось пресекать попытки их переподчинения [6, с. 4090].

29 сентября вышел очередной указ Б. Н. Ельцина в отношении регионов. Правительству России было поручено обеспечивать всестороннее взаимодействие с региональными руководствами и оказывать помощь и содействие обоим ветвям власти субъектов. Им было рекомендовано обеспечивать взаимодействие с Советом Министров России. Интересно, что только тогда Б. Н. Ельцин обратил своё внимание на представительные органы власти субъектов. С ними было предписано координировать свою работу центральным органам федеральной исполнительной власти на период поэтапной конституционной реформы [6, с. 4093–4094].

Так, обе стороны развернувшегося конфликта сильно рассчитывали на поддержку регионов. Наиболее ярко это желание «перетянуть» субъекты России на свою сторону отражено в словах Р. И. Хасбулатова от 3 октября о медлительности регионов, назначивших совещание на 9 число: «За это время нас [защитников Белого Дома. — Авт.] трижды могут перебить. Региональным властям надо сегодня действовать, а не завтра» [7, с. 330]. Однако 3–4 октября ситуация в Москве сорвалась в штопор. После прорыва блокады Белого Дома и попытки штурма Останкино верные Б. Н. Ельцину силы осуществили штурм Дома Советов, окончательно разогнав Съезд и его депутатов.

Таким образом, проанализировав политику высших органов государственной власти РФ в отношении регионов осенью 1993 г., стоит отметить следующее. В ходе рассматриваемых событий обе стороны конфликта стремились привлечь регионы на свою сторону в рамках противостояния. Этим и объясняется немалое количество выпущенных ими актов, направленных на региональные власти.

К началу октября 1993 г. стало понятно, что большинство российских субъектов выступало за так наз. «нулевой вариант», нежели чем за кого-либо в Москве. Главными требованиями многочисленных совещаний российских субъектов стали одновременные досрочные выборы народных депутатов и Президента, а также возвращение к ситуации до 20:00 21 сентября 1993 г.

Однако данный вариант полностью не устраивал Б. Н. Ельцина, который оказался в условиях игры с нулевой суммой — «выигрывает» либо он, либо Съезд. В этой ситуации Б. Н. Ельциным было принято решение осуществить штурм Белого Дома и окончательно разогнать Съезд народных депутатов. К этому моменту мнение российских регионов ни Б. Н. Ельциным, ни его окружением уже не учитывалось. Дальнейшая

одержанная победа позволила Б. Н. Ельцину выйти из сложившейся зависимости от регионов. Тем самым, можно говорить о том, что события осени 1993 г. стали, в т. ч., водоразделом политики федерального центра в отношении субъектов РФ, который обозначил курс Центра на планомерное и окончательное сокращение самостоятельности российских регионов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации: № 39: Реконструкция не вышедшего номера 6 октября 1993 г. М.: Политика, 2013. 308 с.
2. Десятый (чрезвычайный) Съезд народных депутатов Российской Федерации. 23 сентября – 4 октября 1993 года: стенографический отчет: в 3 т. М.: Изд-во РГТЭУ, 2010. Т. I. 544 с.
3. Десятый (чрезвычайный) Съезд народных депутатов Российской Федерации. 23 сентября – 4 октября 1993 года: стенографический отчет: в 3 т. М.: Изд-во РГТЭУ, 2010. Т. II. 368 с.
4. Москва. Осень 93: Хроника противостояния. М.: Республика, 1994. 657 с.
5. Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации: Официальное издание Администрации Президента Российской Федерации. М.: Юрид. литература, 1993. № 39 (27 сент.). 3905–4080 с. [Ст. 3597–3736].
6. Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации: Официальное издание Администрации Президента Российской Федерации. М.: Юрид. литература, 1993. № 40 (4 окт.). 4081–4256 с. [Ст. 3737–3906].
7. *Хасбулатов Р. И.* Великая российская трагедия. В 2 кн. М.: ТОО «СИМС», 1994. Кн. 1. 416 с.
8. *Челноков М. Б.* Россия без Союза, Россия без России. М.: Новая Слобода, 1994. 408 с.
9. *Шашонков П. А.* Сопоставление субъектов РФ в сентябре — октябре 1993 года: регионы как третья сторона в политическом кризисе // Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике: материалы Всерос. с междунар. участием науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. А. Александрова (1919–2010) и 85-летию со дня рожд. А. И. Суханова (1934–1989); Ижевск, 7–8 нояб. 2019 г. / отв. ред. и сост. В.В. Пузанов, Д.В. Репников. Ижевск: Издат. центр «Удмуртский университет», 2019. С. 432–439.

УДК 355.2(571.53)

Т. П. Урожаяева

г. Иркутск (Россия)

Иркутский гос. ун-т

ПРОБЛЕМЫ ВОИНСКОГО ПРИЗЫВА В ГОРОДАХ ПРИАНГАРЬЯ В 1998–2008 ГОДАХ

Во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг. в Иркутской области шел процесс реформирования частей и соединений, перестраивалась организационная структура войск и система боевого управления, сокращалась численность личного состава, осуществлялся переход на смешанную систему комплектования, сочетающую службу по призыву со службой по контракту. Население городов Приангарья, которое, «благодаря» прежде всего СМИ, увидело неблагоприятную ситуацию, сложившуюся в армии, стало негативно относиться к Вооруженным Силам. Это не могло не вызвать снижения законопослушания граждан, в т. ч. и военнослужащих, их стремления любой ценой избежать призыва на военную службу, а в случае попадания в ряды Вооруженных Сил — уклониться от ее дальнейшего прохождения. Во многом эти процессы были обусловлены тем, что в ходе демилитаризации общества были устранены многие ценностные элементы системы подготовки молодежи к армейской службе. Во многих региональных вузах были закрыты военные кафедры, из школьных программ исключена начальная военная подготовка, по существу, была разрушена система героико-патриотического воспитания молодежи. Во второй половине 2000-х гг. постепенно улучшалось положение солдат-срочников. Призывники во многом осознанно шли служить. Привлекательность военной службы возросла в силу того, что постоянно улучшались социальные условия её прохождения, качественно обновлялся сам характер службы. Укреплялась её правовая основа, вводился ряд новых, реально действующих льгот для семей военнослужащих по призыву.

Ключевые слова: воинский призыв, военкомат, призывная комиссия, уклонисты, солдаты-срочники, контрактники.

В 1990-е гг. ежегодные проблемы с призывом граждан на военную службу приобретали все более острый характер. Несовершенство юридических формулировок Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (№ 53-ФЗ от 28.03.1998), а также других нормативно-правовых актов не позволяло правильно и единообразно применять правовые нормы, регулирующие вопросы призыва граждан на военную службу.

Общество, которое, «благодаря» прежде всего СМИ, увидело неблагоприятную ситуацию, сложившуюся в армии, стало негативно относиться к Вооруженным Силам. Это, в свою очередь, не могло не вызвать

снижения законопослушания граждан, в т. ч. и военнослужащих, их стремления любой ценой избежать призыва на военную службу, а в случае попадания в ряды Вооруженных Сил — уклониться от ее дальнейшего прохождения.

Весенний призыв 1997 г. военкоматы в городах Иркутской области выполнили почти на 95 %. Все ребята, достигшие 17-летнего возраста, в течение года находились под пристальным контролем медиков и заблаговременно получили необходимое лечение или же попали в ряд ограничено годных или освобожденных от службы в армии по состоянию здоровья [10, с. 2]. В 1998 г. план призыва на уровне 1997 г. был выполнен. Примерно каждый 7 призывник проходил службу на территории Приангарья.

С 1996 по 1998 г. 5 призывников были возвращены домой по состоянию здоровья. Шестеро солдат самовольно покинули воинские части. В школах с 1999 г. была введена допризывная подготовка для юношей [27, с. 3].

Однако не все подлежащие призыву парни смогли принять присягу на верность Родине в 1999 г. Военные медики предъявляли повышенную требовательность к здоровью призывников, причем каждый из них обязательно проходил проверку на ВИЧ-инфекцию. Такие жесткие условия были оправданы. Ведь, согласно сведениям, полученным Ангарским военкоматом, всем призванным в 1999 г. ангарчанам пришлось нести службу в элитных войсках [17, с. 3].

Весной 1999 г. показатель годности к военной службе в целом по Сибирскому военному округу составил 37,4 %. Наибольшее число освобожденных приходилось на Иркутскую область (7331 чел.), Новосибирскую (7185 чел.) и Кемеровскую (6 365 чел.) области. Многие призывники «на гражданке» злоупотребляли алкоголем, наркотиками, имели приводы в милицию. Почти у половины вставших в строй молодых людей была установлена пониженная нервно-психическая устойчивость. 12,6 % парней предпринимали суицидальные попытки. Вместе с тем, имелся и некоторый прогресс в настрое призывников на военную службу. Об этом говорят цифры: 75,8 % призывников выразили желание служить, и только 19,3 % заявили, что служить не хотят [1, с. 3].

В июле 2000 г. более 4 тыс. новобранцев направили военкоматы Приангарья в Вооруженные Силы РФ во время весеннего призыва-2000. На июнь 2000 г. 3447 новобранцев уже приступили к службе в российских войсках. Наряд Генштаба и Сибирского округа Иркутская область полностью выполнила. В 2000 г. военкоматы активизировали поиск призывников, уклоняющихся от военной службы. На март 2000 г. в области находились в розыске 2004 чел. (больше всего «уклонистов» было

выявлено в г. Ангарске). За время призывной кампании удалось разыскать более 900 чел. (только за последнюю неделю — 199), из них отравились служить 167 чел. [7, с. 2].

Количество юношей, освобожденных от призыва, неуклонно увеличивалось и превышало количество призванных. Основные причины этого — продолжающееся ухудшение социально-экономической ситуации в стране, рост заболеваемости среди детей и подростков, недостаточно эффективные лечебно-оздоровительные мероприятия среди молодежи [32, с. 3]. Главной проблемой в деятельности сотрудников военкоматов стало увеличение числа молодых людей призывного возраста, не пригодных к воинской службе. Призывные комиссии приняли решения временно не привлекать на службу в Вооруженные Силы страны 640 юношей с определением «педагогическая запущенность» [30, с. 4].

В 2000 г. военкоматами Приангарья на службу в войска было направлено 7250 чел. В целом, установленный для области наряд на призыв граждан был выполнен, что, к сожалению, не давало повода для большого оптимизма. Достаточно сказать, что около 5 тыс. призывников получили отсрочку по состоянию здоровья как временно не годные к воинской службе. Второй проблемой стал возрастающий процент малограмотных призывников, по той или иной причине не получивших минимального образования, зато прошедших полный курс подворотен и других сомнительных «университетов» [24, с. 2].

Наряд на весенний призыв 2002 г. был установлен по Иркутской области более чем на 3,5 тыс. чел. По итогам апреля 2002 г. было призвано уже 1300 чел. [6, с. 2].

К числу проблем военком относил только розыск уклонистов, среди которых насчитывалось свыше 700 чел., уклоняющихся от службы в армии более года, и 400 чел., не явившихся в призывные комиссии по повестке во время осеннего призыва 2002 г. [31, с. 2].

Итоги осеннего призыва 2003 г. были оценены как удовлетворительные. В Иркутской области под призыв попадали 23159 чел. Вызваны были 22921, прибыли 22726, а призвали 3595 новобранцев. Несмотря на то, что «под ружье» встал только каждый 7 потенциальный призывник, в целом план по области был выполнен, поскольку норма была установлена в 3424 чел. Отсрочку получили 12218 призывников. Были освобождены от службы в армии 6856 чел. Лучше всего сработали военкоматы гг. Братска, Тулуна, Усолья-Сибирского, Нижнеудинска, Черемхова.

Больше всего новобранцев — 443 чел. — было призвано из Иркутска, 228 чел. — из Ангарска, 199 — из Нижнеудинска, 186 — из Черемхова, 172 — из Братска, 171 — из Усолья-Сибирского, 170 — из Тайшета. Годными к службе признавались люди с незначительными психически-

ми заболеваниями. Совсем уникальным случаем стал пример новобранца из г. Черемхова, которого комиссовали с диагнозом «хронический алкоголизм» [28, с. 1].

В ноябре 2003 г. в Иркутской области на службу в армию было призвано более 2 тыс. чел., или более 55 % от плана. В областном военкомате также сообщили, что от службы в армии уклонились 214 чел. Были приняты меры по их розыску. Основная часть «уклонистов» была зарегистрирована в гг. Ангарске, Бодайбо, Иркутске, Усть-Илимске. По фактам уклонения от службы в армии было возбуждено 38 уголовных дел, к административной ответственности было привлечено более 130 чел. [22, с. 3].

Во время весеннего и осеннего призывов 2004 г. было выявлено увеличение количества молодых людей, страдающих различными заболеваниями. Например, в 2002 г. с психическими заболеваниями было зарегистрировано 5137 чел., в 2003 г. их число выросло до 5379. Диагноз «недостаточность питания» был поставлен 2264 призывникам-2003, в результате чего их признали негодными к несению военной службы. Увеличилось количество ВИЧ-инфицированных призывников: в 2000 г. было зарегистрировано 127 чел., а в 2003 г. — 333 (194 за осенний призыв). Однако по сравнению с 2000 г. снизилось количество призывников с диагнозом «наркомания»: в 2000 г. — 621 чел., в 2003 г. — 413 [20, с. 7].

По официальным данным департамента правоохранительной и оборонной работы администрации Иркутской области, весной 2004 г. призывными комиссиями городов и районов Приангарья для прохождения военной службы было призвано 3354 чел. Это 101,6 % от установленной нормы призыва. По итогам работы весной 2004 г. лучшими были признаны призывные комиссии гг. Усолья-Сибирского, Усть-Илимска, Правобережного округа г. Иркутска.

Головной болью областных властей и руководителей призывных комиссий являлась ситуация с так наз. «уклонистами». В длительном розыске находились 494 чел. С каждым годом их число росло. К примеру, в весеннюю призывную кампанию по повесткам не явились 206 чел. Лидировал по количеству «уклонистов» Свердловский округ г. Иркутска, где не желали служить 74 чел. На втором месте — г. Братск (24 чел.), на третьем — г. Железногорск-Илимский (16 чел.). До конца этой призывной кампании к местам прохождения службы было отправлено 17 альтернативщиков. Ответственность за организацию альтернативной гражданской службы лежала на Центре занятости населения. Областной военкомат решал вопросы, связанные с транспортировкой юношей к местам прохождения службы.

Весна 2004 г. показала, что состояние здоровья молодых людей призывного возраста не ухудшилось. Показатель годности к военной службе составил 61,9 %, тогда как весной 2003 г. он был равен 58,5 %. Из этого следовало, что из 10 призывников по состоянию здоровья могли служить 6 чел. Ограниченно годными к службе считались 25 % (весной 2003 г. — 28 %). Перед отправлением призывников к месту службы на областном сборном пункте был организован медицинский осмотр. По его результатам из 3394 чел. более 20 по состоянию здоровья было решено вернуться домой. Причиной для этого шага послужили болезни костно-мышечной системы, заболевания органов пищеварения, психические расстройства и болезни нервной системы [2, с. 3].

В 2005 г. в Иркутской области только трое молодых людей выразили желание проходить альтернативную гражданскую службу во время весеннего призыва–2006. Они подали свои заявления в Иркутский областной военкомат до 1 октября 2005 г. Только шестеро призывников из Иркутской области несли альтернативную гражданскую службу. Вместе со своими семьями они жили в гг. Оренбурге, Екатеринбурге, Новосибирской области и Приморском крае. Остальные призывники вернулись домой, и занялись судебными разбирательствами с военкоматами. Свой отказ от службы они мотивировали несоответствием предложенных профессий религиозным убеждениям [4, с. 2].

В 2005 г. начался перевод на комплектование по контракту ряда частей постоянной боевой готовности Сибирского военного округа, в т. ч. под г. Улан-Удэ и в Кяхте. Из тех граждан, которые изъявили желание служить, военкоматами было отобрано по соответствующим критериям около 600 чел. Российской армии были нужны специалисты: танкисты, артиллеристы, саперы, десантники. В среднем, рядовой с учетом материальной помощи, премии и других дополнительных выплат мог рассчитывать на денежное довольствие порядка 103 тыс. руб. в год. Старший сержант мог получать более 121 тыс. руб. в год [26, с. 4].

Весной 2005 г. призыву подлежало 20817 чел. В области было организовано 44 призывных комиссии. На призывные пункты явилось 99,7 % молодых людей. Из них 3060 чел. были призваны на службу, что составило 101 % от плана призыва. Отправлены в воинские части 3016 чел. Таким образом, план по призыву был выполнен на 100 %. 64,9 % ребят было отправлено служить в Вооруженные Силы, остальные 35,1 % выполняли свой воинский долг в иных родах войск. Лучшими по организации призывной кампании были названы гг. Усолье-Сибирское, Черемхово, Бодайбо, Шелехов, Правобережный округ г. Иркутска.

По-прежнему много нареканий вызывал качественный состав призывников. По состоянию здоровья в категорию «А» (полная год-

ность) и категорию «Б» (годность с частичными ограничениями) были отнесены 60,4 % призывников. Те же категории за 2004 г. составили 61,9 %. В 2005 г. среди призывников стало больше юношей, окончивших среднюю общеобразовательную школу, — 50,3 %. Меньше стало молодых людей с высшим образованием — 3,8 % от общего количества. 34 % молодых людей нигде не работали и не учились [16, с. 2].

Весенний план 2005 г. по призыву практически выполнили военкоматы г. Ангарска, Свердловского и Октябрьского районов г. Иркутска. На 40 % и меньше план был выполнен военкоматами гг. Бодайбо, Саянска, Братска и Ленинского района г. Иркутска [29, с. 1].

Начиная с 2002 г. число солдат-срочников последовательно сокращалось. Соответственно сокращался и план призыва. Если в 2004 г. он составлял 3300 на область, то в 2005 г. — чуть больше 3 тыс. чел. Если учесть, что юношей призывного возраста с каждым годом становилось все меньше и около 40 % сразу браковались по состоянию здоровья, то этого было достаточно много [15, с. 3].

В 2006 г. военные комиссариаты области переживали нелёгкие времена организационных и кадровых изменений. Была начата оптимизация структуры. В целом этот процесс затронул свыше 100 военкоматовских структур, из 54 городских военкоматов осталось 23, на базе 51 районного военного комиссариата было сформировано 25 объединённых военных комиссариатов. По городским структурам было сокращено свыше 300 должностей военнослужащих и гражданского персонала, в некоторых объединённых военкоматах численность персонала noticeably возросла [8, с. 4].

В 2006 г. Государственная Дума РФ приняла закон, сокращающий срок военной службы с 1 января 2007 г. до 1,5 лет, а с января 2008 г. — до года. Планировалось также отменить 4 из 25 действующих отсрочек. Призывники, имеющие ребёнка до трёх лет или жену со сроком беременности не менее 26 недель, также служили в армии. Однако по предложению Минобороны, на весь срок прохождения службы таким семьям предоставлялась социальная поддержка за счёт средств федерального бюджета. Кроме того, существенным образом корректировалось основание для отсрочки, предоставляемая ранее призывникам, обучающимся в учреждениях начального и среднего профобразования. Теперь право на отсрочку до достижения 20 лет получали только учащиеся училищ, имеющих государственную аккредитацию [25, с. 3].

Два раза в год областной сборный пункт на ст. Гончарово (г. Шелехов) распахивал свои двери перед желающими послужить Родине. Приведем несколько мнений призывников:

Егоров Артем, держался очень уверенно, форма, что называется «сидела», будто шита по нему: «Я призван Ангарским городским военкоматом. Закончил в этом году Ангарскую государственную техническую академию по специальности “автоматизация технологических процессов”, буду служить один год в погранвойсках. Когда повестка пришла, мы собрались всей семьёй и решили, что в армию надо идти обязательно».

Александр Башарин, 21 год, уже в форме, но выглядел расстроеным: «Я из г. Киренска. Гражданская специальность — судоводитель, по Лене ходил три года помощником механика на буксирах “Селенга”, “Лобанов”. Хотел в Читу попасть, в учебную часть, получить воинскую специальность танкиста или артиллериста, выучиться на сержанта».

Шуганов Владимир, из г. Нижнеудинска, ещё в «гражданке»: «На сборном пункте уже третий день. Когда учился в школе, была военная подготовка, на трёхдневных сборах был. Там мы изучали уставы, знаки отличия, как приветствовать старших по званию и как ходить строевым шагом. Сейчас жду медкомиссии, хочу в десантные войска» [13, с. 6].

Осенний призыв 2006 г. стал историческим. Согласно поправкам в Закон «О воинской обязанности и военной службе», внесённым Министерством обороны, в 2007 г. срок военной службы для солдат срочной службы был сокращён до 18 мес., а ещё через год, в 2008 г., российская армия переходила на срочную службу продолжительностью в один год. Это значит, что этот осенний набор был последним, призывники которого служили полные 24 мес. [19, с. 4].

Главной задачей реформирования системы военкоматов области стало сокращение их численности. Например, в процессе объединения трёх военных комиссариатов, действовавших на территории г. Братска, Братского и Падунского районов, с 1 сентября 2006 г. был образован один военный комиссариат г. Братска. В г. Слюдянке был создан военно-патриотический клуб «Отечество», в котором приобщили к подводному спорту большую группу ребят. В клубе фактически шла подготовка подводников для Вооружённых сил России [14, с. 7].

В 2007 г. то, о чём так долго мечтали призывники и их родители, чего добивались комитеты солдатских матерей и дальновидные офицеры, свершилось. Срок службы в вооружённых силах сократился до полутора лет. В ночь на 15 мая 2007 г. с призывного пункта Иркутской области ушли на срочную службу первые 150 новобранцев из 1800 молодых парней, чей армейский срок сократился на целых полгода [3, с. 4].

Осенний призыв на военную службу начался 1 октября 2007 г. Молодые люди, которых направят в 2007 г., проходили военную службу в течение 18 мес. [21, с. 2]. В ангарской воинской части № 3695 сообщили,

что на контрактной основе у них служило более 500 чел. Всего по Сибирскому военному округу насчитывалось около 7 тыс. контрактников. В Иркутской области частично или полностью были переведены на контрактную основу оперативный полк в г. Ангарске, бригада в г. Иркутске и отряд пограничного контроля в аэропорту.

По информации областного военкомата, численность контрактников с «гражданки» была ниже: за 2006 г. в контрактники было принято 600 жителей Иркутской области, в 2005 г. — на 50 чел. меньше [5, с. 3]. С учётом 10 %-й надбавки с января 2007 г. месячное денежное довольствие контрактника может быть от 9 до 17 тыс. руб., а за год — от 129 до 235 тыс. руб., если принять во внимание множественные льготы по всем видам обеспечения, медицине, проезду, образованию [9, с. 3].

В России с 1 января 2008 г. срок военной службы по призыву сокращался до одного года. Ранее он составлял 1,5 года. Как сообщили в военном комиссариате Иркутской области, благодаря сокращению срока службы предполагалось уменьшение количества «уклонистов» от армии. Также это нововведение отвечало основной задаче по переводу вооружённых сил на контрактную основу, подчеркнули в военкомате. В связи с увеличением числа контрактников отпадала необходимость в большом количестве призывников [11, с. 2].

Осенью 2007 г. задачи призыва были выполнены на хорошем уровне. Военные комиссариаты Сибири и Забайкалья полностью реализовали план призыва на воинскую службу, практически во все виды и рода войск было призвано свыше 18 тыс. юношей, многие из них затем служили в Сибирском военном округе [12, с. 2].

В апреле 2008 г. по информации военного комиссара Иркутской области В. Сундарева, в регионе в ходе весенней призывной кампании на военную службу предполагалось призвать около 3 тыс. молодых людей 1981–1990 гг. рождения, не пребывающих в запасе. В т. ч. было призвано около 400 чел. с высшим образованием. Ориентировочно в период проведения весенне-летнего призыва на заседания призывных комиссий призвали более 20 тыс. чел., из них свыше 10 тыс. получили отсрочки, около 7 тыс. были освобождены от призыва, в т. ч. 5 тыс. — по состоянию здоровья. В ходе весеннего призыва 2008 г. основная масса граждан, подлежащих отправке в войска (до 80 % от установленного задания), должна была иметь военно-учётные специальности, полученные в системе РОСТО (ДОСААФ) [23, с. 2].

В начале каждого года Министерство обороны заключало с региональными отделениями ДОСААФ контракт на количество подготовленных специалистов и по факту подготовки допризывников оплачивало эту работу «поголовно». Для сравнения: в период расцвета, в 1978 г., бы-

ло выпущено 3150 чел., в беспокойный 1996 г. — 3273, в период возрождения, т. е. в 2008 г., контракт заключили на 3656 допризывников.

Нужно учитывать, что в 1980-е гг. область отправляла в армию, например, 10 тыс. чел., а в 2008 г. — меньше 5 тыс. чел. Раньше готовили 1/4 от общего числа призывников, а в 2008 г. шли служить 2/3 призывников, прошедших подготовительные курсы [18, с. 3].

Во многом эти процессы были обусловлены тем, что в ходе демилитаризации общества были устранены многие ценностные элементы системы подготовки молодежи к армейской службе. Во многих вузах были закрыты военные кафедры, из школьных программ исключена начальная военная подготовка, по существу, была разрушена система героико-патриотического воспитания молодежи. Многие общественные организации (советы, клубы ветеранов, оборонно-спортивные общества и др.) были заняты, в основном, вопросами борьбы за собственное выживание. Как итог, в армию все больше стало приходить юношей, имеющих слабое представление о военной службе, был отмечен рост уклоняющихся от прохождения военной и альтернативной гражданской службы.

Во второй половине 2000-х гг. постепенно улучшалось положение солдат-срочников. Призывники во многом осознанно шли служить. Привлекательность военной службы возросла в силу того, что постоянно улучшались социальные условия её прохождения, качественно обновлялся сам характер службы. Укреплялась её правовая основа, вводился ряд новых, реально действующих льгот для семей военнослужащих по призыву.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авторитет армии растёт // СМ-номер один. 2000. 7 сент. С. 2.
2. Азарова Д. Солдат по осени считают // Вечерний Иркутск. 2004. 13 окт. С. 3.
3. Александров С. «Есть такая работа: Родину защищать» // Губерния. 2007. 24 мая. С. 3.
4. Альтернатива новобранца не прельщает // СМ-номер один. 2005. 19 окт. С. 2.
5. Арбузова Е. Патриотизм по контракту // Конкурент. 2007. 24 февр. С. 3.
6. «Армия начинается с военкомата...» // Восточно-Сибирская правда. 2002. 23 мая. С. 2.
7. Военкоматы ищут «уклонистов» // Пятница. 2000. 4 июля. С. 3.
8. Военкоматы на пути к объединению // СМ-номер один. 2006. 20 июня. С. 4.
9. Войска СибВО обеспечивают безопасность // Иркутский репортер. 2007. 22 февр. С. 3.
10. Голосов А. Чем богаты... // Восточно-Сибирская правда. 1997. 20 июля. С. 2.
11. Двенадцать месяцев // Вечерний Иркутск. 2008. 9 янв. С. 2.
12. Есть такая профессия...// Губерния. 2008. 20 февр. С. 2.

13. *Иванов А.* Отправка номер раз // Иркутская неделя. 2006. 15–22 нояб. С. 5–6.
14. *Иванов А.* Призывник — это генофонд нации // Пятница. 2006. 10–17 окт. С. 7.
15. *Кинщак В.* Смена полномочий // Восточно-Сибирская правда. 2005. 6 апр. С. 3.
16. *Киселева Э.* План по призыву // Губерния. 2005. 19 июля. С. 2.
17. *Козырев С.* На службу ратную // Время. 1999. 17 нояб. С. 3.
18. *Корк Б.* Ни разу строем не ходили // Иркутский репортер. 2008. 17 дек. С. 3.
19. *Люстрицкий Д.* Последние, кто будут служить два года // Губерния. 2006. 12 дек. С. 4.
20. Меньше наркоманов, больше доходят // АиФ в Восточной Сибири. 2004. 20–27 янв. С. 7.
21. Не два, но полтора // Пятница. 2007. 21 нояб. С. 2.
22. Новобранцы становятся в строй // Вечерний Иркутск. 2003. 8 нояб. С. 3.
23. Особенности весеннего призыва // СМ-номер один. 2008. 3 апр. С. 2.
24. *Отинов В.* За спиной — героиновые «университеты» // Вечерний Иркутск. 2001. 1 марта. С. 2.
25. Отмена отсрочек // Губерния. 2006. 15 июня. С. 3.
26. От призыва до призыва // Пятница. 2005. 18 янв. С. 4.
27. План по призыву будет выполнен // СМ-номер один. 1998. 25 нояб. С. 3.
28. *Предеин С.* В армию — каждый седьмой // Время. 2003. 26 марта. С. 1.
29. Призыв идет по плану // Вечерний Иркутск. 2005. 25 мая. С. 1.
30. Призывник Чечни боится // Восточно-Сибирская правда. 2000. 15 янв. С. 4.
31. Призывники выбирают армию // СМ-номер один. 2002. 17 дек. С. 2.
32. *Щеблавин В.* Кто встанет в воинский строй? // СМ-номер один. 2000. 17 мая. С. 3.

УДК 94(470.341)

А. А. Халин

г. Нижний Новгород (Россия)

Нижегородский ин-т управления

НИЖНИЙ НОВГОРОД — АДМИНИСТРАТИВНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР ВОЛЖСКОГО СУДОХОДСТВА В XX ВЕКЕ (К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СТРУКТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ)

Статья посвящена истории становления государственного управления волжским судоходством. В ней показано, что в дореволюционной России практически не существовало централизованного управления речным транспортом, за исключением создания условий для судоходства. Централизованная система управления создавалась в Советской России путем неоднократных реформаций. Принятие Декрета о национализации речного флота России положило начало процессу создания новой системы управления речным транспортом. Создание временных коллегий по управлению судоходными предприятиями привело в скором времени (1923 г.) к созданию государственных речных пароходств, а затем и к их укрупнению. В послевоенные годы тенденция к укрупнению привела к созданию фактически речного монополиста в лице Волжского объединенного речного пароходства (ВОРП), которое просуществовало почти 50 лет. Административным центром волжского речного судоходства на протяжении ста лет являлся Нижний Новгород, где функционировали правления речных государственных пароходств, а затем и Волжского объединенного пароходства.

Ключевые слова: волжское судоходство, система управления речным транспортом, административная роль Нижнего Новгорода, организации волжского судоходства.

Революционные события 1917 г. коренным образом изменили всю социально-экономическую и политическую реальность царской России. Вместе с этими изменениями потребовалась радикальная перестройка и управленческой парадигмы, в т. ч. и отдельными отраслями народного хозяйства.

Организация волжского речного пароходства дореволюционного периода достаточно неплохо изучена на региональном уровне. Есть работы и по истории волжского речного пароходства в XX в. [7–9]. Сложилась целая нижегородская школа исследователей волжского речного пароходства (А. А. Халин, Д. Б. Педанов, И. А. Рычков), которая разрабатывает сюжеты, связанные с историей становления и развития волжского судоходства и, прежде всего, пароходства, пароходных компаний и индивидуальных судохозяев, торговых домов, связанных с речным транспортом. Не осталась в стороне и история судостроительных пред-

приятый волжского бассейна. Однако при разнообразии тем наиболее актуальной следует признать становление и развитие системы управления волжским судоходством. Особенно интересным является, с точки зрения региональной истории, выяснение роли Нижнего Новгорода как административного и функционального центра волжского судоходства.

Известно, что единого централизованного управления волжским речным судоходством в дореволюционное время не существовало. Государственное управление речным транспортом страны осуществлялось только по линии обеспечения условий плавания и надзора за соблюдением правил судоходства. Эта работа проводилась через округа путей сообщения (их было 10), а внутри них отделения, инспекционные и технические участки. Начало создания собственно системы управления российским речным транспортом относится к 1917 г.

Уже весной 1917 г. Нижний Новгород становится центром борьбы между судовладельцами волжского бассейна и работниками судоходства за судьбу речного флота. И те, и другие создают свои организации, в деятельности которых были отражены их интересы. В марте 1917 г. в Нижнем Новгороде сформирован Центральный Комитет Союзов судоходных служащих и рабочих Волжского бассейна (Центроволга). В это же время в городе состоялось собрание судовладельцев Волжского бассейна с вопросом об организации Союза судовладельцев Волжского бассейна. На нем были представлены практически все волжские судоходные предприятия [5. Ф. 4081. Оп. 1. Д. 1. Л. 38–43; 4. Ф. 4079. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–14].

Декрет о национализации торгового флота (январь 1918 г.) завершил предыдущую борьбу за судьбу волжского флота и открыл новую страницу в истории волжского судоходства. Отсутствие подготовленных кадров, сопротивление бывших владельцев, подорванная в годы войны ремонтная база, мобилизация многих работников речного флота на фронт создавали дополнительные трудности.

В этих условиях большевики нашли опору в профессиональных союзах: главная роль в деле национализации отводилась профсоюзным организациям речников. В начале февраля 1918 г. вышло распоряжение ЦК Союзов судоходных служащих и рабочих Волжского бассейна, которое предусматривало избрание коллегий по управлению судоходными предприятиями. В соответствии с ним, «коллектив немедленно приступает к принятию дел от прежнего состава правления, судовладельца или их доверенных» [5. Ф. 4081. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2об].

В течение февраля — марта 1918 г. складывается новая, временная система управления водными сообщениями и судоходными предприятиями. В соответствии с инструкцией ЦК Союзов, «районный союз

ведает делами всех пароходных фирм, коих коснулась национализация» [5. Ф. 4081. Оп. 1. Д. 1. Л. 3]. Руководство судоходными предприятиями перешло в руки избранных коллегий. Мелкие предприятия присоединялись к коллегиям более крупных судоходных компаний.

Фактически управление водным транспортом в Нижнем Новгороде в 1918 г. осуществлял Нижегородский районный союз судоходных служащих и рабочих Волжского бассейна, получая указания от Центрального Комитета Союзов судоходных служащих и рабочих Волжского бассейна. Именно Нижегородский районный союз направляет письма и указания коллегиям, Деловым советам, судовым и затонским комитетам. Таким образом, именно профсоюзы взяли на себя миссию организации и управления национализированными предприятиями и флотом.

Дело национализации и формирования новой структуры управления породило множество организационных и хозяйственно-технических вопросов. Решение этих непростых вопросов взяли на себя нижегородские речники. Именно в Нижнем Новгороде для их обсуждения 4/17 февраля 1918 г. было созвано совместное заседание местных коллегий пароходств, комиссара по водным перевозкам Верхне-Волжского района, представителей ЦК и Нижегородского районного союза судовых служащих и рабочих Волжского бассейна. Это было большое и представительное собрание — около 150 чел. во главе с Комиссаром А. Преображенским. На нем присутствовали делегаты от 22 коллегий по управлению национализированными судоходными предприятиями, Центрального Комитета судовых служащих и рабочих, Нижегородского районного союза служащих и рабочих.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, как управлять национализированными предприятиями — каждым в отдельности своей коллегией или «слить их вместе и создать один общий центральный орган, который и явится распорядителем в деле водного транспорта» [5. Ф. 4081. Оп. 1. Д. 1. Л. 39]. Нахождение его планировалось в Нижнем Новгороде. Решили отложить его решение до 3-го общевожского делегатского съезда, намеченного на март 1918 г. Для координации общей деятельности каждая коллегия направляла по одному представителю в Деловой Совет Нижегородского районного союза.

В целом, ситуация на речном транспорте была достаточно сложной. Решение всех накопившихся вопросов требовало чрезвычайного напряжения сил, строгой дисциплины, слаженной и четкой работы. Ярким документом ответственности за порученное дело, за волжское судоходство является воззвание, написанное председателем Коллегии по управлению национализированным пароходством «По Волге» Константином Петровичем Сергеевым 29 марта 1918 г. «Товарищи, — говори-

лось в нем, — мы все волгари и все любим свое дело, созданное зачастую непосильными трудами наших дедов и отцов, немало положено и наших трудов и мы вправе считать это дело нашим родным делом, которое мы обязаны беречь и положить все усилия, дабы вести его на должной высоте» [6. Ф. 4076. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–10б].

В этом воззвании соединилось все: гордость и боль за свое дело, восприятие его как кровного, родного, «волгарского»; стремление отдать все свои силы, знания, опыт восстановлению и спасению волжского судоходства. В решении этой непростой задачи важнейшую роль играл Нижний Новгород, как административный центр всего волжского судоходства.

О роли Нижнего Новгорода свидетельствуют и документы о создании системы охраны водных путей и речного транспорта в эти годы. Известно, что в дореволюционное время водная полиция существовала только в отдельных регионах и не имела централизованного управления [10].

Уже в начале 1920 г. создается новая система охраны на речном транспорте. Приказ № 3 по речной и морской милиции от 25 февраля 1920 г. определил, что «Вся речная и морская милиция в Европейской России по водным системам, соответственно 7-ми важным водным бассейнам, разбивается на 7-мь областей речной и морской милиции» [2. Ф. 1247. Оп. 1. Д. 5. Л. 90]. В соответствии с этим создавалась Волжская область, которая охватывала систему р. Волги со всеми притоками, кроме Оки, от местечка Копаева до устья, р. Урал и побережье Каспийского моря в пределах РСФСР и делилась на 10 районов, в которых учреждались участки: Нижегородский район (6 участков), Казанский (3), Симбирский (4), Саратовский (3), Царицынский (3), Астраханский (2), Пермский (4), Вятский (3), Уфимский (2), Гурьевский (3) [2. Ф. 1247. Оп. 1. Д. 5. Л. 90]. Через полгода, приказом № 4 Главного управления Советской рабоче-крестьянской милиции от 2 июля 1920 г. было определено, что «внутренне устройство и состав водной милиции определяются Главмилицией и утверждается НКВД» [3. Ф. 1247. Оп. 1. Д. 5. Л. 64]. Здесь очень важно подчеркнуть, что создается единая централизованная общероссийская система охраны на водных путях сообщения и система водной милиции, чего не было в дореволюционной России.

В конце 1920 г. предпринята новая реорганизация. Была объединена водная милиция и войска внутренней охраны, тем самым образуя единую организацию охраны водных путей Республики. Вновь созданная охранная структура имела свои подразделения во всех районах теперь уже Волго-Каспийской области в составе 11 районов (добавился Волго-Каспийский район). Бывшее Областное Управление Водной мили-

ции Волгообласти было переименовано в Областное управление Водмилиции ВНУС Волго-Каспийской области. В связи с этим, для размещения нового Областного Управления Водмилиции ВНУС назначаются дома: М. Покровка, № 19 и Ильинки, 67. Таким образом, было создано новое районирование с центром в Нижнем Новгороде.

Дальнейшее развитие волжского судоходства также непосредственно было связано с Нижним Новгородом, который на протяжении всего XX в. оставался административным центром волжской речной системы. Сначала, в ходе бесконечных реорганизаций 1920–1930-х гг. было создано несколько госпароходств. Окончательное решение было принято в феврале 1923 г. на основе Постановления СТО, когда было создано Волжское государственное речное пароходство (ВГРП), правление которого находилось в Нижнем Новгороде. Очередная реорганизация настигла волжское судоходство в ходе выполнения второй пятилетки. В 1934 г. Волжское пароходство было разделено на три. Одно из них — Верхне-Волжское с административным центром в Нижнем Новгороде — осуществляло грузовые и пассажирские перевозки на всем протяжении Рыбинск — Горький — Астрахань [9, с. 53].

В середине 1940-х гг. была проведена крупномасштабная реорганизация волжских пароходств. На базе ранее существовавших Верхне-Волжского, Средне-Волжского и Нижне-Волжского пароходств были созданы два новых волжских пароходства. С 1953 г. эти пароходства стали подчиняться Главному управлению флота и портов центральных бассейнов Министерства морского и речного флота. Однако в этом качестве они просуществовали недолго [11, с. 153].

В середине 1950-х гг. все более настоятельно вставал вопрос о реорганизации речного флота страны. В Постановлении Совета Министров СССР от 22 июня 1954 г. № 1239-553 были определены задачи по дальнейшему увеличению перевозок грузов речным транспортом, повышению его удельного веса в общем грузообороте страны и улучшению использования флота и портов. Это потребовало коренной перестройки работы всей речной транспортной системы страны. Начало ее реальной реорганизации было положено Постановлением Совета Министров СССР от 18 декабря 1954 г. «Об улучшении организационной структуры и устранении излишеств в штатах административно-управленческого персонала линейных организаций Министерства речного флота».

В постановлении отмечались серьезные недостатки в организационной структуре Министерства речного флота. Организационная структура существующих пароходств не отвечала задачам улучшения эксплуатации флота. Особо было отмечено, что в Волжском бассейне, где грузооборот составляет около 50 % общего речного грузооборота по

стране, основное Волжское грузовое пароходство имеет в своем подчинении почти весь грузовой флот, в то время как порты и пристани находятся в ведении Волжского грузо-пассажирского пароходства. Такое разделение флота и портового хозяйства между разными пароходствами в одном бассейне приводило к серьезным затруднениям в использовании флота и к снижению размеров перевозок. Имеющиеся в речных бассейнах управления пути оторваны от пароходств и не полностью удовлетворяют эксплуатационным требованиям, предъявляемым пароходствами к содержанию судоходных путей. В путевом хозяйстве министерства много мелких подразделений, которые надо объединить в более крупные подразделения. Значительное число судоремонтных заводов и мелких судостроительных верфей подчинены непосредственно Министерству речного флота, что приводит к отрыву флота речных пароходств от их ремонтной базы.

Для ликвидации указанных недостатков Совет Министров определил в постановлении широкий спектр организационных решений. Прежде всего, было решено обязать Министерство речного флота провести мероприятия по реорганизации всех пароходств в стране. Создание ВОРП было частью общегосударственной политики реорганизации пароходств. Фактически речь шла об организации монополистических транспортных пароходных объединениях на отдельных территориях страны.

Более подробно различные аспекты создания Волжского объединенного речного пароходства отражены в двух приказах (№ 154-пр и № 155) министра речного флота СССР от 23 декабря 1954 г.

Приказом № 154-пр на базе Волжского грузового и Волжского грузо-пассажирского речных пароходств создавалось Волжское объединенное речное пароходство, управление которого находилось в г. Горьком. В составе объединенного пароходства были организованы три линейных пароходства: Горьковское — с управлением в г. Горьком, Куйбышевское — с управлением в г. Куйбышеве и Сталинградское — с управлением в г. Сталинграде [1. Ф. Р-1631. Оп. 7. Д. 1992. Л. 308об-309].

Вновь созданному объединенному пароходству и волжским линейным пароходствам передавался флот, промышленные предприятия судоремонтного направления, порты и пристани, другие организации и учреждения. В результате, всего было передано 9 заводов и 13 судоремонтных мастерских. В состав портового хозяйства вошли 9 крупных портов и 98 пристаней. Кроме того, в линейные пароходства Волжского объединенного речного пароходства были переданы отделы рабочего снабжения, жилищно-коммунальные отделы, линейно-технические узлы связи, учебные комбинаты и пункты, строительные конторы, про-

ектно-конструкторские бюро, типографии и т. п. [1. Ф. Р-1631. Оп. 7. Д. 1992. Л. 313–320].

Приказом № 155 создавалась структура управления Волжского объединенного речного пароходства. В ее состав входили: руководство, службы движения, эксплуатации флота и портов, грузовой и коммерческой работы, пассажирских перевозок, судового хозяйства, отдел промышленных предприятий, служба связи и электрорадионавигации, планово-экономический отдел, финансовый отдел, бухгалтерия, отдел капитального строительства, служба кадров, труда и зарплаты, спецотдел, административно-хозяйственный отдел. Аналогичная структура управления была создана и в линейных волжских пароходствах.

Создание громадного транспортного предприятия в виде Волжского объединенного речного пароходства было сложной задачей. Ее решение требовало привлечения кадров, обладающих необходимыми знаниями, практическим опытом, организационными навыками. Министр речного флота З. Шашков, осознавая всю важность и трудность поставленной задачи, приказывает «для оказания практической помощи Волжскому объединенному пароходству и Горьковскому, Куйбышевскому и Сталинградскому линейным пароходствам в решении организационных вопросов командировать в Волжский бассейн бригаду руководящих работников Министерства в составе Заместителя Министра т. Селезнева Е. С. (руководитель)» и еще 5 чел. [1. Ф. Р-1631. Оп. 7. Д. 1992. Л. 317].

Правопреемником ликвидированного в начале 1990-х гг. ВОРПа сегодня является Судоходная Компания «Волжское пароходство», административный управленческий центр которого находится в Нижнем Новгороде.

Не подлежит сомнению, что транспортная система является важным звеном в социально-экономическом развитии округа, в обеспечении стабильного общественного развития. Это особенно важно, учитывая многонациональный состав округа, его сложную социальную структуру.

Таким образом, исторические документы свидетельствуют о том, что на протяжении последних ста лет Нижний Новгород играет заметную объединяющую роль и в волжском бассейне, и в Приволжском федеральном округе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Приказы Министра речного флота СССР. 1954 г. // Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО).

2. Приказ № 3 по речной и морской милиции Главного управления Советской рабоче-крестьянской милиции 25 февраля 1920 г. // Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО).
3. Приказ № 4 Главного управления Советской рабоче-крестьянской милиции 2 июля 1920 г. // Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО).
4. Протокол общего собрания судовладельцев Волжского бассейна, состоявшегося в Н-Новгороде 27 марта 1917 года, по поводу организации «Союза Судовладельцев Волжского Бассейна» // Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО).
5. Протокол совместного заседания Местных Коллегий пароходств, с участием Комиссара по водным перевозкам Верхне-Волжского района тов. Преображенского, представителей Центрального Комитета и Нижегородского Районного Союза Судходных служащих и рабочих Волжского Бассейна и делегатов Жуковского затона // Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО).
6. Товарищам-сослуживцам Национализированного первого пароходного об[щест]ва «По Волге», учр[ежденного] в 1843 году». Обращение // Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО).
7. *Халин А. А.* История Волжского речного пароходства (середина XIX – начало XX в.). Н. Новгород: НИУ-РАНХиГС, 2017.
8. *Халин А. А.* Система путей сообщения Нижегородского Поволжья и ее роль в социально-экономическом развитии региона (30–90-е гг. XIX в.). Н. Новгород: ВВАГС, 2011.
9. *Халин А. А., Абаева Г. П., Педанов Д. Б.* и др. Очерки истории волжского речного пароходства в XX – начале XXI в. Н. Новгород: НИУ-РАНХиГС, 2018.
10. *Халин А. А., Мочалова А. А.* Создание и становление Нижегородской речной полиции (1873–1882 гг.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2 (50). С. 48–53.
11. *Халин А. А., Педанов Д. Б.* Волжское объединенное речное пароходство: история создания (1945–1954 гг.) // Власть. 2018. № 6. С. 150–156.

УДК 324(470.341)

Е. А. Пахомова

г. Нижний Новгород (Россия)

Волжский гос. ун-т водного транспорта

А. А. Фоменков

г. Нижний Новгород (Россия)

Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского

СТРАНИЦЫ НОВЕЙШЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА: ВЫБОРЫ В ГОРОДСКУЮ ДУМУ ВТОРОГО СОЗЫВА

В статье анализируются особенности выборов депутатов Городской Думы Нижнего Новгорода в 1996 г. Сделан ряд выводов об особенностях конкурентной борьбы в ходе выборной кампании. Определено, что уже в этот период началось снижение доверия горожан к органам местного самоуправления.

Ключевые слова: выборы, депутаты, политическая история, городская дума, Нижний Новгород.

Политические события 1990-х гг., вне всякого сомнения, уже стали историей (пусть и очень часто тесно связанной с современностью). Многие практики, имевшие место в России того периода, уже невозможны в современности. Отдельные политические события тех лет кажутся скорее абсурдом, нежели чем-то заслуживающим пристального обращения со стороны научного сообщества. Важно отметить также, что череда почти постоянно идущих выборов в разные эшелоны власти, а также органы местного самоуправления во многом и уничтожили интерес к представительной демократии как таковой у существенной части россиян.

Впрочем, представляется, что весьма поучительны многие аспекты муниципальных выборов — прежде всего в городах миллионниках — особенно в свете сегодняшнего абсентеизма населения. В полной мере это касается выборов депутатов Городской Думы Нижнего Новгорода 25-летней давности, которые существенно отличались от тех, что имели место в сентябре прошлого года и характеризовались в первую очередь крайне низкой явкой.

Итак, выборы в Городскую Думу Нижнего Новгорода второго созыва состоялись 22 декабря 1996 г. Они состоялись в период своего рода «безвременья» — основные политические баталии (выборы в парламент и выборы президента страны) уже состоялись, причём было очевидно, что оппозиционные настроения в целом нарастали, однако до

новых крупных выборов было далеко. Предполагалось, что до 1998 г. (выборов мэра Нижнего Новгорода и депутатов Законодательного собрания Нижегородской области) должно будет пройти ещё почти два года. Одновременно с этим наличествовала высокая степень усталости населения от политики, т. е. увеличивалась степень индифферентности.

Относительно правовой базы, на основе которой проводились те выборы, упомянем прежде всего, что 29 октября 1993 г. во исполнение Указа Президента РФ от 26 октября 1993 г. № 1760, было издано постановление главы администрации города № 45 «О прекращении деятельности Нижегородского городского Совета народных депутатов» [4]. Реакцией на деятельность региональных органов власти, ставшей откликом на выборы в представительные органы власти в 56 субъектах РФ (выборы проводились с декабря 1993 по март 1994 г.), было Постановление Государственной Думы от 11 февраля 1994 г. «О правовой основе выборов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления и об обеспечении избирательных прав граждан» [6]. В принятом 24 февраля 1994 г. Уставе города Нижнего Новгорода ряд положений были посвящены именно Городской думе. В первую очередь это касается главы 4. Декларировалось, что она должна состоять из 34 депутатов и главы местного самоуправления (ст. 17). Избирать депутатов должны были граждане, постоянно проживающие в Нижнем Новгороде [7, с. 10].

Непосредственно порядок выборов установило «Решение Нижегородского областного Совета народных депутатов» от 21 декабря 1993 г. за № 372-М [3, с. 21]. Сам порядок выдвижения кандидатов был идентичен тому, что имел место на выборах в Законодательное Собрание Нижегородской области. Право выдвигать кандидатов имели избирательные объединения (таковых в Нижнем Новгороде насчитывалось 17 [3, с. 27–29]), а также непосредственно избиратели, объединявшиеся в группы избирателей с целью выдвижения кандидата. В поддержку выдвижения необходимо было собирать подписи избирателей.

Всего было выдвинуто кандидатами в депутаты 204 нижегородца. Среди них по-прежнему преобладали предприниматели, сотрудники органов государственной власти и местного самоуправления, а также медицинских и образовательных учреждений. Нельзя не отметить, что в ряде округов изначально имелись фавориты, причём их соперники практически не имели шансов на победу. Так, например, в округе № 22 по прогнозам социологов за несколько недель до выборов действующий депутат Городской думы В. С. Золотницкая более чем на 10 процентов опережала своего ближайшего конкурента. В округе № 24 А. А. Осипенко практически не имел конкурентов вообще, поскольку ему готовы были

отдать свои голоса почти половина опрошенных жителей округа, в то время как лучший результат его конкурентов был у Д. М. Ермолаева и составлял он чуть более 20 % [9].

Нам не известны данные о поддержке кандидатов по округу № 9, где баллотировался не просто действующей депутат Городской дума, а её председатель И. Н. Карнилин, но судя по всему у него ситуация была ещё более выгодная, нежели у А. А. Осипенко, благо его конкуренты — С. Е. Каптерев и И. Н. Смирнов — по сути не могли всерьёз на что-то рассчитывать (особенно последний, являвшийся на тот момент 21-летним студентом одного из вузов города [2]). С. Е. Каптерев был известен в первую очередь скорее как партийный функционер (он был причастен к деятельности нескольких партий демократической и центристской направленности в регионе), но не как успешный публичный политик.

Наиболее напряженная борьба за депутатские места в городской думе развернулась в 29 избирательном округе (Советский район). По этому округу было зарегистрировано 11 претендентов на депутатское кресло. Среди них были известные в городе предприниматели А. А. Климентьев и В. И. Седов. Они-то и лидировали в предвыборной борьбе. По предварительным данным, с отрывом в 6 (!) голосов победу одержал В. Седов, который уже был депутатом городской думы [1]. Нельзя не признать, что эта предвыборная кампания стала важной для А. А. Климентьева. Он уже был известен не только в регионе, но и за его пределами — сначала как бизнесмен-сподвижник одного из наиболее ярких губернаторов Б. Е. Немцова, затем как фигурант дела о крупном хищении бюджетных средств, к которому был причастен отчасти и Б. Е. Немцов. Однако участие в выборах в Государственную Думу было для него неудачным. Считалось общепризнанным, что он имел реальные шансы стать в 1996 г. депутатом Городской думы Нижнего Новгорода, тем более, что СИЗО, где он содержался, находился как раз на территории 29-го округа, от которого он и пытался избраться. В результате, властью был применён административный ресурс — было принято решение, согласно которому все содержащиеся в СИЗО, имевшие право голоса, должны были голосовать за кандидатов из тех избирательных округов, где они проживали (точнее, были прописаны) до того, как оказались в СИЗО. Судя по всему, эта мера оказалась не лишней, поскольку 7 дополнительных голосов «за» среди содержащихся в СИЗО А. А. Климентьев мог набрать легко.

Кроме того, упорная борьба состоялась в округе № 12, где активно боролись два видных директора школ — И. М. Богданов и Е. Е. Дейч. Победу первому из них принесла более активная кампания, а именно — большее количество агитационных материалов и встреч с избирателя-

ми, а также большая по сравнению с Е. Е. Дейчем известность в качестве депутата разных уровней.

По-прежнему не давала преимуществ партийная принадлежность кандидата в депутаты. Так, не прошел в Думу ни один из кандидатов от ЛДПР, от КПРФ необходимое число голосов набрали В. Печёнов и О. Котельников [1]. Последний сохранил своё место в представительном органе власти областного центра, кроме того он пользовался определённой поддержкой руководства ГАЗа. В. Пачёнов со своим звучным слоганом «От рабочего до учёного голосуй за коммуниста Пачёнова» сумел опередить действующего депутата Н. Ю. Гурееву.

Важной особенностью этих выборов стала крайне низкая активность избирателей. В самом деле, максимальная явка наблюдалась в округе № 18 (Сормовский район) и составила она всего 29,07 %. Минимальная явка была в округе № 34 (Приокский район) и составляла всего 20,75 %. В результате, выборы были признаны несостоявшимися в 9 округах из 34 [5]. При этом во всех округах самого продвинутого из районов — Нижегородском — потребовались довыборы.

Таким образом, выборы в Городскую думу Нижнего Новгорода второго созыва продемонстрировали следующие важные обстоятельства.

Во-первых, наблюдалось недоверие горожан к Городской думе как выразителю их интересов. Как следствие, явка во всех округах была не очень высокой, что контрастировало с политической активностью в г. Горьком в конце 1980-х гг. [8, с. 68].

Во-вторых, кандидатам и их штабам не удалось убедить большую часть избирателей отдать им свои голоса, что свидетельствовало о необходимости перехода от сравнительно примитивных избирательных технологий к более совершенным.

В-третьих, относительный успех А. А. Климентьева продемонстрировал, что Нижегородская область не является, как это считалось ранее, «регионом реформ».

В-четвёртых, городская власть в лице мэра И. П. Склярова не стремилась провести в Городскую думу максимально большое число своих ставленников, а чего-либо подобного «списку Склярова» на выборах не имелось.

В-пятых, административный ресурс властью применялся лишь в экстренных случаях — имеется в виду ситуация в округе № 29.

В-шестых, выигрышной для кандидатов из Автозаводского района являлась поддержка со стороны руководства ГАЗа.

В-седьмых, больше шансов на успех было у кандидатов, имевших большую известность на момент старта избирательной кампании по

сравнению со своими конкурентами. В-восьмых, анализируемая нами выборная кампания являлась вполне типичной для Российской Федерации рубежа 1990-х — 2000-х гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев В.* Кто проголосовал, а кто проиграл // Нижегородский рабочий. 1996. 24 дек. С. 4.
2. Кандидаты в депутаты Городской думы города Нижнего Новгорода // Нижегородская правда. 1996. 4 дек. С. 5.
3. *Некрасов А. И., Емельянов Н. П.* Выборы Законодательного собрания Нижегородской области. Возвращение к истокам — Земству. Н. Новгород: Нижполиграф, 1995. 294 с.
4. О прекращении деятельности Нижегородского городского Совета народных депутатов // Нижегородский рабочий. 1993. 27 окт. С. 1.
5. Общие итоги выборов депутатов Городской думы // Нижегородский рабочий. 1996. 27 дек. С. 5.
6. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 11.2.1994 «О правовой основе выборов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления и об обеспечении избирательных прав граждан» // Ведомости Федерального Собрания РФ. 1994. № 2. Ст. 126.
7. Устав города Нижний Новгород. Н. Новгород: Нижполиграф, 1995. С. 10.
8. *Фоменков А. А., Пахомова Е. А., Ветчинникова О. И.* Люди и публичная политика в конце 1980-х годов: Горьковский вариант // Vita memoriae: теория и практики исторических исследований. К 100-летию юбилею педагогической деятельности члена-корреспондента АН СССР С. И. Архангельского. Сб. ст. по материалам XX чтений памяти С. И. Архангельского и V Всерос. науч. конф. молодых ученых, студентов и учащихся МБОУ СОШ «Теория практики исторических исследований». Нижегородский гос. пед. ун-т им. Козьмы Минина. 2017. С. 66–69.
9. 22 декабря — выборы в Городскую думу // Нижегородская правда. 1996. 7 дек. С. 3.

УДК 323(470+571)+323(430)

Е. В. Тихонова

г. Нижний Новгород (Россия)

Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РФ
В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИПЛОМАТИИ
(НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИЧЕСТВА С ЗЕМЛЯМИ ФРГ)**

Глобализация стала одной из причин активизации субнациональных акторов в процессе международной деятельности. Данные преобразования имеют непосредственную связь с возникновением новых форм межрегионального сотрудничества, одной из которых выступает парадипломатия. Последняя, в свою очередь, представляет особый интерес, поскольку может служить в качестве инструмента регионального развития. В целях подтверждения этого суждения автор считает необходимым рассмотрение современного взаимодействия регионов РФ с землями ФРГ в рамках парадипломатии. Выбор, при этом, обусловлен динамичным течением отношений между субнациональными единицами этих государств. В статье приводятся основные направления и примеры межрегионального сотрудничества двух стран, обосновывающие преимущества трансрегиональных парадипломатических связей. Особое внимание уделяется вопросу регулирования и реализации внешних связей субъектов РФ посредством анализа законодательной и институциональной составляющих.

Ключевые слова: парадипломатия, регион, международное межрегиональное взаимодействие, РФ, ФРГ.

Система международных отношений претерпевает значительные изменения в эпоху глобализации, прежде всего, за счет появления новых акторов, способных оказывать существенное влияние на решение проблем и ход мировых событий. К числу таких акторов стоит отнести внутригосударственные регионы, которые достигли значительной роли в последние два десятилетия посредством установления международного межрегионального взаимодействия в рамках парадипломатии. Концепт «парадипломатии» подразумевает международные (внешние, транснациональные, трансграничные) связи субнациональных (нецентральных, региональных, местных) органов власти. Понятие «парадипломатия» представляет собой сокращенную форму термина «параллельная дипломатия». Исходя из этого, целью парадипломатии является экономическое, культурное, технологическое развитие и политическое заверение данных отношений, развитие трансграничных региональных связей на долгосрочной основе [9].

Данный концепт был разработан проф. Монреальского университета Панайотисом Солдатосом и проф. университета Нью-Йорка Иво Духачеком в 80-х гг. XX в. Последующее развитие теория получила в работе И. Духачека "Perforated Sovereignties", в которой была сформулирована типология участия новых акторов в международных отношениях в зависимости от уровня дипломатического сношений, среди них:

— межграницная региональная парадипломатия (макрорегиональная и микрорегиональная), подразумевающая кооперацию между соседствующими регионами;

— трансрегиональная парадипломатия, основанная на сотрудничестве регионов разных стран;

— глобальная парадипломатия, осуществляемая в контексте официальных связей правительств, объединений.

Многие государства используют потенциал парадипломатии в целях регионального развития. В России феномен международной деятельности регионов был активирован сравнительно недавно — в 90-е гг. XX в. Прежде всего, данная тенденция связана с изменением внутреннего законодательства государства и его институциональной структуры. Необходимо выделить несколько наиболее значимых правовых положений. В первую очередь, регламентация международного сотрудничества регионов произведена в Конституции РФ 1993 г. [3]. В данном документе все субъекты признаются равноправными при осуществлении внутренней и внешней политики, кроме того, проводится разграничение деятельности центра и субъектов на основании: исключительной компетенции федеральных органов власти; совместной компетенции органов власти федерации и ее субъектов; исключительной компетенции субъектов федерации. Так, ст. 71 Конституции РФ определяет приоритет государства в регулировании внешней политики и международных отношений, международных договоров, вопросов войны и мира, внешнеэкономических отношений. В свою очередь, ст. 72 (ч. 1, п. «о») относит «координацию международных и внешнеэкономических связей, выполнение международных договоров Российской Федерации» к совместному ведению субъектов и федерации. В ст. 73 обозначено, что «вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти».

Помимо этого, распределение полномочий основано на договорах между РФ и регионами, наделяющими их такими правами, как участие во внешнеэкономических связях; заключение торгово-экономических соглашений с субъектами иностранных федераций; открытие торгово-

экономических представительств за рубежом; участие в международных экономических организациях; создание свободных экономических зон на своей территории; привлечение иностранных инвестиций.

Кроме того, законодательством страны предусмотрен Федеральный закон РФ от 4 января 1999 г. «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», который примечателен определением международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ. Под ними подразумеваются осуществляемые в торгово-экономической, научно-технической, экологической, гуманитарной, культурной и в иных областях связи с иностранными партнерами (ст. 1, ч. 2) [7].

Реализация сферы совместного ведения в области осуществления международных и внешнеэкономических отношений подразумевает также самостоятельное принятие субъектами Федерации региональных законов, посвященных организации их межрегиональной деятельности. В некоторых регионах общее регулирование вопросов международной деятельности осуществляется актами органов исполнительной власти: указами Президента республики, распоряжениями администрации, постановлениями правительства, постановлениями администрации, постановлениями губернатора. Значительную роль имеют также программы развития, направленные на межрегиональное сотрудничество субъектов федерации, которые составляются, как правило, на срок от двух до пяти лет.

Особое внимание заслуживает и аспект институционального регулирования международных связей российских субъектов. Что касается федерального уровня, то взаимодействие регионов и федерального центра по вопросам международного сотрудничества осуществляется через Правительство РФ, Совет Федерации и Государственную Думу ФС РФ, Министерство иностранных дел РФ. Правительство осуществляет общее руководство внешнеэкономической деятельностью путем принятия нормативных актов по вопросам координации деятельности органов государственной власти в сфере внешнеэкономической деятельности, проведения переговоров и заключения межправительственных договоров [4]. Совет Федерации и Государственная Дума Федерального Собрания имеют значительную роль в продвижении региональных интересов. В состав Совета Федерации входит по одному представителю от исполнительного и законодательного (представительного) органов государственной власти субъекта Федерации, которые могут лоббировать интересы регионов, в т. ч. и в сфере осуществления международного сотрудничества [1]. Государственная Дума также может оказывать влияние в данной области, особенно в процессе утверждения государствен-

ного бюджета, который содержит раздел «международная деятельность», предусматривающий выделение средств на содержание российских загранучреждений, на получение и предоставление кредитов, а также на участие в международных организациях. Главным координатором со стороны федеральной власти международной и внешнеэкономической деятельности регионов является Министерство иностранных дел. Этот факт подтверждается положением о Министерстве иностранных дел РФ [6]. В данном документе координация международных связей РФ определена одной из основных задач.

В свою очередь, осуществление международного сотрудничества регионального уровня находится в компетенции государственных органов субъектов РФ. На региональном уровне реализацию и координацию международной деятельности осуществляют органы исполнительной власти субъекта: глава исполнительной власти, который представляет регион в международных связях, а также принимает решения о проведении переговоров и подписании международных соглашений. Кроме того, данными функциями наделены специальные органы — министерства и/или департаменты и управления. Структура или перечень министерств и ведомств субъекта определялся самостоятельно, но с учетом компетенции. Таким образом, структуры, функционирующие на региональном уровне, позволяют руководству региона, учитывая его специфику, налаживать международные связи именно по тем направлениям сотрудничества, которые являются наиболее приоритетными и актуальными для данной территории, и с теми партнёрами, взаимодействие с которыми является наиболее взаимовыгодным.

Учитывая данную возможность, регионы активно вступают в международное сотрудничество. Один из наиболее динамичных процессов формирования трансрегиональных парадипломатических связей осуществляется с субъектами Федеративной Республики Германия.

В сотрудничестве с землями Германии участвуют российские регионы, имеющие отличительный экономический и научный потенциал, способные сформировать заинтересованность немецких инвесторов и партнёров, а также территории, на которых проживает немецкое национальное меньшинство, что выступает основой для оформления межрегиональных связей в различных областях сотрудничества. Так, в России существуют Немецкие национальные районы (ННР) в Алтайском крае и Омской области. Они осуществляют активное взаимодействие с землями ФРГ. Развитие связей подкреплено сотрудничеством малого и среднего бизнеса двух стран, исходя из географического положения и экономических особенностей развития субъектов РФ. В ННР Алтайского края Германия участвует в производственных проектах, одним из них является

ООО «Брюкке», комплекс предприятий по переработке сельхозпродукции, состоящий из мясокомбината, маслосырзавода. В Омской области большой интерес в области машиностроения, например, ТОО «Мотор-Плюс» [8]. Активное сотрудничество ведется между Ростовской областью и землей Северный Рейн — Вестфалия, интерес во взаимодействии регионов обусловлен слаженным сельскохозяйственным сотрудничеством [2]. Совместная работа осуществляется и в сфере экологического сотрудничества, требующего серьезных экономических решений. Так, Нижегородская область активно перенимает опыт немецких коллег Optos GmbH в области переработки опасных отходов в экотехнопарке. Данные примеры являются подтверждением преимуществ парадипломатического сотрудничества за счет получения финансовой прибыли не только на федеральном, но и региональном уровне за счет налоговых отчислений.

Важно подчеркнуть определенную значимость парадипломатического сотрудничества в период межгосударственных противоречий стран, осуществленного, к примеру, в рамках германо-российского муниципального года — 2017–2018. В течение его проведения были затронуты наиболее важные аспекты двусторонних взаимодействий благодаря работе в тематических группах: «Российская и немецкая стратегии улучшения качества жизни в коммунах и регионах», «Энергетика», «Гражданское общество инициирует городские партнёрства» и «Активное гражданское общество в социальной сфере». Несмотря на острую межгосударственную конфронтацию между ФРГ и РФ, наступившую вследствие украинского кризиса и повлекшую за собой значительное снижение экономического сотрудничества, нельзя сказать о полном прекращении взаимодействия зарубежных регионов. Об этом свидетельствуют многочисленные проекты Нижегородской области с федеральными землями Германии. В качестве примера можно привести долгосрочное сотрудничество в области машиностроения, которое в 2017 г. вышло на новую стадию развития вследствие подписания соглашения о расширении партнерства между Volkswagen Group Rus и «Группой ГАЗ» в рамках контрактного производства, что является свидетельством надежного и доверительного взаимодействия. Кроме того, продуктивное сотрудничество регионов послужило поводом к выражению отрицательного отношения к политике антироссийских санкций со стороны немецких коллег. О необходимости снятия санкций с целью развития двустороннего межрегионального диалога высказалась также премьер-министр земли Мекленбург — Передняя Померания, поскольку данный регион ФРГ является побратимом Ленинградской области РФ и их отношения пострадали вследствие установления двусторонних санк-

ций [10]. Поддержка мнения премьера наблюдается со стороны населения и бизнес сообществ этого региона, которые в 2018 г. в третий раз организовали форум «Дни России» для дальнейшего развития экономических и социальных отношений двух регионов-побратимов.

Уникальным преимуществом развития парадипломатических отношений является культурное взаимодействие, благодаря которому осуществляется популяризация уникальной культуры и языка региона в мировом масштабе. Так, в рамках сотрудничества между Нижегородской областью и землей Северный Рейн — Вестфалия регулярно проходят культурно-информационные мероприятия, творческие встречи, образовательные обмены.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что сотрудничество регионов в рамках парадипломатии может служить инструментом регионального развития при условии максимального использования возможностей. На сегодняшний день регионы РФ обладают значительными полномочиями в сфере международных отношений с другими странами. Вместе с тем, преимущества парадипломатии носят всесторонний характер, поскольку формирование связей в рамках данного феномена влияет на привлечение инвестиций в проекты регионального масштаба, а также способствует улучшению имиджа региона и его восприятия внешними акторами и потенциальными партнерами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бусыгина И. Субъекты федерации в международном сотрудничестве // Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО(У) МИД России. 2008. № 3 (32). С. 3–31.
2. Войткевич А. Ю. Сотрудничество Германии с регионами Юга России в конце XX — начале XXI в. (Краснодарский край, Ростовская область, Ставропольский край) // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 181.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.
4. Полякова М. И. Международные связи субъектов РФ: механизм реализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 2 (7). С. 115.
5. Репин А. Бетон заменят опасными отходами. В Нижегородской области из них будут делать строительные. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3541207>
6. Указ Президента РФ от 08.11.2011 № 1478 «О координирующей роли Министрства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации».

7. Федеральный закон от 4 января 1999 г. N 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)
8. Яковлева Н. В. Особенности сотрудничества между Германией и Россией в рамках парадипломатии // Российское предпринимательство. 2013. № 22 (244). С. 110.
9. Lecours A. Political Issues of Paradiplomacy: Lessons from the Developed World. Netherlands Institute of International Relations "Clingendael". 2008. P. 120.
10. Menkens S. Sanktionen gegen Russland haben ihr Ziel nicht erreicht. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article176114429/Ministerpraesidentin-Manuela-Schwesig-fuer-Abbau-von-Russland-Sanktionen.html>

УДК 321

Н. Ф. Бугай

г. Москва (Россия)

Институт российской истории РАН

РЕГИОНАЛЬНЫЕ «МОДЕЛИ» НАЦИОСТРОИТЕЛЬСТВА — НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В научном сообщении внимание автора сосредоточено главным образом на раскрытии разных сторон формирования новых технологий нациостроительства на территории Советского Союза — России. Выявлена специфика регионов, показана эволюция государственности.

Ключевые слова: нациостроительство, коммуна, автономия, национальность, округ, республика, модель, технология/

Оргкомитет научной конференции не обошел стороной проблему, актуальную в любом многонациональном государстве, что было характерным и для Советского Союза, и остается спецификой для Российской Федерации. Прежде всего, это многонациональный, многоконфессиональный и сословный факторы. Они как раз и придают специфику государственному нациостроительству¹.

Безусловно, самой многоплановой темой остается нациостроительство, она отличается разнообразием подходов в освещении, накоплением фактического материала. В исследовании этой темы остаются всегда привлекательными и выводы специалистов по разным её аспектам, которым, несомненно, присущ и индивидуализм. Конечно, сама тема предполагает определенную особенность — своеобразную реверберацию, возвращение к прошлому.

Не случаен и тот факт, что эта проблема заняла прочное место в исторической и политологической науках, а также психологии, находится на их стыке. Такой подход к анализу оправдан, т. к. при подобном сочетании появляется возможность предсказания путей развития государственности в будущем, как и народов, удовлетворение их насущных потребностей, сохранение их самобытных культур, что выступает важным фактором самой государственности. Конечно, эти ингредиенты самого понятия «государственность» опираются и на прочный экономический фундамент.

¹ Термин был введен в научный оборот академиком РАН В. А. Тишковым.

Поэтому нациестроительство остается во все времена органичным с экономическим сектором развития народов России. Для процесса нациестроительства характерны присущие ему факторы, принципы и «модели». Многие из них проявляются в самом ходе развития этнических общностей, составляющих общество и формирующуюся государственность.

Обстоятельно проблема в условиях новой России обсуждалась 8 февраля 2012 г. в Московском Доме Национальностей на состоявшемся заседании «круглого стола» на тему «Межнациональное и межрелигиозное согласие в России: проблемы и пути их решения». Организатором заседания выступил Российский профсоюз студентов совместно с Московским домом национальностей.

В качестве экспертов на заседание «круглого стола» были приглашены руководители представительств национальных республик при Президенте РФ, лидеры национально-культурных автономий и землячеств, российские эксперты в области межэтнических отношений, представители органов государственной власти Москвы и Российской Федерации.

В резолюции заседания нашли отражение актуальные задачи национальной политики того периода. В частности, в сфере нациестроительства в условиях рыночных отношений — реализация мер по законодательному закреплению статуса русского народа в качестве государствообразующего народа многонациональной России. В дополнение к этому, сохранение традиций и обычаев, самобытных культур народов; повышение роли постоянных представительств, землячеств в работе с молодежью республик; создание федерального органа государственной власти в области межэтнических отношений; усиление работы с привлечением телевидения и других СМИ в целях укрепления единства народов России по патриотическому воспитанию молодежи, и др.

Принципы нациестроительства уже в конститутивный период могут носить разную направленность, но, как правило, отражают сущность самой государственности, учитывают ее возможности и цели. Народам Российской империи в 1917 г. пришлось столкнуться с новой «моделью» — советской государственностью.

В 1917–1923 гг. ее составной частью становится созданный в 1918 г. Народный комиссариат по делам национальностей России во главе с наркомом, председателем коллегии И. Сталиным. В структуре Наркомнаца России были коллегия, 21 национальный комиссариат и другие подразделения.

Последователями начинаний Наркомнаца России с 1923 г. были отдел по делам национальностей ВЦИК, Народный комиссариат внут-

ренных дел, Верховный Совет РФ (Комитет по правам человека). Эти структуры власти подчиняли свою работу реализации названных приоритетных задач в сфере государственной национальной политики.

Задачи на местах решались по строго разработанному им же порядку. Выступая 23 апреля 1923 г. на съезде РКП(б) с докладом о ситуации в национальных отношениях, партийном и государственном строительстве, И. Сталин по вопросу о населении Грузии и Тифлиса высказал мысль, что «ежели бы Грузия представляла из себя отдельную республику, то тут можно было бы сделать некоторые перемещения населения, например, армянского — из Тифлиса» [9, с. 253–254].

Сталин полагал при этом, что с помощью принудительного выселения «можно было бы, *соблюдая видимость интернационализма*, устроить дело так, что армян в Тифлисе оказалось бы меньше» [9, с. 253–254]. Эти указания были реализованы.

По нашему мнению, выбор направлений нациестроительства был верным — путем формирования национально-государственных образований. Хотя в царской России в основе государственного строительства этнический фактор не учитывался. Поэтому возникала новая «модель» строительства государственности больших по численности национальных анклавов на территории бывшей Российской империи. И. Сталин, будучи наркомом по делам национальностей в 1920-е гг., определял нижним пределом эту численность населения, принадлежавшего к одной национальности в автономии, в 500 тыс. чел.

Исходя из этой специфики, в первую очередь состава населения, практиковался и свободный выбор обустройства государственности. Так, при создании Горской АССР, Крымской АССР и других автономий активно применялся принцип административно-территориального устройства.

В регионах под руководством сформированного Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнац) было положено начало оформлению государственности народов. Первой весточкой становилось создание низшей формы государственности этнических общностей — *Трудовой коммуны*. Таким способом формировались Карельская трудовая коммуна, Трудовая коммуна немцев Поволжья, Эстонская трудовая коммуна. Велась подготовка к созданию Трудовой корейской коммуны на Дальнем Востоке (1918–1921 гг.). Территориально это были объединения, приближенные к понятию административная губерния, область с очерченным кругом обязанностей.

На практике же функционирование таких объединений показало недостаточность наделения их функциями аппарата управления. По этой причине они были ликвидированы, трансформированы в админи-

стративные губернии. Работы по созданию новых объединений на этой основе были прекращены.

Разумеется, в данном случае необходимо помнить о главной составляющей политики межэтнических отношений — *это ее этнические общности, объединенные на территории государства, имеющие общие цели и задачи*. В этом плане и Советский Союз, и Российская Федерация отличались фактором многонациональности и многоконфессиональности населения. По данным Всероссийской переписи 1920 г., в стране значилось более 220 этнических общностей, тогда как во Всесоюзной переписи 1939 г. этот перечень составлял 64 наименования.

Тем не менее, в Наркомнаце изучаемая проблема постоянно была в центре внимания. В 1920-е гг. было положено начало изучению вопросов национальной политики, в т. ч. нациостроительства. В Наркомнаце этой проблемой занимались С. М. Диманштейн, Г. И. Бройдо, Г. Г. Клиггер, М. П. Павлович и др. За ними оставалась разработка и теории вопроса нациостроительства.

Многие стороны этой проблемы были обобщены в докладе только в конце января 1929 г. «Секцией по изучению национального вопроса», специально создававшейся в структуре Коммунистической академии — высшем учебном заведении и научно-исследовательском учреждении РСФСР и СССР. С докладом выступал зав. национальным сектором ЦК ВКП(б) С. М. Диманштейн¹.

Наряду с вопросом культурного строительства, им были определены и такие актуальные аспекты для изучения как национальное государственное строительство, народное образование среди этнических общностей, взаимоотношение между национальными республиками [1. Ф. 361. Оп. 2. Д. 1. Л. 5–7]. Однако в организационном порядке вопрос дальше не продвигался.

Из автономий Северного Кавказа в центре внимания была Дагестанская АССР, в которой остро стояла проблема сохранения многоязычия и особенно языков этнических меньшинств. По данным С. Диманштейна, в ту пору на территории автономии насчитывалось 36 различных языков, 6 основных народностей и 34 наречия [1. Ф. 361. Оп. 2. Д. 2. Л. 5, 6]. Ценное значение приобретало решение проблемы организации обучения на одном национальном языке. Эта задача становилась в сис-

¹ Диманштейн Семен Маркович — член Наркомнаца с 1918 г., редактор журнала «Жизнь национальностей». С 1924 г. — зав. национальным сектором ЦК ВКП(б), член Комитета содействия народностям северных окраин при ЦИК СССР (Комитет Севера). См. подр.: Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковеда — жертвы политических репрессий в советский период (1917–1991). СПб., 2003. 496 с.

теме обучения приоритетной. Она также прорабатывалась и в Наркомате России.

Разрабатывались механизмы практического воплощения принципов административно-территориального строительства. Они были положены в основу формирования такой государственности, как автономия немцев Поволжья, Горская АССР, Крымская АССР, суть сводилась к тому, что эти автономии не создавались конкретно для какой-либо этнической общности, которые в последующем классифицировались как титульные нации, а для всех этнических общностей, проживающих на территории государственного образования.

Важно понимать и то, что все эти процессы органично взаимосвязаны и в экономике, и в этнокультурном развитии. Поэтому не случайно, что сразу после установления советской власти были четко определены в этом плане две первостепенные задачи:

— укрепление советской государственности с учетом национально-бытовых особенностей народов, преодоление экономической отсталости национальных районов и достижение ими уровня развития центра страны;

— возрождение культуры этнических общностей.

В 1920-е — 1930-е гг. эта политика сопровождалась уничтожением казачьих войск как таковых, открытым «разбазариванием» казачьих территорий. Значительная часть земельных массивов казачества была перераспределена между надуманными государственными образованиями, возникшими в 1920-е гг. В середине 1930-х гг. И. Сталин пересматривает отношение к российским (советским) *казакам*. Цель очевидна — перед угрозой фашизма необходимо было привлечь силы казачества, учитывая особый, неподдельный патриотизм казаков в отношении Отечества.

Конечно, война 1941–1945 гг. внесла свои существенные коррективы в государственную национальную политику. Она проводилась через систему формирующихся отношений между этническими общностями в рассматриваемый период, т. е. в экстремальных условиях.

В государственной национальной политике в послевоенное время продолжался «сталинский период», и был он связан главным образом с карательными действиями в отношении многих этнических общностей. К принудительному переселению были причислены как «неблагонадежные» 3,5 млн граждан Союза ССР. Прекратили свое существование созданные в 1920–1940-х гг. национальные государственные образования: Чечено-Ингушская АССР, Кабардино-Балкарская АССР, Крымская АССР (Республика Крым — в 1990-е гг.), карачаевская, калмыцкая авто-

номии, Автономия немцев Поволжья. Они будут восстановлены только в 1950-е гг.

В обустройстве административно-территориальных образований изменения сопровождались созданием 23 новых административных областей. Из них 13 — в РСФСР (Архангельская, Вологодская, Иркутская, Мурманская, Новосибирская, Орловская, Пензенская, Ростовская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тульская, Читинская), 1 — в УССР, 3 — в БССР, 2 — в Казахской ССР, по одной — в Узбекской, Таджикской, Туркменской и Киргизской ССР [5. Ф. Р-7523. Оп. 1. Д. 1. Л. 123]. Эти изменения заметно продвигали работу партийных и советских органов власти. Она становилась мобильной и эффективной.

После освобождения Закарпатская Украина в составе СССР воссоединилась с Украинской ССР (Манифест о воссоединении был принят 26 ноября 1944 г.).

27 марта 1940 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по преобразованию Карельской АССР в Карело-Финскую Союзную Советскую Республику» [11, с. 532]. 13–15 апреля 1940 г. VI сессия Верховного Совета СССР приняла Закон о преобразовании Карельской АССР в *Карело-Финскую ССР* [11, с. 534]. Это изменяло государственно-правовой статус, территорию (прибавилась территория почти с 200 тыс. населения) республики. Такая мера благоприятствовала ее дальнейшему развитию как государственности с повышенным статусом.

С этим периодом связана и трансформация Тувинской Народной Республики в Тувинскую АО с последующим ее вхождением в состав Союза ССР [8. Ф. 556. Оп. 14. Д. 90. Л. 123]. Тува находилась под протекторатом России. В результате национально-освободительной революции на территории Урянхайского края 14 августа 1921 г. была провозглашена народная республика, носившая до 1926 г. название *Танну-Тува*. С 13 по 16 августа Всетувинский Учредительный Хурал девяти хошунов, проходивший в селе Суг-Бажы Тындынского хошуна, провозгласил образование Тувинской Народной Республики (ТНР) и принял первую тувинскую конституцию [2].

Президиум Верховного Совета СССР 11 октября 1944 г. издал соответствующий указ о включении Тувинской Народной Республики в РСФСР на правах автономной области с непосредственным подчинением республиканским органам власти [6, с. 126–127]. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 13 октября 1944 г. республика была включена в Российскую Федерацию как автономная область.

К середине 1940-х гг. становилась явной нецелесообразность существования Шапсугского национального района. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 мая 1944 г. «О переименовании Шапсуг-

ского района Краснодарского края в Лазаревский район» (протокол заседания ПВС РСФСР № 17, п. 401) Шапсугский район прекратил свое существование. Как отмечалась в справке о Шапсугском районе, «такая акция была единой в отношении всех административных единиц этого уровня»[4, с. 36–54].

В Ленинградской области ликвидировался *Токсовский национальный район* с населением 15895 чел., из них финнов — 11405 чел.

Не могли не затронуть трансформации переходного периода и последующего времени преобразования в сфере нациестроительства.

В структурном отношении Российская Федерация — это 20 национальных республик, округов, и других субъектов. Всего — 84 субъекта, на их территории проживают титульные народы и этнические меньшинства. Титульные национальности представлены почти 10 млн населением, что составляет более 10 % населения страны (более 150 млн чел.). Более 10 % населения страны имеет свои республики и соответствующие атрибуты государственности, представительство в федеральных органах государственной власти.

Во Всероссийских переписях 1990-х гг. фактор идентификации приобрел полную свободу. В 1990–2012 гг. перечень возрос от 181 до 193 наименований. Правда, графа «национальность» изымалась из общегосударственной практики. Полезной ли была подобная мера? Ответа на этот вопрос не существует. Каждый оценивает ее, исходя из потребностей, роли и места в многонациональном сообществе.

В феврале 1991 г. Республика Крым была восстановлена в составе Украинской ССР. Конституция Республики Крым была принята 6 мая 1992 г.

Б. Н. Ельцин, оценив вопрос о нациестроительстве как важный и принципиальный, в то же время предостерег постановкой очередного вопроса: «Не навредим ли, вот в чем вопрос?» Заставить сегодня (начало 1990-х гг.) говорить о переходе от национально-территориального устройства к административно-территориальному с учетом функционирования 20 республик на территории России, не может ли это сразу «всколыхнуть»?

Особую осторожность в этом вопросе проявил В. А. Тишков, признавая «политическую реальность» начала 1990-х гг., и призывал правительства российских национальных республик *проводить последовательную политику по отношению к этническим общностям, проживавшим на их территориях, доведению защиты их прав до уровня защиты прав титульных наций*. В связи с этим В. Тишков констатировал: «Иначе русские будут требовать себе национальной государственности. И это вызовет, наибольшую лавину противоречий между основным народом

[русским. — Н. Б.] и всеми остальными». Одним словом, наблюдался уклон в сторону уравнивания в правах республик и остальных субъектов Российской Федерации.

В связи с этим указывалось, что *после распада Союза ССР начался новый этап в развитии государства на основе традиций российской государственности (российский многонациональный народ, державность, соборность), принципах федерализма и гражданского общества* [7, с. 9]. Эта триада как раз и была положена в основу Концепции.

Постановлением Совета Министров — Правительства Российской Федерации от 25 марта 1993 г. № 365 «Вопросы Государственного Комитета по делам Федерации и национальностей» было утверждено «Положение о Государственном комитете по делам федерации и национальностей», которым предусматривалась и организация его региональных центров.

Под понятием «федерализм» рассматривается *система основных принципов определенной формы государственного устройства и его функционирования*. С. М. Шахрай был прав, утверждая, что *государственно-территориальное деление России балансирует между двумя крайностями — «республиканизацией» и «губернизацией»*.

Следует отметить, что все начинания нашли отражение в принятом в 1996 г. государственном документе — Концепции государственной национальной политики Российской Федерации.

С середины 1990-х гг. на первый план выдвинулась проблема реализации *договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации*. Можно констатировать, что в значительной части эта задача решена, и вряд ли в новой ситуации на ней следовало бы акцентировать внимание. Подобные документы были подписаны только в 48 субъектах Российской Федерации.

В рассматриваемый период (1990-е гг.) в числе самостоятельных субъектов в стране оставались только 6. Одновременно появились такие субъекты, в которых дотации центра составили 98 % (Ингушская Республика и др.). Возросла и численность субъектов, где этот уровень колебался от 50 до 90 %. Эти основополагающие факторы не могли не влиять на настроения населения, общества в целом, на состояние межэтнических отношений.

Естественно, федеральные органы власти занимались поиском выхода из создавшегося положения. Одним из таких решений явилось формирование *Ассоциации экономического развития регионов*, главной задачей которой выступало объединение усилий по развитию всех

субъектов, входивших в ассоциацию, взаимная поддержка в решении приоритетных задач в экономическом секторе.

Параллельно с этим процессом продолжалась и *реализация мер по демократизации многонационального государства* в условиях становления рыночных отношений. Никакая власть, ни обустроенное в государственном отношении сообщество не в состоянии были решать задачи, поставленные перед обществом Президентом и Правительством Российской Федерации, без консолидированного гражданского общества.

С этой целью в 1990-е гг. был избран путь формирования системы институтов гражданского общества. В этом случае такие юридические документы как Закон «Об общественных объединениях» (1995) и Закон РФ «О национально культурной автономии» (1996) были востребованы в обществе. Они получили признание и положительную оценку.

Именно оттуда, с того сложного в социально-экономическом и военно-политическом отношении времени, берет свое начало *и формирование территориальных округов*. Они остались нелегитимной структурой в общей системе государственной власти Российской Федерации. Их задачей было консолидировать и нацелить многонациональное сообщество на постепенную модернизацию национальных регионов страны как составляющих государственность.

В определенной мере особую ценность обретает в связи с этим и *проблема идентичности*, выступая в качестве отдельного ингредиента оценки отношения человека к своему обществу, государству, провозглашенным в нем задачам и политическим лозунгам. С этой стороной проблемы смыкается и вопрос об этнической идентичности, как составляющей национальной политики. Конечно же, включающей формирование самосознания и национального сознания, поведенческой «модели», символов, традиционных ценностей в условиях социально-политических связей.

В современном мире идентификация с территорией становится инструментом мобилизации населения, и осознания важности этого в жизни народов. В данном случае преследуются две взаимосвязанные цели: добиваться консолидации российского общества и укрепления гражданского согласия, с одной стороны, и стремиться к интеграции *ее территориальных составляющих в единое экономическое и политическое пространство* — с другой» [3, с. 10].

Заключение, несомненно, полностью отвечает требованиям, выдвинутым в декабре 2012 г. перед обществом и отраженным в «Стратегии...». Актуальность этой задачи в документе подчеркивается особо. Нацстроительству отведено здесь решающее начало, а это федеративное обустройство государства, уважение национального достоинства

граждан, совершенствование работы экономической, социально-культурной и внешнеполитической сфер.

В плане оценки использования опыта прошлого в национально-государственном обустройстве, существует немало примеров из практики 1990-х гг. Так, в 1990-е гг. была повторена система представительств местных органов власти в федеральном центре и наоборот. Это придавало новый импульс в работе органов власти и в центре, и на местах.

«Российский федерализм, — замечает проф. В. В. Савельев, — представляя возможности территориального и экстерриториального (культурно-национального и национально-культурного) самоопределения позволяет нерусским народам России и их этническим элитам реализовывать свои интересы и потребности, осуществлять желаемую жизнедеятельность» [9, с. 16]. В связи с этим он рассматривает Российскую федеративную модель оптимальной для российского социума. В. В. Савельевым, другими учеными видится «настоящее и будущее Российской Федерации не в ее губернизации и республиканизации, а в оптимизации соединенности этничности и этатичности в политике, в теории и на практике» [9, с. 16].

Жизнь выдвигала новые требования. Продвижение в институционализации федеративного строительства на основе Указа Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 привело к созданию в середине 2000-х гг. системы Федеральных территориальных округов¹, а также института представительств Президента РФ при федеральных округах. Такая мера, несомненно, содействовала совершенствованию форм управления регионами, в т. ч. и регулированию межэтнических отношений, которым полномочные представители придавали особое значение, занимаясь мониторингом и выработкой рекомендаций для принятия управленческих решений по стабилизации ситуации в округах, предупреждению возможностей межэтнических конфликтов, достижению консенсуса между конфессиями и т. д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Российской академии наук (А РАН).
2. *Бондаренко Т. А.* История создания города в центре Азии. К 95-летию Белоярская — Урянхайская — Красного Кызыла // Новые исследования Тувы.

¹ Центральный федеральный округ, Северо-Западный федеральный округ, Южный федеральный округ, Северо-Кавказский федеральный округ, Приволжский федеральный округ, Уральский федеральный округ, Сибирский федеральный округ, Дальневосточный федеральный округ.

- НИТ: 2009. № 4. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_4/914-bondarenko.html (дата обращения: 15.09.2020).
3. Бугай Н. Ф. Национальная политика России: трансформация, реабилитация, приоритеты (1990–2013 гг.) // Национальный вопрос в истории России. Сб. ст. М.: АИРО-XXI. 2015. С. 255–281.
 4. Бугай Н. Ф. Этническая группа шапсуги: трансформации конца XX – начала XXI века) // История и историки в контексте времени. Сочи, 2012. № 9. С. 36–54.
 5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-7523. Оп. 1. Д. 1. Л. 97.
 6. Иезуитов В. М. От Тувы феодальной к Туве социалистической. Кызыл, 1956. С. 126–127.
 7. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // Репрессированные народы России. Сб. док. М.: Инсан, 2000. С. 9.
 8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 556. Оп. 14. Д. 90. Л. 123.
 9. Савельев В. В. К вопросу о разработке теории федеративно-национальных отношений // Этносоциум и межнациональные культуры. № 12 (90). М.: Этносоциум, 2015. С. 16.
 10. Сталин И. Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве. Соч. Т. 5. С. 253–254.
 11. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 532.

УДК 39(437)

Н. В. Белошапка

г. Ижевск (Россия)

Удмуртский гос. ун-т

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ТРАСФОРМАЦИЯХ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В статье показано влияние этнического фактора на процессы создания и распада чехословацкой государственности в исторической динамике. В рамках обозначенной проблемы предпринята попытка проанализировать различные стратегии в выстраивании отношений с основными этническими группами.

Ключевые слова: Чехословакия, национальные меньшинства, этническая идентификация.

Научный дискурс о создании и распаде чехословацкой государственности включает в себя много аспектов, в т. ч. и анализ этнополитических процессов. Распад федераций, сформированных по национально-этническому принципу, в начале 1990-х гг., актуализировал дискуссию по поводу эффективности применения принципа национального самоопределения в государственном строительстве. Одна из главных проблем, связанных с применением данного принципа — это многовариативность определения понятия «нация». Именно определение субъекта права самоопределения остается самым спорным моментом, главным образом потому, что национальное самоопределение не всегда тождественно самоопределению этническому.

Политические программы большинства национальных движений в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) начинались с требования расширения полномочий территориальных анклавов, исторически связанных с формированием отдельных этнических групп. Некоторые исследователи называют малые и средние народы данного региона народами с «ослабленной» национальной идентичностью, имея в виду период обретения ими независимости [5, с. 35]. Суверенитет государств, образовавшихся в ЦВЕ, стал следствием не столько успехов национальных движений, сколько военным поражением и распадом полиэтничных империй. Ключевую роль сыграла также политика стран-победительниц в Первой мировой войне, которые, рассматривая возможные варианты послевоенного устройства, на первых порах склонны были соотносить свои планы с интересами уже существующих европейских государств, например, Италии, которая крайне негативно воспринимала идею пре-

доставления независимости имперским народам. Поддержка во время войны разного рода национальных комитетов и национальных легионов со стороны стран Антанты обуславливалась прежде всего желанием дестабилизировать ситуацию внутри стран — военных противников. Подобные же методы использовала Германия против Российской империи и если бы Австро-Венгрия сумела вовремя выйти из-под влияния Германии, неизвестно, продолжали бы страны Антанты поддерживать национальный сепаратизм австрийских народов.

Реализация послевоенного проекта, который основывался на идее создания государственных территориальных единиц по языковому принципу, осложнялась тем, что этнически гомогенных территорий в ЦВЕ практически не существовало. Версальская система международных отношений создала государства со сложной национальной структурой, где границы «чертились» по территориям со смешанным населением и не всегда совпадали с этническими размежеваниями. Вследствие этого странам-победительницам пришлось выступать гарантами защиты прав национальных меньшинств во вновь формирующихся этнонациональных государствах. [3, с. 65].

Послевоенное размежевание разделило существовавшие территориальные сообщества на этнические сегменты, представители которых в рамках отдельных государств наделялись разными политическими статусами. Разделение на «государственные народы» и «национальные меньшинства» приводило не только к межэтническим конфликтам, но и к кризисам государственности. Весьма характерным примером подобного рода этнополитических процессов стала Чехословакия, где государственность и сама чехословацкая нация формировались различными национально-государственными стратегиями, в т. ч. и стратегией направленной на ликвидацию многоэтничности.

После определения границ в Чехословакии находилось самое большое количество представителей меньшинств — 52,1 %. [7, с. 351]. Данный показатель включал и словацкое население, учитывая то, что большинство исследователей указывает на его двойственное положение в государстве. С одной стороны, словаки выступали «государствообразующим народом», с другой — часто идентифицировали себя как национальное меньшинство, причем не только из-за разницы в количестве населения. Население Чехии и Словакии имело похожие языки, а также общую историю, однако главным фактором объединения была необходимость численного преобладания над прежними государствообразующими народами — немцами и венграми. Важнее данное обстоятельство было для чехов, которым объединение с родственным славянским народом позволяло иметь количественный перевес над чешскими немца-

ми и давало возможность рассматривать их в качестве этнического меньшинства. Иными словами, была выбрана прагматическая основа для объединения и формирования государства при идейном сопровождении «критического славянства». В Конституции, официально закрепившей в стране идеологию чехословакизма, говорилось о чехословацком языке, представленном в чешской и словацкой формах, которые декларировались как равноправные.

В то же время стремление к созданию суверенной нации чехов и словаков на уровне эмигрантских диаспор было сильнее, чем среди населения на территории империи. После объединения вступили в действие факторы, которые не позволили сформировать ни чехословацкую нацию, ни устойчивую государственность. Среди них обычно называется разница в уровне социально-экономического развития, а также различие во влиянии религиозного фактора. Но главным фактором, конечно, стало то, что большинство словацкого населения сопротивлялось ассимиляции в единую нацию при доминировании чехов в этом процессе, поэтому правительству Первой Чехословацкой республики (ЧСР) наряду с «немецким» и «венгерским» вопросом приходилось решать и «словацкий» вопрос.

Несмотря на то, что словацкие политические активисты уже в 1922 г. внесли в парламент первое предложение об автономии Словакии, асимметрия в положении чехов и словаков не приводила на первых порах к кризису во взаимоотношениях. Даже то обстоятельство, что в административном и управленческом аппаратах на территории Словакии вместо венгров доминировали чехи, какое-то время не служило поводом для конфликтов. Однако, в отличие от чехов, словаки воспринимали такое доминирование как временное явление, которое должно было смениться реальным равноправием. Здесь также важно вспомнить, что некоторые словацкие политики до начала Первой мировой войны надеялись на реформирование империи и, соответственно, на автономию в рамках возможной федерализации Австро-Венгрии. Более того, пока было возможно, подобный проект рассматривался ими как приоритетный, ибо любое объединение с чехами или поляками грозило потенциальной возможностью поглощения. Именно поэтому перед объединением словаки вытребовали для себя право на автономию в пределах Чехословакии, которое на практике так и не было предоставлено.

Со своей стороны чехи последовательно проводили политику, направленную на формирование единой политической нации, подкрепляя это унитаристской национальной политикой. В 1928 г. был принят закон, по которому Словакия стала одной из государственных областей наряду с Чехией, Моравией, Силезией и Подкарпатской Русью. Отказы-

вая в автономии словакам руководство Первой ЧСР тем самым не только не хотело идти вразрез с задуманным «славянским» слиянием, но еще и не желало создавать прецедент для аналогичных требований других этнических меньшинств.

Надо сказать, что наличие в государстве национальных меньшинств не всегда рассматривается как дестабилизирующий фактор. Существует точка зрения, что проблема меньшинств актуализируется в политике, когда их интересы входят в противоречие с так наз. «титульным этносом». Меньшинства, в силу того, что оказываются в невыгодном положении при конкуренции языков и культур по отношению к доминантным группам, вынуждены искать защиты и поддержки со стороны государства. В этом случае их действия не должны быть направлены на его разрушение. Однако опыт Первой ЧСР свидетельствует о том, что во многом именно политическая активность влиятельных этнических меньшинств привела к разрушению чехословацкой государственности перед Второй мировой войной.

Известно, что после Первой мировой войны значительная часть территории Германии отошла к Чехословакии и вместе с ней свыше 3 млн. этнических немцев, большая часть из которых компактно проживала в Судетской области. Активно добиваясь автономии в 1920-е гг., во второй половине 1930-х гг. они открыто начали выступать с сепаратистских позиций, требуя воссоединения с Германией. Следует сказать, что проблема возможности интеграции судетских немцев в общее государство по-прежнему имеет дискуссионный характер. Тем не менее, факт того, что этнических немцев не удалось интегрировать в чехословацкое общество предопределил ситуацию, когда нацменьшинство, опираясь на агрессивную политику нацистской Германии, выступило деструктивным фактором, приведшим к «разделу» государства.

Подобным же образом «сработало» и венгерское меньшинство. Разграничение территории между вновь создаваемой Чехословакией и Венгрией не прошло без проблем, учитывая, что и Венгрия после Первой мировой войны потеряла значительную часть своей территории. При размежевании возникла проблема определения этнической принадлежности населения. Поскольку в имперский период интенсивно проводилась политика ассимиляции, то довольно значительная часть данного региона говорила на венгерском языке, имея при этом иную этническую принадлежность. Численность венгерского меньшинства, оказавшегося на территории Чехословакии, сложно определяема. Даже ссылаясь на данные официальной чехословацкой переписи населения 1921 г., исследователи дают разные цифры: от 651 до 750 тыс. чел. [2, с. 206; 4, с. 99].

Вместе с тем, при определении границ словацкой части Чехословакии главными учитывались не только границы этногенеза, но и политические и стратегические мотивы. Столицей Словакии стала Братислава, через которую страна получала выход к Дунаю. Доля же проживавших здесь словаков была минимальной, при существенном доминировании этнических немцев и венгров.

Во второй половине 1930-х гг. активизировалась радикальная часть венгерского национального меньшинства, опираясь на реваншистскую политику Венгрии, в результате чего южная Словакия, где проживала значительная часть венгерского населения вошла в состав пограничного государства. Нацистская Германия оказывала своим союзникам помощь в создании укрупненных национальных государств по типу Великой Германии, в т. ч. и Венгрии за счет территорий не только Чехословакии, но и Югославии. Надо сказать, что многие представители меньшинств в ЦВЕ оказались восприимчивы к идее «воссоединения», пренебрегая лояльностью к странам проживания. Данный этнополитический фактор для Чехословакии, как известно, закончился ликвидацией государственности и фактическим присоединением к Рейху территорий, не заселенных немцами.

Процесс воссоздания чехословацкой государственности после Второй мировой войны базировался на иной стратегии взаимоотношений с этническими меньшинствами. Теперь за основу была взята та модель национального строительства, которая исключала влияние национальных диаспор, особенно тех, которые могли опереться на поддержку этнических «родственников» за пределами страны. Процессы переселения, депортации и обменов населением, характерные для послевоенного периода, были обусловлены прежде всего различными геополитическими факторами, в т. ч. тем, что версальский принцип охраны прав национальных меньшинств перестал соблюдаться уже в действиях германских оккупационных властей. Но стратегия национально-государственного строительства стран ЦВЕ в послевоенный период была направлена не только на восстановление границ и репатриацию граждан, но и на осознанное создание этнически однородных государств, без национальных меньшинств.

После войны этнические меньшинства не только в «пострадавших» от них странах, но и ведущими западными политиками стали рассматриваться как фактор потенциальной угрозы, который необходимо устранить путем добровольного или принудительного объединения с государствообразующей нацией.

Следует отметить, что проблема «трансфера» этнических сообществ для послевоенной Чехословакии имеет несколько аспектов, ос-

новными из которых являются обмены населением с СССР и Польшей, а также выселение немецкого и венгерского населения за пределы территории страны. Существует малообоснованная точка зрения, что подобная политика чехословацкому правительству была навязана советским политическим руководством, которое имело большой опыт массовых переселений в довоенный период. Представляется, что эмигрантское правительство и его глава Эдуард Бенеш независимо от позиции СССР и союзников видели основную причину кризиса и исчезновения Первой республики именно в этнической неоднородности страны. Поэтому основная стратегия Чехословакии основывалась на том, чтобы республика возродилась как государство двух народов — чехов и словаков, при минимальном проценте представителей национальных меньшинств.

Важно подчеркнуть, что по отношению к национальным меньшинствам в Чехословакии применялся различный подход. В отношении немецкого и венгерского меньшинств вопрос решался на международном уровне одинаково для всей послевоенной Европы. Вопрос же переселения представителей польского населения и словацких русинов решался путем заключения двухсторонних соглашений с Польшей и СССР.

В 1945–1946 гг. чехословацкое правительство заключило с СССР соглашения о взаимном обмене населением, целью которых было возвращение чехов и словаков (из Закарпатья и украинской Волыни) в Чехословакию в обмен на русских эмигрантов, белорусов и украинцев из восточной Словакии. Важным обстоятельством было то, что населению на присоединенных к СССР территориях было отказано в праве свободного выбора гражданства и бывшие чехословацкие граждане иных, нежели чешская и словацкая, национальностей автоматически становились гражданами СССР, оставаясь или перемещаясь на его территорию. Считается, что решение не предоставлять им права оптации устаивало и Чехословакию, по изложенным выше причинам, и Советский Союз, который не был заинтересован в уменьшении количества населения на вновь присоединенных территориях. [6, с. 222].

В 1948–1949 гг. были заключены соглашения с Польшей о переселении лиц польской национальности. Стоит отметить, что в период Мюнхенского кризиса Польша фактически приняла участие в разделе Чехословакии, предъявив ультиматум о возвращении Тешинской области, где наряду с польским меньшинством проживало преимущественно чешское население. Как известно, во время войны обсуждались не реализованные в дальнейшем проекты федерализации ЦВЕ, в т. ч. и проект польско-чехословацкой федерации, разрабатывавшийся польским и чехословацким эмигрантскими правительствами. Как правило, данная проблема рассматривается с точки зрения геополитических интересов

СССР, Великобритании и Польши, но редко с точки зрения послевоенной альтернативы для положения этнических меньшинств в Европе.

Идея создания польско-чехословацкой федерации возникла вскоре после начала Второй мировой войны и разрабатывалась таким образом, чтобы обеспечить доминирующее положение Польши в ЦВЕ, поскольку кроме территории Чехословакии новое государство должно было включать также территории Венгрии, Литвы и Румынии. Кроме того, преобладание по численности населения и территории должны были обеспечить полякам доминирующее положение и в самой федерации. В таком варианте проект получил одобрение Великобритании, но не устраивал СССР, а также чехословацких политиков. Великобритания рассматривала возможность создания федераций в ЦВЕ для противостояния Германии, при этом относилась с большим сомнением к возможности воссоздания ЧСР в прежних границах, имея в виду довоенные проблемы с немцами и венграми. СССР имел в виду возможность лишения суверенитета также и иных военных противников — Венгрии и Румынии. Анализ причин нереализованности проектов федерализации послевоенной Европы выходит за рамки обозначенной нами проблемы, однако стоит все же указать на позицию СССР, учитывая то обстоятельство, что многие исследователи в качестве основной причины называют негативное отношение советского руководства к данной идее. В январе 1944 г. пожелания СССР в отношении границ и интересов в послевоенной Европе включали, в т. ч., обеспечение общей границы с Чехословакией за счет территорий Польши или Румынии. При этом говорилось, что создание в Европе федераций (Дунайской, Балканской, Центрально-Европейской, Скандинавской) не противоречит интересам СССР. Равно как и существование независимой Польши, однако не слишком большой и не слишком сильной, поскольку Польша всегда была враждебна России. Очевидно, что главным союзником СССР в ЦВЕ должна была стать Чехословакия, поэтому основная стратегия для советского руководства в вопросе соотношения сил в регионе — это «стремиться к созданию сильной Чехословакии» [1, с. 17].

Переходя к проблеме правомерности выселения судетских немцев и венгерского населения из Чехословакии, следует сказать, что сегодня она является предельно дискуссионной и в научном, и в политическом дискурсе Чехии, Германии и Австрии. Стоит напомнить, что решение о принудительном переселении немцев было принято на Потсдамской конференции. В дополнение к решению стран-победительниц правительства Польши, Чехословакии и Югославии приняли законы, которые касались не только немцев, но и других этнических меньшинств. В частности в Чехословакии законы о лишении гражданства и конфи-

скации имущества лиц немецкой и венгерской национальности были приняты в 1945–1946 гг.

В довоенной Чехословакии немецкое население составляло почти 30 % населения, однако после 1939 г. они практически все стали гражданами Рейха [4, с. 98]. Данное обстоятельство и стало правовой основой для лишения их чехословацкого гражданства после войны. Такая же мера предусматривалась и для лиц венгерской национальности, получивших перед войной гражданство Венгрии. Согласно переписи населения 1950 г. немцев в Чехословакии осталось около 160 тыс., а венгров — 355 тыс. [4, с. 99].

После решения проблемы меньшинств за счет «трансферов» населения, оставалась проблема взаимоотношения чехов и словаков. В соответствии с новой Конституцией 1948 г. Словакия получила некоторые атрибуты самостоятельности в виде национального парламента и Словацкой коммунистической партии. Однако полностью процесс федерализации был завершен после 1968 г., когда в следующей Конституции, которая вступила в силу 1 января 1969 г., было зафиксировано создание чешского регионального парламента. Практически ни у кого из исследователей не вызывает сомнения то, что создание симметричной федеративной модели в контексте Пражской весны произошло под давлением Словакии. Более того, впервые словаки получили возможность временно доминировать в политическом руководстве Чехословакии.

Структура государственности теперь предусматривала создание самостоятельных законодательных и представительных органов власти Чехии и Словакии, а также двухпалатного парламента страны, одна из палат которого формировалась на основе равного представительства двух субъектов федерации. Тем не менее, распад государственности вновь произошел, правда на этот раз политический фактор, очевидно, преобладал над этническим. Во всяком случае, большая часть населения бывшей Чехословакии в начале 1990-х гг. негативно оценивала тот факт, что референдум по вопросу раздела страны не проводился, а граждане и даже региональные органы власти просто информировались об уже достигнутых политическими элитами договоренностях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов А. А., Пыжиков В. А. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М: РОСПЭН, 2001. 304 с.
2. Пеганов А. О. Венгерский вопрос в межвоенной Чехословакии (1918–1939 гг.): внешнеполитический и внутривластный аспекты // Российские и славянские исследования. 2010. № 5. С. 203–210.

3. *Тишков В. А, Шабаетв Ю. П.* Этнополитология. Политические функции этничности. М: МГУ, 2011. 376 с.
4. *Трухачев В.* «Декреты Бенеша»: мина замедленного действия для ЕС? // Современная Европа, 2010. С. 96–109.
5. *Хольцер Я.* Существовала или нет Центральная Европа. Чешские споры о центральноевропейской ментальности малого народа // Политическая наука. 2001. С. 34–46.
6. *Шмигель М.* Обмены населением СССР с Польшей и Чехословакией: аналогии и различия эры политического переселения народов. // Запад — Восток. 2017. № 10. С. 214–227.
7. *Яжборовская И. С.* Центральная и Юго-Восточная Европа: урегулирование национальных отношений после Второй мировой войны // Россия реформирующаяся. 2010. С. 351–358.

УДК 316.4(476)

В. Н. Блохин

г. Горки (Беларусь)

Белорусская гос. сельскохозяйственная академия

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ РЕГИОНОВ В XXI ВЕКЕ

Статья рассматривает специфику социально-экономического, демографического и социокультурного развития сельских регионов. Предлагается перейти от экономического детерминизма в оценке развития сельских регионов к рассмотрению села как социально-территориальной общности с наличием системы ценностей и норм. В сельских регионах важную роль продолжают играть традиции и обычаи, которые препятствуют восприятию социально-экономических инноваций. Анализируется развитие сельских регионов на примере сельских территорий Мстиславского района Республики Беларусь. Автор проводил социологические исследования в сельских сообществах Мстиславского района, разработал стратегию устойчивого развития.

Ключевые слова: сельские регионы, социально-экономическое развитие, особенности, антирыночные настроения, стратегия устойчивого развития.

Образ жизни человечества по всему миру трансформируется все более быстрыми темпами. Ускорение социально-экономических изменений в XXI в. связано с процессами глобализации, научно-технической революцией, продолжающейся урбанизацией. Двигателями трансформационной активности являются мегаполисы и агломерации, транснациональные корпорации, развитие компьютерно-коммуникационных технологий. Образ и условия жизни населения не остаются статичными и в сельских регионах. Сельские сообщества в настоящее время оказались перед целым рядом проблем и вызовов. Отсутствие путей эффективного решения этих задач угрожает будущему села.

Сельские регионы отличаются отставанием в развитии инженерной и социальной инфраструктуры, что приводит к необходимости постоянно пытаться догонять город. Однако уравнивать условия сельской и городской жизни вряд ли возможно. Городской и сельский образ жизни всегда будут иметь специфику. Важно сохранить наличие преимуществ не только в городах, но и в сельских регионах. В противном случае деревни превратятся в сплошные зоны социально-экономической и демографической депрессии. В таких условиях удержание людей в сельской местности станет невыполнимой задачей для системы государственного и местного управления. Поэтому современная наука и управление

должны выработать стратегию развития сельских регионов, которая позволит сохранить их привлекательность для жизни [1, с. 248].

Как показала советская практика территориального развития, использование в качестве социального взаимодействия государства и общества лишь патронажной государственной политики по отношению к сельским жителям приводит к снижению их мотивации к развитию. Местное население, лишенное возможности проявлять социальную активность, организовывать и развивать частное дело, начинает рассчитывать исключительно на государственную поддержку, субсидии, различного рода льготы. Такая практика порождает иждивенческие настроения, маргинализацию и даже люмпенизацию, что еще больше ускоряет процессы урбанизации и, соответственно, распада сельской поселенческой сети [2, с. 77].

На протяжении длительного периода времени по отношению к развитию сельских регионов применялся исключительно экономический детерминизм, т. е. первостепенное внимание уделялось лишь экономическим показателям. В соответствии с таким подходом сельские регионы фактически ассоциировались с развитием сельского хозяйства. В СССР показатели работы аграрного сектора позволяли чиновникам судить о степени успешности развития тех или иных сельских поселений. Однако даже из «успешных» регионов, отличающихся относительно высокими объемами производства сельскохозяйственной продукции, уезжали люди, особенно молодежь. Процессы урбанизации в постсоветских республиках продолжаются и в настоящее время, что свидетельствует о недостатках в понимании особенностей сельских регионов [3, с. 35–36].

Во многих постсоветских республиках сельские регионы характеризуются рассредоточенностью населенных пунктов, значительной изолированностью от городских центров. Кроме этого характерна неразвитая система потребительского рынка, низкая обеспеченность транспортными, медицинскими и образовательными услугами. Эти особенности препятствуют преодолению социально-экономического разрыва между городом и селом. В сельских регионах в наибольшей степени сохраняются традиционные нормы жизни, поведения, межличностного взаимодействия. Традиционный уклад или, скорее, черты традиционного общественного уклада, формируют особенности мировосприятия и мироощущения сельских жителей [4, с. 22].

Развитие рыночной экономики в последние три десятилетия кардинально изменило облик и условия жизни крупных городов в постсоветских республиках. Однако во многих сельских регионах до настоящего времени сохраняются антирыночные настроения у значительной

части сельчан. По причине традиционной консервативности новые модели экономического поведения усваиваются с трудом и значительным опозданием. Полной адаптации к условиям рынка не произошло, что еще более усугубляет разрыв между сельскими регионами и городами.

Наличие антирыночных настроений среди сельчан было зафиксировано нами во время проведения социологических исследований в сельских территориях Мстиславского района (Могилевская область, Республика Беларусь). Социологические исследования (опросы, наблюдение, глубинные интервью) проводились в 2016–2017 гг. в рамках международного проекта «Расширение экономических возможностей в сельской Беларуси».

Социологическое наблюдение, продолжавшееся в течение 1,5 лет, позволило выявить наличие серьезного влияния местной социокультурной среды на экономическое поведение сельчан. Для абсолютного большинства сельских жителей по-прежнему важно мнение близких людей, соседей относительно трудовой деятельности. Работа в местных сельскохозяйственных организациях различной формы собственности оценивается, как правило, позитивно. В то же время, абсолютное большинство респондентов не задумываются об открытии какого-либо частного дела.

Отсутствие готовности заниматься малым бизнесом связано с рядом причин. Особое место среди этих причин занимает негативное отношение родственников и друзей к предпринимательству в сельском населенном пункте. Как выяснилось, бизнес в родном селе многими жителями воспринимается, как попытка нажиться за счет односельчан, что вызывает осуждение. В ответах респондентов часто встречались следующие аргументы: «неудобно наживаться на близких и знакомых людях», «предпринимательство в наших условиях является спекуляцией и обманом», «делать бизнес без нарушения закона не получится», «лучше быть беднее, но спать спокойно», «можно заниматься бизнесом, но как потом смотреть в глаза знакомым людям» [2, с. 80].

Полученные ответы показывают наличие специфического восприятия бизнеса. Предпринимательская деятельность, как и в советский период, многими людьми отождествляется почти с преступлением. Но, если в советский период, коммерческая деятельность официально считалась криминальной, со всеми вытекающими отсюда последствиями, то теперь эта деятельность осуждается на уровне общественного мнения. Особенностью сельских регионов является то, что сила общественного мнения часто существенно выше в сравнении с городом. В деревне все друг друга знают и разрыв социальных связей, потеря уважения в местном сообществе чревата сильным психологическим дискомфортом.

В такой ситуации невозможно рассчитывать на тесные межличностные отношения, традиционную взаимопомощь между односельчанами.

Социологическое наблюдение позволило выявить расширение контактов сельского населения с городскими центрами, что связано с интенсификацией передвижения, трудовой миграцией, продолжением учебы, необходимостью медицинской помощи и т. д. Доступность личного автотранспорта сделала сельских жителей более мобильными. Территориальные перемещения, взаимодействие с городскими жителями не могут не сказываться на сознании и поведении сельчан.

В рассматриваемом сельском регионе наблюдаются типичные для большинства постсоветских стран процессы депопуляции, увеличивается число пожилых и нетрудоспособных граждан, снижается количество людей, занятых в сфере сельского хозяйства. В молодежной среде преобладает желание покинуть деревню и закрепиться в городе. Такие настроения поддерживает около 90 % родителей. Жизнь в деревне воспринимается как более сложная, бедная, малоперспективная. Описанные поведенческие установки делают невозможной задачу сохранения сельской поселенческой сети.

Местные жители отмечают, что в течение постсоветского периода произошли изменения в психологии людей, в системе жизненных ценностей. Эти изменения особенно заметны в молодежной среде. Существенно снизилась готовность сельчан к взаимопомощи (например, во время сезонных сельскохозяйственных работ, что вынуждает многих людей уменьшать обрабатываемые участки земли). В последние годы произошел отказ от традиции совместного отмечания ряда праздников (свободное время местные жители предпочитают проводить за просмотром телевизионных передач, а молодежь все больше уделяет время использованию ресурсов сети Интернет); растет стремление больше зарабатывать, что приводит к выезду на заработки в города Беларуси и России. В то же время под влиянием местных социально активных граждан удалось добиться прогресса в некоторых сферах: были ликвидированы стихийные свалки бытовых отходов, благоустроен парк, появились мусорные урны, детские площадки, малые архитектурные формы, стало больше уличного освещения. Местные учителя создали сайт «Интеллектуальная мастерская устойчивых перемен», который пользуется популярностью у сельчан, содействует социально-экономическому и социокультурному развитию и просвещению, формирует экологическое сознание и высокую гражданскую культуру населения.

В рамках международного проекта «Расширение экономических возможностей в сельской Беларуси» нами была разработана стратегия устойчивого развития для сельских территорий Мстиславского района.

В настоящее время концепция устойчивого развития приобрела популярность по всему миру. Существуют многочисленные подходы к интерпретации устойчивого развития. Если максимально обобщить имеющиеся научные концепции, то под устойчивым развитием понимается процесс создания и внедрения инноваций (новейших ресурсосберегающих и безопасных для окружающей среды технологий) для развития человеческого капитала. Таким образом, приоритетом и главным источником развития признается человек, имеющий высокий уровень образования, навыков, компетенций, соответствующих спросу на рынке труда. Приоритетом является сохранение здоровья человека и повышение продолжительности жизни, удовлетворение широкого спектра потребностей, в т. ч. возможность постоянного социокультурного развития. Устойчивость подразумевает постоянный прогресс при сохранении возможностей развития для будущих поколений.

В научной среде еще не выработано определение устойчивого развития сельских регионов. Поэтому под этим мы предлагаем понимать полиаспектный процесс восприятия и использования сельскими жителями социально-экономических инноваций, учитывающих принципы экологической безопасности и социокультурную специфику конкретных регионов.

Стратегия устойчивого развития сельских территорий Мстиславского района включала подробный анализ социально-экономической, демографической, экологической ситуации. Были выявлены основные проблемы и риски развития и, в то же время, определены наиболее перспективные направления развития местных сообществ. Результаты и предложения по реализации стратегии непосредственно обсуждались с местными жителями во время выездных сессий. Сельчане активно включались в процесс обсуждения, вносили предложения и замечания. Контакт с местными жителями принципиально важен, ведь, если не будет обратной связи, то все научные разработки и управленческие решения рискуют остаться лишь теорией оторванной от практики.

Результаты проведенных исследований позволяют сформулировать предложения, которые будут способствовать повышению эффективности развития большинства сельских регионов:

- поддержка различной частной инициативы (не только в аграрном секторе), оказание консультационной помощи сельским жителям по вопросам организации и ведения предпринимательской деятельности;
- расширение административных и финансовых полномочий местной власти, проведение локальных обсуждений и референдумов по наиболее важным вопросам;

— поддержка деятельности некоммерческих организаций (НКО), осуществляющих просветительскую деятельность, передача части полномочий в решении местных проблем авторитетным НКО;

— развитие экологической культуры местного населения, охрана природы, обеспечение безопасности окружающей среды.

Очевидно, что универсального рецепта обеспечения процветания сельских регионов нет. Однако, полагаем, что в первую очередь необходимо отказаться от одностороннего экономико-центристского подхода. Сельские регионы нужно рассматривать не как аграрную сырьевую базу, а как социально-территориальные общности, обладающие особой системой ценностей и норм. Важно учитывать демографические и экологические особенности конкретных сельских регионов.

Таким образом, для успешного развития сельских регионов целесообразно применять социо-эколого-экономический подход, который в наибольшей степени соответствует современным представлениям об устойчивом развитии общества. Для практической реализации этого подхода рекомендуется разрабатывать стратегии устойчивого развития не только на уровне государства или области, но и для конкретных сельских регионов. Такие научно-управленческие документы помогают оценить реальное социально-экономическое развитие сельского региона, демографическую ситуацию, экологическое состояние. На основе этих данных можно обозначить важнейшие проблемы, угрозы развитию и даже существованию сельских поселений. В то же время можно определить наиболее перспективные направления развития конкретных сельских поселений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блохин В. Н. Возможности интенсификации социально-экономического развития сельских сообществ // Вестник НГУЭУ. 2019. № 1. С. 247–261.
2. Блохин В. Н. Социально-экономическое развитие сельских сообществ: состояние, проблемы, перспективы // Вестник МГУ им. А. А. Кулешова. №1 (55). 2020. С. 76–82.
3. Лихачев Н. Е. Социология белорусского села. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2014. 180 с.
4. Фролова Е. В. Инфраструктура сельских поселений: основные проблемы и направления государственной политики по ее развитию // Ученые записки Рос. гос. соц. ун-та. 2012. № 8 (108). С. 21–29.

УДК 336.7

С. В. Шутова

г. Горки (Беларусь)

Белорусская гос. сельскохозяйственная академия

ФИНАНСИРОВАНИЕ ПРОЕКТОВ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ИННОВАЦИОННЫМИ ФОНДАМИ

В статье представлен анализ существующей практики финансирования проектов инновационными фондами и направления использования ресурсов инновационных фондов. Сформулированы предложения по изменению и повышению эффективности их финансирования с точки зрения бюджетной эффективности.

Ключевые слова: финансирование инновационной деятельности, инновационные фонды, бюджетная эффективность, финансовые ресурсы организаций, структура финансирования организаций.

В соответствии с законодательством инновационные фонды являются целевыми, их средства выделяются на безвозмездной основе на реализацию проектов по следующим направлениям:

— выполнение проектов в рамках Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь (далее — РБ);

— выполнение НИОКР, обеспечивающих создание новой продукции, новых (усовершенствованных) технологий, новых услуг, в т. ч. выполняемых в рамках реализации инновационных проектов, работ по организации и освоению производства научно-технической продукции, созданной в результате выполнения инновационных проектов и заданий государственных научно-технических программ;

— финансирование деятельности Белорусского инновационного фонда;

— организация работы и развитие материально-технической базы субъектов инновационной инфраструктуры;

— развитие материально-технической базы отраслевых лабораторий, положение о которых определяется Советом Министров РБ, включая средства на капитальные расходы;

— проведение научных и научно-практических конференций, семинаров, симпозиумов, выставок научно-технических достижений, подготовка и издание научно-технической и научно-методической литературы.

Фактические доходы местных инновационных фондов в 2017 г., по сравнению с предыдущим годом, увеличились на 18,4 % и составили 189,6 млн руб., фактические расходы увеличились на 19,7 % и составили

132,6 млн руб. Таким образом, освоение средств составило 69,5 % от плана. Всего на начало 2018 г. накопленный остаток средств местных инновационных фондов составил 62,6 млн руб., что примерно равняется полугодовой величине всех фактических расходов [1]. Главной причиной неполного освоения средств местных инновационных фондов Государственный комитет по науке и технологиям РБ считает недостаточную работу местных органов власти по поиску и отбору инновационных проектов, также отмечается не всегда высокое качество представляемых на государственную экспертизу проектных материалов [1]. В структуре затрат местных инновационных фондов по итогам 2017 г. основным направлением использования средств стало финансирование инновационных проектов. На эти цели выделено 113,8 млн руб., или 85,8 % всего финансирования. Порядка 7,5 % от общего объема финансирования пришлось на инновационную инфраструктуру и лишь 4,5 % — на финансирование НИОКР [1]. Из инновационного фонда Гродненской области в 2017 г. не было профинансировано ни одного инновационного проекта, в то же время из инновационного фонда Могилевской области финансировались только инновационные проекты. Большинство местных инновационных фондов направили средства на финансирование инновационных проектов: Витебский облисполком — 92,8 % от общего объема финансирования в регионе, Минский облисполком — 92 %, Гомельский облисполком — 77,7 %, Брестский облисполком — 88,9 % и Минский горисполком — 58,6 % [1].

Таким образом, несмотря на различие в структуре финансирования между регионами, основной объем затрат (67 %) приходится на финансирование инновационных проектов, что требует особого внимания к проведению анализа эффективности реализации проектов и оценке их влияния на инновационное развитие. Поскольку на инновационный фонд Минска приходится порядка 65 % израсходованных финансовых ресурсов всех региональных инновационных фондов страны, а Минск является лидером инновационного развития среди регионов, проведем анализ на примере инновационного фонда столицы. Важно отметить, что объем финансирования из инновационного фонда Минского горисполкома постоянно увеличивается. Если в 2014 г. было направлено на финансирование 70,7 млн руб., то к 2016 г. эта цифра увеличилась до 80,2 млн руб., а в 2017 г. составила 86,2 млн руб., что создает определенные условия для финансирования инновационной деятельности и требует проведения оценок целесообразности финансирования проектов в условиях роста расходной части фонда. Претерпела изменения структура расходования средств инновационного фонда. В 2014 г. более 91 % (64,4 млн руб.) средств инновационного фонда было направлено на реа-

лизацию проектов, 6,4 % (4,5 млн руб.) — на инновационную инфраструктуру и только 2,4 % (1,7 млн руб.) — на НИОКР, на прочие цели пришлось менее 0,2 %. Структура распределения средств инновационного фонда Минского горисполкома за 2017 г. показывает, что почти 60 % (50,5 млн руб.) средств направляется на реализацию проектов, 7,7 % (6,6 млн руб.) — на развитие инновационной инфраструктуры, 2,2 % (1,9 млн руб.) — на научные исследования и разработки и 31,6 % (27,2 млн руб.) — на прочие цели [1]. Изменения в структуре свидетельствуют об уменьшении объема финансирования реализации инновационных проектов и в абсолютном выражении, и относительно других направлений финансирования проектов. Увеличение объемов финансирования приходится на инновационную инфраструктуру и прочие виды деятельности. Финансирование НИОКР незначительно увеличилось в абсолютном выражении. Основной причиной уменьшения объема финансирования проектов, по мнению Государственного комитета по науке и технологиям РБ, является недостаток качественных инновационных проектов [1]. Даже при том условии, что ресурсы из местных инновационных фондов выделяются на безвозмездной и безвозвратной основе, отмечается недостаток инновационных проектов в регионе. Также следует обратить внимание на качество профинансированных проектов — финансируются инвестиционные проекты, которые не нацелены на внедрение инноваций.

С учетом рассмотренных выше статистических данных можно выделить три основных направления расходования средств инновационного фонда Минска: исследования и разработки, инновационная инфраструктура и финансирование реализации проектов.

Поскольку оценить все три направления в рамках одной статьи не представляется возможным, остановимся более подробно на анализе финансирования организации разработок новой продукции, т. к. на это направление приходится большая часть средств инновационного фонда. Оценивать эффективность целесообразно на основе рассмотрения бизнес-планов каждого из проектов. Однако в связи с отсутствием технической возможности оценки влияния отдельных проектов проанализируем эффекты реализации совокупностей проектов каждого инновационного фонда на инновационную активность в соответствующем регионе.

Начиная с 2012 г. наблюдается тенденция к снижению числа инновационно активных организаций (их количество снизилось с 102 в 2012 г. до 77 в 2017 г.), при этом до 2016 г. уровень инновационной активности в регионе увеличивался. Это объясняется в т. ч. и тем, что инновационно активные предприятия менее подвержены воздействию негативных влияний на внутреннем и внешнем рынках, чем обычные

промышленные организации, численность которых снижается опережающими темпами в сравнении с инновационно активными. До 2016 г. отмечался рост затрат на технологические инновации, в т. ч. за счет местного бюджета. Однако после падения в 2016 г. объем финансирования значительно сократился и в последующем так и не достиг уровня 2015 г. Особое внимание следует обратить на изменение доли местного бюджета в финансировании технологических инноваций. Так, если в 2012 г. его доля составила 0,1 % от общих затрат, то по итогам 2017 г. — 20,8 %.

Согласно данным статистического бюллетеня, практически 100 % расходов на технологические инновации, осуществляемых местным бюджетом, приходится на инновационный фонд Минского горисполкома [2].

Таким образом, пятая часть всех ресурсов, направляемых на финансирование затрат на технологические инновации в Минске, приходится на инновационный фонд Минского горисполкома. Структура источников финансирования претерпела существенные изменения по сравнению с 2011 г. Следует отметить, что с 2011 г. органами статистики начал применяться новый классификатор видов экономической деятельности, поэтому в целях сопоставимости приведем данные начиная с 2011 г. Собственные средства организаций продолжают играть решающую роль в финансировании инноваций. При этом значительно увеличилась доля бюджетных ресурсов. Увеличилась доля местного бюджета, в первую очередь за счет увеличения финансирования из регионального инновационного фонда. Таким образом, происходит перераспределение источников финансирования затрат — возрастает нагрузка на бюджетные источники, уменьшается доля иностранных инвестиций, кредитных ресурсов и собственных средств организаций. Динамика источников финансирования показывает, что доля иностранных инвестиций продолжает сокращаться. Это свидетельствует о недостаточной заинтересованности иностранных инвесторов в реализации на территории Минска инновационных проектов. Несмотря на значительный рост финансирования инновационной деятельности инновационным фондом Минского горисполкома, удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции является одним из самых низких за последние 6 лет — 15,3 %. Одним из часто применяемых способов оценки эффективности финансирования инноваций на мезо- и макроуровнях является соотношение объемов финансирования и объемов произведенной инновационной продукции. В 2012 г. на 1 руб. затрат приходилось 21,4 руб. инновационной продукции, по итогам 2017 г. на 1 руб. затрат пришлось лишь 13,4 руб. инновационной продукции. По местному бюджету, то в 2012 г. на 1 руб. затрат из местного бюджета при-

шлось 1580 руб. отгруженной инновационной продукции, в 2017 г. — лишь 64,3 руб. Несмотря на значительный рост финансирования из инновационного фонда Минского горисполкома, наблюдается снижение эффективности финансирования инновационной деятельности. Также необходимо учитывать, что инновационный фонд является прямым инструментом стимулирования инновационной деятельности. Прямые инструменты направляются, как правило, на реализацию небольшого количества самых значимых проектов и оказывают незначительное влияние на изменение показателей инновационной деятельности в регионе в целом.

Таким образом, средства местных инновационных фондов используются недостаточно эффективно (некоторыми распорядителями используются в основном на реализацию инвестиционных проектов, не нацеленных на внедрение инноваций). Также средства местных инновационных фондов не задействованы в полном объеме для решения задач инновационного развития как регионов, так и страны в целом, ежегодно остаются и играют незначительную роль в решении задачи по переходу страны на инновационный тип развития. По нашему мнению, одной из причин является отсутствие четкой методики оценки при отборе инновационных проектов (как отмечалось ранее, критерии отбора проектов носят лишь общий характер), которая позволяла бы оценивать не только финансово-экономические показатели проекта, но и последствия его реализации для республиканского и местного бюджетов, в т. ч. с учетом предоставляемых налоговых льгот. Дальнейшее увеличение объемов финансирования проектов из инновационных фондов целесообразно увязать с показателями бюджетной эффективности. Методы выбора проекта для финансирования инновационными фондами могут быть улучшены, что позволит тратить ресурсы более эффективно. Оценка эффективности инновационных проектов является одним из принципиальных моментов при обосновании и выборе потенциальных вариантов инвестиционных вложений в осуществление проекта. В большинстве случаев оценка основывается на анализе, целью которого является определение результативности, ценности проекта.

На сегодняшний день одним из самых значимых (с точки зрения государственного стимулирования) показателей эффективности инновационного проекта является показатель бюджетной эффективности. Достоинством показателя бюджетной эффективности является то, что он позволяет учесть финансовые последствия реализации проектов для республиканского и местного бюджетов. Иными словами, бюджетную эффективность можно определить как результат участия государства в реализации проекта с точки зрения расходов и доходов бюджетов раз-

личных уровней управления. Бюджетная эффективность оценивается в первую очередь на основе проектов, заявленных на различные формы государственной поддержки, представляемых в республиканские или местные органы государственного управления. В целях оценки бюджетной эффективности инновационного проекта принимается сопоставление дохода и вложенных ресурсов в инновационный проект.

Несмотря на различие в структуре финансирования между регионами, основной объем затрат приходится на финансирование инновационных проектов. Объем финансирования фондами постоянно увеличивается, что органами статистики отражается в увеличении доли расходов местного бюджета в структуре финансирования инновационной деятельности. Происходит перераспределение источников финансирования затрат — возрастает нагрузка на бюджетные источники, уменьшается доля иностранных инвестиций, кредитных ресурсов и собственных средств организаций. Пятая часть всех ресурсов, направляемых на финансирование затрат на технологические инновации в Минске, приходится на инновационный фонд Минского горисполкома. В этих условиях наблюдается не только снижение объемов производства инновационной продукции, но и замедление инновационной активности в регионе в целом. Предпринятые в последние годы меры по финансовому стимулированию инновационной деятельности не приносят значимого результата. Несмотря на значительный рост финансирования из инновационного фонда Минского горисполкома, наблюдается снижение эффективности финансирования инновационной деятельности. Дальнейшее расширение применения инновационных фондов требует проведения более детального анализа последствий не только для инновационного развития, но и для бюджетных ресурсов. Целесообразно пересмотреть подходы к отбору инновационных проектов и проводить оценку не только финансово-экономических показателей проекта, но и последствий его реализации для республиканского и местного бюджетов, в т. ч. с учетом предоставляемых налоговых льгот. Применение предложенной методики позволит обеспечить дальнейшее увеличение объемов финансирования при условии минимизации негативных последствий для бюджетов различных уровней.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2017 года: аналитический доклад / под ред. А. Г. Шумилина, В. Г. Гусакова. Минск: ГУ «БелИСА», 2018. 282 с.
2. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь, 2018 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск: Республи-

канское унитарное предприятие «Информационно-вычислительный центр Национального статистического комитета Республики Беларусь», 2018. 134 с.

УДК 376.37:398.2

Т. Н. Семенова

г. Чебоксары (Россия)

Чувашский гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева

УЧИТЕЛЬ-ЛОГОПЕД КАК ХРАНИТЕЛЬ КУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ РЕГИОНА: НАРОДНАЯ СКАЗКА В РАЗВИТИИ ДЕТСКОЙ РЕЧИ

В статье представлено значение использования народных сказок в логопедической работе с дошкольниками в контексте приобщения их к социокультурным нормам, традициям семьи, общества и государства с учётом этнокультурной ситуации развития (на примере чувашского народа), раскрыты основные этапы работы над текстами национальных сказок для лучшего их понимания и усвоения.

Ключевые слова: культурная самобытность региона, приобщение к истории и культуре родного края, чувашская народная сказка, развитие речи, логопедическая работа, этнопедагогика.

Согласно концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России и ФГОС дошкольного образования одним из целевых ориентиров является необходимость формирования у детей установок положительного отношения к другим людям и к самому себе, приобщения их к социокультурным нормам, традициям семьи, общества и государства с учётом этнокультурной ситуации развития. В этом направлении педагогической работы как сокровищница этноса неocenимую помощь может оказать национальная сказка.

С педагогической точки зрения народные сказки просто бесценны. Во-первых, со сказкой ребенок начинает знакомиться в очень раннем детстве, и знакомство это продолжается на протяжении многих лет. Во-вторых, сказки несут в себе жизнеутверждающие идеи, они полны оптимизма, и это вызывает ответные чувства у детей. В-третьих, сказка создает структуру интеллекта ребенка, устанавливает связи: «Я и другие», «Я и вещи», «Вещи подлинные и выдуманные», что особенно актуально для детей с отклонениями в развитии. В-четвертых, в процессе слушания народных сказок происходит знакомство с культурой родного края и родным языком. Народная сказка доносит в доступной форме до сознания детей с нарушениями речи общие для всех народов ценности, воспитывает любовь ко всем людям и природе, расширяет кругозор и корректирует представления о мире, развивает, обогащает все стороны речи и исправляет ее недостатки.

Использование народной сказки в системе логопедических занятий с дошкольниками способствует созданию коммуникативной направленности каждого слова и высказывания ребенка [1]; совершенствованию лексико-грамматических средств языка; совершенствованию звуковой стороны речи в сфере произношения, восприятия и выразительности; развитию диалогической и монологической речи; игровой мотивации детской речи; взаимосвязи зрительного, слухового и моторного анализаторов; сотрудничеству дефектолога с детьми и друг с другом; созданию на занятиях благоприятной психологической атмосферы, обогащение эмоционально-чувственной сферы ребенка; приобщению детей к прошлому и настоящему народной культуры, фольклору.

Сказки являются наиболее сложной формой поэтического творчества народа, т. к. состоят из многих жанров устного творчества и представляют собой сложную сумму воздействий на психику воспитуемого: кроме повествования об интересных событиях, часто в них содержатся загадки, песни, задачи, достаточно поговорок и пословиц.

Дети с ограниченными возможностями здоровья с трудностями понимают такие относительно сложные по речевому построению сюжета художественные произведения, как сказки. Это объясняется тем, что осмысление текста сказок — непростой аналитико-синтетический процесс. Кроме того, народной сказке характерна соотнесенность реальности и фантастики, специфичная композиция, выразительность и образность языка. Эти трудности связаны с нарушениями в психоречевом развитии и особенностями мыслительной деятельности детей с речевыми расстройствами.

Наряду с такими типичными ошибками, допускаемыми этими детьми при слушании, чтении и осмыслении народных сказок, как смешение, неразличение, замещение, непонимание слов, самые большие трудности вызывает у них понимание переносного смысла выражений, которыми часто изобилуют народные сказки. Эти недостатки можно преодолеть только при целенаправленной работе с текстом сказки, в частности, при проведении словарной работы. Главную цель такой работы мы видим в том, чтобы помочь детям с речевой патологией осмысленно воспринять содержание и художественное богатство сказочных произведений, сложенных народом.

Сначала проводится подготовка к их восприятию и прочтению, где на первый план выступает задачи выявления знания детей той или иной лексики, расширения словарного запаса, уточнения значения некоторых слов, закрепления уже известных, формирования эмоционального отношения к содержанию сказки с помощью оценочной лексики. Например, предваряя рассказ народной сказки, дефектолог во вступительном

рассказе объясняет значения некоторых слов, с которыми дети встречаются в произведении.

М. И. Никитина [2] выделяет категории слов, которые можно часто встретить в народных сказках и толкование которых необходимо для детей с сенсорной и речевой патологией.

подавляющее большинство слов, которые подлежат объяснению, несут идейно-смысловую нагрузку: они описывают эпоху, характеризуют обстановку — это различные образно-поэтические выражения, морально-этические суждения. В эту же группу можно отнести и устаревшие слова (архаизмы). Однако большинство архаизмов разъясняется только для лучшего понимания текста народной сказки и, как правило, не вводятся в активный лексикон детей.

Ко второй категории относятся изобразительно-выразительные средства языка с переносным значением: эпитет, метафора, олицетворение, которыми изобилуют народные сказки. Понимание их значения усиливает эмоционально-оценочное восприятие, помогает глубже окунуться в сюжет сказки, обогащая образную речь детей.

Третья категория слов — это устойчивые фразеологизмы, идиоматические выражения, придающие сказке особый национальный колорит — яркий и выразительный: *рукой подать; дать маху; ни дать, ни взять; не по дням, а по часам; у страза глаза велики; не солоно хлебавши; куда глаза глядят; белены объелся; жить душа в душу* и др. Чаще всего дети с нарушениями речи не понимают их смысла, не используют и в экспрессивной речи. Используя контекст сказки и дополнительные примеры, специалист разъясняет смысл этих словосочетаний, подбирая синонимы, которые отсутствуют в самой сказке.

Четвертая категория слов, требующих толкования, включает имена действующих лиц, географических наименований, где развивается сюжет.

Во время беседы по содержанию сказок логопед задает поисковые, наводящие и репродуктивные вопросы, которые способствуют запоминанию детьми с речевыми расстройствами последовательности событий в сказке, установлению причинно-следственных связей между ними, пониманию смысла литературного произведения, развитию логического мышления дошкольников. Наводящие вопросы акцентируют внимание на художественных особенностях, изобразительно-выразительных средствах, специфической лексике, сложных для восприятия и понимания синтаксических конструкций. Также применяются приемы привлечения внимания детей к языку произведения, к авторской характеристике героев, к описанию места и времени действия, к точным определениям, сравнениям, фразеологическим оборотам.

Можно выделить несколько форм работы с народной сказкой: пересказ по вопросам, подсказка слова или фразы, совместный пересказ ребенка и педагога, отраженный пересказ, пересказ по частям, пересказ по сюжетным картинкам, пересказ по ролям, хоровое проговаривание, игра-драматизация, инсценировки сказок.

Технология использования народной сказки в логопедической работе с дошкольниками может быть представлена следующими этапами:

1. Подготовка к восприятию текста сказки: вступительное слово; беседа; рассмотрение иллюстраций; прослушивание музыкальных отрывков; экскурсия; уточнение значения некоторых слов; формирование эмоционального отношения к содержанию сказки с помощью оценочной лексики; осмысление сюжета народной сказки.

2. Этап первичного анализа: рассказывание и беседа по содержанию; обсуждение значения новых слов; раскрытие замысла; обращение внимания на национальные особенности и традиции: бытовые, языковые, культурные; побуждение детей к высказываниям по содержанию в форме подсказки слова или фразы, совместного пересказа, хорового проговаривания.

3. Этап углубленного анализа: уточнение слов, конкретизирующих представления об описываемых событиях, о месте и времени, слов, раскрывающих сущность повествования; воспроизведение основных эпизодов (отраженный пересказ, пересказ по сюжетным картинкам); анализ стилистического и структурного оформления текста.

4. Этап обобщения: оценка поведения персонажей, выражение своего отношения к ним; обобщение основной идеи при соотнесении ее с пословицами и поговорками; активизация в речи детей образных выражений; выделение жанровых признаков народного произведения (наличие вымысла, образный язык, обороты речи, поучительный смысл), композиция.

5. Творческий этап: пересказ по вопросам; пересказ по частям; совместная импровизация по отдельным эпизодам; пересказ по ролям; творческие театрализованные игры, драматизации, инсценировки.

Анализируя программное содержание по годам обучения как нормально развивающихся дошкольников, так и детей с нарушениями речи, необходимо отметить, что материал народной сказки изучается от простого к сложному. Дети знакомятся со сказками о животных, затем переходят к изучению взаимодействия людей, их отношений на примере сказочных персонажей.

Рассказывать сказку надо неоднократно. Особенно необходимы повторы для детей, эмоционально менее развитых. При первом прослушивании впечатления у детей с речевой патологией почти всегда быва-

ют неточны. В силу своих ограниченных психоречевых возможностей, даже несмотря на то, что они напряженно следят за сюжетом, все же эти дети многое упускают.

Для того чтобы этого не происходило, надо подготовить детей. Знакомя детей с содержанием народной сказки, целесообразно переработать и трансформировать его в приемлемые и понятные им формы. В сказочных сюжетах подбираются специальные ситуации, которые хорошо понятны такому ребенку и актуальны для него. Кроме того, в процессе этой работы необходимо соблюдать основные аспекты коррекционно-развивающего обучения: создание условий для обеспечения мотивационной стороны деятельности ребенка с максимальным использованием игр; развитие эмоционально-положительного общения с ребенком; развитие различных форм познавательной активности; создание основы для развития адекватного понимания и использования невербального поведения.

Каждое занятие должно содержать основную часть, посвященную работе с материалом народной сказки, вводную и заключительную части. Задача вводной части — сконцентрировать внимание детей, подготовить их к этой работе. В заключительной части необходимо снять излишнее эмоциональное возбуждение.

Итак, использование сюжетов народных сказок помогает развитию речевой активности детей (накоплению словарного запаса, развитию связной речи, автоматизации звуков). Также, в игры-инсценировки по мотивам народных сказок легко и органично включаются задания на формирование психофизической сферы детей с нарушениями речи: психогимнастика, релаксация, голосовые и дыхательные упражнения, задания на внимание, используемые в контексте содержания сказки.

Логопедические занятия по развитию лексико-грамматических средств языка и связной речи с использованием народных сказок проводятся в рамках определенных лексических тем. Например, при изучении темы «Деревья, кустарники» можно предложить детям чувашскую народную сказку «Почему сосна и ель вечно зеленые» — «*Чăрăшна хыр мĕншĕн яланах сĕмĕс*»; при изучении темы «Птицы» — сказку «Почему у иволги желтый наряд» — «*Саркайăк мĕншĕн сарă тĕслĕ*», «Сарыч и ворона» — «*Шаланкăпа ула курак*»; при прохождении темы «Домашние животные» — сказку «Как собака подружилась с человеком» — «*Йытă хайĕн тусне шырани*»), «Кот и воробей» — «*Кушак аçине çерси*», «Серебряное колечко» — «*Кĕмĕл сĕрĕ*». Содержание чувашской народной сказки для русскоязычных детей раскрывается на их родном языке.

Приведем план-конспект одного из проведенных занятий по обучению пересказу на материале чувашской народной сказки «Почему сосна и ель вечно зелёные» [3]:

1. *Словарная работа на основе наглядного материала:* стая, пронизывающий ветер, полынь, богатырь, птичка-невеличка, ветла, птаха, горемыка, разговаривают свысока, впала в отчаянье, ступать, сердобольная, можжевельник, раздеть донага.

2. *Беседа по содержанию сказки:*

Почему птицы начали сбиваться в стаи и заторопились в тёплые страны? (Очень рано наступила осень. Ещё и листья с деревьев не опали, а уже завернули сильные холода).

Почему змеи, ящерицы, всякие лесные зверушки залезли в свои норы и дупла? (Спасались от холода).

Смогла ли улететь со стаей маленькая птичка? Почему? (Нет, не смогла, потому что у нее было поранено крыло и она осталась одна в чистом поле на ветру).

Где сидела и горевала птичка? (Под кустиком полыни).

Что придумала птичка, чтобы не погибнуть, а перезимовать? («Поскачу-ка я в этот лес, может, деревья сжалятся надо мной и пустят на свои ветки перезимовать»).

Какое дерево встретила птичка первым на опушке леса? (Кудрявую красавицу-берёзу).

Что ответила береза птичке на ее просьбу перезимовать? («Веток у меня много, листьев ещё больше, мне за ними надо смотреть, до тебя ли тут!»).

Какое дерево встретила птичка вторым? (Развесистый дуб-великан).

Что ответил дуб птичке на ее просьбу перезимовать? («Если всех пускать на зиму, вы у меня ни одного жёлудя не оставите. Нет, нет, не пушу, иди своей дорогой»).

Какое дерево птичка увидела около речки, которое до самой воды уронило свои ветви? (Могучая ветла).

Что попросила ветлу птичка? («Добрая ветла, твои ветки густые, уютные, пусти меня прожить на них до весенних тёплых дней»).

Почему бедная пташка впала в отчаянье? (Никто её, горемыку, не пускает на зиму, все-то разговаривают свысока).

Кто заметил несчастную птицу в глубине леса? (Зелёная ель).

Почему ель назвали сердобольной?

Кто еще пожалел пташку и загоразживал ее от холодных северных ветров? (Старая сосна).

Кто еще принял участие в судьбе маленькой птички? (Росший между елью и сосной можжевельник).

Что пообещал можжевельник птичке зимой? («Буду кормить своими ягодами»).

Что спросил разбушевавшийся ветер у Мороза? («Батюшка-Мороз, со всех деревьев листья сорвать или на каких-то оставить?»).

Что ответил ветру Мороз? («С берёз, с вётел — со всех, что в листья одеты, срывай. А те деревья, что взяли под защиту маленькую пташку, не трогай, пусть они и зиму стоят зелёными»).

3. Динамическая пауза:

Ветер дует нам в лицо / Закачалось деревцо (вместе с ребенком имитируем дуновение ветра, качая туловище и помогая руками).

Ветер тише, тише, тише (присесть).

Деревцо все выше, выше (встать и вытянуть руки вверх).

Во дворе стоит сосна / К небу тянется она.

Тополь вырос рядом с ней / Быть он хочет подлинней (стоя на одной ноге, потягиваемся – руки вверх, потом то же, стоя на другой ноге).

Ветер сильный налетал / Все деревья раскачал (наклоны корпуса вперёд-назад).

Ветки гнутся взад-вперёд / Ветер их качает, гнёт (рывки руками перед грудью).

Будем вместе приседать / Раз, два, три, четыре, пять (приседания).

Мы размялись от души / И на место вновь спешим (дети идут на места).

4. Речевые игры и упражнения по содержанию текста:

Подбери признаки (не менее трех признаков): береза (какая?) — ... ель (какая?) — ...

Подбери действия: береза (что делает?) — лист (что делает?) — ...

Какая ветка?: у березы ветка — березовая, у ивы — ..., у дуба — ..., у ели — ..., у сосны — ..., у можжевельника — ...

Покажи и назови части дерева: корни, ствол, крона, ветка, лист.

Посчитай: одна береза, две..., три..., четыре..., пять...; один дуб, два..., три..., четыре..., пять...; одно дерево, два..., три..., четыре..., пять...

Скажи ласково: лист — листочек, сосна — ..., иголка — ..., береза — ..., ветка — ..., дерево — ..., можжевельник — ..., ель — ...

Один — много (множественное число): лист — листья, сосна — ..., иголка — ..., береза — ..., ветка — ..., дерево — ..., дуб — ..., ветла — ..., ствол — ...

Есть — нет (родительный падеж единственного числа): дуб — нет дуба, дерево — ..., иголка — ..., корень — ..., сосна — ..., ель — ..., лист — ..., хвоя — ..., ствол — ...

Также на примере содержания других двух чувашских народных сказок мы хотим показать, как реализуются приемы патриотического воспитания, формирования у детей с расстройствами речи национального самосознания и представлений о малой Родине параллельно с решением задач познавательного и речезыкового развития.

В чувашской народной сказке «Три солнца» повествуется о том, что было когда-то не одно, а три солнца. Все светила находились так близко от земли и горели столь ярко, что люди не знали, что такое холод, зима, снег и лед. Не было нужды заботиться о теплой одежде. Кругом росли удивительные деревья, которые кормили людей своими плодами. Но нашлись недовольные люди и стали говорить: «Жарко. Хотим, чтобы было не три, а одно солнце». Чувашаи пригласили лучшего охотника, и тот из лука убил одно, а потом и второе солнце. Третье солнце испугалось и убежало далеко-далеко на небо, где его не могла достать стрела. И тогда стало холодно, замерзли деревья и травы. От холода и голода стали умирать дети. Чувашские мудрецы-шурсукалы сказали: «Везде рисуйте три солнца: на земле, на домах, заборах и в вышивке на одежде. Увидит уцелевшее солнце эти знаки и поймет, что к людям вернулся рассудок, и они просят прощения, возьмет и приплывет к нам по ближе...».

В ходе аналитического разбора текста сказки в форме беседы дети знакомятся с причинно-следственными связями и отношениями сезонных изменений в природе, их последовательностью, причинами изменений живого в связи с изменениями внешней среды (похолодание, потепление), с приспособляемостью живого к изменениям в неживом мире в связи с вращением Земли вокруг Солнца и степенью его удаленности от него. Это развивает познавательный интерес у детей с нарушениями речи, их логическое мышление, формирует соответствующие представления об окружающем мире. Поскольку чувашские сказки предлагаются детям в русскоязычном переводе, активный словарь детей пополняется новыми словами: «в избытке», «белобородые», «противиться», «стремительно», «накликать», «воскресить», «взмолились», «рассудок».

Вместе с тем, благодаря ознакомлению с содержанием чувашской легенды дети узнают об особенностях государственных символов Чувашской Республики: гербе и флаге. На них изображены три восьмиконечные звезды, обозначающие три солнца. Они символизируют, что мы были, есть и будем (на чувашском языке это звучит как «пулна, пур, пулатпар»). На них также условно изображены дуб (древо жизни), символизирующий наследие мудрости, а также побеги, олицетворяющие детство и юность. Красный цвет солнц обозначает огонь, источник счастья и торжества, а желтый фон — это солнечное настроение, радость. Солн-

це является и ведущим символом в чувашской вышивке и представляется как «источник жизни». Его рукодельницы часто изображают с ногами, что обусловлено тем, что древние чуваша обожествляли эту звезду, что мы и видим в сказке, относили к живым существам. Таким образом, дети осознают, что к знаку солнца у чувашского народа особенное отношение и по сей день.

В ходе изучения чувашской народной сказки «Земля Улыпа» дети узнают, что так называли древние чуваша свой родной край. Улып (чуваш. Улӑп) — богатырь, обладающий невероятным ростом и недюжинной силой, фольклорный персонаж чувашских преданий и сказок. Улып отлично владеет луком. Курганы Чувашии по легенде образовались из земли, которую Улып вытряхивал из своих огромных лаптей.

Таким образом, народная сказка сегодня помогает возродить духовный опыт истории и культуры малой Родины в сознании дошкольников с ЗПР на занятиях по познавательного-речевому развитию.

Обогащение логопедической практики эффективными средствами работы с использованием народных сказок, помогает детям с нарушениями речи по внешней экспрессии понять поведение другого человека, ориентироваться в различных ситуациях общения, принимать правильные решения в конфликтных ситуациях, обобщать свой социальный опыт. Дети знакомятся с социокультурными нормами и ценностями, характерными конкретной нации, позволяющие дифференцировать одну культуру от другой, осознавать и принимать самобытность и неповторимость культурно-исторического склада общества. У детей с нарушениями речи формируется уважение к историко-культурному опыту своего народа, что имеет большое значение для успешной социальной адаптации и инкультурации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Велиева С. В., Семенова Т. Н.* Коррекция психических состояний и речи дошкольников с речевой патологией средствами этнических сказок // Теория и практика социальной работы: история и современность: сборник научных трудов / под общ. ред. Ю. А. Калинина, С. Г. Чудова. Барнаул, 2015. С. 73–78.
2. Книга для учителя школы слабослышащих: Обучение русскому языку, чтению, произношению / *К. Г. Коровин, И. М. Гилевич, Н. Ю. Донская* и др.; под ред. К. Г. Коровина. М.: Просвещение, 1995. 160 с.
3. *Николаева А. В., Семенова Т. Н.* Формирование навыков пересказывания у дошкольников с ОНР на материале русских и чувашских народных сказок // Культурологический подход в дошкольном и специальном образовании: психолого-педагогический аспект: сб. науч. ст. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, 2019. С. 320–325.

Описание функциональности издания

Интерфейс электронного издания (в формате pdf) условно разделен на 2 части.

Левая навигационная часть (закладки) включает в себя содержание сборника с возможностью перехода к тексту соответствующей статьи по левому щелчку компьютерной мыши.

Правая часть отображает содержание текущего раздела.

Минимальные системные требования

Celeron 1600 Mhz; 128 Мб RAM; Windows XP/7/8 и выше; 8x CDR0M; разрешение экрана 1024×768 или выше; программа для просмотра pdf.

Сведения о лицах, осуществлявших техническую обработку и подготовку материалов:

Оформление электронного издания: Издательский центр «Удмуртский университет».

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ. ПАМЯТИ УЧИТЕЛЕЙ: Аркадий Андреевич Тронин (1931–2016), Степан Парфёнович Зубарев (1911–1994), Михаил Андрианович Садаков (1916–1993)

Материалы II Всероссийской с международным участием
научной конференции
(Ижевск, 13 апреля 2021 г.)

Отв. ред. и сост.: В. В. Пузанов, Д. В. Репников
Компьютерная вёрстка и оригинал-макет: Д. В. Репников

Подписано к использованию 18.05.2021.
Объем электронного издания 13 Мб на 1 CD.
Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 4, каб. 207.
E-mail: editorial@udsu.ru Тел./факс: +7 (3412) 50-02-95
